

OCR

INFORMATION REPORT INFORMATION REPORT

CENTRAL INTELLIGENCE AGENCY

This material contains information affecting the National Defense of the United States within the meaning of the Espionage Laws, Title 18, U.S.C. Secs. 793 and 794, the transmission or revelation of which in any manner to an unauthorized person is prohibited by law.

C-O-N-F-I-D-E-N-T-I-A-L

50X1-HUM

COUNTRY	USSR	REPORT	
SUBJECT	Soviet Educational Publications	DATE DISTR.	2 August 1961
		NO. PAGES	1
		REFERENCES	RD
DATE OF INFO.			
PLACE & DATE ACQ.			50X1-HUM

THIS IS UNEVALUATED INFORMATION. SOURCE GRADINGS ARE DEFINITIVE. APPRAISAL OF CONTENT IS TENTATIVE.

Russkiy Yazyk - Stati i Issledovaniya (The Russian Language - Articles and Research), 461 pages, published in Moscow, 1960. This volume comprises teaching notes (uchenyye zapiski) No. 148 of the Moscow State Pedagogical Institute i/n V.I. Lenin and was generally edited by Prof. I G. Golanova; technical editor was A.L. Zak.

- 2. When removed from the covering report, the publication is UNCLASSIFIED.

--

50X1-HUM

40

C-O-N-F-I-D-E-N-T-I-A-L

STATE	X	ARMY	X	NAVY	X	AIR	X	NSA	X	OCR	X	NIC	X	
(Note: Washington distribution indicated by "X"; Field distribution by "#".)														

5
4
3
2
1

INFORMATION REPORT INFORMATION REPORT

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. И. ЛЕНИНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

РУССКИЙ ЯЗЫК
СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Под общей редакцией проф. *И. Г. Голанова*

МОСКВА — 1960 г.

72-1

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. И. ЛЕНИНА

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

РУССКИЙ ЯЗЫК
СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Под общей редакцией проф. *И. Г. Голанова*

МОСКВА — 1960 г.

Печатается по постановлению Ученого совета историко-филологического факультета и Редакционно-издательского совета Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Профессор *И. Г. Голанов*
Ответственный редактор

Профессор *Д. Н. Введенский*

Профессор *С. Е. Крючков*

Профессор *Н. Н. Прокопович*

Профессор *И. В. Устинов*

Доцент *К. И. Мишина*

Основное содержание «Ученых записок», подготовленных к печати членами кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина, состоит из двух разделов.

Первый раздел составляют статьи и исследования, освещающие вопросы современного русского литературного языка, а именно: вопросы живого слова и произношения, словосложения и синтаксиса (статьи о повторах, о структуре предложения, о типологии сложноподчиненных предложений и др.).

Во второй раздел включены статьи и исследования по историческому развитию русского языка, как его старшей поры, так и более позднего времени.

Ученые записки рассчитаны на преподавателей, аспирантов и студентов историко-филологических факультетов педагогических институтов и университетов, а также на учителей русского языка и литературы средних школ и педагогических училищ, интересующихся вопросами научной разработки русского языка.

Отзывы и предложения редколлегии просит направлять по адресу: Москва, Г-48, М. Пироговская, 1, Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, Историко-филологический факультет. Кафедра русского языка.

Редколлегия

И. Г. ГОЛАНОВ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РУССКОЙ ОРФОЭПИИ

I.

Русская орфоэпия есть совокупность правил литературного произношения, сложившегося исторически в процессе образования и развития русского национального языка. Самый термин «орфоэпия» существует и применительно к западно-европейским языкам (срв., например, нем. *Orthoepie*). Он создан из двух греческих корней, существующих в словах *orthós* — прямой, правильный и *épos* — слово, так что его можно было бы перевести: «правильное произношение слов», «правопроизношение». Но русский термин не прививается, хотя параллельный ему термин «правописание» не только соперничает с иноязычным «орфография», но даже и преобладает.

Некоторые понимают орфоэпию более узко, относя к ней только правила произношения звуков и расстановку ударения, от которой зависит и произношение звуков (особенно гласных); другие расширяют понятие орфоэпии до установления правил, относящихся к произношению любых грамматических форм (например, особенности склонения и спряжения), что менее правильно, чем первое понимание.

Общественное значение орфоэпии основано на том, что единообразие звукового оформления устной речи способствует более быстрому, легкому и точному языковому общению, а разноречием в произношении мешает этому, так как речь с отклонениями от орфоэпических норм затрудняет понимание; язык в таких случаях не может так хорошо выполнять свои функции важнейшего средства человеческого общения, так как люди задерживаются на внешней стороне речи и хуже, медленнее вникают в содержание.

II.

Нормы русской орфоэпии стали исторически складываться в процессе создания общенародного русского национального языка, т. е. примерно с XVII века. В XVIII в. много внимания уделяли вопросам русского произношения крупнейшие поэты и ученые, особенно М. В. Ломоносов; срв., например, его рассуждения о возможности двойного произношения «г» (как

смычного, так и щелевого) или о сложном характере согласного Щ (ШЧ) и т. д. В XIX веке, начиная с поэзии основоположника русского литературного языка А. С. Пушкина, создаются более или менее прочные нормы орфоэпии, которые дожили во многом и до наших дней, как основа общепринятого произношения, хотя и подвергнувшись известным изменениям в связи с развитием русского языка в советскую эпоху.

Несмотря на участие различных говоров в создании русского произношения, до сих пор ясна его московская диалектная основа, вследствие чего в нем преобладают среднерусские черты, т. е. закономерное соединение особенностей севернорусских говоров, на территории которых выросла старая Москва, и южнорусских, носители которых постоянно пополняли ее широкие слои трудящегося населения.

Некоторые ученые указывают на необходимость различать «полный» стиль — с отчетливым произношением всех звуков — и «разговорный» — с широким применением редукиции и даже с пропусками некоторых звуков. Но с педагогической точки зрения гораздо целесообразнее признавать основой русской орфоэпии «обычный» стиль — четкий, ясный, необходимый в средней и высшей школе, от которого могут быть отклонения как в сторону большей торжественности и официальности, так и в сторону большей простоты и повседневности.

III.

В дореволюционной русской школе вопросы об орфоэпии специально не ставились, так как все внимание учителей было обращено на орфографию, которая в прежнем ее виде представляла много затруднений для учащихся. Но передовые ученые и школьные преподаватели уже тогда считали необходимым наряду с правописанием заниматься и произношением. Так, на это указывал в 1917 году Д. Н. Ушаков в своей книге «Русское правописание» (с. 62): «В школе необходимо, наряду с обучением правописанию (орфографии), — что у нас есть везде, — также обучение и правопроизношению (орфоэпии), чего у нас, кажется, нигде нет; можно даже встретиться с таким мнением, будто наиболее правильно произносить так, как пишется».

После Великой Октябрьской социалистической революции, в связи с могучим ростом народного образования и школьного дела в нашей стране, а также вследствие обновления нашей интеллигенции рабочими и крестьянами, заполнившими школы для взрослых, рабфаки и вузы, вопрос о правильном литературном произношении приобрел большое значение и занял важное место в общей системе преподавания русского языка в школе всех типов. С тех пор интерес к орфоэпии стал усиливаться, и официальные программы школьных занятий по

родному языку настоятельно указывают на важность орфоэпии в школе. Так, например, программа Народного комиссариата по просвещению 1921 г. говорила: «Преподаватель родного языка с самых первых шагов обучения должен обратить внимание на так называемое литературное произношение. Наша школа, чуть не половину своего времени отдававшая правописанию (орфографии), совершенно оставляла без внимания правопроизношение (орфоэпию); это одно из печальных следствий того, что в школе почти совсем не изучали языка, смешивая письмо с языком и представляя себе язык только в костюме письма... Учитель, в особенности не обладающий по своему происхождению литературным московским произношением, должен быть знаком с этим произношением, усвоить его себе сам и наблюдать, чтобы не искажали его и учащиеся».

Научной разработке вопросов русской орфоэпии начало было положено профессором МГУ Д. Н. Ушаковым (1873—1942), который в 1928 г. напечатал статью: «Русская орфоэпия и ее задачи. О правильном произношении» (Сборник «Русская речь» под редакцией проф. Л. В. Щербы, новая серия, вып. III, 1928). В этой статье Д. Н. Ушаков в сжатой и доступной форме рассматривает вопросы правильного русского произношения, критикуя ненаучные взгляды специалистов по декламации, и анализирует главные положения русской орфоэпии (в количестве 25) в ее «старомосковских нормах».

Эту работу Д. Н. Ушакова можно назвать основой, на которой его учениками и продолжателями было развернуто широкое научное исследование вопросов русской орфоэпии и создание практических пособий. В 30—40-х годах появился ряд журнальных статей для выяснения «старого» и «нового» в нашем произношении, для продвижения орфоэпии в школу. Для широких слоев трудящихся главные правила русского произношения были изложены в соответствующих частях вступительной статьи к 4-х томному «Толковому словарю русского языка» (1934—1940), под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, а также во вступительной статье к однотомному «Словарю русского языка», составленному доктором филологических наук С. И. Ожеговым под общей редакцией акад. С. П. Обнорского (изд. 1-е вышло в 1949 г., изд. 3 — в 1953 г.). Здесь предлагается «придерживаться норм современного общерусского литературного произношения, которые выявились в советскую эпоху в процессе развития и совершенствования старых московских норм произношения» (разрядка моя, *И. Г.*).

Новейшим научным трудом в этой области является книга одного из ближайших учеников Д. Н. Ушакова — профессора МГУ, доктора филологических наук, члена-корр. Академии наук СССР (с июня 1958 г.) Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (Учпедгиз, М., 1950, стр. 160; изд. 2 —

1954 г., изд. 3 — 1958 г.). Здесь анализируются с исчерпывающей полнотой все детали русской орфоэпии и дается ряд текстов в фонетической транскрипции.

Наконец, необходимо указать пособие для постоянного использования учителями, студентами и всеми интересующимися живым словом: «Русское литературное ударение и произношение. Словарь-справочник», составили научные сотрудники Института русского языка Академии Наук СССР, под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова¹, Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, М., 1959, 709 стр., ц. 12 руб. Здесь, после указаний, как пользоваться словарем (с. 5—10), приводятся слова русского литературного языка с обозначением места ударения, а в некоторых случаях и с замечаниями об их произношении (с. 23—663); книгу завершают «Сведения о произношении и ударении» (с. 664—708), где излагается четкий и в то же время достаточно подробный свод правил русской орфоэпии с применением упрощенной фонетической транскрипции (в самом словаре указания на произношение даются средствами обычной русской орфографии).

Таковы главные этапы научной разработки вопросов русской орфоэпии (см. также библиографию в приложении).

IV.

Для суждения о живом произношении и его нормах как в процессе их исторического складывания, так и в наши дни очень важное значение имеет стиховая речь, так как ее ритм, обусловленный местом ударения в словах и создаваемый характером стопы, помогает решить вопрос о расстановке ударений в ту или иную эпоху. Срв., например, у А. С. Пушкина:

«Молчит музыка боевая»;

так произносили в XVIII — нач. XIX в. подчеркнутое слово с ударением на предпоследнем слоге.

Кроме ритма, очень интересным является свидетельство рифмы, т. е. созвучия в концах стихов, и притом именно живого, произносительного, а не буквенного, зрительного совпадения (хотя и это иногда встречается). Можно использовать указание рифмы, например, на характер произношения Г-смычного или щелевого — в эпоху Пушкина:

«...Из темного леса, навстречу ему,
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег».

¹ В дальнейшем будет применяться и сокращенное обозначение — АО

Созвучие концов двух последних строк указывает на оглушение Г в К, т. е. на его смычное произношение. В том же отрывке два подчеркнутые слова указывают на выпадение Т в группе согласных («непроизносимые согласные», по школьному названию). Срв. еще из стихов Пушкина:

«Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий,
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи»

(«Приятелю» — А. Пушкин. Сочинения (однотомник). Изд. 6, Гос. изд. 1930, стр. 335).

Из стихотворения «Осень» (там же, стр. 373):

«Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег...»

Пример из поэзии советской эпохи.

В. Маяковский в своем стихотворении 1925 г. «Порядочный гражданин» («Избранное», изд. «Молодая гвардия», 1951, стр. 192) рифмует елова, оканчивающиеся на Г и К, откуда видно смычное произношение Г и в новое время:

«Если глаз твой
врага не видит,
Пыл твой выпили
нэп и торг,
Если ты
отвык ненавидеть, —
Поезжай
сюда,
в Нью-Йорк».

V.

Основные положения русской орфоэпии

1. Наиболее яркой чертой русского литературного произношения является **аканье**, т. е. совпадение **О** и **А** после твердых согласных в одном а в первом предударном слоге (иначе — в 1-й позиции). В новейших приемах фонетической транскрипции для изображения этого гласного все больше и больше употребляется особый знак $\wedge$ (из международной транскрипции). Но едва ли в этом есть настоятельная необходимость, вполне возможно сохранить для обозначения **А** в 1-м предударном слоге старый обычный знак **а**, причем совпадения с ударным **а** не будет, так как это последнее изображается

со значком ударения, что и отличит его от **а** в 1-й безударной позиции.

С аканьем тесно связана **редукция** гласных **а** и **о** после твердых согласных во всех остальных безударных слогах (т. е. во 2-й позиции); наиболее употребительным обозначением такого редуцированного гласного среднего ряда среднего подъема (иначе — «среднего редуцированного»), за последнее время является буква **Ъ** (ер), хотя лет 30—40 тому назад бывали и другие обозначения.

Некоторые примеры: ¹ [вада́], [пашо́л], [самá]; [пѣдашлá], [пѣкажу]; [вѣдѣл], [скорѣ], [о́кѣль], [скáзънѣ].

Необходимо иметь в виду, что если гласный звук 2-го предударного слога оказывается «абсолютным началом» слова, т. е. начинает собою слово, а не следует за согласным (слог «неприкрытый», как его называют некоторые ученые), то редукция не происходит и в таком слоге звучит тот же гласный (на месте **а** и **о**), как и в 1-м предударном слоге: [аташлá], [акажу]; срв. с предыдущими примерами [пѣдашлá], [пѣкажу], где те же гласные не в абсолютном начале слова, а идут за согласным.

Следует указать также, что в 1-м предударном слоге может сохраняться **о** в словах односложных (как самостоятельных, так и служебных) без изменения в **а**, хотя они в таком положении почти теряют свое ударение: [он зна́л]; [што знал], то и рассказал; [но мы] рады и т. п. Если же такие слова оказываются во втором слоге перед ударением, то их гласные не редуцируются, а получают ударение, хотя и слабее, чем на следующем слове, и произносятся с **о** при слабом ударении: [о́н] не знал; [што́] имеем — не храним, потерявши — плачем; [но́] сказать не мог.

Отступления от изложенной системы литературного аканья, называемого некоторыми «умеренным», возможны в двух направлениях:

а) Или в сторону иных типов аканья, например — **сильного**, т. е. произношением **а** на месте **а** и **о** во всех безударных слогах — на Кубани, на Северном Кавказе, по границам с говорами украинского языка [халадна́ вада́], [падайдѣ́], [вóран], [пóрах], а также **диссимилятивного**, т. е. с произношением среднего редуцированного гласного или **Ы** в слоге перед ударяемым **а** — в Смоленской, Калужской, Брянской областях и в прилегающих частях соседних областей: [сѣма́] или [сыма́], [бѣръда́], [скѣза́л]; [гѣланѣв, дайт'ь мн'ѣ, пѣжалѣста, латѣнскѣ j у грѣмáтику] — так в школьные годы говорил автору этих строк сосед-гимназист, сын уроженки Смоленска.

¹ Здесь и дальше в *квадратные скобки* ставятся, как принято, слова или их части в фонетической транскрипции.

б) Или в сторону **оканья** во всех его типах, начиная от полного (архаического), например, в Поморской группе, во всех безударных слогах [хорош^о, холодн^о, молот^ок, гор^од, в^орон] и т. п. и кончая Владимирско-Поволжской группой с заменой **а** и **о** во II позиции редуцированным гласным среднего ряда среднего подъема [Ъ] и сохранением **о** только в 1-м предударном слоге.

2. Произношение гласного переднего ряда верхне-среднего подъема **Эи** после смягченных согласных в соответствии с орфографическими **е, я** в 1-м предударном слоге (иначе в 1-й позиции) и редукция — появление гласного неполного образования переднего ряда верхне-среднего подъема («переднего редуцированного», обозначаемого буквой **Ь** в транскрипции) — в остальных безударных слогах (т. е. во 2-й позиции):

^и [с'ьр'э бр^о], ^и [в'э др^о], ^и [м'э сн^ой], ^и [т'э ну]; [п'ьтач'о^к], [в^ос'ьм'].

3. Наличие редуцированного гласного в некоторых односложных служебных словах (союзах и частицах) даже в положении непосредственно перед ударяемым слогом, т. е. произношение как бы в отступление от двух предыдущих правил (1 и 2): [х'ьт''] видит око, [д'ь] зуб неймет; однажды лебедь, рак [д'ь] шука; [к'ьл''] хочешь; [в'ьт''] так — ведь так.

4. После отвердевших шипящих **Ж, Ш** и мягких **Ч, Щ (Ш'Ш')** в произношении **а** в 1-м предударном слоге (иначе в 1-й позиции) нет полного единства; по старомосковской нор-

ме после **Ж** и **Ш** в этом положении произносится **Э**, независимо от твердости или мягкости следующего согласного:

^ы [жэ р^а], ^ы [шэ г^ал], ^ы [шэ лун); [п'ь жэ р'э] ^ы [шэ г'и], ^ы [шэ л'ит']

^ы [жэ л'эт']. Но сейчас все чаще слышится **а** в 1-м предударном, если дальше следует твердый согласный: [жар^а], наряду с вы-

^ы шеуказанным [жэ р^а], [жарк^онь], [шал^аш]; тем более в словах иноязычного происхождения: [шабл^он], [шант^аш].

Перед мягкими согласными рекомендуется произносить не ^ы **а**, но ^ы **э** : только [шэ л'ит'], [жэ л'эт'] и т. п. Однако в фамилиях допускается **а** как перед твердыми, так и перед мягкими: [Ушак^оф], [Шал'ап'ин].

Примечание: Но знаменитый актер Московского Малого Театра Пров Михайлович Садовский произносил «Шэ л'а-п'ин». (Грамзапись в передаче по радио, веч. 26. XI. 54 г.).

Два других шипящих согласных **Ч** и **Щ (Ш'Ш')**, как сохранившие свою мягкость, допускают только **Э** после себя, но

никак не а: [ч'э с^иы], [ч'э сн^иок], [ш'э с'л'йф]; произношение с а в таком положении является нарушением орфоэпической нормы.

Во всех остальных безударных слогах (т. е. во 2-й позиции) на месте а и е произносятся редуцированные гласные: после твердых Ж, Ш-Ь, а после мягких Ч и Ш'Ш'-Ь: [ш'ълун'йшкь), [ж'ъркав'атъ], [ч'ьснак'ом], [ш'ш'ьгал'ат'].

В соответствии с орфографическим е как после твердых шипящих Ж, Ш, так и после мягких Ч, Щ — а не произносится (это было бы диалектизмом): здесь и по старомосковской норме, и по новой допускается только э, приближающееся к ы

(после твердых шипящих) или к и (после мягких): [жэ н^ыы], [жэ н'э], [ш'ш'э к^иа], [ш'ш'э к'э].

В абсолютном начале слова (т. е. не после согласных) безударные а, о даже во второй позиции редукции не подвергаются, а произносятся почти как обычное а в 1-м предударном: [атам'ан], [атайд'и], [атскач'йт'], срв. [п'ътскач'й]; [агран'ом], но [с'ьгран'омьм]; [афт'ьмаб'ил'], но [в'ьфт'ьмаб'ил']; срв. замечание в п. 1.

Редукция в этом положении [ьтопр'й] или произношение у [утопр'й] — севернорусский диалектизм.

5. Начальное э в словах чисто русских произносится только в указательных местоимениях **этот, экий, этакий**, в наречии **этак**, в междометиях **эй, эх, эва**, т. е. лишь под ударением. Но в словах иноязычного происхождения начальное э встречается довольно часто не только под ударением — эллипсис, эхо, этика и т. п., но и без ударения. В последнем случае э как в 1-м предударном, так и во 2-м предударном редукции, как правило, не подвергается, а произносится обычно очень близко к э ударному: экватор, экзамен, экскаватор, этажерка, энциклопедия и т. п.; впрочем, в словах последнего типа, т. е. с гласным э во 2-м предударном слоге, в наши дни все чаще наблюдается редукция — с приближением к и, что вызывает орфографические ошибки учеников.

6. Начальное и (Ира, ива, истина, итог, июль и т. п.) после твердых согласных предшествующего слова переходит в ы, что в обычной орфографии не отражается, но в фонетической транскрипции обозначается через ы [кы'р'ь], [кыв'ану], [аты'вы], [кыс'тин'ь], [выт'ог'ь], [сы'јул'ь] и т. д. Орфография передает это явление в глаголах с приставками: сыскать, обыграть, подытожить и т. п., а также в приставочных существительных, прилагательных и глаголах как исконно русского происхождения, напр., **безыскусственность, безыскусственный, безымянный, предыдущий** и т. п., так и в приставочных

словах с иноязычными корнями, напр., безыдейность, безыдейный, безынициативный, предыстория, сымпровизировать и т. п. Срв. «Правила русской орфографии и пунктуации», М. 1956 г., § 7.

7. Звонкие согласные в конце слова (перед паузой, а также перед гласными, сонорными, в и j) чередуются с глухими, «оглушаются»: сады — са[т], везу — вѣ[с], бобы — бо[п], ножи — но[ш], са[т] наш, горо[т] ваш, во[с] упал, дру[к] остался и т. п.

Уроженцы Украины, говоря по-русски, часто сохраняют звонкие без оглушения, как в родном украинском языке. В некоторых русских говорах, соседящих с говорами украинского и белорусского языков, например, в Новозыбковском районе Брянской области, тоже встречаются конечные звонкие согласные без оглушения, особенно перед сонорными, а также перед в и j. В недавнее время нашими диалектологами обнаружены отдельные островки с таким произношением звонких согласных, не теряющих свою звонкость, даже в самых старинных русских местностях, например, в Костромской и Ивановской областях.

8. Г в литературном произношении — смычный заднеязычный согласный; в конце слов (перед паузой, а также перед гласными, согласными сонорными, в и j) он оглушается в к: сапоги — сапо[к], на лугу — лу[к], друга — дру[к], дру[к] ваш, дру[к] [jэ]сть у меня (Срв. выше о рифмах у Пушкина и Маяковского). Уроженцы южнорусских областей произносят заднеязычный щелевой (в транскрипции изображается греческой буквой γ — гамма), который соответственно оглушается в х: два дру́га — дру[x], дру[x] мой, дру[x] ваш; можно сказать, что произношение γ не так заметно, как, например, оканье, однако оно все же не является орфоэпическим. На этом основании у поэтов уроженцев областей с южнорусскими говорами возможно встретить рифмы не только с конечными Г—К, но и с конечными Г—Х. Например, у А. Твардовского («Фронт» — Глава из книги «За далью даль» — «Правда» 23 февраля 1958 г. № 54) читаем:

«Все ближе, ближе постепенно
К сужденьям тем склоняли слух
И наш профессор, и военный
Моряк, и врач, и все вокруг...»

Впрочем, у него же вполне употребительны рифмы Г—К, например, дорог — на восток, вдруг — из рук и т. п. Их много, например, в поэме «Василий Теркин» и в «Избранной лирике», Детгиз, 1958, с. 36, 41, 88, 125, 127, 132, 138 и др., что свидетельствует о преобладании литературной нормы у поэта, который в своей автобиографии говорит, что родился он «в Смоленщине» (там же, с. 3).

Можно заметить, что и в литературном русском произношении, наряду с г смычным, встречается и г щелевой в некоторых словах, например: бога, богатый, благость, благодать, благодарить; однако количество подобных слов и раньше было невелико, теперь же оно у подавляющего большинства «стремится к нулю». Вместе с тем следует добавить, что уроженцы Украины и Белоруссии, а также местностей РСФСР, граничных с ними, очень часто сохраняют в своем произношении особый тип щелевого согласного — не заднеязычный, а фрингальный звук, т. е. образующийся в зеве (в транскрипции h — с крючком наверху). Впрочем отвыкнуть от него даже легче, чем от южнорусского щелевого

9. В группах из двух или нескольких согласных твердые обычно смягчаются перед следующими мягкими. Однако это смягчение проявляют не все согласные: здесь имеет значение их различие по месту образования, а также характер следующего, т. е. мягкого, согласного. Вообще же это явление идет на убыль, особенно на стыке приставок с корнем; но в старомосковском произношении оно было довольно распространено. Лучше других сохраняют мягкость в подобных случаях переднеязычные (зубные), в меньшей степени — губные. В целом же можно указать такие закономерности:

а) Зубные, особенно **З, С**, смягчаются перед мягкими зубными: [жэс'л'и], [жэ с'н'эи], [п'эс'н'ь], [жыз'н'и], боле[з'н'енный];
впрочем р чаще остается без смягчения (черта эта отмечена

акад. А. А. Шахматовым еще в 1908—1909 гг.): [в'э рн'и],
[ч'э рн'эи].

б) Зубные перед мягкими губными обычно смягчаются: [д'в'эр'], [с'в'ист], [з'в'эр']; [с'п'ина], [с'п'ич] — мягкость начального с в последних двух словах отмечена и в новом «Словаре-справочнике» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, как и в словах [с'м'эрт'], [с'м'эх], страто[с'ф'эра]; но очень часто в этом положении зубные становятся твердыми, особенно р: рви, спи — без смягчения начальных согласных (АО — нет этих примеров); рвение (АО — без пометы о мягкости р).

в) Губные перед губными и заднеязычными теперь произносятся без смягчения: [в]бежать, ла[ф]ки, о[б]вить (АО — без пометы о мягкости).

Примечания к п. 9.

1) В школьной практике это налагает на учителя обязанность исправлять ученические ошибки вроде следующих: пужырчатый, не горьбись, скорьбью и т. п.

2) Возможна и полумягкость согласных в этих положениях (в фонетической транскрипции изображается точкой над буквой).

10. Мягкие губные на конце слов, сохраняют свою мягкость: кро[ф'], морко[ф'], ста[ф'], сы[п'], цэ[п'], се[м']; здесь смысловоразличительная (фонологическая) роль смягчения очень важна: ср. гото[ф'] — пов. накл., но гото[ф] — им. пад. ед. ч. краткого прилагательного мужского рода; поста[ф'] — пов. накл., но поста[ф] — имя существительное в им. пад. ед. ч.; в се[м'] — в 7 (например, часов), но все [м] — дат. пад. мн. ч. от местоимения весь.

11. Согласные перед *ј* [и] сохраняют исконную мягкость, причем губные реже, чем зубные: [б'ју], [п'ју], у молодежи чаще — [бју], [пју] — без смягчения; [л'ју], [друз'ја], [п'эр'иь] — только со смягчением решительно у всех.

12. Перед гласными переднего ряда [И, Э] все согласные, кроме Ж, Ш, Ц, произносятся мягко. Лишь в некоторых словах иноязычного происхождения, например [тэз'ис], [тэмбр], [тэмп], согласные произносятся твердо, хотя в других иноязычных словах наблюдается уже несомненная мягкость: [т'эмь], [т'эмп'ратурь].

13. Перед словами с начальным э (как исконно русскими, так и иноязычного происхождения, ср. выше, п. 5) конечный твердый согласный предыдущего слова не смягчается: вот этот, в этъм, к этому; к эксперту.

14. Согласные ж и ш (недолгие) всегда являются твердыми, в чем орфоэпия расходится с орфографией, так как по традиции пишется жи, ши.

Согласный Ц тоже произносится твердо, хотя пишется не только **ЦЫ** (в окончаниях и суффиксах, а также в ряде отдельных слов), но и **ЦИ** (в словах иноязычного происхождения: лекция, диссертация, цирк и т. п.); уроженцы Украины часто произносят в таких случаях Ц мягкое: не лек[цыиь], а лек[ц'ииь] и т. п., что признать орфоэпическим нельзя.

Следует предостеречь от встречающегося в наши дни «манерного» произношения «долгого» Ц (т. е. аффрикаты с долгой смычной частью) в словах на -ация: организа[ц]ия, механиз[ц]ия и т. п.

15. Ш произносится как долгое мягкое Ш — Ш'Ш': [ш'ш'у]ка, [иш'ш'у], пи[ш'ш'а]ть. Новые нормы, признаваемые Академической грамматикой наряду с указанным старомосковским произношением, рекомендуют в этом положении сложное сочетание ШЧ, что едва ли целесообразно, так как это диалектизм севернорусского происхождения (у многих ленинградцев)¹. Диалектное произношение ШЧ, как и его

¹ Ср. замечание о том, что Ш = ШЧ, — в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова, изд. 1755 г. («Наставление второе» § 85).

звонкой пораллели **ЖДЖ**, записано и членами диалектологической экспедиции МГПИ им. В. И. Ленина.

Соответственно наблюдается звонкое произношение ж'ж' на месте различных орфографических сочетаний: жж различного происхождения, зж (уезжать и т. п.), жд (но не в словах старославянского происхождения, а немногих чисто русских): [вбж'ж'и], уе[ж'ж'а]ть, до[ж'ж'ик], до[ж'ж'э и вбi], но хо[жд'э]ние, блу[жда]ния и т. п. Срв. [даж'ж'и] в передаваемых по радио сводках погоды.

Новая норма Академической грамматики (см. в списке пособий) **ЖЖ** (**Ж** долгое твердое) едва ли может быть принята, особенно при сокращении **Ж** — уе[жж]ать, [пбжж] — позже, как и книжное (буквенное) произношение, до[жд'ик], до[жд'] и т. п. Впрочем, с «книжным» произношением скорее можно примириться, так как оно соответствует правописанию и может предостеречь от орфографических ошибок, чего нельзя сказать о произношении с **Ж** недолгим.

Следует предостеречь от неправильного произношения **ЖЖ** там, где должно быть **ЖД**: [пждаж'ж'и] вместо [пждажд'и] от старого корня — **ЖЬД**-, или еще [пр'эжж'ь] вместо [пр'эжд'ь], где **ЖД**- старославянского происхождения; срв. древнерусское переже и современное опережать.

Необходимо заметить, что на стыке слов или морфем **Ш** и **Ж** долгие (получающиеся в результате уподобления) являются твердыми и по старомосковской норме: [жжарьм] = с жаром, [шшыбл'и] = сшибли, [жжыз'н'иу] = с жизнью, [ишшьлаша] = из шалаша и т. п.

16. Группа **ЧН** во многих словах (преимущественно бытового характера) упрощается в **ШН** с твердым **Ш**: було[шн]ая, моло[шн]ая, праче[шн]ая; ску[шн]о, коне[шн]о; городо[шн]ица, городо[шн]ый — последние 3 слова так теперь предлагается и писать и печатать (см. «Орфографический словарь русского языка» Института языкознания АН СССР, М., 1956, стр. 197). Срв. также выражение «бывалошное время» (= старинное время) в романе Л. Леонова «Русский лес» (изд. 1954 г., гл. I, с. 13); это выражение происходит от диалектного слова «бывалча» (= бывало, когда-то). Срв. еще в фамилиях: Калашников, Свешников, Шапошников и т. п., а также в названии одного из московских переулков — Калашный (между Арбатской площадью и ул. Герцена).

Но в словах книжной речи сохраняется близость к орфографии: моло[ч'н]ая диета (тем более — Мле[ч'н]ый Путь, коне[ч'н]ая цель). Есть и слова, допускающие двойное произношение: кори[ч'н]евый и кори[шн]евый, гре[ч'н]евая каша и гре[шн]евая каша; впрочем в «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова в обоих словах указывается на произношение **ШН**. В «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым под редакцией акад. С. П. Об-

норского, уже только слово **коричневый** рекомендуется произносить через **ШН**; при слове **гречневый** никакой произносительной пометы нет.

В новейшем «Словаре-справочнике» под редакцией проф. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова подобные слова можно встретить в трех типах:

1. безо всяких помет о произношении **ШН**, откуда можно сделать вывод, что произносится, как и пишется, **ЧН**, например: уборочный, кулачный, закадычный (а в спектакле «Забытый друг» это слово с **ШН**); раздаточный, обмоточный и т. п.;

2. при некоторых словах в скобках замечается: «допустимо **ШН**», что указывает на возможность двоякого произношения; таковы, например, слова: булочная (и производные), булавочный, пряничный, молочный, калачный (но в поговорке — «с суконным рылом в калачный ряд» — только **ШН**), будочник; лавочник, -ница, -ный; стрелочник;

3. некоторые слова даны с пометой **ШН** безо всяких оговорок, откуда можно заключить, что произносить их следует только с сочетанием **ШН** в отличие от орфографического **ЧН**, например, горчичник, горчичница, горчичный, прачечная (в старом Петербурге в 1913-1914 гг. автору приходилось видеть **ШН** на вывесках — прачешная!); нарочно [шн], но нарочный (и нарочный) даны без примечаний и, следовательно, произносятся с **ЧН**; скворечник, скворечница, скворечный даны с пометой [шн], как и скворечня[шн], род. мн.-чен[шен], сердечный («ласковое обращение») — друг сердечный [шн]; срв. радиокomпозицию по повести Горького «Мать» — вечером 3.IV.58 г.: «Все вы, сердце[шн]ые мои!» (в исполнении арт. Алексеевой). В некоторых случаях, как уже указано, **ШН** закреплено и орфографией; и в **АО** так и дается: городошник, городошница, городошный — безо всяких помет.

Интересны материалы пушкинских рифм, указывающие на «двоякость» произношения в некоторых словах:

«По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит».
(«Зимняя дорога», 1826 г.)

«Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных..»
(Из романа «Евгений Онегин»).

Впрочем, акад. С. П. Обнорский полагает, что трудно судить с определенностью о произношении в языке Пушкина сочетания **ЧН**. «Эта произносительная система Пушкина, — пишет акад. С. П. Обнорский, раздвоилась, испытав воздей-

ствии со стороны живой окружающей народной среды». (Труды юбилейной научной сессии Ленинградского государственного ордена Ленина Университета (1819—1944). Ленинград, 1946, с. 96—97).

Единичное слово **что** (с однокоренными) в литературном языке произносится как **што**, но с отрицанием в местоимении **ничто** сохраняется **Ч**, тем более в производных существительном, прилагательном и глаголе: ничтожество, ничтожный, уничтожить.

17. Заднеязычные **Г, К, Х 1)** в им. пад. ед. ч. прилагательных мужского рода — тонкий, упругий, ветхий и 2) во всех формах глаголов на -кивать, -гивать, -хивать по старомосковской норме произносятся твердо: тон[кѣи], упру[гѣи], вет[хѣи] и т. п., посту[кѣ]вать, вздра[гѣ]вать, потря[хѣ]вать и т. п.

Ср. рифмы у А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова:

«Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекои,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!»

(Однотомник «Сочинения» А. С. Пушкина, изд. 6, Гос. изд-во М. — Л. 1930, с. 283 — так и напечатано). Ср. текстологические заметки в статье тов. Петушкова — «Звезда», 1956, № 10.

Еще из пушкинских рифм — «Евгений Онегин», гл. II, строфа 6:

«...Владимир Ленской
С душою прямо геттингенской...»
«Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?»

(Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. Изд. Академии наук), СПб, 1910, т. II, с. 16 (так и напечатано).

Но в наши дни, конечно, большинство произносит **кий** в том же слове в заглавии романа В. Катаева «Белеет парус одинокий». (Возможно, что учителю в классе придется столкнуться с вопросами учеников по этому поводу).

Рифмы Маяковского тоже указывают на «новое» произношение **кий** (под влиянием письма):

«И снова /ветер/ свежий, крепкий
Валы революции поднял в пене.
Литейный /залили/ блузы и кепки.
«Ленин с нами! Да здравствует Ленин!».

(Из поэмы «В. И. Ленин». В. Маяковский. Избранное, с. 375).

Впрочем, даже у современных поэтов возможны колебания и применение той и другой рифмы в одном и том же произведении. Так у А. Твардовского в главе из книги «За далью даль» («Правда» 23 февраля 1958 г. № 54):

«На пафос тот, отчасти зверский,
Он отвечал — уму учил —
С улыбкой мягко-министерской...»

и там же:

«И, дескать, несколько неловкий,
По меньшей мере этот спор,
При современной обстановке
Он лишь несет в ряды раздор».

То же наблюдается и в поэме «Василий Теркин»:

«Позабывтый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной Смоленской
Грустный памятный мотив»
(А. Твардовский, Избранное. М. 1957, с. 351).

Но срв. там же, с. 359:

«И сидят они по-братски
За столом плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо».

«Словарь-справочник» под редакцией проф. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова допускает произношение «как с мягкими, так и с твердыми согласными» (§ 148, стр. 697), с чем следует согласиться, признавая и новое произношение, наряду со «старомосковским». На сцене, как оперной, так и драматической, считается обязательным твердое произношение согласных в этом случае; срв., например, в исполнении народным артистом М. Д. Михайловым арии Ивана Сусанина; «Мой горь[кѣ] час, мой смертный час...»; у нар. арт. М. П. Максак-овой — «дуб выс[кѣ]»; в хоровом исполнении (по радио веч.

21. II. 59 г.) песни Исаковского: «Урожай наш, урожай, урожай [выс[кѣ]».

Новая норма произношения допускает произношение этих звуков как мягких.

18. Возвратная частица **СЯ** по старомосковской норме произносится с твердым **С** (кроме положения после ударного гласного в деепричастии, например [ба́яс'] = боясь); но многие уже давно произносят здесь **С** мягкое, что поддерживается книгой и южнорусским диалектным произношением.

Старые рифмы указывают на **С** твердое, как, впрочем, часто и у современных поэтов. Вот несколько примеров.

А. С. Пушкин — из стихотворения 1820 г. «Редает облаков летучая гряда»:

«Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис.»
(Однотомник, изд. 1930 г., стр. 273).

Впрочем, у него же можно отметить и другой тип рифм, например, в стихотворении 1822 г. «Песнь о вещем Олеге»:

«Из мертвой главы гробовая змия (так! И. Г.)
Шипя между тем выползала;
Как черная лента вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь»
(Однотомник, изд. 1930 г., стр. 283).

И по отношению к этой черте акад. С. П. Обнорский в только что упомянутой статье (с. 97) высказывает известное сомнение: «Весь этот материал приходится считать случайным и во всяком случае не дающим оснований к предположению о твердом произношении в языке Пушкина согласного возвратной частицы».

В. Маяковский — из поэмы «Хорошо!»:

Чтоб из книги
через радость глаз,
от свидетеля
счастливого, —
в мускулы
усталые лилась
строящая и бунтующая сила»

(«Избранное», стр. 407)

Еще у него же — «Сергею Есенину»

«Марш!

Чтоб время /сзади/ ядрами рвалось¹
К, старым дням /чтоб ветром/ относило
Только путаницу волос».

(«Избранное», стр. 209)

А. Твардовский — радиопостановка «Василий Теркин»
7. XI. 54 г.:

«Из-за тысячи колёс
«По машинам!» — разнеслось.

Впрочем, Д. Н. Орлов прочитал, как напечатано, и нарушил рифму.

¹ В газете «Московский большевик» 1 января 1948 г. № 1 так и напечатано, как рифмуется — «рвалос» (возможна и опечатка?).

Срв. еще у недавно скончавшегося поэта Вл. Луговского:

«У них (у новоселов. *И. Г.*) встающий город
Растет в глубинах глаз,
Ведь каждая страница
С лопаты поднялась
И каждая история с чего-то началась».

(«Знамя» 1956, № 9, с. 5)

19. Следует указать произношение некоторых грамматических форм, например: 1) в род. пад. ед. ч. прилагательных мужского и среднего рода **в** на месте орфографического **г**: стар[ъвъ], добр[ъвъ], а также местоимений, порядковых числительных и причастий: втор[овъ], [ѣтъвъ], читающ[ъвъ], спасѣнн[ъвъ] и т. д. (следует заметить, что в этих случаях школьники долго читают, произнося **г**, а не **в**); 2) окончание 3-го лица мн. числа настоящего времени глаголов II спряжения — **ат**, **-ят** без ударения испытывает влияние окончания той же формы в I спряжении **-ут**, **-ют**, однако не доходит до полного совпадения с ним, а произносится с редукцией и некоторым приближением к окончанию I спряжения. Впрочем, и произношение **-ут**, **-ют** в подобных случаях довольно часто встречается у старых москвичей.

20. Некоторые слова иноязычного происхождения произносятся, не вполне подчиняясь закономерностям русской фонетики в двух отношениях, а именно: 1) сохраняют твердость согласных перед орфографическим **е**: [тѣ]зис, экс[тѣ]рн, ин[тѣн]-сивно, [тѣ]мп, но [т'ѣ]ма, [т'ѣмп']ература, ин[т'ѣ]ресно, [т'ѣкст], [т'ѣх]ника, как более «обруселые», и 2) сохраняют предударное **о** без изменения в **а**: [поѣ]зия, [сонѣт], хотя многие уже говорят [сан'ѣт], [паѣ]зия. Собственные имена (ср. Гѣте, Вольтер, Золя и т. п.), как правило, удерживают некоторые черты произношения того языка, откуда они пришли.

VI

Отступления от общепринятых орфоэпических норм объясняются чаще всего двумя причинами: 1) сильным воздействием местного диалекта (например, оканье, щелевое произношение **г**, отсутствие редукции гласных во 2-й позиции и т. п.), срв. выше (п. 1, 5, 8 и др.) и 2) чрезмерным стремлением произносить так, как написано (например, **г** в окончании род. пад. ед. ч. местоимений, прилагательных и числительных: ничего, всего, доброго, синего, пятого и т. п.; произношение **ч** в слове «что», отсутствие редукции в некоторых служебных словах — **коль**, **хоть**, соединительном союзе **да** и т. п.). Но в ряде положений орфоэпии сближение устной речи с письменной в настоящее время считается прогрессивной тенденцией, как и устранение слишком тонких и дробных орфоэпических правил.

Кроме отступлений от орфоэпических норм в обычной речи, учителю необходимо бороться с общей «неряшливостью» произношения школьников, недоговариванием звуков и слов, как, например, в таких случаях: [ш'ш'а] вместо сейчас, [пиис'át] вместо пятьдесят, пропуск мягкого д [схóит'ь] вм. сходите (то же самое), [вó'ш'ш'ьм] — в общем, [óч'х'рашó] — очень хорошо и т. д.; срв. произношение фразы у одного школьника (17.X.54 г. в магазине «Союзпечать»): [ш'ш'áмаја приду] (без всяких пауз) = сейчас, мама, я приду; [пашл'й ш'ш'á] несколько молодых людей 26.X.55 г.; [ш'ш'а падám] — (молодой человек в магазине 11.VI.58 г.).

Еще примеры неправильностей произношения: [застáу] — заставка (пов. накл.), тэкст, библиотэка (в произношении старого ученого). Иногда слышится и такое совершенно недопустимое «звуковое оформление»: [скýйт'ь] — скажите, [здрас'ти] — здравствуйте; [п'с'а'т п'át'] — пятьдесят пять.

Учитель русского языка должен вести решительную борьбу с такими неправильностями произношения и с общей неряшливостью речи.

* * *

Выполнение орфоэпических правил необходимо школьному и вузовскому преподавателю по любой специальности, в особенности же языковеду, который должен быть «застрельщиком» в борьбе всего педагогического коллектива за правильное литературное произношение. Да и всем остальным педагогам нельзя оставаться в стороне от этого важного дела. И представителям других форм труда, например, врачам, агрономам, зоотехникам, инженерам, механикам и т. д., следует держаться норм литературной речи, так как ею приходится пользоваться в наши дни весьма широко. А писателя или работника театра, эстрады, радио вообще невозможно мыслить без хорошо усвоенных положений орфоэпии: они несут живое русское слово по всей Советской стране. И с них даже стоит брать пример студентам при изучении правильного произношения, наблюдая по радио и записывая выступления мастеров живого слова.

ПОСОБИЯ ПО ОРФОЭПИИ

1. Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. Академия Наук СССР, Институт языкознания. Изд. АН СССР, М. 1952, стр. 49—50 и след.
2. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Изд. 3, М. 1958.
3. Р. И. Аванесов. Ударение в современном русском литературном языке. М. 1955.
4. Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М. 1956 (здесь повторена и предшествующая работа).
5. С. И. Бернштейн. О методологическом значении фонетического изучения рифм. К вопросу о пушкинской орфоэпии. — Сборник «Пушкин», 1923.

6. И. Я. Блинов. О русской речевой интонации. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, т. 89. Кафедра русского языка, вып. 6, под редакцией И. Г. Голанова, М. 1956, с. 3—13.
7. И. Я. Блинов. Выразительное слово учителя-словесника. «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. 119. «Наш опыт» под редакцией И. В. Устинова, М. 1958, с. 187—213.
8. Г. О. Винокур. Русское сценическое произношение. С вступительной статьей В. А. Филиппова, М. ВТО, 1948, 84 стр.
9. Вопросы культуры речи, 1. Изд. Академии наук СССР, под ред. С. И. Ожегова, М. 1955.
(Три статьи: 1) С. И. Ожегов. «Очередные вопросы культуры речи», с. 5—33; 2) И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров. «О сценическом произношении в Московских театрах», с. 143—171; 3) А. А. Реформатский. «Речь и музыка в пении», с. 172—199).
10. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология, М. 1957, с. 148—160.
11. А. Н. Гвоздев. Сборник упражнений по современному русскому языку. Изд. 3, М. 1953 г., с. 58—67 (перепечатаны соответствующие §§ из словарей — см. ниже).
12. А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. 1. М., 1958, с. 64—75.
13. Р. Р. Гельгардт. К вопросу об орфоэпической норме в русском литературном языке. «Русский язык в школе», 1946, № 56 (с. 21—29).
14. И. Г. Голанов. Методические указания к программе по курсу «Современный русский язык», ч. 1. Учпедгиз, М., 1955 (разделы III и IV).
15. Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. Изд. АН СССР, 1947.
16. В. А. Малаховский. Фонетический анализ стиха как средство развития орфоэпических навыков — «Русский язык в школе», 1947, № 3, (с. 23—26).
- 16а. М. И. Матусевич. Русское литературное произношение. Л. 1953, 28 с.
- 16б. А. В. Миртов. Ударение в русском языке. Ташкент, 1938, 40 с.
17. С. П. Обнорский. Сочетание ЧН в русском языке. «Труды Комиссии по русскому языку Академии Наук СССР», т. 1, 1931.
18. С. П. Обнорский. Правильности и неправильности современного русского литературного языка. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка». Т. III, 1944, вып. 6.
19. С. П. Обнорский. Пушкин и нормы русского литературного языка. «Труды Юбилейной научной сессии (1819—1844)». Ленинградский гос. университет. Секция филологических наук, Л. 1946 (с. 86—98).
20. С. П. Обнорский. Культура русского языка, М. — Л. 1948.
21. М. В. Панов. О заударном вокализме современного русского языка. Канд. дисс. М. 1953.
22. М. Н. Петерсон. Современный русский язык. Изд. БЗ0 при педфаке 2 МГУ, Москва, 1929 (задания 3-е и 4-е).
23. М. Н. Петерсон. Лекции по современному русскому языку, М. 1941.
24. А. М. Пешковский. Десять тысяч звуков. — Сборник статей. Лгр. 1925 (с. 167—181).
25. В. Садовников. Орфоэпия в пении. Музгиз, М. 1958.
26. Н. В. Утехина. Из истории русской поэтической орфоэпии (конца XVIII — начала XIX вв.) Канд. диссертация, М. 1952 г.
27. Д. Н. Ушаков. Русская орфоэпия и ее задачи. Сборник «Русская речь» под ред. Л. В. Щербы. Новая серия, вып. 3, Л. 1928 (с. 5—27).
28. Д. Н. Ушаков. Звук г фрикативный в русском литературном языке в настоящее время. — Сборник ОРЯС АН СССР, т. 104 № 3 (с. 238—240). Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник в честь академика А. И. Соболевского, Лгр. 1928.

29. В. К. Фаворин. К вопросу о современной произносительной норме. «Известия АН СССР — Отд. литературы и языка», 1953, № 1 (с. 84—87).
29а. В. И. Чернышев. Русское ударение. СПб. 1912, 74 стр.
30. Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Словари

31. Р. И. Аванесов и С. И. Ожегов (ред.). Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник, М. 1959. (с. 3—663 словарь; с. 664—708 «Сведения о произношении и ударении»).
32. Словарь русского языка, составленный С. И. Ожеговым, под общей редакцией акад. С. П. Обнорского. Изд. 3, М. 1953. (Вводная статья «Сведения, необходимые для пользующихся словарем» — §§ 22 и 23).
33. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV, 1934—1940 и переиздание 1947—1948 гг. фотоофсетным способом. (Вступительная статья «Как пользоваться словарем» — § 23).
34. «Орфографический словарь русского языка» — 110.000 слов. Академия Наук СССР. Институт языкознания (ред. С. И. Ожегов и А. Б. Шапиро), М. 1956.
35. Д. Н. Ушаков и С. Е. Крючков. Орфографический словарь. Изд. 13, М. 1957 (со включением собственных имен мужчин и женщин).
36. К. И. Былинский и Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. (Особенно важен отдел географических названий). Изд. 3, «Искусство», М. 1957.
- Полезны также и методические статьи в журнале «Русский язык в школе», например:
- Л. А. Горбушина. Выразительное чтение в педагогическом училище, 1950, № 3 и 1958, № 6.
- И. Р. Палей. Орфоэпия в средней школе, 1958, № 4.
- А. М. Пашковский. Очищать речь учащихся от нелитературного ударения, 1958, № 4.
- Сжатое популярное изложение вопроса о русском произношении (с указанием литературы) см. в статье «Орфоэпия» в т. 31 «Большой Советской Энциклопедии», изд. 2, с. 249.

И. Я. БЛИНОВ

ДОСТОЕВСКИЙ И ЖИВОЕ СЛОВО

Философ Вольтер заявлял, что любой иностранный язык можно выучить за короткий сравнительно срок, но для изучения и освоения языка родного народа жизни не хватит. Это глубокое и остроумное изречение заставляет нас помнить о теснейшей, органической связи языка народа со всею его историей и многовековой жизнью. Язык, достигая с веками культурной зрелости, неизменно отражает в себе сокровенные думы и чувства народа, его дух, его своеобразные особенности. Бережно храня прошлое и чутко отражая настоящее разносторонней народной жизни, язык, естественно, становится законной национальной гордостью, бесценным народным достоянием. Он изумляет своею мудростью, бездонной глубиной, сверкающим разнообразием изобразительных и выразительных речевых средств. Неисчислимы и неистощимы средства языка позволяют каждому, чуткому к речи, находить в лексике, грамматическом и стилистическом строе, в фонетическом и интонационном многообразии широчайшие возможности общения с людьми родного народа своими мыслями и чувствами, тончайшими их оттенками.

Ф. М. Достоевский остро понимал и действительно воспринимал эту истину: «...знайте же, — писал он, — есть такая тайна природы, закон ее, по которому только тем языком можно владеть в совершенстве, с каким родился, т. е. каким говорит тот народ, которому принадлежите вы» («Дневник писателя» 1877 г. май — июнь).

Характерная особенность работы Достоевского над языком — это его стремление искать такие речевые средства, которые помогали бы раскрывать и выражать внутренний мир человека. В этом Достоевский продолжал традиции Гоголя, стремясь вносить в литературу элементы живой разговорной речи народа.

В творческой деятельности Достоевского нередко отражались противоречия, присущие его мировоззрению: реакционные и мистические проявления. Однако эти противоречия выступали слабей в суждениях Достоевского о живом языке, здесь с особой силой сказывалась горячая любовь Достоев-

ского ко всему русскому. Достоевский не отделял язык от народа. Он обвинял современное ему «высшее общество» и дворянство в отрыве «от народа, т. е. от живого языка («язык — народ в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая глубокая мысль!» См. Достоевский «Дневник писателя», 1876 г. июль — август). Веру в русский народ, наряду с любовью к его языку, Достоевский пронес через всю свою сложную и тяжелую жизнь. Герцен после встречи с Достоевским писал в письме к Огареву 16 июля 1862 г. «Вчера был Достоевский. Он наивный, не совсем ясный, но очень милый человек. Верит с энтузиазмом в русский народ» (курсив мой — И. Б.).

Достоевский резко возражал против «французомании» русского дворянства. Всегда чуткий к звучанию языка, Достоевский возмущался дурным произношением «французоманов»: «Отвратительно тоже в этом неумелом мертвом языке это грубое, неумелое, мертвое тоже произношение», — пишет Достоевский.

Но протестуя против «французомании», Достоевский считает обязательным разумное обучение молодежи европейским языкам, но — добавляет Достоевский — «отнюдь не за тем, чтобы на этом чужом для нас языке беседовать между собой и не сами с собой». Характерно, что Достоевский хорошее знание родного языка считает обязательным условием, чтобы «усвоить и язык иностранный, но не прежде».

Заявляя о глубоком своеобразии русского языка, Достоевский, исходя из этого своеобразия, отмечает чрезвычайную трудность, возникающую для переводчиков при их стремлении перевести русское художественное произведение на какой-либо европейский язык и в качестве подтверждения своей мысли ссылается на явную неудачу перевода сочинений Гоголя. Иное — по мнению Достоевского — мы наблюдаем в отношении перевода иностранной художественной литературы на язык русский. «Нашего-то языка дух, — восклицает Достоевский, — бесспорно многообразен, богат, всесторонен и всеобъемлющ, ибо в неустроенных еще формах своих, а уж мог передать драгоценности и сокровища мысли европейской, и мы чувствуем, что переданы они точно и верно». Говоря об усилении в русской школе того времени изучения греческого и латинского языков, Достоевский справедливо возражает против намечаемого одновременно уменьшения школой изучения языка русского: он основательно опасается, что это — по выражению Достоевского — «подавление» русского языка может сделать в значительной мере бесплодным освоение и языков древности. «Вся нравственно-развивающая сила этих двух древних языков, этих двух наиболее законченных форм человеческой мысли и уже поднявших, веками, весь бывший варварский Запад до высочайшей степени развития и цивилизации, вся эта сила, естественно, минует нашу новую школу, именно из-за

упадка в ней русского языка» (цитировано по тому же источнику). Эта мысль, явившаяся в результате наблюдений Достоевского за школой того времени, — по нашему мнению — в известной мере актуальна и сейчас: ведь и в советской школе, по другим, правда, обстоятельствам, преподавание родного русского языка не осуществляется в должной мере, задерживая тем самым и общее развитие культуры учащихся.

Мы видим, что размышления Достоевского о родном языке достаточно зрелы и не вызывают наших сомнений или возражений. Но Достоевскому не всегда удавалось осуществлять их в своей собственной литературной деятельности. Достоевский любил вносить в литературу новые слова, но удаchi в этой области были редки. Так, при чтении Достоевским своей повести «Двойник» в 1845 году Белинский обратил внимание на употребление Достоевским слова «штушеваться» (в смысле незаметно исчезнуть) и одобрил его. Правда, впоследствии в «Дневнике писателя» Достоевский рассказывает, что это слово было выдуманно не им, а его однокурсниками по Главному инженерному училищу. Слово «штушеваться» вошло в употребление и внесено в Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова с ссылкой на Достоевского и его толкование, приведенное в «Дневнике писателя» (1877 г., ноябрь). Достоевский впоследствии признавался, что ему приятно сознавать внесение им в русскую речь нового словечка. Вообще Достоевский часто допускал в своем языке слова и выражения, неприемлемые для литературного языка: диалектизмы, просторечие и даже вульгаризмы. Приведем некоторые из них, взятые по преимуществу из «Дневника писателя»: «Человек темный, законов ни в зуб», «ударил по больному месту зазнамо», «выводят перед людей», «сильно соскочил в сторону», «удивляюсь великости вашей жертвы», «преприятная, преплезная вещь», «говорить эссенциями» (отсюда: «эссенциозность»), «вывескная работа» (в смысле грубая, малярная) и т. д. и т. п.

Достоевский хорошо знал, что краткость — сильнейшее средство выразительности, и готов был рекомендовать ее другим. Так, в письме к Корвин-Круковской от 14 декабря 1864 года Достоевский писал: «Величайшее умение писателя — это уметь вычеркивать. Кто умеет и кто в силах свое вычеркивать, тот далеко пойдет». Однако в своей литературной работе Достоевскому далеко не всегда удается практически осуществить это золотое правило.

Слог Достоевского вызывал резкие, но справедливые критические замечания многих писателей, его современников, причем замечания эти вызывались не только обилием в словаре Достоевского слов просторечных и вульгаризмов, подобных приведенным нами, но и неумением или нежеланием его индивидуализировать речь своих героев.

Так, Добролюбов писал, что герои Достоевского говорят, как сам автор: они употребляют его любимые слова, его обороты, у них такой же склад фразы; исключения — чрезвычайно редки. Л. Н. Толстой, повторяя аналогичные замечания, указывает дополнительно, что разговоры у Достоевского невозможны, совершенно неестественны и вообще в языке Достоевского есть что-то деланное. Уже в наше время язык и слог Достоевского критиковал А. М. Горький.

Невольно задаешь вопрос, чем же вызывался явный разрыв зрелых суждений Достоевского о языке с его речевой практикой? Мы думаем, что этот разрыв в известной мере порождали суровые условия жизни писателя, его частые материальные затруднения, обязывавшие писателя прибегать к услугам стенографистки, чтобы представить в журнал или издательство рукопись очередного произведения.

Достоевский хорошо понимал, как необходимо культурному человеку (а не только писателю) уметь облекать в надлежащую словесную форму свои мысли и чувства. «Слог — это, так сказать, внешняя одежда; мысль — это тело, скрывающееся под одеждой», — писал он в 1863 году в одной журнальной статье. Достоевский не раз устами своих героев говорит об этом беспокойстве. Так, в романе «Идиот» основной герой жалуется: «У меня слова другие, а несоответственные мысли, а это унижение для мыслей». Еще ярче, страстней говорится о том же в романе «Подросток». Аркадий, от имени которого ведется в романе повествование, в самом его начале, заявляет: «...чтобы писать толково, кажется, мало одного желания... ни на одном европейском языке не пишется так трудно, как на русском. Я перечел теперь то, что сейчас написал, и вижу, что я гораздо умнее написанного. Как это так выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается? Я это не раз замечал за собой и в моих словесных отношениях с людьми... и много мучился этим». Позднее, по ходу романа, другой герой его, Версиков замечает в Аркадии это мучение и говорит ему: «А и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла в слова! Это благородное страдание, мой друг, и дается лишь избранным; дурак всегда доволен тем, что сказал». Форма этой реплики не оставляет сомнения, что мучение в связи с неудачей высказанного свойственно и Версикову.

Повышенная чувствительность Достоевского к звучащим средствам языка заставляет его замечать и высоко ценить музыкальность слова даже в литературном (т. е. письменном) произведении. В письме к Тургеневу от 23 декабря 1863 года по поводу рассказа Тургенева «Призраки» Достоевский пишет: «Призраки» похожи на музыку. А кстати, как вы смотрите на музыку? Как на наслаждение или как на необходимость положительную? По-моему, это тот же язык, но выска-

зывающий то, что сознание еще не одолело (не рассудочность, а все сознание), а, следовательно, приносящий положительную пользу».

Еще более чуток и настороженно-внимателен Достоевский к волнующей его всегда интонационной выразительности речи устной, в особенности, непринужденно-бытового разговора. Он поражен силой воздействия тона речи на слушателей. Характерен в этом отношении рассказ Достоевского, записанный в «Дневнике писателя» (1873 г., второй абзац XIII главы). В данном случае Достоевский рассказывает о горячем споре шести мастеровых, невольным свидетелем которого стал Достоевский. Оказалось, эти люди одним лишь постоянно повторяемым ими словом (к тому же нецензурным), но произносимым интонационно-разнообразно, не только выражали, но и точно понимали (как говорит Достоевский) «все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения».

Сфера наблюдений за воздействующей силой живого слова чрезвычайно расширилась для Достоевского в начале второй половины прошлого столетия. В 1864 году были введены в России судебные реформы, коренным образом реорганизовавшие наш суд и, в частности, установившие в нем гласный состязательный процесс. Появилась чрезвычайно обширная **судебная** трибуна, к тому же тесно связанная с жизнью общества. Уже в первые годы осуществления новых Судебных уставов выявились чрезвычайно талантливые судебные ораторы из рядов адвокатуры. Умело проведенные ими процессы привели к коллизии общества с адвокатурой. Ораторское слово судебной трибуны, впервые широко примененное у нас, невольно ставило перед обществом извечный вопрос, который еще в древней Греции принудил к спору величайших философов того времени Платона и Аристотеля, а Солона обязал категорически запретить защиту в суде, поскольку она проводилась не самой стороною в деле, а сторонним лицом. Даже многие либеральные представители общества не могли нравственно оправдать поведение адвокатов и их защитительные речи. Значительные в своем числе, иногда явно пристрастные общественные возражения были объединены публицистом Евгением Марковым в статье «Софисты XIX века», напечатанной в 80-е годы прошлого столетия в либеральном органе «Голос».

Иронически отзывается об адвокатуре и поэт Н. А. Некрасов в своем стихотворении «Юбиляры и триумфаторы»:

«И содрав гонорар неумеренный,
Восклицал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин».

Протестуют против адвокатуры и Салтыков-Щедрин, и Л. Н. Толстой. К ним примыкает и Достоевский¹.

Мы не будем останавливаться на рассуждениях Достоевского по специальному вопросу об оправдании защитительной речи адвоката (этот частный вопрос не входит в тему данной статьи), но размышления Достоевского о силе влияния умелого живого слова не могут не остановить нашего внимания. Достоевского интересует вопрос: «Талант ли обладает человеком или человек своим талантом?» Он приходит к выводу: почти всегда талант поработает себе своего обладателя. С чрезвычайной остротой справедливость этого вывода оказывается в области живого слова: владеющий живым словом — по уверению Достоевского — не преминет использовать его по пословице: «Для красного словца не пожалеешь матери и отца». Однако в пространных рассуждениях Достоевского мы — к сожалению — не встречаем освещения существеннейшей детали — устная речь воздействует на слушателей не только силой и убедительностью ее текста, но и внешними приемами: нельзя забывать непосредственное воздействие на слушателей интонационного звучания речи, самого вида говорящего, образа его поведения. Ведь не может не влиять на слушателей все поведение оратора, когда он, оратор, охвачен глубокой и властной мыслью, горячим чувством, ею рожденным, верой в правоту произносимого. Обычно чуткий к звучанию слова, Достоевский на этот раз в «Дневнике писателя» ничего не говорит об этих «несловесных» формах воздействия на слушателей, порой далеко превосходящих возможности одного лишь текста речи. Видимо, объяснить это надо тем, что Достоевский не слышал сам речи Спасовича, а познакомился с ее текстом по стенограмме².

А ведь сила воздействия звучащей речи на слушателей была так свойственна самому Достоевскому и была с поразительной яркостью продемонстрирована им в речи, произнесенной 8 июня 1880 года в заседании Общества любителей российской словесности, посвященном памяти А. С. Пушкина. Эта речь, согретая безграничной любовью Достоевского к гению нашей поэзии, любовью, переходившей у Достоевского в обожание и преклонение перед Пушкиным, как учителем жизни и слова, — по единодушному признанию не только друзей, но и противников Достоевского, — являлась подлинным

¹ Вопрос о нравственном оправдании защитительной речи адвоката Достоевским освещается в его «Дневнике писателя» (1876 г., февраль) в связи с процессом некоего Кронеберга, обвинявшегося в истязании малолетней дочери и оправданного Судом явно благодаря умелой и талантливой защитительной речи адвоката Спасовича.

² Позднее, в романе «Братья Карамазовы» Достоевский в лице Фетюковича, защищавшего Митю Карамазова, попытался нарисовать (правда, мало убедительно) образ Спасовича в момент его выступления.

«событием» общественной жизни того времени: она произвела на всех, непосредственно слышавших ее, колоссальное впечатление.

О силе воздействия этой речи сам Достоевский вечером того же 8 июня в письме к жене рассказывает: «Утром сегодня было чтение моей речи в «Любителях». Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не можешь представить себе и вообразить того эффекта, какой произвела она! Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать... Наконец, я начал читать; прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем... Когда же я провозгласил в конце всемирное единение людей, то зала была как в истерике, когда я кончил, — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди, незнакомые между публикой, плакали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть друг друга, а любить... Вызовы продолжались полчаса, махали платками... Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи¹, бросился меня обнимать со слезами, Анненков подбежал жать мне руку и целовать меня в плечо... Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя не просто речь, а историческое событие. Полная, полнейшая победа...» В этом рассказе Достоевского о произведенном его речью впечатлении Достоевский весьма близок к истине. До нас дошли многие воспоминания об этой речи, и все они единодушно говорят о необычайном ее успехе. В особенности показательными в этом отношении нам кажутся воспоминания двух лиц, примерно близких по возрасту, но принадлежащих к прямо противоположным общественным группировкам: А. Барсуковой — представительницы московских славянофилов, консерваторов, и Е. Летковой — представительницы радикальной молодежи 70-х годов².

Вот что рассказывает А. Барсукова: «Пишу вам под впечатлением глубокого неотразимого чувства восхищения, которое произвела на меня несравненная речь нашего известного писателя-аналитика Достоевского. Я до сих пор не могу прийти в себя от возбужденного им во мне восторга и, мне кажется, всю жизнь не забуду того чувства умиления, которое я испытала во время произнесения его речи. Эта была молния, про-

¹ Как рассказывает Ек. Леткова (ее воспоминания приведены ниже), Достоевский в своей речи упомянул имя Лизы Калитиной (из «Дворянского гнезда») как о родственном пушкинской Татьяне «типе положительной женской красоты», что вызвало шумную овацию Тургеневу — кумиру молодежи того времени.

² Письмо А. Барсуковой к А. П. Барсукову было написано на второй день после прослушания ею речи Достоевского. Запись Ек. Летковой сделана в день прослушания той же речи. Тот и другой материал опубликован уже в советское время в первом выпуске сборника «Звенья» (изд. «Академия», 1932 г.).

резавшая воздух. Достоевский говорил вторым, а первым выступил Чаев... Когда Чаев кончил, на кафедру вошел Достоевский. На вид он очень непримечателен..., но, как только он заговорил, боже, какая прелесть полилась из уст этого незрочного человека! Вы знаете, как он умеет глубоко заглядывать во все сокровенные изгибы души человеческой, и никогда еще Пушкин не был так глубоко анализирован, как это сделал Достоевский. Речь его произвела такой восторг, что многие плакали, махали платками и все неистово, дружно рукоплескали. Мне рассказывал тут же Елпидифор Васильевич Барсов, когда я в конце заседания прошла в гостиную, где сидели все писатели, что один молодой человек, потрясенный речью Достоевского, бросился в эту гостиную его отыскивать, и, когда ему показали Достоевского, слезы градом потекли по его лицу и он в нервном припадке упал на диван».

Приведем выдержки из записи Е. К. Летковой, сделанной 8 июня 1880 года: «Не знаю, что и записывать... Речь Достоевского... Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем сделалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какой Достоевский говорил об Алеко, мучила. «Мечта о всемирном счастье. Децевле не возьмет русский скиталец!...»

Что это? Не хотелось верить своим ушам, не хотелось это понимать так, как это понимал Достоевский. И не я одна, и очень многие так же реагировали на его слова, как и я...»

Вот непосредственное впечатление рядовой курсистки о том «событии», как называли речь Достоевского.

«Конечно, это было событие, о котором говорили самые разные лица и которое вспоминают и до сих пор. По внешнему впечатлению, кажется, ничто не может стать рядом с тем днем 8 июня 1880 года, когда в громадном зале б. Дворянского собрания, битком набитом интеллигентной дубликой, раздался такой рев, что, казалось, стены здания рухнут. Все, записавшие этот день, сходятся на этом. Но, право, не все, далеко не все, одинаково восприняли вдохновенно сказанные слова, прозвучавшие в этом зале с такой неслыханной до того времени художественною мощью. Речь была так сказана, что тот, кто сам не слышал ее, не сможет объяснить произведенного ею впечатления на большинство публики. Но была и другая часть, вероятно, меньшая, та левая молодежь, которая сразу встала на дыбы почти от первых же слов Достоевского. Отчасти этому содействовало, может быть, то, что Достоевский явился на Пушкинский праздник не как писатель Достоевский, один из славных потомков Пушкина, а как представитель Славянского благотворительного Общества. Это, может быть, создало предвзятую точку зрения, так как — повторяю — молодежь в то время непрерывно вела счета с Достоевским и относилась к нему с неугасимо критическим отношением

после его патриотических статей в «Дневнике писателя». О «Бесах» я уже и не говорю» (из записи Е. Летковой).

Ек. Леткова, храня справедливость, признает, что неприемлемое для революционно-настроенной молодежи того времени в речи Достоевского было сказано, по ее словам, «с такой тончайшей иронией и вместе с тем с такой непреклонной верой в правоту своих убеждений, что многие даже среди молодой публики были настолько захвачены художественным пафосом Достоевского, что не могли сразу разобраться». А «время было боевое, — добавляет Ек. Леткова, — молодежь была беспощадна. И даже к Пушкину подходили больше с общественно-политической точки зрения». И все же Е. К. Леткова признается, что Достоевскому был присущ «совершенно необычайный дар жечь сердца людей». «Нужно было — по ее словам — известное время, чтобы, как говорил Глеб Иванович Успенский, «очухаться» от ворожбы Достоевского»¹.

Приведем еще одно воспоминание о «пушкинской» речи Достоевского, по нашему мнению, более «нейтральное» и абсолютно свободное от тех или иных субъективных побуждений, — к тому же принадлежащее великоллепному мастеру ораторского и лекторского слова — А. Ф. Кони².

«Тому, кто слышал его (Достоевского — И. Б.) известную речь (о Пушкине — И. Б.)..., конечно, с полной ясностью представилось, какой громадной силой и влиянием может обладать человеческое слово, когда оно сказано с горячей искренностью среди назревшего душевного состояния слушателей. Сутуловатый, небольшого роста, обыкновенно со слегка опущенной головой и усталыми глазами, с нерешительным жестом и тихим голосом, Достоевский совершенно преобразился, произнося свою речь..., нельзя было предвидеть такого полного преобразования, которое с ним произошло во время его речи... Речь Достоевского в чтении не производит и десятой доли того впечатления, которое она вызвала при произнесении. Содержание ее, в свое время, дало повод к ряду не лишенных оснований возражений. Но тогда, в Пушкинские дни, с эстрады... перед нервно настроенной и восприимчивой публикой она была совсем иному. С самого начала речи между ним и всею массой слушателей установилась та внутренняя духовная связь, сознание и ощущение которой всегда заставляет оратора почувствовать и расправить свои крылья. В зале началось сдержанное волнение, которое все росло, и когда Федор Михайлович окончил, то наступила минута молчания, а затем, как бурный

¹ Ведь, как вспоминает Е. Леткова, «сам Успенский написал непосредственно после речи Достоевского почти восторженное письмо в «Отечественные записки»... «и только когда он прочел стенограмму речи Достоевского в «Московских ведомостях», он написал второе письмо в «Отечественные записки» уже в совершенно ином тоне».

² А. Ф. Кони. «На жизненном пути», изд. 1913 г., т. II, стр. 93 и 94.

поток, прорвался неслыханный и невиданный мною в жизни восторг... Почти все были в таком состоянии, что, казалось, пошли бы за оратором, по первому его призыву, куда угодно! Так, вероятно, в далекое время умел воздействовать на собравшуюся толпу Савонарола».

Какая мастерская картина воздействия живого слова нарисована А. Ф. Кони в этом воспоминании! Как убедительно показан тот редкий в жизни оратора, полный и совершеннейший контакт его со слушателями, та душевная взаимосвязь, которая, действительно, не может быть забыта никогда ни оратором, ни слушателями! Эта характеристика ораторского слова, так метко схваченная А. Ф. Кони, — интересная страница теории ораторского искусства в его целом. Строки воспоминаний А. Ф. Кони показательны для нас и как убедительное определение «дара речи», свойственного Достоевскому, и как оратору, и как оригинальному художнику-чтецу (оба эти качества у Достоевского органически слитны, безраздельны, питаются одними и теми же истоками).

Нельзя не остановиться и на той части воспоминаний А. Ф. Кони, где он рассказывает о физическом преображении Достоевского. Подобное указание на преображение (всегда, когда Достоевский произносил глубочайшие произведения Пушкина или говорил о нем самом) мы встречаем неоднократно в воспоминаниях современников¹.

Так «гипнотизирует» живое слово, если оно произнесено искренно, взволнованно, предельно-совершенно! Многие пытливые теоретики искусства живого слова утверждают (и совершенно справедливо!), что люди не только и не столько слушают совершенное живое слово, сколько видят и чувствуют образы и картины, словом нарисованные. Только интонационное мастерство говорящего (будь то оратор или мастер-чтец) в состоянии порождать это своеобразное зрительное и эмоциональное ощущение и переживание слушателей.

А Достоевский любил «произносить» художественные произведения литературы и охотно выступал в качестве чтеца не только своих, но и «чужих» творений. Уже 19-летним юношей Федор Михайлович выступает с художественным чтением на вечере у брата Михаила. И на протяжении всей своей дальнейшей жизни Достоевский многократно выступает как чтец на литературных «утрах» и «вечерах», устраиваемых различ-

¹ Об аналогичном «преображении» рассказали слушатели великого артиста М. С. Щепкина и притом при исполнении им произведения великого Пушкина. Когда Щепкин однажды читал «Скупого рыцаря» (а читал он его с редкой экспрессией), то слушатели утверждали, что они «видели» на эстраде высокого сухого старика-рыцаря, в то время как сам Щепкин был прямою противоположностью нарисованного Пушкиным образа (известно, Щепкин был невысокого роста и чрезвычайно полным).

ными благотворительными учреждениями, а вторая половина XIX века была чрезвычайно богата литературными «утрами» и «вечерами». Достоевский никогда не отказывался от выступлений и добросовестно принимал все приглашения, к нему поступавшие. А насколько такие приглашения были частыми, можно видеть из следующих, далеко не полных данных: Достоевский выступал с чтением в пользу нуждающихся учащихся гимназий Коломенской и Ларинской, в пользу нуждающихся литераторов и ученых, в пользу Литературного фонда, в пользу студентов-медиков, в пользу вообще студентов С-Петербургского университета, Педагогических курсов, Бестужевских женских курсов, Фребелевского общества, Славянского благотворительного общества и т. д. и т. п. Многие из названных выступлений были периодическими, повторялись из года в год. Читания Достоевского всегда проходили с большим успехом. Этому успеху содействует не только имя великого писателя, но и высокое мастерство, культура чтения. Надо сказать, что Достоевский не рассчитывал на свойственный ему от природы «дар», но всегда добросовестно и требовательно к себе готовился к выступлениям. В особенности с постоянным и огромным успехом проходили чтения произведений А. С. Пушкина, которого, как известно, Достоевский любил страстно. В «репертуаре» чтения Достоевского были многие произведения А. С. Пушкина: так, Достоевский выступает в инсценировке «Скупого рыцаря» (читает роль Старого барона), неоднократно читает сцену Пимена из «Бориса Годунова», отдельные повести Белкина, стихотворения «Для берегов отчизны дальней», «Пророк» и другие. Чтение Достоевским «Пророка» всегда являлось, с одной стороны, глубоким и трепетным проникновением в творческий замысел поэта, живым «видением» образа, созданного в этом стихотворении, а с другой, — любовным распространением качеств этого образа на самого поэта-автора. Экспрессия этого чтения порой доходила до степени экстаза. О чтении «Пророка» до нас дошли многие воспоминания, в частности, воспоминания народного артиста В. Н. Давыдова, являвшегося, как известно, не только ярким драматическим артистом, но и великолепным чтецом. Давыдов в своем «Рассказе о прошлом» (изд. «Академия», 1937 г., стр. 380) пишет: «... он (Достоевский — И. Б.) — прочел «Пророка». При первых же строках Достоевский весь изменился. Его нельзя было узнать! Сгорбленный, разбитый, сутуловатый, он мгновенно превратился в могучего, стального. Хриплый голос зазвенел как металл и последние четыре строки:

Встань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнишь волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

он произнес с огненными глазами, с устремленным куда-то вдаль взором, с необыкновенною силою, равною приказанию, со слезами в горле. Публика застонала от восхищения, а Достоевский побледнел и, казалось, сейчас упадет в глубоком обмороке. Толпа, кажется, на руках унесла его с эстрады». Этот отзыв В. Н. Давыдова чрезвычайно показателен: ведь Давыдов умел объективно и очень тонко ценить творческие достижения подлинных мастеров живого слова. Интересно отметить аналогичную по существу оценку исполнения Достоевским Пушкинских произведений, которую мы находим у Е. А. Штакеншнейдер («Дневник и записки», изд. «Академия», 1934 г., стр. 432 и 433): «Что за чудеса! Еле душа в теле, худенький, со впалой грудью и шопотным голосом, он едва начнет читать точно вырастает и здоровеет. Откуда-то появляется сила, сила какая-то властная».

Мы снова, дважды узнаем — экспрессия произносимого слова Достоевского при чтении достигала предельной высоты, когда он читал произведения Пушкина. И рождалась она — повторяем — трепетным восприятием творческого слова великого поэта. Мы уже приводили оригинальное выражение Достоевского: «язык — народ, в нашем языке это синонимы и какая в этом богатая глубокая мысль!» Мы вправе, перефразируя это изречение, сказать, что для Достоевского также синонимами являются слова «Пушкин и предельно-совершенное слово». Завороженный поэтическим словом Пушкина, Достоевский писал: «В стихе Пушкина до того ярки некоторые подробности, что часто приходишь в изумление и благоговение перед художественной силой поэта. Часто иная из таких подробностей очерчивается здесь одним стихом, одним словом, одним намеком, но до того цельно, метко и полно, что этот стих не забывается». Глубокое и яркое понимание, а затем восприятие Пушкинского творчества неизменно сопровождалось у Достоевского длительным, вдумчивым исканием звучания каждого слова произведения, подготовляемого для прочтения.

Мы встречаем немало тому подтверждений. Так, М. А. Поливанова после беседы с Достоевским о Пушкине пишет ему 22 июля 1880 года: «9 июля, накануне Вашего отъезда из Москвы, когда я была так счастливой быть принятой вами, вы при прощании с Сергеем Андреевичем Юрьевым стали говорить о «Пиковой даме» Пушкина и посоветовали мне ее прочитать, как только вернусь домой. Я исполнила это. Ваш рассказ о Германе, о том, что и как он должен был чувствовать, когда счастье свое ставил на карту, глубоко веря этой карте и в то же время задыхаясь и дрожа от величайшего волнения души, — меня не только заинтересовал, но просто взволновал». В тетрадях жены писателя мы находим запись, свидетельствующую о том, как готовил Достоевский к произнесе-

нию «Пророка» и «Скупого рыцаря»: из этой записи видно, что Достоевский заранее находил в тексте произведений слова, которые должны быть при чтении выделены или силовым ударением, или же замедлением темпа произнесения их.

Эти дошедшие до нас отдельные штрихи позволяют восстановить, с достаточной вероятностью, весь процесс подготовки Достоевского к выступлению со чтением: прежде всего, он внимательно анализировал литературный материал, стремясь раскрыть для себя творческий замысел автора, его внутренние намерения («подтексты»), а затем также внимательно намечал интонационные средства, которые позволили бы ему, как исполнителю, «перевести» литературный текст на живой, произносимый язык в полной гармонии авторских намерений с намерениями исполнителя. Естественно, такая предварительная подготовка не могла снизить и, действительно, не снижала внутреннего горения Достоевского, его искренности и вдохновенности звучания будь то своего (ораторского) слова, будь то слова чтеца. В лучших из своих выступлений (а ими, бесспорно, были выступления о Пушкине или со словом Пушкина) Достоевский безраздельно сливался с автором, вдохновлявшим его. Тогда слово Достоевского звучало как творческая импровизация, он трепетно отдавался «видению» произносимого. Все это вызывало у слушателей бескрайний восторг, который чуткие слушатели помнили до конца дней своих. Пусть не всегда удавалось Достоевскому рассказать слушателям о том, что он «видел» своим внутренним взором и что чувствовал сердцем. Но предельно творческое, подлинно живое слово все же было у Достоевского, и далеко не редко, радуя слушателей. И напомнить об этом редком «даре речи» великого писателя научным работникам-филологам и прежде всего учителям-словесникам, выполняющим благородное дело воспитания подрастающего поколения, — по нашему мнению, значит вписать страницу в тот раздел родного языковедения, который (пусть скромно, пока!) изучает фонологические средства русского языка и, в особенности, теорию живого выразительного слова.

Sanitized Copy Approved for Release 2011/03/16 : CIA-RDP80T00246A059800130001-4

Sanitized Copy Approved for Release 2011/03/16 : CIA-RDP80T00246A059800130001-4

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖНОГО СЛОВА

(По памятникам русской письменности XV—XVII вв.)

I

История словосложения в русском языке эпохи XV—XVII столетий является совершенно неразработанной проблемой.

Материалом для исследования послужили памятники XV—XVII в., теоретические труды, докторские и кандидатские диссертации и картотека Древнерусского словаря, хранящаяся в Институте русского языка Академии Наук СССР¹.

Выделение хронологических рамок (XV—XVII столетие) обуславливается тем обстоятельством, что в этот период в недрах русской народности идет мощное развитие всех сторон системы русского языка, подготовившее создание национального русского языка. В этой системе словообразование и, в частности, словосложение занимает далеко не последнюю роль.

Словосложение едва ли не самый древний тип словообразования. Оно является одним из самых могучих факторов обогащения языка в словарном и грамматическом отношении. Словосложение показывает пути пополнения лексического состава, пути создания определенных грамматических категорий, так как все вновь созданные слова подводятся под определенные грамматические категории (части речи).

В словообразовании мы наблюдаем двустороннюю связь, с одной стороны — с лексикой, и, с другой стороны — с грамматикой. Но словообразование выступает как самостоятельная дисциплина, хотя ряд крупнейших ученых, начиная с М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Г. И. Павского, И. И. Срезневского, Ф. Ф. Фортунатова и др., словообразование рассматривали в пределах отдельных частей речи, относя его к морфологии. Другие ученые, как, например, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и в наши дни академик В. В. Виноградов, рассматривают словообразование как самостоятельный раздел науки, тесно связанный с лексикой и грамматикой. В последнее десятилетие появилось большое количество диссертацион-

¹ Считаю своим долгом выразить благодарность Члену-корреспонденту А. Н. СССР Рубену Ивановичу Аванесову, с разрешения которого я смогла воспользоваться материалами этой картотеки, шифр которой в дальнейшем изложении — КДС.

ных работ, монографий и отдельных статей, подтверждающих выводы о плодотворности изучения словообразования как самостоятельной дисциплины. Мы полагаем, что словообразование очень важный отдел языкознания, который следует выделить как отдельную дисциплину.

Существует два основных типа словообразования: словосложение и словопроизводство путем аффиксации, хотя некоторые ученые, например, французский исследователь А. Доза, выделяет три типа словообразования: деривацию, префиксацию и словосложение¹.

В данном вопросе мы разделяем точку зрения Э. Сепира², считающего префиксацию лишь одним из трех типов аффиксации (префиксация, инфиксация, суффиксация). Мы полагаем, что все эти разновидности можно и должно рассматривать в общем разделе аффиксации. Тесную связь префиксов и суффиксов устанавливает и Г. М. Макеева в своей кандидатской диссертации, изучившая приставочно-суффиксальное образование прилагательных: «Особенностью прилагательных, образованных приставочно-суффиксальным способом, является то, что они создаются при помощи одновременного присоединения к производящей основе суффикса и соответствующего окончания с одной стороны и приставки с другой стороны»³.

Два основных способа словообразования: 1) словосложение и 2) суффиксальное словопроизводство, — генетически тесно связаны между собой. Нельзя в данном случае не согласиться с авторами научной грамматики немецкого языка Л. Р. Зиндер и Т. В. Соколовской, утверждающими, что «с исторической точки зрения между словообразованием посредством аффиксации и словообразованием посредством словосложения нет принципиального различия; всякий аффикс восходит, в конечном счете, к самостоятельному слову. Это, разумеется, не означает, что в каждом производном слове... суффикс первоначально был самостоятельной частью сложного слова напротив, в большинстве случаев мы имеем новообразование, в которых суффикс с самого начала играл роль аффикса. Речь идет, следовательно, не о каждом конкретном слове, а о типе образования, а с этой точки зрения образование производных слов генетически всегда является словосложением»⁴. В памятниках старославянского языка мы наблюдаем параллельные употребления слов, в которых в одном слу-

¹ А. Доза. История французского языка, М., 1956 г., стр. 158.

² Эдуард Сепир. Язык. Л., 1934 г., стр. 53.

³ Г. М. Макеева. Приставочно-суффиксальное образование прилагательных (по материалам памятников XVII века). Автореферат, М., 1954, стр. 3.

⁴ Л. Р. Зиндер и Т. В. Соколовская. Научная грамматика немецкого языка, Л., Учпедгиз, 1938 г., стр. 163—164.

чае употребляется префикс, а в другом компонент, восходящий к самостоятельному значимому слову напр. ¹.

Мы наблюдаем при грамматикализации одного из компонентов сложного слова переход его из знаменательного в служебное. При этом иногда наблюдается забвение первоначального значения слова, что приводит к изменению семантики последнего. Так, например, в слове ПРЕДЫДУЩИЙ генетическая связь приставки ПЕРЕД в XVII столетии в сознании говорящего и слушающего еще четко осознавалась с существительным ПЕРЕД, и поэтому слово «ПРЕДЫДУЩИЙ» употреблялось в значении идущий впереди, будущий. Например, протопоп Аввакум, рисуя яркими красками свои злоключения в ссылке, пишет: «А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запась хлѣбца на предыдущая лета, и тотъ хлѣбъ онъ, Афонасей у меня отнялъ после кнутнова биения» ². В связи с грамматикализацией приставки и утратой ею конкретной связи с именем существительным ПЕРЕД, слово ПРЕДЫДУЩИЙ в последующую эпоху стало рассматриваться как прошедший, нарушилась временная последовательность с переходом существительного в компонент сложного слова, ставший приставкой.

Ясно, что аффиксация отличается от словосложения тем, что один из компонентов лишен полноценного лексического содержания ³. Но утрата этого лексического содержания является также фактом исторического развития языка. Следует отметить, что уже М. В. Ломоносов указывал, что в языке слова создаются двумя основными путями, путем «произведения и сложения» ⁴. Однако, словосложение (основосложение и аффиксальное словообразование, т. е. «произведение» (по терминологии Ломоносова) еще недостаточно разграничиваются им. Так, М. В. Ломоносов к сложным словам относил и слово «порука» (производное, полученное путем аффиксации) и сложное слово «рукомойник».

Этой же точки зрения придерживался и А. Х. Востоков, который в один ряд зачислял такие слова, как «обозрю» и «лицезрѣние» ⁵. Ф. И. Буслаев, вначале разделявший взгляды М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова, т. е. смешивавший основосложение и аффиксацию, впоследствии четко разграничил их. Он писал, что «надобно отличать слова с приставками от

¹ L. Sadnik und R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den Altkirchensavischen Texten. Heidelberg, 1955 г., стр. 200 и др.

² Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. Академия. Ред. Н. К. Гудзия, 1934 г., стр. 283.

³ В. П. Григорьев. Некоторые вопросы теории словосложения. Автореферат кандидатской диссертации, М. 1955 г., стр. 10.

⁴ М. В. Ломоносов. Российская грамматика, СПб, 1788 г., § 51, стр. 5.

⁵ А. Х. Востоков. Русская грамматика, СПб, 1838, стр. 5.

настоящих сложных слов: последние, состоят из сочетания знаменательных корней»¹.

Взгляды Ф. И. Буслаева на новом этапе своеобразно развивает Г. И. Павский, который в рецензии на первое издание грамматики Николая Греча высказывает мысли о том, что приставки, суффиксы и окончания — это «приросты, но отнюдь не корни»². Хотя Ф. И. Буслаев, а затем Г. И. Павский правильно подошли к разрешению проблемы сложного слова, их достижения были забыты и впоследствии крупнейшие русские ученые (как, например, Ф. Ф. Фортунатов) допускали известные неточности в своей продуманной классификации сложных слов; напр., Ф. Ф. Фортунатов в составе лексики выделял слитные, сложные и составные слова, причем в группу сложных слов, рядом со словом «долгорукий», состоящим из двух знаменательных корней, включал и аффиксальные словообразования типа «безрукий»³.

Эту же неточность разграничения словопроизводства путем аффиксации, с одной стороны, и словосложения — с другой, мы находим и у В. Ягича, который, анализируя композиты «Повести Временных лет», ставит в один ряд такие аффиксальные словообразования, как «беззаконные», «беззаконник», «бессмертные», «безумие», «безбожный» и такие сложные слова, как «благовонный», «благоверный», «благородный», «благоразумный»⁴.

Современный исследователь Е. Дикенманн⁵ четко разграничивает аффиксацию и словосложение, но ставит рядом словосложение разных эпох, нарушая историческую перспективу. Так, у него рядом стоит и в один тип зачисляются слова «вагоновожатый» и «верводел» или слова «водополь», «водополье» в одном ряду со словом «водород». Это сложные слова, которые относятся к разным историческим эпохам и имеют разную судьбу в истории русского языка.

Сложные слова известны из глубокой древности. Слово-сложение было замечено и изучено уже индийскими грамматиками, давшими и первые классификации сложных слов⁶.

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, М. изд. 3, 1868 г., стр. 89.

² Г. И. Павский. К истории русской грамматики. Критические заметки Г. П. Павского на 1-е изд. «Русской грамматики» Н. Греча. Воронеж, 1887 г., стр. 76.

³ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. СПб, 1890—1891 г., стр. 72—73.

⁴ V. Jagić. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten. «Archiv für slavische Philologie. Band XX—XXI. Berlin, 1898—1899.

⁵ E. Dickenmann. Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Leipzig, 1934.

⁶ Theodor Benfey. Geschichte der Sprachwissenschaft. München, 1869, стр. 99—100.

Проблема сложного слова является вопросом, который глубоко волновал исследователей и русских, и зарубежных. История этого вопроса хорошо изложена в кандидатской диссертации В. И. Троицкого, исследующего типы сложных слов во второй половине XVIII века¹.

В. И. Троицкий в своей диссертации дает подробный анализ высказываний зарубежных лингвистов, лингвистов-славистов и лингвистов-руссистов по вопросам разграничения сложного слова и словосочетания. Этой же проблеме большое внимание уделяет и П. Я. Горбунов в своей кандидатской диссертации «Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе»².

И В. П. Григорьев с нашей точки зрения весьма убедительно наметил отличия аффиксации от словосложения в своей статье «О границах между аффиксацией и словосложением». Словосложение — синтаксико-морфологический тип словообразования, а аффиксация — морфологический. Сложные слова образуются на базе самых различных словосочетаний, как именных, так и глагольных³. Таким образом, по мысли В. П. Григорьева, связь сложного слова со словосочетанием очевидна. Если данное сложное существительное действительно образовано по аналогии с другими, то, очевидно, один из его компонентов уже обратился в аффикс⁴.

В. П. Григорьев совершенно справедливо требует исторического подхода к вопросам словосложения.

Только исторический подход дает нам верные критерии для разграничения аффиксаций и словообразования.

Вопросы словообразования в историческом плане у нас все еще изучаются недостаточно. Хотя они представляют огромный интерес, так как раскрывают внутренние законы развития языка, способы пополнения словаря, позволяют судить о развитии и совершенствовании словообразовательной системы языка.

При исследовании того или иного вопроса, как подчеркивает В. И. Ленин, следует «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁵.

¹ В. И. Троицкий. «Типы сложных слов в высоком стиле второй половины XVIII века», М., 1946 г., Кандидатская диссертация, защищенная в МГПИ им. В. И. Ленина.

² П. Я. Горбунов. «Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе». М., 1952 г., Кандидатская диссертация.

³ В. П. Григорьев. «О границах между аффиксацией и словосложением». Журнал «Вопросы языкознания», изд. АН СССР, 1956 г., № 4, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 45.

⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, изд. 4, стр. 436.

Следует отметить, что словосложение, которому уделяли огромное внимание К. Бругман, К. Гирт, Г. Пауль отражает национальную специфику языка. Как это отмечает Э. Сепир, это явление свойственно далеко не всем языкам мира. «Есть много языков; в которых немыслимо сложение корневых элементов»¹. Кроме того в разных индоевропейских языках, которым присуще словосложение, наблюдается различная интенсивность процесса словосложения. «Любопытно обратить внимание на то, сколь разнятся языки в отношении своей способности к использованию процесса словосложения»².

Как уже отмечалось выше, удельный вес словосложения в индоевропейских языках не одинаков. Е. Дикенманн, например, отмечает, что в немецком языке словосложение является излюбленным средством словообразования³. Французский исследователь А. Доза считает, что, например, во французском языке словосложение имеет наименьшее значение⁴. Что касается славянских языков, то мы в лингвистической литературе наблюдаем значительные споры по отдельным вопросам. Так Е. Дикенманн спорит с Ф. Миклошичем, утверждающим в свою очередь, что словосложение более всего развито в сербском языке. Е. Дикенманн, наоборот, считает, что болгарский и русский язык обладают большим количеством словосложений сравнительно с сербским, хотя и значительно уступают в этом значении немецкому языку⁵.

Мы далеки от мысли, чтобы толковать словосложение, как факт преимущества одного языка над другими. Все языки мира имеют одинаковые права на внимание исследователя, и Э. Сепир, правильно, замечает, что «многим из языков, лишенным способности словосложения, не только не чужды сложнейшие словообразования, но, наоборот, свойственны такие формы синтеза, которые далеко превосходят то, на что способны греческий и санскрит — языки, в которых словосложение представлено в исключительном богатстве и разнообразии»⁶.

Это свидетельствует лишь о том, что в словосложении отражается национальная специфика разных языков и черты различия их словообразовательных систем.

Вопросами словосложения интересовались крупнейшие ученые. Еще И. И. Срезневский подчеркнул в своей статье «Об образовании слов из выражений», что «В сложении слов

¹ Э. Сепир. Язык, Л., 1934 г., стр. 53.

² Там же, стр. 53.

³ E. Dickmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Teil 1: Einleitung und Material, Leipzig, 1934, стр. 15 и ниже.

⁴ А. Доза. История французского языка. М., 1956 г., стр. 158.

⁵ E. Dickmann, Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen, Leipzig, 1934, стр. 16 и сл.

⁶ Э. Сепир. Язык, Л., 1934 г., стр. 51, 52.

и в образовании выражений всего более, всего разнообразнее высказываеся жидительная сила каждого языка»¹.

Вопросами словосложения в славянских языках занимались Ф. Миклошич, И. Лось, И. Рудницкий, В. Ягич, акад. Травничек, Е. Дикенманн, Т. Козминская. Так, анализу композитов в чешском языке посвятила свое исследование Т. Б. Козминская «Сложные слова в современном чешском языке», Киев, 1955, эта кандидатская диссертация, созданная под руководством одного из выдающихся славистов Л. А. Булаховского, представляет значительный интерес.

Исследованием сложений в сербском языке занимались многие исследователи, например: F. Miklosich. Die Nominale Zusammensetzung im Serbischen. Wien 1863 г., A. Leskien. Grammatik der Serbo-kroatischen Sprache. Heidelberg 1914.

Монографию о словенском словосложении создал Перушек Репуšec, K. Zložene V novei slovenscina Beilage zum jahresbericht das K. Obergimnasion in Rudollfswert 1889/90.

Анализу сложных слов в польском языке посвятил свое исследование И. Лось «Сложные слова в польском языке». П., 1901 г., U l a s z y n H. Grammatika jezyka polskiego. Krakow 1923.

Словосложению в восточно-славянских языках значительное внимание уделил Вацлав Ягич в своем капитальном исследовании J a g i č V. Die slavischen Nominalkomposita in ihren Sprachgeschichtliche Auftretet «Archiv für slav Philolg». XX, XXI Berlin 1898, 1899, хотя он наметил лишь общие пути в решении данного вопроса и E. D i c k e n m a n n Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen Leipzig 1934, в исследовании которого собраны значительные материалы, но мало теоретических обобщений. Словосложению в украинском языке посвятил свое исследование И. Рудницкий. Складені слова в українській мови. Збірник секції граматики укр. мови, 1, 141—196 (Київ, 1930).

Необходимость различать разные эпохи в жизни языка отмечалась И. И. Срезневским, Ф. Ф. Фортунатовым, В. В. Виноградовым, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Г. О. Винокуром².

Словосложение своими корнями уходит в глубокую древность. «К. Бругманн, Дельбрюк, Х. Якоби предполагают, что основной тип индоевропейского сложного слова восходит ко времени, когда язык еще знал основу без окончаний. Самобытность корней-основ отмечалась и А. Л. Погодиным³. С этой

¹ И. И. Срезневский. Замечания об образовании слов из выражений. Записки императорской Академии наук, том двадцать второй, СПб, 1873, стр. 245.

² Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. Известия АН СССР, отделение Литературы и языка, т. V, вып. 4, 1946 г., стр. 316.

³ А. Л. Погодин. Следы корней — основ в славянских языках, Варшава, 1903 г., стр. 110.

точки зрения такие слова, как МЕДВЕДЬ, НОЧЛЕГ, возникшие в глубокой древности, мы оставляем вне поля нашего исследования, во-первых, потому, что их образованию уделили большое внимание наши предшественники¹, а, во-вторых, потому, что свою работу мы посвящаем изучению живых (продуктивных) типов сложения определенной эпохи XV—XVII столетия, что приводит нас к необходимости оперировать живыми словообразовательными типами, а те компоненты сложного слова, которые не выделяются, как элементы словосложения, уже не могут относиться к системе живых соотношений словосложений и развития языка изучаемого нами периода.

Изучение словосложения в сравнительно-историческом плане дает возможность вскрыть глубинные процессы словосложения, раскрыть закономерности образования сложных слов в историческом плане в русском языке сравнительно с другими языками и имеет огромное значение для решения ряда вопросов общего языкознания истории русского языка, современного русского языка, исторической диалектологии, ономастики, исторической географии и топонимики, но этим не исчерпывается значение изучения словообразования. Как указывает польская исследовательница С. Скварчинская, словосложение имеет громадное значение для стилистики языка. С. Скварчинская утверждает, что два слова сложенные, спаянные вместе, создают какой-то новый третий элемент, способствующий богатству выражения. Например: пятилистный, серебрянолунный и т. д. Сложное слово вносит собой богатство представлений, очень ценное для каждого поэта².

Но не только вопросы стилистики, но и вопросы методики русского языка проясняются при изучении словосложения.

Изучение сложных слов позволяет углубить методику преподавания русского языка в средней и высшей школе. Это отмечали лучшие преподаватели средней школы. Так Л. Соломоновский писал: «Ни синтаксический строй речи, ни морфологические изменения не дают такого наглядного понятия о логике языка, какие можно почерпнуть из упражнений о словопроизводстве». В настоящее время вопросы словообразования привлекают внимание молодых исследователей, о чем свидетельствует значительное количество диссертаций, посвященных вопросам словообразования и частично словосложения, но в этих исследованиях, в основном разрабатываются вопросы словосложения XVIII, XIX и XX столетия. Значительно хуже

¹ Срезневский И. И. Замечания об образовании слов из выражений сб. ОРЯС, т. X, СПб, 1873, стр. LXVII—LXXV.

Фортуатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. СПб, 1890—1891, стр. 73—74. И. Бодуэн-де-Куртенэ. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. Варшава, 1902.

² Skwarczyn'ska Stefania. Wstęp do nauki o literaturze. т. II, 1954 г. Słowa złożone i ich ekspresywność Warszawa, 1954, стр. 223—229.

изучена эпоха XI—XIV столетия и почти белым пятном в истории наших исследований остается эпоха XV—XVII столетия, которой мы и посвящаем нашу статью, которая является фрагментом из монографии «Очерки по истории русского словосложения» (по материалам письменных памятников XV—XVII столетия), подготовляемой нами к печати.

И хотя в изучении словообразования современного русского языка, и в том числе и словосложения, русское языкознание добилось значительных успехов, в области изучения исторического словообразования наблюдается значительное отставание.

Словообразованию современного русского языка уделял большое внимание проф. В. В. Богородицкий в своем «Общем курсе русской грамматики» (Изд. 5, М. — Л., 1925 г.); Л. А. Булаховский в курсе «Русский литературный язык» (т. I, Киев, 1952 г.); и особенно академик В. В. Виноградов, создавший целый ряд основополагающих трудов в области словообразования.¹ Интересные замечания в области изучения словообразования мы находим в статьях профессора Г. О. Винокура², а также большое внимание вопросам словообразования уделяется в Академической грамматике русского языка (Изд. АН СССР, М. 1952 г.); в книге «Современный русский язык» «Морфология», курс лекций (Изд. МГУ, 1952 г.) под редакцией В. В. Виноградова и в работе «Морфология» под редакцией проф. Е. М. Галкиной-Федорук (М. 1956 г.).

Вопросами сложного слова занимался и проф. А. И. Смирницкий³, главным образом трактуя вопросы цельноформленности слова и занимаясь разграничением понятия сложного слова, производного слова и словосочетания. Мы уже говорили выше, что вопросы теории русского словообразования, благодаря трудам В. А. Богородицкого, Л. А. Булаховского,

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, М. — Л., 1947 г.

Его же. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина. «Русский язык в школе», № 2, 1951 г.

Его же. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка». Известия АН СССР, т. X, вып. 3, 1951 г.

Его же. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. (Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию). М., Изд. АН СССР, 1952 г.

Его же. Из истории русской литературной лексики. Доклады и сообщения Ин-та Русского языка АН СССР, вып. 2, 1948 г.

² Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. Известия АН СССР. Отделение Литературы и языка, т. V, вып. 4, 1946 г., стр. 315, 332.

Его же. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Сборник статей по языкознанию, т. V, ИФЛИ, 1939 г.

³ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове. Сб. Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952 г.

Его же. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 5, 1948 г.

акад. В. В. Виноградова и других ученых нашей страны, получили широкое освещение. За последнее десятилетие мы наблюдаем большое количество диссертаций, посвященных современному русскому словообразованию. Значительно слабее изучены вопросы словообразования исторического.

Необходимость исторического изучения вопросов словообразования отмечали наши крупнейшие лингвисты. Так, В. К. Поржезинский утверждал, что только историческое «исследование вскрывает нам многие факты, иначе оставшиеся бы непонятными... и восполняет пробелы письменной традиции»¹. Позднее академик Л. А. Булаховский, плодотворно, развивая эти мысли, указал, что только при внимательном и строгом учете, что в области словообразования относится к явлениям живым и продуктивным, т. е. при помощи чего, в случае надобности, могут создаваться новые слова с теми же элементами значений, что еще более или менее свободно изолируется, и имеет свое определенное значение, но уже утратило силу служить средством появления новых слов, что перестало в сознании изолироваться, играя свою различительную роль; что уже является остатком старины, утратившим свою жизненную былую силу»², возможно разрешение вопросов — исторического словообразования.

Необходимость исторического изучения словообразования подчеркивает и профессор Л. Андрейчин, который в своей «Грамматике болгарского языка» говорит о том, что словообразование «раскрывает пути человеческой мысли, проливает свет на развитие народной культуры, дает верное направление для творческой языковой работы и правильного отношения к новым фактам языка, возникающим в наше время»³. Автор кандидатской диссертации «Проблемы именного словообразования в лингвистической литературе» П. Я. Горбунов, в специальной главе, посвященной сложным словам, отмечая достижения отечественного и зарубежного языкознания, подчеркивает, что «к отрицательным сторонам разработки вопроса о сложных словах представителями сравнительно-исторического направления относится недостаточная историчность».

Сложные слова рассматриваются не в ту или иную эпоху развития языка, не с точки зрения системы языка в определенную эпоху, а на основе этимологического анализа, в результате чего к сложным словам относятся слова уже в отда-

¹ В. К. Поржезинский. Краткое пособие к лекциям по исторической грамматике русского языка, М., 1911, стр. 3.

² Л. А. Булаховский. «Некоторые вопросы развития украинского языкознания», журнал «Большевик Украины», 1951 г., № 6, стр. 30.

³ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949 г., стр. 51. (Перевод с болгарского).

ленные времена утратившие ясность своего состава или слова, возникшие путем аффиксального словопроизводства.

Классификация «сложных слов для всех языков производится по одной и той же схеме без учета особенностей того или иного языка»¹.

Недостаточную разработанность проблем исторического словообразования отмечает и Г. А. Пастушонков. «Наименее изучена система словообразования древнерусского языка»². Вопросы исторического словообразования поднимал в своей интересной статье проф. М. Я. Немировский, утверждающий, что плодотворным и продуктивным может быть изучение словосложения только в том случае, если оно производится в историческом плане³. Об этом же писал и С. И. Абакумов в своей работе «О сложных словах в русском языке»⁴. Из ученых, тесно и глубоко связывающих проблемы современного словообразования с его историей, кроме академика В. В. Виноградова, следует отметить академика Л. А. Булаховского⁵.

Из новейших работ следует назвать работы Н. М. Шанского, в первую очередь его кандидатскую диссертацию «Из истории имен существительных на -ОСТЬ в русском литературном языке» (1950 г.), а также его книжку «Основы словообразовательного анализа» (Учпедгиз, М., 1953 г.), в которой обобщен и подытожен опыт многих советских языковедов по вопросам словообразования на большом фактическом материале, самостоятельно добытом автором, а также работу К. А. Левковской «Словообразование и его отношение к грамматике» (Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, Изд. АН СССР, 1952 г.).

Очень ценные наблюдения и замечания по вопросам словообразования и, в частности, словосложения мы находим в трудах М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, А. И. Соболевского,

¹ П. Я. Горбунов. Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе, М., 1952 г., стр. 258.

² Г. А. Пастушонков. Система словообразования имен существительных в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку, г. Куйбышев, стр. V.

³ М. Я. Немировский. Сложные слова в русском языке. Журнал «Русский язык в школе», 1946 г., № 3—4. См. его же статья — Вопросы славянского языкознания. Львов. ЛГУ кн. IV. 1955.

⁴ С. И. Абакумов. О сложных словах в русском языке. Русский язык в школе, 1946 г., № 3—4.

⁵ Л. А. Булаховский. Вопросы исторического развития языка в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, ж. Русский язык в школе, № 6, 1950 г.

Его же. Деэтимологизация в русском языке. Труды Института русского языка АН СССР, т. I, 1949 г., стр. 147—209.

Его же. Славянские наименования птиц типа сложений (Composita). Наукові записки КДУ, т. VII, вип. III, Філологічний збірник № 2, 1948 г., стр. 51.

А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Богородицкого, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, но в то же время мы можем назвать очень небольшое количество работ, посвященных и историческому словосложению. Следует отметить, например, статью В. И. Троицкого «Основные принципы словообразования», Ученые записки I Ленинградского Пединститута иностранных языков, вып. 1, 1940 г., том I; Голенко И. Г., «Типы сложных имен существительных в русском языке» (Вопросы русского языкознания Львовского университета, кн. 2, 1956 г.); Т. В. Собанская, «Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII в. (Ростов-на-Дону, 1954 г.); Троицкий В. И. «Типы сложных слов в высоком стиле второй половины XVIII в.» (Москва, 1946 г.); Григорьев А. П., «Некоторые вопросы теории словосложения на материале сложных существительных с глагольным вторым компонентом» (М. 1955 г.); В. В. Чедия, «Сложные слова в языке русской художественной литературы во второй половине XIX века. Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев». (Тбилиси, 1956 г.) и др.

Итак, историческое словообразование и, в частности, словосложение еще ждет своих исследователей, а вопросы, которые встают перед нами в связи с вопросом словосложения, имеют огромное значение для науки о языке. Так как структура сложного слова, т. е. характер соединения компонентов главного и зависимого слова, наличие или отсутствие аффиксов, наличие или отсутствие соединительного гласного, порядок расположения основ в составе композита определяется лексико-грамматической природой сложного слова, принадлежностью его к определенной части речи, емкостью его семантики, его синтаксическими и словообразовательными связями, а также типами языка (деловая письменность, церковно-учительная литература, художественно-литературные памятники, в сфере которых употребляется данное слово), то необходимо в какой-то мере учитывать и жанры и стили памятников письменности.

Сложное слово — это состоящая из двух или нескольких знаменательных элементов лексическая единица, характеризующаяся единством значения, и соотносимая в лексико-грамматической системе русского языка (с той или иной частью речи).

В. А. Белошапкина, развивая положения В. В. Виноградова, в своей интересной главе, посвященной вопросам словосочетания в книге «Современный русский язык» с нашей точки зрения подробно и четко разбирает виды словосочетаний. Мы принимаем ее определение словосочетания и в дальнейшем, разбирая вопрос о взаимоотношении сложного слова и словосочетания, будем пользоваться ее определениями.

Не взирая на то, что в сложном слове довольно легко выделить компоненты, из которых оно состоит, перед исследователями всегда возникают трудности, когда они пытаются разграничить понятие слова, сложного слова и словосочетания. Отмечая это, О. С. Ахманова пишет: «Слово сравнительно легко выделяется из речи и вместе с тем сравнительно трудно делится или совсем не делится на значащие части. Первым из двух моментов, т. е. тем, что оно сравнительно легко выделяется, выступая в речи в виде словесной ее единицы, характеризуется как таковое, в отличие от части слова, а тем, что оно сравнительно трудно делится или не делится совсем, в отличие от словосочетания»¹. Зачастую такие трудности стоят и перед исследователями, занимающимися вопросами словосложения, так как в сложных словах действуют те же законы деэтимологизации, абсорбции, опрощения, переразложения, утраты конечных и начальных элементов, которые характеризуют простое слово. Но коренное отличие сложного слова от простого заключается в том, что в сложном слове значительно легче выделить его компоненты, представляющие собою этимологически значимые части речи.

Сложное слово диахронно часто восходит к словосочетанию. Но связь сложного слова и словосочетания иногда вскрывается с большим трудом, так как происходит затемнение его состава. В самом деле в современном слове «спасибо» синхронно уже нельзя выделить его исконного сложного строения, это простое слово в современном русском языке, но слово, прошедшее сложный путь, возникновение его уясняют нам и некоторые факты топонимики. Так в Писцовых книгах города Москвы мы встречаем название деревни Тульского уезда «Спасибогово», которое сразу вскрывает исконное словосочетание «спаси бог», из которого возникло современное сращение «спасибо».

Большой интерес представляет анализ, казалось бы такого простого слова как **стремглав**. В первой части этого слова или в первом композите заложено значение, указываемое И. И. Срезневским: **стремо** — прямо, настояще. Второй компонент не вызывает у нас сомнения. Это старославянская неполногласная форма **глав**. Итак, **стремглав** в языке изучаемой нами эпохи обозначало вниз головой, упасть прямо вниз головой. В современном русском языке уже утрачены живые связи между компонентами **стрем** и **глав**. И в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова мы находим следующее определение этого слова: **стремглав**, нареч. очень быстро, стремительно. И вдруг **стремглав** бежать пустился.

¹ О. С. Ахманова. «Эквиваленты слов» и их классификация в современном английском языке. Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, 1948 г., вып. 6, стр. 5.

(Пушкин). Узник вырвался из тюрьмы и стремглав пустился бежать. (Тургенев) ¹.

История слова **стремглав** показывает нам, как происходит в процессе исторического развития забвение старого значения в первом компоненте сложного слова и в сложном слове целиком, в результате чего часто утрачиваются семантико-синтаксические связи первого со вторым компонентом и композит превращается в простое слово.

Следует отметить, что в сложных словах часто происходит как бы стабилизация и консервация архаических элементов языка. Так, например, в языке изучаемого нами периода были весьма продуктивными и распространенными сложные слова с первым компонентом **борзо**: **борзобогатый** (КДС), **борзозрителен** (КДС), **борзописецъ** (КДС), **борзоподвижный** (КДС), **борзосмысленный** (КДС), **борзотекущий** (КДС), **борзоходецъ** (КДС), **борзоходный** (КДС).

В процессе исторического развития компонент **БОРЗО** выходит из системы литературного языка и в современном русском литературном языке, как свидетельствует Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, **борзый**, — ая, — ое имеет помету (обл. поэт). Скорый, резвый, борзый конь. Иногда сложные слова выходят из употребления, например, **борзозрителен**, **борзотекущий**. В других случаях происходит замена компонента **борзо** на **скоро**. Древнее **борзоходец** заменилось формой **скороход**. Мы видим, что в этом гнезде слов произошли значительные изменения, причем вышли из употребления или композиты целиком, или произошла замена отдельных компонентов. В единичных случаях сохранились слова: **борзописание**, **борзописец**, но они употребляются лишь с особой стилистической окраской. Так, в словаре Д. Н. Ушакова мы встречаем **борзописание**, **борзописания** с пометой (ирон.). Литературное творчество борзописца ². И ниже слово **борзописец**, — сца, м. (ирон.). Писатель, который пишет охотно, но небрежно, наспех...³. Следует отметить, что в XV столетии слово борзописец не имело еще иронической окраски, приобретенной им в процессе исторического развития, ср. «Методъи ж посла два попа борзописца». (Радзив. лет. XV, 132, КДС), где слово борзописец лишено отрицательной оценки.

В плане вышеуказанного большой интерес представляет и гнездо слов, в первой части которых мы находим компонент **еже**: **ежечасъ** (КДС), **ежепятницъ** (КДС), **ежевоскреснь** (КДС), **ежеутръ** (КДС) **ежедень** (КДС), **еженочей** (КДС), **ежемесяцъ** (КДС), **ежевечерь** (КДС), **ежелеть** (КДС).

¹ Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, т. 4, стр. 556.

² Там же, т. I, стр. 174.

³ Там же, стр. 175.

«А въ городѣ бояринъ и воевода большой всегда **еженочей** объезжаетъ городъ». Или в «Путешествии Афанасия Никитина за три моря» мы читаем: «Зима же у нихъ стала с Троицына дня, а зимовали есьмя въ Чунейре, жили есьмя два месяца; **ежедень** и ночь четыре месяца а всюда вода да грязь»¹. Мы видим, что и в этом гнезде слов в современном русском языке сохранились немногие. Это слова — **ежеминутный, ежедневный, ежевечерний, ежемесячный, еженедельный**.

В сохранении архаических элементов сложные слова имеют одинаковую судьбу с устойчивыми фразеологическими единицами русского языка. Сохранение архаических элементов в составе фразеологизмов отметил Р. Н. Попов: «Фразеологические единицы сохраняются многие сотни лет и доносят до наших дней в своей неизменной окостеневшей форме следы старых синтаксических связей между словами, старинный характер словоизменения, а также в значительной степени прежний лексический состав и некоторые элементы прежнего фонетического строя»².

То же самое мы наблюдаем по отношению к слову **ветрилоперный** (КДС) о корабле, движимом парусами. **Ветрило** в значении парус в специальном употреблении бытовало еще в поэтическом языке первой половины XIX столетия, ср. Пушкинское:

Шуми, шуми послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, воздушный океан.

В современном русском языке без специального этимологического анализа слово **ветрилоперный** остается совершенно неясным по своему составу.

Тот же процесс мы наблюдаем в слове **единоживотно** (КДС), не понятном без специального объяснения, в слове, состоящем из двух компонентов **един** и **живот** в значении **жизнь**, оба церковнославянского происхождения.

Без специальных исторических и сравнительных объяснений непнятно и сложное слово **дубовсходный, дубовсходная змея** (КДС) — змея, влезаящая, вползающая на дуб. Архаические элементы мы можем найти в слове **суесловие** (КДС) компонент **суе**; **кроветворный** (КДС), в котором сохранилась в первой части архаическая форма склонения родит. п. ед. числа; **лжедмитрий** (КДС), в котором также в первом компоненте сохранились черты архаического склонения.

Можно было бы значительно увеличить количество примеров, но и приведенных данных достаточно для констатации

¹ Афанасий Никитин. Хождение за три моря. Изд. АН СССР, 1950 г., стр. 33.

² Р. Н. Попов. Грамматические архаизмы в устойчивых фразеологических единицах русского языка, М., 1956 г., стр. 1.

факта сохранения композитами, архаических, грамматических, лексических и фонетических явлений, давно вышедших из употребления в современном русском языке.

Замечено, что на жизнь сложного слова оказывает огромное влияние его семантика. На продуктивность, распространенность и соотносительность основ в пределах одного и того же слова влияют разные оттенки или значения оттенков, заключенных в одном и том же слове. Так, например, слово **белый** в эпоху XV—XVII столетия, как можно установить по материалам Картотеки Древнерусского словаря, употреблялось в трех основных значениях:

Белый — белого цвета;
Белый — чистый;
Белый — свободный.

С белым в значении белого цвета связаны такие слова, как **бѣлолицый** (КДС), **бѣлобокий** (КДС), **бѣлогубый** (КДС), **бѣлокопытный** (КДС), **бѣлоголовый** (КДС), **бѣлобородый** (КДС), употребляющиеся главным образом в значении для обозначения особых качеств и свойств, в данном случае цвета, у человека или у животных. Эти значения живы и в современном русском литературном языке, в котором употребляются все вышеприведенные слова. Значение **чистый** со значением белого цвета мы находим в словах: **бѣлоручка** (КДС), **бѣлоножка** (КДС), **бѣлоличка** (КДС). Эти слова сохраняются в современном русском языке, главным образом, в фольклоре и в диалектах.

С белым в значении **свободный**, т. е. освобожденный от податей, связаны слова, главным образом, входящие в сферу общественно-политической терминологии: **бѣломестец** (КДС), **бѣломестный** (КДС), **бѣлопашец** (КДС), т. е. освобожденный от податей. Эти слова перешли в разряд историзмов, в системе современного русского языка они не употребляются и мы можем их встретить только в специальном употреблении в исторических романах А. Толстого, И. Костылева, А. Чапыгина.

Итак, в сложном слове имеется соотношенность компонентов, и потеря значения одного из них зачастую затемняет и значение другого. Так, например, слово **бѣлый** нам понятно. Слово **душа** в значении **грудь** сравнительно редко, но встречается в русской литературе XIX столетия. Ср. кольцоское «Раззудись плечо, распахнись душа». Слово **душа** в значении **грудь** встречается в словаре Даля¹ и во многих областных словах. Но, например, слово **бѣлодушатый** (КДС), — о мехе лисиц, имеющих белую душку, т. е. грудь или горло, для нас совершенно не ясно. И исследователь без специального

¹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Гослитиздат 1935, т. I, стр. 520.

исторического анализа не сможет и выделить в этом слове оба компонента **бѣл** и **душа**. Только в том случае, если мы будем помнить семантику слова **душа** в значении **грудь**, для нас станет понятным слово **душегрея** (КДС), которое должно распадаться на два компонента: **душа** и **греть**. То же наблюдается и в слове «полеводцы»: в котором первый компонент «поле» употреблялся в значении «ратное поле» и «полеводцы» значило военачальники, так, например, в «Слове о великом князе Дмитрии Ивановиче...» мы находим такое определение князя и его брата «...тѣ бо суть сынове храбри кречаты в ратном времени и вѣдоми полеводци под шелома, злачеными»¹.

Итак, из вышеприведенного анализа ясно, что все сложные слова образуются из компонентов, значение которых может оставаться стабильным на протяжении столетий и даже тысячелетий. Но встречаются и компоненты, значение которых может изменяться от эпохи к эпохе. Сложные слова с такими компонентами подвергаются своеобразной деформации. Сама система словосложения построена так, что в языке не появляется абсолютно новых слов. Так, говоря о словообразовании, Н. М. Шанский подчеркивает, что «...оно оперирует по существу лишь новыми видами комбинаций того, что существовало в отдельности и раньше»². Но мы не можем не отметить тех качественных изменений, которые возникают при образовании сложных слов и которые заключаются прежде всего в том, что возникшее новое слово всегда обладает значением, отличающимся от того значения, которое имелось в компонентах словосочетания. Особенно показательны в этом отношении факты топонимики и ономастики. Например, уже Е. Диккенман, вслед за своими предшественниками, отметил, что **новгород** не только «новый город», но и созданное, путем изоляции данного элемента в предложении новое слово, которое воспринимается как единое понятие³. Название старинного города и соотнесенность его компонентов с словосочетанием **новый город** в современном русском языке уже утрачено, таким же образом **новая воля** (название деревни Гродненской губернии) дало производное слово-прилагательное **нововольский**, которое здесь имеет значение топонимического объекта, а не качественной характеристики понятия «новой воли».

По характеру второго компонента сложные слова могут быть именами существительными, прилагательными, местоимениями, числительными, глаголами и неизменяемыми частя-

¹ Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Книга четырнадцатая, М., 1852, стр. 3 «слово».

² Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа. Учпедгиз, М., 1953 г. Его же. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. Учпедгиз, 1957.

³ E. Dickmann. Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen Teil I, Leipzig, 1934.

ми речи (наречиями). Те же части речи могут быть и в первой части каждого из указанного типа сложных слов.

К. А. Левковская правильно подчеркивает организующую роль грамматики в словообразовании. «Грамматика управляет словообразованием в том отношении, что все новые слова всегда образуются как грамматически оформленные единицы, как представители определенной части речи с соответствующими грамматическими категориями, и соответствующим синтаксическим употреблением»¹.

Продуктивность употребления отдельных частей речи в разные эпохи в разных стилях языка неодинакова. Так, например, в эпоху XV—XVII веков мы наблюдаем гораздо большее количество сложных слов-глаголов сравнительно с современным русским языком. Например, **родословиться**. «Сице родословятся великие князи руския (Новгородская первая летопись, первая половина XVI века, 431. Или **словопрѣтися**: «Словопретися безвременно и всуе не лѣпо есть»².

Рядом с этим словом мы встречаем глаголы: **баснословить** (КДС), **велегласовать** (КДС), **высокомериться** (КДС), **готовсловиться** (КДС), **громогласить** (КДС), **добробеседовать** (КДС), **борзотекущий** (КДС) и др.

В эпоху XV-XVII столетия мы находим наряду с глаголами большое количество сложных наречий сравнительно с современным русским языком. Например: **дебеломысленно** (КДС), **долговременно** (КДС), **достолюбно** (КДС), **единоживотно** (КДС), **вспятословне** (КДС), **высоковозносительно** (КДС), **взадпять** (КДС), **вкупѣбытно** (КДС), **втѣпоры** (КДС), **всеконечне** (КДС), **исконевечно** (КДС), **исконилюбно** (КДС), **толикоратно** (КДС), **малогодь** (КДС) (вскоре, в ближайшем будущем), **любожеланно** (КДС), **ледовидно** (КДС), **лѣтоподобнѣ** (КДС) и др. Следует отметить, что в процессе исторического развития некоторые из этих наречий подверглись значительной деформации. Одни из них утратили первую часть, например, **всеконечнѣ** превратилось в **конечно**, другие утратили вторую часть: **долговременно** превратилось в **долго**. Некоторые распались на два слова, напр., **исконнивечно** (причем), где каждый из компонентов стал употребляться отдельно. Некоторые вышли из употребления, например: **единоживотно**, **взадпять**, **езеровидно**. Например, «езеровидно слезами очи его исполняхуся» (Воскресенская летопись, стр. 284).

Мы полагаем, что разные грамматические категории, выраженные сложными словами, имели разную продуктивность в различных стилях языка. Слова, связанные с категорией ка-

¹ К. А. Левковская. Словообразование. Изд. МГУ, 1954 г., стр. 10.

² Н. Никольский. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. П. 1916 г., стр. 129.

чественной оценки, имена прилагательные и наречия шире всего употребляются в высоких стилях. Так, например, в сочинениях Герасима Фирсова, ярко характеризующих высокие стили севернорусской литературы XVII века с их стремлением к искусственному плетению и извитию словес, мы находим большое количество высокопарных искусственных сложений, особенно в области прилагательных и наречий. Так как стиль проповедей требовал особого эмоционального воздействия на слушателей, эмоциональные эпитеты, слова качественной оценки употреблялись там особенно часто. Так, например, «в службе на перенесение мощей... Филиппа, митрополита Московского... в Соловецкую церковь Преображения» инок Герасим Фирсов¹ характеризует митрополита Филиппа такими выпренными словами-обращениями: «гусль сладкоглаголанная, исповѣдания труба боговдохновенная» (стр. 6). Или: «...золотозарный и свѣтоносный облаче» (стр. 9). Или: «небосажденная лоза» (стр. 12), или «цѣльбам источник приснотекущий», «благодатных дарований боготворное сокровище» (стр. 14). «Яко цѣвѣт божественного сада неувядаемѣ, яко кринѣ присноцѣвѣтушь и благосияненѣ животворныхъ вод струя» (стр. 15). Мы видим, что сложными прилагательными пестрит стиль этого сочинения у Герасима Фирсова: ...богонсныхъ отец (стр. 196); любославныхъ... учитель (стр. 195); многосвѣтлое солнце (стр. 3); цѣльбоносная рака мощей (стр. 3); боготворное сокровище (стр. 4); источник приснотекущий (стр. 4); всесиятельное селение (стр. 16); богосиянно свѣтило (стр. 16); кипарисъ мироуханенѣ (стр. 16); высокопаривого орла (стр. 184); медоточный источник (стр. 69). В этом сочинении мы находим очень много сложных наречий: **нелюбопернѣ** — «Хотящим нелюбопернѣ разумѣти и держати истинное» (стр. 194) (не любящий прений о вере); **отцепеданнѣ** (стр. 181—184), **истиннолюбнѣ** (стр. 181, 182); **боголюбно** (стр. 23); **единороднѣ** (стр. 22); **милостивно** (стр. 229), **благословеннѣ** (стр. 194), **многообразнѣ** (стр. 229). Все данные наречия, вышедшие из употребления в современном русском языке, все же понятны нам, потому что сохранилось большинство словосочетаний, из которых они произошли. Только одно наречие **нелюбоперне** вышло из употребления («но убо противу немощи наша довольна мню я же к вам реченная хотящим нелюбопернѣ») ².

Сложные слова, как стилистическое средство, широко употреблялись не только в церковно-учительской литературе, но и в русской публицистике XVI—XVII столетия, органически с нею связанной. Крупнейшими публицистами этой эпохи яв-

¹ Н. Никольский. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. П., 1916 г. (Приложение. Материалы для русского словаря XVII века).

² Там же, стр. 194.

лялись царь Иван Грозный, князь Курбский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, митрополит Макарий, протопоп Сильвестр, Георгий Скрипица, Иван Пересветов, протопоп Аввакум и др. Как правильно отмечает И. У. Будовниц «В свое время эти публицисты откликались на все жгучие вопросы современности, будили мысль, волновали умы, формировали общественное мнение и мимо них не может пройти ни один историк русской культуры и русской общественной мысли»¹. Добавим, не может пройти и ни один историк языка, так как в сочинениях публицистического стиля этой эпохи, носящих зачастую религиозно-догматический характер, под церковной фразеологией и оболочкой решались зачастую самые жгучие и злободневные вопросы общественно-политической жизни эпохи. «Церковь, — как отметил Фридрих Энгельс, — являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»². В публицистике стригольников и жидовствующих, иосифлян и нестяжателей, в еретической и старообрядческой литературе выковывались яркие стилистические средства публицистического выражения. Идеи противники, желая уязвить друг друга, использовали традиционные средства языка, но нередко прибегали и к словотворчеству, носящему ярко эмоциональный характер. Это сказалось в отборе прилагательных-эпитетов. В полемической борьбе противники не щадили друг друга: «Злобный волк, оболочийся в пастырскую одежду»³ — так величает Иосиф Волоцкий митрополита Зосиму; «Сквернослужительные священники»⁴, «Любопрепятельное послание» — так называет Иосиф Волоцкий послание заволжских старцев. Перечисляя преступления друг друга, идейные противники широко используют эмоциональную лексику, как традиционную, так и вновь создаваемую, обвиняя друг друга в душегубстве, злодеянии, кровопролитии, лихоимстве, святотатстве, вероломстве, тщеславии, высокоумии, тунеядении; одним из самых страшных грехов они считали **любопрѣние** (КДС). Не случайно Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе» сетует: «И на торжищахъ и в домѣхъ о верѣ любопрѣние творяху и сомнение имяху». О том, что обвинение в любопрѣнии было одним из самых серьезных обвинений, а само любопрѣние квалифицировалось чуть ли не как воль-

¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М—Л., 1947 г., Изд. АН СССР, стр. 1.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

³ Иосиф Волоцкий «Просветитель», Казань, изд. 2, стр. 12.

⁴ Сочинение инок Зиновия. Истины показания к вопросившему о новом учении. Написание вдового попа Григория Скрипицы из Ростова града о вдовствующих попѣх. Учения ОИДР при Московском Университете. 1848, № 6, стр. 45.

номыслие, свидетельствуют показания Вассиана Косого, который, стремясь оправдаться, писал, что «не от гордости и ненависти» или же «по излишнему любопытствию», а из любви к истине он вынужден выступать. Инок-князь Вассиан-Патрикеев указывает, что в Российском царстве необходимо прекратить «любопрения» и «лихоимание»¹.

Сравнительно мало слов, относящихся к разряду существительных, мы встречаем в этой публицистической литературе. Это в основном слова эмоциональной оценки. Например, **душегубец**², рядом с которым мы находим **мятежелоубец**³. Наряду с традиционным словом **святотатец** мы находим новообразование **духопродавцы** (нет в словаре Срезневского); **святокупцы** (т. е. ставящие попов по мзде). Нет в словаре Срезневского и таких выражений, как «**широковѣщательное** и **многорумящее** твое послание прияхъ...», которое встречается в письме Курбского Грозному⁴, **кровопивственный род**⁵.

Существительные в публицистике религиозной значительно меньше, чем прилагательных и наречий. Значительно меньше их и в сочинениях Герасима Фирсова. Сложные существительные **свѣтлолитіе** (стр. 3, 7, 9, 937), **плотноосца** бывша Христа (стр. 183), **мудролюбцы** (стр. 192), **первопрестольников** (стр. 194), **христоразрушником** (стр. 191), **христородица** (стр. 195), **златоустѣ** (стр. 13), **богопроповѣдники** и **самовидцы** (стр. 23), **благодать** (стр. 23), **благочестіе** (стр. 23), **благодѣль** (стр. 231), **человеколюбіе** (стр. 23).

Но было бы слишком поспешно, на основе приведенных примеров, число которых можно было бы значительно увеличить, считать словосложение принадлежностью только высокого стиля, хотя несомненно, что в этих стилях культивировались определенные типы сложных слов, главным образом, с категорией качественно-эмоциональной оценки (прилагательные и наречия). Нередко сложные слова употреблялись и в сатирической литературе. Так, например, стилистическая роль сложных слов особенно ярко выражена в «Сказании о роскошном житии и веселии»⁶.

Перед нами сказочное гротескное изображение страны изобилия для имущих, для дворян, недоступной простому народу, с которого берут огромные подати и пошлины:

¹ Православный собеседник, 1863 г., Казань, стр. 182.

² Книга степенная царского родословия. ПСРЛ, т. XXI, часть 2, СПб, 1913 г.

³ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, М., 1881 г., стр. 658.

⁴ РИБ, т. I, стр. 113—114. П. 1914.

⁵ Там же, 134.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц, Русская демократическая литература XVII в. М. — Л., 1954 г.

«И то ево поместье меж рек и моря, подле... езер **сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных... скотопитательных** пшениц... **разноцветущи** цветов... **благовонных** несказанно... само древесие человеческого нраву **самохотнѣ** служит... В садѣх же и дубравах птиц преисполнено... **краснопѣсных** сиринов»¹.

В живых разговорных стилях, в деловом языке эпохи мы находим иные взаимоотношения в употреблении частей речи. Здесь наиболее продуктивно и распространено имя существительное. Здесь много слов, связанных с категорией эмоциональной оценки: **злодѣй** (КДС), **лицедѣй** (КДС), **кожедер** (КДС), (охотник париться в бане), **блюдолиз** (КДС), **бедокур** (КДС), **блюдодѣй** (КДС), **вертопрах** (КДС) и его эквивалент **вертипрах** (КДС). Здесь довольно широко распространяется слово **душегуб** (КДС), **душегубство** (КДС), **душегубные дела** (КДС). «Случитца в Введенской и в Дмитревской волостях душегубство и Государевы поголовные деньги править ему судье Матфѣю со товарищи»². В бытовой сфере и деловой письменности широко распространены сложные слова профессионально-терминологического характера, например, при обозначении профессии: **браговар** (КДС), **винокур** (КДС), **кашевар** (КДС), **квасовар** (КДС), **медовар** (КДС), **соловар** (КДС), **пивовар** (КДС), **ложкомой** (КДС), **судомой** (КДС), **рыболов** (КДС), **рудомет** (КДС), **шерстобит** (КДС), **дуботолк** (КДС), (наймит у кожевников) **портсмоя** (КДС), **беломоя** (КДС), **волосомоя** (КДС). Рядом с названиями лиц сюда же входят и названия вещей и понятий: **душегрей** (КДС) (вино горячее), **жилобой** (КДС) (пульс), **солонovorot** (КДС), **воронограй** (КДС).

В Писцовых книгах XV—XVI столетия, в частности в Писцовых книгах города Казани³, мы находим большое количество сложных слов как для обозначения действующих лиц, так и для названия предметов. Так, например, при обозначении профессий наряду с **хлебниками, крупениками, портными мастерами, харчевниками, мясниками, корабейниками, калашниками, бронниками, рукавишниками, шубниками**, названия которых обозначались производными словами, мы находим и большое количество композитов. Например, «Климка Пахомьев сын **шерстобит** с сыном (стр. 77, 97, 99, 106, 107); Харитонка сын **коновал** (стр. 100); бобыль Савка **сыромятник** с сыном (стр. 106); Анисимка Павлов **соловолок** (стр. 106); Третьячка **винокур** (стр. 37); Першин **рыболов** (стр. 221 и 224, 32, 42, 44);

¹ В. П. Адрианова-Перетц, Русская демократическая литература XVII в., стр. 39.

² Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1883 г., Мирской выбор земского судейки, стр. 5.

³ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани, 1565—68 и 1646 г. Изд. АН СССР, Л., 1932 г.

Белянка пивовар (стр. 21, 23, 43, 109, 125); дуботолки (стр. 87, 105); сыромятники (стр. 23, 47, 74, 77, 82, 87, 90, 92, 95, 96, 98, 100, 103, 106, 112, 124); кашевар Баймуратко в тюрьме умер¹; Левка Игнатъев рудомет (стр. 109, 122, 124).

Кроме того, в Писцовых книгах города Казани мы находим и названия мест, выраженных сложными существительными²: к пивоварнѣ к государевѣ (стр. 21), богадѣльня (стр. 20, 25, 34), водовозьма (стр. 48), водомойня (стр. 48), водотечь (стр. 48).

Итак, мы видим, что композиты употребляются в разных сферах языка в церковно-учительской литературе, в публицистической литературе, в сатирической литературе и в деловой письменности, как, например, в писцовых книгах, в росписях, в просторечии. Все это говорит о том, что словосложение, широко употребляющееся в языке, нельзя целиком возводить к «заимствованиям» и «влияниям».

Вопрос о книжном происхождении словосложения, о влиянии греческого, церковнославянского и немецкого языков неоднократно дебатировался в нашей отечественной и зарубежной лингвистической литературе. Так например, Е. Дикенманн³, утверждая, что в праязыке было словосложение, а затем оно шло в каждом языке своими путями (стр. 13), отмечая, что в сказках, поговорках, загадках много сложных слов, все же считает, что большинство слов русского языка возникло под несомненным влиянием греко-латино-немецким.

В. Ягич⁴, также отмечая влияние немецкого словосложения на славянские языки, предпринял попытку показать сложный путь развития композитов, но эта попытка не увенчалась полным успехом, так как В. Ягич не дал развития сложных слов с учетом их семантики. Тем не менее следы дебатов о заимствованиях и влияниях мы встречаем в ряде кандидатских диссертаций, защищенных в последнее десятилетие.

Так например, З. П. Донова в своей кандидатской диссертации подчеркивает, что «сложные слова, в том числе и сложные прилагательные, это слова преимущественно книжного языка и свойственны различным стилям последнего»⁵. Аналогичные утверждения мы встречаем и в кандидатской диссертации

¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1833, Роспись кому имянем и за какую вину какое наказание было с приезде в Тобольск воевод князя Петра Ивановича Крамского да Федора Ивановича Ловчикова да дьяков Ивана Трофимова да Андрея Галкина, стр. 29.

² Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани, 1565—68 и 1646 г. Изд. АН СССР, Л., 1932 г.

³ E. Dickemann. Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russisch. Leipzig, 1934.

⁴ V. Jagic. Die slavischen Nominalkomposita in ihren sprachgeschichtlichen Auftreten. Archiv für slavischen Philog. XX, XXI. Berlin, 1898, 1899, стр. 88.

⁵ З. П. Донова. Сложные прилагательные в современном русском литературном языке. М., 1950 г. Автореферат.

ции В. Д. Романовской, которая пишет, что «словосложение, как тип словообразования прилагательных, возник в древнерусском языке под влиянием церковнославянского языка, из которого было заимствовано немалое количество слов. В последнем много сложных слов передавалось как результат перевода с греческого языка»¹.

С этими утверждениями никак нельзя согласиться. Положения В. Д. Романовской и З. П. Доновой не кажутся нам убедительными в свете анализа употребления словосложения в разных стилях языка (см. стр. 29-34).

Крупные языковеды нашей страны давно указывали и на другие пути возникновения словосложения. Так еще Ф. И. Буслаев в своей исторической грамматике подчеркивал, что «в просторечии употребляется много слов чисто русского сложения»². Такой тонкий исследователь русского языка, как В. А. Богородицкий, наряду с заимствованиями, наблюдал в системе языка «природные сложения»³. В 1953 г. появилась работа И. В. Пономарева, к сожалению, не законченная из-за смерти автора, — «История сложных слов в русском языке», — в которой автор исследовал сложные слова в «Трехязычном лексиконе» Ф. П. Поликарпова, уделяя основное внимание вопросам калькирования и соотношения русских сложных слов с греческими. В. И. Пономарев увидел в «Трехязычном лексиконе», который своим обилием греко-латинских параллелей мог бы, казалось, заслонить чувство правильного пути у исследователя, национальные корни словосложения в русском языке и отмечал, что наряду со сложными словами-кальками, в древнерусском языке «имелось много оригинальных русских слов»⁴.

Мы считаем, что хотя греческое, старославянское и немецкое словосложение стимулировало развитие сложных слов в русском языке, но история их образования лежит в глубинах русского языка, ибо такие композиты, как **боршеед** (КДС), **портомоя** (КДС), **самосад** (КДС), **солноворот** (КДС), **солнцеpek** (КДС), **двужильный** (КДС), возникли по законам внутреннего развития русского языка и отразили его специфику.

На правильном пути в решении этого вопроса, по нашему мнению, стоит Т. В. Сабанская, исследующая «Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII ве-

¹ В. Д. Романовская. Словообразование прилагательных в древнерусском языке, М., Автореферат диссертации, 1953, стр. 269.

² Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики, ч. 1, М., 1858 г., стр. 153.

³ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М. — Л., 1935 г., стр. 95.

⁴ В. И. Пономарев. К истории сложных слов в русском языке. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, IV, 1953 г., стр. 44—58.

ков»¹. Т. В. Сабанская, следуя за Ф. И. Буслаевым и В. Богородицким, приходит к правильному выводу: «Есть основания предполагать, что в русском языке имеются сложные слова, выросшие на основе народного языка, а также и то, что способ образования сложных слов посредством основосложения был свойственен искони русскому языку»².

Выводы об исконном происхождении сложных слов подтверждаются и наличием сложных прилагательных, характеризующих и названия лиц: **новокрещен**³ (стр. 26), **инородцы**⁴ (стр. 89, 91), **самопальный** мастер⁵ (стр. 172).

II

Словосочетание и сложное слово

Сложные слова образуются двумя основными путями: 1) из словосочетаний и 2) по моделям, имеющимся в языке.

При изучении сложных слов, возникших из словосочетаний, непременно должна учитываться органическая связь последних со словосочетаниями. На это указал еще И. И. Срезневский в своей небольшой, но изобилующей глубокими соображениями статье «Об образовании слов из выражений»⁶, в которой автор подчеркивает факт взаимозависимости между словосочетаниями и сложными словами. И. И. Срезневский отмечает, что сложные слова возникают чаще всего на базе словосочетаний и указывает, что «многие выражения, чем долее и более употребляются, тем легче стягиваются в одно какое-нибудь неразделенное слово. Например, дескать вместо **дѣяль сказать** или **дѣеть сказать**; **спасибо** вместо **спаси богъ**; **теперь** вместо **то перво**; **двадцать** вместо **два десята** и др.».

Этим же путем шел и немецкий исследователь Е. Дикенманн⁷, в основу своей классификации сложных слов положивший синтаксические соотношения элементов сложного слова (стр. 24). Но наряду с возникновением сложных слов из словосочетаний, Е. Дикенманн справедливо замечает возможность возникновения их по моделям. «Во многих случаях образование сложного слова идет по моделям. Так например, **древосе-**

¹ Т. В. Сабанская. Типы сложных прилагательных в языке русской письменности XI—XVIII веков, Ростов на Дону, 1951.

² Там же, стр. 22.

³ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани, 1565—68 и 1646 г. Л., 1932 г.

⁴ Там же, см. выше.

⁵ Там же, см. выше.

⁶ И. И. Срезневский. Замечания об образовании слов из выражений. Сб. ОРЯС, т. X, 1873 г., стр. IX и IX.

⁷ Е. Дикенманн. Цитированная работа, стр. 55.

честь не сложное слово, образованное от *древ* и *сечь*, а суффиксальное образование от слова *дровосек* (стр. 23)... Слово пароходство возникло не от *пар* и *ход*, а является производным от слова *пароход*». (стр. 23). Нельзя не согласиться с Е. Дикенманном, утверждающим, «что не всегда можно сказать имеем ли мы дело с собственно сложением или с производным словом» (стр. 23) ¹. О трудности разграничения сложных слов, возникших из словосочетаний, с одной стороны, и по моделям, с другой, говорит и Т. Б. Козминская. «Обычно очень трудно, если невозможно определить, какие из них возникли из словосочетаний и какие из имеющихся моделей» (стр. 217) ².

Наиболее детальный анализ данного явления произведен в книге К. Бругмана ³.

Польский исследователь И. Лось ⁴ также считает, «что ближайшей причиной, вызвавшей появление сложных слов, были сочетания, т. е. синтаксические пары слов, обозначающие одно понятие» (стр. 124).

С нашей точки зрения глубоко права Т. Б. Козминская, утверждая, «что в современном языке связь словосложения с синтаксическими словосочетаниями проявляется не всегда одинаково отчетливо. В отдельных случаях она выразительно выступает в каждом отдельном композите. В других случаях очевидна связь с словосочетанием лишь в целых типах сложных слов. В третьих она затемнена явлениями словообразовательного порядка» (стр. 213).

«Сложное слово и словосочетание часто (кроме словосложений по моделям) связано друг с другом генетически, так как налицо имеется зависимость значения сложного слова от лексических значений, входящих в его состав» ⁵.

Все исследователи отмечают трудность разграничения сложных слов, возникших из словосочетаний, и сложных слов, возникших по моделям, существующим в языке. Мы полагаем, что разрешение этого вопроса может быть дано только в историческом исследовании. Нельзя не согласиться с профессором К. А. Тимофеевым, утверждающим, что о словообразовании, как о процессе создания новых слов, можно говорить лишь с диахронной точки зрения, синхронная же дает основание для выделения структурных форм слова, которые являются предметом изучения морфологии».

¹ См. выше.

² Т. Б. Козминская. Сложные слова в современном чешском языке, Киев, 1955 г.

³ K. Brugman. Grudriss der vergleichende grammatik der indogermanischen Sprache. В. II, т. 2, Strassburg, 1906.

⁴ И. Лось. Сложные слова в польском языке. СПб, 1901 г.

⁵ Т. Б. Козминская. Сложные слова в современном чешском языке. Киев, 1955 г., стр. 218.

В памятниках XV—XVII столетия содержатся интересные данные, проливающие свет на процесс возникновения сложных слов и словосочетаний. Так например, слово **общежитие** возникло в монастырском обиходе, о чем свидетельствует житие Иосифа Волоцкого¹, в котором мы находим параллельные употребления словосочетания и сложного слова: «Любяше жити обще» (стр. 20); или «... помощью божия матере обще житие составляшеса» (стр. 24). Т. е. перед нами предпозитивный и постпозитивный словопорядок. Рядом с этим встречаем слово **общежительство** монастырское (стр. 18). Существование двух параллельных фактов языка, с одной стороны словосочетания, а с другой стороны композита, дает нам бесспорные доказательства того, что сложное слово **общежитие** возникло из двух компонентов: **обще + житие**.

Так же интересна и история композита **путешествие**. В том же Житии Иосифа Волоцкого мы встречаем словосочетание **путьное шествие**: «Ищущим крепкое жительство, невозможно седѣти ту, но молитъ игумена и братаю отпущены ему были и молитвы своя тому даровати путному шествию» (стр. 19).

Интересно и параллельное употребление композита **многогруден** с словосочетанием **трудъ много в хлѣботворницы** (стр. 16) и «**многогрудна** бо сия работа есть» (стр. 16).

Особенно интересны факты топонимики. Современное название города **Волоколамск** в данном памятнике употребляется в трех вариантах.

1) «Волокъ убо Ламской в достояние бысть князю Федору по отци его» (стр. 39). В этом примере существительное **Волок** и прилагательное **Ламской** разделено словом **убо**.

2) «Волок бо Ламской тому отечество бяше» (стр. 15). Здесь существительное **Волок** и прилагательное **Ламской** разделено словом **бо**.

3) Название города Волоколамска пишется через дефис: «Монастырь близ Волока-Ламского» (стр. 13) или града **Волока-Ламского**» (там же).

Как отмечает Н. В. Подольская в своей кандидатской диссертации, посвященной топонимике Новгородской земли, город **Волок** был расположен на реке Ламе, притоке Шоши и волость Новгородская ныне **Волоколамск**. Город возник как новгородское поселение «**Волок на Ламе**» на пути к Ростову. В первой половине XII века он употребляется как таковой в Лаврентьевской летописи под 1135 годом². Автор в своем исследовании отмечает, что порядок слов в сочетании **Волок**

¹ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным по двум рукописям собрания П. А. Овчинникова и опубликованного С. А. Белокуровым. Чтения Общества истории древностей российских, 1903 г., кн. 3.

² К. А. Тимофеев. Журнал «Вопросы языкознания», 1957 г., № 4, стр. 126.

Ламской был вариантным: 1) Волок Ламской и 2) Ламской Волок. Н. В. Подольская указывает на перестановку определяемого и определяющего и приводит многочисленные факты двоякого употребления **Волок Ламской** и **Ламской Волок**, но все же отмечает преимущественное употребление словосочетания **Волок Ламской** в памятниках XV столетия¹.

Как показывают наши наблюдения, в XVI столетии словосочетание **Ламской Волок** уже вышло из употребления. Осталось только словосочетание **Волок Ламской**, которое впоследствии изолировалось из предложения и вследствие частого употребления и соположенности компонентов, входящих в это словосочетание, интегрировалось в сложное слово **Волоколамск**.

Общеизвестен факт возникновения композита **Новгород** из словосочетания **Новъ городъ**, интересно и возникновение слова **Бѣлозеро**, впоследствии **Бѣлозерскъ**.

В Уложении Алексея Михайловича говорится о пенях и штрафах, которые должны собираться с оскорбителей священнослужителей, «с бѣла-озера Кириллова монастыря» (стр. 43—45, Уложение)².

В этом же памятнике мы находим словосложение, возникшее из компонентов **бѣл + озеро + суффикс ець: бѣлозерцы** поместья свои мѣнили (Уложение, стр. 165, 166).

Эти факты свидетельствуют о том, что интеграция двух компонентов сложного слова **бѣль + озеро**, наметившаяся, как об этом свидетельствует Софийский Временник в XV веке, в дальнейшем, как показало Житие Иосифа Волоцкого, в течение XVI—XVII столетия уже закончилась.

Топонимические названия также убедительно показывают нам, что частота употребления двух компонентов, их соположенность и их общее значение, возникшее и вследствие изоляции из синтаксических единиц, влияли на возникновение композита.

Рядом с топонимическими названиями, которые являются треминами, композиты часто возникают и вследствие эмоциональных факторов. Так в XVI столетии употреблялась лексема **живомертвецъ** (речь идет о похороненном заживо то есть отрекшемся от мира) (Памятники отреченной литературы XVI века, стр. 136). О процессе возникновения этого слова из словосочетания мы можем судить на основании письма Протопопа Аввакума к боярине Ф. П. Морозовой: «Блюдися ты, государыня, льстецовъ чернецовъ, и поповъ и черницъ, еже бы

¹ Н. В. Подольская я. Топонимика Новгородской земли по данным Новгородских письменных памятников XI—XV вв., ч. I и II, М., 1956, стр. 358.

² Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. Перепечатано из Полного Собрания законов. Государственная типография, 1913 г.

не развратили душу твою, и всехъ злыхъ человекъ уклоняйся, а с добрыми бѣседуй. Не презирай живова мертвеца»¹.

Топонимические названия широко представлены и в повести о Савве Грудцыне. Там имеется параллельное употребление композита **Соликамск** с словосочетанием: к **Соли камской**: «Фома куплю дѣяше, отъезжая внизъ Волгою рѣкою, овогда к Соли Камской»². Или «Повелеваетъ плиты к Соли Камской». «Он отыде к Соли Камской» (Там же).

Итак, отдельные слова, входящие в состав словосочетания, в процессе исторического развития интегрируются в сложные слова. Процесс возникновения таких композитов исследовал Вацлав Ягич на примерах **Царьград, Новгород**³. В наших материалах мы наблюдаем процесс возникновения названия городов, например, **Волоколамск, Соликамск, Бѣлоозеро** и др.

Факты топонимики дают нам возможность проследить историческую судьбу атрибутивных словосочетаний типа **Волок Ламской** или **Ламской Волок, Лисий Остров** или **остров лисий, Соль камская**, из которых в процессе исторического развития возникают композиты **Волоколамск, Лисьеостровск, Соликамск**, причем интересно проследить, что в отдельных случаях в сложном слове происходит изменение категорий рода. В словосочетании **Соль камская** и существительное и согласованное с ним прилагательное безусловно относятся к категории женского рода. В то же время возникшее из этого сочетания сложное слово **Соликамск** относится к мужскому роду. Мы полагаем, что на возникновение категории мужского рода здесь повлиял факт аналогии **Царьград, Новгород** и др.

Но в то же время данный факт свидетельствует о том, что сложное слово, изолируясь из словосочетания, подвергаясь процессу интеграции, получая новое семантическое наполнение и новую морфологическую структуру, отличается от словосочетания прежде всего единством структуры и наличием соединительного гласного О, Е в том случае, если перед нами сложение, или сохраняет старую флективную форму в том случае, если перед нами сращение, но самостоятельность существования композита подтверждается и тем, что сложное слово, отрываясь от словосочетания, может получить и отличную от существительного, входящего в словосочетание, категорию ро-

¹ Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения, 1934 г., стр. 308. Под редакцией Н. К. Гудзия.

² Повесть зело пречудно и удивлению достойно иже бысть гхъ ради нашихъ гонения Российского государства от безбожного еретика Гришки Отрепьева расстриги иже содеяся во граде Казани некоего купца Фомы Грудцына о сыне его Савве. В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII в. СПб, 1905 г., стр. 22.

³ V. Jagić. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten. Archiv für slavischen Philologie. Band XX—XXI. Berlin, 1898—1899.

да. Например, **Соль камская** — женского рода, **Соликамск** — мужского рода.

Цельнооформленность сложных слов диахронный процесс, напр. наречие: **ВОСВОЯСИ** (в XV веке состояло из трех компонентов **ВЪ СВОЯ СИ РАЗИДЕСЯ ЛЮДИ** (КДС. Книга Еноха 1—70). Современное наречие: **ВТРИДОРОГА** в XVII столетии имело такую структуру: **В ТРИ ДОРОГИ** (КДС. Акты Хол. и Устюж. Явка купца, I 1627—53).

Смешение, замену и переходные случаи в области частей речи легко проследить: в первом случае возникает наречие из сочетания предлога **ВЪ** и двух местоимений **СВОЯ СИ**: во втором случае образуется наречие из сочетания предлога: **ВЪ** числительного **ТРИ** и существительного **ДОРГА**, последнее свидетельствует о том, что возникновение и производных слов: **ДОРОГОСТЬ**, **ДОРОГОВЬ**, **ДОРОГОВИЗНА** и сложного этимологически слова **ВТРИДОРОГА** связано со словом **ДОРОГА**.

В Уложении 1649 года мы наблюдаем часто параллельное существование композитов, из которых возникли сложные слова, и самих композитов, причем наблюдение над такими явлениями приводят нас к убеждению, что мы можем выделить три типа образования сложных слов, существующих параллельно с словосочетанием или без него. *Первый тип*: Словосочетание **смертное убийство** налицо в Уложении, но сложного слова **смертоубийство** еще не возникло в изучаемую нами эпоху, хотя в последующие эпохи этот композит появился и зафиксирован соответствующими словарями.

Так в Уложении Алексея Михайловича мы читаем: «... А будет кто придетъ къ кому ни будь на дворъ... и уинить надъ тѣмъ къ кому он придетъ... **смертное убийство**... и того, кто такое **смертное убийство** учинилъ казнити самого смертию»³. Или: «Учинися убийство смертное»⁴. Мы наблюдаем здесь вариантное словорасположение. Первый вариант: определение стоит перед определяемым (**смертное убийство**) и второй вариант: определение стоит постопозитивно (**убийство смертное**). По-видимому, сначала произошло твердое закрепление порядка слов, а затем наметились пути интеграции двух простых слов в сложное, которое возникло значительно позже.

Возникновение сложного слова не является одним актом решающего удара. Словосложение происходит не мгновенно, а в процессе и в результате длительного употребления. Это

¹ Уложение, стр. 43... 45.
² Уложение, стр. 165, 166.
³ Уложение, стр. 94—95
⁴ Там же, стр. 301.

подчеркнул еще И. И. Срезневский: «Многие выражения, чем долее и более употребляются, тем легче стягиваются в одно какое-нибудь неразделенное слово»¹. Причем следует отметить, что происходит изоляция словосочетания, за которым закрепляется и определенный порядок слов. Так, например, словосочетание с определением в препозиции употребляется в Уложении восемь раз (смертное убийство), а в постпозиции только один раз.

«Будет который сынъ или дочь учинить отцу своему или матери **смертное убийство**: и их за отеческое, или за матерне убийство казнити смертно же безо всякия пощады»². Или: «А будет кто надъ кѣмъ уничижить смертное убийство, по чьему научению, а сыщется про то допряма: и того кто на смертное убийство научаль и кто убиль, обоих казнити смертию же»³.

Второй тип: существуют параллельно и в одном и том же памятнике употребляются композиты и словосочетания, из которых они возникли. Например, слова **челобитье**, **челобитная**, **челобитчик** и рядом словосочетания **челом бить**. «Приходили к нимъ немногие люди для челобитья»⁴. «И по тому челобитью про нихъ... сыскивати»⁵. От слова **челобитье** возникло слово **челобитчик**. «А будетъ которые воеводы пробѣзжихъ грамот... кому... давати не учнуть... и в том на них будут челобитчики, и сыщется то до пряма: и воеводамъ за то быти от государя в великой опалѣ»⁶. И рядом с этим композитом находим словосочетание **бить челом**, **бив челом**, **учнут бити челом**⁷, **учнет бити челом**⁸. Например, «А будетъ кто... учнетъ ему государя... в церкви во время церковного пѣнія о каких своих дѣлѣхъ бити челомъ и того челобитчика за то вкинути в тюрьму государь укажет»⁹. «А которые люди всяких чинов не бивъ челомъ Государю самовольствомъ завели мосты и мостовщины и перевозки... и те мосты и перевозки свести»¹⁰. В Судебнике, как отмечалось исследователями, встречается и переходная форма **челомбитье**, в котором уже произошло слияние двух компонентов в один, причем соединение получило аффикс, но данное слово еще не подверглось деформации, которая в следующие эпохи произойдет, а именно: утратится звук *М* перед *Б* в Уложении, встречается уже новая форма, возникшая по аналогии **челобитие** из старого **челомбитие**.

¹ И. И. Срезневский. Замечания об образовании слов из выражений. Сборник ОРЯС, т. X, 1873 г.

² Уложение, стр. 314, 315, 316.

³ Уложение, стр. 318, 318, 319.

⁴ Там же, стр. 7, 7, 26, 26, 32, 32, 32.

⁵ Там же, стр. 77.

⁶ Там же, стр. 12, 31.

⁷ Там же, стр. 7.

⁸ Там же, 7, 17, 18, 19, 32, 32, 32, 32.

⁹ Там же, стр. 2, 11, 16, 16.

¹⁰ Там же, стр. 30.

Итак, мы видим параллельное употребление сложного слова и словосочетания, из которого первое возникло. Такой же процесс мы наблюдаем и в параллельном существовании сложного слова **бѣломѣстець** и соответствующего словосочетания. Известно, что в эпоху Московского государства существовало коренное различие между землями **бѣлыми**, освобожденными от подати, и **черными (черные волости)**¹, несущими всю тяжесть налогового обложения (**черные мастеровые люди**)². Интересно проследить появление термина **бѣломѣстець**: «А которые Патріарши, и властеленские и монастырские... слободы устроены в городѣхъ на государевыхъ посадскихъ земляхъ им на **бѣлыхъ мѣstechъ**... без Государева указу и тѣ слободы со всѣми людьми и с землями взяти в посадъ без лѣтъ и безповоротно, зато, не строй на Государевѣ землѣ слободъ и не покупай посадской земли»³. А ниже читаем: «А которые тяглые люди разныхъ людей и слободъ учнут стояти на правѣжъ в истцовыхъ искъ от беломѣстцовъ позаемнымъ кабаламъ, а окупитися им будет нечемъ, а дворы и лавки у нихъ есть: и тѣ дворы и лавки продавати в окупъ истцова иску тяглымъ же людямъ а бѣломѣстцомъ техъ ихъ дворовъ и лавокъ в искъ не отдавати и не продавати»⁴.

Здесь мы также наблюдаем параллельное существование атрибутивного словосочетания **бѣлыхъ мѣст** и сложного слова **бѣломѣстець**. Мы видим, что в Уложении сосуществуют и словосочетание и сложные слова.

Причем связи между словосочетанием и сложным словом настолько ограничны и живы, что мы с полным основанием можем квалифицировать следы отношения в сложном слове как атрибутивные (учитывая аналогичные примеры, без параллельного наличия словосочетаний такая квалификация была бы рискованной, так как между морфемами, слившимися в сложное слово, синтаксических отношений быть не может, могут быть лишь следы отражения бывших синтаксических связей).

И, наконец, *третий тип*. Сложное слово имеется, имеется и словосочетание, из которого возник композит, но разрыв семантических связей произошел, сложное слово настолько изолировалось, получивши новое семантическое наполнение, что его нельзя просто вывести из старого словосочетания, из которого оно возникло. Так в Уложении мы встречаем из **Новгорода**¹. Но совершенно ясно, что это сложное слово, возникшее из краткого прилагательного плюс существительное в более древние эпохи не выводимо из сочетания **новъ** или **новый**

¹ Уложение, стр. 13.

² Там же, стр. 230.

³ Там же, стр. 224.

⁴ Там же, стр. 113.

город, а обозначает название старого города, так же, как и топонимическое название **Чернолесье**, изолировавшись, получило новое значение, уже не совсем соотносимое с словосочетанием **черный лес**².

С нашей точки зрения между словосочетанием и сложным словом, из него возникшим, существует длительная и органическая связь, которая на определенном этапе исторического развития обрывается. Сложное слово далеко отходит от словосочетания, но здесь мы можем наблюдать целый ряд переходных случаев, о которых говорил в свое время Л. В. Щерба. Поэтому, с нашей точки зрения, не совсем правы исследователи, утверждающие, что «всякое сложное существительное, например, газопровод, водопровод до тех пор будет оставаться сложным словом современного русского языка, пока давшее ему жизнь и соотносительное с ним словосочетание, например, проводить воду, проводить газ, сохраняется в качестве живого и общепотребительного в той или иной сфере».

Наши наблюдения показывают, что в отношении связи и словосочетания намечаются три типа:

1) Словосочетание имеется, но оно еще не изолировалось из предложения, не интегрировалось в сложное слово, хотя в дальнейшем процессе исторического развития мы наблюдаем на месте данного словосочетания возникшее из него сложное слово.

2) Словосочетание и сложное слово существуют параллельно.

3) Сложное слово сохраняется, но генетические связи его с словосочетанием исчезают, хотя словосочетание наличествует в языке, но впоследствии может выйти из употребления, заменившись сложным словом. Примеры см. выше.

Необходимо рассматривать эти три типа в сложном взаимодействии и взаимопроникновении. Здесь очень много тонких, на первый взгляд незаметных нюансов и переходных случаев, и решать вопрос так прямолинейно, как делают это некоторые языковеды трудно, так как очень часто сложное слово сохранившееся вне словосочетания, в нашем сознании еще очень легко может быть возведено к нему.

Нельзя в данном случае не согласиться с Л. В. Щербой, утверждавшим: «...надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно бо-

¹ Уложение, стр. 43.

² И. Лосъ. Сложные слова в польском языке, П., 1903 г., стр.

лее всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно готовятся те факты, которые фигурируют потом в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка ¹.

---

¹ Л. В. Щерб а. Некоторые выводы из моих лужицких наблюдений, тезисы 4, 5 и 7 (Цитирую по книге В. В. Виноградова «Русский язык», М.—Л., 1947, стр. 35).

Л. А. ДЕРИБАС.

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ «ВЕСЬ», НАРЕЧИЯ И ЧАСТИЦЫ «ВСЁ»

В практической работе по русскому языку лексико-синтаксическая характеристика отдельных разрядов слов вызывает известные затруднения. Особенно это относится к ряду определительных местоимений¹, которые, не выражая конкретного признака, выполняют в предложении не всегда однородные синтаксические функции. Грамматический анализ местоимения **весь** осложняется тем, что отдельные формы этого местоимения переходят в разряд других частей речи: в наречие, частицы, союзы.

Выяснение значения и синтаксических функций местоимения **весь** и отграничение его от наречия и частицы **всё** и входит в задачу данной работы.

1. Значение и употребление местоимения «*весь*».

Местоимение **весь**, изменяясь, как и прилагательное, по родам, числам и падежам, обычно употребляется в сочетании с именем существительным или заменяющим его личным местоимением. Реже местоимение **весь** может относиться к субстантивированному прилагательному или причастию.

А. А. Шахматов указывает, что местоимение **весь** в сочетании с существительным может употребляться атрибутивно или атрибутивно-предикативно².

Местоимение **весь**, относясь к существительному, не выражает каких-то дополнительных признаков предмета, «не дает лексической характеристики существительного»³. Сравните:

- 1) «**Весь** словарь будет состоять из 15 томов». (Предисловие к словарю современного русского литературного языка, М.—Л., 1950 г., т. 1, стр. IV).

¹ См. статью А. Б. Шапиро «Об употреблении местоимений сам и самый в русском языке», Труды института русского языка, т. II, М.—Л., 1950 г.

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, Л., 1941 г., стр. 297.

³ В. М. Филиппова, Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке, «Исследования по грамматике русского литературного языка», Изд. АН СССР., М., 1955 г., стр. 164.

2) **Академический словарь** будет состоять из 15 томов.

Не выражая конкретного признака, местоимение **весь** в роли определения указывает на значение обобщенности, или, как отмечает акад. В. В. Виноградов, оно имеет «усилительно-обобщительный смысл»¹.

Например:

- 1) Наталья спросила его, долго ли он намерен остаться в деревне.
— **Все лето**, осень, а может быть и зиму. (Тургенев).
- 2) ...с этой верой я прожил **всю жизнь**, посильно служа человеку (Горький).

В приведенных примерах на временное значение указывает сам винительный падеж существительного, а местоимение **весь** лишь уточняет, конкретизирует временный отрезок, выполняя роль «количественного определения»².

Характер грамматических отношений, выражаемых местоимением **весь**, зависит от того, какое место в предложении оно занимает. Препозитивное или постпозитивное употребление местоимения **весь** по отношению к существительному, с которым оно согласуется, определяет и синтаксическую функцию этого местоимения.

А. ПРЕПОЗИТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ **ВЕСЬ**.

В препозитивном положении местоимение **весь** широко употребляется с существительным как в единственном числе, так и во множественном. В единственном числе местоимение **весь** в препозитивном положении обычно употребляется с **неодушевленными** существительными. Круг этих существительных весьма разнообразен и, можно сказать, не ограничен.

Различие оттенков, выражаемых местоимением **весь**, в значительной мере зависит от лексического значения существительного, к которому относится местоимение **весь** и от категории числа этого существительного.

Например:

- 1) «Обоз **весь день** простоял у реки»... (Чехов).
- 2) «**Весь мир** говорит о страшном поражении, понесенном немецким оружием в Сталинграде». (Ю. Нагибин).
- 3) «Чуть не **вся деревня** сбежалась в избу к старухе»... (Достоевский).
- 4) «**Вся тяжесть** легкла на ее плечи». («Литературная газета»).
- 5) «Немиров только рукой махнул, **вся прелесть** домашнего завтрака исчезла». (Кетлинская).

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М. — Л., 1947 г., стр. 202.

² В. М. Филиппова, Там же, стр. 163.

б) «...сам он стоял у камина, застегнутый на все пуговицы, в высоком, твердом галстуке... (Тургенев).

В приведенных примерах местоимение **весь** в одном случае выражает значение цельности (весь день, весь мир, вся деревня, т. е. целый день, целый мир, целая деревня), в другом — указывает на полноту предмета, исчерпывающий характер его (вся тяжесть легла, т. е. тяжесть целиком легла, но не «целая тяжесть»). В форме множественного числа местоимение **весь** выражает значение обобщенности, совокупности (все пуговицы, т. е. и та, и другая... и следующая и т. д., взятые вместе) ¹.

Местоимение **весь**, указывая на цельность чего-либо, обычно сочетается с существительными, которые выражают значение времени (день, час), пространства (в широком смысле этого слова — мир, страна), обозначают совокупность лиц (класс, цех, курс и т. п.).

Местоимение **весь** в сочетании с этими существительными может быть синонимично прилагательному **целый**.

Например:

- 1) Каких пустяков было достаточно, чтобы сделать это создание несчастным на **целый день**, да и, пожалуй, на **всю жизнь**. (Чехов).
- 2) «**Весь день** Варюша носила колечко на среднем пальце...» (Паустовский).
Целое утро денег не сочту. (А. Островский).
- 3) «Ему **мир целый** казался прах и суета» (Грибоедов).
Весь мир говорит о страшном поражении, понесенном немецким оружием в Сталинграде (Ю. Нагибин).
- 4) «Мне просто представилось, что так и простою **всю жизнь**, бессмысленная... как в яме». (Л. Леонов).
Сам бредил **целый век** обедом или балом». (Грибоедов).

Определяя «что-либо как нечто нераздельное, взятое в полном объеме» ², местоимение **весь** даже в препозитивном положении может тяготеть к глаголу-сказуемому.

Например:

«Внезапно **вся сосна**, от корней до вершины, вздрогнула и застонала». (Паустовский).

В приведенном примере местоимение **весь**, определяя полноту предмета, по смыслу тяготеет и к глаголу-сказуемому, указывая на меру и степень действия. На обстоятельственные оттенки, выражаемые местоимением **весь**, указывает и рядом стоящий обособленный член предложения (вся сосна, т. е. от корней до вершины, вздрогнула и застонала).

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-е, М., 1938 г., стр. 168.

² Словарь современного русского языка, Изд. Академии Наук, СССР, т. 2, 1951 г.

Местоимение **весь** в единственном числе, как указывалось, в препозитивном положении обычно употребляется с неодушевленными существительными. Эту особенность отмечал еще А. А. Шахматов. Однако в художественной литературе встретилось несколько случаев употребления местоимения **весь** в препозитивном положении с существительными, обозначающими лицо.

Например:

- 1) «Он сразу нащупал бумажник, теплый и очень тяжелый, но в эту секунду **весь монах** сразу подскочил на скамье. (Горький).
- 2) И **вся Гланька** была особенная среди детей: беленькая, простенькая, она вызывала у всех взрослых тихое внимание к ней. (Горький).
- 3) Наука требует **всего человека** целиком. (В. Кетлинская).
- 4) Какая же эта красивая, сухая, белая тропа, сколько на ней чудесных изгибов! И вот что всего удивительнее: тысячи людей, может быть, в тысячах лет шли по этой тропе, шли-шли, и среди них, может быть, не раз проходили и я и ты, мой дорогой друг. Но не я и не ты один являемся творцами этой тропы. Один шел, другой обсекал этот след с носка или с пятки. То удивительно, что **весь прошедший человек** не вывел общую свою тропу, как рельсу прямо. Но у общей тропы, извилисто красивой и гибкой, сохранился особый характер, и это не мой характер и не твой, мой друг, а след **всего человека**. (М. Пришвин).

В приведенных примерах местоимение **весь** по формам согласования относится к определяемому существительному, но по смыслу оно может примыкать и к глаголу-сказуемому (см. три первых примера).

Интересно отметить, что если местоимение **весь** в препозитивном положении с одушевленными существительными употребляется довольно редко, то с личными местоимениями, и особенно с местоимением 3-го лица, местоимение **весь** встречается весьма часто.

Например:

- 1) Нет, **весь я** не умру... (Пушкин).
- 2) **Весь он**, с головы до ног, оброс..., словно древний Исав... (Салтыков-Щедрин, «Дикий помещик»).
- 3) ...**весь он** странно напоминал огромного, уродливого цыпленка. (Горький).

Так как личные местоимения, не называя предмета, лишь указывают на лицо или предмет, то в сочетании с ними местоимение **весь** не столько выражает определительные отношения, сколько обстоятельственные. Формально согласуясь с подле-

жащим, по смыслу местоимение **весь** относится к глаголу-сказуемому: «весь я не умру», т. е. «целиком», «совершенно» я не умру.

Местоимение **весь** в ед. числе в сред. роде (всё) может также употребляться в сочетании с субстантивированными формами указательных и притяжательных местоимений, а также с субстантивированными прилагательными.

Например:

- 1) «Язык, образы, характеры, природа, быт, эстетика, **все это** целиком от народа» (А. Толстой).
- 2) ...в оную газету я отдаю **все то**, что раньше отдавал в... «Будильник»... (Чехов).
- 3) Книги сыплются на меня дождем и градом. Сибиздат прислал **все свое!** (Горький).
- 4) Я ложился, наваливал на себя **все теплое**, что у меня было, и читал при свете коптилки стихи. (Паустовский).

В сочетании с субстантивированными формами местоимения сред. рода **все** указывает на значение обобщенности, совокупности, образуя с этими формами цельное словосочетание¹.

Во множественном числе местоимение **весь** в форме **все** употребляется со всеми существительными, как неодушевленными, так и одушевленными, указывая на совокупность предметов и лиц.

Например:

- 1) И написал в Москву, чтоб колонии выслали **все мои книги**. (Горький).
- 2) Там-то... сидел теперь и Саша Грацианской... со **всеми** своими ребячьими **секретами**. (Л. Леонов).
- 3) Настя была молчаливая и сероглазая, как **все девушки-северянки**. (К. Паустовский).

Выражая значение совокупности, обобщенности, местоимение **весь** во мн. числе также выполняет функцию количественного определения.

Относясь к сочетанию количественного числительного с существительным, местоимение **весь** во мн. числе выражает усилительно-обобщающее значение, приближаясь по употреблению к частице.

Например:

- 1) Он, не умолкая, рассказывал **все двадцать минут**. (Достоевский).

¹ В данной статье не ставится задача специально описывать употребление местоимения **весь** в синтаксически или лексически связанных сочетаниях. См. И. С. Козырев, Устойчивые словосочетания с местоименными словами в совр. рус. яз. «Ученые записки Орловского пединститута», Орел, 1954, т. IX, вып. IV.

- 2) Широкий казарменный двор, обнесенный со всех четырех сторон длинными деревянными строениями, кишел, точно муравейник, серыми солдатскими фигурами. (А. Куприн).

Усилительное значение этого местоимения с оттенком обобщения обнаруживается и во фразеологическом сочетании «на все четыре стороны».

Например:

— А вот вам мое последнее слово: коли не отдадите к середе денег, так идите на все четыре стороны... (В. И. Немирович-Данченко).

Местимение **весь** во мн. числе может иметь усилительно-обобщающее значение и в сочетании с личными местоимениями.

Например:

- 1) «Елена Андреевна: ...Улететь бы вольною птицей от всех вас..., забыть, что все вы существуете на свете...» (Чехов).
- 2) А сколько же здесь дорог — и малые и большие, все они спутались, сплелись одна с другой. (Бабаевский).

Итак, местоимение **весь** в препозитивном положении обычно употребляется в роли особого определения, которое, не называя конкретного признака, выражает количественно-определятельные отношения. Определение, выраженное местоимением **весь**, по смыслу может быть связано не только с определяемым словом, но и с глаголом-сказуемым. Эта смысловая связь местоимения **весь** с глаголом-сказуемым в зависимости от лексического состава предложения может проявляться не всегда одинаково отчетливо.

Б. ПОСТПОЗИТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ ВЕСЬ.

Местоимение **весь**, согласуясь с определяемым существительным, легко может утрачивать смысловую связь с этим существительным и, тяготея к глаголу-сказуемому, выражать обстоятельственные оттенки. Обстоятельственное значение местоимения **весь**, слабо осязаемое в препозитивном положении, отчетливо проявляется в том случае, если местоимение **весь** употреблено после существительного, с которым оно грамматически связано. Например:

- 1) ...однохуторянин Григория Емельян Грошев, серьезный и деловитый казак, **весь** как-то почернел... (Шолохов).
- 2) И Николай **весь** сжался, будто его ударили. (Кетлинская).
- 3) Этот парень все более не нравился Самгину, **весь** не нравился. (Горький).

В приведенных примерах местоимение **весь**, сохраняя грамматическую связь с существительным, указывает на меру и степень действия.

Обстоятельственное значение местоимения **весь** еще более усиливается, если оно употребляется после глагола-сказуемого.

Например:

«Дул верховой ветер, пароход шел трудно, дрожал **весь**...» (Горький).

В этом случае местоимение **весь** может стоять в одном ряду с другими обстоятельствами, которые уточняют и раскрывают его значение.

Например:

- 1) ... (Гаврила Ардалионович) принадлежал к разряду людей «гораздо поумнее», хотя **весь**, с ног до головы, был заражен желанием оригинальности. (Достоевский).
- 2) Он, **весь**, сверху донизу, был покрыт перьями и пухом. (Бунин).
3. Ольга же **вся**, от волос, цвета лесного ореха, до носочка манежной туфельки, была сама прелесть. (Куприн).
- 4) Мы скучаем только голову, — а он (жандарм) **скачал весь**, насквозь, снизу доверху: скачала его фуражка, с бесцельным молодечеством сдвинутая набекрень, скачали шпоры и тренькали дисгармонично, враздробь, как глухие. (Л. Андреев).
- 5) ...сегодня ты **весь**, целиком захвачен своей новой работой. (Кетлинская).

Таким образом, местоимение **весь** в именительном падеже, употребленное после подлежащего, указывая на меру и степень действия или качества, выполняет функцию обстоятельства, особенностью которого является то, что оно во всех формах согласуется с подлежащим.

Нужно отметить, что в постпозитивном положении местоимение **весь** свободно сочетается со всеми существительными как неодушевленными, так и одушевленными, в препозитивном же положении, как отмечалось, местоимение **весь**, как правило, употребляется с неодушевленными существительными. В препозитивном положении местоимение **весь** обычно функционирует как особое количественное определение, которое указывает на цельность и полноту предмета. Подобная характеристика (со стороны цельности и полноты предмета) для одушевленных существительных не свойственна. Поэтому местоимение **весь** с одушевленными существительными в ед. числе в препозитивном положении употребляется крайне редко (ср. типичное сочетание «весь стол...» и мало употребительное «весь

студент...»). В постпозитивном положении местоимение **весь** лишь формально согласуется с существительным, по смыслу же оно относится к глаголу, характеризуя его действие. Поэтому в постпозитивном положении местоимение **весь**, функционируя как обстоятельство, легко употребляется со всеми существительными и заменяющими их личными местоимениями.

Интересно отметить, что в постпозитивном положении местоимение **весь** в форме ед. числа ярче выражает обстоятельственные отношения, чем в форме мн. числа.

Сравним примеры:

- 1) «...и видно было издали, как он **весь** затрепетал» (Гоголь) (Сравните: ...как они **все** затрепетали).
- 2) «Что касается предмета нашей переписки, то я **весь** к Вашим услугам». (Чехов) (Сравните: ...мы **все** к Вашим услугам).

Связано это с тем, что местоимение **весь** в форме множественного числа обычно указывает на совокупность и обобщенность предметов и лиц, что удерживает это местоимение в составе подлежащего и препятствует появлению смысловой связи со сказуемым.

Местоимение **весь** в роли обстоятельства, относясь по смыслу к глаголу, грамматически иногда может быть связано не с подлежащим, а с прямым дополнением.

Например:

- 1) ...Стопками лежали тут институтские учебники... Она (Аня) **вынула их все**. (Кетлинская).
- 2) Есть такой стих... Только **весь его никому**, покамест, не дано знать — все слова розданы по отдельным, разным лицам... надобно слова эти все собрать... (Горький).
- 3) Если время, ветром разметая,
Сгребет их все
в один ненужный ком...
Скажите так, что
роща золотая
Отговорила милым языком. (С. Есенин).

Согласованное с подлежащим, местоимение **весь** может характеризовать не только действие, но и признак, т. е. может относиться по смыслу не только к глаголу, но и к прилагательному, выражая меру и степень качества. Например:

- 1) Он закрыл глаза и лежал неподвижно, **весь бледный и худой**. (Тургенев).
- 2) Дня за два перед беседой... явился Бубенчик, гладко остриженный, чистенький, **весь прозрачный**, как его глаза. (Горький).
- 3) Когда утром отца принесли домой, он был еще без памяти и **весь черный**, как чугун. (Шолохов).

Местоимение **весь** в рассматриваемом значении иногда примыкает к предложно-падежной форме существительного, употребленного предикативно или полупредикативно.

Например:

- 1) Противоположный берег был **весь** в оврагах (Паустовский).
- 2) Вот сидит Шир-Али на коврах, выше всех, **весь** в шелке и золоте. (Горький).

В таких случаях местоимение **весь** легко может переходить в усилительную частицу.

Например:

У Абраши была жена — маленькая, плаксивая, **вся** в черных кудряшках... (Паустовский).

Такая согласуемая частица часто употребляется в устойчивых словосочетаниях.

Например:

- 1) ...ведь твоя она доченька, и славная такая, **вся в тебя...** (Кетлинская).
- 2) Характером **вся в отца.** (Луконин).

Итак, местоимение **весь** в постпозитивном положении, грамматически согласуясь с подлежащим, по смыслу относится к сказуемому. Местоимение **весь** в этом случае не выражает какого-то конкретного признака, относящегося к сказуемому, а лишь обобщенно указывает на значение меры и степени действия, качества или состояния. Местоимение **весь** в роли такого «согласованного» обстоятельства употребляется, как правило, в форме именительного падежа.

Местоимение **весь**, таким образом, может выполнять в предложении две основные синтаксические функции: 1) количественного определения или 2) обстоятельства со значением меры и степени. Употребление местоимения **весь** в той или иной функции отражается и на порядке слов в предложении: местоимение **весь** в зависимости от его роли в предложении занимает неодинаковое место по отношению к определяемому существительному. Согласуясь всегда с существительным или с заменяющим его местоимением, **весь** по смыслу относится или к самому существительному-подлежащему, выполняя функцию количественного определения, или к сказуемому, выступая в роли обстоятельства меры и степени. Различие семантических оттенков, выражаемых местоимением **весь**, в значительной мере зависит от лексико-грамматического значения тех слов, к которым относится местоимение **весь**.

II. Значение и употребление наречия **всё**.

В современном языке при глаголе-сказуемом довольно часто употребляется неизменяемая отместоименная форма **всё**. Эта форма, утратив связь с определяемым существительным,

окончательно потеряла грамматическую соотнесенность с местоимением **весь, вся, всё** и в настоящее время употребляется при глаголе как наречие со значением времени.

Так как наречие **всё** по форме совпадает с соответствующим местоимением сред. рода, то выражаемое им значение обнаруживается лишь в составе предложения. Рассмотрим пример:

«И снится ей **всё**, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растёт». (Лермонтов).

В приведенном примере наречие **всё** указывает на постоянность, длительность действия: снится ей постоянно, всё время, всегда. Не следует это наречие смешивать с субстантивированной формой местоимения среднего рода¹⁾: снится — что? — всё. Иначе в таком понимании предложение теряет смысл (ей снится не всё, а лишь только то, что в пустыне далекой прекрасная пальма растёт).

Аналогичное значение наречия **всё** и в следующем примере.

«И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна» (Блок)

Выполняя функцию обстоятельства времени, наречие **всё** не обозначает конкретного отрезка времени, оно лишь подчеркивает длительность, постоянность действия глагола-сказуемого. Поэтому наречие **всё** всегда употребляется с глаголом-сказуемым в форме несовершенного вида.

Например:

- 1) Он (Пьер) задумался еще на прошлой станции и **всё** продолжал думать о том же... (Л. Толстой).
- 2) ...Настя радовалась... и **всё** надеялась увидеть еще Балашова. (Паустовский).
- 3) ...Леонтьев не мог сидеть в своей... квартире. Его **всё** тянуло наружу, на воздух, к Неве. (Паустовский).

¹⁾ Примечание. Как известно, в роли существительного обычно употребляется сред. род ед. числа (**всё**), а также формы мн. числа — все, всех, всем и т. д.

Например:

1) «Заря уже давно румянилась на небе: **всё** возвещало восхождение солнца». (Н. В. Гоголь).

2) «**Всё** всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружье и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унести». (Н. В. Гоголь).

3) **Все** в деревне были убеждены, что Балашов человек одинокий (Паустовский).

Если субстантивированная форма в ед. числе **всё** может указывать как на совокупность предметов (I пример), так и на совокупность лиц (II пример), то форма мн. числа **все**, как правило, обозначает совокупность лиц.

Если наречие **всё** употребляется лишь при глаголе-сказуемом несов. вида, то субстантивированная форма местоимения сред. род, естественно, может употребляться с глаголами как совершенного, так и несовершенного вида.

Сравните:

- 1) ...Он... **всё** смотрел на меня с тою же усмешкой. (Достоевский) (при невозможности «все посмотрел на меня»).
- 2) ...**Всё** мешало ему сегодня... (Г. Николаева) (ср. **всё** помешало ему сегодня).

Наречие **всё** отличается от субстантивированной формы местоимения и в отношении порядка слов. Наречие **всё** по отношению к глаголу-сказуемому, как правило, препозитивно (если это не стихотворная речь), тогда как субстантивированное местоимение **всё** свободно употребляется как в препозитивном положении, так и в постпозитивном.

Сравните:

I — **всё** как наречие.

«И **всё** звенела та тонкая, скорбная, плакавшая где-то в самой крови струна». (Г. Николаева).

II — **всё** в значении существительного:

- 1) «Он знает **всё**, — говорили они про него». (Чехов).
- 2) «И ты испугался? — думал Бахирев. — А ведь **всё** понимаешь, лучше других». (Г. Николаева).

В тех случаях, когда временные оттенки наречия **всё** проявляются довольно отчетливо, то оно без ущерба для смысла предложения может заменяться другими наречиями: **всё время**, **постоянно**, **всегда**. При этом наречия **всё** и **всё время** могут употребляться в аналогичных контекстах.

Например:

- 1) «...Он был так деликатен, что не пустился ни разу в утешения и почти **всё молчал**». (Достоевский).
- 2) «Старуха весь день возилась во дворе, уходила на огород, возвращалась и **всё время молчала**, и с ней тоже никто не говорил...» (Ю. Сальников).
- 3) «По вечерам Иван Данилыч **всё смотрел** на них (картины) и вспоминал по порядку: здесь был дом, конь, береза, закат». (Е. Успенская). (Сравните: «**всё время** смотрел на них и вспоминал...»).

Само наречие **всё время** также сравнительно свободно может заменяться наречием времени **всё**.

Например:

- 1) Он говорил, как будто засыпая, и **всё время** облизывал языком потемневшие, сухие губы. (Горький). (Сравните: и **всё облизывал** потемневшие губы).

- 2) «Я ходил по городу до изнеможения и **всё время** открывал живописные уголки...» (Паустовский). (Ср.: ходил по городу и **всё открывал** живописные уголки).

При лексически повторяющихся формах глагола-сказуемого наречие **всё** может подчеркивать продолжительность действия, интенсивность проявления его.

Например:

- 1) «Подле нее лежала стопка исписанных листков, которая **всё росла и росла**.» (Е. Успенская).
- 2) «...По черной воде **всё плыли, плыли** серые льдины...» (Кетлинская).
- 3) «А лес **всё вел и вел** их своими сложными путанными ходами. (Ю. Нагибин).
- 4) «А белые витые гребешки (волн) **всё догоняли и догоняли** пароход...» (Е. Успенская)..

Длительность действия в приведенных примерах выражается не только грамматически, с помощью употребления формы несовершенного вида, но и лексически: путем повторения глагольных форм и употребления наречия **всё**.

Наречие **всё**, указывая на длительность действия или состояния предмета, может быть синонимично сочетанию «до сего времени».

Например:

- 1) Давно поэт в бою убит,
В мундире офицерском спит
На дальней стороне,
А **всё** стихи она хранит
В шкафу, на самом дне... (Н. Грибачев).
- 2) Прошли года, но ты — **всё та же**:
Строга, прекрасна и ясна,... (Блок).

В этом значении наречие **всё** обычно употребляется со сказуемым в форме настоящего или прошедшего времени:

- 1) **Всё** в общежитии живешь? (Казакевич).
- 2) Кретов походил по двору,... вернулся в дом..., а Никифора **всё не было**. (Ю. Нагибин).

Наречие времени **всё** может указывать не только на длительность действия, с помощью его может выразиться и значение повторяемости действия.

Например:

- 1) «И какой-то сидящий против меня господин лет за сорок... **всё встает** и, не глядя на меня, — от пренебрежения ко мне, — **всё поправляет** на сетке свои хорошие, в крепких чехлах чемоданы и чемоданчики». (Бунин).
- 2) «Было видно, что они только что плакали, и Сонюшка **всё подносила** к глазам платок». (Е. Успенская).

В первом примере наречие **всё** отчетливо указывает, что действие сказуемого повторяется несколько раз: «господин **всё** встает и **всё** поправляет свои чемоданчики». Без наречия **всё** сказуемое в форме настоящего времени утратило бы значение повторяемости действия (ср. господин встает и поправляет чемоданчики).

Во втором примере глагол-сказуемое «подносила» может в определенном контексте указывать на повторяемость действия, но в данном случае это значение повторяемости подчеркивается употреблением наречия **всё**. Аналогичное значение и в следующих примерах:

- 1) Аня с наслаждением пила чай и **всё** подвигала Евдокии Павловне печенье и конфеты... (В. Кетлинская).
- 2) Должно быть, (он) впервые выступал... на собрании: он и вышел нерешительно и **всё** расправлял на трибуне приготовленные заметки. (В. Кетлинская).

Иногда наречие **всё**, указывающее на повторяемость действия, может употребляться в одном контексте с другими наречиями: **снова**, **опять** и т. п.

Например:

- 1) Чьи-то года считала кукушка, и **всё** сбивалась со счета, и **опять** начинала. (Чехов).
- 2) Он (матрос) **всё** начинал напевать песенку, но тотчас обрывал ее и начинал снова. (Паустовский).

Значение повторяемости действия, на которое указывает наречие **всё**, чаще всего обусловлено лексико-грамматическими особенностями глагола-сказуемого, к которому относится это наречие. Наречие **всё** с рассматриваемым значением обычно относится к глаголам несовершенного вида, которые в какой-то мере сохранили указание на значение кратности. (Ср. 1) **всё** молчала — отсутствует значение повторяемости и 2) **всё** начинала петь, **всё** подвигала что-то — дается указание на значение повторяемости.

Временные оттенки, выражаемые наречием **всё**, могут выступать в предложении не всегда одинаково ясно. Они более отчетливо проявляются в том случае, если наречие **всё** непосредственно относится к глаголу-сказуемому:

«Он был так деликатен, что не пустился ни разу в утешения и почти **всё** молчал». (Достоевский).

Временные оттенки утрачиваются, если наречие **всё** относится к существительному.

Например:

- 1) Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой

Терновник, спутанный плющом,
Всё лес был, вечный лес кругом...» (Лермонтов).

2) Поле идешь — всё цветы да цветы. (Некрасов).

В приведенных примерах наречие **всё** выражает не столько временные отношения, сколько пространственные: **всё** лес был, т. е. всюду лес был (ср. вечный лес **кругом**). Пространственные отношения, выражаемые наречием **всё**, часто неотделимы от обобщенно-количественных отношений:

«Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокам-то **всё** косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?» (Некрасов).

Такая нерасчленность в значении наречия **всё** свидетельствует о переходе этого наречия в частицу.

По вопросу грамматической характеристики бывшей формы местоимения среднего рода **всё** в лингвистической литературе нет единого мнения. Одни ученые независимо от выражаемых значений относят это слово к частицам¹⁾, хотя и полунаречным²⁾.

Другие ученые разграничивают употребление **всё** в роли наречия и в роли частицы в зависимости от того, какое значение этим словом выражается³⁾.

Еще Ф. И. Буслаев⁴ писал, что **всё** в сред. роде ед. числа употребляется вместо **всегда**. Как показывает изученный нами материал, наречие **всё** и частица **всё** выражают различные отношения. Наречие **всё** в отличие от частицы, относясь к глаголу-сказуемому, указывает на длительность, постоянность, а иногда и повторяемость действия. Выражая временные отношения, наречие **всё** может заменяться другими наречиями со значением времени: все время, постоянно, всегда, до сего времени. Такая замена свидетельствует о том, что бывшая форма местоимения среднего рода в сочетании с глаголом-сказуемым выполняет функцию наречия.

¹ А. И. Ефимов. Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1952 г., стр. 246; А. Б. Шапиро «Очерки по синтаксису русских народных говоров», М., 1953 г., стр. 262—263.

² Н. Ю. Шведова. Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке. Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955 г., стр. 264.

³ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, М., 1935, т. 1, стр. 399.

Л. В. Щерба. «Русско-французский словарь», М., 1950, стр. 94.

Словарь русского языка. С. И. Ожегова, М., 1952, стр. 86.

Словарь современного русского литературного языка, изд. Ак. Наук СССР, М. — Л., 1951 г., т. 2, стр. 817.

⁴ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, изд. 3, М., 1869, стр. 180, § 210.

III. Значение и употребление частицы **всё**.

Значение частицы **всё** в предложении довольно разнообразно. В отличие от наречия частица **всё** утрачивает временные оттенки. С помощью частицы **всё** обычно подчеркивается, усиливается то или иное слово в предложении, т. е. частица **всё** большей частью функционирует как усилительная.

- 1) «Реки широко разлились и **всё** никак не хотели входить в берега». (Паустовский).
- 2) ...**ходил** он (Григорий) в думах вокруг **всё того же вопроса** и наконец мысленно махнул рукой... (Шолохов).
- 3) Народ здесь **всё фронтовой, люди обстрелянные...** («Литературная газета»).

Усилительная частица **всё**, обычно препозитивная по отношению к выделяемому слову, часто употребляется вместе с указательным местоимением **такой, тот** или рядом с наречием **так**. Эти местоимения, а также наречие в свою очередь имеют при себе постпозитивную частицу **же**.

Например:

- 1) Дед Гришака, **всё в том же** армейском сером мундирчике с красными петлицами на отворотах, сидел на лежанке. (Шолохов).
- 2) ...**всё тем же** родным языком шептал тополь... (Шолохов).
- 3) Ночь была **всё так же** темна и тиха. («Литературная газета»).
- 4) На улице тихо, разрывы **всё так же глухо** теряются вдали (Ю. Нагибин).

Так как указательное местоимение, как правило, относится к существительному, а наречие **«так»** — к другому наречию или к краткому прилагательному, то усилительная частица **всё**, употребляемая перед указанными местоимениями и наречием, оттеняет, подчеркивает значение того или иного предмета, его состояние, а также признак действия.

Усилительная частица **всё** в ряде случаев вносит в предложение дополнительные смысловые оттенки. Так частица **всё** может выражать количественные оттенки, переходя в разряд количественно-определяющих частиц. Частица **всё** с количественно-определяющим значением обычно относится к существительному во множественном числе.

Например:

- 1) Все многочисленное семейство учительши, — **всё девочки и погодки**, — высыпало вслед за матерью... (Достоевский).
- 2) Знакомые, **всё дачники**, сходятся оглядывать друг друга. (Достоевский).

- 3) Дронов говорил Климу: — Ты с этими не дружись. это **всё трусы, плаксы, ябедники.** (Горький).
- 4) Большинство в отряде было родом как раз из Сускии, **всё из богатеньких...** (Л. Леонов).
- 5) ...в Курземе... ни одного русского мужика не было. Там **всё латыши.** (А. Кононов, «Верное сердце»).
- 6) Пленных привели двенадцать человек, **всё полицейские,** жандармов живых не осталось (Д. Медведев).

Частица **всё** с количественным значением может относиться не только к одиночному существительному, но и к сочетанию существительного с прилагательным.

Например:

- 1) Видишь: Из каждых ворот
Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель. (Н. А. Некрасов).
- 2) Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки,
Смешались, как в поле цветы. (Н. А. Некрасов).
- 3) Старушки **всё народ сердитый.** (Грибоедов).
- 4) Какие **всё разные люди.** (Кетлинская).
- 5) Ба! Знакомые **всё лица.** (Грибоедов).

Иногда, как видно из примеров, количественно-определяющая частица может употребляться и при существительном в форме ед. числа, когда оно указывает на совокупность лиц или предметов.

Частица **всё** вносит дополнительные смысловые оттенки и в том случае, когда употребляется при сравнительной степени наречия или прилагательного.

Относясь к сравнительной степени наречия, частица **всё** указывает на постепенное увеличение качества действия.

Например:

- 1) А впереди **всё грознее, всё настойчивее** стучали пулеметы. (А. Толстой).
- 2) Пламя... разъяряется **всё ярче и грознее,** охватывая горизонт **всё шире и шире...** (И. Бунин).
- 3) ...Душа болит **всё настойчивее.** (Кетлинская).
- 4) «Звонок звенел **всё настойчивее.**» (Кетлинская).

Частица **всё** может относиться не только к простой форме сравнительной степени наречия, но и к сложной.

- 1) Это очень нужно для Максима, который склонен **всё более серьезно** заниматься искусством. (Горький).
- 2) От физических страданий нас, **всё более успешно,** лечат доктора... (Горький).

В единичных случаях частица **всё** относится к обстоятельным наречиям, которые обычно лексически повторяются.

- 1) «Жизнь идет **всё вперед и вперед**, культура делает громадные успехи...». (Чехов).
- 2) «Огромной лиловой дугой, прошитой золотом, **всё влево и влево закруглялась река**». (Л. Леонов).
- 3) «Сергей гнал от себя это чувство, но назойливо и щемяще оно возникало **всё вновь и вновь**». (Ю. Нагибин).

Если при сравнительной степени наречия частица **всё** употребляется довольно широко, то при сравнительной степени прилагательного частица **всё** встречается значительно реже, и главным образом тогда, когда сравнительная степень прилагательного выполняет роль именной части в составном сказуемом.

Например:

- 1) «Куриный крик становится **всё** громче» (Чехов).
- 2) «...с каждым днем... она (сестра) становится **всё** слабее и слабее...» (Чехов).
- 3) «...Лес становился **всё** выше и выше». (К. Паустовский).
- 4) «...Моя информация.. становилась день ото дня **всё** обширнее». (А. А. Игнатьев, «Пятьдесят лет в строю»).

Сравнительная степень прилагательного с частицей **всё** в составном сказуемом обычно употребляется при связке «**становится**», которая указывает на возникновение, становление признака в предмете, а частица **всё** — на постепенное увеличение этого признака. Глагол-связка в подобных сказуемых может опускаться:

Например:

«**Всё** ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив...» (Блок).

Иногда частица **всё**, указывающая на постепенное увеличение признака в предмете, относится к сравнительной степени прилагательного, употребленного в сочетании с существительным. Однако круг этих прилагательных лексически ограничен: частица **всё** обычно употребляется при сравнительной степени от прилагательных **большой, малый**, причем, как правило, в несвободных сочетаниях.

Например:

- 1) Сегодня... народы Азии и Африки **всё в большей мере** берут свою судьбу в свои собственные руки.
(«Правда», 20/IV-1955 г.)
- 2) ...Тревога росла... с каждым часом, захватывая **всё большее число** людей. («Правда», 19/VI-1955 г.)
- 3) И он начал подробно анализировать возможности цеха, доказывая, что... не обойтись без авральных методов работы: «Конечно, **всё в меньшей и меньшей степени**, но не обойтись!» (Кетлинская).

Со сложной формой сравнительной степени прилагательного частица **всё** употребляется намного шире, чем с простой.

- 1) «С каждым днем она становилась **всё более приветливой**». («Литературная газета»).
- 2) «**Всё более широкие** политические и общественные силы включаются в активную борьбу за мир» («Правда», 21/VI 1955 г.).

Как видно из примеров, употребление частицы **всё** при сложной форме прилагательного не связано с тем, какую роль в предложении выполняет эта сложная форма сравнительной степени.

Частица **всё**, указывающая на увеличение признака предмета, может употребляться и в том случае, если слова **более, менее**, образующие сложную форму сравнительной степени прилагательного и наречия, относятся к причастию.

Например:

«Пишу я тебе редко не по небрежности,... — а по загруженности работой и вследствие **всё более расширяющейся** переписки с Россией...» (Горький).

Частица **всё** иногда употребляется при причастиях и без сравнительных слов **более, менее**.

Например:

- 1) «Французская печать отмечает, что дебаты в Национальном собрании происходили в обстановке острой и **всё нарастающей** политической борьбы...» («Правда», 20 октября 1955 г.).
- 2) «Где-то в глубине улицы раздалось сначала тихое, а потом **всё нарастающее** пение «Марсельезы...» (Паустовский).
- 3) «Заиграли трубы,... и вся конная масса двинулась вперед **всё ускоряющимся** аллюром. (А. Степанов, «Семья Звонаревых».
- 4) «...И она... никак не соберется с духом, чтобы прекратить эти **всё учащающиеся** встречи...» (Кетлинская).

В приведенных примерах на постепенное увеличение признака предмета указывает не только частица **всё**, но и лексико-грамматическое значение самих причастий, употребляемых в форме настоящего времени.

На увеличение признака в предмете частица **всё** иногда указывает и в сочетании с положительной степенью прилагательного. Правда, в этом значении с частицей **всё** нам встретилось лишь одно прилагательное — «новый».

- 1) «В самоотверженной борьбе за решение задач коммунистического строительства рождаются **всё новые и новые** герои труда...» («Правда», 28/XI-1955 г.).

- 2) В мае с Донца... стали прибывать **всё новые** подкрепления красных. (Шолохов).
- 3) «...Он... долго... провожал удаляющиеся бревна... На их место подплывали **всё новые и новые**». (Бабаевский).

Кроме отмеченных значений, частица **всё** может указывать на выделительно-ограничительные оттенки. В таком случае частица **всё** обычно относится к существительному или заменяющему его местоимению.

Например:

- 1) «Вторая гора речной террасы называлась Глухой—**всё** из-за того же самого, что ветер у этой степи замирал». (М. Пришвин).
- 2) «Степан... разговаривал **всё** шуточками...» (Н. Емельянова, «Новая фигура»).
- 3) «Так они жили, и жили неплохо, а если иногда ссорились, то **всё** из-за проклятой страстишки Савелия Федоровича». (Дм. Остров, «Тетя Оля»).
- 4) «Разрешения (на въезд в Севастополь — Л. Д.) не было, и мне пришлось взять билет до Бахчисарая... Старик-кассир даже посочувствовал мне. — Строго-сти! — вздохнул он. А **всё** из-за случая с «Императрицей Марией». (К. Паустовский).

Частица **всё** может не только выражать в предложении добавочные смысловые оттенки, но также указывать и на особые, эмоционально-экспрессивные оттенки высказывания.

Например:

- 1) «Качая свое круглое тело, он тихо протянул: — Никаких нет людей, **всё исполнители!** Ступай!» (Горький).
- 2) «Очень-то нужно было отпускать его в Москву... И **всё** этот добряк Алексеев — отпустите да отпустите...» (Кетлинская).
- 3) «Да **всё бабье** сердце виновато. Хочется самой выращивать скотину, птицу». (И. Арамулов).
- 4) «Ведь я, сударь, у вас ни одного полена не расколол, а **всё она!**» (Чехов).

Итак, значение частицы **всё**, омонимичной с формой среднего рода местоимения **весь** и наречием **всё**, довольно разнообразно. В одних случаях, частица **всё**, подчеркивая, выделяя то или иное слово в предложении, выполняет усилительную функцию. В других случаях частица **всё** не только усиливает значение слова, но вносит в предложение и дополнительные смысловые оттенки: чаще всего количественно-определяющие или выделительно-ограничительные.

Иногда количественно-ограничительные оттенки, выражаемые частицей **всё**, неотделимы, как указывалось, от добавочных временных и пространственных значений.

Например:

- 1) А на берегах **всё** лес и лес... («Литературная газета»).
(Сравните: А на берегах всюду лес и лес).
- 2) Ты, я вижу, Вера, такая же институтка, как была, **всё** бы тебе шалить... (Чехов) (Сравните: 1) все время бы тебе шалить; 2) только бы тебе шалить).

Это свидетельствует о том, что в современном языке в ряде случаев трудно отграничить по выражаемым отношениям частицу **всё** от наречия **всё**, хотя в большинстве случаев значения этих омонимов различны.

В современном языке в роли частицы могут употребляться и некоторые формы определительного местоимения **весь**. Так, в функции ограничительной частицы употребляется форма родительного падежа мужского — среднего рода — **всего**.

Например:

- 1) «Семья-то большая, да два человека **Всего мужиков-то**: отец мой, да я...» (Н. А. Некрасов).
- 2) «...Гаврюшке **всего четыре года**...»
- 3) «Татьяна... начала собираться, оправдываясь, что отпросилась с работы **всего на час**». (Кетлинская).

Ограничительная частица **всего** часто употребляется вместе с другой ограничительной частицей: **лишь**.

- 1) «Да и, в конце концов, была она тогда **всего лишь девчонкой**, эгоистичной девчонкой...» (Кетлинская).

Как показывает собранный материал, ограничительная частица **всего** обычно употребляется при словах или словосочетаниях, которые выражают количественные отношения (всего два человека, всего четыре года, всего на час и т. п.).

Частица **всего**, как известно, употребляется также для образования сложной формы превосходной степени прилагательного и наречия:

- 1) «Для меня **важнее всего** первая причина, для вас, я думаю, доказательна третья». (Горький).
- 2) «Пусть она **меньше всего** хотела видеть Татьяну». (Кетлинская).

В роли частицы, как отмечалось, может употребляться и форма им. пад. местоимения **весь** во мн. числе (**все**).

Например:

- 1) «...действительно новых стихов у него не было уже **этак** лет пять, а то и **все десять**». (К. Симонов).
- 2) — «Но ваш преемник... дает **все сто процентов**, понимаете?» (Кетлинская).

«В ряде случаев усилительная частица **всё** по выполняемой функции приближается к союзу»¹.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947 г., стр. 667.

Например:

- 1) «Как смерть моя: ни зла,
Всё легче, чем терпеть обиды от осла» (Крылов).
- 2) «А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь» (Крылов).
- 3) «Сколько ни говорить о печальном, сколько ни раз-
мышлять о концах и началах,
Всё же я смею думать,
Что вам только 15 лет!» (Блок).
- 4) «Какой бы путь там трудный ни был,
Всё переберёмся как-нибудь» (Котляревский).
- 5) «Так вот какой мне жалко — человеческого достин-
ства, спокойствия совести, чистоты, а не их спин и лбов,
которых сколько ни секи, сколько ни бей, всё останут-
ся такими же пинами и лбами». (Л. Толстой).

В приведенных примерах, противопоставляя одну часть предложения другой, частица **всё**, по существу, выполняет роль противительного союза. Говоря о связи некоторых усилительных частиц союзами, А. М. Пешковский делает тонкое наблюдение: «Самая усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи»¹.

¹ А. М. Пешковский, Наш язык, ч. 1, 1925 г., стр. 84.

К. И. МИШИНА

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВА «ОДИН» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современной классификации частей речи, как известно, слово «один» относят к разряду имен числительных.

Однако в отличие от остальных количественных числительных слово «один» обладает, по существу, признаками трех частей речи. Действительно, по своему происхождению оно восходит к местоименному корню «е» (ср.: *in* — м., *jedan* — чешск., *единь* — старослав.). По формам *один* — *один* слово «один» тождественно имени прилагательному (согласование в роде, числе и падеже с существительным), а по основному лексическому значению (название количества) оно является именем числительным.

В современном русском языке слово «один» может употребляться не только как знаменательная часть речи, но и как служебная.

В синтаксических связях с другими частями речи слово «один» ограничено: в словосочетании или в предложении оно может относиться либо к глаголу (иду **один**, еду **одна**), либо к существительному, а также местоимению (**один** товарищ, **одна** книга; **одни** мы ничего не знали). Лексическое значение и синтаксические функции слова «один» в значительной мере определяются тем, зависит ли это слово по смыслу от глагола или оно относится к существительному и местоимению. Если слово «один» зависит от существительного, то в предложении оно часто выступает в значении частицы, например: «На Березовом росли **одни** сосны да ели», (В. Кочетов). Относясь к существительному, слово «один» также часто употребляется как числительное или же функционирует в роли местоимения; например: «**Один** человек, и, гляди, целую **одину** вражью роту уничтожил» («Сов. военн. рассказ», т. 2). «Я действительно люблю **одну** девушку» (Н. Погодин).

Если же по смыслу слово «один» относится к глаголу, то в составе предложения оно имеет значения различных частей речи, исключая частицы. Сравним:

- 1) «**Одни** друзья остались в комнате» (только друзья остались).

- 2) «Друзья остались **одни** в комнате» (остались в одиночестве, без посторонних).

В первом примере слово «одни» относится по смыслу и грамматически к существительному (согласуется с ним) и имеет при определенном логическом ударении значение ограничительно-выделительной частицы. Во втором — это же слово, будучи поставлено после глагола-сказуемого, по смыслу тяготеет к нему, оставаясь по форме зависимым от существительного. Смысловая связь слова «один» с глаголом в приведенном примере настолько тесная, что оно образует вместе с глаголом синтаксически связанное сочетание, выступающее в предложении в роли сказуемого.

На лексическое значение и употребление слова «один» в современном русском языке, как видно из примеров, оказывают влияние различные факторы, в частности, порядок слов в предложении, наличие или отсутствие логического ударения на слове «один» и т. п., хотя определяющим все же является зависимость этого слова от существительного или от глагола.

СЛОВО «ОДИН» В СОЧЕТАНИИ С ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ ИЛИ МЕСТОИМЕНИЕМ

Как уже было сказано выше, слово «один», если оно зависит от существительного или местоимения, выступает обычно в значении частицы, местоимения или числительного.

СЛОВО «ОДИН» В ЗНАЧЕНИИ ЧАСТИЦЫ

Слово «один» в современном русском языке, употребляясь в роли частицы, может иметь значения:

- 1) ограничительно-выделительное, например:
«Я был недостоин тебя, и я, **один** я, должен был нести наказание за прожитое счастье мое» (Ф. Достоевский) — (ср. только я). «В саду поет иволга. Все прочее смолкло. **Одна** она поет» (И. Бунин) — (ср. только она). «Что же мы будем делать, если в деревне **одни** старики останутся» («Лит. газета», 11/1—57, стр. 2) — (ср. только старики.).
- 2) усилительное, например:
«От **одной** этой мысли мне стало холодно» (А. Толстой).

Следует отметить, что употребление слова «один» в первом из указанных значений является преобладающим.

Слово «один», выступая в значении ограничительно-выделительной частицы, сохраняет все возможные для него формы согласования с именем существительным или местоимением, к которым относится, например:

«Один туман молочно-синий

Как чья-то кроткая печаль...» (И. Бунин).

«Мною руководят одни добрые чувства к этой девушке» (Н. Погодин «Сонет Петрарки»).

«Читает одну «Северную пчелу», да и ту берет у меня».
(А. Писемский).

«Смолоду живешь одними надеждами, все думаешь, вот-вот настанет что-то великое, захватывающее».
(А. Куприн).

«Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги» (А. Чехов).

Слово «один» в роли ограничительно-выделительной частицы заметно отличается от других ограничительно-выделительных частиц. Это различие заключается прежде всего в том, что слово «один» остается во всех случаях изменяемой частью речи, сохраняя все присущие ему формы имени прилагательного, в то время как остальные ограничительно-выделительные частицы являются, как известно, неизменяемыми, например, «лишь», «только». Кроме того, слово «один» имеет значение ограничения, лишь относясь к существительному или местоимению, тогда как другие частицы с тем же значением могут в равной степени относиться и к существительному, и к глаголу. Ср. например:

1) «Наталья **только** смотрела да вздыхала»
(М. Горький).

Только Наталья смотрела и вздыхала.

2) **Одна** Наталья смотрела да вздыхала.

Наталья одна смотрела да вздыхала.

В первых примерах частица «только» в зависимости от места в предложении относится либо к глаголу, либо к существительному. Во-вторых, слово «один» в значении частицы может относиться лишь к существительному.

Такое употребление слова «один» в роли частицы исключительно при существительном или местоимении объясняется происхождением частицы. Значение единичности, присущее числительному «один», в определенных условиях может пониматься как выделительно-ограничительное значение, свойственное уже частице. Вследствие близости указанных значений довольно часто встречаются сочетания, в которых слово «один» может пониматься и как числительное, и как частица. Подробнее об этом см. ниже.

При употреблении слова «один» в роли ограничительно-выделительной частицы в предложении наблюдается строго закрепленный порядок слов. Как правило, слово «один» находится непосредственно перед существительным и местоимени-

ем или же после них. Примеров, где бы эта закономерность была нарушена, не отмечено.

«Если бы дело касалось **одной** меня, мне было бы все безразлично» (В. Кочетов).

«Видите, здесь, кроме хозяйки, из женщин — **одна** я». (Он же). «Я это говорю серьезно, а не из **одной** симпатии к Вам» (Н. Погодин «Сонет Петрарки»).

«Печально я смотрю вокруг

И вижу — там ли, здесь ли, где-то ль,

Что ты **одна**, сестра и друг,

Могла быть спутницей поэта» (С. Есенин).

Следует заметить, что слово «один» в подобных примерах может быть отделено от существительного (очень редко и от местоимения) другими зависимыми словами (чаще всего это имена прилагательные). В этих случаях слово «один», как правило, находится **впереди** сочетания «зависимое слово + существительное».

Например:

«Он мне сказал: на 5 курсе нажми так, чтобы **одни** блестящие знания, **одни** пятерки» (В. Кочетов). «Вам нравятся ли девушки с загаром

Темнее их оранжевых волос.

С глазами, где **одни** морские дали?» (И. Сельвинский).

Итак, слово «один», употребляясь в значении частицы, находится в предложении либо перед существительным, либо непосредственно за ним.

Будучи переставлено, слово «один» часто теряет значение частицы и в большинстве случаев по смыслу начинает относиться к глаголу. Так, в примере «Все прочее смолкло. **Одна** она (иволга) поет» слово «одна», стоящее перед местоимением, относится к нему и имеет значение частицы. Если порядок слов изменить (Она поет одна), слово «одна» приобретает другое значение (без других) и тяготеет по смыслу к глаголу-сказуемому. Особо следует отметить, что изменение порядка слов возможно лишь тогда, когда слово «один» имеет форму именительного падежа. При других условиях перестановка затруднена.

При указанном порядке слов значение слова «один», как правило, полностью соответствует частицам «только», «лишь». Поэтому частицы эти могут употребляться параллельно:

«... но главное, как я понимаю, в том, чтобы дело, которое делаешь, было интересно и нужно не тебе **одному** или **одной**, а всем, обществу, народу... А если только тебе, то вдруг оно обесмысливается». (Ю. Герман «Дело, которому ты служишь»). «Везде ты только

себя, себя **одного** видишь...» (И. Катаев, Сб. «Лит. Москва», вып. 2, стр. 369).

Очень часто слово «один», употребленное в значении частицы, сочетается с другими частицами, главным образом, «лишь» и «только».

Например:

«**Одно только** звездное небо, **один** небосвод недвижим...» (И. Бунин).

«Оставалась серьезной и все время молчала **одна только** Лидочка» (М. Горький).

«**Лишь** с тобою **одною** я счастлив,

И тебя не заменит никто...» (И. Бунин).

«Вся наша семейная жизнь состояла в сущности из **одних только** разлук и свиданий» (В. Каверин).

Такие двойные частицы также имеют, как правило, значение выделительно-ограничительное, с большим, может быть, усилением.

Как уже было указано выше, особенностью слова «один» является то, что оно может иметь значение частицы лишь в сочетании с существительным и местоимением. Однако не в каждом таком сочетании слово «один» играет безусловно роль частицы. Иначе говоря, слово «один» всегда выступает в значении частицы лишь в сочетании с определенными группами существительных и местоимений. К ним относятся прежде всего местоимения личные, возвратные и указательные.

Например:

«Я знала, что он **один** не сердится...» (И. Гончаров).

«Опять Варвара Михайловна почувствовала, что горячий взгляд Ржевского не отрывается от ее лица и что поет он только для нее **одной**, как за чаем для нее **одной** рассказывал». (А. Толстой).

«... (все прошло)... в каком-то, только тебе **одному** известном порядке». (И. Бунин).

«Если б только можно было **одного** себя любить». (И. Бунин).

«...в этом **одном** заключается цель его жизни...» (А. Чехов).

В сочетании с местоимениями других разрядов слово «один» в значении частицы не отмечено.

Из числа существительных, в сочетании с которыми слово «один» играет роль частицы, следует в первую очередь выделить существительные, имеющие форму лишь единственного числа, так называемые *singularia tantum*.

Например,

«Собака носилась по двору из угла в угол, нагоняя **одним** своим видом панический ужас и на людей, и на животных». (А. Куприн).

«Кукушка **одно** куку свое твердит». (И. Бунин).
«Дожди шли постоянные, дороги исчезли, осталась **одна** грязь». (В. Гаршин).

В число этих существительных входят, как известно:

- 1) существительные отвлеченные («А вы ему скажите, что тут **одна** поэзия»). (Н. Погодин «Сонет Петрарки»),
- 2) собирательные («Танцевала **одна** молодежь»),
- 3) собственные («Провожать Олю отправился **один** Виктор»). (В. Кочетов).
- 4) вещественные («В ящике лежала **одна** мука»).

Кроме *singularia tantum*, к существительным, в сочетании с которыми слово «один» играет роль частицы, относятся имена, имеющие форму и значение множественного числа, но в сочетании со словом «один» эти имена употребляются только в форме множественного числа.

Например,

«На Березовом росли **одни** сосны и ели». (В. Кочетов).

«Этому разбойнику ничего не стоило стрескать в **один** присест добрую половину жареного индюка, воспитанного с особенной надеждою и откормленного **одними** орехами». (А. Куприн).

«Смолоду живешь **одними** надеждами»... (Он же). «Когда бы и куда бы я с тобой ни ездила, всегда **одни** заборы и развалины». (В. Кочетов).

Употребление слова «один» в значении частицы иногда возможно и при существительных в единственном числе,

Например:

«Нами ты была любима и для милого хранима, —

Не досталась никому, — только гробу **одному**».

(А. Пушкин).

Но в подобных примерах очень часто возможны переходные случаи, когда слово «один» в сочетании с существительным единственного числа может пониматься двояко:

1) как обозначение единичности, количества, т. е. как числительное, и

2) как ограничительно-выделительная частица:

«Теперь **один** старик седой...»,

Людьми и смертью забыт,

Сметает пыль с могильных плит». (М. Лермонтов).

«Теперь уже **один** орел кружил в пустынном небе».

(А. Куприн).

«Девятнадцать лет —

И ни копейки. У меня тогда

была **одна** улыбка. Все богатство». (И. Сельвинский).

Решающим в этом случае является контекст, а в соответствии с ним наличие ударения. Следует напомнить, что во всех сочетаниях, где **слово** «один» играет роль частицы, оно, как и все частицы, безударно. В указанных выше примерах («один»+ существительное в единственном числе) наличие или отсутствие ударения на слове «один» и является показателем его знаменательности (числительное) или незнаменательности (частица). Так, в предложении «Теперь уже **один** орел кружил в пустынной небе» в зависимости от того, как будет произнесено слово «один» (с ударением — **один** орел или без него — **один** орёл), оно и понимается либо как числительное (один, а не два, не три), либо как частица (только орел).

Такое двойное понимание обычно свойственно и тем случаям, когда слово «один» сочетается с частицами «лишь», «только».

Например:

«Навстречу вешнему рассвету зазеленели острова, **одна** лишь песня недопета, Забылись вечные слова». (А. Блок), Ср: «**Только** песня») «**Одна** лишь сорока стрекочет, не нравится ей тишина». (В. Берестов, сб. «День поэзии») (Ср.: Только сорока или одна из сорок).

Наличие этих частиц (лишь, только) создает известные условия для сохранения у слова «один» значения единичности, количества. Поэтому при прочих равных условиях в сочетании с «лишь» и «только» слово «один» чаще может быть числительным, чем без этих частиц.

Решающим в таких случаях является контекст, позволяющий определить, нужно или не нужно ударение на слове «один».

Как указано было выше, слово «один» в роли частицы в большинстве случаев имеет значение выделительно-ограничительное. Значительно реже слово «один» употребляется как частица усилительная. Значение усилительной частицы слово «один» передает, употребляясь главным образом при существительных отвлеченных, а также при отрицании.

Например:

а) «От **одной** этой мысли мне стало холодно» (А. Толстой). «Гувернантка... **Одно** это название напоминает что-то рабское». (А. Толстой). «Сердце сжимается ужасом при **одной** мысли о том, что пить из этой чаши будут... поля, цветы и травы». (А. Неверов «Избранное»).

б) «На небе не было ни **одного** облачка». (А. Пушкин) (Ср: На небе не было ни облачка).

«Перед нами открылось ровное, без одного кустика, осеребренное луной поле». (А. Куприн).

Итак, слово «один», выступая в значении частицы, относится исключительно к существительным и местоимениям определенных групп и разрядов. Во всех случаях, когда слово «один» играет роль частицы, оно безударно в предложении, как и все частицы, но сохраняет присущие ему формы изменения (род, число, падеж), чем и отличается от других частиц.

СЛОВО «ОДИН» в ЗНАЧЕНИИ МЕСТОИМЕНИЯ

Слово «один» довольно часто в русском языке выступает в роли неопределенного местоимения, напоминая в этом случае по значению и употреблению немецкий и французский неопределенный артикль. В. В. Виноградов считал даже не подлежащим сомнению тот факт, что подобное употребление слова «один» «подверглось сильному влиянию со стороны неопределенного члена немецкого и французского языка (einer, un)»¹. Так или иначе, но неопределенное указание на лицо или предмет — одно из часто встречающихся значений слова «один», например:

«...произошло это вследствие **одного** несчастного случая» ... (А. Писемский). «Все время она тихо разговаривала с **одной** пожилой дамой». (Ф. Достоевский). В письмах **одного** недавно умершего писателя я прочла: «Любовь — это когда хочется того, чего нет и не бывает». (И. Бунин). «Во время войны мне пришлось жить в **одном** приволжском селе». (В. Кочетов).

В этих и подобных примерах слово «один», употребляясь в различных формах и согласуясь с существительным, указывает на то, что лицо или предмет намеренно характеризуются говорящим как неопределенные, не требующие конкретности.

Как любая знаменательная часть речи, слово «один» в роли местоимения отличается от служебных частей речи (в частности частиц) тем, что имеет обязательное логическое ударение и может иметь при себе зависимые слова (последнее — редко).

Например:

«Но из всех подруг своих она всех больше любила и отличала **одну** молодую даму...». (Ф. Достоевский).
«Не зная, как провести вечер, он решил съездить еще к **одному** своему знакомому». (А. Писемский).

Значение неопределенного местоимения слово «один» имеет лишь в сочетании с именем существительным или субстантивированным прилагательным. В этом отношении наблюдает-

¹) В. В. Виноградов. «Русский язык», М.-Л., 1947, стр. 306.

ся сходство с употреблением слова «один» в роли частицы (см. стр. 98). Но в отличие от частицы слово «один» в значении местоимения никогда не употребляется в сочетании с другими местоимениями, т. к. значение неопределенного указания на лицо или предмет передается специальным разрядом местоимений (неопределенные).

Следует заметить, что и существительные далеко не все могут определяться словом «один» со значением неопределенности. Интересен тот факт, что не употребляется в этом случае большинство тех существительных, при которых слово «один» может играть роль частицы. Иначе говоря, слово «один» в роли местоимения не встречается с существительными собственными, собирательными, вещественными, отвлеченными (ср: «меня интересует одна история») (в значении — одно происшествие) и «меня интересует одна история, и немного литература»).

Итак, если слово «один» относится к *Singularia tantum* или местоимению, оно имеет всегда значение частицы, в остальных же случаях оно может иметь два или даже три значения (значение местоимения, имени числительного, (см. стр. 103 и след.) частицы). Средством различения этих значений является контекст, а также ударение. При этом контекст приобретает тем большее значение, что порядок слов в сочетании слова «один» с именами существительными является строго определенным как в сочетаниях, где слово «один» играет роль частицы, так и тогда, когда оно выступает в значении местоимения.

Употребляясь в значении местоимения, слово «один» может стоять только **перед** существительным или перед сочетанием существительного с зависящими от него словами. Примеров, в которых эта закономерность была бы нарушена, не отмечено.

«В ответ на это тотчас же получил пакет на имя **одного** директора департамента» ..(А. Писемский). «Наконец, мы пришли в **одну** комнату, которой я еще не видела». (Ф. Достоевский). «Он... родился от **одного** бедного музыканта» ... (Ф. Достоевский).

Закрепленный порядок слов в сочетаниях слова «один» с именами существительными создает условия для возникновения связанных сочетаний. Довольно часто в русском языке слово «один» образует в сочетании с существительным неразложимое сочетание, выступающее в предложении в роли одного его члена. При этом значение неопределенного местоимения у слова «один» полностью сохраняется. К таким случаям относятся следующие:

1) сочетания типа «один из...», например:

«В **один** ненастный нездоровый вечер в **одном** из таких **закоулков** встретил он Ярослава Ильича» (Ф. Достоевский).

евский). «Потом, когда она уже работала в **одном** из сибирских городов, он дважды приезжал к ней в отпуск». (В. Кочетов).

- 2) сочетания, в которых лексическое значение существительного недостаточное без слова «один», например: «В **одно утро** он бросил своего антрепренера». (Ф. Достоевский). «Помню, в **один** холодный и дождливый вечер, мне было особенно скучно». (И. Бунин). «Все, все мне говорит ясно, что я умру, погибну в **одно прекрасное утро**». (А. Толстой)
«Да, мне хотелось бы увидеть **одного человека, его** здесь нет». (Н. Погодин «Сонет Петрарки»). «Я действительно люблю **одну девушку**». (Он же).

Значение неопределенности у слова «один» может сохраняться и в тех случаях, когда оно употребляется самостоятельно, вне зависимости от существительного. Слово «один» при этом приближается по значению к местоимениям «какой-то», «кто-то», например: «Обоим удалось уже перебраться через стену, но **один**, кажется Ковалик, сделал прыжок, сломал себе ногу... (Короленко). «Каких только гостей не принимали хозяйки! **Один** запомнился — злой». («Сов. военный рассказ», т. 2, М., 1954, стр. 446). «А **один** полночи на дворе простоял, караулил». (Там же). «Самолетов не любят. Меня **один** вокруг колодца гонял». (Там же, стр. 486).

Подобные случаи сравнительно редки.

Вообще же слово «один» в роли неопределенного местоимения, как уже было указано выше, употребляется в русском языке довольно часто. Однако следует заметить, что это не единственное местоименное значение в слове «один». Значительно реже, но все же встречаются случаи, когда слово «один» употребляется в значении, близком к указательному местоимению, например:

«Андрей был доволен только **одним** (Ср: только тем — К. К.) что во время разговора с Локотко удержался от вспышки». (Е. Пермитин «Ручьи весенние», М., 1956, стр. 312).

Однако значение неопределенного местоимения остается преобладающим.

СЛОВО «ОДИН» В ЗНАЧЕНИИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

В качестве числительного слово «один» употребляется, как правило, в форме единственного числа:

«На **одного** умного приходится тысяча глупых, на **одно** умное слово приходится тысяча глупых...» (И. Бунин).
«Наконец, он вынул из кармана запечатанный пакет, отдал его т-те М., обнял ее **одною** рукою... и поцеловал крепко и долго». (Ф. Достоевский).

«Один человек, а, гляди, целую вражью роту уничтожил!» («Сов. военный рассказ», т. 2, стр. 119). «Но в час, когда над Алтаем небо стало свинцовым, затосковали — одиннадцать, а растерялся — один». (Э. Иодковский «День поэзии»).

Форму множественного числа это слово имеет лишь в тех случаях, когда зависит от *Pluralia tantum*, хотя сохраняет при этом значение единичности, например:

«Эх, барчук, барчук, и как только ухитрились вы так обработать киргиза за одни сутки». (И. Бунин).

Слово «один» как числительное довольно часто опускается в тексте, поскольку уже одно название предмета служит и указанием на его единичность, ср.:

«Из-за одной копейки способны впасть в тоску» (А. Кудрейко) и

«из-за копейки способны впасть в тоску».

Обычно опускается слово «один» при обозначении количества (Переписал раз, переписал другой) вместо — переписал один раз...), в названии цен, в определении весовых величин (взвесили килограмм муки), при обозначении времени (в час ночи пришел поезд.). В последнем случае пропуск числительного «один» стал обязательным.

Итак, слово «один» имеет значение количественное, если стоит в форме единственного числа, но, употребляясь в той же форме, оно может также иметь и другие значения (значение неопределенного местоимения, значение частицы — см. выше). Вследствие этого довольно часто в текстах можно понимать слово «один» двояко, а иногда и в трех значениях. Например, в предложении «Ко мне пришел один товарищ» слово «один» возможно понять и как числительное, и как неопределенное местоимение, и как ограничительно-выделительную частицу. В произношении четко разграничивается значение частицы, с одной стороны, и значения местоимения и числительного — с другой, поскольку в первом случае слово «один» не имеет логического ударения. Произношение же слова «один» в значении местоимения и числительного очень сходно, поэтому в данном случае особенное значение приобретает контекст. На намеренном непонимании значения слова «один» построен следующий диалог у М. Горького:

«Посидел на кладбище, обвеяло меня воздухом, и одна мысль в голову пришла»... — «Одна?» — спросил Егор и, вздохнув, добавил: «Я думаю, ей там не тесно»...

(М. Горький).

В выражении «одна мысль» слово «одна» употреблено в значении местоимения (такая, следующая). Собеседник же намеренно понимает это слово как числительное.

Итак, в сочетании с именем существительным слово «один» может иметь значения частицы, местоимения и числительного.

Слово «один» имеет обычно значение частицы, если относится к существительным *Singularia tantum* (см. указанные выше группы), а также к местоимениям. В остальных сочетаниях слово «один» может совмещать два, а иногда и три значения (значение частицы, местоимения и числительного). Употребляясь во всех трех значениях, слово «один» в составе предложения занимает всегда определенное место по отношению к существительному, находясь чаще всего непосредственно перед ним, реже — после него.

СЛОВО «ОДИН» В СОЧЕТАНИИ С ГЛАГОЛОМ

Слово «один», относясь к имени существительному или местоимению, всегда согласуется с ним, повторяя в этом случае особенности имени прилагательного. Выше уже указывалось, что слово «один» зависит грамматически и по смыслу от существительного или местоимения, если находится непосредственно перед ними или после них.

Однако нередко слово «один», сохраняя согласование с существительным или местоимением, в определенных условиях утрачивает **смысловую** связь с существительным или местоимением и тяготеет по смыслу к глаголу.

Важную роль при этом играет порядок слов. Если слово «один» оказывается в предложении **после глагола**, то, как правило, по смыслу оно и относится к этому глаголу, ср. например: «Одна птица поет» и «Птица поет **одна**». Если в первом примере слово «один» зависит от существительного по смыслу и грамматически, то во втором предложении слово «один», сохраняя форму именительного падежа женского рода, по смыслу относится, безусловно, к глаголу. См. примеры:

«Неужели вы не боитесь жить **одни** в такой глуши?» — спросил я». (А. Куприн).

«Люблю уйти **один** на дальний хутор, смотреть, как озимь пышно зеленеет, как бархатом блестят на солнце пашни»... (И. Бунин). «Идешь звенигородскою тайгою — **один, один**, от счастья сам не свой». (А. Пришелец «Антология сов. поэзии», т. 1). «И бывало, ты начинаешь путь вшестером, а заканчиваешь его **один**». (Ю. Нагибин «Огонек», № 43, 1956, стр. 9).

Потеря смысловой зависимости слова «один» от существительного, как показывают примеры, может происходить только тогда, когда слово «один» имеет определенную форму, а именно, форму именительного падежа (См. примеры выше).

Слово «один», согласуясь с существительным в косвенных падежах, при любом порядке слов никогда не утрачивает смы-

словой связи с этим существительным, например: «питается одними фруктами» и «одними питается фруктами».

Порядок слов во 2 примере является необычным, тем не менее слово «один» не только грамматически (форма множественного числа творительного падежа), но и по смыслу относится к существительному.

Итак, в предложении слово «один» по смыслу относится обычно к глаголу-сказуемому, если оно имеет форму именительного падежа и стоит после глагола.

В случаях же, когда слово «один» стоит перед глаголом, т. е. оказывается в положении между подлежащим и сказуемым, оно иногда может относиться по смыслу как к подлежащему, так и к сказуемому-глаголу. Например, в предложении «Вечером я один уходил за город» (И. Бунин) в зависимости от понимания слово «один» выступает либо в роли частицы, относясь к местоимению «я» (только я уходил), либо тяготеет по смыслу к глаголу, имея значение обстоятельственной характеристики действия (один уходил-уходил без других, без кого-то).

В современном русском языке значительно чаще встречаются сочетания, в которых слово «один», относясь по смыслу к глаголу, следует за ним, а не предшествует ему.

Например:

«Или вы сейчас одевайтесь, или я уеду **один!**» — прикрикнул он». (А. Писемский). «Назад Токарев возвращался **один**». (В. Вересаев). «А, доктор! Идите **один!**» — через силу отозвался Бобров». (А. Куприн). «Я уплывал **один** в затон бездонной заводи и мутной». (А. Блок) «...она шептала ему, чтобы он берег себя, чтобы ночью не выходил **один** на улицу». (В. Кочетов). «Среди ночи Павел Петрович медленно шел **один** по городу». (Он же).

Однако необходимо заметить, что имеются и такие случаи, где слово «один», поясняя глагол-сказуемое, стоит перед ним.

Например:

«Ты зачем? Оставайся, я **один** поеду», — сказал Завалишин». (А. Толстой). «А я **один** иду и думаю, что нет кругом, кроме меня, ни одного живого существа». (А. Толстой). «Пусть **одна** гуляет, я лучше раков пойду наловлю». (В. Кочетов). «Ты **одна** будешь их делать, эти анализы?» (Он же).

Способность слова «один» определять глагол отмечена еще А. М. Пешковским.¹ Он связывал ее с особенностью имен

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, гл. XI.

прилагательных, заключающейся в том, что прилагательное может образовать с глаголом особые сочетания (ходит веселый, сидит грустный). Эти сочетания выступают в предложении в качестве сказуемых, где полнозначительный глагол выполняет роль вещественной связки, а прилагательное является именной частью (**Он ходит веселый**). А. М. Пешковский, установив возможность существования сказуемых с вещественной связкой, указывал, что круг глаголов, выступающих в роли связки, определить трудно. Что же касается прилагательных, то, по его мнению, любое из них может образовать сочетание с глаголом. «Но тут все же надо, — замечает А. М. Пешковский, — выделить пять прилагательных, особенно часто употребляющихся в таком смысле (как предикативные — К. М.), способных с **любым** глаголом образовать такие сочетания и при условии определенного порядка, слов, кажется, никогда не имеющих иного смысла. Это — сам, весь, **один**, первый, последний. Брат пришел один, брат пришел сам... всегда будут сказаны и поняты предикативно».¹

Иначе говоря, А. М. Пешковский полагал, что любое сочетание «глагол + один» в предложении становится синтаксически неразложимым и выполняет роль сказуемого. Следует заметить, что, действительно, довольно часто в современном русском языке в составе предложения подобные сочетания неразложимы.

Например:

«Он остался **один** и задумчиво жевал какое-то пирожное из рису». (И. Гончаров). (Ср: с ним поговорили, и он **остался**).

Здесь мы по существу имеем дело с переходом глагола в связку, с потерей глаголом своей самостоятельности в предложении. Значение глагола «остаться» без именной части лексически ослаблено, сам глагол близок к полувещественной связке.

Различия в значении глагола «остаться» отмечают и словари. Так, в «Словаре русского языка», сост. С. И. Ожеговым, выделяется одним из значений этого глагола значение «оказаться», «стать» — остаться в долгу, без работы. Это значение возникает лишь в определенных словосочетаниях и является фразеологическим. Нечто подобное происходит и с конструкцией «остался один», когда она выступает в роли сказуемого.

Например:

«Итак? — начал я, когда мы **остались одни**».

(А. Чехов).

«Матушка **осталась одна** со мною...» (Ф. Достоевский).

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, гл. XI, стр. 242.

«В детстве моем, когда я осиротел и остался один на свете, дядя заменил мне собою отца...» (Он же).

В приведенных примерах мы имеем дело по существу не с самостоятельным глаголом, а со связкой. В большинстве же сочетаний типа «глагол + один» лексическое значение глагола остается без изменения.

Например:

«А мне какое дело?

Брожу один, забыт. (А. Блок).

«В полночь выхожу один из дома,

Мерзло по земле шаги стучат». (Он же).

Однако и в подобных случаях слово «один» тесно спаяно с глаголом, образуя с ним сочетание, выступающее в предложении в роли одного его члена. Круг глаголов, выступающих со словом «один» в роли сказуемого, сравнительно узок. К ним относятся в основном глаголы движения и состояния, т. е. такие глаголы, для которых вообще типично, характерно употребление их в роли вещественных связок при именной части сказуемого.¹

Например:

«Она сидела одна-одинёхонька, как будто нарочно выбрав такое уединенное место». (Ф. Достоевский).

В данном случае слово «один» стоит после глагола, относится к нему и образует с ним связанное сочетание, являющееся в предложении сказуемым (не просто «сидела», а сидела одна, одинокая, в одиночестве).

Еще примеры:

«Куда же это она одна?» — тихо говорил Райский. — Она у нас все одна ходит», — отвечала Марфинька» (И. Гончаров). «Зачем она просто не сказала, что идет одна?» (Ф. Достоевский). «А я все хандрил без тебя, — говорил отец. — Отвык, знаешь, один жить». (А. Толстой). «Дело было просто: в чистом поле он лежит один. Темным-темно». (М. Светлов «Антология сов. поэзии», т. 1).

В подобных сочетаниях слово «один» обнаруживает свойства, присущие имени прилагательному. Как указывалось выше, имя прилагательное в русском языке может в предложении определять глагол, «выражая состояние подлежащего в момент осуществления приписываемого ему сказуемым действия — «Мать ходит счастливая»². Это же значение передается и сочетанием глагола со словом «один».

¹ См. Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке, Ученые записки МГУ, вып. 150, 1952 г.

² Грамматика русского языка, АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 25.

Сравнительно часто в русском языке встречаются случаи, когда слово «один» и прилагательное (или другое имя) употребляются в предложении параллельно, тяготея к одному глаголу. Это является еще одним подтверждением мысли о том, что слово «один» в сочетании с глаголом выступает как единое целое.

Например:

«С**ижу** задумчив и **один**, на потухающий камин сквозь слезы гляжу... (Тютчев). «А мне какое дело? **Брожу** один, забыт». (А. Блок). «**Брожу, брожу** понурый, один в своей норе». (Он же). «Путь направо без коня оставит, **побредешь** один, и сир, и наг». (И. Бунин). «Я **шел** один, небритый и, наверное, страшный». (Линьков. «Война в тылу врага».)

Особо следует отметить, что непременным условием возникновения в предложении **связанных сочетаний** «глагол + один» (как и сочетаний «глагол + имя прилагательное») является определенный порядок слов: слово «один» в рассматриваемых сочетаниях всегда стоит непосредственно после глагола или перед ним и не отделяется от него другими словами (исключая конечно, сочетания типа «с**ижу** задумчив и **один**» — см. выше). Итак, слово «один» обладает в русском языке способностью сочетаться с глаголом, образуя с ним в предложении особое неразложимое сочетание. Этим свойством слово «один» напоминает имена прилагательные, употребляемые с теми же глаголами-связками в роли сказуемого (с**ижу** один, задумчив).

Однако не каждое сочетание «глагол + один» образует в предложении синтаксически неразложимое целое и далеко не во всех случаях, видимо, такое сочетание «будет произнесено и понято предикативно»¹. Действительно, сочетание слова «один» с целым рядом глаголов при наличии в предложении определенных условий понимается как свободное, несвязанное, состоящее из двух самостоятельных членов.

Например:

«Как красная ракета.., вылетела я из привычной обстановки и **одна**, без сотрудников, без лаборатории, принялась за дело». (В. Каверин).

Совершенно очевидно, что в данном случае слово «один» относится к глаголу, однако не образует с ним неразложимого сочетания, а лишь характеризует действие, называя обстоятельства, которыми это действие сопровождается. Следовательно, мы имеем здесь дело с сочетаниями иного типа, чем указано было выше.

¹ См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, стр. 242.

Как правило, слово «один» выступает в качестве самостоятельного члена предложения, относясь к сказуемому-глаголу с определенным лексическим значением. Глагол-сказуемое в этих случаях обозначает не состояние, а называет активное, конкретное действие.

Например:

«Не надо, не надо, я — **один**», — упрямо сказал Борис (подразумевается — **сделаю один**). (И. Гончаров). «Ах, доктор! Идите **один!**» — через силу отозвался Бобров». (А. Куприн). «...он, довольный этим, попрощавшись с нею, поехал **один** по городу». (В. Кочетов). «Ну, как хочешь. Варя **одна** поедет» (Он же). «Девяткин действовал **не один**» («Сов. Россия», 10/II—57 г., стр. 4). «Он сделал нечто такое, на что никогда не осмелился бы Кен, и сделал это **один**, без посторонней помощи». (М. Уилсон «Брат мой — враг мой»). «На большое сам, **один**, не всегда осмелишься». («Правда» 25/II—59, стр. 3).

Слово «один», относясь к глаголам со значением активного, конкретного действия, в зависимости от контекста либо указывает на условия, в которых протекает действие, либо называет обстоятельства, которыми оно сопровождается. Возможность синонимических замен помогает установить эти значения в слове «один».

Например:

«Девяткин действовал **не один**». (газ. «Сов. Россия» 10/II—57 г., стр. 4) (ср. вдвоем, втроем). «А старик жадный был. Взял да и съел все пироги **один**». (А. Невееров. «Избр.») (ср. сам съел). «Мы выйдем в сад с тобою, скромной, и будем странствовать **одни**». (А. Блок). (ср. вдвоем). «Я гуляю поутру **одна**, — добавила она каким-то неровным, неопределенным голосом». (Ф. Достоевский). (ср. одна, а не вдвоем). «Я пью **один**, и на берегах Невы меня друзья сегодня именуют...» (А. Пушкин), (ср.: в одиночестве). «Потом весело предложил им по бокалу, остальное допил бокал за бокалом **один**». (И. Бунин), (ср: сам).

Очень часто обстоятельственные значения слова «один» в составе предложения могут подчеркиваться, усиливаться различными добавочными средствами. К ним относятся:

1) Наличие в тексте обстоятельств, противопоставляемых слову «один». Эти противопоставляемые обстоятельства могут находиться как в другом предложении, так и в том же самом, где стоит слово «один».

Например:

«Я не поплыву **одна**. Мы поплывем **вместе** на одном поясе». («Сов. военный рассказ», т. II, стр. 252).

«**Вдвоем** еще ничего (идти). А вот когда **один** идешь..., вот тогда напрягаются все чувства...» (А. Толстой).
«Мы хорошо сделали все **втроем**, а когда я повторял этот опыт **один**, он не удался» («Сов. Россия», 10/II—57 г.).
«И, бывало, ты начинаешь путь **вшестером**, а заканчиваешь его **один**». (Ю. Нагибин, ж. «Огонек» № 43, 1956 г.)

2) Способность слова «один» быть уточняющим обстоятельством членом к другому обстоятельству или обстоятельному дополнению.

Например:

«Мне казалось, что вся моя жизнь так и должна пройти в этой одинокой глуши и беспокойной тоске, из которой я сама, **одна**, не имела силы и даже желания выйти».
(Л. Толстой).

«Я стояла без защиты, **одна**, перед человеком, который в состоянии оскорблять женщину». (Ф. Достоевский).

В этих примерах слово «один» является уточняющим по отношению к обстоятельствам, стоящим перед ним. Вследствие этого, слово «один» не образует с глаголом связанного сочетания и поэтому выступает в предложении как отдельный его член.

3) Передавая в предложении различные обстоятельственные или объектно-обстоятельственные значения, слово «один» может в свою очередь иметь при себе уточняющие члены. Наличие этих уточняющих членов (обстоятельств или обстоятельственных дополнений) указывает в свою очередь на то, что слово «один» в предложении выступает как самостоятельный его член.

Например:

«Сестры решили сказать Михаилу, что идут гулять **одни**, без него»... (А. Толстой).

«Екатерина Александровна приехала действительно **одна**, без мужа». (А. Толстой).

«Как красная ракета..., вылетела я из привычной обстановки и **одна**, без сотрудников, без лаборатории, принялась за дело». (В. Каверин).

«Инженер из столицы явился весной. Прибыл он **не один**, — с молодой женою... (Л. Мартынов).

Подобные примеры встречаются в русском языке довольно часто.

4) Реже слово «один» как член предложения, относящийся к глаголу-сказуемому, может выступать в предложении в качестве обстоятельства в ряду однородных.

Например:

«...много вздору приходит нам на ум, когда бредем **одни** или с товарищем **вдвоем**». (А. Пушкин). «Приехал он не **один**, а с сестрой Варенькой». (А. Чехов).

5) Употреблению слова «один» в роли отдельного самостоятельного члена предложения, относящегося к сказуемому, способствует также и порядок слов в предложении. Как указывалось выше, обязательным условием образования связанного сочетания «глагол + один» является непосредственное следование слова «один» за глаголом. В случаях, когда это условие нарушается, слово «один» приобретает значение самостоятельного члена предложения. Иначе говоря, значение самостоятельного члена предложения слово «один» приобретает в тех случаях, когда оно отделено от глагола другими словами.

Например:

«**Один** по утренним зарям я убежал к родной реке». (Н. Некрасов).

«**Одна**, дома, вы вдруг заплачете от счастья...». (И. Гончаров).

«Добрый конь в зеленом поле
Без узды, **один**, по воле
скачет весел и игрив». (М. Лермонтов).

«...один раз вышла даже в поле и **одна** ночью
обошла весь сад кругом». (Л. Толстой).

«Андрей вернулся с фронта и с августа жил в Москве
один, в новой квартире...». (В. Каверин).

Приведенные примеры, на наш взгляд, подтверждают положение о том, что далеко не во всех случаях и не с любым глаголом слово «один» образует в предложении «предикативное сочетание». Возникновению предикативных сочетаний препятствуют, во-первых, определенные лексические значения глаголов, не способных употребляться в предложении в роли вещественных связок, а так же четкие обстоятельственные значения слова «один», подчеркиваемые в предложении различными добавочными средствами.

Итак, слово «один» в составе предложения может относиться в русском языке к глаголу, к существительному и к местоимению. Во всех этих случаях слово «один» грамматически зависит от существительного или местоимения, согласуясь с ним. Отнесенность слова «один» к глаголу или существительному определяется прежде всего порядком слов.

Различные значения, отмечаемые в слове «один», возникают в определенных сочетаниях и в значительной мере обусловлены тем словом, к которому относится слово «один».

Н. А. МЕТЛИНА.

**СИНОНИМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ
С ОТГЛАГОЛЬНЫМ ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ
ИЛИ ИНФИНИТИВОМ В РОЛИ ПОДЛЕЖАЩЕГО**

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

А. С. ПУШКИН.

Образность, красочность, величие, могущество и вместе с тем гибкость русского языка в значительной мере создаются таким языковым средством, как синонимия. К какому бы виду произведения литературного языка мы ни обратились — к научному ли трактату, решающему важные проблемы жизни человека, или к небольшой заметке в стенной газете на бытовую тему, — везде мы встречаемся с синонимами, с синонимами лексическими, морфологическими, синтаксическими. «Развитой литературный язык, — пишет академик Л. В. Щерба, — представляет собою весьма сложную систему более или менее синонимических средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом»¹. И чем совершеннее становится язык, отражающий более высокую ступень развития человеческого мышления, тем богаче его синонимия. Причины появления грамматических синонимов связаны с законом, который марксистское языкознание определяет как закон постепенного, непрерывного развития и усовершенствования грамматического строя языка. Человеческое мышление воспроизводит явления объективной действительности абстрактно и в то же время дифференцированно, что в языке отражается в синонимии.

Роль синонимов в языке многогранна, разнохарактерна и важна, а поэтому и круг вопросов для наблюдений и исследования также исключительно обширен.

Если о лексических синонимах можно говорить как о проблеме, нуждающейся в разрешении, то с большим правом необходимо сказать это о грамматической синонимии:² нет уста-

¹ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык, Журнал «Русский язык в школе», № 4, 1939 г.

² См. указания о необходимости изучения синонимических конструкций и анализ синтаксических конструкций параллельных деепричастным оборотам в интересной статье Л. А. Дерibas в Ученых записках кафедры русского языка МГПИ, им. В. И. Ленина, вып. 8, 1958 г.

новившегося единого мнения в понимании грамматических синонимов, их границ назначения в языке, стилистических функций, да к тому же еще мало описано синонимических конструкций, недостаточны имеющиеся наблюдения и исследования.

Проблема грамматических синонимов является важной и интересной как в теоретическом отношении, потому что должны рассматриваться вопросы, связанные с изучением совершенствования языка, так и в практическом, так как решаются задачи овладения многообразными средствами литературного языка в процессе устного общения и в различных видах письменной речи. Академик Виноградов В. В. пишет: «Изучение синонимических средств выражения, присущих общенародному национальному языку поможет установить его живые активные стили и определить закономерности его семантического развития. Исследование стилистического многообразия языка невозможно в отрыве от изучения функциональных своеобразий его употребления в разных сферах общественной жизни»¹.

Критический анализ существующей литературы по синтаксической синонимии дается в статье И. И. Ковтуновой «О синтаксической синонимии»² и в работе В. П. Сухотина «Из материалов по синтаксической синонимии в русском языке»³, а также в диссертациях, посвященных исследованию частных вопросов синтаксической синонимии; поэтому в настоящей статье и нет необходимости останавливаться на истории изучения вопроса.

В данной работе не предполагается решение больших общих вопросов синтаксической синонимии, а ставится более узкая задача — провести наблюдения над конструкциями с подлежащими, выраженными в одном случае отглагольным именем существительным, а в другом инфинитивом, определить грамматические условия, позволяющие считать эти формы выражения подлежащего синонимичными, выявить общее и отдельное в этих синонимических конструкциях и уяснить их стилистическую роль.

О синтаксической синонимии

Кратко остановимся на исходных положениях в понимании синтаксической синонимии, из которых, как нам кажется, нужно исходить при наблюдении и классификации материала.

Явление синтаксической синонимии свойственно различным грамматическим структурам как словосочетаниям, так и предложениям, например — «ребенок с голубыми глазами» — и — «голубоглазый ребенок». «Научи ты меня, как мне жить

¹ Вестник МГУ, 1951 г., № 9, стр. 22.

² Вопросы культуры речи, № 1, М., 1955 г.

³ Исследования по синтаксису русского языка. Изд. АН СССР, 1955.

теперь» (Островский, Гроза). (Научи меня, как мне жить теперь).

Одним из свойств синтаксических синонимов является возможность замены. Вместо словосочетания «с голубыми глазами» — употребим «голубоглазый» в том случае, когда хотим обратить внимание на цвет глаз, именно на этот признак.

— Вы всегда такой, товарищ Горбань? — строго спросил Букреев, все же испытывая чувство симпатии к этому голубоглазому парню. (Первенцев, Огн. земля) ¹.

Предпочтение определено — личному односоставному предложению отдадим в том случае, когда обращаем внимание на действие, а не на лицо.

Синонимическими могут быть только те конструкции, которые заключают и общее и отдельное в своем лексическом и грамматическом значении. Так, например, в простых свободных синонимических словосочетаниях, из которых одно беспредложное, а другое с предлогом, — «принес тебе» и «принес для тебя» — выражаются объектные отношения, но вместе с тем целевой предлог «для» вносит оттенок выделительности, подчеркивает, кому именно оказано особое внимание. Или еще пример — «Дают работать — значит надо работать» (В. Василевская, Реки горят) и «Дают работу — значит надо работать» ². Общим в словосочетаниях «дают работать» и «дают работу» является выражение объектных отношений. Но так как инфинитиву свойственно выражение модальных отношений, то в словосочетании — дают работать — и говорится о возможности иметь работу, в словосочетании же «дают работу» имеется в виду определенное дело.

Если же между компонентами в словосочетаниях выражаются разные отношения, то нельзя говорить о синтаксических синонимах. Словосочетания «посылаю брата» и «посылаю брату» не синонимичны, потому что выражают разные объектные отношения; винительный падеж указывает на прямой объект действия, обозначенного переходным глаголом, а дательный падеж — лицо, для которого совершается действие.

В тех случаях, когда стирается различие в значениях между синонимическими конструкциями, то одна из форм должна уступить место другой, выйти из активного запаса. Например, целевые отношения часто выражаются в современном литературном языке словосочетанием глагола движения и инфинитива, тогда как в древнерусском языке для выполнения этой функции использовался супин ³. Наиболее устойчи-

¹ Пример из Словаря современного русского литературного языка. Изд. Акад. Наук СССР.

² Примеры в скобках даются для сравнения.

³ «Замену форм супина формами инфинитива мы встречаем уже в древнейших русских памятниках, тем не менее еще в памятниках XV в. распространено употребление супина». В. И. Боровский. Синтаксис древнерусских грамот, 1949 г., стр. 336.

вым является тот вариант, который глубже передает понятие о предмете, качестве, свойстве.

Общее в синтаксической синонимии обусловлено общностью содержания и назначения в языке между словосочетаниями или предложениями, как например, выраженные объектных отношений — «Но кушать подали» (Пушкин), (Но кушанье подали).

В синонимических словосочетаниях общее определяется родственной основой тех членов словосочетания, которые соотносительны в словообразовании, например, бороться за мир — борьба за мир; книга сестры — сестрина книга.

Отличное, специфическое, отдельное в синтаксических синонимах обусловлено тем, что сопоставляемые части выражены различными грамматическими категориями, формами. В словосочетаниях «необходимость бороться за мир» и «необходимость борьбы за мир» выражаются атрибутивные отношения, но в конструкции с инфинитивом имеется большая модальная окрашенность, а в сочетании с родительным падежом существительного указывается и объектное значение.

Под синтаксическими синонимами, может быть, и нужно понимать такие свободные синтаксические конструкции, которые близки между собою по значению, синтаксическим функциям, имеют общее в морфологическом и словообразовательном отношении, типичны для данного развития языка, — но для которых характерны смысловозначительные, а иногда и стилистические оттенки значений, что зависит от различных видов, способов грамматического оформления синтаксических конструкций и целенаправленности высказывания.

Сопоставление инфинитива и отглагольного имени существительного

В структуре предложения можно говорить о синонимии членов предложения.

Синонимические отношения могут выражаться как главными членами предложения, так и второстепенными. Так как подлежащее и сказуемое более морфологизированы по сравнению со второстепенными членами предложения, то у главных членов возможности синонимических замен более ограничены. Из всех разнообразных форм выражения подлежащего инфинитив может находиться в синонимических отношениях только с именительным падежом отглагольного абстрактного существительного. Способность инфинитива выступать в значении подлежащего можно считать сейчас уже признанной в лингвистической литературе¹, хотя инфинитив, как нам думается,

¹ Различные мнения русских лингвистов о возможности инфинитива быть подлежащим в предложении кратко изложены в моей статье «Об отграничении независимого инфинитива от зависимого» в Ученых записках кафедры русского языка МГПИ, выпуск 6, М., 1956 г., стр. 85.

вносит в этом случае свою специфику, выражающуюся в виде некоторого оттенка модальности.

Инфинитив в современном русском литературном языке указывает на значение действия — процесса, а отглагольное существительное называет действие в его опредмеченном виде. Инфинитив, обладая категориями вида, залога, переходности, характеризует движение, процесс действия, а отглагольное существительное категориями падежа, рода и числа отмечает предметность действия. Инфинитив даже в роли подлежащего выразит модальные отношения, тогда как отглагольное существительное констатирует, называет факты.

Воспевать отвагу и великий дух нашего народа и **бичевать**, беспощадно **бичевать** все стоящее на его пути с такой же страстью и силой, как это делал Гоголь, — вот главная задача советских писателей, живой венок его светлой памяти «Известия».

Из этой путаницы, раздробления и непопулярности немца главнокомандующего... вытекает нерешительность и **избегание** сражений. (Л. Толстой).

В словосочетаниях, где господствующим членом является инфинитив или отглагольное существительное, при управлении ведущим словом зависимого, могут быть выражены объектные, обстоятельственные и определительно-обстоятельственные отношения: наблюдать за растениями — наблюдения за растениями; прогуливаться утром — прогулка утром; знать по памяти — знание по памяти. Но инфинитив не может иметь при себе согласованного определения, что так типично для существительного с конкретным значением и хотя реже, но вполне возможно и при отглагольном имени существительном.

...привычное **сознание** своего превосходства над детьми страстно сливалось с другим чувством, близким уважению к ним (Горький, Мать).

Инфинитив по сравнению с отглагольным именем существительным сравнительно недавно стал употребляться в роли подлежащего. По наблюдениям В. И. Борковского инфинитив в роли подлежащего до XVI века в памятниках древнерусского языка не встречается¹. Употребление инфинитива в функции подлежащего свидетельствует о развитии и совершенствовании человеческого мышления и грамматического строя языка, потому что для современного развития человеческого мышления характерна большая степень абстракции.

В. И. Ленин указывает, что мышление в своем развитии восходит от конкретного к абстрактному, отражая в научных

¹ Ж. «Русский язык в школе», № 1, 1952 г., В. И. Борковский, Исторические справки по синтаксису русского языка».

понятиях окружающую действительность глубже, вернее, полнее¹.

Особенность инфинитива заключается в номинативном значении его, он так же, как и именительный падеж существительного в словаре выступает представителем всех родственных форм. Инфинитив является глагольным именем, названием процесса, именительный падеж существительного тоже является названием предмета.

Сравнение роли инфинитива и отглагольного существительного приводит к выводу о том, что нельзя считать тождественными инфинитив и отглагольное существительное ни в их значении, ни в грамматических функциях, хотя между ними и много общего, а поэтому рассматриваемые категории и могут выражать синонимические отношения, находясь в роли главного члена предложения — подлежащего. «Обеспечить безопасность народов — такова цель миллионов людей» (Правда). (Обеспечение безопасности народов — такова цель миллионов людей).

Условия, определяющие возможность выражения синонимических отношений между инфинитивом и отглагольным существительным в роли подлежащего

1. ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ СКАЗУЕМОГО

а) Так как инфинитив может быть подлежащим только при определенных формах выражения сказуемого, то, следовательно, и замена его отглагольным существительным может быть только при этих условиях.

При подлежащем, выраженным инфинитивом, сказуемое часто бывает именным: инфинитиву, не имеющему категории лица, в роли подлежащего трудно входить в сочетание с личными формами глагола, в особенности с формами I и II лица, где ярче проявляется грамматическое значение лица по сравнению с III-м лицом глагола.

— «Следовать за мыслями великого человека *есть наука* самая занимательная» (Пушкин, Арап Петра Великого).

(Следование за мыслями великого человека *есть наука* самая занимательная).

— «Врага *уничтожить* — большая *заслуга*, но друга спасти — *это высшая честь*» (Твардовский).

(Уничтожение врага — большая *заслуга*, но спасение друга — *это высшая честь*).

В роли сказуемого при инфинитиве — подлежащем могут употребляться глаголы, выполняющие роль связки, или глаго-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 161, 1958 г.

лы полувещественного значения в форме третьего лица. Присвязочной частью сказуемого может быть творительный падеж существительного или **инфинитив**.

«Путешествовать *было* моей мечтой с раннего детства». (Путешествие *было* моей мечтой с раннего детства).

«И мы первые скажем, что **употреблять** иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, *значит оскорблять* и здравый смысл и здравый вкус». (Белинский).

(И мы первые скажем, что **употребление** иностранного слова, когда есть равносильное ему русское слово — *это оскорбление* и здравого смысла и здравого вкуса).

Существуют различные мнения по поводу того, инфинитив или существительное считать подлежащим, когда при помощи этих категорий выражается значение главных членов предложения. Возможны следующие варианты: оба главных члена предложения выражены инфинитивами — «**Любить** — *это ждать* его звонка, *волноваться*, когда завидишь издали» (Гранин) или именительными падежами имен существительных — «Летний **дождик** — одно только *удовольствие*» (Пришвин), или один из главных членов предложения выражен существительным — другой инфинитивом — «**Большое это удовольствие** — *жить* на земле» (Горький).

В Академической грамматике акцентируется внимание на особой интонации, отделяющей препозитивный инфинитив, который является подлежащим»¹.

Профессор А. Н. Гвоздев считает, что вопрос «решается на основе общего значения предложения: так, в примере из М. Горького безусловно утверждается, что жизнь на земле является большим удовольствием»². Следовательно, подлежащее «жить» стоит на втором месте.

Профессор Тимофеев К. А. говорит: «В предложениях этого типа³ подлежащая функция инфинитива бесспорна в тех случаях, когда сказуемое выражено инфинитивом или именем, занимающим второе место в предложении. При употреблении имени существительного на первом месте точная квалификация главных членов предложения затруднительна и носит в известной мере субъективный характер»⁴.

Е. В. Кротевич⁵ указывает на возможность превращения

¹ Грамматика русского языка, т. II, часть первая, стр. 379.

² А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II, стр. 52.

³ Инфинитив в роли подлежащего при сказуемом, выраженным инфинитивом или существительным (Н. М.).

⁴ К. А. Тимофеев. К вопросу об употреблении инфинитива в функции подлежащего. Труды Благовещенского госуд. пед. ин-та, 1955 г.

⁵ Е. В. Кротевич, Синтаксические отношения между словами и способы их выражения в русском и украинском языках. Издание Львовского университета, 1949 г.

именительного падежа существительного в творительный предикативный и считает это грамматическим критерием, который наряду с другими (порядок слов, значение предложения) является решающим в определении главных членов предложения.

Нужно сказать, что превращения именительного падежа в творительный предикативный применим только в предложении, где оба главные члены предложения выражены именительным падежом.

— «**Повышение** производительности труда — важнейшая *задача* семилетки» (Правда от 20/1 1959 г.).
(**Повышение** — производительности труда *является* важнейшей *задачей* — семилетки).

Если же хоть один главный член предложения выражен инфинитивом, то уже нельзя говорить о превращении именительного падежа в творительный предикативный, потому что инфинитив не имеет формы падежа, следовательно, условия у него с именительным падежом не равные.

В тех случаях, когда возможна синонимия, при замене инфинитива отглагольным существительным, можно использовать прием превращения именительного падежа в творительный предикативный для определения сказуемого.

— «*Наша задача* — **укрепить** родину» (Н. Островский).
(*Наша задача* — **укрепление** родины).
(**Укрепление** родины *является* нашей *задачей*).

Но нужно сказать, что замена инфинитива отглагольным существительным зависит от ряда грамматических условий и поэтому далеко не всегда возможна.

— *Иметь у себя дома врача* — большое удобство»
(Письма Чехова).

Оборот с творительным падежом вместо именительного — конкретного существительного, выполняющего роль сравнения, делает предложение книжным, метафоричность стирается; превращение именительного падежа в творительный, даже в учебных целях, в этих случаях нежелательно.

«В писаниях народов древности можно встретить мысль о том, что «врачевание — это **нож, трава и слово**» (Литературная газета).

«**И песни, и стих** — это **бомба и знамя,**
и голос певца подымает класс» (Маяковский).

В тех случаях, когда синонимическая замена инфинитива отглагольным существительным невозможна, или превращение именительного падежа в творительный нежелательно, можно определять сказуемое по наличию указательного слова — частицы или местоимения, которые обычно стоят перед сказуемым.

— «**Воспевать** отвагу и великий дух нашего народа и **бичевать** беспощадно, **бичевать** все стоящее на его пути с такой же страстью и силой, как это делал Гоголь, — **ВОТ** славная **задача** советских писателей, живой **венок** его светлой памяти» (Известия).

б) Употребляется инфинитив в роли подлежащего со сказуемым, выраженным предикативным словом на «о», которое стоит на пути к безличным словам и склонно выражать модальные значения.

«Но с другой стороны, гулять никем *не запрещено*» (Фадеев, Молодая гвардия).

(Но с другой стороны, гуляние никем *не запрещено*).

Синонимические отношения несколько нарушаются при замене инфинитива отглагольным существительным женского рода, потому что подлежащее и сказуемое, выраженные формами женского рода, вносят в предложение большую конкретность содержания.

«**Работать** трудно».

«Устал он, **работа** трудна» (Некрасов).

И жизнь хороша, и жить хорошо» (Маяковский).

в) В роли сказуемого при инфинитиве-подлежащем могут употребляться глаголы с модальным значением.

«И вдруг бежит вдогонку за трамваем, завидя там похожий воротник, сто раз на дню упрямо забывая, что *встретиться зависит* не от них» (Симонов).

(...встреча *зависит* не от них...).

г) В предложениях, где оба главные члены предложения выражены инфинитивами, синонимическая замена инфинитива-подлежащего невозможна, потому что предложения с двумя инфинитивами в роли главных членов предложения или выражают сравнение, или метафоричны, употребляются с целью поучения; с заменой формы подлежащего предложение утратило бы свою образность и назначение в языке.

Учить — ум точить.

Чай пить — не дрова рубить.

Жить с женщиной — это не под руку пройтись.

Совершенно невозможны синонимические отношения в предложениях, где первая часть имеет значение условия, все предложение в этом случае носит переходный характер между простым двусоставным и сложноподчиненным с двумя инфинитивными.

Биться в одиночку — жизни не перевернуть.

Чужого мужа полюбить — себя погубить.

Если же подлежащее выражено сочетанием инфинитив + инфинитив, то двумя именительными падежами оно, конечно, заменено быть не может, а возможны конструкции именительный падеж + инфинитив.

Уметь читать — большое искусство.

Умение читать — большое искусство.

или именительный падеж + родительный.

Продолжать учиться — его заветная мечта.

Продолжение учения — его заветная мечта.

2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ВОЗМОЖНОСТЬ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИНФИНИТИВОМ И ОТГЛАГОЛЬНЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В РОЛИ ПОДЛЕЖАЩЕГО

Возможности синтаксической синонимии тесно связаны с вопросами словообразования.

«... язык представляет собой такое тесное единство, такое сложное сцепление всех составляющих его частей, что всякое рассечение его на те или другие отделы является искусственным и не может быть проведено до конца последовательно»¹.

Инфинитив в роли подлежащего синонимичен отглагольным существительным с абстрактным значением, потому что самой отвлеченной формой в глаголе является инфинитив, выражающий идею процесса — действия, а в отглагольном существительном — именительный падеж, называющий действие.

Абстрактные имена существительные легко образуются от основ глагола. «Теоретически почти от каждого глагола, кроме основ совершенного вида с приставками реального значения, можно с помощью этого суффикса [ни (е), ени (е) — Н. М.] образовать отглагольные существительные»².

Теоретически может быть и можно образовать отглагольное существительное «почти от каждого глагола», но они только и будут возможными, а не действительно существующими. С каждым инфинитивом можно образовать двусоставное предложение, в котором инфинитив будет выполнять роль подлежащего, но далеко не все инфинитивы могут иметь соотносительные имена существительные (ср. манить, тонуть, алкать, ломиться, лепиться и др., а это ведь глаголы несовершенного вида и без приставки «реального значения») — следовательно, словообразовательные связи имеют решающее значение в синтаксической синонимии в данном случае.

Образование отглагольных существительных, синонимичных инфинитиву в роли подлежащего, зависит от значения

¹ Грамматика русского языка, т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1952 г., стр. 14.

² В. В. Виноградов, Русский язык, 1947 г., стр. 117.

глагола, его образования и морфологического строения, поэтому удобнее провести наблюдение, обратившись к классам глаголов.

Продуктивные классы глаголов

ПОДКЛАСС А ПЕРВОГО ПРОДУКТИВНОГО КЛАССА ¹

От глаголов подкласса А первого продуктивного класса легко образуются отглагольные существительные, потому что в эту продуктивную группу входят преимущественно глаголы несовершенного вида.

Отвлеченные существительные с суффиксом — ани (е) ени (е), ни (е), хотя и завуалировано, неясно, но выражают «оттенки длительности или повторяемости процесса»², названного действия, например: проигрывание пластинок, распиливание дров.

Образованы глаголы подкласса «А» преимущественно от глагольных основ, что также способствует образованию отвлеченных существительных (гулять — гуляние; влиять — влияние).

Возможно образование существительных и от глаголов, которые посредством продуктивных суффиксов «а» и «ка» образованы от междометий, звукоподражаний и частиц, например: охать — охание; мяукать — мяукание; шикать — шикание.

Обычно неупотребительными, неудобными являются существительные, которые можно получить от глаголов подкласса А, образованных от прилагательных и существительных (нервный — нервничать; сапожник — сапожничать; крепче — крепчать; обед — обедать), потому что значение предмета или качества, свойство, заложенные в основе слова, не вяжутся с абстрактностью существительных.

ПОДКЛАСС Б ПЕРВОГО ПРОДУКТИВНОГО КЛАССА

Образование глаголов подкласса «Б», а также значение их, «становиться, казаться таким, как указано в соответствующем имени»³, не соответствует, как правило, образованию отглагольных существительных (камень — каменеть, белый — белеть).

ВТОРОЙ ПРОДУКТИВНЫЙ КЛАСС

Невозможно образование существительных от глаголов второго продуктивного класса потому, что обозначают они

¹ Расположение глаголов по классам принято то, которое дано в Грамматике русского языка АН СССР, М., 1952 г.

² Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1952 г., стр. 121.

³ Грамматика русского языка. АН СССР, М., 1952 г., стр. 540.

действия быстрые, неожиданные (толкнуть, мигнуть), употребляется в разговорном и просторечном языке, в особенности с суффиксом «ану» — «сadanуть», «шибануть», а отглагольные существительные свойственны книжному стилю литературного языка и являются названиями длительного действия.

ТРЕТИЙ ПРОДУКТИВНЫЙ КЛАСС

Несмотря на то, что глаголы третьего продуктивного класса образованы от именных частей речи, образование отглагольных имен существительных вполне возможно, так как суффиксы основ глаголов — ова, — ева — вова, — ирова — выражают значение длительности действия (бичевать, чествовать, формировать — бичевание, чествование, формирование).

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОДУКТИВНЫЙ КЛАСС

Образование отвлеченных существительных от глаголов четвертого продуктивного класса зависит от значения глаголов и характера их основы. Легко образуются существительные от глаголов с отвлеченным, не конкретным значением, в которых сохранилось чередование согласных, свойственное старославянскому языку, например:

возвратить — возвращение (ср. переверотить);
преградить — преграждение (ср. перегородить);
поглотить — поглощение (ср. проглотить).

Книжный характер конструкций с отглагольными существительными зависит не только от их отвлеченного значения, но и от сложности морфологического строения, поэтому чаще эти существительные и образуются от производных основ — приучить — приучение; облачить — облачение; от основ, образованных путем словосложения — благоволить — благоволение, видоизменить — видоизменение, умозаключить — умозаключение, но от слова «утихомирить» не образуется отглагольное существительное, потому что оно разговорно-просторечное.

Отглагольные имена существительные, не обозначающие оттенка длительности действия, образуются от основ совершенного и несовершенного вида глаголов четвертого продуктивного класса — красить — крашение, белить — белиение, включить — включение, обличить — обличение.

Непродуктивные группы глаголов

От глаголов непродуктивных групп, а также изолированных глаголов, основа которых непроизводная, образование отглагольных существительных наблюдается редко (дать, есть, идти и др.). От глаголов, со значением процесса действия и производной основой, образования отглагольных существи-

тельных возможны — метать — метание, колебать — колебание, писать — писание.

КАТЕГОРИЯ ВИДА

Отглагольные существительные со значением действия образуются обычно от основы одного какого-нибудь вида глагола, например:

включать — включить — включение
 списать — списывать — списывание
 смахнуть — смахивать — смахивание.

С суффиксами ани(е), ни(е), как правило, образуются существительные от моторно-кратных, а также многократных глаголов несовершенного вида, например:

Некратный подвид	Кратный подвид	Имя существительное
катить	катать	катание
плыть	плавать	плавание
бежать	бегать	бегание

Многократные глаголы несовершенного вида

похаживать
 поглядывать
 постукивать

Отглагольные существительные

похаживание
 поглядывание
 постукивание

Существительные такого образования сохраняют оттенок повторности, длительности, и синонимические отношения выражены с инфинитивом кратного подвида.

Катать бревна или дрова — дело нелегкое.

Катание бревен или дров — дело нелегкое.

При помощи суффикса ени(е) чаще всего можно образовывать существительные от глаголов 2-го спряжения совершенного вида.

Совершенный вид глагола

возвратить
 получить

Имя существительное

возвращение
 получение

От глаголов, у которых видовая корреляция выражается лексическими средствами (брать — взять, класть — положить), имена существительные образуются не всегда, возможны они от глаголов несовершенного вида, в которых «переплетаются разные образования одного корня»¹.

Совершенный вид	Несовершенный вид	Имя существительное
вернуться	возвращаться	возвращение
повернуться	повертываться	повертывание

¹ Грамматика русского языка. Изд. АН СССР, т. 1, стр. 456.

Непарные глаголы так же, как и глаголы, выступающие со значениями двух видов, имеют разное морфологическое строение и грамматическое значение. Те из них, которые связаны со значением длительности и имеют суффиксы, характерные для кратных глаголов, могут образовать имена существительные:

созерцать — созерцание
исследовать — исследование
телеграфировать — телеграфирование
ухаживать — ухаживание.

СУФФИКСЫ

Отглагольные существительные, выражающие синонимические отношения с инфинитивом в роли подлежащего, в русском языке образуются при помощи суффиксов со значениями абстрактности: ни(е), ени(е), ани(е), от(а), знь, б(а), аци(я), к(а), ти(е), ств(о), тельств(о).

При определении возможности образования существительных с отвлеченным значением названия действия надо учитывать, с какой семантической основой этот суффикс связан. В. В. Виноградов указывал на «семантическое взаимодействие основы и аффикса»¹.

Наиболее распространенными и ярче, чем другие суффиксы, выражающими идею отвлеченного действия в существительном, являются суффиксы: — ени(е) — ани(е) — ни(е), но абстрактное значение слова, необходимое для выражения синонимии получается только в том случае, если эти суффиксы присоединяются к соответствующей основе, о чем говорилось выше. Если же существительные «этого же словообразовательного типа» обозначают «предмет, полученный в результате действия»², то с такими существительными не может быть синонимической конструкции с инфинитивом в роли подлежащего.

Ср.: Украсить школу к празднику — задача молодежи.
Украшение школы к празднику — задача молодежи,
но украшение из бронзы³, украшение — отделка платья.

Конструкции с отвлеченными существительными среднего рода и инфинитивы более близки в синонимическом отноше-

¹ В. В. Виноградов. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии. Сб. Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Изд. АН СССР, М., 1952 г., стр. 130.

² Н. Н. Прокопович. К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетания. «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956 г., стр. 145.

³ Н. Н. Прокопович. К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетания. «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956 г., стр. 145.

нии, чем с существительными других родов, потому что в существительные среднего рода обычно называют процессы действия.

Тип образования абстрактных существительных с другими суффиксами отвлеченных понятий кроме ни (е), — ени (е), — ани (е) малопродуктивный, и синонимические конструкции инфинитива с отглагольными существительными, образованными с суффиксами ти (е), ств (о), хотя и возможны но встречаются редко.

Посредством производного суффикса — ти (е) образуются существительные среднего рода со значением процесса.

«Гармоническое развитие человека немислимо без физического труда, творческого и радостного, укрепляющего организм, повышающего его жизненные функции» (Учительская газета).

Посредством суффикса «ств-о» и производного суффикса «тельств-о» от глагольных основ образуются имена существительные среднего рода, называющие действие.

Вмешаться — было необходимо.

Вмешательство — было необходимо.

От глагольных основ образуются имена существительные женского рода, обозначающие процесс, действие, с суффиксами: «к» (варка — варить), «от» (пахота — пахать), «б» (дружба — дружить), «знь» (боязнь — бояться), аци (я) (активизация — активизировать).

При замене инфинитива-подлежащего отглагольным существительным женского рода обычно нужно бывает изменить слово, выражающее сказуемое, а это ведет к некоторому нарушению синонимии, так как значение конструкции с существительным женского рода более конкретно.

Такое же явление можно наблюдать при употреблении существительных мужского рода со значением действия, например: делить — дележ, инструктировать — инструктаж, хохотать — хохот.

Таким образом, самыми приемлемыми суффиксами для образования отглагольных существительных, которые могут выражать синонимические отношения с инфинитивом, являются суффиксы ни (е), ени (е), ани (е).

На основе наблюдений над словообразованием отглагольных существительных, выражающих синонимические отношения с инфинитивом в роли подлежащего, можно сказать, что образование этих существительных зависит от значения глаголов, от образования и морфологического строения глагольных основ. Образуются существительные с отвлеченным значением преимущественно от глаголов, широко употребляемых в книжном языке или стилистически нейтральных (обучить,

бодрствовать); от глаголов же архаических (алкать, жаждать, обуревать, ответствовать) и просторечных (валить в значении идти, стибрить, дрыхнуть) отглагольные существительные редко образуются. Отыменные глаголы не способствуют образованию от них отвлеченных существительных (сорить, глупить, сиротеть). Существительные, выражающие синонимические отношения с инфинитивом в роли подлежащего, обычно образуются от производных основ с продуктивными суффиксами (отталкивать — отталкивание).

**3. РОЛЬ ЗАВИСИМЫХ ЧЛЕНОВ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ
СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ:
ИНФИНИТИВ (ПОДЛЕЖАЩЕЕ) + ЗАВИСИМЫЕ СЛОВА
И ИМЕНТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ОТГЛАГОЛЬНОГО
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (ПОДЛЕЖАЩЕЕ) + ЗАВИСИМЫЕ СЛОВА**

Если инфинитив и именительный падеж отглагольного существительного, являясь подлежащими, имеют зависимые слова, то для выражения синонимических отношений совершенно не безразлично, однотипны эти словосочетания или нет.

В работе профессора Прокоповича Н. Н. «К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний»¹ указывается на то, что «типы словосочетаний, присущие глаголу, распространяются на имена существительные и прилагательные»². Возможны словосочетания, в которых зависимое слово имеет одну и ту же падежную форму как при инфинитиве, так и при отглагольном существительном (овладеть наукой — овладение наукой); возможно употребление и разных падежей: при инфинитиве — винительный, а при отглагольном существительном — родительный (украсить здание, украшение здания)³.

Однотипное построение словосочетаний способствует выражению синонимических отношений между инфинитивом и отглагольным существительным.

«На гидроэлектростанциях намечается **ввести** более 10 миллионов киловатт новых мощностей против 7,4 миллиона киловатт, введенных в минувшее семилетие» (Правда от 25/1 1959 г.).

(На гидроэлектростанциях намечается **введение** более 10 миллионов...).

«По второму варианту учебного плана предполагается **изучать** в 5-х классах древний мир...» (Учительская газета).

¹ Сб. статей «Исследования по синтаксису русского литературного языка». М., 1956 г., стр. 143.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 142—143.

(По второму варианту учебного плана предполагается изучение в 5-х классах древнего мира...).

Если же словосочетания не одинаковые, если инфинитив или именительный падеж имени существительного имеет при себе такие зависимые слова, которые могут входить в словосочетания или только с глагольными формами (деепричастие), или только с существительными (прилагательные), то замена конструкций не возможна.

«Обучая воспитывать и воспитывая обучать — таков принцип работы каждого преподавателя вуза» (Учительская газета).

«В с е с т о р о н н е воспитывать студентов, учить их быть образцом выполнения государственного и общественного долга — задача всех кафедр факультетов, вузов» (Учительская газета).

«Прочное и сознательное усвоение учащимися общей характеристики эпохи возможно лишь тогда, когда у них есть живые и яркие представления о ней...» (Учительская газета).

Некоторые замечания о стилистических свойствах конструкций с инфинитивом и отглагольным существительным в роли подлежащего

Синонимические конструкции так же, как и лексические синонимы способствуют выражению тонких дифференцированных значений, разнообразят и украшают язык, что связано с употреблением их в разных стилях литературного языка.

О стилистической роли отглагольных существительных абстрактного значения в лингвистической литературе много интересных и ценных высказываний. Сопоставляя значения суффиксов «нье» и «ние» Л. А. Булаховский пишет: «Как бы ни смотреть на происхождение «нье» сравнительно с «ние» — признать ли первое исконно-русским или только сильно русифицированным, — между ними теперь четкая эмоциональная разница: — ние — характерно для слов книжных, сухих и торжественных, — нье — для разговорных или вульгарных: желание, искание, лечение (ср. более простые: желанье, исканье, леченье, но вранье, жранье). Те же отношения при — тие, — тье: бытие, житие и бытье, житье»¹.

В работах В. П. Сухотина² и А. И. Ефимова³ приводятся мнения русских лингвистов о значении и роли в языке отглагольных существительных, анализируются интересные приме-

¹ Курс русского литературного языка. Киев, 1949 г., стр. 112.

² В. П. Сухотин, Из материалов по синтаксической синонимике. Сб. статей Исследования по синтаксису русского литературного языка. М., 1956 г., стр. 30—32.

³ А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи. М., 1957 г., стр. 323—325.

ры и указываются сферы применения конструкций, насыщенных отглагольными существительными. Эти данные и будут учитываться нами при сопоставлении конструкций с инфинитивом и отглагольным существительным в роли подлежащего.

Для выражения модального значения приказания, повеления инфинитив является самой яркой формой из всех категорий глагола. См. надписи на стеклах дверей вагонов метро.

Не мешайте входу и выходу. Не прислоняться.

Обладая неограниченными возможностями для выражения модальности, инфинитив даже в роли подлежащего выполняет до некоторой степени эту функцию¹. *Задачей задач сегодня является сдвинуть с мертвой точки дело разоружения* (Правда от 28/I 1959 г.).

Оттенки в значении инфинитива-подлежащего и его стилистическая роль в значительной мере определяются сказуемым в предложении, с которым инфинитив употребляется.

Так, например, при глаголах «запрещается», «не разрешается» в роли подлежащего обычно употребляется инфинитив, а не отглагольное сказуемое.

«На территории монастыря-музея *запрещается рвать цветы, мять траву, ломать деревья, курить, шуметь*».

«*Бежать по эскалатору, ставить вещи и садиться на ступени запрещается*».

Предпочтение инфинитиву, а не отглагольному существительному (запрещается курить, а не курение; купаться, а не купание) объясняется тем, что нужно подчеркнуть запрещение процесса — действия, а не привычки человека, склонности к чему-либо. Запрещается курить, т. е. запрещается загрязнять воздух в помещении дымом, никотином, а не привычка человека «втягивать в себя через рот и выдыхать дым какого-нибудь вещества, преимущественно табака»².

Сравните значение слов «курить» и «курение» в примере из правил поведения отдыхающих на курорте Старая Русса. «Курить, бросать окурки на пол не разрешается». «Курение производится в отведенном для этого месте». Предложение с подлежащим «курение» в данном примере комично своей неуместной приподнятостью.

Употребляется инфинитив в роли подлежащего при сказуемом «запрещается», «не разрешается», «не рекомендуется» еще и потому, что в сочетании с инфинитивом резче выражается модальное значение, т. е. ярче выполняется функция этого предложения.

¹ См. мою статью «Об отграничении независимого инфинитива от зависимого». Ученые записки кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина, 1956 г., вып. 6.

² Словарь современного русского языка. АН СССР, 1956, т. V.

«Приносить с собой спиртные напитки и распивать их в столовой запрещается».

Предложения этого типа характерны для канцелярского стиля, и, очевидно, влиянием канцелярского языка, равнением на него можно объяснить двоеточие в объявлениях на эскалаторах станций, открытых в 1958 и 1959 гг.

«Запрещается: бежать по эскалатору, ставить вещи и садиться на ступени».

Нельзя не отметить случаи, когда инфинитив и именительный падеж отглагольного существительного могут употребляться параллельно, легко заменять друг друга.

Входить и выходить во время движения запрещается.

Вход и выход во время движения запрещается.

Играть на мостовой запрещается.

Игра на мостовой запрещается.

В этих случаях каждая конструкция может употребляться безразлично, хотя предложение с именем существительным в роли подлежащего более конкретно (потому что эти существительные без суффиксов — ени (е), ани (е), возможно, поэтому предложения с подлежащими «вход», «игра», чаще и употребляются.

Предложения, в которых сказуемое выражено существительным с неконкретным, обобщенным значением (дело, задача, цель), или нейтральны в стилистическом отношении или носят некоторый оттенок книжности, что зависит в значительной мере и от содержания второстепенных членов предложения.

«Учиться — это наш долг».

«Овладеть в совершенстве знанием родного языка — наша первая задача».

«Познавать все неизнанное — цель наших опытов».

Если инфинитив заменить отглагольным существительным, то предложения получатся более книжными и сухими.

Употребление в именительном или творительном падеже других существительных (кроме указанных выше) в роли сказуемого обычно встречается или в художественной литературе или научных произведениях; такие предложения или нейтральны в стилистическом отношении, или, в зависимости от построения всего предложения, могут иметь оттенок разговорности или книжности.

Жить, трудиться для всех — стало девизом ребят.

Выгонять перед вечером и **пригонять** на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков (Тургенев).

В сознательном стремлении средствами поэтического искусства **бороться** за раскрепощение народа, за утверждение

такого общественного строя на земле, при котором само имя человека-труженика будет звучать гордо, — *вот* в чем подлинная *народность* Бернса (Литературная газета).

«**Любить** — *необходимость* мне, и я любил всем напряжением душевных сил».

«...**видеть** вас издали, **коснуться** вашей руки *было* для меня *упоением*». (Пушкин).

Самой распространенной формой сказуемого при инфинитиве-подлежащем является предикативное слово на «о» это сказуемое обычно придает оттенок книжного стиля.

«**Оспаривать** это — *равносильно* отрицанию непреложной истины о единстве фронта и тыла» (Ажаев).

«Юности *свойственно* **стремиться** мыслью вперед, мечтою **обозревать** грядущее» (Галин).

«**Объяснить** тайну воздействия стихов на наше сердце *трудно*» (Осетров).

Предложения, где оба главные члены предложения представлены инфинитивами, сказуемое выражает сравнение, что обуславливает непринужденность, простоту, свойственную разговорному стилю.

Шить костюм из недекатированной ткани — *все равно*, что *мастерить* стул из только что срубленной древесины (ж. Огонек).

Оценить такое произведение *значит* *оценить* самого поэта во всем объеме его творческой деятельности (Белинский).

Конечно, для определения стилистической роли той или иной конструкции нужно учитывать контекст, но решающая роль все-таки остается за подлежащим и сказуемым, как организующими центрами предложения: не может быть подлежащее словом книжного языка и все предложение книжным, если сказуемое выражено существительным с пренебрежительным суффиксом «енк».

«Неплохая работенка — выдумывать себе работу!» — сказал Крокодил (ж. Крокодил).

Если сравнить конструкции с инфинитивом и отглагольным существительным в роли подлежащего и сопоставить их в стилистическом плане, то нужно сказать, что предложения с инфинитивом-подлежащим чаще всего нейтральны в стилистическом отношении или могут иметь некоторую окраску разговорного или книжного стиля — предложения же с отглагольным существительным в роли подлежащего характерны для книжного языка.

Предложения с инфинитивом-подлежащим побуждают к действию, активности, целенаправленности, в особенности,

если подлежащее выражено инфинитивом действительного залога.

Соединить глубину обобщения огромный эмоциональный заряд со стремительными ритмами сегодняшней жизни и **воплотить** все это в ясной реалистической форме — *вот путь, вот решение проблемы!*» (Народный художник Н. Н. Жуков).

Синонимическая замена возможна в этом предложении, как и во многих других такого типа.

(**Соединение** глубины обобщения, огромного эмоционального заряда со стремительным ритмом сегодняшней жизни и **воплощение** всего этого в ясной реалистической форме — *вот путь, вот решение проблемы*).

Эти синонимические конструкции различны в выражении субъектных отношений: если предложение с отглагольным существительным констатирует факт, то инфинитив-подлежащее указывает, что косвенный субъект должен или может выполнить действие, названное инфинитивом.

Предложения с инфинитивом-подлежащим встречаются гораздо реже, чем предложения, в которых подлежащее выражено отглагольным существительным; объясняется это, мне думается, тем, что, во-первых, инфинитив не может быть подлежащим при сказуемом, выраженным личными формами глагола (а это ведь основная, самая распространенная форма выражения сказуемого), во-вторых, тем, что при помощи инфинитива как глагольной формы не всегда возможно передать значение подлежащего и, в-третьих, тем, что инфинитив по сравнению с отглагольным существительным недавно стал употребляться в роли подлежащего.

О. Д. МИТРОФАНОВА.

НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛИЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ С СУФФИКСАМИ «СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Личные собственные имена с суффиксами субъективной оценки представляют собой своеобразный разряд эмоционально-оценочных имен существительных, отличающийся целым рядом особенностей. Своеобразие форм «субъективной оценки» личных собственных имен раскрывается прежде всего в производящей основе, где наблюдается большая изощренность, причудливость звуковых видоизменений и сокращений. Во-вторых, в образовании форм «субъективной оценки» личных собственных имен принимают участие суффиксы, не свойственные эмоционально-оценочным именам нарицательным или имеющие в нарицательных существительных другие значения или оттенки значений.

Наряду с этим в системе личных собственных имен наблюдаются морфологические процессы, свойственные в меньшей степени и нарицательным существительным, но проявляющиеся нередко в собственных именах особым образом, специфически; например, своеобразное «переразложение» основы, когда один из суффиксов становится принадлежностью основы, благодаря чему производная основа воспринимается как непроизводная, или своего рода «опрощение» суффиксальных морфем, приводящее к образованию сложных суффиксов «субъективной оценки» на базе составных.

Цель данной статьи — установить, по возможности, основные структурные типы производящих основ в личных собственных именах с суффиксами «субъективной оценки», охарактеризовать звуковой состав важнейших сложных суффиксов субъективной оценки, оформившихся уже на базе современного русского языка, и определить круг возможных значений форм с этими суффиксами.

Наблюдения над многообразием эмоционально-оценочных личных собственных имен позволяют вполне определенно и последовательно выделить следующие общие структурные типы производящих основ:

1. недеформированные основы;
2. усеченные основы;
3. связанные основы.

Недеформированные основы наиболее просты по своему составу и напоминают производящие основы абсолютного большинства нарицательных имен существительных. Они равны полному имени в официально-светской, реже разговорно-бытовой, иногда официально-церковной его форме¹). Формообразующие суффиксы присоединяются непосредственно к полному имени (без родового окончания в именах женского рода), например:

а) **Петр — Петруша, Лавр — Лавруня, Вера — Верочка, Влас — Власик, Марфа — Марфенька, Глеб — Глебка, Глебушка;**

б) **Ларион — Ларионушка, Катерина — Катеринка, Лизавета — Лизаветушка;**

в) **Параскева — Параскевушка.**

Характер основы (конечный звук всегда согласный) определяет круг возможных формообразующих элементов, в качестве которых выступают суффиксы, начинающиеся с гласного звука (УШКа, ОЧКа, ОНЬКа, УШа, УТа, УРа, УНя, УСя, ИК) и суффикс Ка (Примеры см. выше).

Недеформированные производящие основы — продуктивны, широко распространены в современном русском языке. Они наиболее активно взаимодействуют с суффиксами УШКа, Ка, менее активно (только для имен женского рода) — с суффиксами ОЧКа, ОНЬКа²).

* * *

Усеченные и связанные основы, к рассмотрению которых мы переходим, — интересные морфолого-структурные единицы, являющиеся достоянием прежде всего и в основном личных собственных имен с суффиксами субъективной оценки. Они составляют своеобразие, специфику личных собственных имен, отличают их от основной массы нарицательных существительных и противопоставляют им.

В отличие от недеформированных усеченные основы состоят не из полного имени, а из одного, двух и более слогов, вычленяемых из состава полного имени в той или иной его форме; например, производящие основы в таких уменьшитель-

¹ Для более удобного и четкого расположения фактического материала автор прибегает к условным обозначениям:

а) основы, выделяемые в официально-светской форме имени;

б) основы, выделяемые в разговорно-бытовой форме имени;

в) основы, выделяемые в официально-церковной форме имени.

² **Примечание.** Нами было изучено около 1500 русских имен, примерно 800 из них дают в современном русском языке живые эмоционально-оценочные формы. Именно эти имена составляли нашу базу при проведении сравнительных количественных подсчетов, на основании чего также устанавливалась степень продуктивности, распространенности тех или иных производящих основ. Количественные данные, приводимые нами при дальнейшем изложении, тоже определяются в основном на основе анализа этой группы имен (в количестве 800).

но-ласкательных именах как Вася от Василий, Валя от Валентин(а), Маша и Маня от Мария, Толя от Анатолий, Саша, Саша от Александр(а), Антоша от Антон, Евграша от Евграф и т. п.

Среди усеченных основ обращают на себя внимание такие, которые состоят из почти полного имени, отпадают лишь конечные согласные, например, а) **Абраша — Абрам, Антоша — Антон, Евграша — Евграф, Алексаша — Александр, Николаша — Николай, Мариша — Марина, Ириша — Ирина;**

б) **Малаша — Маланья, Марьяша — Марьяна** и т. д. всего от 35 имен.

Как видно из приведенных примеров, такие мало усеченные основы взаимодействуют лишь с суффиксом **Ша**, в связи с чем некоторые отечественные лингвисты и исследователи языка (Г. Павский, Ф. Буслаев) склонны были видеть здесь образование при помощи аффикса «а» непосредственно от полного имени, но с наличием чередования «н:ш». На наш взгляд, подобную точку зрения нельзя признать справедливой хотя бы потому, что согласный «ш» мы встречаем не только на месте «н», но и на месте «ф» (Евграф — Евграша), и на месте «т» (Игнат — Игнаша), и на месте «й» (Николай — Николаша), и даже на месте стечения нескольких согласных (Александр — Алексаша).

По нашему мнению, и здесь мы имеем дело с усеченной, а не недеформированной основой и элементами чередования согласных. Отпадение конечных согласных звуков вызвано тем, что при использовании недеформированной основы суффикс субъективной оценки «Ша» оказывается в положении после согласного, что противоречит современным нормам формообразования личных собственных имен. Более того, суффикс «Ша» издавна использовался в системе имен нарицательных для образования наименования жены того или иного должностного лица, например, «воеводша — жена воеводы», «генеральша — жена генерала» и т. п. Естественно, что образования типа Артамонша, Миронша, Платонша от Артамон, Мирон, Платон и пр. воспринимались бы не как эмоционально-оценочные формы личных имен, а как имена, обозначающие соответственно жену Артамона, Мирона, Платона. С отпадением конечных согласных звуков почва для подобных ассоциаций исчезла.

Использование же в качестве усеченной производящей основы первого слога (в двухсложных) или первых слогов (в многосложных именах) — подобные основы тоже не менее широко распространены и продуктивны — невозможно в некоторых из них потому, что на границе слогораздела имеем стык согласных звуков (Аб-рам, Ан-тон, Ев-граф), что препятствует присоединению формообразующего суффикса «Ша», могущего находиться лишь в положении после гласного. В других именах этой группы выделение основы, состоящей из первого или

первых слогов, невозможно потому, что при этом создаются формы омонимичные, неблагозвучные, наконец, трудно соотносимые с формой полного имени: Платон — Плаша, Степан — Стеша, Аникей — Аниша, Мирон — Миша, Роман — Роша, Парамон — Параша и пр. Приведенные формы звучат как омонимичные к именам нарицательным или другим эмоционально — оценочным собственным именам.

Как мы уже отметили, усеченные основы, включающие почти полное имя, немногочисленны, всего 35 примеров. Абсолютное большинство усеченных основ состоит из первых слогов соответствующих полных имен: Василий — **Вася**, Мария — **Маша**, **Маня**; но иногда (значительно реже) из вторых или следующих слогов, особенно если первые слоги безударные, или если полные имена многосложны, или если, наконец, с присоединением суффикса к основе, состоящей из первых слогов, образуются формы неблагозвучные, оказывающиеся омонимичными или вызывающие комические ассоциации с другими словами. Например, с первыми слогами в производящей основе имеем формы:

- а) **Вася** — Василий, **Маша**, **Маня** — Мария, **Родя** — Родион, **Соня** — Софья, **Глаша** — Глафира, **Наташа** — Наталья;
- б) **Катя** — Катерина, **Митя** — Митрий, **Ларя** — Ларион, **Настя** — Настасья;
- в) **Дима** — Димитрий, **Сима** — Симеон.

Субъективно-оценочные формы с усеченными основами такого типа особенно многочисленны, в количественном отношении они несколько не уступают уменьшительно-ласкательным именам с недеформированной основой.

Со вторым слогом в производящей основе:

- а) **Женя**, **Геня** — Евгений (я)¹, **Кодя** — Никодим, **Коля** — Николай, **Грипа** — Агриппина, **Куля** — Акулина, **Геля** (я) — Ангелина, **Тоня** — Антонина и Антонида, **Фима** — Ефимья, **Фрося** — Ефросинья;
- б) **Тася** — Настасья.

Приведенными примерами почти исчерпывается (всего 16)² перечень форм, производящая основа которых состоит из второго слога официального полного имени. Формы с третьим слогом в производящей основе вовсе единичны, это:

- а) **Толя** — Анатолий, **Саша**, **Саня** — Александр (а), **Сана** — Александра. (См. примечание²).

¹ В. В. Виноградов отмечает, что чередование «Г»: «Ж» возникло едва ли не под влиянием французского языка. (См. В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947 г., стр. 81—83).

² Примечание. Среди субъективно-оценочных личных собственных имен с усеченной основой нами отмечено только одно имя, основа которого оформилась путем выпадения средних слогов в полном имени: **Серафима** — **Сима**. Такой способ составления характерен для основ связанного типа, о котором мы будем говорить ниже.

По звуковому составу внутри усеченных производящих основ этого вида (состоящих из первых или следующих слогов полного имени) можно выделить: а) основы, включающие целые слоги, обычно открытого характера: **Глафира — Глаша, Гланя, Мария — Маша, Маня, Софья — Соня** и т. д. и б) основы, включающие, кроме целых открытых слогов, согласный следующего слога: **Василий — Вася, Валентин (а) — Валя, Катерина — Катя, Настасья — Настя** и т. п. Характер конечного звука основы обуславливает выбор суффиксальных морфем: к основе, состоящей из открытых слогов, присоединяются суффиксы **Ша, Ня, реже Ха**; к основе, оканчивающейся на согласный, — аффикс «а-я» и суффиксы **УШКа, Ка, УШа, УНя, УРа, УТа, УСя, ИК, ОК**.

Следовательно, в зависимости от звукового состава, а потому и характера взаимодействия, среди усеченных основ различаются:

а) усеченные основы (всегда открытого характера), состоящие из почти полного имени, с отпадением лишь конечного согласного: **Антоша, Абраша, Мироша, Софроша, Ульяша, Малаша** и пр., сравни **Антон, Абрам, Мирон, Софрон, Ульяна, Маланья**;

б) усеченные основы, состоящие из первых, редко следующих слогов, тоже открытого характера: **Маша, Маня** из **Мария, Соня** из **Софья, Наташа** из **Наталья, Геша** из **Евгения (й)**;

в) усеченные основы, состоящие из первых, редко следующих слогов, но с присоединением согласного следующего слога: **Вася** из **Василий, Валя** из **Валентин (а), Фрося** из **Ефросинья** и пр.

Усеченные основы двух последних видов чрезвычайно продуктивны в современном русском языке, что подчеркивается не только их широкой распространенностью (субъективно-оценочные формы с такими основами — типичные уменьшительные личные собственные имена в современном русском языке), о чем мы говорили выше, но и необычайной активностью взаимодействия их с самыми разнообразными суффиксами субъективной оценки.

* * *

Интересно отметить, что иногда усеченные основы выступают в качестве самостоятельного уменьшительного собственного имени — собственно-усеченные формы субъективной оценки. Из форм такого рода нам встретились:

Женские имена.

Рита из **Маргарита,**
Лана из **Светлана,**
Лина из **Алина, Акулина,**
Лена из **Елена, Владилена,**
Ида из **Зинаида, Ираида,**

Ада из Олимпиáда.
Тина из Валенти́на,
Мила из Людми́ла,
Нила из Неони́ла,
Фиса из Анфи́са,
Нина из Антони́на.

Приведенные примеры представляют собой конечные слоги, вычлененные из полного имени без присоединения каких-либо формообразующих элементов. О таком способе образования заметил В. В. Виноградов в книге «Русский язык»: они получаются как бы «посредством отсечения конечных слогов или слога у полного имени»¹.

При создании аналогичных уменьшительных мужских имен к основе, обычно оканчивающейся на согласный звук, присоединяется аффикс «а-я», формальный показатель грамматического I склонения, с категорией которого соотносительны уменьшительно-ласкательные собственные имена в современном русском языке. Нам встретились:

Тёма из Артём,
Дима из Вадим,
Баня из Иван,
Хипа из Архип,
Дипа из Эдип.

Следует отметить, что в качестве самостоятельных имен выделяются обычно ударные слоги, что облегчает процесс соотнесения подобного уменьшительного имени с соответствующим полным.

В. И. Чернышев считает подобными собственно-усеченными также формы, получившиеся путем вычленения в качестве самостоятельного уменьшительного собственного имени не конечных, а начальных слогов, например:

а) Ната из Натáлья,
Зина из Зинаи́да,
Рома из Рома́н,
 Степа из Степа́н,
Миха из Михаи́л;
б) Лиза из Лизаве́та.

Действительно, между этими формами и только что рассмотренными образованиями от мужских имен нет принципиальной разницы, просто в одних случаях усеченная основа состоит из целых слогов (Тема, Дима, Хипа и т. п.), в других — из более причудливых сочетаний слога с последующими согласными (Наташа, Зина, Рома и пр.).

Но нам кажется, что гораздо проще, убедительнее и справедливее считать эти формы не собственно-усеченными (полу-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, М., 1947 г., стр. 81.

ченными путем чистого усечения), а аффиксальными, полученными путем выделения усеченной основы, состоящей из первых слогов, с последующим присоединением формообразующего аффикса «а-я».

Использование усеченной производящей основы в качестве самостоятельного уменьшительного собственного имени можно признать особым случаем образования форм субъективной оценки, заметно распространяющимся в последнее время, особенно в виде выделения одного-двух последних ударных слогов в многосложных именах: Лина, Тина, Рита, Лана и т. п. от Алина — Акулина, Валентина, Маргарита, Светлана.

С точки зрения использования в современном русском языке эти имена интересны тем, что выступают в процессе общения в качестве неофициально-нейтральных имен, т. е. в них отсутствует ярко выраженная эмоциональная оценка, экспрессивная окраска. Например, в речи диалогической, при непосредственном обращении к собеседнику:

Фиса! — крикнула она, приоткрыв дверь (от Анфиса). (А. М. Горький. «Жизнь Клима Самгина», т. 20, стр. 439).
«Не буду, **Лина**, не сердись!» (от Алина) (А. М. Горький. Там же, стр. 617);

или в описательно-повествовательном контексте:

«Когда я вошел, от одной из групп отделилась моя старая приятельница **Тина** и, узнав меня, радостно вскрикнула» (от Валентина) (А. П. Чехов. «Драма на охоте». З 433).
«В санях находилась еще одна особа — Маргарита Александровна, или, как ее все звали, **Рита**» (А. П. Чехов, т. 8, стр. 253).

«Весь город знал скромного и робкого Архипа с детства, все помнили его, называли **Хипой**» (А. М. Горький. «Городок Окуров», т. 9, стр. 74).

Из примеров видно, что уменьшительные формы **Фиса**, **Лина**, **Тина**, **Рита**, **Хипа** — привычные, бытовые, «домашние» имена. Такие образования были широко распространены в среде интеллигенции, в настоящее время они все больше проникают и в среду крестьянскую, так называемую народную.

* * *

Связанные основы наиболее интересны с точки зрения своеобразия их структурной модели. При создании связанных основ в именах нарицательных имеет место обычный процесс опрощения, выражающийся в слиянии суффикса с корнем. В процессе оформления связанных основ в личных собственных именах тоже наблюдается своего рода опрощение, но весьма специфическое, ибо суффиксальная морфема здесь, сливаясь с основой при образовании уменьшительных форм определенной степени, четко выделяется в предыдущей степени образования. Например, форма **Нюта** образовалась из имени **Анна** сле-

дующим образом: Анна — Аня — Анята — Нюта. Суффикс «юта» выступает в форме Анята как самостоятельная морфема, создание эмоционально-оценочной формы следующей ступени происходит посредством усечения — отпадает начальный слог; оставшиеся конечные слоги выступают как самостоятельное уменьшительное имя собственное, и в его составе суффикс «Юта» выступает уже как принадлежность основы «нют» (которую мы называли связанной), и аффикс «а» как формальный показатель женского рода, в пределах которого преимущественно оформляется все богатство уменьшительно-ласкательных образований.

Аналогичный процесс наблюдается при создании форм:

- а) Нюра: Анна — Аня — **Анюра** — Нюра,
Нюша: Анна — Аня — **Анюша** — Нюша,
Нюся: Анна — Аня — **Анюся** — Нюся,
Люся: Ольга — Оля — **Олюся** — Люся,
Леша: Алексей — **Алеша** — Леша.
- б) Дуня: Авдотья — **Авдуня** — Дуня,
Дуся: Авдотья — **Авдуся** — Дуся,
Гуня: Егор — **Егуня** — Гуня.

Приведенные уменьшительно-ласкательные имена по механизму образования несколько напоминают уже рассмотренные нами субъективно-оценочные формы типа Рита, Лина, Лана и пр. от Маргарита, Алина, Светлана, они тоже создаются путем выделения конечных слогов в качестве самостоятельного уменьшительного имени, но только там слоги выделялись из полного имени, а здесь из уже уменьшительного той или иной ступени образования.

Аналогичные связанные основы могут создаваться путем выпадения в уменьшительной форме не начальных, а средних слогов. Таковыми являются формы:

- а) Буся: Борис — **Боруся** — Буся,
Иша: Иван — **Иваша** — Иша,
Пуша: Павел — **Павлуша** — Пуша,
Муся: Мария — **Маруся** — Муся,
Муня: Мария — **Маруня** — Муня,
Мура: Мария — Маша — **Машура** — Мура,
Мута: Мария — Маша — **Машута** — Мута,
Муша: Марфа — **Марфуша** — Муша,
Мута: Марфа — **Марфута** — Мута,
Ася: Анна — Аня — **Анюся** — Ася.

Как видим, при выпадении средних слогов создаются основы тоже связанного типа, совпадающие с выше рассмотренными.

Следовательно, связанные основы создаются двояким путем:

- а) либо через отпадение начальных слогов в уменьшительной форме имени;

а) Анна — Аня — **Анюра** — **Нюра**,

б) Авдотья — Авдуня — **Дуня**.

б) либо путем выпадения средних слогов в уменьшительной форме имени:

а) Мария — Маша — **Машура** — **Мура**;

Борис — Боруся — **Буся**.

Оба вида основ мало продуктивны для современного русского языка, количество их ограничивается приведенными примерами; конечно, от этих же основ возможны различные суффиксальные образования вроде Нюрка, Нюрочка, Дусенька, Буська, Бусенька, Дунечка, Дунька и т. п.

Связанные основы однотипны с усеченными по способу образования (способ один — усечение в широком смысле слова), но они неодинаковы по своему звуковому и даже морфологическому составу. Подобно усеченным, связанные основы создаются путем выделения слога или слогов, но в отличие от них при оформлении связанных основ слоги выделяются не из официального полного имени, а из уже уменьшительного той или иной ступени образования, которое, как правило, осложнено хотя бы одной суффиксальной морфемой; один из суффиксов обязательно оказывается в составе полученной производящей основы. (Примеры см. выше).

Связанные основы — специфические основы личных собственных имен с суффиксами субъективной оценки. Своеобразие их заключается в том, что от основного исходного полного имени здесь остается только один звук, к которому непосредственно присоединяется суффиксальная морфема, осмысливающаяся как принадлежность производящей основы, конечный гласный «а» — как формообразующий аффикс.

Существование такой основы вне ее сочетания с суффиксом невозможно (в свободном, не «связанном» виде она лишена какого бы то ни было «смысла», т. к. в ней остается всего один звук)¹). В силу столь своеобразного способа образования (от основного исходного имени остается один звук) эмоционально-оценочные формы со связанными основами оказываются очень мало похожими на соответствующее официальное полное имя. Структурная модель таких форм выясняется лишь тогда, когда восстанавливается вся разомкнутая цепь образований.

Такой интересный прием создания эмоционально-окрашенных имен со связанными основами распространен особенно в народных говорах. Формы, включающие такие основы, довольно новые по времени образования, мало распространенные, живые, неотстоявшиеся, еще нередко индивидуальные по упот-

¹ В одном из имен — Шура — из Александр(а) Саша — Сашура — Шура от исходного полного официального имени не осталось ни одного звука, т. е. имя полностью состоит только из суффиксальных морфем.

реблению. С некоторой необычностью структуры связана их яркая эмоциональная выразительность; но нередко большинство из этих форм употребляется как обычные — неофициально-нейтральные имена. Например, в речи диалогической:

«Помнишь, **Нюра!** Где нам с тобой большой дороги не было? А-а! Помнишь, что ль? (От Анна) ль (Н. С. Лесков «Расточитель». 1930).

«Сумеет ли принять, **Нюся?** — спросил озабоченно Зинченко» (от Анна) (А. И. Куприн «Молох». 1 59).

«**Нюра...** Саша! — позвал Пармен Семенович, подойдя к двери, и на этот зов предстали две весьма милостивые девушки» (от Анна) (Н. С. Лесков «Некуда». 2 341).

«Кто тут? — спрашивала **Нюта**, входя в беседку. — Ах, это вы, Володя? Что вы здесь делаете? Думаете? (От Анна) (А. П. Чехов «Володя». 6.148);

В повествовательной прозе.

«После обеда Картошин и жена его **Мура** пошли к себе в комнату» (от Мария) (А. Н. Толстой. «Черная пятница». 1949 г., т. 4. стр. 615).

Итак, в личных собственных именах с суффиксами субъективной оценки функционируют следующие типы производящих основ:

1. Недеформированные основы, равные полному имени (без родового окончания «-я»), напоминающие производящие основы абсолютного большинства нарицательных имен существительных: **Глеб-Глебка, Глебочка; Вера — Веруша, Верочка, Верка.**

2. Усеченные основы (открытого или закрытого характера), состоящие из первых, реже следующих слогов полного имени: **Василий — Вася, Васька, Васенька, Васечка; Глафира — Глаша, Гланя; Николай — Коля, Колька, Колечка, Коленька** и т. п.

3. Связанные основы, состоящие из одного звука исходного официального полного имени и суффиксальной морфемы, т. е. образующиеся посредством специфического «упрощения» основы: **Анна — Аня — Анюра — Нюра; Борис — Боруся — Буся.**

Легкость, с которой личные собственные имена подвергаются различного рода усечениям, приводящим к образованию усеченных и связанных основ, объясняется во многом тем, что собственные имена вообще и личные собственные имена в особенности никогда не связаны с каким-нибудь определенным семантическим содержанием, не содержат в себе логически отработанного понятия, являющегося обобщенным отражением действительности и потому неразрывно связанного с фактами действительности, противостоя в этом отношении именам нарицательным. Личные собственные имена являются случай-

ным наименованием лица, словом-«кличкой», отличительным знаком предмета, благодаря которому предмет (человек) выделяется из среды других, подобных ему предметов.

* * *

Следующий морфологический процесс, наблюдаемый в личных собственных именах, можно охарактеризовать как своего рода «переразложение» основы.

Широко распространены и употребительны в современном русском языке формы типа Машка, Машенька, Машечка, Манька, Манечка, Манюша; Сонька, Сонечка, Сонюшка; Дашка, Дашечка, Дашенька и т. п., являющиеся третичными по характеру образования, т. е. осложненные формально двумя суффиксами и принадлежащие полным именам — Мария, Софья, Дарья. Однако в сознании говорящего и слушающего эти и им подобные уменьшительные имена соотносятся не с этими полными именами, а с уменьшительным от них — Маша, Маня, Соня, Даша, благодаря чему воспринимаются не как третичные, где формально наличествует два суффикса — «ш» или «н» + суффикс Ка, УШКа, ОЧКа, ОНЬКа, а как вторичные (осложненные только одной суффиксальной морфемой — Ка, ОЧКа, ОНЬКа, УШКа), «н» же и «ш» воспринимаются как принадлежность основы.

Возможность такого «мысленного» переразложения основы объясняется, во-первых, отсутствием в суффиксах — «ша», — «ня» какого-либо ярко выраженного эмоционально-оценочного значения, во-вторых, необычайной активностью форм с этими суффиксами, способностью их взаимодействовать почти со всеми возможными суффиксами субъективной оценки. По активности они напоминают полные несуффиксированные имена. Суффиксы — «ша», — «ня» фактически утратили свое значение, они не придают именам никакой эмоциональной окраски, формы с ними звучат как неофициально-нейтральные, «субъективная оценка», определенное отношение к лицу передается только вновь присоединяемым суффиксом.

* * *

Только что рассмотренные и охарактеризованные нами способы создания усеченных и связанных производящих основ личных собственных имен, сопровождаемые различными морфологическими процессами (выпадением слогов, своеобразным «опрощением» и «переразложением»), отличают эту группу слов от основной массы существительных. Другие же процессы, наоборот, роднят имена личные собственные и имена нарицательные; к числу таковых относится, например, оформление сложных суффиксов субъективной оценки на базе составных, а именно суффиксов УШКа (безударного), УТКа и УРКа.

Суффикс УШКа (безударный) встречается во многих эмоционально-оценочных личных собственных именах. Большинство лингвистов, в частности, К. С. Аксаков, Ф. И. Буслаев, Н. Дурново, Г. Павский считают суффикс УШКа составным, состоящим из УШ + Ка (или ух + ька), в связи с чем образования с этим суффиксом рассматриваются как уменьшительные от соотносительных форм на УХа, УШа. Правильность этого взгляда с точки зрения исторического происхождения данного суффикса не вызывает сомнений. Но Н. Дурново в своей работе «Описание говора» деревни Парфенок» писал о возможности того, что «позднее уменьшительные на «УШКа» стали образовываться без посредствующих форм на УХа¹).

Анализ уменьшительных форм личных собственных имен доказывает справедливость этого положения. В системе оценочных образований от собственных имен мы имеем, во-первых, такие, которые образовались от соответствующих форм с морфемой УШа и в которых возможно выделение двух суффиксов УШ (ух) + Ка (ька) в современном русском языке: Марфушка от Марфуша, Петрушка от Петруша, Карпушка от Карпуша, Лаврушка от Лавруша, Надюшка от Надюша, Ванюшка от Ванюша, Танюшка от Танюша и др.

Отличительные особенности морфемы «уш + ка» в этих и подобных образованиях те, что она (морфема), во-первых, является по своей структуре не сложной, а составной, т. е. в ней возможно выделение двух суффиксов уш(юш) + ка; во-вторых, она всегда находится в подударном положении и, в-третьих, вносит значение уничижительности, пренебрежительности. «Когда оно (ударение) находится на слогах «ух-юх», тогда уменьшение бывает соединено с унижением, а когда оно впереди их, тогда уменьшение не унизительно².

Образования такого типа немногочисленны, для современного русского языка мало продуктивны.

Суффикс УШКа (безударный) для современного русского языка является сложным, а не составным по своей морфологической структуре, т. е. он равен одной суффиксальной морфеме и в современном русском языке не имеет соотносительных форм на УШа (юша), во-вторых, всегда находится в безударном положении, и, в-третьих, придает именам ласкательное значение, например: Назár — Назáрушка, Анна — Аннушка, Клим — Клімушка, Стёпа — Стёпушка, Надя — Надюшка, Женя — Жéнюшка, Ваня — Вáнюшка и т. п. Образования с этими суффиксами продуктивны в современном русском языке, особенно в разговорной и народно-поэтической речи.

¹ «Русский филологический вестник», № 3—4. Варшава, 1903, стр. 83.

² Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. СПб. 1950, стр. 88. Отмечая различие в значении этих суффиксов, Павский считает их только вариантами одной и той же морфемы.

Русскому литературному языку они свойственны в меньшей степени.

Вполне вероятно, что в плане исторического происхождения это один и тот же суффикс УШ + Ка (ька), но для современного русского языка мы можем говорить о двух различных суффиксах, имеющих одинаковое графическое изображение, но отличающихся значением, отношением к ударению и наличием или отсутствием соотносительных форм с суффиксом УШа (УХа).

Из-за отсутствия в тексте знаков ударения не всегда возможно сразу различить УШКа безударный, сложный, со значением ласкательности от УШ + Ка, ударного, составного, со значением пренебрежительности.

Возможным и правильным критерием их различия может служить подстановка промежуточной формы с суффиксом УШа (ЮШа). Если вставка такой формы возможна, значит суффикс состоит из двух морфем УШ + Ка; если невозможна — из одной УШКа. Так, например, нет форм Дёмуша, Славуша, Афёнюша и т. п., а есть только Славушка, Дёмушка, Афёнюшка (со сложным безударным суффиксом УШКа).

Однако иногда этот критерий различия оказывается недостаточным; так, есть формы:

Иван — Ваня — Ванюшка;
Иван — Ваня — Ванюша — Ванюшка;
Надежда — Надя — Надюшка
Надежда — Надя — Надюша — Надюшка.

Если в тексте чет знаков ударения, то в таких случаях трудно определить характер суффикса, сложный он или составной. Помогает контекст, позволяющий установить значение уменьшительной формы имени, а по значению — морфологический характер суффикса, ибо УШКа, сложный, безударный, обычно придает именам оттенок ласкательности, а УШ + Ка, составной, ударный, — оттенок презрительности, пренебрежительности.

Постановка в таких случаях ударения, как это сделано в собрании сочинений Н. С. Лескова (изд. 1956 г.), в произведениях А. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» (изд. 1955 г.) облегчила бы понимание и правильное произношение этих форм.

По происхождению составными являются и два другие суффикса УРКа и УТКа в формах Сонюрка от Сонюра, Сашурка от Сашура, Мишутка от Мишута, Яшутка от Яшута, Дашутка от Дашута и т. п. Приведенные формы образовались посредством прибавления суффикса Ка к именам с морфемами УРа, УТа, которые зафиксированы во многих словарях, справочниках, лингвистических трудах. Для современного же русского языка формы с суффиксами УРа, УТа оказываются

устаревшими, архаичными, а формы с суффиксами УРКа, УТКа, очень ограниченно встречаясь в системе имен нарицательных, обнаруживаются в ряде личных собственных имен (примеры см. выше). Это последнее обстоятельство, т. е. наличие этих суффиксов в ряде производных собственных имен свидетельствует об их, хотя и очень незначительной, продуктивности. Однако в связи с отмиранием форм на УРа, УТа в современном русском языке происходит процесс превращения этих суффиксов из составных в сложные на базе слияния суффиксов УР + Ка и УТ + Ка, т. е. наблюдается своего рода «опрошение» морфем. Правда, в отличие от только что рассмотренного суффикса УШКа процесс этот еще не завершился, ибо некоторые из форм с суффиксами УРа, УТа, нами еще засвидетельствованы, а формы с суффиксом УШа, типа Лёвуша, Дёмуша, в современном русском языке отсутствуют совершенно.

В результате оформления новых сложных суффиксов УРКа, УТКа стало возможным и их самостоятельное функционирование, т. е. присоединение к соответствующим основам и без промежуточной ступени; поэтому вполне возможно, что среди отмеченных нами форм есть и такие, которые образовались без посредствующих форм на УРа, УТа.

Формы с охарактеризованными нами суффиксами распространены прежде всего в разговорном языке простого народа, языку других социальных слоев и языку литературному они свойственны в меньшей степени. Имея общее значение ласкательности, эти суффиксы отличаются друг от друга дополнительными оттенками, вызванными ситуацией, обстановкой речи, стилистическим окружением и т. п., а также степенью распространенности и характером употребления.

Типично ласкательными являются формы с суффиксами УШКа. Ласкательное значение этого суффикса отмечалось еще М. В. Ломоносовым, Н. И. Гречем, Давыдовым, К. С. Аксаковым, А. Богородицким, В. В. Виноградовым и др. «В Грамматике русского языка» АН СССР суффикс УШКа тоже характеризуется как ласкательный. Наиболее ярко, правда, в отношении имен нарицательных, выразил значение этого суффикса А. Х. Востоков:

«К уменьшительным принадлежат также ласкательные, оканчивающиеся в мужском и женском роде одинаково, на «ушка» — «юшка»... употребляются к наименованию любимых особ, например, «батюшка», «матушка»... Ласкательные окончания придаются также именам любимых животных, например, «коровушка», «лошадушка» и даже именам неодушевленных и отвлеченных предметов, когда о них говорится с особой приязнью, например, «травушка», «зорюшка», «волюшка»...¹).

¹ А. Х. Востоков. Русская грамматика, изд. IV, СПб, 1831, стр. 19.

Это же значение ласкательности обнаруживается и в именах личных собственных, например:

«Толкуй, не толкуй, а дело сделано. Назад не воротись, **Макарушка**» (обращается к сыну крестный отец). (А. П. Чехов. «В цырюльне», т. I, стр. 18).

«Здравствуйте, батюшка! — зашепелявила она, низко кланяясь монахам. — Помогай бог! Здравствуй, Алешенька! Здравствуй, **Всеюшка!**» (А. П. Чехов. «На мельнице», 5, 407).

Обрадованная встречей с сыном, простая деревенская женщина — мать ласково называет его Алешенька, а одного из его работников — привычным народным ласкательным именем Всеюшка.

«Поглядеть бы мне **Сонюшку!** — зашептал он. — Устрой, Боренька, ангел мой» (мечтает старый отец о встрече с дочерью (А. П. Чехов. «Отец», 6, 225).

«Не дам! — говорит Семен, складывая на груди свои желтые ручки, как перед молитвой. — Надо по совести, **Филимонушка!** Из заклада вещь зря не берется, надо деньги платить» (разговаривает кабатчик с охотником). (А. П. Чехов. «Рано!», 3, 402).

В обращении чувствуется оттенок ласковой снисходительности к человеку бедному, нищему.

«Измокнем мы с тобой, **Феклушка!** — бормочет Терентий, — сухого места не останется» (старик обращается к девочке-односельчанке). (А. П. Чехов «День за городом», 5, 308).

«Что, **Зинушка**, с матерью?» — спросил старик. — Маме лучше, она успокоилась и с семи часов заснула». (Н. С. Лесков. «Некуда», 2, 86).

«Христос с тобой, — иди с богом спать, **Женюшка?** Мундир! Мундир! Давай, давай, Женюшка, уж некогда чиститься». (Н. С. Лесков. «Некуда» 2, 220).

«**Варварушка**, ежели тебе, матушка, — сказал он ласково, — понадобится что в лавке, то ты бери, бери себе на здоровье, не сомневайся» (к жене). (А. П. Чехов. «В овраге», 9, 380).

Как мы уже отмечали выше, в контексте определенное стилистическое окружение может снижать ласкательное значение форм с «УШКА», нейтрализовать ласкательность суффикса и даже сообщать имени отрицательную окраску.

«Ее большой дом с люстрами и картинами, лакей Мишенька во фраке и с бархатными усиками, благолепная **Варварушка** и льстивая **Агафьюшка** — как все это прискучило и чуждо ей». (А. П. Чехов. «Бабье царство», 8, 299).

«Матушка наша, красавица, картина писаная! — начала слащаво причитывать **Агафьюшка**. — Алмаз наш драгоценный». (Там же, стр. 326).

Недовольство, неприязнь, близкая к презрению, которые испытывает молодая барыня к своим тетушкам-приживалкам, чувствуется во всем повествовании, в частности, в подборе слов («благолепная», «льстивая», «слащаво причитывать»), и это отношение, тон как бы окрашивают форму самого собственного имени, несмотря на наличие типично ласкательного суффикса.

Нередко формы с суффиксом «УШКа» употребляются представителями другой социальной среды (не народной), но адресуются при этом обычно к лицам, стоящим на более низкой ступени социальной лестницы (к швейцару, горничной, камердинеру, прислуге, экономке и т. п.). Значению ласкательности в таких случаях неизменно сопутствует оттенок фамильярности, окрашивающий эти имена. **Ласкательно-фамильярные** формы в большинстве изученных нами примеров употреблены представителями интеллигенции, иногда представителями помещиц, редко — купеческой среды и адресованы к людям старшим или равным по возрасту. Очень часто это старые, давнишние слуги в доме, являющиеся нередко воспитателями, «няньками» своих хозяев.

«Что, еще никого не было, **Ефимушка**? — спрашивает голос. — Гм... не то, что в прошлые годы, **Ефимушка**, — говорит он вздыхая» (чиновник в отставке обращается к старому швейцару). (А. П. Чехов. «Лист», 2, 204—205). Изредка поскрипывает кухонная дверь и показывается из нее красное, заспанное лицо **Дарьюшки**... В три часа он осторожно подходит к кухонной двери, кашляет и говорит: «**Дарьюшка**, как бы нам пива!» (Дарья — экономка в доме доктора). (А. П. Чехов. «Палата № 6», 8, 122). «Кланяйтесь, пожалуйста, всем Вашим не минуя никого, ни Григория Александровича, ни **Домнушки**, ни **Ульяши**» (Домнушка — прислуга в доме Линтваревых). (А. П. Чехов. «Письмо Е. М. Линтваревой», 14, 394).

«Будь здоров и счастлив. Кланяйся маме, **Жоржу** и сестрам, а также **Иринушке**» (Иринушка — няня в доме А. П. Чехова).

«Поклон мамаше и Леле, а также Поле, **Марьюшке** и **Арсению**» (Марьюшка — кухарка в доме Чеховых). (А. П. Чехов. «Письмо Е. Я. Чеховой», 20, 87).

Иногда употребление ласкательной формы вызывается не только ласкательно-фамильярным отношением, но и состоянием говорящего, его настроением.

«Чей я? Кому я нужен? Кто меня любит? Никто меня не любит, **Никитушка**... Ведь я человек, живой... я дворянин,

Никитушка, хорошего рода... Никого у меня нет, ни родных, ни старухи, ни деток». (А. П. Чехов. «Калхас», 5, 402—403), — беседует расчувствовавшийся, растроганный вниманием артист-комик с суфлером театра, жалуясь на свою неудачную судьбу и одиночество. «**Климушка** — закричал он. — Голубчик! Где ты, **Климушка**?» (А. П. Чехов. «Пересолил», 3, 502).

Землемер, напуганный рассказами о дорожных происшествиях, доведенный до отчаяния мыслью о том, что ему предстоит в одиночестве провести ночь в лесу, просительно-ласково, заискивающе обращается к кучеру, которого до этого называл официально — **Климом**.

«А они живы, **Денисушка**?» — спросила Наталья Сергеевна дрожащим голосом». (А. П. Чехов. «В рождественскую ночь», 2, 328).

Барыня, переживающая за судьбу мужа, ушедшего вместе с жителями этой деревни в море, разговаривает с мужем-односельчанином, старым рыбаком, как бы ища у него поддержки и успокоения.

Небезынтересно отметить, что в качестве фамильно-ласкательных имен используются именно формы с УШКа — суффиксом, наиболее распространенным в народной среде, выходящими из которой в большинстве своем являются адресаты.

Некоторые ласкательные имена с суффиксом УШКа нередко в речи публицистической, употребляются с противоположным значением — презрительности, пренебрежительности, приобретают ярко выраженную отрицательную эмоциональную окраску. Например, обличая обманную политику русского правительства, В. И. Ленин пишет:

«Само собою разумеется, что эти общие места ничего, в сущности, не означают и ни к чему положительному не обязывают; зато они похожи, как две капли воды, на бессмертные речи бессмертного **Иудушки** Головлева, отчитывавшего обиравших им крестьян». (В. И. Ленин. «Внутреннее обозрение» изд. 4, т. 5, стр. 236).

Резкая отрицательная оценка, передаваемая формой **Иудушка** и как бы противоречащая основному значению суффикса, создается фактически не конкретным употреблением, а обусловлена характером того художественного образа, который положен в основу. Благодаря художественной силе и типизации образов, названных этими именами, подобные имена героев становятся пренебрежительными именами-кличками.

Особенную яркость и выразительность в передаче отрицательной оценки подобные имена-образы приобретают при употреблении их во множественном числе. Личные собственные имена обычно не употребляются во множественном числе. Употребление в форме множественного числа придает им в

значительной мере характер обобщения, приближает к нарицательным именам общего рода, являющимся, как правило, носителями отрицательной характеристики. Сравните:

«Иудушки стараются очистить себя, доказывая, что и среди левых партий были и есть сторонники «бережения». К счастью, на этот раз среди сбитых с толку Иудушками фигурирует не социал-демократ, а эсер». (В. И. Ленин. «Сочинения», изд. 4, т. 12, стр. 306).

или

«А вожди русских реформистов с глубокомыслием **Иванушек** ссылаются на Австрию и Пруссию 60-х гг. в доказательство того, что возможно вот обойтись «без всякой революции». (В. И. Ленин. «Сочинения», изд. 4, т. 17, стр. 207).

Следовательно, формы с суффиксом УШКа употребляются в современном русском языке или: а) в качестве ласкательных, или б) в качестве фамильярно-ласкательных, с различными дополнительными оттенками. Контекст, определенное, стилистическое окружение могут нейтрализовать ласкательное значение суффикса, изменить его вплоть до отрицательного. Употребление же форм с этим суффиксом в публицистической речи в качестве резко отрицательных, презрительно-пренебрежительных объясняется характером, типичностью художественного образа, положенного в основу.

* * *

Формы с суффиксами УТКа, УРКа тоже употребляются в качестве ласкательных, обычно с оттенком определенной интимности, легкой фамильярности, фамильярной ласковости. Они распространены гораздо меньше, нежели формы с УШКа, употребительны примерно в той же социальной среде, но преимущественно при обращении к детям, вообще молодежи.

«Не нутужься больно-то, **Машурка!** — заметил он, видя, что и она тоже делает ловкое движение своим веслом». (А. М. Горький. «На плотях», т. 2, стр. 31).

«Не робей, **Сонюрка**, бабушка добрая, ты только молчи, да ручку поцелуй». (А. Н. Толстой. «Чудаки», т. 2, стр. 29).

«Мне что? Я не скажу; глядите, **Сашутка** не наябедничал бы». (А. М. Горький. «Детство», 13, 26).

«Ты приляг тут, **Яшутка**, пока до чаю... а там мы тебя разбудим». (А. М. Горький. «Мальва», 3, 249).

«Постой, **Гришутка**, постой, сейчас, — отозвался Арбузов, по-прежнему слыша и не понимая мальчика». (А. И. Куприн. «В цирке», 2, 19).

При употреблении этих форм в описательном контексте качество эмоциональной окраски, конечно, не меняется, но степень ее по сравнению с употреблением в речи диалогической,

при непосредственном общении с собеседником, несколько снижается. Сравните:

«Это пришел **Гришутка**, мальчишка, помощник коридорного, справиться о чае» (А. И. Куприн. «В цирке», 2, 19).

«На сундуке, уронив худенькую ручку, спала, оголив колени, любимица тетушки — темноглазая **Машутка**». (А. Н. Толстой, «Петушок», 1, 225).

«Николай вспомнил свою крестную сестру, бойкую, веселую **Дашутку**». (М. Горький. «Три дня», 10, 361).

«Утром мы с **Яшуткой** пошли в больницу, денег на извозчика не было». (М. Горький. 4. «Хозяин», 14, 45).

«Николай Иванович был польщен таким успехом своей **Дашутки**». (А. Н. Толстой. «Сестры», 7, 105).

* * *

Проведенные нами наблюдения над некоторыми морфологическими процессами в личных собственных именах с суффиксами субъективной оценки позволяют сделать следующие выводы.

1. В системе личных собственных имен наличествуют морфологические процессы, известные только системе личных собственных имен и не свойственные именам нарицательным вообще. Таковыми являются разнообразные усечения и выпадения звуков, приводящие к созданию усеченных и связанных основ. Последние являются интересными морфолого-структурными единицами, составляют своеобразие, специфику именно личных собственных имен, отличают их от имен нарицательных и противопоставляют им.

2. С другой стороны, определенные морфологические процессы, известные и именам нарицательным, проявляются в личных собственных именах очень своеобразно, специфически («переразложение», «опрошение»). В отличие от нарицательных при «переразложении» и «опрошении» в собственных именах суффиксальная морфема сливается с корнем лишь на определенной ступени создания эмоционально-оценочных форм, сохраняя способность вполне самостоятельно функционировать в пределах предыдущей образовательной ступени (см. примеры с Анна: Анна — Аня — Аняра — Нюра и т. д.).

3. Наконец, лишь некоторые морфологические процессы («опрошение» суффиксальных морфем) по своему «механизму» напоминают морфологические процессы имен нарицательных.

Все это заставляет говорить о морфологических процессах в личных собственных именах с суффиксами субъективной оценки совершенно особо.

Б. И. ФОМИНЫХ.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗАГЛАВИЙ

В статье поставлена задача показать самостоятельность и типичность синтаксической природы предложений, организованных только из второстепенных членов. Сделана попытка обосновать возможность для второстепенных членов выступать в роли организующего члена простого предложения в заглавиях, состоящих только из сочетаний существительного с предлогом: На дне (А. М. Горький); По городам Союза (В. Маяк.); В рождественскую ночь (А. Чехов).

I.

Анализ конкретного материала предполагает определение понятий, необходимых для дальнейшего изложения. К ним относятся понятие предложения и понятие неполного предложения, а также вопрос о второстепенных членах в неполных предложениях. Отдельно нужно остановиться на вопросе о заглавиях как предложениях.

В качестве определения предложения в работе используется понятие о предложении, сформулированное «Грамматикой русского языка»:

«Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли»¹.

Основными признаками предложения являются: интонация сообщения и категория предикативности. Поскольку понимание первого признака является более или менее устойчивым и единым, а по отношению ко второму высказаны различные точки зрения, постольку кратко изложим то содержание, которое вкладывается нами в понятие предикативности.

Под предикативностью понимается отношение сообщения к действительности, что проявляется в предложении в грамматических категориях модальности, времени и лица.

Предикативность отвлекается от конкретного и частного в предложении, от присутствия или отсутствия грамматиче-

¹ Грамматика русского языка, АН СССР, т. 2, ч. 1, 1954, стр. 65.

ской расчлененности на подлежащее и сказуемое, она формирует предложение, независимо от того, имеются ли в этом сообщении главные члены или нет. Обобщающий характер предикативности заключается в том, что она охватывает не единичные, а общие виды признаков, действий, состояний, эмоций и т. д. во всем их разнообразии, выступая как языковое средство выражения логических операций, связанных с выражением суждения или других форм мысли.

Во всех формах, в каких только выступает предикативность, она выражает заключенное в самом предложении указание на соотношенность с объективной действительностью. Такая соотношенность находит выражение не только в предикативной связи подлежащего и сказуемого, но в русском языке обнаруживается стремление к созданию новых предикативных связей, ведущее к тому, что глагол «все в меньшей степени становится структурным элементом предложения»¹, что хорошо видно на примере предложений, в структуре которых могут быть только именные слова. Предикативность в таких предложениях выражается всем строем предложения, модальностью (утвердительной, отрицательной и т. д.) и интонацией.

Следовательно, можно говорить о предложении не только при наличии или подразумевании главных членов предложения, если есть синтаксическое значение модальности в плане настоящего времени со значением утверждения какого-либо факта действительности.

Традиционное определение неполных предложений как непонятных без пополнения какими-либо членами, как таких, в которых опущены, но легко восстанавливаются какие-либо члены, ведет к тому, что к ним относятся предложения разных типов. Такое понимание создается на основе сопоставления неполных предложений с полными, что является не совсем правильным, потому что в некоторых стилях речи (например, разговорная речь) сравнение может привести к стиранию специфических черт данной языковой структуры.

Сейчас нет исчерпывающего решения вопроса о неполных предложениях, но и даже при такой негативности нет необходимости относить сюда все типы, которые не входят в «прокрустово ложе» двусоставного предложения.

Вероятно, в неполных предложениях нужно видеть несколько типов, так как степень и причина смысловой и грамматической неполноты различна². Критерий грамматической или смысловой полноты-неполноты очень условен, поэтому целесообразнее анализировать структуру и функцию предложе-

¹ Ю. Р. Гепнер. Понятие фонетического закона. О предикативности и модальности как грамматических категориях. Синтаксис, его предмет и задачи. Харьков, 1958, стр. 31.

² И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. Труды Ин-та языкознания, АН СССР, т. 2, М., 1953 г.

ний, чем разносить их по рубрикам полных и неполных. «Многие... разновидности предложений, в том числе и относимые к «неполным», представляют относительно законченные полные высказывания, типичные для определенных функциональных видов речи»¹, ...«не все виды предложений могут подразделяться на полные и неполные, а только те..., которые распадаются на члены предложения...»².

Традиционное понимание неполных предложений затрудняет рассмотрение конструкций, организованных только из второстепенных членов. Вероятно, по отношению к таким конструкциям не только нельзя говорить о полноте-неполноте, но и нельзя говорить о второстепенных членах в их традиционном понимании. Не претендуя на решение этого большого теоретического вопроса, будем условно употреблять как термин «полное», «неполное» предложение, так и термин «второстепенные члены», хотя в рассматриваемых конструкциях трудно говорить об обстоятельствах или дополнениях, т. к. в данных предложениях отсутствует глагол как их структурная основа.

II.

Простое предложение представляет собой структуру, состоящую из определенных синтаксических единиц, к которым по традиции относят главные и второстепенные члены предложения.

Роль главных и второстепенных членов в грамматической и смысловой организации предложения считается далеко не одинаковой. Ядром предложения — грамматическим и смысловым — являются главные члены, а второстепенные члены подчинены главным. Эта подчиненность заключается как в смысловом пояснении, распространении главных, так и в их грамматической зависимости. Эта подчиненность, второстепенность их проявляется и в том, что при освобождении какого-либо предложения от второстепенных членов, предложение грамматически существует, так как остается организующая основа предложения — главные члены. Но при таком искусственном исключении второстепенных членов получается фактически новое, в смысловом и грамматическом отношении, предложение. Поэтому представляются неубедительными подобные опыты. Предложение, как оно есть, как оно дано в контексте, не может остаться неизменным при освобождении его от главных или второстепенных членов или при внесении их.

В грамматике обычно анализируются простые предложения, состоящие из главных и второстепенных членов. Это, так сказать, «идеал» простого двусоставного предложения. Если

¹ И. А. Попова. Проблемы предложения. Сборник трудов по языкознанию... Изд. МГУ, 1958, стр. 348.

² Там же, стр. 351.

же обратиться к языку, к его различным стилистическим пластам, то можно обнаружить многочисленные конструкции, состоящие только из слов, сходных с второстепенным членом двусоставного предложения. То, что второстепенные члены входят в состав «неполных» предложений, отмечалось уже давно, но мало обращалось внимания на то, что сами второстепенные члены могут быть ядром предложения, то есть могут выполнять функцию организации предложения¹. В этом случае уже трудно говорить о них, как о второстепенных членах.

Так, можно рассматривать второстепенные члены в качестве организующих предложение в следующих примерах:

В беседке палисадника Журбиных. Гости сидят за столом... (В. Кочетов. Семья Журбиных).

Қарпинский. Вот, собственно, и все. (Вспомнив). Да, и еще одна вещь! (Сергею) О таланте... **Об особом таланте строителя!** (Е. Габрилович. Жена).

Выделенные предложения создаются общим грамматическим значением того или иного второстепенного члена: обстоятельства или дополнения. Вокруг обстоятельства или дополнения могут быть и другие второстепенные члены, дополняющие их смысл. По своей организующей функции обстоятельства и дополнения близки к функции главного члена односоставного предложения, потому что они выражают наличие, существование, утверждение чего-либо и по значению иногда приближаются к односоставным предложениям. (Сравни: Квартира Ивановых. — В квартире Ивановых).

Такие предложения можно рассматривать как полные и в смысловом и в грамматическом отношении. Действительно, эти предложения не нуждаются в каком-либо пополнении; их нельзя соотносить с какой-либо другой полной конструкцией. Такие предложения нужно относить к числу полных еще и потому, что, даже будучи взяты отдельно, изолированно от контекста, по степени и характеру лексико-грамматической законченности они являются полными, несмотря на формы слов, входящих в состав этих предложений.

Такие предложения могут быть разделены на два типа в зависимости от грамматического значения организующего члена. Те предложения, где ядром выступает обстоятельственный член, могут быть отнесены к адвербиальному типу. Те предложения, где ядром выступает дополнение, могут быть отнесены к объектному типу². Термины «адвербиальный» и

¹ В этом отношении представляет интерес лекция С. Г. Ильенко, О специфике второстепенных членов в неполных предложениях, Л., 1958, с положениями которой в основном согласны, хотя считаем, что вопрос о функции второстепенных членов во всех типах неполных предложений сомнителен.

² Эти термины употребляются и в названной лекции С. Г. Ильенко, стр. 20.

«объектный» удобнее терминов «обстоятельственный» и «дополнительный» (тип предложения), т. к. «обстоятельство» и «дополнение» предполагают связь с каким-либо главным членом, что противоречит характеру рассматриваемых предложений. Однако анализ и выделение типов связаны все-таки с функцией слов в составе таких предложений, а во-вторых, учитывается как значение предложения в целом, так и значение слова-члена, организующего предложение. Значение слова в определенной мере влияет на его синтаксическую роль в предложении.

А. А. Потебня обращал внимание на необходимость учитывать в синтаксисе лексические значения. А. А. Потебня всегда был «внимательным к лексической стороне элементов, из которых составляются словосочетания и предложения... он стремится к почти исчерпывающему перечислению слов, в определенной морфологической оболочке осуществляющих ту или иную синтаксическую функцию, и таким образом всегда перебрасывает мосты между лексикой (семантикой) и синтаксисом»¹.

В составе предложения слово используется в зависимости от своего лексического значения, что и позволяет выделить два типа предложений: адвербиальный и объектный.

К адвербиальному типу могут быть отнесены примеры:

Близ фракийских могил. Толпы пленных, поднявших вверх руки (А. Первенцев. Освобождение).

На палубе «Орленка». Все залито лунным светом (А. Галич. Трижды воскресший).

К объектному типу могут быть отнесены примеры:

Голос за дверью:

— **Куприянову к телефону.** (К. Симонов. Бессмертный гарнизон).

— **За счастье жизни нашей, За всех любимых!** (С. Герасимов. Дорога правды).

— **Открывайте!** — раздается чей-то грубый приказ.

— **К вам с обыском!** (Л. Рахманов, А. Захри. Депутат Балтики). Карпинский. Вот, собственно, и все (Вспомнив). Да, и еще одна вещь! (Сергею). **О таланте... Об особом таланте строителя!** (Е. Габрилович. Жена).

Внутри обоих типов предложения можно выделить несколько разновидностей с учетом их общего значения и структуры. Так, среди адвербиального типа можно отметить предложения со значением места (**У берегов Японского моря.** Пронесется по морю наши торпедные катера... А. Довженко. Избранное); времени (**Теперь за дело.** Скорей, скорей! Надо на-

¹ Л. А. Булаховский. А. А. Потебня, Киев, 1952, стр. 20.

вести порядок... В. Очеретин. Саламандра); качественной характеристики (Вот он — в полвершке — противник. **Носом к носу.** Теснота. А. Твардовский. Вас. Теркин) и др.

Рассмотрение предложений, организованных из второстепенных членов, позволяет сказать следующее:

- 1) учитывая общность функции членов, организующих предложение со значением дополнения или обстоятельства, целесообразно говорить об объектном и адвербиальном типах предложения;
- 2) по роли второстепенные члены в таких предложениях приближаются к главному члену в односоставных. Об этом говорит и употребление названных конструкций в одном ряду с односоставными. Ср. Утро. **В квартире Бориса. Близ фракийских могил.** Толпы пленных, поднявших вверх руки;
- 3) анализируемые предложения являются полными как в смысловом, так и грамматическом отношении. Различное домысливание якобы «опущенных» главных членов привело бы не только к субъективному произволу, но и к смешению логических и грамматических сторон в предложении;
- 4) сфера употребления указанных типов предложения довольно широка, они встречаются в жанрах драматургии, киносценариях, в художественной прозе и поэзии.

III.

Заглавия художественных произведений, газетные и журнальные заголовки, наименования учреждений, географические названия нередко вызывают сомнения о правомерности понимания их как предложения.

Даже конспективное обращение к истории этого вопроса дает два полярных ответа.

Так, Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал:

«Как на образчик актов речи-мысли, не образующих предложения, укажу на такие заглавия (книг, статей, глав и т. д.), как, напр., «Похождения Чичикова или Мертвые души, поэма Н. В. Гоголя»... Все это несомненные акты речи-мысли, имеющие свой смысл и свою цель; но предложений они не составляют. Слова, в них употребленные, несомненно имеют синтаксические формы, вместе с соответственными грамматическими»¹.

Акад. А. А. Шахматов отмечал, что содержание вывесок,

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка, СПб, 1912, стр. 8.

заглавий книг и т. д. не относится к номинативным предложениям, потому что не имеет соответствия в живой речи ¹.

В «Грамматике русского языка» (автор раздела Н. Ю. Шведова) сказано, что «Заголовки, названия, подписи на вывесках и т. п... не являются номинативными предложениями. Это слова и словосочетания, выполняющие функцию собственно названия; без значения бытия, существования называемого предмета» ².

А. Н. Гвоздев не считает предложениями «...разного рода названия, помещаемые на вывесках; они являются простыми наименованиями учреждений, а не высказываниями о них: Почтамт; Универмаг..., а также заглавия произведений: «Тихий Дон»; «Жизнь Клима Самгина», «Василий Теркин» ³.

Это мнение развивается в кандидатских диссертациях Н. И. Тарабасовой и М. П. Жоголевой. С противоположным взглядом встречаемся у А. М. Пешковского, С. И. Абакумова, Н. М. Баженова, Е. М. Галкиной-Федорук, в кандидатских диссертациях А. Н. Назарова, В. П. Шутова, Ф. К. Буженик. Из зарубежных языковедов эта точка зрения высказана Ф. Травничком ⁴.

А. С. Пешковский отмечал, что название произведения не может вызвать у читателя «...назывного интереса, так как такой интерес может получиться только по прочтении книги. Приступая к чтению книги, читатель интересуется содержанием ее и в заглавии видит намек на это содержание или даже сжатое выражение его... Значит, название книги всегда есть нечто большее, чем название. Тем более это надо сказать про название товаров на вывесках магазинов» ⁵. Относя их к назывному типу номинативных предложений, он указывал, «что они совершенно параллельны глагольным предложениям...» ⁶.

В работе С. И. Абакумова «Современный русский литературный язык» заглавия, вывески относятся к собственно-назывному типу номинативных предложений.

Разновидностью номинативных, наряду с бытийными и указательными, Н. М. Баженов считает собственно назывные, к которым «относятся названия книг, журналов, картин, музыкальных произведений и т. п., а также подписи под письмами,

¹ См. С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении Шахматова, Изв. ОРЯС, XXV, стр. 227.

² Грамматика русского языка, АН СССР, т. 2, ч. 2, М., 1954, стр. 71.

³ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, М., 1958, стр. 83.

⁴ F. Travníček. Neslovesné vety v čestine, díl. II, vety nominalní, Brno, 1931, стр. 50.

⁵ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, Изд. 7, М., 1956, стр. 178.

⁶ Там же, стр. 380.

телеграммами, официальными бумагами, надписи на памятниках и тому подобные слова и словосочетания»¹.

Е. М. Галкина-Федорук в учебных пособиях, как для университетов, так и для пединститутов, относит рассматриваемые конструкции к номинативным предложениям: «... все заглавия книг как именного характера, так и глагольного пишутся для того, чтобы сообщить людям о содержании книги. Следовательно, это единица коммуникации, поэтому нет оснований именное название не считать за предложение»².

В работе, посвященной номинативным предложениям, Ф. К. Буженик указывает на несколько характерных признаков, на основании которых подобные именные конструкции относятся к предложениям: «Во-первых, именные конструкции «Тихий Дон», «Война и мир» и др. по своей назывательной функции совершенно эквивалентны глагольным конструкциям «Как закалялась сталь», «Свои люди — сочтемся» и др.

Во-вторых, назывные предложения очень близки по своей функции к указательным номинативным предложениям, так как они по существу выполняют роль указателя.

В-третьих, выполняя функцию указателя и будучи параллельны глагольным предложениям, назывные предложения выступают с модальностью реального факта, как и двусоставные конструкции с назывательной функцией.

(Ср. «Капитанская дочка» и «Бедность не порок»)»³. Следовательно, заглавия с главным членом, выраженным именительным падежом существительного, могут относиться к назывному типу номинативных предложений.

IV.

Все заглавия объединяются функцией названия, но структура их разнообразна. Они могут быть:

- а) Двусоставными: Как закалялась сталь (Н. Островский); Они сражались за Родину (М. Шолохов); Дом у дороги (А. Твардовский); Мы из Кронштадта (кино).
- б) Односоставными: Люблю (В. Маяк.); Уходим завтра в море (Б. Лавренев); Глаза земли (М. Пришвин);
- в) Сложными: Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (Н. Гоголь);

¹ А. М. Финкель, Н. М. Баженов. Современный русский литературный язык, изд. 2, Киев, 1954, стр. 402.

² Современный русский язык. Синтаксис. Изд. МГУ, 1957, стр. 307.

Ср. Е. М. Галкина-Федорук... Современный русский язык. Синтаксис. Учпедгиз, 1958, стр. 126.

³ Ф. К. Буженик. Типы номинативных предложений в современном русском языке, Л., 1958, стр. 21.

Там, где были белые пятна («Правда», 59, 74) ¹; О тех, кто прокладывает путь («Знамя», 58, 5).

Кроме этих структурных типов, можно назвать такие заглавия, которые трудно безоговорочно включить не только в тот или иной вид предложений, но и само отнесение которых к предложениям не является бесспорным.

Сюда относятся многочисленные конструкции, состоящие либо из предлога и существительного: На сибирской магистрали («Правда», 59, 44); либо из наречия и существительного: Далеко в море («Лит. газета», 59, 65); либо из наречий: Туда и обратно (В. Маяк.); Досрочно («Сов. Россия», 59, 124); либо из деепричастных оборотов: Раскрывая тайны вселенной («Правда», 59, 4); Вступая в первый год семилетки («Правда», 59, 11).

В данной работе ограничимся характеристикой заглавий, состоящих из существительного с предлогом.

Прежде чем перейти к анализу таких предложно-именных конструкций, нужно остановиться на некоторых положениях, на основании которых можно не только отнести такие типы к предложениям, но и выяснить их специфику.

К таким положениям относятся: возможность генетической связи с предложением ²; грамматическая и смысловая самостоятельность сочетания предлога и косвенного падежа существительного; анализ ответного предложения в диалоге; характер присоединительного предложения; вопрос о слабом и сильном управлении как основа для возможности самостоятельного употребления второстепенных членов.

Целесообразно подобные конструкции-заглавия отнести к адвербиальному и объектному типу предложений, генетически восходящих, очевидно, к двусоставному полному предложению.

Сравним, например:

I	II	III
Все вступают в колхозы.	Все — в колхозы.	В колхозы.
	Дед ни с места	
	На тринадцатом	
	году (А. Твардовский).	

На юге наступила весна.

Весна на юге.

На юге.

¹ Как в данном примере, так и в других первая цифра обозначает год, вторая — номер журнала или газеты.

² Дальнейшее изложение построено на параллельном рассмотрении заглавий и предложений, совпадающих с ними структурно.

В первой рубрике находятся двусоставные предложения, где организующим центром является предикативное сочетание подлежащего и сказуемого.

Во второй — также двусоставные предложения, где в роли сказуемого выступает существительное в косвенном падеже со значением указания признака, который принадлежит подлежащему в плане настоящего времени и утвердительной модальности. Таким образом, и здесь есть главные члены двусоставного предложения, составляющие его основу, предикативное ядро¹.

Третья группа предложений состоит только из косвенного падежа существительного с предлогом, образующего определенное значение, а именно, указание места или объекта. При сравнении предложений наблюдается как бы утрата сказуемого во втором, а в третьем по сравнению со вторым — подлежащего. Но это формальный подход. В действительности они могут быть самостоятельными предложениями, по отношению к которым трудно говорить о какой-либо утрате тех или иных членов.

Однако третий тип, который может употребляться в заглавиях, кажется, отличается от двух предыдущих тем, что содержание — В горах; — На юге — обусловлено последующим изложением, поэтому приходится как бы говорить о смысловой несамостоятельности таких предложений; их грамматическая структура, совпадающая с второстепенными членами, выраженными существительными в косвенных падежах, может быть обусловлена какими-либо главными членами.

Здесь может возникнуть противоречие с только что рассмотренным типом объектных и адвербиальных предложений, относимых к полным, так как структура заглавий и структура названных предложений совпадает. Противоречие это кажущееся. Действительно, генетически их можно было бы рассматривать как двусоставные неполные, но в современном языке этот тип употребляется в строго определенных условиях, в определенном грамматическом оформлении.

Допуская возможность включения заглавия в предложение, в ряде случаев можно проследить их происхождение, но

¹ Возможность относить такие предложения к двусоставным со сказуемым, выраженным косвенным падежом или наречием, сейчас уже признается многими. См. в Грамматике русского языка, АН СССР, т. II, ч. 1, М. 1954, стр. 438;

И. А. Попова. Неполные предложения в русском языке. Труды института языкознания, т. II, 1953;

А. В. Нехорошкина. Двусоставные безглагольные предложения с бытийным значением в совр. русск. языке. Ученые записки Вологодского пединститута, т. II, 1958;

П. А. Лекант. Безглагольные двусоставные предложения в современном русском языке. Ученые записки Бийского пединститута, вып. II, 1958 г.

при анализе такого типа нет необходимости обязательно сравнивать их с двусоставными предложениями, потому что различное домысливание контекста привело бы к разнообразным якобы исходным конструкциям и игнорировало бы потребность в наличии такого типа предложения.

Отнесение таких предложений к неполным потому, что их нельзя представить вне контекста, не является убедительным, т. к. и любое двусоставное (ср. «Как закалялась сталь») не выражает той полноты мысли, которой обладает в контексте.

«Отдельные элементы формы мысли, как структурные части суждения, в силу тех или иных причин могут не быть облечены в звуковую оболочку, так как мысль говорящего понятна и без того. Такие явления в языке возможны при определенной ситуации или будучи обусловлены особыми контекстуальными причинами. К таким явлениям можно отнести односоставные предложения, которые возникают при особых условиях речи»¹.

Хотя предложения-заглавия заключают в своем содержании не суждение, а единственное понятие или представление, соответствующим образом синтаксически оформленное, о них можно говорить как об особом типе предложения, близком к адвербиальным или объектным.

Заглавия типа — На дальних берегах (кино); После бала (Л. Толстой); Перед восходом солнца (Г. Гауптман) и др. подобные — представляют собой предложно-именную конструкцию. Такое сочетание служебного и знаменательного слова создает определенное значение.

Предлог как служебное слово лишен той номинативности, которая свойственна знаменательным словам, поэтому значение предлога не может проявиться иначе, как в связи с определенной падежной формой существительного. Предлог же конкретизирует значение падежа. «Формы и функции падежей соотносительны с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями»².

Соотносительность и взаимная обусловленность служебного и знаменательного слова и образует единое значение, в котором падеж уже используется «не для выражения отношения между словами, а в целях лексики»³. Среди таких значений можно назвать указание на пространство, время, качественную характеристику и др., которые и выражаются сочетанием предлога с существительным. Для выражения, например,

¹ Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения в современном русском языке, МГУ, 1958, стр. 34.

² В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 167.

³ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, Морфология, ч. 1, Братислава, 1954, стр. 135.

обобщенного пространственного значения могут использоваться многочисленные предлоги (-в, на, у, около, подле, за, под, над...) с определенными падежными формами.

Ведущая роль в создании того или иного значения принадлежит форме косвенного падежа существительного. Падежные формы «могут употребляться и обособленно, выражая разные оттенки обстоятельства (времени, причины или пространства), не находясь при этом в «подчиненной» синтаксической связи с другими словами... В современном языке имеется множество падежных функций, синтаксически не связанных с другими словами или связанных с ними лишь очень относительно»¹. А. В. Исаченко в качестве примеров приводит родительный даты (первого мая, 5-го апреля 1953 года — не «управляется» никаким другим словом. Он отвечает на вопрос **когда?** и выполняет функции обстоятельственного выражения, т. е. наречия)² и творительный времени.

Самостоятельность предложно-именных конструкций ярко проявляется в предложениях диалога (особенно в ответных предложениях). Они характеризуются тем, что «представляют законченные предикативные высказывания, характеризующиеся соответствующей интонацией и выражающие в контексте, в реальных условиях их употребления в диалоге, полностью выражаемого ими сообщения»³. Действительно, при анализе примеров диалогической речи встречаемся с предложениями, состоящими из сочетаний существительного с предложом: Марина. Где Соня?

Телегин. В саду. (А. Чехов. Дядя Ваня. д. IV);

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливец. Из Вологды в Керчь. А Вы-с? (А. Островский, Лес, д. II).

Конструкции выделенного типа употребляются и как заглавия, например: В усадьбе; В овраге (А. Чехов); Из улицы в улицу (В. Маяк.). И в этой новой функции благодаря интонационной завершенности они выражают предикативное значение и в характерных для них условиях употребления являются полными, хотя и тесно связанными по смыслу со своим текстом⁴.

¹ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, Морфология, ч. 1, Братислава, 1954, стр. 135.

² Там же.

³ И. А. Попова. Проблемы предложения. Сборник статей по языкознанию... МГУ, 1958, стр. 367.

⁴ С. И. Ильенко относит подобные заглавия к ситуативно-контекстуально обусловленным неполным предложениям, хотя говорит о необходимости выделять «независимые от главных членов объектные и адвербиальные члены, противопоставленные обычным обстоятельствам и дополнениям своей грамматической самостоятельностью». См. указ. лекцию, стр. 21

Предложения, состоящие из второстепенных членов, могут находиться в присоединительной связи с предыдущим сообщением. Представляя собой «как бы добавочное суждение»¹, имея характер добавления, такие предложения характеризуются ритмико-мелодической законченностью и представляются полными². Например:

Я не знал, кто он такой. Даже не установил рода его занятий... и начал с ним говорить. Начал первый. **О пустяках, О незначительных житейских мелочах.** (В. Панова. Сентиментальный роман); Мадлен. Я курю иногда. **В трудные минуты** (Е. Габрилович и М. Ромм. Убийство на улице Данте). Туда четыреста километров через тайгу **По скверной дороге. Без троп.** (С. Георгиевская. Серебряное слово).

Такие конструкции, как — О пустяках; В трудные минуты; По скверной дороге; Без троп, — могут употребляться и в качестве заглавий, например: В рождественскую ночь; О любви; Без места; По делам службы (А. Чехов).

Говоря о причинах самостоятельности таких структур, нельзя не остановиться на вопросе о слабом и сильном управлении, которые способствуют обособлению данных форм в качестве предложений.

Так, при слабом управлении существительные, осложненные предлогами, с пространственными, причинными, временными и др. значениями, свободно примыкают к глаголу, форма их не определяется лексическим значением глагола: работать до утра, в мастерской, с интересом, на мосту и т. д.

По своему значению и структуре такие сочетания слов, как — от радости, в мастерской, на мосту и др., обнаруживают тенденцию к самостоятельности, связь между предлогом и существительным более устойчивая, чем их подчиненность какому-либо члену предложения. Адвербиальное значение их обусловливается лексико-грамматическими свойствами как стержневого, так и зависимого от него слова или предложно-именной конструкции.

Круг предложно-именных форм, которые могут выражать, например, временные значения, ограничивается определенной семантической группой слов и некоторыми предлогами. (Ср., например, невозможность выразить временное значение при помощи предлогов — ради, из-за... и существительных — стол, ножницы и т. д.).

При таком рассмотрении — в мастерской, на мосту — обладают известной функциональной и синтаксической самостоятельностью, которая обусловлена не только слабым управлением, но и адвербиальным значением падежных форм.

¹ С. Е. Крючков. О присоединительных связях в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса сов. русск. яз.», М., стр. 400.

² И. А. Попова. Проблемы предложения..., стр. 355.

Такие конструкции часто используются и как заглавия с определенными адвербиальными значениями. Например; На святках; На мельнице; В Москве на Трубной площади (А. Чехов).

При сильном управлении глагол по своему лексическому значению требует распространения его существительным с предлогом или без предлога. Такие существительные выражают объектные отношения: заботиться о детях, поехать в колхоз, придвинуться к стене и т. д.

— О детях, в колхоз — могут употребляться как предложения — заглавия с объектным значением потому, что такие предложения создаются на основе предложений, где типичным является употребление глагола-сказуемого либо со значением речи и мысли, либо чувства и внутреннего состояния и др.

Таковы заглавия: О дряни; В повестку дня (В. Маяк.). Итак, если при адвербиальном значении предложения-заглавия можно говорить о его самостоятельности потому, что косвенный падеж существительного с предлогом вычленяется из предложения в силу слабости связи с глаголом-сказуемым, то при объектном значении предложений-заглавий, хотя и существует сильная связь с предполагаемым глаголом, но их самостоятельность и возможность обособленного употребления как заглавия определена узостью, семантической ограниченностью группы тех глаголов, которые были бы допустимы при необходимости употребить эту конструкцию как элемент предложения.

Таким образом, можно отметить, что рассматриваемые заглавия действительно представляют единицу синтаксиса — предложение. Такие предложения организованы из адвербиальных и объектных слов, обладающих известной грамматической самостоятельностью. Это в какой-то мере подтверждается аналогией значений и структур адвербиальных и объектных предложений, присоединительных и предложений-ответов, с одной стороны, и заглавий, с другой. Нужно также отметить, что хотя и можно говорить о такой аналогии, но следует учитывать и их особенности. Заглавия — это особый тип простого предложения, выполняющий функцию концентрированного, предельно экономного обозначения (иногда намека) того, что раскрывается в последующем тексте.

Предложения-заглавия в устной речи характеризуются интонационной завершенностью (например, интонация конца предложения), с помощью которой выражается их предикативность¹. Они также характеризуются тем, что в свойственных

¹ Являясь типичным средством предикации, интонация зачастую недостаточно точна и определена, ее функция мало заметна, особенно в письменной речи. Для описания интонации заглавий необходимы экспериментальные данные, которые пока не могут быть приведены.

для них условиях употребления, являются полными предложениями.

V.

Заглавия указанного типа можно классифицировать, учитывая их адвербиальное или объектное значение и структуру.

I. Адвербиальный тип предложений-заглавий является многочисленным по своим значениям. В нем объединяются следующие разновидности: предложения с пространственным значением, временным, качественной характеристики и состояния, цели¹.

1) Предложения с пространственным значением. Они представляют собой разные падежные формы имен существительных с предлогами.

а) Чаще других встречается предлог **в + сущ. в предл. падеже**.

В циркульне. В усадьбе. В овраге. В аптеке. (А. Чехов).

В театре и цирке. В ущелье. В Черноморье. (М. Горький).

В комитете по невмешательству («Правда», 59, 44);

Встречаются предложения с уточняющими членами:

В Москве на Трубной площади (А. Чехов); В Химках, вблизи речного порта («Вечерняя Москва», 59, 82);

Отмечены распространенные конструкции:

В столице черной металлургии («Новый мир», 59, 1);

В селе, как в городе («Лит. газета», 59, 16); В стране, не видящей солнца, («Иностр. лит-ра», 58,7).

В роли таких заглавий типичным является употребление существительных с конкретным значением, хотя реже встречаются и с отвлеченным: В едином строю (Зв., 58, 5); В гуще жизни («Знамя» 58, 11);

б) То же значение сохраняется при употреблении предлога — **в** — с винительным падежом существительного, правда, здесь преобладает оттенок адресата: В Рим через Лужники (Юность, 59, 4); В Париж! (А. Чехов); В редакцию журнала «Социалистический город» (М. Горький);

в) Широко представлены конструкции с предлогом — **на + сущ. в предложном падеже**: На подводе; На мельнице; На гулянье в Сокольниках (А. Чехов).

На базаре; На краю земли; На плотках (М. Горький).

На двух полюсах («Правда», 59, 1); На сибирской магистрали

(«Новый мир», 59, 1); На земле Новгородской («Звезда»,

58, 4); Название картин: На бульваре (В. Е. Маковский); На

жатве. Лето (А. Г. Васнецов). Интересно последнее название

картины, где в одном ряду с адвербиальным стоит односоставное предложение Ср. то же самое: На реке. Весенние картин-

ки. (А. П. Чехов).

¹ Объем статьи не позволяет остановиться на других значениях.

Адвербиальная конструкция может выступать в роли главного предложения: На земле, где живет человек (Иностр. литература, 58, 3).

г) То же значение, но с оттенком направления, имеется при употреблении предлога — на с винительным падежом существительного: На целину! («Ком. правда», 58, 112); На Север, юные друзья! («Правда», 59, 126);

д) Конструкции с предлогом — по + дат. п. существительного: По Руси; По Союзу Советов (М. Горький); По городам Союза (В. Маяк.); По Индии (Нева, 58, 8).

е) Конструкции с предлогом — под + творит. падеж существительного: Под палубным тентом (Д. Лондон); Под каштанами Праги (К. Симонов); Под театральным проездом («Вечерняя Москва», 59, 87); Под старыми березами («Ком. правда», 59, 102).

ж) Конструкции, состоящие из существительного в форме родит. падежа с предлогом — от, обозначающего исходную точку, отправной пункт, и существительного в форме род., вин. падежа, с предлогами — до, — на, выражающего пространственный предел. От Путивля до Карпат (С. Ковпак); От Потсдама до Парижа (Звезда, 58, 12); От Абакана на Тайшет («Правда», 59, 102); От Мары до Байран-Али («Уч. газета», 59, 67).

Количество примеров, обозначающих пространство при помощи предлога и косвенного падежа существительного, можно было бы продолжать, указав на такие конструкции, как предлог — к + дат. падеж, предлог — перед + твор. падеж, предлог — среди + род. падеж, предлог — с + род. падеж, предлог — за + твор. падеж, предлог — у + род. падеж и т. д., но уже и приведенный материал достаточен для того, чтобы убедиться в типичности рассмотренной структуры.

2) Предложения со значением времени.

Это значение также выражается предложно-именными конструкциями:

а) формой родительного падежа существительного с предлогами — после, — накануне:

После бала (Л. Толстой); После театра; После бенефиса (А. Чехова); После школы («Мол. гвардия», 58, 12). После всеобщей забастовки («Вечерняя Москва», 59, 1); Накануне юбилейных торжеств («Правда», 59, 3).

б) формой винительного падежа существительного с предлогами — в, — через:

В сочельник (М. Горький); В рождественскую ночь (А. Чехов); В день рождения (М. Лермонтов); В первый снег («Нева», 58, 7).

в) формой творительного падежа существительного с предлогами — перед, — между:

Перед штурмом Анграы («Правда», 59, 100); Перед Всесоюзной переписью населения («Правда», 59, 5); Перед восходом солнца (Г. Гауптман); Между съездами («Мол. гвардия», 58, 12).

г) Формой предложного падежа существительного и предлога — **на**: На страстной неделе; На святках (А. Чехов).

3) Предложения со значением качественной характеристики и состояния. Типичным морфологическим средством выражения этого значения является наречие, которое может выступать в сочетании с существительным. (Коротко о книгах, «Сов. Россия»); Ближе к жизни («Правда», 59, 77); Вместе с народом («Правда», 59, 130).

Имя существительное с предлогами также может выражать значение качественной характеристики и состояния. В большинстве такие заглавия употребляются в переносном значении, некоторые существительные в них встали на путь адвербиализации, иногда такие конструкции приобретают устойчивый характер. В состав этих предложений-заглавий входят:

а) существительное в родительном падеже с предлогом — **от** и зависимые слова: От всего сердца (Ин. лит-ра, 58, 11); От лица всего поколения (Нева, 58, 11). Адвербиальное значение создается переносным употреблением слов. Ср. От поколения к поколению («Правда» 59, 1), в котором преобладает объектное значение, так как слова употреблены в прямом значении.

б) существительное в дательном падеже с предлогом — **по** и зависимые слова: По долгу сердца («Новый мир», 57, 9); По велению сердца («Правда», 59, 103); По привычке («Нева», 58, 3).

Кажется, что на границе с объектным значением стоят предложения: По примеру рязанских колхозников («Правда», 59, 13); По Горьковской традиции («Знамя», 58, 9); По графику цикличности («Правда», 59, 21).

Сравнение этих двух групп примеров убеждает в том, что адвербиальное значение сильнее проявляется в предложениях с отвлеченными существительными.

в) В состав этих предложений-заглавий входят: существительное в винительном или предложном падежах с предлогом — **в** и зависимые слова:

Во весь голос (В. Маяк.); Во славу партии («Юность», 57, 10); В ногу со временем («Смена», 59, 6); В сердечной атмосфере («Правда», 59, 112).

Благодаря переносному употреблению существительных в заглавиях: На дне (М. Горький); На ножах (Лесков) — создается значение качественной характеристики и в таких конструкциях.

г) существительное в творительном падеже с предлогом — **с** и зависимые слова:

С добрым чувством («Новый мир», 57, 11); С разинутым ртом (В. Маяк.); С завязанными глазами (А. Фейер); С лицом, открытым ветру (Письма из испанской тюрьмы, «Ком. правда», 59, 102).

д) Существительное в творительном падеже (в таких конструкциях оно является стержневым словом):

Уверенной поступью по пути социализма («Правда», 59, 128); Тропю мужества (С. Наумов); Лицом к будущему («Правда», 59, 1); Гулом восстаний (В. Маяк.); Автобусом по Москве (В. Маяк.); Семимильными шагами (Беседа по радио); Всем селом! («Ком. правда», 59, 99).

е) Существительное в родительном падеже с предлогом — без: Без языка (В. Короленко); Без роду, без племени (В. Овечкин); Без проблеска надежды («Правда», 59, 112).

ж) Значение состояния в его изменении выражается сочетанием существительного в форме предл. и дат. падежей с предлогами — на, — по: На пороге большого телевидения («Звезда», 58, 2); На путях к мастерству («Звезда», 59, 3); На пути музыкального расцвета («Дружба народов», 58, 9); По пути неуклонного подъема («Правда», 59, 104). В таких конструкциях часто используется слово «путь», которое употребляется с ослабленным предметным значением и вместе с предлогом представляет устойчивый оборот.

4) Предложения со значением цели могут выражаться существительным в родительном падеже с предложными сочетаниями — во имя, в защиту, где существительные утрачивают свое лексическое значение, приближаясь к служебным словам:

Во имя счастья детей («Правда», 59, 153); Во имя мира, во имя торжества коммунизма («Правда», 59, 6); Во имя социализма («Правда», 59, 1); Во имя жизни («Знамя», 58, 1); В защиту Дж. Бухаред («Дружба народов», 58, 6); В защиту Эрнста Тельмана (М. Горький); В защиту обыкновенного человека («Звезда», 58, 8).

II. Объектный тип предложений-заглавий.

Эти предложения могут выражать разные значения, например, собственно объектное, адресата, отношения и т. д.

1) Предложения собственно объектного значения. Они могут состоять:

а) из существительного в винительном падеже с предлогом — в: В повестку дня (В. Маяк); В альбом Н. Ф. Ивановой (М. Лермонтов); В честь славной годовщины («Правда», 59, 129); В поддержку обвиняемых по «делу Мацукава» («Правда», 59, 147);

б) из существительного в предложном падеже с предлогом — в: В борьбе за реализм («Нева», 58, 10); В погоне за прибылями («Вечерняя Москва», 59, 89); В поисках современности («Звезда», 58, 9);

в) из существительного в родительном падеже с предлогом — от. Особенностью этого типа является то, что в заглавиях есть вторая часть со значением предела, что выражается существительными с предлогами — к, — до:

От великого почина — к бригадам коммунистического труда («Правда», 59, 119); От ремесла к современной профессии («Учит. газета», 59, 44); От балаганного зрелища до высот искусства («Звезда», 58, 11). От цеха-автомата к заводу-автомату («Вечерняя Москва», 59, 1).

г) из существительного в винительном падеже и предлога — про: Про пешеходов и разинь, Вонзивших глазки небу в синь (В. Маяк.); Про это (В. Маяк.). Эта конструкция имеет просторечный характер. В литературном языке употребляется предлог — о;

д) из существительного в предложном падеже с предлогом — о. Такие конструкции широко встречаются как в художественной литературе, так и в публицистике. Их более конкретным значением является раскрытие содержания речи:

О народности в литературе; О поэзии классической и романтической; Об альманахе «Северная лира» (А. Пушкин).

О характере мышления в молодости и старости; О народном образовании; О «Вехах» (Л. Толстой).

О возвеличенных и «начинающих»; О «маленьких людях» по их великой работе; О культуре (М. Горький).

О любви; О драме; О вреде табака; О бренности. Масленичная тема для проповеди (А. Чехов).

О движении третьего искусственного спутника Земли («Правда»). Такая конструкция может входить в состав сложноподчиненного предложения в функции главного:

О чиже, который лгал, и о дятле, любителе истины (М. Горький);

О тех, кто штурмует Арктику (Беседа по радио); О тех, кто забывает уроки истории («Правда», 59, 117).

Можно было бы отметить и другие структуры с названным значением, например, творительный беспредложный (Властью, данной драматургу. «Нева», 58, 2); родительный с предлогом — у (У газа без газа. «Правда», 59, 126); родительный с предлогом — из (Из пережитого. «Лит. газета», 59, 53); родительный с предлогом — против (Против гнета монополий. «Правда», 59, 12); винительный с предлогом — за (За развитие социалистического искусства. «Ин. лит-ра», 58, 1); винительный с предлогом — на (На призыв о помощи. «Известия», 59, 106); винительный беспредложный (Литературу — детям. М. Горький; Дорогу гидродобыче. «Ком. правда», 59, 17; Химию — на службу народу. «Нева», 58, 9).

2) Предложения со значением адресата.

а) Продуктивным способом выражения этого значения является дательный беспредложный существительного. Данные конструкции и содержат указание лица или предмета, которому что-либо адресуется, что-либо направлено, предпослано. Царю и его помещикам; Славянскому съезду в России (Л. Толстой).

Анонимам и псевдонимам; Гуманистам; Пионерам Московской области (М. Горький).

Вам; Тебе, Лиля! Нашему юношеству (В. Маяк.). Отмечены усложненные конструкции:

Человеку, ходящему во тьме (М. Твен); Тем, кто хочет войны («Ин. лит-ра», 58, 9).

Широко представлены конструкции, состоящие из двух частей, первая из которых содержит значение косвенного объекта, а вторая — прямого объекта: Лесам — доброго хозяина («Ком. правда», 59, 17); Общественному животноводству — комбинированные корма («Правда», 59, 10); Нефтехимии — широкую дорогу («Правда», 59, 96). Нашей стране — мощную лесохимию («Правда», 59, 124). Четкую двойную структуру со значением двух косвенных объектов имеют предложения, встречающиеся на памятниках: Героям Балканской войны по освобождению славян от турецкого ига — от частей 3 Украинского фронта победоносной Советской Армии (надпись на памятнике героям Шипки в Болгарии); Н. В. Гоголю от Советского Правительства (памятник в Москве).

Это значение может быть выражено и сочетанием существительного с предложением:

а) дательный падеж существительного с предложением — К: К бюсту завоевателя; К другу-стихотворцу, (А. Пушкин); К духовенству; К публике (Л. Толстой); К итальянцам; К иностранным рабочим (М. Горький).

В значении таких предложений заметен оттенок обращения.

б) Винительный падеж существительного с предложением — на: На картину Рембрандта; На статую играющего в бабки; На А. А. Давыдову (А. Пушкин);

в) родительный падеж с предложением — для:

Для двадцатилетних («Знамя», 58, 1); Для вас, любознательные («Ком. правда», 59, 51); Для тех, кому жить в коммунизме («Ком. правда», 59, 51).

3) Предложения, выражающие другие отношения. Они указывают на повод, предмет речи и выражаются:

а) существительным в дательном падеже с предложением — К: К вопросу об истине («Звезда», 58, 11); К возобновлению переговоров трех держав в Женеве («Правда», 59, 8); К правительственному кризису в Финляндии («Правда», 59, 6); К конгрессу славистов («Звезда», 58, 8);

б) существительным в родительном падеже с предлогом — по поводу: По поводу нового рассказа А. П. Чехова в «Овраге» (М. Горький). По поводу одной рецензии («Ин. лит-ра», 58, 6).

На основе анализа предложений-заглавий можно сделать некоторые выводы.

1. Обладая общей функцией, предложения-заглавия разнообразны по структуре.

2. Все рассматриваемые предложения по их значению и структуре объединяются в два типа — адвербиальный и объектный.

3. Анализируемые предложения обладают своей законченной интонацией.

4. Конструкции, состоящие из косвенного падежа существительного с предлогом, приближаются по своей функции к односоставным предложениям.

5. В современном русском литературном языке в качестве заглавий могут использоваться устойчивые структурные типы, модели.

6. Конкретный материал приводит к мысли о том, что все богатство возможных в языке предложений нельзя охватить односоставными и двусоставными предложениями.

С. Е. КРЮЧКОВ И Л. Ю. МАКСИМОВ.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ¹

Вопрос о типологии сложноподчиненных предложений имеет в русской лингвистической литературе большую и интересную историю. Эта история с достаточной полнотой освещается в целом ряде работ². Поэтому в данной статье мы ограничимся указанием на те работы, которые в той или иной мере связаны с нашим материалом.

К таким работам относится «Общий курс русской грамматики» В. А. Богородицкого³, замечания А. А. Шахматова о сложноподчиненных предложениях, изложенные Э. И. Каратаевой⁴, исследования Н. С. Поспелова, посвященные сложноподчиненному предложению⁵; а также «Грамматика русского языка», особенно «Введение»⁶.

Целью данной статьи является развитие и уточнение положений о типологии сложноподчиненных предложений, имеющих в перечисленных выше работах. При этом авторы не претендуют на исчерпывающее описание структурно-семанти-

¹ Настоящая статья была написана в марте 1959 г. В дальнейшей работе над темой авторы уточнили ряд вопросов, в частности вопрос о двусоставных и односоставных сложноподчиненных конструкциях. Это нашло свое отражение в статье, написанной в октябре 1959 г. и опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», № 1, 1960, стр. 12—21.

² См. работы: В. А. Белошапкова, К изучению структурных типов сложного предложения в современном русском языке, Канд. диссертация, 1950 г., стр. 1—93; И. А. Василенко, Учение о сложноподчиненном предложении в отечественном языкознании, Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, т. XXXIII, 1954 г., Кафедра русского языка, вып. 3, 1954 г., стр. 117—147; С. А. Бах, Постановка вопроса о структуре сложноподчиненного предложения и опыт классификации сложноподчиненных предложений в русской синтаксической традиции, Уч. зап. Саратовского ун-та, т. 48, 1957 г., стр. 3—24.

³ Соцэргиз, М.—Л., 1935.

⁴ Материалы архива Академии Наук СССР, «Доклады и сообщения института русского языка», вып. 1, 1947.

⁵ «О грамматической природе сложного предложения», сборник «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, 1950 и «Сложное предложение и его структурные типы», «Вопросы языкознания», № 2, 1959.

⁶ Издание Академии наук СССР, М., 1954.

ческих типов сложноподчиненных предложений. Их задача более скромная — наметить только основные типы.

Указанные работы, за исключением последней статьи Н. С. Поспелова, широко известны, и поэтому авторы ограничиваются кратким анализом только этой статьи.

Н. С. Поспелов исходит «из общего положения о структурной целостности сложного предложения»¹. Такой подход, если его не только декларировать, как это часто бывает, но и осуществлять, непременно предполагает анализ структуры сложноподчиненного предложения: взаимоотношения частей, средств связи между ними, интонации целого — т. е. всего того, что делает части сложноподчиненного предложения единым целым. Отсюда цель, которую ставит перед собой автор: «...дать общую характеристику наиболее очевидных структурных типов и разновидностей сложноподчиненного предложения на основе тех конструктивных различий, которые выявляются в соотношении между главной и придаточной частью»².

Следуя глубокой исторической традиции, Н. С. Поспелов наиболее существенным из этих различий считает различие между сложноподчиненными предложениями с расчлененным строением и сложноподчиненными предложениями с нерасчлененным строением. Первые характеризуются тем, что придаточная часть соотносится с главной во всем ее объеме; вторые — тем, что придаточная часть входит «...в состав главной, прикрепляясь к какому-либо ее члену и распростирая его»³.

Установив это основное различие, Н. С. Поспелов делает попытку выделить более частные структурные типы в кругу нерасчлененных и расчлененных сложноподчиненных предложений.

Сами принципы семантико-структурного анализа, которые Н. С. Поспелов, развивая мысли В. А. Богородицкого, кладет в основу классификации, не вызывают возражений. Ценность и перспективность их, в сравнении с другими классификационными принципами, несомненна. Однако несомненно также, что все многообразие сложноподчиненных конструкций не исчерпывается выделенными в статье структурными типами (да и сам автор не ставит перед собой такой задачи); требуют уточнение границы отдельных семантико-структурных типов и их семантико-формальные характеристики. В этом направлении, очевидно, и должна вестись работа.

В дальнейшем, в данной статье, используются отдельные положения и термины из работы Н. С. Поспелова, особенно при анализе присубстантивно-определяющего и местоименно-соотносительного типов, при выделении постпозитивно-рас-

¹ «Вопросы языкознания», № 2, 1959 г., стр. 19.

² Там же, стр. 20.

³ Там же.

пространительных и препозитивно-взаимообусловленных двучленных конструкций. Ниже предлагается попытка классификации структурно-семантических типов как одночленных (нерасчлененных), так и двучленных (расчлененных) сложно-подчиненных предложений.

ОДНОЧЛЕННЫЕ СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одночленные сложноподчиненные предложения делятся на следующие основные структурно-семантические типы: 1) присубстантивно-относительный, 2) местоименно-соотносительный, 3) относительно-изъяснительный, 4) союзно-изъяснительный, 5) местоименно-союзный соотносительный.

I. Присубстантивно-относительный тип

Сложноподчиненные предложения этого типа характеризуются тем, что придаточная часть относится к имени существительному или другому субстантивированному слову в главной части (независимо от того, каким членом предложения является существительное или субстантивированное слово), а также относительным подчинением и постпозитивным положением придаточной части.

Очень ценными являются наблюдения Н. С. Поспелова над двумя разновидностями данного типа. В одних предложениях данного типа придаточная часть выполняет только определительную функцию, так что сложное предложение является в полном смысле этого слова одночленным; в другом — придаточная часть содержит новое сообщение и приближается к двучленным (расчлененным) типам.

В первом случае, по нашим наблюдениям, обычно возможна, а иногда и обязательна постанова перед именем указательного местоимения¹, во втором — такая постанова решительно невозможна.

Ср., например: 1) *Лес, в который мы вступили, был чрезвычайно стар. (Т.)* и 2) *Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. (П.)*. В первом примере возможна постанова указательного местоимения перед словом *лес* (ср.: *Тот лес, в который...*); во втором — невозможна, так как предложение по смыслу двучленно.

Кажется, отличаются друг от друга двучленные и одночленные структуры и по интонации: при двучленности между частями сложного целого обычны интонационные спады и паузы.

¹ «Если относительное слово относится ко всему главному предложению, а не к отдельному его члену, то в главном предложении не может быть указательного слова» (А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, *Русский язык*, ч. II, Учпедгиз, 1950, стр. 99).

II. Местоименно-соотносительный тип

К этому типу относятся сложноподчиненные одночленные структуры, которые характеризуются наличием относительных местоимений (существительных, прилагательных и наречий) в придаточной части и соотносительных им указательных местоимений (тех же морфологических классов) — в главной части; при этом, очевидно, такое соотношение нужно признать обязательным, определяющим данный тип. Н. С. Пospelов относит сюда такие предложения, как 1) *Кто весел, тот смеется.* (Л.-К.); 2) *Я тот, кого никто не любит.* (Л.); 3) *Бабушка не поняла того, что он сказал.* (Фад.); 4) *Каков поп, таков и приход;* 5) *Он живет там, куда летают только на самолетах.*

Таким образом, в пределах данного типа объединяются на основе конструктивной связи весьма различные по синтаксической функции указательного местоимения в главной части предложения (и так называемые придаточные подлежащие, и сказуемые, и дополнительные, и различные обстоятельственные предложения).

Характернейшей структурной особенностью данного типа, по утверждению Н. С. Пospelова, является то, что «...придаточная часть в подобных конструкциях еще глубже, чем в присубстантивно-атрибутивном типе, входит в структуру главной части, главная часть, семантически незавершенная, еще теснее связана с придаточной»¹. Устойчивая местоименная соотносительность является яркой формальной приметой данного типа; ср.: *тот-кто (кого, кому и т. д.), то-что (чего, чему и т. д.), таков-каков, там-где, туда-куда, оттуда-откуда.*

Однако в статье Н. С. Пospelова в этот тип включаются, с одной стороны, предложения, которые, на наш взгляд, не относятся к нему; с другой стороны, целый ряд структур, явно относящихся к данному типу, не указан. Так, предложение *Бабушка не поняла того, что он сказал,* на наш взгляд, представляет собой особую структуру (см. об этом ниже); наоборот, несомненно, к данному типу относятся конструкции с соотносительными местоимениями *столько-сколько, так-как.* Ср.: *Он дал мне столько денег, сколько я просил; Он сделал так, как ему велели.*

Кроме того, кажется, следует выделить внутри данного типа определенные структурные группы.

Так, в одних из сложноподчиненных конструкций, входящих в данный тип, указательное слово в главной части не мо-

¹ «Вопросы языкознания», № 2, стр. 23, 1959 г. Ср. объединение этого типа с предыдущим в классификации В. А. Богородицкого, очевидно придававшего большее значение семантической характеристике.

У него же предложения типа *Каков поп, таков и приход* выделены в отдельный тип уподобительно-сравнительных предложений (См. указ. соч., стр. 231—232).

жет вообще опускаться, в других такое опущение возможно и часто наблюдается. К первым относятся такие конструкции, в которых указательное слово стоит на месте сказуемого в главной части, т. е. конструкции *таков-каков* и *тот-кто* (если *тот* — сказуемое). Ср.: *Я тот, кого никто не любит; Каков привет, таков и ответ.*

Ко вторым относятся все остальные конструкции данного типа.

Ср., например: 1) *Кто ясно мыслит, ясно излагает. (М. Г.)* и *Тот, кто ясно мыслит, ясно излагает;* 2) *Сделай, что обещал и Сделай то, что обещал.* Ср. также: *Блажен, кто смолodu был молод. (П.); Возьми, сколько хочешь, денег; Он поступил, как надо* и др.

Очевидно, что при таком опущении связь между главной и придаточной частью оказывается еще более тесной: придаточная часть входит структурно и интонационно в одну из синтагм главного предложения и в ряде случаев приближаются к члену предложения. Ни о каком интонационном расчленении, которое возможно при акцентировании указательного слова, здесь, естественно, не может быть и речи.

Являясь разновидностью данного структурного типа, эти предложения все-таки не выходят за его пределы, так как они теснейшим образом связаны с предложениями, имеющими указательные слова; отсутствие указательных слов создает некоторую неполноту главной части.

Затем, если сравнить устойчивые пары соотносительных местоимений, то нетрудно убедиться в том, что одни из них обладают большей устойчивостью, а другие — меньшей. Наибольшей устойчивостью обладают наречные пары *там-где, туда-куда, оттуда-откуда, так-как, столько-сколько*. Столь же устойчивыми оказывается пара местоимений-прилагательных *таков-каков*, так как она употребляется только в сказуемом. Значительно меньшей устойчивостью, большей свободой сочетаемости, т. е., в широком смысле, большей свободой соотношений, обладают местоимения-существительные. Эта свобода выражается в целом ряде особенностей. Во-первых, в том, что указательное и относительное местоимения-существительные могут выступать в самых различных падежных вариантах по отношению друг к другу, например: *тот-кто, того-кому, того-кем, о том-кому* и т. д. Во-вторых, указательное местоимение *тот* главной части может сочетаться с местоимениями-прилагательными *который, чей*. Например: 1) *Бессмертен тот, чья муза до конца добру и красоте не изменяла. (Плещеев);* 2) *Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней. (Л).* В-третьих, в качестве соотносительного местоимения в главной части могут употребляться определительные местоимения *всякий, каждый*, что также расширяет семантические возможности местоименных соотно-

шений; ср.: *Все, что мог, ты уже совершил. (Н); Каждый, кто честен, встань с нами вместе. (Л. Ошанин)*. Соотносительные указательные и определительные местоимения в главной части рассмотренных предложений несомненно субстантивируются. Все эти соображения приводят к выводу, что конструкции с соотносительными парами *то-что, тот-кто* представляют, может быть, отдельную структурно-семантическую группу в пределах данного типа, группу, более близкую к предыдущему присубстантивно-атрибутивному типу. Поэтому эту группу можно назвать атрибутивно-местоименно-соотносительной.

Наконец, наиболее сложным вопросом является отнесение в данный тип косвенно-вопросительных конструкций, которые, с одной стороны, имеют относительное подчинение, а с другой стороны, относятся к изъяснительным глаголам, при которых может быть, а может и не быть соотносительных указательных местоимений, или, лучше сказать, при которых эти местоимения часто не являются конструктивно обязательными. Предложение, которым Н. С. Поспелов иллюстрирует данный тип (местоименно-соотносительный): *Бабушка не поняла того, что он сказал. (Фад.)* — никак не укладывается в рамки местоименно-соотносительного типа по следующим причинам: 1) очевидно, что придаточная часть в данном случае восполняет лексическую неполноценность изъяснительного глагола *понять*, обладающего сильным конструктивным управлением; 2) в связи с этим указательное слово *того* не является соотносительным местоимением *что*, так как в этом случае возможны сочетания указательного местоимения *того* с самыми различными относительными словами; ср.: *Бабушка не поняла того, как он это сделал, откуда у него взялись деньги, зачем он явился* и т. д.

Ср. это предложение со следующим предложением, действительно ярко представляющим данный структурный тип: *Собака принесла то, что ей велели*, — в котором соотносительность местоимений *то-что* обязательна и никакие замены невозможны. Очевидно, что предложениями местоименно-соотносительного типа можно считать только такие, в которых относительное местоимение придаточной части соотносится с указательным местоимением главной части, стоящим не при изъяснительных глаголах. В последнем случае мы будем иметь особый структурный тип несоотносительного местоименно-вопросительного подчинения.

Своеобразной разновидностью местоименно-соотносительного типа являются сложноподчиненные конструкции с уточнительным значением, которое возникает в результате отнесения придаточной части к аналогичному по синтаксической функции члену главной части, выраженному полнотематическим словом. Занимая, таким образом, позицию обособленного уточняющего члена предложения, придаточная

часть, естественно, имеет то же значение. Местоименная соотносительность, характерная для данного структурного типа, при этом обычно не нарушается. Теоретически, в качестве уточнительных, можно себе представить все виды сложноподчиненных конструкций, входящих в данный тип (кроме случаев, когда указательное слово является сказуемым в главной части). Например: 1) *Один из сотрудников, тот, на кого мне указали, ознакомил меня с работой;* 2) *Справа от дороги, там, где начиналась роща, устроили птицеферму;* 3) *Он получил 5 билетов, столько, сколько просил;* 4) *Дело суд решил в пользу матери, так, как все и ожидали и т. д.*

Однако наиболее употребительными из всех этих конструкций оказываются конструкции с придаточными, уточняющими обстоятельства места и времени. Например: 1) *С тяжелым топотом красные лавины понеслись вперед — туда, где немного справа, за черными деревьями отражалась в луже воды разгорающаяся полоса зари.* (А. Н. Т.). 2) *Только посередине, там, где колесами и копытами дорога взбита, как пуховик, взрываются пыльные клубы.* (Н. Дубов).

Указательные слова в этом случае, как и вообще в данном типе, могут отсутствовать. Ср.: 1) *Впереди, где осталась роща, стояли березы.* (Ч.); 2) *Теперь, когда свершен опасный путь, родимый край они узрели.* (П.).

В связи с уточняющими временными конструкциями необходимо отметить, что в них местоименная соотносительность в значительной мере нарушается за счет выветривания местоименного значения в слове *когда*. Однако близость временных и местных конструкций в значении уточнения не вызывает сомнения. Ср.: *Однажды, когда он (Цыганок) спал после обеда в кухне на полатах, ему покрасили лицо фуксином.* (М. Г.).

Придаточная часть, уточняющая значение места и времени, может относиться не только к обстоятельствам, выраженным наречиями, как это было во всех приведенных выше примерах, но и к обстоятельствам, выраженным именем существительным. Например: 1) *Она (Наталья) всегда старалась идти по направлению к светлому краю неба, там, где заря горела, а не к темному.* (Т.); 2) *На рассвете, когда окончилась артиллерийская подготовка, полк перешел в наступление* (Став.).

Эти и подобные предложения, при отсутствии указательных слов, имеют переходный характер, могут быть поняты и как структуры первого типа и как структуры второго. Особенно это касается конструкций с придаточными частями, уточняющими место. Например: *Батальон окопался у рощи, где проходила большая дорога.* Здесь, кажется, необходима постановка указательного местоимения, чтобы получить уточнитель-

ное значение. При отсутствии указательного местоимения двусмысленность может быть устранена особой пояснительной интонацией.

В конструкциях с придаточной частью, уточняющей время, наличие указательного слова, по указанным выше причинам, отнюдь не обязательно, поэтому такие конструкции гораздо шире употребляются при существительных, чем конструкции, уточняющие место. Никакой двусмысленности при этом не наблюдается, очевидно, потому, что наряду с уточняющими связями (с обстоятельствами) придаточная часть в этих конструкциях имеет и другие связи (с предикатом главной части), которые разрушают местоименную соотносительность и вызывают переход местоимения *когда* в союз.

III. Изъяснительно-относительный тип (косвенный вопрос).

Данный тип характеризуется тем, что придаточная часть присоединяется относительными местоимениями (существительными, прилагательными, наречиями, числительными) к изъяснительному глаголу или слову категории состояния, имеющему изъяснительный смысл и нуждающемуся в обязательном (конструктивном) управлении.

Таким образом, этот тип, как и предыдущие, является нерасчлененным, одночленным. От местоименно-соотносительного типа его отличает, как уже говорилось, отсутствие местоименной соотносительности и исключительное положение при изъяснительных глаголах или словах категории состояния с изъяснительным значением. От следующего изъяснительно-союзного типа (см. ниже) его отличает относительное подчинение. И от того и от другого типа его отличает более или менее ясно выраженное значение косвенного вопроса и возможность любой относительной замены (ср.: *Спросил, кто, куда, зачем пошел* и т. д.).

Соотносительные указательные слова главной части не представляются в данном типе столь же обязательными, как в предыдущем. И с исторической точки зрения, очевидно, вторичны¹. Необходимо подчеркнуть, что предложения этого типа относятся именно к глаголам и словам категории состояния с изъяснительным значением, имеющим сильное (конструктивное) управление, а не к сказуемому. В этом убеждает нас 1) невозможность таких предложений при именных сказуемых и 2) возможность их при глагольных формах, не являю-

¹ Ср., например, у Т. П. Ломтева в «Очерках по историческому синтаксису русского языка»: «В сложноподчиненных предложениях типа **Я не знаю, куда он пошел, где он был, что он делал** придаточные предложения представляют собой по происхождению вопросительные предложения, которые приняли на себя функцию изъяснения глагола предшествующего повествовательного предложения и тем самым перешли на позицию придаточного предложения». (Изд. МГУ, 1956, стр. 490).

щихся сказуемым, и при отглагольных существительных с изъяснительным значением. Ср.; например: 1) *Спрашивать, сколько стоит подарок, — неприлично*; 2) *Вопрос о том, какие типы предложений считать нерасчлененными, еще не решен в грамматике*; 3) *Он шел, не зная, куда девать руки.* (А. Н. Т.). Очевидно, что и в этом типе, как и в других нерасчлененных, распространяются придаточной частью не члены предложения, а слова отдельных лексико-морфологических групп слов. Настаивая на этом положении, мы следуем указаниям В. А. Богородицкого¹.

Степень связи главной и придаточной части зависит в данном типе от того, в какой мере в придаточной части проявляется значение косвенного вопроса. Чем яснее выражено вопросительное значение, тем менее тесной нужно признать связь. Значение косвенного вопроса ослабляется при определенных условиях. К таким условиям относятся: 1) положение придаточной части по отношению к главной, 2) лексическое значение изъясняемого глагола (содержит он указание на вопрос или нет), 3) наличие указательных слов в главной части. Ср., например, такие ряды:

- 1) *Как все это случилось, он не мог себе представить. — Он не мог себе представить, как все это случилось.*
- 2) *Я спросил, как это случилось. — Я понял, как это могло случиться.*
- 3) *Я спросил, как это произошло. — Я спросил о том, как это произошло.*

В каждом втором из парных примеров значение косвенного вопроса ослабляется. Однако все эти различия имеют частный характер и не могут препятствовать объединению всех этих разновидностей в один семантико-структурный тип.

IV. Изъяснительно-союзный тип.

Данный тип отличается от предыдущего союзным подчинением и отсутствием значения косвенного вопроса. Связывает их отнесенность придаточной части к изъяснительным глаголам и словам глагольного типа. Стабильность союзов **что**, **чтобы**, **будто**, необязательность указательного слова в главной части, затрудненность или даже невозможность препозитивного употребления — все это говорит о том, что здесь мы имеем совершенно особые конструкции.

Своеобразием отличается и смысловое соотношение частей в составе сложного целого в данном типе. Если сопоставить

¹ См. выделение группы изъяснительных предложений в «Общем курсе русской грамматики», стр. 233—234. Ср. также у Т. П. Ломтева в «Очерках по историческому синтаксису русского языка», стр. 540—548.

конструкции относительно-изъяснительного и союзно-изъяснительного типов, то нетрудно заметить, что в первом случае мы имеем особый вид распространения изъяснительного глагола, так что в этом смысле (и только в этом) придаточную часть можно приравнять к распространяющему члену простого предложения (как и при других типах относительного подчинения). Во втором случае это соотношение резко меняется: основная смысловая нагрузка переносится с главной части на придаточную, а главная часть начинает выполнять роль, близкую к роли вводно-модальных слов, т. е. оценивает (рационально или эмоционально) сообщение, которое заключено в придаточной части¹.

Отдельные изъяснительные глаголы и слова категории состояния, лексическое значение которых приближается к значению широких модальных характеристик, могут вообще терять в этих позициях свои морфолого-синтаксические приметы и переходить в разряд вводно-модальных слов, естественно, утрачивая при этом и союзное подчинение; ср., например: *Мне кажется, что он пришел* и *Кажется, он пришел*. (Ср. также употребление слов **говорят, значит, естественно, вероятно, несомненно** и мн. др. в подобных конструкциях).

Естественно, что в союзно-изъяснительных конструкциях глаголы и слова категории состояния не теряют своих основных лексико-грамматических качеств — эти качества лишь ослабляются позицией, конструкцией, но не исчезают вообще, как при переходе тех же слов в разряд вводно-модальных.

Отношения говорящего к сообщаемому, выражаемые главной частью сложноподчиненных предложений данного типа, очень разнообразны: это и рациональные отношения, определяющие степень достоверности сообщения (*я думаю, считаю, полагаю, мне кажется, думается; мне понятно, известно, ясно* и мн. др.), и эмоциональные отношения, определяющие эмоциональную оценку говорящим сообщения (*я горжусь, радуюсь; мне приятно, грустно, радостно* и др.), и модальные отношения желательности-нежелательности (*я хочу, мне хочется, нужно* и др.), и установление источника сообщения (*он сказал, он удостоверял* и др. под.), и определение порядка следования частей и выводов сообщения (*это значит, отсюда следует* и др. под.).

Естественно, главная часть в союзно-изъяснительных конструкциях утрачивает характер независимой коммуникации,

¹ Ср. у Д. Н. Овсяннико-Куликовского: «...в оборотах: «надо заметить, что...», «известно, что...», «начать с того, что...» и т. п., главная мысль заключена в придаточных предложениях, подчиненных, посредством союза «что», главному или независимому («надо заметить» и проч.), которое, однако, по смыслу своему, не только не главное, но даже сбивается на род вводного выражения» («Синтаксис русского языка», изд. 2-ое, стр. 300).

в связи с чем придаточная часть представляет собой не столько распространение изъяснительного слова, как это обычно указывается, сколько основную единицу коммуникации, которая оценивается (обслуживается) главной частью.

Степень утраты главной частью своего ведущего положения в составе сложного целого бывает различна и зависит от определенных условий. К таким условиям относятся: 1) наличие или отсутствие при изъяснительном слове указательных местоимений; 2) распространенность главной части; 3) лексическое значение изъясняемого слова; 4) морфологический ряд изъясняемого слова.

При наличии указательного местоимения в главной части изъяснительное слово получает формальное распространение уже в главной части, а следовательно, и формальную законченность. Придаточная часть в таких случаях воспринимается скорее как раскрытие уже имеющегося в главной части указательного управляемого слова. Видимость ведущего положения главной части, таким образом, сохраняется. В свою очередь наличие или отсутствие указательных местоимений, распространяющих изъяснительное слово, зависит от лексического значения этого слова. Чем ближе значение изъясняемого слова к модальным значениям, тем менее обязательна, а иногда и невозможна, постройка при нем указательного местоимения. Ср. такие глаголы, как *считать*, *решать* и др. под., с одной стороны, и такие, как *думать*, *знать* и др. под., с другой стороны. Например: 1) *Он решил, что будет дождь* (указательное слово невозможно; главная часть в большой степени выражает модальность); 2) *Он думал, что будет дождь. Он думал о том, что будет дождь.* (Указательное слово возможно; главная часть при наличии указательного слова в меньшей степени выражает модальность).

Очевидно, не только формальное распространение указательным словом снижает степень модальности главной части и уравнивает соотношение частей сложного целого, но и всякое другое распространение. Ср.: 1) *Говорили, что Кубань готовит восстание против Добровольческой армии...* 2) *Упорно говорили о том, что в станицах Кубани и Терека к донцам относятся резко враждебно.* (Ш).

В этих предложениях главная часть обозначает источник того, о чем говорится в придаточной, т. е. в широком смысле имеет модальный характер; однако отчетливее модальность выступает в том случае, когда изъяснительный глагол не распространен.

Наконец, очевидно снижает степень модальности (и это вполне понятно) отнесение придаточной части не к предикативным формам изъясняемых слов, а к деепричастиям, причастиям и особенно к отглагольным существительным, например:

1) Среди беженцев шли разговоры, что на Кубани растет возмущение (Ш.). (Ср. это предложение с двумя предыдущими); 2) Распорядившись, чтобы поскорее запрягли, Проскуров приказал позвать к себе сотского. (Кор.); 3) Ласка, еще с утра понявшая, что едут на охоту, навизжавшись и напрыгавшись досыта, сидела на катках подле кучера. (Л. Т.); 4) Не было никакой надежды, что небо прояснится. (Ч.); 5) Я оставил Душет с приятной мыслью, что ночью в Тифлисе. (Л.).

Подводя итог, можно сказать, что данный тип характеризуется возможностью отнесения придаточной части к любому слову, имеющему изъяснительный смысл (чаще сказуемому), союзным подчинением и своеобразным соотношением частей, при котором главная часть имеет модальное значение, а придаточная часть содержит основное сообщение.

V. Соотносительный местоименно-союзный тип.

Данный тип характеризуется тем, что придаточная часть присоединяется при помощи союза *что* к сочетанию указательного местоимения с качественным именем прилагательным или наречием, т. е. к данному типу относятся такие конструкции, как 1) *Она такая красивая, что все на нее засматриваются*; 2) *Она так красива, что все на нее засматриваются*; 3) *Она так красиво одевается, что все на нее засматриваются*. При этом, очевидно, что синтаксическая роль слова, с которым сочетается указательное местоимение, не оказывает влияния на значение самой конструкции; ср.: *Она такая красивая, что все на нее засматриваются* и *Он шел с такой красивой девушкой, что на нее все засматривались*. К этому же типу следует, по нашему мнению, отнести и такие эллиптические конструкции, в главной части которых имя прилагательное или наречие опускаются, так что указательное местоимение занимает или самостоятельное положение, или относится непосредственно к имени существительному или глаголу. Например: 1) *Урожай такой, что сердце радуется*; 2) *Девушка такая, что залюбуешься*. (Ср.: *Он встретил такую девушку, что невольно залюбовался*); 3) *Она была так одета, что привлекала всеобщее внимание*; 4) *Мартышка тут с досады и печали о камень так хватила их, что только брызги засверкали*. (Кр.) и т. д. В этих случаях, очевидно, указательные местоимения *такой, так* получают добавочное общекачественное значение.

Предложения данного типа имеют строго определенное значение: раскрывая содержание указательного местоимения при качественных словах, придаточная часть указывает на степень качества, а также на меру количества (при наличии сочетаний *так много, что* и др. под.). По структурно-семантическим особенностям данный тип, как и все предыдущие, можно отнести к нерасчлененным типам. Связь между глав-

ной и придаточной частью здесь не менее тесная, чем в местоименно-соотносительном типе, что очевидно вытекает из конструктивной соотносительности указательного слова и союза при совершенной обязательности и того и другого компонента.

Однако придаточная часть в этих конструкциях имеет и другое значение, которое соотносится уже не со значением какого-либо одного слова в главной части, а со значением всей главной части, — это значение следствия¹.

Ср. конструкции, в которых придаточная часть, обозначающая следствие, присоединяется союзом *так что* и относится ко всему главному предложению. В этом случае сложная конструкция в целом выражает причинно-следственные отношения и может быть расчленена только как двучленная. Ср.: 1) *Он произносил слова так тихо, что его с трудом понимали* и 2) *Он произносил слова очень тихо, так что его с трудом понимали*. Несомненно, в этих примерах представлены различные структуры, первая из которых должна быть отнесена к одночленным, а вторая — к двучленным.

Соотносительный местоименно-союзный тип не ограничивается описанными структурами; они просто наиболее характерны для него. Очевидно, сюда же следует отнести сложные конструкции, выражающие причинно-следственные отношения, в которых указательным местоимениям *потому, оттого*, находящимся в главной части, соответствует союз *что*, присоединяющий придаточную часть.

При наличии сходства, сложные предложения с придаточными, обозначающими причину, отличаются от предложений со значением следственно-степенным, так как в первом случае значение указанного слова (*потому, оттого*) совпадает со значением придаточной части. На этом основании происходит формирование сложных причинных союзов *потому что, оттого что*, которые находятся целиком в придаточной части.

ДВУЧЛЕННЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Если в отношении одночленных сложноподчиненных предложений мы находим в лингвистической литературе последовательное стремление типологизировать все богатство сложноподчиненных конструкций на основе структурно-семантических признаков, то в отношении двухчленных сложноподчиненных предложений этот принцип применялся крайне непоследовательно. Так, и в книге В. А. Богородицкого, и в статье Н. С. Поспелова, как только дело доходит до описания двучленных

¹ См. отнесение в «Грамматике русского языка» таких конструкций к сложноподчиненным с придаточным следствия (Изд. Акад. наук СССР, М., 1954, т. II, ч. 2, стр. 341—342).

структур, так ведущим принципом выделения отдельных групп оказывается все-таки различие в выражаемых этими предложениями отношениях, т. е. семантический принцип (причинно-следственные, условные, временные, уступительные и др.). Замечания же по поводу структуры тех или иных конструкций располагаются уже по ходу изложения, для каждого семантического типа отдельно. И такая непоследовательность в классификации, очевидно, не случайна. Дело в том, что двучленные структуры, с одной стороны, теснейшим образом связаны с одночленными; а с другой стороны, между структурными типами двучленных сложноподчиненных предложений далеко не всегда можно провести четкую грань.

Семантические связи между структурными типами оказываются настолько тесными, что выражение одних и тех же или близких отношений возможно в пределах различных структурных типов, например: *Мне грустно потому, что весело тебе* и *Мне грустно, потому что весело тебе*. С другой стороны, одинаковые по структуре конструкции могут выражать различные отношения, ср.: *Если ты будешь заниматься физкультурой, то будешь сильным и здоровым* и *Если рождаемость во Франции уменьшается, то в СССР она растет*. В первом предложении выражаются отношения условные, а во втором сопоставительные.

Однако эта многозначность формы и многоформенность значения не должны препятствовать разграничению сложноподчиненных конструкций на основе формальных данных: ведь не мешает же выделению формы сослагательного наклонения то, что она может выражать побуждение, так же как не мешает выделению формы повелительного наклонения то, что побуждение может выражаться формой сослагательного наклонения, инфинитива, существительного в род. п. с определенной интонацией и т. д.

Именно поэтому мы относим конструкции типа *«Мне грустно потому, что весело тебе»* к одночленным, правда, с известными оговорками, а конструкции типа *«Мне грустно, потому что весело тебе»* — к двучленным.

Различия между одночленными и двучленными структурами заключаются в следующем: 1) в одночленной структуре придаточная часть распространяет отдельное слово определенной части речи или сочетание слов также определенных частей речи; например, в определительно-относительном типе распространяются существительные и другие субстантивированные слова (*дом, который...*, *деревня, где...*; *больной, который...*); в союзно-изъяснительном типе распространяются глаголы и глагольные слова определенного лексического содержания (*надеяться, что...*; *надеясь, что...*; *надежда, что...*); в соотносительном местоименно-союзном типе придаточная часть, присоединяемая союзом *что*, распространяет сочетания указа-

тельного местоимения с качественным именем прилагательным или наречием (*такой красивый, что...; так красиво, что...*) и т. д. 2) в двучленной структуре распространяется или все главное предложение, или основная его часть, состоящая из сказуемого с зависимыми словами, например: 1) *Он сейчас же заснул, так что в ответ на мой вопрос я услышал только его ровное дыхание. (Гарш.); 2) Она поглядела в зеркало и несколько раз мотнула головой, чтобы зазвучали бусы. (Г.).*

Отсутствии прямой соотнесенности с определенным словом или со строго определенным сочетанием слов в двучленных структурах создает часто затруднения в решении вопроса, распространяет ли придаточная часть все главное предложение или его основную часть. Но это не имеет принципиального значения при установлении типов сложноподчиненных предложений. Важно, что в одночленной структуре распространение придаточной частью обусловлено лексико-морфологическими причинами, а в двучленной структуре этой обусловленности нет; в одночленной структуре, можно сказать, распространяются слова, а в двучленной — предложения.

Двучленные конструкции распадаются на несколько структурно-семантических типов: I) союзно-распространительный тип; II) взаимно-подчинительный тип; III) подчинительно-сочинительный тип; IV) относительно-присоединительный тип.

I. Союзно-распространительный тип

Данный тип характеризуется тем, что придаточная часть присоединяется к главной подчинительными союзами. Союзно-распространительный тип распадается на ряд подтипов: 1) постпозитивно-распространительный подтип; 2) препозитивно-обусловленный подтип.

1. Постпозитивно-распространительный подтип

В основу выделения данного подтипа и отчленения его от следующего препозитивно-обусловленного подтипа положены наблюдения Н. С. Поспелова над препозитивным и постпозитивным употреблением придаточной части в составе сложного целого¹. Эти наблюдения сводятся к следующему: при постпозитивном употреблении придаточной части с союзами *так как, если, когда* («открытые конструкции») «...главная часть автономна и придаточная свободно примыкает к ней»². В случае же препозиции придаточной части («закрытая конструкция») наблюдается взаимообусловленность частей сложного целого.

¹ См. указанную статью, стр. 24—25.

² Там же, стр. 25.

К постпозитивно-распространительному подтипу мы относим сложноподчиненные предложения, характеризующиеся союзным подчинением и постпозитивным, реже интерпозитивным, положением придаточной части. Придаточная часть, находясь в постпозиции, представляет собой новое сообщение, указывающее на причину, условие, цель того, что сообщено в главной части, или же новое сообщение, ограничивающее содержание главной части во временном плане или в плане сравнения, а также следствие, вытекающее из содержания главной части, т. е. в широком смысле придаточная часть распространяет всю главную часть. Приведем несколько примеров: 1) *Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было.* (Л.); 2) *Я разбудил Пашку, чтобы он не свалился с дрог.* (Ч.); 3) *Сердце в ней замерло, когда государь заперся с ее отцом.* (П.); 4) *Я уезжал в Форос и вернулся совершенно больной, так что поездка в Гурзуф едва ли могла бы состояться в четверг.* (Ч.); 5) *Воздух только изредка дрожал, как дрожит вода, возмущенная падением ветки.* (Т.). Все эти примеры, различные по значению придаточных частей, имеют общий структурный признак: придаточная часть в каждом из приведенных предложений является постпозитивной и распространяет главную часть в целом.

Как по значению придаточных частей, так и по формальным признакам данный подтип смыкается, с одной стороны, с одночленным местоименно-союзным соотносительным типом, с другой стороны, с двучленным препозитивно-обусловленным подтипом. От местоименно-союзного соотносительного типа его отличает невозможность или необязательность указательного слова в главной части. Указательные слова в постпозитивно-распространительном подтипе как бы направляют, уточняют союзное подчинение, но они отнюдь не обязательны. Ср., например: *Здесь мужественно умирали братья для того, чтобы жизнь стала прекрасной.* (Н. О.).

Отсутствие конструктивно-обязательной соотносительности подтверждается и тем, что союз с указательным местоимением часто объединяются в сложные союзные сочетания; ср., например, такие союзные сочетания, как *в том случае если, для того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы* и др. под. Например: 1) *В зимнее время, с тем чтобы уменьшить скольжение, на колеса надевают цепи.* (Спр. автолюб.); 2) *При пересечении болотистой части пути под ведущие колеса подкладывают доски, связки хвороста, веток, рогожи, затем чтобы создать необходимую опору колесам.* (Справ. автолюб.).

При постпозиции или интерпозиции в этих сочетаниях указательные слова могут еще сохранять, если не смысловую, то интонационную самостоятельность, указывая, таким образом, на распространительный характер конструкций данного типа.

Особую сложность представляет классификация времен-

ных сложноподчиненных предложений, так как часто та или иная временная сложная конструкция представляет собой совмещение типологических признаков. Ср., например, такие конструкции: 1) *Художественное произведение тогда лишь значительно и полезно, когда оно по своей идее содержит какую-нибудь серьезную общественную задачу.* (Ч.); 2) *Штабс-капитан вошел в комнату в то время, когда я уже надевал шапку.* (П.).

В первом примере налицо соотносительность слов *тогда лишь* — *когда*, однако утверждать, что это одночленный местоименно-соотносительный тип, невозможно, так как общее соотношение частей соответствует не местоименно-соотносительному, а союзно-распространительному типу. (Ср. синонимическую конструкцию: «*в том случае лишь значительно и полезно, если...*» с условным значением).

Во втором примере также трудно решить степень потери реального значения слова *время*, а следовательно, и степень утраты местоименности в слове *когда*. А между тем именно от этих, с трудом поддающихся формальному анализу, признаков зависит отнесение данной конструкции к одночленному определительному, к одночленному местоименно-соотносительному или к данному двучленному подтипу. Промежуточное положение этих конструкций несомненно. (См. выше, стр. 186).

Безусловно к данному структурному подтипу можно отнести только те временные сложные конструкции, в которых придаточная часть находится в постпозиции или интерпозиции и присоединяется союзами *когда, пока, лишь* и др. под. к главной части, в которой нет указательных слов или они есть, но совершенно необязательны. Только при этих условиях достигается собственно распространительное значение, свойственное сложным конструкциям данного подтипа. Приведем несколько примеров: 1) *Только усмехаюсь, как заслышу бурю.* (П.) — (условно-временное значение); 2) *Отец, когда я пришел к нему, сидел глубоко в кресле.* (Ч.); 3) *Грустью и запустением пахнуло на Григория, когда через поваленные ворота въехал он на заросший лебедью двор имения.* (Ш.); 4) *По синим волнам океана, лишь звезды блеснут в небесах, корабль одинокий несется, несется на всех парусах.* (Л.); 5) *И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит.* (П.); 6) *Живи, покуда кровь играет в жилах.* (Н.); 7) *Страшная усталость овладела Григорием, едва он вышел на улицу.* (Ш.) — (временная отнесенность).

Своеобразием отличаются конструкции с придаточными частями, присоединяемыми союзами *как, будто, как будто, точно, словно* и имеющими значение сравнения. Так же, как и в описанных выше конструкциях, в этих сложноподчиненных предложениях придаточная часть представляет собой распространение всей главной части. Поэтому обычным положением

и здесь является постпозиция. Отличает данные конструкции от описанных выше своеобразное значение: распространение при помощи сравнения. Например: 1) *Губы бледно алеют, будто сквозь бело-прозрачное утреннее небо льется едва приметный алый свет зари.* (Г.); 2) *Война, точно она ждала их, глянула им прямо в очи.* (Фад.).

Так же, как и в других описанных выше конструкциях данного подтипа, здесь в главной части могут быть необязательные конструктивно указательные слова; например: *Гулкая, трепещущая земля отзывалась во время боев на каждый залп так, словно сама испытывала боль.* (Е. Ильина).

Ср. это предложение со следующим, где указательные слова обязательны: 1) *Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом.* (Г.); 2) *Там дрожало и переливалось несколько таких крупных и таких чистых созвездий, словно они были выгранены из самых лучших и самых крупных алмазов в мире.* (В. Катаев). И отнесенность придаточной части к сочетанию качественного слова с указательным словом, и добавочное значение степени, проявляющееся в этих конструкциях, заставляют утверждать, что данные конструкции скорее относятся к предыдущему соотносительному местоименно-союзному типу.

Наименьшей смысловой и формальной связью частей в пределах данного типа обладают сложноподчиненные предложения, придаточная часть которых присоединяется уступительными союзами или союзом следствия. В главной части этих предложений не может быть указательных слов. Придаточная часть или совсем не имеет синонимических соответствий среди второстепенных членов простого предложения (у придаточных следствия), или такие соответствия очень ограничены (у придаточных уступительных). Наряду с этим данные сложноподчиненные предложения могут иметь соответствия среди сложносочиненных предложений. Наконец, слабость связи между главной и придаточной частью обуславливает в некоторых случаях отрыв придаточной части от главной, превращение придаточной части в интонационно самостоятельные предложения. (См. А. Н. Гвоздев, «Современный русский литературный язык», ч. II, стр. 253). Все эти признаки указывают на то, что связь частей в этих конструкциях приближается к присоединительным связям.

Примеры: 1) *Часов в восемь вечера дождь перестал, хотя небо было по-прежнему хмурое.* (Акс.) (Ср.: ...*Дождь перестал, но небо было хмурое*); 2) *Дождь лил как из ведра, так что на крыльцо нельзя было выйти.* (Акс.) (Ср.: ...*дождь лил..., а поэтому... нельзя было выйти*); 3) *Ни отец, ни мать не дали ни девочке, ни мальчику объяснения того, что они видели. Так что дети должны были сами разрешить вопрос о значении этого зрелища.* (Л. Т.).

2. Союзный препозитивно-обусловленный подтип

Этот подтип характеризуется препозицией придаточной части и взаимообусловленным отношением частей. В первом подтипе придаточная часть носит добавочный характер распространения, здесь части взаимообусловлены; отношения между частями бывают причинно-следственными, условно-следственными, условно-временными, временной соотнесенности, условно-целевыми, сравнительно-сопоставительными и др.

Взаимообусловленный характер конструкций влияет и на их оформление. Очень часто придаточная и главная части связываются двойными союзами *так как — то, если — то, когда — то, как — так* и т. п., например: 1) *Так как отряд выступил довольно поздно, то пришлось идти почти до сумерек.* (Арс.); 2) *Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой?* (Л.). 3) *Уж раз мы начали говорить, то лучше договорить все до конца.* (Купр.); 4) *Если же Главный штаб определит недостаточное наказание, тогда прямо в Государственный совет, а не то к самому государю.* (Г.); 5) *Когда зимой ешь свежие огурцы, то во рту пахнет весной.* (Ч.); 6) *Когда отчетливо каждую осичку.* (Ч.). 7) *Когда в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу.* (П.); 8) *Как эта лампада бледнеет пред ясным восходом зари, так ложная мудрость мерцает и тлеет пред солнцем бессмертным ума.* (П.)

Значение взаимообусловленности вполне отчетливо выступает и при наличии союза только в придаточной части, например: 1) *Если дед уходил из дома, бабушка устраивала на кухне интереснейшие собрания.* (М. Г.); 2) *Раз никому нет дела до меня, останусь и буду жить.* (Фад.); 3) *Коли на овес не выездили, сено есть будем.* (Ч.); 4) *Когда хозяин вышел и унес с собой свет, опять наступили потемки.* (Ч.); 5) *Пока он падал, проклятый Алешка схватил с головы Макара шапку и скрылся в тайге.* (Кор.); 6) *После того как я сыграл рыцаря в «Раймонде», меня стали чаще занимать в балетных спектаклях.* (Черк.); 7) *В то время как она выходила из гостиной, в передней послышался звонок.* (Л. Т.); (Следует отметить, что в данном структурном подтипе широко употребляются сложные союзные единства, это тоже служит отличием его от первого подтипа); 8) *Чтобы человек искренно полюбил серьезный труд, прежде всего должно внушить ему серьезный взгляд на жизнь.* (Ушинский); 9) *Несмотря на то, что меня осыпает дождевыми каплями, рву мокрые ветки, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом.* (Л. Т.). В последнем примере с уступительным союзом *несмотря на то, что* имеется своеобразное отношение частей: придаточная часть указывает на причину, противоположную следствию, заключенному в главной части. В этом значении ясно выступает элемент противо-

поставления, свойственный сочинительным связям. Вот почему в конструкции с некоторыми уступительными союзами возможно употребление между придаточной и главной частью сочинительных союзов с противительным значением, например: 1) *Хотя было еще рано, но ворота оказались запертыми.* (Кор.); 2) *Как месяц ни свети, но все не солнца свет.* (Кр.); 3) *Хоть на дворе было сухо, однако у порога стояла грязная лужа.* (Л. Т.). Эти конструкции хорошо охарактеризовал А. М. Пешковский: «Здесь мы имеем простое смешение оборотов, так называемую «контаминацию», объясняющуюся близостью уступительного и противительного значений. Подчинение и сочинение здесь ясны, необычно только их сочетание в одной паре соотносящихся. Такие сочетания мы бы назвали подчинительно-сочинительными»¹. Может быть, поэтому данные конструкции стоят ближе к III-му типу.

II. Взаимоподчинительный тип

Этот тип характеризуется обязательным наличием в обеих частях средств связи (или союзов в обеих частях, или в одной части союза, а во второй других лексико-грамматических средств), очень тесной смысловой взаимообусловленностью, что создает своеобразную однородность частей, и невозможностью или трудностью выделения главной и придаточной части.

Этот тип распадается на два подтипа. Первый подтип характеризуется связью частей двойным союзом *чем-тем*, части которого сливаются со сравнительной степенью прилагательного или наречия. Своеобразие структуры обуславливает и характер значения частей — взаимообусловленность роста или снижения степени качества, например: 1) *Чем выше искусство, тем оно правдивее, утонченнее.* (Черк.); 2) *Чем ближе я подъезжал к дому, тем сильнее билось сердце.* (Акс.).

Второй подтип служит для выражения временных отношений «со значением близкого следования одного факта за другим в первой части и внезапного следования тех же фактов друг за другом во второй части» (А. М. Пешковский). Эти отношения выражаются следующими средствами: двойными союзами *лишь только — как, едва — как, только что — как* и т. п. или наличием слов *еще, уже, только, не* в первой части и союза *как* во второй части, например: 1) *Лишь только он вошел в оркестр театра, как оркестранты, встав со своих мест, шумно приветствовали его.* (Черк.); 2) *Едва я вступил в труппу, как мне была поручена заглавная роль в новой постановке — в «Дон-Кихоте».* (Черк.); 3) *Только что чайник повесили*

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении: Учпедгиз, изд. 6, стр. 417.

над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул. (Арс.); 4) Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круг (Г.); 5) Нехлюдов хотел уже выйти, как протяжный, влажный вздох изобличил хозяина. (Л. Т.); 6) Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. (П.); 7) Крестьянин ахнуть не успел, как на него медведь насел. (Кр.).

Взаимообусловленность частей создает их своеобразную однородность, а это является причиной возможного употребления для связи частей сочинительных союзов, например: *Не прошло еще и двух месяцев, а мой Алексей был влюблен уже без памяти. (П.).*

III. Подчинительно-сочинительный тип

Термин, обозначающий данный тип, является в значительной мере условным. Смысловые отношения частей в данном типе являются безусловно сочинительными, и только средства связи позволяют говорить об элементах подчинения. В эту группу входят конструкции с союзами *если-то, между тем как, тогда как, в то время как* и др. под. Многие из этих предложений омонимичны сложноподчиненным конструкциям и синонимичны сложносочиненным конструкциям. Основные отношения, выражаемые этими конструкциями, — это противопоставление с различными добавочными оттенками значений: уступления, условия, времени. Примеры: 1) *Если народонаселение во Франции уменьшается, то в СССР оно растет (Ср.: Там уменьшается, а у нас растет); 2) Изба как будто врастает в землю, между тем как стройные и гордые сосны высоко покачивают над нею своими головами. (Кор.). (Ср.: Изба как будто врастает в землю, а стройные и гордые сосны высоко покачивают над нею своими головами); 3) В длинной стволине порох воспламеняется весь до вылета дроби, тогда как в короткой он не успевает вспыхнуть. (Акс.) (Ср.: В длинной стволине порох воспламеняется весь до вылета дроби, в короткой же он не успевает вспыхнуть); 4) Оный дворянин... назвал меня публично... гусаком; тогда как известно всему Миргородскому повету, что сим гнусным животным я отнюдь не именовался. (Г.). (Ср.:...но сим гнусным...).*

IV. Относительно-присоединительный тип

Это единственный двучленный тип с относительным подчинением. Придаточная часть с относительным местоимением всегда занимает постпозитивное положение, относится ко всему главному предложению или, реже, к его части и выражает добавочные замечания, выводы, заключения, например: 1) *Тайга влияет на психику людей, что заметно было и по моим*

спутникам. (Арс.); 2) Милая мама, я — в Москве, жив и здоров, чего и Вам желаю. (Ч.); 3) Во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. (Ч.); 4) Его не было дома, почему я и оставил записку. (П.).

Смысловые отношения частей очень близки к отношениям, выражаемым сочинительными связями; это подтверждается возможностью очень близких синонимических конструкций сочинительного характера. Сравните: 1) *Тайга влияет на психику людей, и это заметно было и по моим спутникам;* 2) *Во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, и от этого образовалась яма.* Вот почему данный тип можно характеризовать как сочинительный по отношениям и подчиненный по оформлению.

Представляется возможным три последние типа (взаимоподчинительный, подчинительно-сочинительный и относительно-присоединительный) рассматривать как подтипы в составе одного, менее конструктивно-дифференцированного, типа, который можно было бы назвать сочинительно-подчинительным.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Акс.	— Аксаков С. Т.	Л. Т.	— Толстой Л. Н.
Арс.	— Арсеньев В. К.	М. Г.	— Горький А. М.
А. Н. Т.	— Толстой А. Н.	Н.	— Некрасов Н. А.
Г.	— Гоголь Н. В.	Н. О.	— Островский Н.
Гарш.	— Гаршин В. М.	П.	— Пушкин А. С.
Кор.	— Короленко В. Г.	Т.	— Тургенев Н. С.
Кр.	— Крылов И. А.	Фад.	— Фадеев А.
Купр.	— Куприн А. И.	Ч.	— Чехов А. П.
Л.	— Лермонтов М. Ю.	Ш.	— Шолохов М. А.
Л.-К.	— Лебедев-Кумач В. И.		

Я. И. РОСЛОВЕЦ

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ В ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вопрос об употреблении форм косвенных падежей имен существительных (субстантивированных слов и местоимений) с предлогами (предложно-падежных форм) в предикативной функции в современном русском языке. Этот вопрос связан с более широкой синтаксической проблемой изучения форм слов с точки зрения их сочетаемости друг с другом и функций в словосочетании и предложении.

Синтаксическое изучение форм слов имеет свои специфические задачи. Дело в том, что хотя синтаксические категории тесно связаны с морфологическими, они не совпадают, и то, что в морфологии объединяется системой присущей данной категории форм и выражаемых ими значений, в синтаксисе может разойтись по разным категориям и выполнять разные функции. Это особенно важно учитывать при изучении косвенных падежей имен существительных с предлогами, выражающих очень широкий круг и самых разнообразных грамматических отношений, что вызывает и многообразие их синтаксических связей и синтаксических функций. Предикативное употребление предложно-падежных форм есть один из случаев выявления их значений и синтаксических функций в составе предложения, а вместе с тем значений и грамматических функций самих предлогов. В научной и учебной литературе это грамматическое явление описано и освещено недостаточно, хотя в современном русском языке оно имеет широкое распространение¹.

¹ Наиболее полное описание случаев употребления «имен существительных в косвенном падеже с предлогом», или «предложно-именных сочетаний», в роли сказуемого в современном русском языке мы находим в «Грамматике русского языка» АН СССР, т. II, ч. 1-ая, 1954 (см. §§ 552—562). Описательный материал, поясняемый отдельными замечаниями и указаниями, содержится в соответствующих разделах в «Русском синтаксисе в научном освещении» А. М. Пешковского, в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова; из последних работ — в новых вузовских учебных пособиях по синтаксису русского языка под ред. Е. М. Галкиной-Федорук («Современный русский язык. Синтаксис», изд. МГУ, 1957) и А. Н. Гвоздева («Современный русский литературный язык», ч. II, Учпедгиз, 1958).

Для предикативного употребления предложно-падежных форм в современном русском языке характерно выделение двух групп таких форм, различающихся своими значениями и условиями употребления в предикативной функции: 1) предложно-падежные формы, предикативная функция которых возникает только в результате предикативных отношений, устанавливаемых между формами слов в составе предложения, 2) предложно-падежные формы, приобретающие значения и грамматические свойства, связанные с выражением предикативных отношений в двусоставном или односоставном предложении¹.

Как показывает анализ материала, предикативная функция предложно-падежных форм первой группы выводима главным образом из их непредикативных значений и связей в составе именного словосочетания. Так, форма родительного падежа с предлогом «без», будучи зависимым компонентом именного словосочетания, связывается с именем существительным и определяет, в соответствии с значением предлога «без», предмет по признаку отсутствия у него чего-либо, какого-либо качества или свойства и в предложении выполняет роль несогласованного определения. Как **стих без мысли** в песне модной, Дорога зимняя гладка (Пушкин, Евгений Онегин). Мой век — что **день без солнышка**, Мой век — что **ночь без месяца**. (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо). Будучи поставлена в предикативную связь, форма родительного падежа с предлогом «без», выражая то же значение, становится предикативной характеристикой лица или предмета и выступает в предложении в синтаксической функции сказуемого. «Ну как ей выбирать из этих женихов? Тот не в чинах, другой **без орденов**». (Крылов, Разборчивая невеста). «**Была без радостей** любовь, разлука **будет без печали**». (Лермонтов, Договор). Если в первых примерах признак, обозначаемый существительным, мыслится как **свойственный** предмету, форма родительного падежа с предлогом «без» является зависимым компонентом именного словосочетания, обозначающего единое, но расчлененное понятие (название предмета с выделением свойственного ему признака), то во вторых — как **приписываемый** предмету, иначе говоря, форма родительного падежа с предлогом «без» поставлена в предикативную связь, что, как известно, находит свое выражение в синтаксических категориях лица, времени и модальности. Грамматическим

¹ Ср. деление присвязочных членов на две группы, данное в книге «Современный русский язык. Синтаксис» под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, изд. МГУ, 1957, стр. 158: «Слова, употребляющиеся в составе именного сказуемого, делятся на две группы: 1) слова, употребляющиеся только в функции предикативного члена именного сказуемого, 2) слова, способные выполнять среди других синтаксических функций также функцию именного члена составного сказуемого».

средством выражения синтаксических категорий времени, лица и модальности являются предикативные формы глагола-связки (или ее значимое отсутствие), интонация и порядок слов (за исключением случаев инверсии, сказуемое, выраженное предложно-падежной формой, стоит всегда на втором месте).

Ср. также следующие примеры:

...в другом (углу) **люди** Они **были во фраках** и **белых галстуках** (Чехов, Закуска).
в превосходных **фраках** бросали легкие замечания...
(Гоголь, Невский проспект).

Перед домом **площадь со сквером** (Панова, Ясный берег). Дом у нас с **палисадничком** (Бианки, Приказ на снегу).

...прошла... знатный **хлопковод из Казахстана**. У Настасьи Петровны **закружилась голова** (там же). — Новый сосед? Очень приятно, не так скучно будет. Я **из Зарайска...** (Шолохов, Тихий Дон).

Таким образом, здесь мы имеем процесс преобразования функций форм слов в строе предложения, где одна и та же форма, не меняя своего значения, но в зависимости от ее отношения к другим словам, может выполнять функции разных членов предложения.

С точки зрения семантической сказуемые, выраженные предложно-падежными формами первой группы, будут указывать на внутренние и внешние признаки лица или предмета. Это дает основание для отграничения двусоставных предложений со сказуемым, выраженным предложно-падежной формой с нулевой связкой, от неполных (бессказуемых) предложений со второстепенным членом предложения, выраженным предложно-падежной формой. Ведь в этом случае (при отсутствии глагольной связки) показателем предикативной функции предложно-падежной формы может быть лишь ее предикативная связь с субъектом (т. е. обозначение предикативного признака лица или предмета), т. к. порядок слов и интонация не являются специфическим грамматическим средством выражения только предикативных отношений. Естественно, что если предложно-падежная форма имеет обстоятельное значение, она не может быть отнесена к субъекту (грамматическому подлежащему) и поставлена с ним в предикативную связь. Например: — А твоя мамаша сказала: ты **в театре** (Кочетов, Журбины). Точно также нельзя рассматривать глагол-сказуемое **быть** в предложении с такой

предложно-падежной формой как глагольную связку. Например: Ночью он был в Ягодном (Шолохов, Тихий Дон) ¹.

Отличительная особенность первой группы предложно-падежных форм состоит в том, что они представляют собою «свободные» сочетания предлогов с существительными в форме того или иного косвенного падежа в том смысле, что предлог не сливается с именем существительным, выявляя свое индивидуальное значение, а существительное не претерпевает каких-либо изменений в своем лексическом значении. Поэтому такие предложно-падежные формы, выступая в предикативной функции, различным образом, в зависимости от индивидуального значения и синтаксической функции предлога, характеризуют субъект (грамматическое подлежащее), указывая на его внешние и внутренние признаки. Обозначая предикативные признаки лица или предмета как их неизменные свойства, предложно-падежные формы первой группы употребляются только в качестве сказуемого двусоставного предложения и сочетаются с глагольной связкой **быть**.

В этой функции употребляются формы родительного, винительного, творительного и предложного падежей с различными предлогами.

Формы **родительного падежа** с предлогами «без», «из», «для», «с», «от», «вроде» и нек. др.

1. С предлогом «без» родительный падеж характеризует лицо или предмет, указывая на отсутствие у него чего-либо или отсутствие в нем какого-либо качества или свойства.

А иногда — кто **без греха?** Случалось драл и пастуха... (Крылов, Мор зверей). ...взгляд его **был без всякого значения...** (Гоголь, Невский проспект). Словом, все, на что ни глядел он, **было упористо, без пошатки**, в каком-то крепком и неуклюжем порядке (Гоголь Мертвые души). — Вот вы и рассудили, как и что, а сторож тот же мужик, **без всякого понятия**, хватает за шиворот и тащит... (Чехов, Злоумышленник). Лицо матовое, свежее, чистое, **без прыщиков, без морщин** (Фурманов, Чапаев). ...этот Вихров вдобавок **не без странностей** (Леонов, Русский лес).

2. С предлогом «из» родительный падеж, выражая генетические отношения, указывает: а) на происхождение лица или предмета в разных отношениях (в этом же значении употребляются и формы родительного падежа с предлогами

¹ Ср. в связи с этим след. замечание: «Конструкции из косвенных падежей только тогда являются составной частью именного сказуемого, когда этот член непосредственно характеризует, определяет само подлежащее, а не находится с ним в каких-либо иных отношениях» («Современный русский язык. Синтаксис» под ред. Е. М. Галкиной-Федорук, изд. МГУ, 1957, стр. 165).

«с» и «из-за») б) на материал, из которого сделан предмет, в) на качественный признак.

а) Если бы вы были здешняя, другое дело, а то **из-за Волги** (Гончаров, Обрыв). И когда (Федор) присматривался — видел, что большинство их **из крестьянства** и очень мало — из рядов городских рабочих. (Фурманов, Чапаев). — Новый сосед? Очень приятно, не так скучно будет. Я из **Зарайска**, — общительно заявил он, придвигая Григорию стул (Шолохов, Тихий Дон). — Я с **девятого участка**. У меня к вам два вопроса... (Ажаев, Далеко от Москвы). Главный агроном наш, Игнат Игнатович, — старый практик, **из давнишних украинских переселенцев** (Николаева, Повесть о директоре МТС...).

б) Окна в избенках **были из стекол** (Гоголь, Мертвые души). Ворота **были из мощных досок** с железными перекладинами... (Казакевич, Весна на Одере).

в) Мерси... Великолепная сигара! Почем такие за десяток? — Право, не знаю, но думаю, что **из дорогих...** гаванна ведь! (Чехов, В вагоне). [Любовь Андреевна] Она у меня **из простых**, работает целый день, а главное, вас любит (Чехов, Вишневый сад). Чапаев **был из тех**, с которым сойтись можно легко и дружно (Фурманов, Чапаев).

3) С предлогом «для» родительный падеж характеризует предмет, указывая на его назначение.

Этот сарай, между прочим, **был для декораций** (Симонов, Дни и ночи). Но и это бедное счастье **оказалось не для Насти** (Панова, Ясный берег).

4) С предлогом «от» родительный падеж, характеризуя предмет, может указывать: а) на отношение к лицу, организации, учреждению и т. п., б) на время (дату), обозначаемое количественно-именным сочетанием.

а) Николай взял два письма. Одно **было от матери**, другое **от Сони** (Л. Толстой, Война и мир). — Этот вопрос **от участка** или лично **от вас?** (Ажаев, Далеко от Москвы).

б) Было получено из Петербурга назначение мое товарищем прокурора. Назначение **было от двадцать третьего числа**. (Федин, Необыкн. лето).

5) С предлогом «вроде» родительный падеж характеризует предмет путем сравнения с предметом, обозначаемым именем существительным в родительном падеже.

Трактир **был что-то вроде русской избы...** (Гоголь, Мертвые души). Мое слово **будет вроде вступления**, — заключил Гречкин... (Ажаев, Далеко от Москвы).

Формы **винительного падежа** с предлогами «в», «с», «по».

1. С предлогом «в» винительный падеж количественно-именного сочетания характеризует лицо или предмет со стороны количественной, указывая на его размер, меру, объем и т. п.

На этой стороне — дома, уже взятые немцами, три больших дома, каждый **в полквартала** (С и м о н о в, Дни и ночи). Посреди города — мостовые, электрические огни и каменные дома, некоторые **были в два этажа**, а один даже **в три** (П а н о в а, Ясный берег).

2. С предлогом «с» винительный падеж характеризует предмет с количественной стороны, указывая на его приблизительный размер путем сравнения с другим предметом, обозначаемым именем существительным в винительном падеже.

Вот в Риме, например, я видел огурец... Поверишь ли? ну, право, **был он с гору** (К р ы л о в, Лжец). Гора хоть не гора, но, право, **будет с дом** (там же).

3. С предлогом «по» винительный падеж характеризует предмет с количественной стороны, указывая на его меру, границы распространения.

Речь идет о том болоте, Где война стелила путь; Где вода **была пехоте По колено**, грязь — **по грудь** (Т в а р д о в с к и й, Вас. Теркин).

Формы творительного падежа с предлогами «с», «под».

1. С предлогом «с» творительный падеж характеризует лицо или предмет со стороны его внутренних или внешних свойств, указывая на обладание чем-нибудь, каким-либо качеством или свойством.

Но окно тюрьмы высоко, Дверь тяжелая, **с замком** (Л е р м о н т о в, Узник). Этот рыцарь (Захар) **был со страхом** и **с упреком** (Г о н ч а р о в, Обломов). Попова каша — **с маслицем**, Попов пирог — **с начинкою**, Поповы щи — **с сметком** (Н е к р а с о в, Кому на Руси жить хорошо). В переносном значении, фразеологически: [Ф а м у с о в] Жаль, очень жаль, он малый **с головой...** (Г р и б о е д о в, Горе от ума). — Честно говоря, данные старые, **с бородой** (А ж а е в, Далеко от Москвы).

2. С предлогом «под» творительный падеж характеризует предмет со стороны внешних признаков, указывая на то, чем покрыт предмет.

Дом этот **был длинный и не под очеретною**, как у многих окружных помещиков, но **под деревянную крышей** (Г о г о л ь, Иван Федорович Шпонька...). Лампа **была зеленая, под абажуром** (П а н о в а, Ясный берег).

Формы предложного падежа употребляются с предлогом «в»; они характеризуют лицо или предмет со стороны внешних признаков и имеют два сходных значения: а) с существительными, обозначающими различные виды одежды, они указывают на внешний вид лица, его убранство, в значении: «быть

одетым в чем», б) с другими существительными они могут указывать на то, чем покрыт предмет, в значении: «быть покрытым чем».

а) Белокурый **был в** темно-синей **венгерке**, чернявый просто **в** полосатом **архалуке** (Гоголь, Мертвые души). Как Герасим, так и Любим, оба **в рубашах и портах** (Чехов, Налим). Он **в сандалиях и трусиках**, с непокрытой головой... (Панова, Ясный берег).

б) Червонец **был** запачкан и **в пыли**... (Крылов, Червонец). Ковры **были в пятнах** (Гончаров, Обломов). Я **не в серебре, Я не в золоте**, Жемчугами я Неувешана! (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо). Ее хорошенькая мордочка **была** вся **в слезах**. (Чехов, Теща-адвокат). Она **была** вся **в веснушках**... (Тихонов, Волш. бумажка).

Значительно реже встречается употребление предложно-падежных форм в предикативной функции, возникающее, по видимому, на основе глагольных словосочетаний в результате их эллиптического использования в составе предложения, что приводит к тому, что предложно-падежная форма становится в предикативную связь с субъектом (грамматическим подлежащим). С первой группой предложно-падежных форм их сближает значение: они также характеризуют предмет с разных сторон в соответствии с семантикой и синтаксическими функциями предлогов.

Формы **родительного падежа** с предлогом «против» характеризуют лицо, указывая на его отрицательное отношение к кому или чему-либо; с противоположным значением употребляется родительный падеж с предложно-именным сочетанием «на стороне», выполняющим функцию отыменного предлога; то же значение имеет предложно-именное сочетание «на стороне» с пояснительными словами, выраженными местоимениями.

Но Рогов доказал, что не причастен к этой истории и **был против нее** (Ажаев, Далеко от Москвы). Громадное большинство интеллигенции **на стороне Золя** и верит в невинность Дрейфуса (Чехов, Письма). ...всем сердцем Алексей **был на стороне Беридзе** и хотел знать конец объяснения (Ажаев, Далеко от Москвы). Симпатии слушателей **были** теперь всецело **на его стороне**... (Фурманов, Чапаев).

Формы **винительного падежа**: а) с предлогом «в» характеризуют предмет, указывая на его сходство, уподобление, вид превращения, б) с предлогом «за» характеризуют лицо, указывая на другое лицо, в роли которого — характеризуемый субъект выступает.

а) — Все не по-людски! — ворчала про себя бабушка. — Своенравная: **в мать!** (Гончаров, Обрыв). Там

в щебенку каждый камень, **в щепку** каждое бревно...
(Твардовский, Вас. Теркин).

б) Рекомендую вам запомнить, что я сейчас **за комбата** (Некрасов, В окопах Сталинграда). — Вместо меня там **за тракториста** жена моя **осталась** (Ажаев, Далеко от Москвы). — Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он **будет за пассажира!** (Бянки, Мышонок Пик).

Предложно-падежные формы второй группы отличаются от предложно-падежных форм первой группы прежде всего своей семантикой. Они выражают значения **качественного состояния** и близкие к ним **модально-оценочные** значения. В первом случае они указывают на пребывание лица или предмета в каком-либо качественном состоянии, в том числе и в состоянии каих-либо действий или деятельности (**в тревоге, в отчаянии, в отставке, в движении, за работой, на подъеме, при смерти, без сознания, вне опасности** и т. п. Во втором случае они выражают модальные значения возможности или невозможности (**не в силах, не под силу, не в состоянии, не до шутки**) или ими дается оценка лицу или предмету со стороны логико-смысловой или эмоционально-экспрессивной (**не к добру, не по вкусу, не у дел, не по правилам, в тягость**).

Таким образом, в отличие от первой группы предложно-падежных форм, обозначающих различные внешние и внутренние признаки — свойства и качества лица или предмета, вторая группа предложно-падежных форм связана с выражением значения качественного состояния и близких к ним модально-оценочных значений. Естественно, что если предикативная функция предложно-падежных форм, отнесенных к первой группе, была результатом приведения их в предикативную связь в составе предложения, и только в этом случае они становились предикативными характеристиками субъекта (грамматического подлежащего), то предикативная функция предложно-падежных форм второй группы вытекает прежде всего из их значений: возникающее на основе обобщения лексических значений имен существительных и синтаксических функций предлогов значение качественного состояния и модально-оценочные значения являются основанием для их предикативного употребления.

Предложно-падежные формы второй группы более многочисленны, в предикативной функции используются гораздо чаще, сочетаются с различными типами глагольных связок и выступают в составе не только сказуемого двусоставного предложения, но и односоставного (безличного) предложения. Среди них встречаются формы всех косвенных падежей с большинством простых и некоторыми производными предложениями.

Приведем вначале описательный материал. Заметим, что некоторые из рассматриваемых предложно-именных сочетаний носят фразеологический характер, являются образованиями наречного типа (**не к лицу, не с руки, не к спеху, не под силу, не в духе** и др.) и различными авторами квалифицируются то как наречия или наречные выражения, то как слова категории состояния, предикативы или предикативные наречия, то как устойчивые предложно-именные сочетания и т. п. Здесь они будут рассмотрены вместе с другими предложно-падежными формами со значением качественного состояния или модально-оценочными значениями на основе общности их синтаксических функций и происхождения, поскольку они так или иначе восходят к формам косвенных падежей имен существительных (или местоимений) с различными предлогами.

Формы **родительного падежа** с предлогами «до» (чаще всего с отрицанием «не» и только в качестве главного предикативного члена безличного предложения), «без», «с», «у» (также чаще всего с отрицанием «не»), а также «вне» и «против». Они выражают значения качественного состояния и модально-оценочные значения, напр.: **без памяти, без сознания, не без дела, не без пользы, не до шуток, не до смеха, с похмелья, не с руки, не у места, не у дел, вне закона, вне опасности, против правил** и т. п.

[Лиза] Однако нет, теперь уж **не до смеха...** (Грибоедов, *Горе от ума*). Во дни веселий и желаний Я **был от балов без ума...** (Пушкин, *Евгений Онегин*). Ну, так, я **празден, я без дела,** А ты **бездельник деловой** (Пушкин, *Эпиграмма*). Последние слова мои **были вовсе не у места...** (Лермонтов, *Тамань*). [Анна Андреевна] Ах, как хорошо! я **страх люблю таких людей!** я **просто без памяти** (Гоголь, *Ревизор*). [Вершинин] Подхожу, смотрю — дом наш **цел и невредим и вне опасности** (Чехов, *Три сестры*). Сейчас он **лежал без памяти,** но когда Поля **нащупала его рану...** (Тихонов, *Девушка*). — Ты **с похмелья?** — спросил Цветухин. — Я **не пью** (Федин, *Первые радости*). Кротких... при отборе во флотские школы **остался не у дел** (Соболев, *Воспитание чувств*). — Идите, мне **не до коров** (Панова, *Ясный берег*). Он (сорокопут) **пел красивые песни,** но мышонку **было не до них** (Банки, *Мышонок Пик*). **Не до них мне стало** (Николаева, *Повесть о директоре МТС...*).

Формы **дательного падежа** с предлогами «к», «по» (чаще всего с отрицанием «не»), выражающие главным образом модально-оценочные значения, напр.: **не к лицу, не к месту, не к спеху, не к добру, не ко двору, к лучшему, к счастью, не по душе, не по силам, не по сердцу, не по нраву, не по нутру, не**

по вкусу, не по карману, не по правилам, не по дороге, не по пути, не по мне и т. п.

Все к лучшему! — сказал я, присев у огня (Лермонтов, Бэла). Был ему по сердцу один человек... (Гончаров, Обломов). ...все это ему (Обломову) не нравилось, отталкивало его, было ему не по душе (там же). Но так как это не к спеху, то вам будет довольно времени для собирания (Гоголь, Письма). Но новатору эта покорность была не по нраву (Салтыков-Щедрин, История одного города). ...гуманная идея рассказа придется им по вкусу... (Чехов, Письма). ...а эти вздохи да ахи, которые вам не к лицу, бросьте (Чехов, Несчастье). [Любовь Андреевна] Она вас любит, она вам по душе... (Чехов, Вишневый сад). Впрочем, может быть это к лучшему (Чехов, Письма). — Ой, не к добру эта теплынь, мужики, — сказал Вершинин. — Быть дождю (Всеv. Иванов, Бронепоезд 14-69). Не до разговоров — тут речь не к месту (Фурманов, Чапаев). — Не хвались, не хвались, Василий Иваныч, это тебе не к лицу (там же). — Ась? Ласковый, гутаришь? Ну что ж, давай бог. Абы Наташке по душам был... (Шолохов, Тихий Дон). — Кoryто-то не по мне... — конфузился Григорий, заноса смугло-черную ногу (там же). Присутствие ее оказалось не к месту... (Федин, Первые радости). — Женщине-то, еще молодой да красивой, твои монастырские уставы не по силам (Кочетов, Журбины). Всего было много: и солнца, и ветров, и заморозков, и все не ко времени... (Николаева, Повесть о директоре МТС...).

Формы винительного падежа с предлогами «на», «в», «под», выражающие главным образом модально-оценочные значения, напр.: на (свой, старый и т. п.) образец, на подбор, в тягость, не во вред, в привычку, не в счет, не в убыток, не в диковинку, не под силу и др.

[Чацкий] Скажите, отчего? Приезд не в пору мой? (Грибоедов, Горе от ума). Но в них не видно перемены: Все в них на старый образец: У тетушки княжны Елены Все тот же тюлевый чепец... (Пушкин, Евгений Онегин). Никому не будет в тягость боле Буря чувств моих и жизнь моя (Лермонтов, Стансы). [Анна Андреевна] Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек... (Гоголь, Ревизор). [Тузенбах] Вы не в счет (Чехов, Три сестры). Ответа на этот вопрос он не находил, вернее — давно нашел, но ответ был не в его пользу (Кочетов, Журбины). — Все наше государство молодо, Илья Матвеевич. Однако молодость эта нам не в упрек (там же). Командиру все в привычку (Твардовский, Василий Тёркин).

Формы творительного падежа с предлогами «за», «под», выражающие значения качественного состояния, напр.: **за работой** (в значении «быть занятым работой»), **за инженером** (в значении «быть замужем за инженером»), **под ударом, под защитой, под судом, под влиянием** и т. п.

«Я приехал вам объявить сообщенное мне извещение, что вы **находитесь под судом** до времени окончания решения по вашему делу» (Гоголь, Мертвые души). Раньше она **была за почтмейстером** (Чехов, Крыжовник). Бузулук **был под ударом...** (Фурманов, Чапаев). ...но даже наше равенство в этой области **оказалось под сомнением** (Из газет).

Особенно многочисленны и разнообразны по семантическим оттенкам формы **предложного падежа** с предлогом «в». Они выражают главным образом значения качественного состояния; в этом же значении употребляются и формы **предложного падежа** с предлогами «на», «при», «по». В зависимости от лексических значений имен существительных они могут указывать:

а) на пребывание предмета в каком-либо **виде, форме** и вместе с тем качественном состоянии, напр.: **в целости, в сохранности, в порядке, в беспорядке, в чистоте, в запущении, на запоре, на замке** и т. п.

Он рад бы в первые тут прыгнуть ворота, Да то лишь горе, Что все ворота **на запоре** (Крылов, Волк и Кот). [Артемий Филиппович] Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом **запущении** (Гоголь, Ревизор). ...все **было прилично и в порядке** (Гоголь, Мертвые души). Это было то первое время кампании, когда войска еще **находились в исправности...** (Л. Толстой, Война и мир). Хмара вручил ей чемодан и подчеркнул: вещи **в неприкосновенном виде** (Ажаев, Далеко от Москвы). — Вот теперь, кажется, уже все в сборе, — сказал Женя Комаров (Носов, Витя Малеев...). Залкинд **был тоже при орденах** (Ажаев, Далеко от Москвы).

б) на пребывание лица или предмета в каких-либо **условиях, обстоятельствах, положении**, а вместе с тем качественном состоянии, напр.: **в беде, в нищете, в выигрыше, в отставке, в отпуске, в неизвестности, в осаде, в почете, в затруднении, на виду, на счету, на свободе, на учете, на примете, на заметке, при деньгах** и т. п.

Собака, Лев да Волк с Лисой **В соседстве** как-то жили... (Крылов, Лев на ловле). Теперь **в отставке**, был военный... (Грибоедов, Горе от ума). Вы еще **в опасности** (Пушкин, Капитанская дочка). Что ж ныне Меня преследуете вы? Зачем у вас я **на примете?** (Пушкин, Евгений Онегин). ...видно, у них вся водяная мо-

лодежь **была** уже на перече́те... (Лермонтов, Княжна Мери). Она **была не в убытке**, потому что запросила вчетверо против того, что стоит водка (Гоголь, Мертвые души). Он **был в затруднении**, о чем думать: о письме ли старосты... (Гончаров, Обломов). ...я на **замечании** (Чехов, Письма). Старики ноне **не дюже в почете**... (Шолохов, Тихий Дон). Как-то случилось, что Грубский **остался в одиночестве**... (Ажаев, Далеко от Москвы). Город наш **в осаде** (Тихонов, Семья. — Ты сюда не касайся, старик. Твой черед будет. Ты у меня на **заметке!** (Горбатов, Непокоренные). ...но в стрелковых ротах каждый боец **на счету** (Симонов, Дни и ночи).

в) на пребывание лица в состоянии каких-либо действий или деятельности, напр.: **в работе, в движении, в труде (в трудах), в занятиях, в хлопотах, в перестрелке, в бездействии, на посылках, на побегушках** и т. п.

Два дня мы **были в перестрелке** (Лермонтов, Бородино). Он (Штольц) **беспрестанно в движении**... (Гончаров, Обломов). — Так вот как: все **в трудах!** — говорил Обломов. — Работаете (там же). Весь день, большой и значительный, Батманов **провел в действии** (Ажаев, Далеко от Москвы). — Я ведь тоже с детских лет и день и ночь **в работе была**... (Гладков, Вольница).

г) на пребывание лица или предмета в состоянии каких-либо качественных изменений, напр.: **в разгаре, в огне, в прорыве, в разброде, на подъеме, на исходе, при смерти** и т. п.

[Лиза] Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесте. Подите, сердце **не на месте**... (Грибоедов, Горе от ума). [Судья] А деньги в кулаке, да кулак-то весь **в огне** (Гоголь, Ревизор). Деревенское утро давно прошло, петербургское **было на исходе** (Гончаров, Обломов). Близок час. Земля **в пожаре!** Подымайся, пролетарий! (Багрицкий, Дума про Опанаса). — Да и не может так случиться, чтоб участок... долго **находился в прорыве** (Ажаев, Далеко от Москвы). Пришел, смотрю, а там уже игра **в самом разгаре** (Носов, Витя Малеев...). В настоящее время колхозное животноводство **находится на подъеме** (из газет).

д) значение пребывания в каком-либо состоянии может являться указанием на различные (по значению имени существительного) **отношения лиц**, напр.: **в ссоре, в дружбе, в переписке, в разлуке, в (хороших, приятельских, натянутых и т. п.) отношениях, не в ладу (не в ладах), не в обиде, в заговоре, (быть, находиться) в состоянии войны, (состоять) в браке, (быть) на короткой ноге** и т. п.

Бабы, казалось, **были между собою в ссоре** и за что-то перебранивались. (Гоголь, Мертвые души). «Нет,

сооружай, брат, а я не могу, жена будет в большой претензии...» (там же). Так обе дамы и остались во взаимном нерасположении, по выражению городского света (там же). Вот уж год, как мы с ним находимся в натянутых отношениях. (Чехов, Скучная история). — Здорово, — старый у молодого в подчинении. (Ажаев, Далеко от Москвы). — Товарищ Тополев не будет на тебя в обиде за правду (там же). Нет, она не состояла с ним в родстве. (Леонов, Русский лес).

е) самым распространенным является значение указания на пребывание лица в состоянии каких-либо внутренних (душевных и физических) переживаний, напр.: не в духе, в восторге, в горе, в досаде, в волнении, в тревоге, в бреду, в жару, в беспокойстве, в смятении, в отчаянии, в кручине, в печали, в ударе, в забытии, в неистовстве, в сомнении, в сознании, в возбуждении, в обмороке и т. п.

[Графиня бабушка] Антон Антоныч! Ах! И он спешит, все в страхе, впопыхах (Грибоедов, Горе от ума). Все в изумлении. Ленский сам Не верит собственным глазам (Пушкин, Евгений Онегин). Я почему-то не в духе и пишу всем ругательные письма (Чехов, Письма). [Любовь Андреевна] Не дразните ее, Петя, вы видите, она и без того в горе (Чехов, Вишневый сад). Все было в тревоге и беспокойстве (Чехов, Каштанка). В одном из барачков лежали пять больных: трое в гриппе и два обморозившихся (Ажаев, Далеко от Москвы). Проценко был в приподнятом настроении (Симонов, Дни и ночи). Зато Масленников был в отличном настроении (там же).

ж) некоторые формы предложного падежа с предлогом «в» приобретают модальные значения, напр.: в состоянии, в силах, в праве и др., чаще с отрицанием «не»: не в состоянии, не в силах, не в праве. Они сочетаются с инфинитивом, образуя составное глагольное сказуемое.

— Игра занимала меня сильно, — сказал Герман, но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее (Пушкин, Пиковая дама). Ты мне помочь не в силах, А плакать не привык! (Лермонтов, Тростник). Тем лучше: я не в духе рассказывать (Лермонтов, Бэла). Но он (Наполеон) уже начал говорить, и чем больше говорил, тем менее был в состоянии управлять своей речью (Л. Толстой, Война и мир). — Так ему лучше бы домой пойти, тетя Паша. Или не в силах? (Тихонов, Зимней ночью).

Особое место занимают формы предложного и винительного падежей множественного числа с предлогом «в» существительных, обозначающих занятие, профессию, должность. Они выражают пребывание в обозначаемой существительным

должности, занятия, профессии (с предложным падежом) или вступление в обозначаемую существительным должность, занятие, профессию (с винительным падежом). Чаще всего они сочетаются с полнозначительными глаголами состояния или движения **служить, работать, жить, наняться, пойти** и др., образуя составные именные сказуемые, носящие фразеологический характер.

[Фамусов] Безродного призрел и ввел в мое семейство, Дал чин асессора и **взял в секретари...** (Грибоедов, Горе от ума). Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович **служил в кампанейцах**, был секунд-майором... (Гоголь, Старосв. помещики). ...Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по штатской, а верно **был в офицерах** и волочился за актерками (Гоголь, Мертвые души). Три года я, ребяташки, **жил у попа в работниках...** (Некрасов, Кому на Руси...) У меня у самого брат **в жандармах...** ежели хотите знать... (Чехов, Хамелеон). ...а после того, изволите знать, как в чистую вышел, **был в пожарных-с**, а после того... в мужской классической прогимназии **в швейцарах служил...** (Чехов, Унтер Пришибеев). [Шарлотта] Я выросла, потом **пошла в гувернантки** (Чехов, Вишневый сад). — Аксинья как? — Аксинья? Она **в горничных** теперь (Шолохов, Тихий Дон). ...разоренный пожаром, **нанялся в работни-**ки и, сдружившись с Гетьком, начал время от времени попить (там же). С Еленой рядом — Федор Клычков. Этот не ткач, вообще не рабочий... **Был в студентах...** (Фурманов, Чапаев). — Эх, Еленка, Тебе **бы в министрах быть** (там же). С этой шуткой-поговоркой, Облетевшей батальон, **Перешел в герои** Теркин... (Твардовский, Василий Теркин).

Таким образом, предложно-падежные формы второй группы характеризуются не только общностью значения, но и общностью синтаксической функции. Их употребление связано со структурой предложения, где они выполняют роль присвяточного члена составного именного сказуемого двусоставного или главного предикативного члена односоставного (безличного) предложения; некоторые из них выполняют роль модального глагола и, сочетаясь с инфинитивом, образуют составное глагольное сказуемое. Выражая значение качественного состояния и модально-оценочные значения, они, в отличие от предложно-падежных форм первой группы, сочетаются с различными типами глагольных связей, образуя разнообразные по своей структуре виды составного именного сказуемого.

Это не значит, что описанные выше предложно-падежные формы не могут употребляться в других синтаксических функ-

циях. Они могут выполнять также роль обстоятельств, дополнений и др., но при этом они будут выражать и другие отношения. Например:

К добру и злу постыдно равнодушны... (Лермонтов).

Здесь предложно-падежная форма **к добру** является в предложении косвенным дополнением и выражает объектные отношения. Ср. ту же форму в предикативной функции.:

— Ой, **не к добру** эта теплынь, мужики... (Всев. Иванов).

За работой он не заметил, как прошло время. Ему было поручено следить **за его работой**. Мы приехали к профессору рано утром, но Ипполит Иванович **был уже за работой** (из газет).

Здесь в первом предложении **за работой** выполняет обстоятельственную функцию и выражает причинные отношения с временным оттенком, во втором является дополнением и выражает объектные отношения, в третьем выступает в предикативной функции и указывает на пребывание лица в состоянии обозначенного существительным действия.

Ср. также следующие примеры:

Под ударом наших войск противник оставил ранее занятые им позиции и отступил. «Бузулук **был под ударом**» (Фурманов, Чапаев).

До занятий оставалось немного времени, и все вошли в аудиторию. «Понятно, что со всеми этими делами Шишкину **не до занятий было**» (Носов, Витя Малеев...).

Следовательно, и в этом отношении принципиальное отличие предложно-падежных форм второй группы от предложно-падежных форм первой группы будет состоять в том, что при употреблении в непредикативной функции первые будут менять и свои значения, тогда как вторые их сохраняют (см. об этом выше).

Если же значение предложно-падежных форм второй группы не меняется, то их непредикативные функции так или иначе связаны со структурой предложения или они выполняют функции, близкие или связанные с предикативными.

Так, предложно-падежная форма **к счастью**, когда она имеет модально-оценочное значение, может выступать в предикативной функции (Все это **было к счастью**) и в роли вводного слова (**К счастью**, погода изменилась, и мы могли двинуться дальше). Довольно многочисленная группа форм предложного падежа с предлогом «в», выражающих значение пребывания лица в состоянии каких-либо внутренних (душевных и физических) переживаний, выступая в роли обстоятельства, будет указывать одновременно и на состояние субъекта в мо-

мент совершения обозначаемого глагольным сказуемым действия.

Например:

...нестерпимый крик Раздался... хижина шатнулась и **Таня в ужасе проснулась** (Пушкин, Евгений Онегин). На серебряные шпоры **Я в раздумии гляжу** (Лермонтов, На серебряные шпоры). — Вот куда хватили! — **в изумлении сказал Обломов** (Гончаров, Обломов). **Невыразимов** отошел от форточки и **в тоске зашагал** по комнатам (Чехов, Мелюзга). **Неприятель в панике отступал**, не будучи... (Фурманов, Чапаев). — Да обувайся ты скорее! Чего возишься? — **в нетерпении воскликнул Давыдов** (Шолохов, Подн. целина). — Таиска я, не помнишь? — еще поразборчивей **назвалась она в надежде**, что ее имя... (Леонов, Русский лес). **Летчик откинулся в изнеможении** (Тихонов, Поединок).

Во всех этих и подобных примерах формы предложного падежа с предлогом «в» характеризуют действие, выраженное глаголом-сказуемым, выполняют, следовательно, обстоятельную функцию, но одновременно они указывают и на состояние субъекта в момент совершения действия. Синтаксическая роль форм предложного падежа с предлогом «в» в таких конструкциях, по-видимому, ближе к синтаксической роли деепричастий, чем к синтаксической роли наречий. Ср.:

Невыразимов отошел от форточки и **в тоске зашагал** по комнатам (Чехов). «Невыразимов отошел от форточки и, **тоскуя**, зашагал по комнатам». — Таиска я, не помнишь? — еще поразборчивей назвалась она **в надежде**, что ее имя... (Леонов). «Таиска я, не помнишь? — еще поразборчивей назвалась она, **надеясь...**» На это указывает и возможность обособления таких предложно-падежных форм. Например: Пастух у ручейка пел жалобно, **в тоске**, Свою беду и свой урон невозвратимый... (Крылов, Ручей). «Бейте его!» — кричал Ноздрев, порываясь с чершневым чубуком, **весь в жару, в поту**, как будто подступал... (Гоголь, Мертвые души). **В тоске безумных сожалений** К ее ногам упал Евгений (Пушкин, Евгений Онегин). Выйдя на улицу, **заметно в испарине**, он уже сам осведомился у спутницы... (Леонов, Русский лес).

Наконец, следует указать на двустороннюю смысловую и синтаксическую связь таких предложно-падежных форм в составе предложения. Указывая на состояние субъекта, они связываются с подлежащим, характеризуя же действие — с глаголом-сказуемым, при этом, что касается последней связи, то едва ли здесь возможно говорить даже о слабом управлении.

Во всяком случае, говоря об обстоятельственных функциях таких предложно-падежных форм, не следует, как нам кажется, отождествлять их с синтаксическими функциями наречий, ибо, как уже отмечалось, если предложно-падежные формы со значением качественного состояния не только характеризуют действие, но и указывают на состояние субъекта, то синтаксические функции наречий будут типично обстоятельственные. Нельзя не усматривать здесь и тонких семантических различий. Ведь **кричать в восторге, воскликнуть в нетерпении, глядеть в раздумии, зашагать в тоске** это не то, что **кричать восторженно, воскликнуть нетерпеливо, глядеть задумчиво, зашагать тоскливо**, а к словосочетаниям **проснуться в ужасе, проснуться не в духе, откинуться в изнеможении** невозможно дать синонимических глагольных словосочетаний с наречиями.

Таким образом, значение качественного состояния и модально-оценочные значения предложно-падежных форм второй группы и их предикативная функция как бы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Будучи употреблены в предикативной функции, они не получают значения качественного состояния и модально-оценочных значений, с этими же значениями их употребление связано со структурой предложения, главным образом с выражением предикативных отношений.

В этом сказывается их и структурно-семантическая и функциональная обособленность. Значение качественного состояния и модально-оценочные значения, являющиеся основанием для их предикативного употребления, возникают в результате развития в предложно-падежных формах все более отвлеченных значений.

Так, на основе пространственного значения предлога «в» с предложным падежом, указывающего на пребывание кого-либо, совершение действия или проявление признака внутри или в каких-либо пределах (**в шкафу, в лесу, в стране**) возникает значение пребывания лица или предмета в каком-либо качественном состоянии (**в исправности, в отчаянии, в горе, в отставке**), или иначе: значение пребывания внутри или в пределах чего-либо абстрагируется до указания на пребывание в каком-либо (по значению имени существительного) качественном состоянии. Вследствие отвлеченности значения всей предложно-падежной формы и значение предлога здесь становится все более отвлеченным, формальным. В формах предложного падежа с предлогом «в» со значением качественного состояния утрачивается первоначальное пространственное значение предлога «в», и он выступает здесь как формальное средство выражения грамматического значения качественного состояния.

То же самое мы наблюдаем и в других предложно-падежных формах. Родительный падеж имени существительного

«память» в сочетании с предлогом «без» (**без памяти**) вовсе не означает отсутствия памяти, а определенное состояние (Манилов... **был** от него **без памяти**. Гоголь, Мертвые души). В формах творительного падежа с предлогом «под» (**под угрозой, под ударом** и т. п.) предлог «под» также утрачивает свое конкретное пространственное значение, и они обозначают лишь состояние, при котором субъект подвергается действию, обозначенному именем существительным в творительном падеже (Бузулук **был под ударом**. Фурманов, Чапаев).

В этом и состоит одна из возможностей выражения предложно-падежными формами предикативных отношений. Она заложена в их семантике. В зависимости от лексического значения имени существительного одна и та же форма косвенного падежа с одним и тем же предлогом может различаться по своим значениям. Так, формы предложного падежа с предлогом «в» **в лесу и в бреду, в городе и в ссоре, в здании и в отчаянии** различаются по выражаемым ими отношениям в силу различий в лексических значениях имен существительных. Но отсюда вытекает и их разная синтаксическая функция.¹

С другой стороны, значение качественного состояния и модально-оценочные значения предложно-падежных форм являются не только результатом развития в них все более абстрактных значений, но и установления между предлогом и именем существительным фразеологических отношений. По существу все предложно-падежные формы со значением качественного состояния и модально-оценочными значениями находятся на разных ступенях фразеологизации (или лексикализации), чем они также отличаются от предложно-падежных форм первой группы.²

Этот процесс фразеологизации находит свое выражение:

1. В связи значений качественного состояния и модально-оценочных значений предложно-падежных форм только с определенными лексическими группами имен существительных, уже заключающих в своей семантике возможности для выражения таких значений (см., например, данный выше ана-

---

¹ Ср. в связи с этим следующие замечания А. М. Пешковского в «Русском синтаксисе в научном освещении», изд. 6-ое, 1938, стр. 239: «...предикативная роль предложно-падежного сочетания обуславливается преимущественно значением предлога, именно тем, что он не имеет здесь пространственно-временного значения, а всегда более отвлеченное (ср. на **на ходу и на крыше, в ссоре и в амбаре** и т. д.) Вследствие этого и глагол **был-буду** не может иметь значения нахождения, пребывания где-либо, а это и делает сочетание предикативным».

² В «Грамматике русского языка» АН СССР, т. II, ч. 1-ая, стр. 438 все употребляющиеся в функции сказуемого «имена существительные в косвенных падежах в сочетании с различными предлогами» делятся на «свободные, фразеологически не связанные предложно-именные сочетания» и «фразеологически устойчивые, по своему значению приближающиеся к наречию».

лиз значений употребляющихся в предикативной функции форм предложного падежа с предлогом «в»).

2. В разрыве семантических связей между предложно-падежной формой и именем существительным, т. к. значение предложно-падежной формы непосредственно может не соотноситься с лексическим значением данного имени существительного. Так, предложно-падежная форма **в ответе** (Мы с тобой за все **в ответе**. То-то, брат! А ты — кисет... Твардовский, Вас. Теркин) по функции соотносительна с предикативными формами глагола **отвечать** (ср.: **отвечать за кого-что** и **быть в ответе за кого-что**). **Быть в ответе** — это «быть в ответственности»; следовательно, семантически **в ответе** соотносительно не с существительным «ответ», а с существительным «ответственность» или с устойчивым глагольным сочетанием «держат ответ».

3. В приобретении большим количеством таких предложно-падежных форм образного, переносного (идиоматического) смысла, не вытекающего из прямого значения имени существительного и значения предлога, напр.: **не к лицу, не к месту, не с руки, не по душе, не по карману, не ко двору, (быть) на ногах, на заметке, не в себе** и мн. др.

4. В сочетании предлогов с существительными, не функционирующими в современном русском языке в свободном сочетании с другими словами (**не к спеху, в тягость, не в ладах, не по нутру** и нек. др.).

5. В сочетании предлогов с существительными только в форме множественного числа, которая однако не является здесь выражением категории множественности. Таковы, например, формы предложного и винительного падежей с предлогом «в», указывающие на пребывание (с предложным падежом) лица в какой-либо должности, профессии, занятии, звании или вступление (с винительным падежом) в обозначенную существительным должность, занятие, профессию, звание (**быть в няньках, служить в швейцарах, наняться в работники, пойти в учителя**). Поскольку эти формы не являются выражением категории множественности (ведь **быть в няньках, наняться в работники** не означает выражения множественного числа и равно по значению творительному или именительному предикативному единственного числа), постольку они уже не соотносительны с другими падежными формами таких существительных. Ср. также специфические значения предложно-падежных форм во множественном числе: **не в ладах, не в силах, на посылках, не до разговоров** и т. п.

6. В выражении некоторыми из таких предложно-падежных форм значения качественного состояния или модально-оценочных значений только вместе с пояснительными словами, напр.: **не в курсе дела, в порядке вещей, в расцвете сил, на**

должной высоте, в (хороших, приятельских, натянутых и т. п.) отношениях, на (свой, старый) образец и др.

Наконец, следует указать на специфические грамматические свойства предложно-именных сочетаний со значением качественного состояния и модально-оценочными значениями, связанные с их предикативной синтаксической функцией.

Отличительной особенностью предложно-именных сочетаний, выражающих главным образом модальные и модально-оценочные значения, является их сочетаемость с отрицанием «не». ¹ Таковы, например, формы родительного падежа с предлогом «до», выражающие состояние невозможности, внутренней нерасположенности к какому-либо действию (с отглагольными существительными); обозначенному именем существительным в родительном падеже (не до разговоров, не до шуток, не до занятий, не до чтения) или так или иначе связанному с обозначаемым именем существительным или местоимением лицом или предметом (не до уроков, не до книг, не до театра, не до философии, не до Пушкина, с местоимениями: не до тебя, не до них, не до того и т. п.). Например: Не до разговоров — тут речь не к месту (Фурманов, Чапаев). — Идите, мне не до коров (Панова, Ясный берег). Он (сорокопут) пел красивые песни, но мышонку было не до них (Бянки, Мышонок Пик). Только или преимущественно с отрицанием «не» употребляются, как это уже отмечалось, и многие другие предложно-именные сочетания, например: не без дела, не к лицу, не к добру, не ко времени, не по душе, не по вкусу, не по сердцу, не по нраву, не по дороге, не по себе, не по мне, не под силу, не во вред, не в убыток, не в пору, не в счет, не в силах, не в состоянии, не в духе, не в праве, не в ладу (не в ладах), не в себе, не с руки и др. Сюда же следует отнести предложно-падежные формы отрицательных местоимений ни к чему, ни при чем, ср.: нипочем.

Фразеологический, лексикализованный характер таких предложно-именных сочетаний очевиден. Он создается не только обязательностью их употребления с отрицанием «не», но и отвлеченным, формальным значением предлога, смысловой цельностью, переносным значением и специфичностью синтаксической функции.

Но дело не только в преимущественном или исключительном употреблении рассматриваемых предложно-именных образований с отрицанием «не». Отрицание «не» может быть при любой предложно-падежной форме. Например: Он поехал

¹ «Тот факт, — указывает А. В. Исаченко, — что именно отрицательные обороты попадают в круг предикативов, объясняется, по-видимому, тем, что значительной части предикативов свойственны модальные оттенки, а отрицание является одним из проявлений модальности в языке». (См. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология ч. 1, Братислава, 1964, стр. 381).

не на Кавказ, а на Дальний Восток. На занятиях он отсутствовал не по болезни. Он говорил не обо мне. Дело не в том, чтобы... Кто не с нами, тот против нас. Такое употребление «не» связано однако с определенным синтаксическими конструкциями, выражающими противопоставление, и «не» здесь выступает в собственно отрицательном значении. В сочетании же с предложно-падежными формами, выражающими значение качественного состояния и модально-оценочные значения, отрицание «не» вносит модальный оттенок невозможности, внутренней нерасположенности, отрицательной логико-смысловой или эмоционально-экспрессивной оценки, отрицательной характеристики качественного состояния.¹

В связи с возможностью выражения предложно-падежными формами модально-оценочных значений находится и их сочетаемость с инфинитивом. В этом случае, как уже указывалось, они выполняют роль модального глагола и образуют сложное или составное глагольное сказуемое. Они также чаще употребляются с отрицанием «не»: **не в состоянии, не в силах, не в праве** и др. Например: Ты мне **помочь не в силах**, А плакать не привык! (Лермонтов, Тростник). Тем лучше: **я не в духе рассказывать** (Лермонтов, Бэла). [Аркадина] Оставь меня! Ты и жалкого водевиля **написать не в состоянии** (Чехов, Чайка). Днем **соваться не с руки** (Твардовский, Василий Теркин).

Все это приводит к смысловому, структурно-семантическому и функциональному обособлению предложно-именных сочетаний со значением качественного состояния и модально-оценочными значениями от системы падежных форм и значений того или иного существительного и в разной степени (в зависимости от степени фразеологизации) сближает их со словами категории состояния (предикативами или предикативными наречиями).

¹ «В отрицании «не», — указывает В. В. Виноградов, — обнаруживается две основные модальности: а) контрастно-утвердительная: утверждается наличие противоположного отрицаемому качества, состояния или действия, реже — сильное ограничение признака, качества. Например: он не пьет и вообще хорошего поведения; он не дурак выпить; он меня не жалует и т. п.; б) чисто отрицательная с различиями в степени и энергии отрицания (например: ничуть не бывало; не бывать бы счастьем, да несчастье помогло; ни капельки не боюсь и т. п.)» (См. Русский язык, 1947, стр. 670—671).

Л. К. ЧИКИНА

СЛОВСОЧЕТАНИЯ НЕГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ЗАВИСИМЫМ НАРЕЧИЕМ.

Употребление словосочетаний неглагольных существительных с зависимыми наречиями — «несомненно, новый этап в эволюции грамматической системы русского языка в XIX—XX вв.»¹.

Неглагольные существительные неоднородны по своему значению, среди них можно выделить три основных группы: 1) существительные с конкретно-предметным значением (дом, стол, рука, глаза, пальто, день); 2) существительные, называющие лицо (юноша, девушка, старик, фантазер, герой); 3) существительные с отвлеченным значением, называющие различные качества, состояния, свойства (радость, грусть, правда, пустота, тишь и т. д.).

Существительные названных групп обладают различной способностью распространяться наречиями того или иного разряда. Поэтому при анализе словосочетаний учитывается принадлежность господствующего слова к одной из указанных выше групп существительных и принадлежность зависимого наречия к тому или иному семантико-морфологическому разряду, к той или иной группе внутри разряда.

Среди словосочетаний неглагольных существительных с наречиями можно выделить несколько структурных типов: а) словосочетания с качественно-обстоятельными наречиями в роли зависимого слова (яйца всмятку, пальто нараспашку, шапка набекрень, кофе по-варшавски); б) словосочетания с обстоятельными наречиями (дом напротив, путь домой, сад вдали, парк летом, город ночью, река осенью); в) словосочетания с количественными наречиями (совсем весна, почти ручей, совсем старик).. Так как словосочетания неглагольных существительных с наречием сравнительно «молодые» (см. выше), то изученный нами материал дает возможность наблюдать, как происходит образование новых типов словосочетаний в современном русском языке.

Некоторые лингвисты, касающиеся данного вопроса, высказывают мысль о том, что сочетания конкретно-предметных

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947 г., стр. 378.

существительных с наречиями получились в результате эллипсиса речи¹. Это правильно лишь отчасти. При образовании разбираемых словосочетаний взаимодействуют различные условия. Появлению их в языке способствует наличие словосочетаний глагольных существительных (т. е. имеющих общий с глаголом корень) с зависимыми наречиями. Синтаксическое функционирование господствующего существительного тоже играет определенную роль при образовании субстантивных словосочетаний с зависимым наречием: употребление неглагольных существительных в роли сказуемого или в полупредикативной функции способствует распространению этих существительных наречием. Так, например, происходит образование словосочетаний существительных, называющих лицо, с зависимыми количественными наречиями.

Большая роль при образовании словосочетаний неглагольных существительных с наречиями принадлежит семантическим связям господствующего существительного с другими частями речи, в особенности с глаголом. Однако следует отметить, что семантические связи, влияющие на образование субстантивных словосочетаний с наречиями, по своему характеру неоднородны. С одной стороны, семантические связи существительного с глаголом обусловлены общностью корня, например: ехать — поездка, спускаться — спуск, подниматься — подъем и др. В этом случае на образование субстантивных словосочетаний с зависимыми наречиями непосредственное влияние оказывают соответствующие глагольные конструкции: ехать домой — поездка домой, спускаться вниз — спуск вниз, подниматься вверх — подъем вверх.

С другой стороны, есть существительные, которые с глаголом словообразовательно не связаны, но выражают с ним одну семантическую идею, например, идею направления, движения, протяженности: ехать — дорога, идти — тропинка, спускаться, подниматься — лестница, ступеньки. Здесь уже семантические связи иного характера. В этом случае субстантивные словосочетания с зависимыми наречиями могут образоваться в результате контаминации с глагольными, например: **ехать туда и обратно — билет туда и обратно**, или образуются в результате взаимодействия с глагольными словосочетаниями, которое поддерживается соответствующими словосочетаниями с глагольными существительными в роли стержневого слова, например: спускаться вниз — спуск вниз и **тропинка вниз**; ехать домой — поездка домой и **дорога домой**; подниматься вверх — подъем вверх и **лестница вверх**.

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, М.—Л., 1941 г.
К. Т. Эйберг, Примыкание как тип синтаксической связи в современном русском языке, кандидатская диссертация, М., 1954 г., стр. 120.
В. М. Никитин, Обстоятельство и определение в их соотношениях. Уч. записки Рязанского пединститута, № 10, Рязань, 1955 г., стр. 148.

На образование словосочетаний разбираемого типа влияют и семантические связи господствующего существительного с прилагательным, в частности на образование словосочетаний с количественными наречиями (не совсем правда, немножко консерватор). Образование их происходит и в результате эллипсиса речи, например: шапка набекрень — шапка, надетая набекрень, дом напротив — дом, расположенный напротив. Широкое развитие определительных отношений между существительными, возникающее в результате «слабого» управления, тоже способствует образованию словосочетаний конкретно-предметных существительных с зависимым наречием. Отрыв предлога от управляемого слова и слияние его с существительным создают условия для перехода предложно-падежной формы в наречие. Так образовались словосочетания неглагольных существительных с рядом качественно-обстоятельственных наречий (платье в обтяжку, пиджак внакидку, глаза навывкате).

1. Словосочетания с качественно-обстоятельными наречиями в роли зависимого слова.

Эти словосочетания многочисленны и распространены. В роли зависимого слова могут выступать наречия различного образования: а) соотносительные с предложными и предложно-падежными формами прилагательных и существительных (шляпа набекрень, глаза навывкате, яйца вкрутую); б) соотносительные с прилагательными с приставкой по — (кофе по-гречески, чуб по-казацки); в) соотносительные с числительными (минуты наедине).

а) СЛОВСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ИЗ ПРЕДЛОЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Названные словосочетания самые многочисленные из всех словосочетаний с качественно-обстоятельными наречиями. Акад. В. В. Виноградов, характеризуя эти наречия, указывает, что некоторые из префиксированных наречий данной группы со значением сравнения, образа и способа действия сочетаются исключительно с именами существительными¹.

В роли господствующего слова в разбираемых словосочетаниях чаще всего выступают существительные с конкретно-предметным значением. С другими группами существительных подобные словосочетания представлены единичными примерами. Отношения между членами словосочетаний этой группы определительные или определительные с различными обстоятельственными оттенками.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, М.—Л., 1947 г., стр. 374.

Большинство словосочетаний с зависимыми наречиями названной группы семантически ограничено. Ограничение идет как по линии господствующего слова, так и по линии зависимого.

Так, группа существительных, называющих предметы одежды, образуют словосочетания с наречиями, которые указывают на способ ношения одежды: **шуба нараспашку, пиджак внакидку, шапка набекрень, рубаха навывпуск**. Определительные отношения в этих словосочетаниях имеют дополнительный обстоятельственный оттенок способа действия. В зависимости от лексического значения наречия происходит сужение круга существительных, которые выступают в роли стержневого слова. Наречия «нараспашку», «враспашку», «внакидку» распространяют существительные, называющие главным образом предметы верхней одежды: **пальто нараспашку, шуба нараспашку, шинель внакидку**.

«Размахивая шапкой, из толпы рабочих оторвался маленький старичок в черном **тулупчике нараспашку** и радостно сказал...» (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 20, ч. II); «Стоит наш богачей при студеной вечерней зорьке хмельной да покарябанный, **шуба враспашку** об одном рукаве, жалостно так просится к папаше моему в пошевни». (Л. Леонов, Русский лес, гл. 9, 1); «А он оказался совсем молодым пареньком в синих резиновых тапочках и лиловой футболке под **пиджачком внакидку**» (В. Катаев, Жена, гл. 6).

Наречие «нараспашку» употребляется и в переносном значении, образуя с существительным устойчивое сочетание «душа нараспашку».

«Я люблю людей — **душа нараспашку**, чтоб человек и по-работать как следует умел, и выпить бы в компании не дурак, и разговор чтобы хороший держать мог, и чужой разговор слушать, ну, а под подходящий случай чтоб и песню спел». (Б. Полевой, Мы — советские люди. Ночь под рождество).

Наречие «навывпуск» примыкает только к существительным, называющим предметы мужской одежды: **брюки навывпуск, рубашка навывпуск, шаровары навывпуск**.

«Он (Рябинин — Л. Ч.) быстрыми костлявыми пальцами расстегнул сюртук, открыв **рубаху навывпуск**, медные пуговицы жилета и цепочку часов, и быстро достал толстый старый бумажник». (Л. Толстой, Анна Каренина, ч. II, гл. 16);

«По песчаной улице бежал Гаврюшка с книжками в ремешках, одетый хорошо — в серое суконное пальто и **брючки навывпуск**». (Ф. Гладков, Вольница, гл. 30).

В современном русском языке число наречий, способных выступать в роли зависимого слова с названной семантической

группой существительных, увеличивается. Предложно-падежная форма «в обтяжку», оторвавшись от своей парадигмы, перешла в наречие. Семантически близкое к разобранным выше наречиям, оно тоже определяет существительные, называющие предметы одежды. Словосочетания с этим наречием встретились нам только в произведениях советских писателей.

«Нас перегоняли новенькие пролетки с аккуратненькими лошаdkами или верховые, тоже не виданные мною никогда: парни в лаковых сапожках и **штанах в обтяжку**, а девки в длинных юбках и шляпах плоской». (Ф. Гладков, Вольница, гл. 1).

Те же отношения, что и в разобранный выше группе словосочетаний, отмечаются и в словосочетаниях с наречием «набекрень». В роли господствующего слова в словосочетаниях с этим наречием выступают существительные, называющие головные уборы, наречие указывает на способ их ношения: **берет набекрень, шапка набекрень, кубанка набекрень, кепка набекрень**.

«На углу тротуара, в коротком модном пальто, с короткою модною **шляпою набекрень**, сияя улыбкой белых зуб между красными губами, веселый, молодой, сияющий, стоял Степан Аркадьевич, решительно и настоятельно кричавший и требовавший остановки». (Л. Толстой, Анна Каренина, ч. 4, гл. 6). «Гаршин стоял рядом с нею — высокий, ладный, в бекеше, которая очень шла ему, и в белой **кубанке набекрень**». (В. Кетлинская, Дни нашей жизни, ч 1).

Наречие «набекрень» может употребляться и переносно, образуя метафорические словосочетания: **мозги набекрень, конфорка набекрень**.

В словосочетаниях с этим наречием можно предположить эллипсис речи (опущение глагола или причастия). Это имеет место и в словосочетаниях, разобранных раньше. Но там, наряду с эллипсисом, определенное влияние оказывает и «слабое» управление. Это особенно заметно в словосочетаниях с наречием «в обтяжку».

Группа существительных, дающих названия тем или иным отрезкам времени, распространяется наречиями, которые показывают, в какой мере используется данный отрезок. Отношения в них определительные: **вечера напролет, сутки напролет, ночь напролет, недельку подряд, десятилетия подряд**.

«Поезда так же внезапно застревали на каком-нибудь разъезде и стояли **ночами напролет...**» (К. Федин, Необыкновенное лето, гл. 1). «Оно начинается с паденьем крепостного права, и потом **десятилетия подряд** вся тогдашняя Россия охвачена как бы холодным лесным пожаром». (Л. Леонов, Русский лес, гл. 7, 2).

Наречия, выступающие зависимыми словами в разбираемых словосочетаниях, в большей мере сохраняют качественное значение, поэтому в составе словосочетаний у них развивается дополнительный оттенок в значении — значение меры. Определяя существительные, они указывают на полный охват данного отрезка времени и сближаются по значению с наречиями «полностью», «целиком». Синонимичными данным словосочетаниям являются словосочетания с местоименным словом «весь», функционально сближающимся с наречием, сравните: **ночь напролет — всю ночь, день напролет — весь день**; с прилагательным «целый» (**десятилетия подряд — целые десятилетия, неделку подряд — целую неделю**). Эти словосочетания встречаются только в произведениях современных писателей, в произведениях писателей XIX в. подсобных словосочетаний нет. Связь между компонентами в словосочетаниях с наречиями «напролет», «поряд» тесная, чувствуется известная фразеологизация.

Семантически ограничены и словосочетания с наречиями «наперевес», «наизготовку», «наготове», «наголо». В роли господствующих слов здесь выступают существительные, называющие оружие. Причем, первые три наречия примыкают к существительным, называющим огнестрельное оружие, последнее — к существительным, называющим холодное оружие: **двустволка наперевес, автомат наизготовку, пистолет наготове, сабля наголо**.

Определительные отношения между членами этих словосочетаний имеют дополнительный обстоятельственный оттенок образа действия.

«Со мной сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге». (А. Пушкин, Повести, стр. 345); «В лучах догорающего солнца мы видели красноармейцев, наши шашки, наши шинели, наши **штыки наперевес**». (А. Бек, Волоколамское шоссе, ч. I); «Не только фигура немецкого солдата с **автоматом наизготовку**, стоящего у окна, даже тень у солдата была словно вырезана на снегу». (А. Фадеев, Молодая гвардия, ч. II, гл. 63).

Связь между компонентами в словосочетаниях с наречиями «наголо», «наготове» и др. тесная, близка к фразеологизации. Чаще всего господствующее существительное в этих словосочетаниях стоит в форме творительного падежа единственного и множественного чисел. Однако, как видно из примеров, оно может выступать и в других падежах. Словосочетания с этими наречиями только складываются.

Отдельные словосочетания существительных конкретно-предметного значения с качественно-обстоятельными наречиями имеют очень тесные связи между компонентами. Это сказывается в том, что наречие соединяется только с одним, определенным существительным и не употребляется в роли за-

зависимого слова в словосочетаниях с другими частями речи. Сюда относятся словосочетания **«глаза навывкате», «брови вразлет», «усы вразлет»**. Отношения между членами словосочетания определительные. Наречие дает качественную характеристику предмету, называет его признак.

«Она (тетя Настя — Л. Ч.) слушала, прихмуривая каштановые **вразлет брови**». (А. Караева, Родной дом, гл. 10); «Мясистый, темнобагровый нос, серые **усы вразлет** и борода двумя клочьями торчали из-под широкого, низко надвинутого козырька устрашающе властно и грозно». (Ф. Гладков, Лихая година, гл. 10).

Подобные же связи между компонентами имеют место и в словосочетании «девушка на выданьи». Существительное «выданье» утратило все падежные формы, лексикализовалось. Чаще всего оно употребляется в предикативном значении. Иногда выступает и в значении наречия. В значении наречия оно распространяет существительное женского рода со значением лица, давая ему качественную характеристику. К другим частям речи в этом значении оно не примыкает.

«Часто собирают всю родню на совет и начинают перебирать всех знакомых **девушек на выданьи**». (Тамбовский фольклор, стр. 213); «... И Мальва под окном — пышнотелая, мясистая, розовощекая, как красивая и гордая деревенская **девушка на выданьи**». (Б. Горбатов, Донбасс, гл. 1).

В разобранных выше словосочетаниях господствующими словами являются существительные с конкретно-предметным значением, очень редко — существительные, называющие лицо. В современном русском языке наречия данного образования могут распространять и существительные с отвлеченным качественным значением, но словосочетания с этой группой существительных менее продуктивны. Отношения между членами в них определительные: **трусость в одиночку, мстительность исподтишка**.

«Вообще физиономия этого красивого господина тоже говорила «не тронь меня»; в ней, видимо, преобладали цинизм и половая чувствительность, мелкая завистливость и злобная **мстительность исподтишка**». (Н. Лесков, Некуда, кн. 2, ч. IV); «И вы прекратите свою проповедь против **трусости в одиночку** и за общую трусость всей армии, всей России». (К. Федин, Необыкновенное лето, гл. 8).

Словосочетания с качественно-обстоятельными наречиями продуктивны. В современном русском языке они пополняются за счет словосочетаний, где в роли зависимого слова выступает предложно-падежная форма, стоящая на пути перехода в наречие. Новые субстантивные словосочетания с «на-

речными сочетаниями» употребляются только в произведениях советских писателей.

«Встреченные пулеметным **огнем в упор**, мятежники круто повернули обратно». (М. Шолохов. Тихий Дон, кн. 4, ч. 8, гл. 10); «Может быть, своей нежностью, мягкостью, беспокойством и мольбой в доверчивых глазах мать пленила ее, и она решила, что нашла себе **подругу по душе**». (Ф. Гладков, Вольница, гл. 18).

Существительные, называющие лицо, наречиями подобного образования, как правило, не распространяются, исключая словосочетание «девушка на выданьи». Но наречия, соотносительные с творительным падежом существительных, могут распространять как существительные с конкретно-предметным значением, так и существительные, называющие лицо: **шерсть дыбом, дым столбом, сани тройкой, ребята верхом**. Определительные отношения в некоторых из этих словосочетаний соединяются с отношениями сравнения:

«У них (берлинцев — Л. Ч.) такие же **груды «колесом**» и деревянные лица, как у военных». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, ч. IV, т. 22, стр. 12).

«Скачет по шпалам черноногий оборванный мальчишка с **волосами ежиком**, подбирает то окурок, то корочку хлеба...» (А. Коптяева, Иван Иванович, ч. II, гл. 16);

В некоторых словосочетаниях определительные отношения соединяются с обстоятельственными отношениями образа действия: **сани тройкой, коляска четверней**.

«В прекрасный зимний день ему вздумалось прокатиться в санях по Невскому: за Аничковым мостом его нагнали большие **сани тройкой**, поравнялись с ним, хотели обогнать» (А. Герцен, Кто виноват? ч. 1, гл. 6). «По широкой, обсаженной деревьями, большой бесшоссейной дороге, слегка погромыхивая рессорами, шибкою рысью ехала высокая голубая венская **коляска цугом**». (Л. Толстой, Война и мир, т. 4, ч. III).

В словосочетаниях с главным словом-существительным, называющим лицо, отношения чисто определительные. Но подобные словосочетания в изученных произведениях представлены единичными примерами.

«В займище возле высохшего тополя их ожидали конные: сотник Листницкий на поджарой красавице — кобылице и человек семь хуторских **ребят верхами**». (М. Шолохов, Тихий Дон, кн. 1, ч. 1, гл. 8).

Образование этих словосочетаний находится в тесной связи с субстантивными словосочетаниями, в которых в роли зависимого слова выступают существительные в творительном падеже без предлога. Характер отношений между членами

словосочетаний в обеих группах одинаков. Сравните с разобранными выше: **бородка клинышком, воротник шалью, шляпа грибом, шапка пирожком** и под.

Выше мы разбирали двусловные субстантивные словосочетания с зависимым наречием. Но среди словосочетаний этого типа имеют место и сложные словосочетания. Сложные словосочетания образуются в результате распространения существительного наречным словосочетанием. Необходимым структурным элементом в них выступают зависимые от наречия существительные в творительном падеже с так называемым комитативным значением. Отношения между компонентами в этих сложных словосочетаниях определительные: **хлеб наполювину с опилками, хлеб вприкуску с яблоком, дождь пополам со снегом**. Словосочетания данного структурного типа отмечены нами только в произведениях советских писателей, в произведениях XIX в. не встречено ни одного примера.

«Земли не достать. Мягкий снег пополам с водой, беда!» (А. Коптяева, Иван Иванович, ч. II, гл. 54). «Но хоть и мельком, он заметил добротность хитонов, обмазанных снаружи глиной пополам с навозом». (А. Коптяева, Иван Иванович, ч. II, гл. 41).

Подобные словосочетания могут образовать и существительные с качественным значением. Не образуют их только существительные, называющие лицо, в силу лексического значения зависимого наречия.

«Легкая оторопь пополам с изумлением охватила Ивана Матвеевича по прочтении первых же строк...» (Л. Леонов, Русский лес, гл. 15, 3); «... даже не посмела сама стереть с его лица грязь пополам с испариной страданья». (Л. Леонов, Русский лес, гл. 13, 2).

Неглагольные существительные могут распространяться и наречными выражениями. Отношения между членами словосочетания здесь определительные: **человек так по себе, генерал с головы до ног, агроном до мозга костей, герои без пяти минут, энтузиасты до мозга костей**.

В роли господствующих слов в этих словосочетаниях чаще всего выступают существительные, называющие лицо. В разбираемых словосочетаниях наречные выражения дают этим существительным качественную характеристику.

«Я понемногу становлюсь похож на человека так себе, не хорошего, но и не дурного». (Н. Чернышевский, Что делать?, ч. 1); «На последней скамье сидели зажиточные. Во втором ряду — хозяйва «так себе» и те, которые «при церкви». (С. Сартаков, Хребты Саянские, кн. 3, ч. II, гл. 1); «Пошли домой, герои без пяти минут!...». (Б. Горбатов, Донбасс, гл. 18).

Образование данных словосочетаний, видимо, началось в рамках предложения и первоначально только существитель-

ные в предикативной функции допускали примыкание к ним наречных выражений. И в современном русском языке употребляются подобные словосочетания чаще в том случае, когда господствующее существительное выступает в предикативной или полупредикативной функции.

«Он был агроном до мозга костей, горячо любил колхозное дело и свою профессию и никогда не думал менять ее ни на что другое». (В. Овечкин, С фронтовым приветом, гл. 1); «Строителям, созидателям до мозга костей, чужда и противна самая мысль о том, что то, что они с такой любовью, с такой радостью и верой создают, когда-нибудь, пусть хотя бы и через многие века, устаревает, обветшает, превратится в прах» (Б. Полевой, Современники, стр. 166).

Синонимичны словосочетаниям с наречными выражениями словосочетания с зависимыми прилагательными: человек себе на уме — хитрый человек; хозяйева так себе — средние хозяйва; генерал с головы до ног — настоящий генерал.

б) СЛОВСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ, СООТНОСИТЕЛЬНЫМИ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ С ПРИСТАВКОЙ ПО-

Словосочетания этой группы в современном русском языке довольно многочисленны, но по количеству и продуктивности уступают словосочетаниям, разобранным выше.

Словосочетания с наречиями названного образования семантически ограничены как со стороны господствующего слова, так и со стороны зависимого. В роли господствующего слова в словосочетаниях разбираемой группы могут выступать существительные с конкретно-предметным значением и существительные, называющие лицо. В роли зависимых слов совершенно не выступают наречия типа «по-заячьи». Наречия типа «по-новому» распространяют неглагольные существительные только в рамках предложения.

Значит, образовать словосочетания с господствующими существительными могут лишь наречия с по- на -ски, -цки. Однако следует отметить, что не все наречия и на-ски, -цки могут выступать в роли зависимого слова. Наречия на -ски, -цки, близкие по значению к качественным, имеющие соотносительные формы без по-, типа по-дружески (дружески), по-братски (братски) не распространяют неглагольные существительные. Отношения в этих словосочетаниях чисто определительные или определительные с обстоятельственными оттенками. Чаще всего наречия с по- на -ски, -цки примыкают к существительным, являющимся названиями блюд. В роли зависимого слова выступают наречия, образованные от относительных прилагательных с названием места или национальности в основе. Определительные отношения в этих словосоче-

таниях имеют добавочный сравнительно-уподобительный оттенок. Подобные словосочетания отмечены нами только в произведениях советских писателей, но употребляются они довольно часто.

«Гаршин шел по залу как завсегдагай, здороваясь с официантами: кому-то мигнул, кого-то поторопил — и вот уже они сидят в глубине зала за столиком... и Гаршин заказывает **шашлык по-карски**... (В. Кетлинская, Дни нашей жизни, ч. 1, гл.). «Мякоть надо рубить деревянным ножом, и никаким другим. Тогда-то и получится настоящая баклажанная **икра по-одесски**». (В. Катаев, За власть Советов, ч. 1, гл. 2); «Они обедали в греческой кофейне, пили кофе **«по-гречески»** (раньше он назывался **«кофе по-турецки»**). (Л. Никулин, Московские зори, Перед рассветом, гл. 9).

Сравнительно-уподобительный оттенок в отношении между членами этих словосочетаний заметно отличает их от словосочетаний с прилагательными в роли зависимого слова. Сравните: **одесская икра** и **икра по-одесски**. В роли зависимого слова в этих словосочетаниях могут выступать и наречия с **по-на -ому (-ему)**, семантически близкие названному выше, например: **кофе по-восточному**.

Наречия данного образования могут распространять конкретно-предметные существительные и с другим значением: **Гофман по-французски**, (**«мирные»**) **цели по-американски**, **чернильницы по-соседски** (А. Макаренко), **чуб по-казацки**, **хозяйство по-казацки**. Эти словосочетания отличаются от разобранных выше и характером отношений между компонентами. Отношения в них чисто определительные.

Например:

«Тут были все энциклопедисты — и Расин с Корнелем, Монтескье, Макиавели, Вольтер... и Сумароков с Державиным, и Вальтер-Скотт, и знакомый «Освобожденный Иерусалим», и **«Илиада» по-французски**, и Оссиан в переводе Карамзина...». (И. Гончаров, Обрыв, ч. 1, гл. 10); «Среди дешевых брошюр, как баржа между лодчонок, плавала фундаментальная теория чисел и вдруг — немецкий перевод походов Казановы, и немец **«Гофман по-французски»**... (К. Федин, Необыкновенное лето, гл. 33).

Сочетания с наречиями с **по-на -ому, -ему**, соотносительные с прилагательными и местоимениями, немногочисленны; как отмечалось выше, они ограничиваются рамками предложения. Данные словосочетания возможны только в том случае, когда господствующее существительное выступает в полупредикативной функции. В роли господствующего слова здесь могут быть существительные с конкретно-предметным значением и существительные, называющие лицо.

«Довольно толково он (дед Миней — Л. Ч.) распространялся, на какие породы теперь спрос пойдет по крестьянскому делу; клен на топорщица да щербенки... а ильмовое дерево, **лемнек по-тамошнему, на устюжины...**» (Л. Леонов, Русский лес, гл. 17, 5). Потом появился Астафьев, помощник начальника штаба по оперативной части — **ПНШ-1 по-нашему**. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, ч. II, 17).

Наречия с **по-**, соотносительные с прилагательными, могут распространять и существительные — названия лиц. Словосочетания эти отмечены лишь в произведениях писателей XX в. и чаще всего ограничены рамками предложения: наречия распространяют существительные, дающие качественную оценку лицу, в большинстве случаев тогда, когда существительное несет в предложении предикативную функцию. Однако отдельные примеры говорят о том, что уже происходит выделение разбираемых словосочетаний из рамок предложения.

Отношения между членами этих словосочетаний чисто определительные: **марксист по-русски, по-прежнему шалун, дурочка по-другому, Линек по-улишному**.

«Не нужно быть большевиком, **марксистом по-русски**, анарх-марксистом для того, чтобы видеть: власть крупных собственников становится пагубной, разрушающей, а не творящей». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 22, ч. IV, стр. 505).

«...и тем часом идет по плацу старик — **Линек по-улишному**». (М. Шолохов, Тихий Дон, кн. 3, ч. 6, гл. 39).

в) СЛОВСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ, СООТНОСИТЕЛЬНЫМИ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ

Словосочетания названной группы немногочисленны и малопродуктивны. Встречаются они как в произведениях писателей XIX в., так и в произведениях современных писателей. Но круг существительных, выступающих стержневыми словами в них, не расширяется. В изученных нами произведениях в роли господствующих слов разбираемых словосочетаний выступают только существительные с конкретно-предметным значением, называющие отрезки времени, и некоторые существительные с отвлеченным значением: **часы вдвоем, урок наедине, одиночество вдвоем**. Отношения между компонентами в словосочетаниях определительные.

«— Нет, я так рада случаю побыть с тобой наедине, и признаюсь, как ни хорошо мне с ними, жалко наших зимних **вечеров вдвоем**». (Л. Толстой, Анна Каренина, ч. 6, гл. 3); «Но я бесконечно, вся благодарю тебя за эти **часы вдвоем**». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 19, ч. 1, стр. 245); «Самгин и Варвара стояли у борта,

испытывая сладость одиночества вдвоем. (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 20, ч. II, стр. 278).

Наречия «наедине», «вдвоем» в силу своего значения могут распространяться существительными или местоимениями в творительном падеже с предлогом «с» с комитативным значением. Таким образом, среди данной группы словосочетаний могут быть и сложные.

«Никому, разумеется, не надо было знать, что к мучительному страху за отца прибавилось все пережитое в этот короткий, полный противоречивых событий вечер... от поразившего известия об отъезде Кирилла до тех минут наедине с ним, которые сделали Аночку и Кирилла счастливым достоянием друг друга навсегда». (К. Федин, Необыкновенное лето, гл. 38). «Праздничность июльских вечеров наедине с Тинной, кротость божьей коровки — все разом хрустнуло под грузом тонкого листа бумаги». (Г. Николаева, Битва в пути, гл. 19).

2. Словосочетания с обстоятельственными наречиями

Словосочетания неглагольных существительных с обстоятельственными наречиями широко распространены, продуктивны. В роли господствующего слова здесь могут выступать существительные всех названных выше групп: существительные с конкретно-предметным значением (**дорога домой, дом напротив, парк летом**); существительные, называющие лицо (**люди вокруг, критик поневоле, ныне художник**) и существительные с отвлеченным качественным значением (**пустота наверху, неизвестность впереди** и др.). В роли зависимого слова совершенно не встретились наречия цели, наречия причины тоже очень редко распространяют неглагольные существительные. Наиболее многочисленны и продуктивны словосочетания с пространственными наречиями: **окно напротив, река внизу, садикazole, дорога домой, тропинка вниз**. По численности и продуктивности им значительно уступают словосочетания с наречиями времени: **Москва сегодня, береза летом, ныне пенсионер**.

а) СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМИ НАРЕЧИЯМИ

Многочисленные и продуктивные словосочетания этой группы являются сравнительно «молодыми». Акад. В. В. Виноградов указывает, что со 2 половины XIX в. «начинает быстро развиваться особый тип словосочетаний, состоящих из существительных конкретно-предметного значения и употребляемых в определительной функции наречий пространственного значения»¹. Следует добавить, что пространственные наре-

¹ В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, ж. «Вопросы языкознания» № 3, 1954 г., стр. 17.

чия могут свободно выступать в роли зависимого слова и в словосочетаниях с существительными, называющими лицо. Вообще словосочетания с пространственными наречиями по линии господствующего слова чаще всего не ограничены. В роли зависимых слов не выступают только наречия, словообразовательно соотносительные с качественными — **глубоко, высоко, далеко** и др. Наречия других образований свободно входят зависимыми компонентами в субстантивные словосочетания.

Отношения между членами данных словосочетаний определительные с обстоятельственным пространственным оттенком. По значению, вносимому наречиями в словосочетания, все словосочетания можно разделить на несколько групп.

1. Словосочетания с наречиями места.

Наречия в этих словосочетаниях, определяя существительные, указывают на местонахождение предмета или лица: **полоска поверху, мостик невдалеке, рогатка наверху, садик наискосок, кабинет рядом**. Наиболее продуктивны здесь словосочетания с конкретно-предметными существительными в роли господствующего слова.

«— Я, сударь, садовник! Вон оттуда — он показал **на сад вдали**». (И. Гончаров, Обрыв, ч. II, гл. 14); «В отворенную дверь Розанов увидел еще большую комнату, с диваном и большим **письменным столом посредине**» (Н. Лесков, Некуда, кн. II, гл. 15); «По фасаду **дома напротив** ползет отсвет фонаря». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 20, ч. II, стр. 400).

В роли стержневого слова в словосочетаниях с наречиями места выступают и существительные с отвлеченным качественным значением. В этих словосочетаниях наречия, определяя существительные, указывают на место проявления признака, названного существительным: **неизвестность впереди, пустота наверху, глубина внизу, радость впереди**.

«Пусть охладился пыл страсти, но она (Вера — Л. Ч.) дружески могла проститься с ним, подтвердила бы ему, что не мирится с бездной **неизвестности впереди**, с его мирозерцанием, — и они разошлись бы, уважая друг друга». (И. Гончаров, Обрыв, т. 6, ч. V гл. 17); Блестящие латунные перильца и молчаливая **пустота наверху** словно отшвырнули меня назад». (Ф. Гладков, Вольница, гл. II).

Немногочисленны, но возможны словосочетания с главным словом существительным, называющим действующее лицо. Отношения в словосочетаниях этой группы определительные.

«Прелестный вид, представившийся глазам его, был общий, губернский, форменный: **плохо накрашенная калан-**

ча с подвижным **полицейским солдатом наверху** первая бросилась в глаза...». (А. Герцен, Кто виноват?, стр. 184); «Да, на два: против **лиходеев справа**, которые довели народ снова до пугачевщины, и...». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 20, стр. 445).

Пространственные наречия, указывающие в глагольных словосочетаниях на направление движения, в сочетаниях с неглагольными существительными конкретно-предметного значения или названий лиц, указывают местонахождение предмета или лица: **изба направо, двери налево, лесок налево.**

«Просмотрите, доктор: видите ли вы **на скале направо** чернеются три фигуры?». (М. Лермонтов, Герой нашего времени, стр. 164); «...кто теперь живет на самой грязной из бесчисленных черных лестниц первого двора, в четвертом этаже, **в квартире направо**, я не знаю...». Чернышевский, Что делать?, ч. I, гл. 3).

Наречия направления сохраняют свое значение, если конкретно-предметные существительные, являющиеся господствующими словами в сочетании с ними, в своем значении передают оттенки направления, движения, протяженности: **улица направо, дорога налево.**

2. Словосочетания с наречиями направления.

Словосочетания с данной группой наречий ограничены со стороны господствующего слова. Стержневым словом в этих словосочетаниях могут выступать существительные с конкретно-предметным и отвлеченным значением, семантически соотносительные с глаголами, имеющими с глаголами общую семантическую идею: **подниматься наверх — лестница наверх, идем вперед — дорога вперед, стреляют слева — огонь слева, кричать снаружи — голос снаружи.**

Отношения между членами словосочетаний определительные с пространственным оттенком. Наречие вносит дополнительный оттенок общего направления: **путь вперед, тропинка вниз, дорога вдаль, коридор налево.**

«**Лестница наверх**, в ее комнату, выходила на площадку большой входной теплой лестницы». (Л. Толстой, Анна Каренина, ч. I, гл. 21); «Обратный путь был так же весел, как **путь туда**». (Л. Толстой, Анна Каренина, ч. 6, гл. 13); «**По дороге вперед** и против самого себя идти приходится». (М. Горький, Мать).

Наречие может указывать на исходный пункт появления предмета: **голос снаружи, огонь слева, очередь снизу.**

«— Здесь, ваше благородие», — отвечал мне **голос сверху**. (А. С. Пушкин, Капитанская дочка, стр. 263); «Судя по **сильному огню слева**, бой теперь шел там еще ближе к месту, чем полчаса назад, когда саперы перехо-

дили через него». (К. Симонов, Товарищи по оружию, гл. 8.)

В этой группе словосочетаний в роли господствующего слова выступают и существительные с отвлеченным значением. «Каждому из них сквозь прутья клетки мир виделся правильно разлинованным, и, когда какая-нибудь сила извне погнет линии прутьев, — мир воспринимается искаженным». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 21, ч. III, стр. 203); «— Вам надо иметь под рукой надежные казачьи части, чтобы обеспечить себя от всяких случайностей изнутри». (М. Шолохов, Тихий Дон, кн. 2, ч. 4, гл. 14).

В отдельных случаях в роли стержневого слова могут выступать и существительные, называющие лицо. Это возможно только тогда, когда зависимым словом является наречие местоименного происхождения. Отношения между их членами определительные.

«Он (Луниин — Л. Ч.) приехал сюда два месяца назад и с тех пор не видел ни одного человека оттуда». (Н. Чуковский, Балтийское небо, гл. 5).

Наречие может называть и конечный пункт: **дорога домой, дверь сюда.**

«По пути домой он застрял на почтовой станции, где не оказалось лошадей...». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 20, ч. II, стр. 430); «Там, за колесом, было единственное место, где можно спрятаться, если дверь сюда только откроют и не пойдут дальше». (С. Сартков, Хребты Саянские, кн. 2, ч. 1, гл. 12).

б) СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ ВРЕМЕНИ

По численности и продуктивности данные словосочетания значительно уступают словосочетаниям с пространственными наречиями. В современном русском языке этот тип словосочетаний только еще складывается в рамках предложения. И лишь некоторые из словосочетаний выступают в номинативном значении: **парк летом, ныне букинист, Москва сегодня.** Отношения в словосочетаниях этого типа между компонентами определительные с обстоятельственным оттенком времени.

В роли господствующего слова в этих словосочетаниях могут выступать неглагольные существительные с различным значением: конкретно-предметные (**береза летом, теперь кабинет, Париж сегодня**), отвлеченные существительные с качественным значением (**жарища летом**) и существительные, называющие лицо (**ныне студент, теперь фабрикант**).

Словосочетания с зависимыми наречиями времени в большинстве случаев семантически ограничены. Существительные, называющие лицо по профессии, по званию, общественному

положению могут распространяться наречиями, ограничивающими данное состояние человека во времени: **ныне пенсионер, ныне майор, теперь фабрикант.**

«За ним так же торпливо и озабоченно шли другие видные члены «Союза русского народа»: бывший парикмахер, **теперь фабрикант** искусственных минеральных вод Бабаев...» (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 20, ч. II, стр. 574); «Бывший пролетарий умственного труда, а **ныне палаточник** Прусис даже разнервничался...». (И. Ильф и Е. Петров, Двенадцать стульев, гл. III); «И на улицах этого возрождающегося города и у печей Кленовского завода останется частица его труда, Яна Невидлы, **ныне солдата** чехословацкого войска». (А. Караваева, Родной дом, гл. 15).

Словосочетания эти возникают в рамках предложения. Наречия времени в произведениях А. С. Пушкина и других писателей XIX в. встречаются только при тех существительных данной группы, которые выступают в предложении в предикативной или полупредикативной функции.

«Начальник Карантина (**ныне уже покойник**), сорок лет служивший в военной службе, отроду не слыхивал свиста пуль, но тут бог привел услышать». (А. Пушкин, т. 8, ч. 1, стр. 256); «А мне и умереть нельзя: у меня на руках две внучки, **давно невесты**». (И. Гончаров, Обрыв, т. 5, ч. 1, гл. 16).

Затем, к нашему времени, эти конструктивные свойства распространяются на всю парадигму существительных, независимо от синтаксической функции последних в предложении.

В роли господствующего слова в словосочетаниях с наречиями времени могут выступать и существительные, являющиеся географическими названиями или названиями места:

«**Париж сегодня** — это логовище разъяренного тигра» (А. Толстой, Хмурое утро, гл. 14); «Через некоторое время Баранов уже сидел в учительской школы имени Горького, **теперь кабинете** начальника дивизиона № 10 господина Швейде». (А. Фадеев, Молодая гвардия, ч. 1, гл. 23).

В роли господствующего слова могут выступать другие существительные с конкретно-предметным значением. «Сравните препозитивное употребление **ныне прилагательного** «смелый» и постпозитивное употребление **ныне глагола** «смел». (Труды Батумского пединститута, в. V, стр. 112). /

Наречие может характеризовать предмет, указывая на определенное время его проявления: **лес осенью, река весной, береза летом.** В роли господствующего слова здесь выступают существительные с конкретно-предметным значением и отвлеченные существительные. Зависимыми словами являются, как

правило, наречия, образованные из беспредложного творительного падежа существительных.

«С берез листва осыпается, трещит, шуршит под ногами, ну, такая же болтушка, как сама **береза летом**». (С. С ар т а к о в, Хребты Саянские, кн. 3, ч. II, гл. 16); «И сразу в памяти встали уральские степи, восточные злые ветры, ледяные **бураны зимой** и нестерпимая **жарница летом**». (В. К о ч е т о в, Молодость с нами, стр. 569).

Наречие может вносить в словосочетание и другие временные оттенки: ограничивать явление не столь определенным отрезком времени.

Словосочетания эти немногочисленны.

«Теперь ее единственным **счастьем на миг** — было бы обернуться, взглянуть на него хоть раз и уйти навсегда, но, уходя, измерить хоть глазами — что она теряла». (И. Г о н ч а р о в, Обрыв, ч. IV, гл. 12); «Ясен, казалось, был его **путь отныне**, как высветленный месяцем шлях». (М. Ш о л о х о в, Тихий Дон, кн. 3, ч. 6, гл. 28). «От внимания Жени не ускользнули минутные колебания Алексея и подчеркнутая **сухость потому**». (В. А ж а е в, Далеко от Москвы, ч. III, гл. 6).

Из рассмотренного видно, что словосочетания неглагольных существительных с зависимыми наречиями времени только складываются. Образование словосочетаний этого типа происходит под влиянием глагольных словосочетаний и ограничивается вначале рамками предложения, т. е. они возможны только при существительных, выступающих в предложении в роли сказуемого или обстоятельства времени. Затем, распространяясь на все падежные формы существительных, новые синтаксические связи перестают зависеть от рамок предложения, словосочетания могут, вычленяясь из предложения, употребляться как номинативная единица: **парк летом, река весной, Киев сегодня** и т. д.

3. Словосочетания с количественными наречиями в роли зависимого слова

Словосочетания этого типа в современном русском языке довольно многочисленны. Однако, как увидим ниже, продуктивность их в зависимости от различных групп существительных неодинакова. В роли зависимых слов в разбираемых словосочетаниях могут выступать как наречия степени, так и наречия меры: **почти жених, немного дурак, просто прелесть, совсем сирота, вовсе невеста, прямо досада, дважды герой, слегка дуэлист, отчасти торжество**.

а) СЛОВСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ СТЕПЕНИ В РОЛИ
ЗАВИСИМОГО СЛОВА

Среди словосочетаний с зависимыми наречиями степени по продуктивности заметно выделяется группа словосочетаний с господствующим словом-существительным, называющим лицо: **почти дитя, совсем невеста, немножко консерватор, совсем старуха**. «Осматривая собравшихся гостей, Лопухов увидел, что в кавалерах нет недостатка: при каждой из девиц находился молодой человек, кандидат в женихи или и **вовсе жених**». (Н. Чернышевский, Что делать?, стр. 95); «Как это, мамаша, за нами? — спросил Истомин, держась **совсем членом семейства** Норков, и даже называя *м-ме* Норк «мамашей». (Н. Лесков, Островитяне, гл. 11); «Вот и я привлечен к отбыванию тюремной повинности, — думал он (Клим — Л. Ч.), чувствуя себя **немножко героем** и не сомневаясь, что арест этот — ошибка, в чем его убеждало поведение товарища прокурора». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 20, ч. II, стр. 193).

Зависимое наречие здесь показывает, в какой степени обладает лицо тем или иным качеством. Следует отметить, что не все существительные, называющие лицо, могут выступать в роли господствующего слова в словосочетаниях с данной группой наречий. В роли стержневого слова могут быть только те существительные, которые называют лицо, давая ему качественную оценку. Например: существительные «мальчик», «девочка» образуют словосочетания с наречиями степени только в том случае, когда имеют значение «незрелый», «юный», когда же они употребляются в основном своем значении, то словосочетаний с наречиями степени образовать не могут. Отсюда ясно, что образование словосочетаний данной группы существительных с наречиями степени происходит под непосредственным воздействием прилагательного. Семантическая близость господствующего существительного с прилагательным способствовала образованию анализируемых словосочетаний.

Изученный материал показывает, что образование словосочетаний этой группы происходило в рамках предложения и первоначально было связано с синтаксическим функционированием господствующего существительного в предложении. Примеры из произведений писателей XIX в. показывают, что в большинстве случаев существительные могли распространяться наречием только в том случае, когда существительное выступало в предложении в предикативной или полупредикативной функции.

«Едва прошло двое суток после чтения «Амины и Алесима», и вдруг он (Круцифирский — Л. Ч.) **почти жених**.... (А. Герцен, Кто виноват?, кн. 1, гл. 5); «— Та **совсем дикарка** — странная такая у меня». (И. Гончаров, Об-

рыв, ч. II); «...если же она была **совсем человек**, то у ней была бы вера...». (Л. Толстой, Крейцера соната, гл. 16).

Группа словосочетаний, где в роли господствующего слова выступают существительные с отвлеченным качественным значением, тоже продуктивна, но в количественном отношении она уступает группе словосочетаний, рассмотренных выше. Зависимое наречие, определяя существительное, указывает на степень признака, названного существительным, с оттенком ослабления: **почти счастье, отчасти тщеславие, чуть-чуть правда**; или с оттенком усиления: **просто нелепость, вовсе глупость, совсем правда**.

«Голова ее приподнялась, и по лицу на минуту сверкнул луч гордости, **почти счастья**, но в ту же минуту она (Вера — Л. Ч.) опять поникла головой». (И. Гончаров, Обрыв, т. 6, ч. 4, гл. 12); «Все это было говорено Бьюнтом с каким-то неудовольствием, а последние слова отзывались **прямо досадою**». (Н. Чернышевский, Что делать?, стр. 454); «— Нескладно говоришь, — вмешался лысый, — даже **вовсе глупость!**». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 21, ч. III, стр. 278).

На образование этих словосочетаний влияют словообразовательные и семантические связи господствующего существительного с прилагательным, сравним: **совсем глупый — совсем глупость, почти счастливый — почти счастье, прямо досадный — прямо досада, совсем правдивый — совсем правда**.

Словосочетания с зависимыми наречиями степени могут образовать и существительные с конкретно-предметным значением. Словосочетания этой группы немногочисленны и малопродуктивны.

«Оборвите эти цветы с венка, которым украшен человек, и он делается **почти вещью**». (И. Гончаров, Обрыв, ч. V, гл. 9); «— Чудесная погода! **Совсем весна** — говорит генерал». (А. Чехов, Весной).

6) СЛОВСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ МЕРЫ В РОЛИ ЗАВИСИМОГО СЛОВА

Словосочетания с зависимыми наречиями меры чаще всего образуют существительные, называющие лицо. Неглагольные существительные других групп подобные словосочетания образуют значительно реже. Сами наречия меры неоднородны по своему составу, условно их можно разделить на две группы: в одну группу входят наречия, в которых значение меры выражено конкретно, в числах (дважды, трижды, вдвоем, вдвойне); в другую группу входят наречия, в которых значение меры выражается неопределенно (**более, менее, больше, мень-**

ше). В особую группу следует выделить наречия «вообще», «целиком» и наречное сочетание «в целом».

В роли зависимых слов в словосочетаниях с неглагольными существительными могут выступать наречия всех групп. Отношения между членами словосочетаний с зависимыми наречиями меры определительные. Словосочетания с наречиями меры второй группы образуют только существительные, называющие лицо: **больше дитя, более философ, менее мещанка, не менее революционер.**

«Берсенеv двигался неуклюже, высоко поднимал на ходу плечи — вытягивал шею; а все-таки он казался более «порядочным» человеком, чем Шубин, **более джентльменом**, сказали бы мы, если бы это слово не было у нас так опoшлено». (И. Тургенев, Накануне, стр. 10); «Возможно, что они правы, считая себя **гораздо больше людьми**, чем я, ты и вообще — люди нашего типа». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 22, ч. IV, стр. 44).

Все существительные, выступающие в роли господствующих слов в анализируемых словосочетаниях, имеют качественное-оценочное значение. Образование словосочетаний данной группы происходило в рамках предложения и первоначально зависело от синтаксической функции господствующего слова. Первые примеры таких словосочетаний, отмеченные в произведениях А. И. Герцена, возможны только в том случае, когда господствующее существительное выступает в роли сказуемого.

«... добрая старушка, она **больше дитя**, нежели я; да к тому же, она привыкла звать меня барышней...» (А. Герцен, Кто виноват?, ч. 1, гл. 3).

Неглагольные существительные сравнительно недавно приобрели способность распространяться наречиями меры с числовым значением. В роли стержневого слова в словосочетаниях с наречиями данной группы могут выступать существительные, называющие лицо: **дважды Герой Советского Союза, дважды Лауреат, дважды земляк, четырежды чемпионка** и т. д. Эти словосочетания отмечены нами только в произведениях советских писателей.

«До Берлина Карженевский может еще **дважды Героем Советского Союза** стать». (В. Овечкин, С фронтовым приветом). «— Да нет же! — смеясь, возразил Володя. — Это **дважды Героям** — и то не целый памятник, а только половину». (В. Каверин, Открытая книга, Время не возвращается); «— О-о! Этот Иван... Иванович, **дважды Иван — мастер**; «Но как надменно разговаривал со мной этот **дважды Иван**». (Л. Коптяева, Дружба, ч. II, гл. 39);

«Николай стоял в стороне и прислушивался — кому-то не хватило билета, за **дважды лауреатом** послали маши-

ну, но второпях не дали шоферу адреса, чтобы прихватили актрису». (В. Кетлинская, Дни нашей жизни, стр. 361).

Наиболее многочисленную группу словосочетаний конкретно-предметных существительных с количественными наречиями составляют словосочетания с наречиями «вообще», «целиком» и наречным сочетанием «в целом»¹. Данные наречия по образованию качественно-обстоятельственные, но и в словосочетаниях с существительными они выступают с количественным значением, указывая на полный охват предмета.

Отношения в словосочетаниях с названными наречиями между их компонентами определительные.

Наречия «целиком», «в целом» распространяют существительные с конкретно-предметным значением и существительные, называющие лицо. В роли стержневого слова совсем не отмечены существительные с отвлеченным значением. Но не все существительные с конкретно-предметным значением могут выступать в роли господствующего слова в словосочетаниях с указанными наречиями, а только те, которые называют предметы, состоящие из множества, совокупности частей: **школа в целом, лагерь в целом, завод в целом, эскадрилья целиком**.

«... что это действие предпринято не **Советом в целом**, а как он выражался, «одной из политических организаций...» (Л. Никулин, Московские зори, Рассвет, гл. 16); «Скоро он познакомился со всеми людьми... а главное — понял, кто какие исполняет обязанности, какими интересами живет **лагерь в целом**...». (В. Катаев, За власть Советов, ч. 1, гл. 52); «Это имеет значение и для лица **завода в целом**». (В. Панова, Кружилиха, гл. 11).

Синонимичны рассмотренным словосочетаниям словосочетания со словом «весь», выступающим в функции наречия. Иногда это слово входит третьим компонентом в словосочетание.

«... для него наступала пора, которую он сам называет началом видения **всего района в целом**...» (В. Кочетов, Молодость с нами, стр. 120); «В бой впрягались то 2—3 пары, то **вся эскадрилья целиком**». (Н. Чуковский, Балтийское небо, гл. 10);

Существительные, называющие лицо, тоже не все могут выступать в роли стержневого слова в словосочетаниях с наречиями «целиком», «в целом»; здесь употребляются только существительные с собирательным значением. Это объясняется лексическим значением наречий.

¹ Для удобства изложения в дальнейшем «наречное сочетание» «в целом» будем называть наречием.

«Он (Кутузов — Л. Ч.) говорил не о всей **интеллигенции в целом...**». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 22, ч. IV, стр. 314); «Пусть все это никак не является типичным для **молодежи в целом**». (Лит. газета от 25/V—57 г.); «Анатолий Лукич сказал, собственно, то же, что намеревался сказать и Лапшинский, только очень бережно и тактично: огульное обвинение всего **коллектива в целом** не кажется ему правильным...». (Л. Кабо, В трудном походе).

Словосочетания с наречием «вообще» появились в языке раньше, единичные примеры встречаются у писателей 1 половины XIX в. Наречие «вообще» в словосочетаниях с существительными выступают в двух значениях: качественном и количественном. Наречие «вообще» в количественном значении сближается по значению с наречием «целиком». В отличие от последнего оно может распространять неглагольные существительные всех трех групп. В роли господствующего слова в словосочетаниях с наречием «вообще» могут выступать существительные с конкретно-предметным значением:

«Но, как бывший батрак, он так же спокойно и с такой же здравомыслящей крепкой силой ненавидел кулаков и глубоко был уверен в ценности нашей коммуны, как и всякой **коммуны вообще**». (А. Макаренко, Педагогическая поэма, стр. 230).

Стержневым словом могут быть и существительные, называющие лицо:

«Таково свойство **интеллигенции вообще**». (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, т. 21, стр. 132).

(Ср. интеллигенции вообще — интеллигенции в целом — всей интеллигенции).

Словосочетания с существительным отвлеченного значения.

«За этот путь мы должны бороться не только ради себя, но и ради **социализма вообще**». («Коммунист», № 18, 1956 г., стр. 48); «Пример, использованный им, понадобился Карделю исключительно для того, чтобы бросить тень на революционную **диктатуру вообще**, в том числе и на пролетарскую диктатуру». (Правда, от 18/XII 1956 г.).

Наречие «вообще» в словосочетаниях с существительными в роли стержневого слова может иметь и своеобразное качественное значение. С этим значением наречие «вообще» выступает в словосочетаниях, где господствующее слово называет лицо или имеет отвлеченное значение. Отношения между членами в этих словосочетаниях чисто определительные.

«Причина такой разобщенности Бельтова понятна: Жозеф сделал из него **человека вообще**, как Руссо из Эмиля...». (А. Герцен, Кто виноват?, ч. II, гл. 3); «Мы тре-

буем для людей полного наслаждения жизнью... что мы требуем этого... не для себя лично, а для человека вообще...» (Н. Чернышевский, Что делать?, стр. 294); «Не со злобой, но с жадной справедливой возмездия думала Тина о том, чтобы убить не немца вообще, но немца Отто Либермана...» (Г. Николаева, Битва в пути, гл. 5).

В роли стержневого слова в этих словосочетаниях, как отмечалось выше, выступают и отвлеченные существительные: «Первое время после того, как он (Вронский — Л. Ч.) соединился с нею и надел штатское платье, он почувствовал всю прелесть свободы вообще, которой он не знал прежде, и свободы любви, и был доволен, но недолго» (Л. Толстой, Анна Каренина, ч. 5, гл. 8);

Как видно из изложенного, в современном русском языке складывается новый тип словосочетаний — субстантивные словосочетания с зависимыми количественными наречиями. На формирование словосочетаний этого типа оказывает влияние словообразовательные и семантические связи господствующего существительного с прилагательным, а также синтаксическое функционирование стержневого слова внутри предложения. Употребление существительного в предикативной функции сближает существительное с кратким прилагательным и глаголом, это и способствует примыканию к существительным количественных наречий. Затем эти конструктивные свойства распространяются на все формы существительного, независимо от его синтаксической роли в предложении, выкристаллизовываются из предложения и могут употребляться в номинативной функции (совсем мальчик, немножко музыкант, дважды Лауреат и др.).

Изучение словосочетаний неглагольных существительных с зависимыми наречиями позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Словосочетания неглагольных существительных с зависимыми наречиями получают свое распространение со II половины XIX в., а некоторые из структурных типов этих словосочетаний только в наше время, например, словосочетания с пространственными наречиями (окно напротив, дом наискосок, стул рядом). Отдельные типы этих словосочетаний образуются в современном русском языке (словосочетания с количественными наречиями и наречиями времени).

2. Продуктивность словосочетаний с различными семантическими группами существительных в роли стержневого слова различна. Наиболее продуктивны словосочетания с конкретно-предметными существительными в роли главного слова. Эта группа существительных образует словосочетания со всеми разрядами наречий (шляпа набекрень, кофе по-турецки, минуты наедине, дом напротив, дорога домой, парк летом, совсем

весна). Непродуктивны здесь лишь словосочетания с количественными наречиями. Существительные с отвлеченным качественным значением не могут образовать словосочетаний с отдельными группами качественно-обстоятельственных наречий (с наречиями с по-, соотносительными с прилагательными), редко образуют словосочетания с наречиями направления. По продуктивности и распространенности в языке словосочетания с отвлеченными существительными в роли стержневого слова значительно уступают словосочетаниям с конкретно-предметными существительными в роли главного слова. Круг наречий, способных распространять существительные, называющие лицо, еще более ограничен. В роли зависимого слова в словосочетаниях с этой группой существительных не встречаются качественно-обстоятельственные наречия, соотносительные с предложно-падежной формой существительных (исключая наречие «на выданьи»), наречия, соотносительные с числительными, пространственные наречия направления.

3. Отношения между компонентами в словосочетаниях с предметными существительными в роли господствующего слова определительные или определительные с различными обстоятельственными оттенками. — сравнения, способа, пространственными, временными.

4. Способ выражения синтаксических связей в данных словосочетаниях — примыкание. Поэтому важное значение в них приобретает порядок слов. Общим условием словорасположения в разбираемых словосочетаниях является непосредственная близость зависимого слова к господствующему.

А. И. АНИКИН

ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОБРАЗОВАННЫЕ НА ОСНОВЕ ИМЕН)

В процессе исторического развития в русском языке выработался и получил широкое распространение ряд вводных конструкций: одиночные вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения. Различаясь по структуре, правда, не всегда в одинаковой степени четко¹, они сближаются функционально: они находятся в смысловой и интонационной связи со всем основным составом предложения или с каким-либо членом предложения, на который, как правило, падает логическое ударение, и выражают сравнительно неширокий и довольно устойчивый круг закрепившихся за ними значений: модальные оттенки, оценки говорящим формы высказывания, указания на источник мысли, эмоциональные отношения автора или другого лица к сообщаемым фактам и др. Эти значения как бы накладываются на содержание основного состава предложения в целом или одного из членов предложения.

Этим вводные конструкции отличаются от так называемых вставных конструкций, которые обычно представляют собой высказывания, заключающие дополнительные сведения, возникшие в момент речи по ассоциации с содержанием всего основного предложения или какого-либо одного слова в нем.

Вводные конструкции изучены еще недостаточно; правда, за последние 5—6 лет внимание к ним значительно повысилось, о чем свидетельствует ряд появившихся печатных работ и диссертаций, посвященных этому вопросу, который имеет не только научный интерес, но и важное прикладное значение, в частности, для практики нашей школы: нередко учащиеся допускают ошибки в употреблении вводных единиц, в интона-

¹ А. Н. Гвоздев в разряд «вводных слов» по традиции включает и вводные сочетания слов. Он указывает, что «между вводными предложениями и вводными словами нет четких границ». См. его «Современный русский литературный язык. Часть II. Синтаксис». Учпедгиз, М., 1958, стр. 166.

В новом пособии Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой и Н. М. Шанского «Современный русский язык. Синтаксис», Учпедгиз, М., 1958, также отмечается функциональная близость всех вводных конструкций: «Разница между ними является в первую очередь не качественной, а количественной» (138 стр.).

ционном и пунктуационном выделении их, в разборе предложений.

Особенно неполно исследованы вводные сочетания слов. Так, даже в новейших вузовских учебных пособиях по русскому языку, в учебниках для школ и педучилищ они отдельно не рассматриваются, включаются в общую группу «вводных слов».

Понятие «вводное сочетание слов» охватывает вводные конструкции, состоящие из нескольких слов, но не являющиеся вводными предложениями.

Вводные сочетания создаются на базе довольно устойчивого лексически ограниченного круга слов. При этом обычно только одна из форм слова может лечь в основу вводного сочетания. Многие (но не все) вводные сочетания образуются в процессе семантико-синтаксического распространения слов различных частей речи.

Среди вводных сочетаний слов современного русского языка можно выделить несколько типов. Наиболее многочисленными являются «именной» и «глагольный» типы (названия условны) — в соответствии с тем, какая часть речи послужила стержневым словом данной конструкции. Значительно меньшее распространение в языке получили другие сочетания слов.

В данной статье делается попытка выделить основные структурные разновидности вводных сочетаний слов, образованных на основе различных форм имен (существительных, прилагательных, местоимений), отметить их значение и, по возможности, сферу употребления в современном русском языке. Многие вводные сочетания слов возникли в результате семантико-синтаксического распространения имен (существительных, прилагательных, местоимений) различными частями речи. Среди них можно выделить свободные (вернее, относительно свободные) сочетания и фразеологические единицы. В отличие от невводных вводные конструкции не являются вполне свободными. Они только относительно свободны, что ощущается при сравнении их с фразеологическими оборотами. Ведь вводные сочетания, относимые к категории свободных, являются для нас привычными оборотами, уже почти готовыми конструкциями, которые мы только несколько варьируем, сохраняя «стержневую» часть без изменения.

I. Свободные вводные сочетания слов

Эти сочетания слов, разнообразные по своей структуре, получили в языке весьма широкое распространение. Они служат средством обозначения как модальных оттенков предложения в целом или какой-либо части его, так и различных замечаний автора по поводу стиля всего предложения или по по-

воду какого-либо отдельного слова, выражения, использованного в данном предложении.

Они представляют собой свободные сочетания имен с другими частями речи. Они лексически и синтаксически вполне разложимы на компоненты, смысл которых определяет значение словосочетаний.

Акад. В. В. Виноградов отмечает, что «...в кругу модальных словосочетаний именного типа наиболее употребительны типизированные, но свободные сочетания слов...»¹.

В современном русском языке в качестве вводных конструкций употребляются именные сочетания слов нескольких разрядов.

1. ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, ОБРАЗОВАННЫЕ НА ОСНОВЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГОМ «К».

В этот тип вводных выражений объединяются многие сочетания слов, образованные на основе имен существительных, обозначающих эмоции или эмоциональное состояние (**счастье, несчастье** и т. д.). Эти сочетания слов выражают различные переживания говорящего или другого лица, вызванные теми фактами действительности, о которых сообщается в предложении. Они выражают не только эмоции или эмоциональные состояния, но и обозначают их признаки: качественный признак (**к великому удовольствию** и т. п.), признак принадлежности, нередко с указанием лица (**к моему, нашему** и т. д. **счастью, к счастью для нас, к радости бойцов** и т. п.), одновременно признаки качества и принадлежности (**к немалому удивлению Ули, к величайшему неудовольствию остальных, к великой радости затейников** и т. п.). Внутри этого типа можно выделить несколько разновидностей.

а) Вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного в форме дательного падежа с предлогом «К» и согласуемого определения.

Имя существительное в форме дательного падежа с предлогом «К» может быть распространено согласуемым определением, выраженным качественным именем прилагательным или притяжательным местоимением: **к (чьему) счастью, к (чьему) удовольствию, к (какому) сожалению, к (какому) удивлению** и т. д. Имя существительное может быть распространено одновременно прилагательным и притяжательным местоимением: **к (чьей, какой) радости, к (чьему, какому) удивлению.**

Например:

Ждали, что переводчица вот-вот скажет, о чем он все-таки кричит, но, **к всеобщему удивлению**, Барак сам

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, Учпедгиз, М., 1947, стр. 735.

заговорил по-немецки (Ф а д е е в). Разбивал он (Егорушка) козны на расстоянии двадцати шагов и, к нашему изумлению и зависти, ни разу не промахнулся (Г л а д к о в).

б) Вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного в форме дательного падежа с предлогом «К» и несогласованного определения

Несогласованное определение может быть выражено местоимением (его, ее, их) или беспредложной формой родительного падежа имени существительного, иногда прилагательного, причастия, числительного, которые выступают в значении существительного: **к их удивлению, к его радости, к удовольствию (такого-то), к удивлению (такого-то), к изумлению (кого-либо), к огорчению (такого-то), к досаде (такого-то), к ужасу (такого-то)** и т. д. Сочетания этого разряда обозначают и эмоцию, и лицо, переживающее это эмоциональное состояние. Некоторые вводные сочетания слов могут включать в себя два имени существительных, соединенных союзом «И»: **к (чьей-либо) радости и муке.**

Например:

Сыты-не сыты, а веселы всегда, — и с этими словами Найденков, **к изумлению Нагульнова**, в одну секунду смахнул с плеч кожанку, присел к столу. (Ш о л о х о в). **Но к ее удивлению**, в кухню вошла девушка небольшого роста, с простым лицом крестьянки и толстой косой светлых волос. (Г о р ь к и й). Супругов, **к ее радости и муке**, постепенно становился надеждой. (П а н о в а).

в) Вводные сочетания слов, состоящие из формы дательного падежа имени существительного с предлогом «К» и согласованного и несогласованного определений

При имени существительном в форме дательного падежа с предлогом «К» одновременно могут быть согласованное и несогласованное определения. Первое из них обозначает качество или принадлежность: **к (чьей, какой) радости, к (чьему, какому) удовлетворению, к (чьему, какому) удовольствию, к (чьему, какому) удивлению, к (чьему, какому) смущению, к (чьему, какому) неудовольствию** и т. д. Определения, как правило, предшествуют определяемому слову. При этом несогласованное определение стоит перед согласованным: **к его великой радости**. Несогласованное определение, выраженное формой родительного падежа существительного, находится в положительном положении по отношению к определяемому слову: **к немалому удивлению Ули**. Такое имя существительное может быть распространено своим определением: **к величайшему удовольствию остальных «безбилетников».**

Например:

Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и Вашему несчастью, слишком часто встречал. (Лермонтов)¹. И тогда их, к величайшему удовольствию остальных «безбилетников», выпроваживали за двери. (Островский).

г) Вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного в форме дательного падежа с предлогом «К» и косвенного дополнения

Косвенное дополнение выражается именем существительным или местоимением в форме родительного падежа с предлогом «для»: к счастью для (кого-либо), к радости для (кого-либо), к несчастью для (кого-либо).

Дополнение может иметь при себе определение (к несчастью для всех собравшихся и т. п.) или обстоятельственное слово (к несчастью для собравшихся на стадионе, на открытие и т. д.).

Например:

Большая часть из них (путевых записок), к счастью для вас, потеряна, а чемодан, с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел (Лермонтов)².

Примечание: В составе вводного сочетания слов имя существительное **счастье** в форме дательного падежа может употребляться и с предлогом **ПО**: по счастью для (кого-либо).

В современном русском языке они не имеют широкой употребительности.

Например:

По счастью для Алексея, в той же школе проходил переподготовку и майор Стручков. (Полевой).

2. ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, ОБРАЗОВАННЫЕ НА ОСНОВЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГОМ «ПО»

В современном русском языке широкое распространение получил этот довольно многочисленный тип вводных выражений, состоящих из имени существительного в указанной форме и определения. Они служат в языке, главным образом, для обозначения источника тех сведений, о которых сообщается в основном тексте предложения (по предварительным сведениям, по нашим расчетам, по словам матери, по его мнению).

а) Вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного в форме дательного падежа с предлогом «ПО» и согласованного определения.

Согласованное определение может быть выражено именем прилагательным (по предварительным сведениям, по послед-

¹ М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, изд. Academia, М.—Л., т. V, 1937, стр. 186.

² Там же, стр. 186.

ним сведениям), местоимением (по нашим расчетам, по моим данным, по вашей теории, по вашим словам, по нашей поговорке, по вашему мнению, по всем данным, по моим подсчетам). При них, в свою очередь, может быть распространяющее слово — наречие: по далеко неполным данным. В состав вводных сочетаний слов одновременно могут входить и прилагательное и местоимение (по моему глубокому убеждению).

Например:

Оставалось, по нашим расчетам, верст пятнадцать, и часа через полтора думали быть на месте (Фурманов). Ссылаясь на сообщение японского агентства Киодо Цусин, газета пишет, что в Южной Корее, по далеко неполным данным, убито свыше двух миллионов корейских патриотов. («Правда»).

б) Вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного в форме дательного падежа с предлогом «ПО» и несогласованного определения.

Они широко употребительны в современном русском языке, главным образом, в монологической речи. В качестве несогласованного определения, обозначающего принадлежность определенному лицу высказанной в предложении мысли или использованных в предложении слов, выражений, употребляется или имя существительное в родительном падеже, или местоимение в той же форме (его, ее, их).

Несогласованное определение, выраженное местоимением, как правило, предшествует определяемому слову. Определение же, выраженное существительным, стоит после определяемого слова и может, в свою очередь, иметь при себе определение. Стержневым словом словосочетаний этого разряда могут быть следующие имена существительные в форме д. п. с предлогом ПО: по рассказам, по словам, по сообщению, по мнению, по мысли, по размышлению, по выражению, по формуле, по терминологии, по определению, по объяснению, по заявлению, по заверению, по признанию, по наблюдению, по сведениям, по данным, по расчетам.

Например:

По словам хозяйки, Валько при аресте держался спокойно... (Фадеев). По словам их родителей, оба они ушли вчера из дому рано вечером. (Фадеев). Вы рискуете, по формуле Толстого, обратиться в ноль. (Ажаев). Признаки материалистического мировоззрения обнаруживаются и в ломоносовском истолковании «Предложения» («речи», по терминологии Ломоносова)... (В. В. Виноградов)¹. По наблюдению Давыдова, о лошадах Яков Лукич заботился, пожалуй, больше, чем кто-либо. (Шолохов).

¹ В. В. Виноградов. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова. — «Русский язык в школе», 1950, № 2, стр. 3.

в) Вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного в форме дательного падежа с предлогом «ПО» и согласованного и несогласованного определений; например:

Его роль теперь была невелика, так как пулврта давно была расформирована и, по шутливому выражению Рыбалко, Степняк теперь как командир роты ничего не стоил. (Первенцев).

3. ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГОМ «НА» И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Эта группа немногочисленна. Существительное употребляется только в единственном числе. Определение выражается прилагательным или местоимением (его, ее, их): на (чье?) счастье, (на чью?) беду, на (чей?) взгляд. Вводные сочетания слов на (чье?) счастье, на (чью?) беду обозначают эмоциональное состояние говорящего или другого лица.

Например:

Ну, на твое счастье, я человек известный, имею задание вернуть всех на работу в мастерские, за тем и пришел к тебе. (Фадеев).

Вводное сочетание слов на (чей?) взгляд обозначает авторство высказанного в предложении мнения, принадлежность его самому говорящему или кому-либо другому.

Например:

Тополев, на ваш взгляд, работает много и добросовестно? — крикнул Беридзе. (Ажаев).

4. ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГАМИ «С», «БЕЗ» И ОПРЕДЕЛЕНИЯ К НЕМУ

Прежде всего, сюда относятся парные вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного сторона в форме родительного падежа с предлогом с и согласованного определения, выраженного местоимением один, другой: с одной стороны, с другой стороны.

Они употребляются при противопоставлении двух фактов, двух сторон одного и того же явления. (в значении «хотя... но») или при перечислении каких-либо фактов действительности (в значении «во-первых», «во-вторых») ¹. В выражении с другой стороны, следующем за сочетанием с одной стороны, существительное нередко опускается. Часто с другой стороны употребляется в одиночку, без предшествующего с одной стороны. В таком случае существительное в нем не опускается.

¹ Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, т. IV, стр. 538.

В дальнейшем этот словарь будет условно обозначаться аббревиатурой ТСУ.

Например:

Нашли, что удобно и выгодно оставить Шульгу для подпольной работы именно здесь, в Краснодаре: **с одной стороны**, он был человек местный, а **с другой** — его уже здесь мало кто знал. (Фадеев).

К этому же разряду относятся вводные сочетания слов, состоящие из фразеологической единицы **точка зрения**, стержневое слово которого (**точка**) имеет форму родительного падежа с предлогом **с**, и согласованного или несогласованного определения к нему: **с (какой?) точки зрения** или **с точки зрения** (чьей?). Они употребляются для обозначения авторства выраженной в предложении мысли или для указания от правного пункта, определившего изложенный в предложении взгляд на данное явление.

Например:

С точки зрения Юлии Дмитриевны, это не была врачебная наука... (Панова).

Неспеша надел штаны

И почти что новые,

С точки зрения старшины,

Сапоги кирзовые. (Твардовский).

В качестве вводного сочетания слов употребляется конструкция из имени существительного **слово** в форме творительного падежа мн. числа и определения в форме согласуемого местоимения **другой** или **иной**: **другими (иными) словами**. Оно используется как стилистическое авторское замечание, обозначающее переход на новый способ выражения одной и той же мысли (в значении «иначе говоря»).

Например:

Сейчас — время подготовки. И пока я готовлю людей... — вы можете стоять в стороне, ничего с вас не спросится. Но едва подготовительная работа закончится — вы станете во главе строителей. **Другими словами**, от нас к тому времени потребуется новый проект, — уточнил Беридзе. (Ажаев).

Примечание:

В качестве вводного слова употребляется аналитическая форма превосходной степени прилагательного среднего рода: **самое главное**. Она используется в разговорной речи для выделения и подчеркивания, как наиболее важного, одного из моментов высказывания.

Например:

В такие минуты он старался «выключиться», заняться другим, думать о другом и, **самое главное**, никому не показывать своего настроения. (Попов).

Сравните: **Самое главное** — это подводный провод. (Ажаев). Здесь «самое главное» — подлежащее.

II. Фразеологические единицы именного типа, употребляемые в качестве вводных конструкций

Именной тип вводных сочетаний слов включает в себя многочисленные фразеологические единицы, различные по своей конструкции и семантике. Они образовались в результате распространения имен (существительных, прилагательных и местоимений) другими словами, с которыми они вступили в неразложимые, фразеологические связи.

1. ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА И ОПРЕДЕЛЯЮЩЕГО СЛОВА

Среди вводных сочетаний слов небольшую группу составляют фразеологические единицы, состоящие из существительного в форме именительного падежа и определяющего слова. В качестве стержневого слова в них выступают лексически побледневшие имена существительные: **слово, дело, вещь**. Они распространяются согласуемым определением, выраженным именем прилагательным полной формы (**понятное дело, известное дело, ясное дело** или **дело ясное, странное дело, честное слово, странная вещь**), именем прилагательным краткой формы (**право слово, конечно дело**). Эти вводные конструкции свойственны разговорной речи. Одни из них используются для выражения модального оттенка достоверности сообщаемого факта, подчеркивая полное соответствие содержания основного состава предложения в целом или какого-либо его члена явлениям действительности. Таковы: **ясное дело, дело ясное, понятное дело, известное дело, конечно дело, право слово¹, честное слово**. Они являются синонимами одиночных вводных слов: **конечно, действительно, несомненно, безусловно**. Предложения с этими вводными сочетаниями слов часто имеют эмоциональную окраску. А в фразеологизмах **честное слово, право слово**, выражающих уверенность в достоверности сообщения, модальное значение совмещается с междометным. Иногда в них междометный оттенок преобладает. Большинство этих вводных сочетаний слов может выступать в качестве эквивалента предложения.

Например:

Этого я не забуду, **честное слово!** (Горький). Поп, **известное дело**, врет, — отвесил Чапаев крепкую мысль. (Фурманов). Хоть я по-ихнему и не понимаю, но вижу, **дело ясное**, в расход пустят. (Островский). — А инспектор знает про эту рыбу?.. — Знает, Михаил Степаныч, **конечное дело**, знает... (Закруткин). Я хотя и из

¹ Выражения **конечно дело, право слово** употребляются очень редко и преимущественно в просторечии представителей старшего поколения.

солдат, а по-русски нельзя так сказать, **право слово**. (Фадеев). В партизанах, что ли? — **Ясное дело!** (Бубеннов).

Вводные сочетания слов **странное дело, странная вещь** выражают эмоционально-интеллектуальное отношение (удивление) говорящего лица к явлениям действительности, о которых сообщается в данном предложении. Грамматическим стержнем этих словосочетаний являются имена существительные **дело, вещь**, лексическое значение которых здесь ослаблено, так что семантическая нагрузка словосочетания стягивается на прилагательное.

Например:

— **Странная вещь**, — сказал прокурор, — на меня это мелькание ночных совок производит всегда успокаивающее впечатление. (Федин). Но, **странное дело**, по ее виду нельзя было определить, что она принесла в отряд неприятные вести. (Бубеннов).

2. ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ПРЕДЛОГОМ «ПО» И ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ФОРМЕ СОГЛАСУЕМОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ИЛИ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Вводные конструкции этого типа в современном русском языке очень немногочисленны. Сюда относятся следующие фразеологические единицы: **по всей видимости, по всей вероятности, по крайней мере, по меньшей мере, по сути дела**.

Вводные сочетания слов **по всей видимости** и **по всей вероятности** выражают модальный оттенок (предположительности, вероятности) предложения в целом или какой-либо его части. По значению они сближаются с одиночными вводными словами: **очевидно, по-видимому**¹.

Например:

Когда входил кто-нибудь из сотрудников, Ежиков встречал его обрадованно и затевал разговор бесконечно длинный и, **по всей видимости**, совершенно ненужный. (Фурманов). **По всей вероятности**, и не нужно было самому бросаться к рулю. (Первенцев).

Вводное сочетание слов **по крайней мере** имеет двойное значение: во-первых, оно обозначает субъективную оценку меры, числа или степени качества, указанного в сообщении (в значении «не меньше»); во-вторых, в экспрессивно окрашенных предложениях оно несет усилительно-ограничительную

¹ ТГУ, 1, 254.

или уступительно-ограничительную функцию (в значении «во всяком случае», «хотя бы только») ¹. В первом значении с ним сближается вводное сочетание слов **по меньшей мере**.

Например:

Я все-таки здесь попробую, здесь я, **по крайней мере**, уже местность знаю, — сказал Олег. (Фадеев). Ему показалось, что бой продолжался, **по крайней мере**, полчаса... (Полевой).

Вводное сочетание слов **по сути дела** является средством выражения модального значения предложения в целом. Указывая, что данное предложение уточняет ранее сказанное и наиболее соответствует действительности, оно выступает в значении «в сущности», выделяется в произношении и на письме.

Например:

Пехота, **по сути дела**, перестала существовать. Все ехало. (Павленко).

Часто оно совмещает в себе модальное значение с обстоятельственным: В этих случаях оно интонационно и пунктуационно не выделяется. Предложение в таком случае имеет характер более категорического утверждения, чем предложение с интонационно-обособленным вводным сочетанием слов.

Например:

По сути дела он не ел со вчерашнего полудня. (Павленко).

3. В качестве вводной конструкции в современном русском языке употребляется фразеологическая единица, состоящая из имени существительного **очередь** в форме винительного падежа с предлогом **в** и согласованного определения, выраженного притяжательным местоимением **свой**: **в свою очередь**. Смысл этого выражения не разложим на лексические значения составных частей, ибо он не мотивируется значением компонентов. Однако внешние грамматические границы между компонентами здесь налицо. Это вводное сочетание выражает отношения содержания данного отрезка речи к предшествующему сообщению. Оно указывает, что данное действие совершается одновременно или в ответ на действие, о котором только что сообщалось (в значении «со своей стороны»).

Например:

Он опасался момента, когда прекратит свое действие выработанный людьми и, **в свою очередь**, организующий людей ритм напряженной работы... (Попов).

Словосочетание **в свою очередь** часто функционально сближается с обстоятельными словами и не получает интонационного и пунктуационного оформления, характерного для вводных слов.

¹ ТСУ, I, 1496.

Например:

Очень многие нравились ей и... в свою очередь были увлечены ею... (Павленко).

4. ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ФОРМЕ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА И СОГЛАСОВАННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

К этой группе относятся только две фразеологические единицы, состоящие из существительных **слово, образ** в беспредложной форме твор. пад. и согласованных определений, выраженных числительным (**одним словом**), местоимением (**таким образом**). Эти обороты лексически и синтаксически не разложимы.

Вводное сочетание слов **таким образом** широко употребляется в книжных стилях речи. Оно выражает логическую связь данной мысли с предшествующим сообщением. Оно указывает, что данное предложение или данная часть предложения заключает вывод, обобщение на основе содержания предшествующих предложений или предшествующих частей того же предложения (в значении «итак», «следовательно»). В нем модальное значение совмещается с союзным. В разговорной речи это значение может выражаться вводным сочетанием **одним словом**. Кроме того, оно несет экспрессивно-стилистическую функцию, употребляясь при подборе наиболее точного слова, выражения. Оно является синонимичным с вводными словами **словом, короче говоря**.

Например:

Большинство мест в Палате общин получили кандидаты консервативной партии — 318 мест; лейбористы получили 293 места, либералы — 5 мест... **Таким образом**, лейбористская партия потерпела поражение. («Правда»).
Листки заховай так, чтобы в случае чего... **Одним словом**, проглотишь. (Фадеев).

Примечание: Иногда типичное для вводных конструкций интонационное и пунктуационное оформление получает сочетание **главным образом**, имеющее усилительно-ограничительное значение («преимущественно»).

Например:

Строители участка и были заняты сейчас, **главным образом**, на транспортных работах... (Ажаев).

В большинстве случаев выражение **главным образом** в произношении и на письме не обособляется или выделяется в составе обособленных конструкций (в начале их).

Например:

Небольшая очередь в несколько десятков человек, молодых и пожилых, **главным образом** женщин и девушек, стояла у входа в здание. (Фадеев).

5. В особую группу входят вводные сочетания слов, состоящие из имени существительного (**дело, случай**), в форме предложного падежа с предлогом **в, во** и согласуемого определения, выраженного местоимением: **в самом деле, во всяком случае**.

Вводное сочетание слов **в самом деле** служит средством выражения модального оттенка достоверности всего предложения или какой-либо части его, находясь в соответствии с этим в смысловой и интонационной связи с ними. Оно употребляется в значении «действительно», «точно», «правда»¹. В эмоционально-насыщенном предложении оно функционально сближается с междометием, выражая недоумение, удивление или негодование. Нередко оно используется для усиления выразительности предложения, сближаясь с эмоционально-экспрессивными частицами.

Например:

Что это, **в самом деле!** — ласково подхватила мать. Сердце мягкое, а сам — рычит. Зачем это? (**Горький**). **В самом деле**, по всей ближней округе, там и сям, действовали партизаны... (**Бубеннов**).

Вводное сочетание **во всяком случае** употребляется для усиления выразительности предложения или части его, функционально сближаясь с усилительными или эмоционально-экспрессивными частицами. Вместе с тем оно подчеркивает и модальный оттенок достоверности высказывания.

Например:

Во всяком случае, это был человек (**Лютиков**), с которым можно было смело поделиться своими намерениями. (**Фадеев**). Прием этот, казалось бы, очень прост, но удается он не каждому, — **во всяком случае**, сам **Фрунзе** владел им в совершенстве. (**Фурманов**).

6. В качестве вводного сочетания слов может употребляться фразеологическое выражение, состоящее из разных падежных форм одного и того же имени существительного **конец**: из его форм предложного падежа единственного числа с предлогом **в** и родительного падежа множественного числа — **в конце концов**. Оно обозначает экспрессивное отношение данной мысли к предшествующему сообщению, усиливая выразительность предложения и функционально сближаясь, с одной стороны, с союзами, с другой — с эмоционально-экспрессивными частицами. Иногда же оно выражает логическое отношение содержания данного предложения или его части к ранее сказанному, выступая в значении «в самом последнем итоге»² и сближаясь с обстоятельными словами.

¹) ТСУ, IV, 1946.

²) ТСУ, I, 1436.

Например:

Зачем ему, **в конце концов**, это делать? (Островский).

В конце концов, отдыхающие заявили, что они сыты от-
дыхом, и потребовали досрочной отправки в действую-
щие части. (Полевой).

Выражение **в конце концов** не всегда выделяется в произ-
ношении и на письме. В таких случаях оно имеет обстоятель-
ственное значение.

Например:

Без ворчания и споров не обошлось, но **в конце концов**
меньшинство подчинилось большинству, и этот вопрос
был улажен. (Попов).

7. В современном русском языке, в разговорной речи, упо-
требляется вводное сочетание слов, состоящее из местоиме-
ния и прилагательного в форме родительного падежа — **чего
доброго**. Оно выражает модальный оттенок предположитель-
ности, вероятности содержания основного состава предложе-
ния в целом или какой-либо его части. Кроме того, оно пере-
дает эмоциональное (отрицательное) отношение автора к
предмету сообщения, являясь одним из средств усиления
экспрессивности предложения¹.

В таких предложениях сказуемое в большинстве случаев
выражается глаголом в форме будущего времени.

Например:

Какая нелегкая затянула сюда Артема?... Еще, **чего доб-
рого**, депо бросит, — размышлял удрученный Павел..
(Островский).

8. В качестве вводного употребляется фразеологическое
выражение, состоящее из двух местоимений: определительного
в форме именительного падежа среднего рода (**само**) и воз-
вратного в форме творительного падежа — **само собой**, грам-
матический омоним обстоятельственного выражения, которое
имеет значение «непроизвольно», «без посторонней помощи».
Оно употребляется также и в сочетании со словом **разумеет-
ся**. По-видимому, это вводное сочетание слов возникло в ре-
зультате сокращения вводной конструкции **само собой раз-
умеется**. Встречается оно преимущественно в разговорной ре-
чи, являясь дополнительным средством выражения модаль-
ного оттенка достоверности высказывания. По значению оно
сближается с вводными словами **конечно, понятно**².

Например:

Мне Василий Васильевич говорит: особые (протезы)
нужны, Зуев, не подгадь. Ну, а Зуев, **само собой**, разве
подгадит. (Полевой).

¹ Акад. А. А. Шахматов предполагает, что сочетание слов «чего
доброго» возникло из «чего ждать доброго». См. его «Синтаксис русского
языка», вып. II, М., 1941, стр. 271.

² ТСУ, III, 1203; IV, 29.

Как видно, части речи (имена) не в одинаковой мере служат основой для образования вводных сочетаний: наибольшими возможностями в этом обладает имя существительное, значительно меньшими — имя прилагательное. Лексические значения числительных и почти всех местоимений не позволяют им создавать сочетания вводного характера. Вводные сочетания могут образоваться только на базе тех слов, семантика которых, без изменения или при больших или меньших изменениях ее, включается в систему значений, выражаемых вводными конструкциями.

И. П. СВЯТОГОР

ПОВТОРЫ КАК СРЕДСТВО СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ РЕПЛИК В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из основных средств выражения синтаксической связи реплик в современном русском языке является ПОВТОРЕНИЕ в последующей реплике тех или иных словесных и структурно-грамматических особенностей предшествующей, соотносимой с ней по смыслу реплики. Это средство связи в лингвистической литературе обычно называется ПОВТОРОМ. Повторы встречаются не только в диалоге, но и в других формах разговорного и книжного языка¹. Однако в диалогической речи они выполняют специфические функции, и поэтому заслуживают специального рассмотрения.

Повторы, функционирующие в диалогической речи, интересовали многих языковедов². Большинство исследователей

¹ В языке широко распространены различные виды повторов, употребляемых в качестве стилистического приема (напр.: анафора, эпифора, синонимический повтор и др.). Рассматриваемые нами диалогические повторы не являются стилистическим приемом, это — «грамматическое орудие», используемое для синтаксической связи реплик.

² Г. О. Винокур. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи, сб. «Борис Годунов», М., 1936, Уч. Записки МГУ, вып. 128, Труды кафедры русского языка, кн. 1, М., 1948.

Т. Г. Винокур. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1953.

Т. Г. Винокур. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке. «Исследования по грамматике современного русского литературного языка», изд. АН СССР, М., 1955.

П. В. Вальков. Некоторые синтаксические особенности диалогической речи по пьесе М. Горького «Васса Железнова», Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1954.

П. В. Вальков. Лексические средства связи реплик в диалогической речи по пьесе М. Горького «Васса Железнова», «Ученые записки Пятигорского пединститута», т. 2, 1956.

А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. Учпедгиз, М., 1957, стр. 194, 197—198.

А. Е. Киселев. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. Автореферат канд. диссертации, М., 1954.

М. Л. Михлина. Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955.

И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. Труды института языкознания АН СССР, М., т. 2, 1953.

А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 273.

Н. Ю. Шведова. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. «Вопросы языкознания» № 2, 1956.

Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Автореферат докторской диссертации, М., 1958 и нек. др.

ограничивается описанием отдельных случаев употребления повторов в двух смежных репликах. Анализируются преимущественно особенности повторения лексических средств. Понятие повтора определяется по-разному: одними исследователями как грамматическое, другими — как стилистическое средство. В статьях и диссертациях Т. Г. Винокур, М. Л. Михлиной и П. В. Валькова сделано разграничение и развернутое описание лексических и структурных средств повтора, описаны наблюдения над использованием этих средств в диалогической речи. Вместе с тем нельзя не отметить, что дифференциация разновидностей повтора в указанных работах сделана недостаточно четко, и сами эти разновидности неправомерно определяются как особые средства синтаксической связи реплик, а не как составные части системы формально-языковых средств, входящих в единое целое — диалогический повтор. Очень ценные мысли о вторых репликах диалога, повторяющих элементы словесного состава первой реплики, содержатся в указанных выше работах Н. Ю. Шведовой.

Таким образом, имеющаяся лингвистическая литература дает представление только о некоторых разновидностях повторов, употребляемых в двух смежных репликах. Что же касается особенностей использования повторов в двух несмежных репликах и в цепи реплик диалога, то они еще не описаны. Не разграничены еще разновидности смежных, несмежных и сквозных повторов, не описаны их синтаксические функции. Не изучено взаимодействие этих разновидностей в диалоге. Иначе говоря, диалогический повтор как система формально-языковых средств, характеризующихся своей спецификой и взаимодействующих в диалоге, в полном объеме еще не описан.

Настоящая статья имеет целью обобщить имеющиеся в научной литературе сведения о повторе как средстве связи реплик в диалоге, дополнить их выводами из личных наблюдений¹, и в результате дать краткое описание системы этих повторов².

Особенности повтора как средства связи реплик определяются синтаксическими условиями, в которых он функционирует. Поэтому система повторов может быть раскрыта только при учете языковой специфики диалога.

¹ В качестве материала для наблюдений послужили записи устных разговоров и примеры, извлеченные из произведений русской классической и советской художественной литературы. В статье приводятся выборочно только отдельные примеры из этого материала.

² Сведения о лексическом повторе и синтаксическом параллелизме, функционирующих в двух смежных репликах, в статье сокращены до минимума, так как эти повторы описаны в указанных выше работах.

Диалогом называется перемежающийся, непосредственный словесный обмен мыслями между двумя и больше собеседниками.

Диалогическое общение протекает в виде чередования высказываний (последние принято называть репликами) двух собеседников по определенной теме их разговора. В процессе диалога собеседники обмениваются в преобладающем большинстве случаев такими высказываниями, из которых первое адресуется собеседнику, а второе является непосредственной реакцией на предшествующее высказывание и прямо соотносится с ним по смыслу, а в определенных случаях и формально-грамматически. Реплика может представлять собой реакцию на высказывание, отделенное от нее несколькими предшествующими репликами, в связи с чем устанавливается смысловая и структурно-грамматическая соотносительность несмежных реплик. Если на одно высказывание реагируют два и больше собеседников, то соотнесенными являются смежные и несмежные реплики. Таким образом, перемежающееся диалогическое общение сопровождается отчетливо выраженной смысловой и (в определенных случаях) формально-грамматической взаимосоотносительностью реплик.

Диалогическое общение является непосредственным. Участники диалога, ведя разговор, имеют возможность при словесном обмене мыслями учитывать результаты своих зрительных и слуховых восприятий (жесты, мимику, интонацию собеседника, обстановку разговора и т. п.). Все это позволяет осуществлять общение, используя сравнительно небольшое количество языковых средств — в большинстве своем простыми по структуре синтаксическими конструкциями, с недосказыванием, пропуском отдельных слов, известных из реплики собеседника или понятных в связи с общностью предшествующего опыта говорящих, из ситуации разговора и т. д.

Перемежающийся непосредственный характер диалогического общения ставит собеседников перед необходимостью сразу же реагировать так или иначе на предшествующее высказывание. Время на обдумывание у них сведено до минимума, формирование и языковое выражение мысли осуществляются почти одновременно с передачей ее собеседнику, как бы «на ходу». В таких условиях выразить непосредственную реакцию на предшествующее высказывание (согласие или несогласие со сказанным, отрицание, возражение, сомнение и т. п.) легче и проще всего путем повтора отдельных слов или структурных особенностей реплики собеседника. Удобство диалогического повтора состоит в том, что он в известной мере освобождает второго собеседника, реагирующего на реплику, от необходимости подыскивать специальные слова и форму выражения своих мыслей, так как позволяет использовать

словесный и структурный состав предшествующего высказывания. Вместе с тем через посредство повторения или указанием на отсутствие такого повторения (нулевой повтор) устанавливается смысловая и структурно-грамматическая соотносительность двух реплик. Вот почему повторы получили столь широкое распространение в диалогической речи.

В русском языке сформировалась хорошо развитая, устоявшаяся система диалогических повторов, которая используется в качестве одного из основных средств синтаксической связи реплик. «Системность фактов языка, обусловленная самим назначением его служить средством общения людей, — пишет В. Н. Ярцева, — проявляется как во взаимодействии отдельных сторон языка, так и в наличии у каждой из этих сторон своей собственной специфики»¹. Существование системы употребляющихся в диалоге повторов сводится к ряду соотношений. Основу этих соотношений составляют ПРОСТОЙ ПОВТОР и СКВОЗНОЙ ПОВТОР.

Простой повтор выражает формально-языковое сцепление двух смежных реплик. Использование в этом повторе различных языковых средств определило выделение в его составе ряда разновидностей повтора. Среди последних наиболее широкие явления представляют собой ПРОСТОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПОВТОР и ПРОСТОЙ НУЛЕВОЙ ПОВТОР. Внутри собственно повтора устанавливаются ПРОСТОЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР, ПРОСТОЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ и ПРОСТОЙ СМЕШАННЫЙ ПОВТОР (лексико-структурный повтор).

С простым повтором соотносится сквозной повтор, который обеспечивает синтаксическую связь ряда смежных и несмежных реплик. Сквозной повтор отличается от простого повтора как по характеру соотносительности реплик, так и по функциям синтаксической связи.

Системе разновидностей простого повтора противопоставляется соотносительная с ней система разновидностей сквозного повтора: простому собственному повтору — сквозной собственному повтору, простому нулевому повтору — сквозной нулевой повтор, простым повторам — лексическому, смешанному и синтаксическому параллелизму противопоставлены соответственно сквозные повторы — лексический, смешанный и синтаксический параллелизм.

Каждая разновидность повтора обладает своей спецификой. В диалоге при выражении синтаксической связи реплик разновидности повтора взаимодействуют друг с другом. Общим, объединяющим для всех разновидностей, позволяющим

¹ В. Н. Ярцева. О соотношении количественных и качественных изменений в языке. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». Изд. «Советская наука», М., № 2, 1958, стр. 3.

отнести их к повтору, является то, что все они строятся на отражении в последующей реплике тех или иных словесных и структурно-грамматических особенностей предшествующей реплики, т. е. повторяют, дублируют ее состав.

Рассмотрим каждую из разновидностей повтора в отдельности.

1. Простой повтор

Простой повтор представляет собой повторение в последующей реплике словесных, структурных или одновременно тех и других особенностей предшествующей реплики. Наличие или отсутствием в двух смежных репликах определенных словесных и структурных элементов выражается синтаксическая соотносительность этих реплик, их формально-грамматическое сцепление на основе отношений взаимозависимости. Большая степень подчинения характерна для второй реплики. Она выполняет реагирующую функцию по отношению к предшествующему высказыванию, в связи с чем «определенные правила построения, линии синтаксического подчинения выявляются почти исключительно в формах второй реплики, в то время как первая реплика в своих формах относительно свободна»¹.

Например:

— ...Придется на ночь у Луки остановиться.

— У какого Луки?

(А. П. Чехов, т. 4, стр. 28)

Вторая реплика повторяет слово первой реплики «Луки» без изменения его грамматической формы, лексического значения и синтаксической функции. Этот повтор соотносит вопросительное предложение с предшествующим предложением, ставит повторяемое слово в один ряд с членами предложения первой реплики, в связи с чем восполняется смысловое содержание и синтаксическая структура вопросительного предложения. В последнем становится очевидным отсутствие повторения ряда членов предложения первой реплики.

Повтор слова «Луки» и отсутствие повторения в последующей реплике ряда членов предложения предшествующей реплики — это те формально-языковые средства, с помощью которых выражаются существующие между репликами синтаксические отношения взаимосоотносительности при большем подчинении последующей реплики предшествующей, так как обусловлена словесно и структурно (повторяет или не повторяет) последующая реплика, в то время как первая реплика в своих формах относительно свободна. Вместе с тем наличие (как и отсутствие) в обеих репликах одинаковых сло-

¹ Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Автореферат докторской диссертации, М., 1958, стр. 23.

вёсных и структурных элементов выражает не только синтаксические отношения между репликами, но и характер связи — синтаксическое сцепление реплик.

Таким образом, синтаксическая связь, выражаемая с помощью простого повтора, носит характер формально-языкового сцепления двух смежных реплик, между которыми существуют синтаксические отношения взаимосоотнесенности при большей степени подчинения последующей реплики предшествующей. Такая связь свойственна всем разновидностям данного повтора. Вместе с тем в различных разновидностях отмечается известное своеобразие в форме и средствах выражения этой связи, в степени взаимозависимости реплик и степени подчинения последующей реплики предшествующей.

А. ПРОСТОЙ СОБСТВЕННО ПОВТОР

Простой собственно повтор — повторение в последующей реплике словесного состава предшествующей реплики, особенностей ее синтаксической структуры или одновременно того и другого — выделяется как формально-языковое средство, соотносительное простому нулевому повтору. Специфика простого собственно повтора раскрывается в его разновидностях — простом лексическом повторе (повтор словесного состава предшествующей реплики), простом синтаксическом параллелизме (повтор особенностей синтаксической структуры) и простом смешанном повторе (одновременный повтор словесного состава и структурных особенностей).

1. Простой лексический повтор

Простой лексический повтор отражает лексическую и структурную зависимость второй реплики от предшествующего высказывания: повторяется определенное слово первой реплики, причем форма его во второй реплике не произвольна, она определяется закономерностями построения последующих реплик в диалоге. Вокруг повторяемых слов обычно группируются частицы, междометия, модальные слова, обращения и другие группы слов, в результате чего создаются характерные для разговорной речи синтаксические конструкции, основу которых составляет лексический повтор — повторяемое слово (без предлога или в сочетании с предлогом) ¹.

Примеры:

- 1) — Вот куда привела нас **судьба**, — сказал Дибич.
— Какая же **судьба**? Мы к этому шли.
(К. Ф е д и н, т. 5, стр. 102).

¹ Классификация и разностороннее описание этих реплик, как и подобных реплик, формируемых на основе смешанного повтора, даны в указанных выше статье и диссертации Н. Ю. Ш в е д о в о й.

- 2) (Перчихин) ...Я так полагаю, что **всякое** дело любовью освящается...
(Бессеменов) **Всякое?**
(М. Горький, т. 6, стр. 18)
- 3) — Он у нас тоже хороший.
— Почему тоже?
(К. Симонов, т. 3, стр. 63)
- 4) — Соколову Полину Георгиевну **знаешь?**
— **Знаю.**
(А. Фадеев, «Молодая гвардия», стр. 319)
- 5) — Что ты **смеешься?** — спросил Григорович.
— Да так, **смешно.**
(К. Симонов, т. 3, стр. 187)

2. ПРОСТОЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ

Простой синтаксический параллелизм, подобно простому лексическому повтору, характеризуется большим разнообразием своих разновидностей. Последующие реплики могут дублировать тип предложения, количество членов предложения, особенности их морфологического оформления, порядок слов в предложении, особенности интонации и т. д. Повторение в последующей реплике тех или иных структурно-грамматических особенностей предшествующей реплики выражает синтаксическое сцепление реплик на основе отношений взаимосоотносительности, при большем подчинении последующей реплики предшествующей.

Примеры:

- 1) (Влас) Я буду есть — это полезнее.
(Калерия) Я поиграю — это лучше.
(М. Горький, т. 6, стр. 189)
- 2) — Где он был? — спросил я у Антонова.
— В парке спал.
(Л. Н. Толстой, т. 3, стр. 41)
- 3) — Кто борщу **требовал?** — провозгласила... хозяйка...
— Ах, это **Козельцов спрашивал,** — сказал... офицер...
(Л. Н. Толстой, т. 4, стр. 70)
- 4) (Мелания) Ты, Фимка, **умная?**
(Фимка) **Неглупая-с.**
(М. Горький, т. 6, стр. 297)
- 5) (Чапурной) ...С **гримасой** говорила? С **насмешкой,** а?
(Елена) Что вы! С **радостью...**
(М. Горький, т. 6, стр. 335)

В первом примере последующая реплика дублирует тип предложения, количество членов предложения и интонацию предшествующей реплики, во втором и третьем примерах — структурные особенности первой реплики, в остальных примерах — морфологическое оформление отдельных членов предложения.

3. ПРОСТОЙ СМЕШАННЫЙ ПОВТОР

Простой смешанный повтор представляет собой одновременное повторение в последующей реплике словесных и структурных особенностей предшествующей реплики — словосочетания, предикативной основы предложения (сочетания подлежащего и сказуемого, сочетания слов, входящих в главный член односоставного предложения), части сложного предложения или всего предложения.

Различаются следующие разновидности этого повтора:

1) Лексический повтор и синтаксический параллелизм, составляющие простой смешанный повтор, объединяют одни и те же слова, т. е. имеется полное соответствие этих двух повторов.

2) Лексический повтор охватывает только часть входящих в синтаксический параллелизм слов.

Первая разновидность обеспечивает более тесное синтаксическое сцепление реплик, чем вторая. В составе первой разновидности выделяется повтор без изменения грамматической формы слов и повтор с изменением их формы.

Примеры:

- 1) — **Нам надо увидаться**, — сказал он.
— Да, да, **нам надо увидаться** — ...подхватила она...
(К. Федин, т. 4, стр. 133)
- 2) — **Что тебе надо для счастья? Чтоб не пил?**
— **Чтоб не пил.**
(В. Панова, т. 1, стр. 14)
- 3) — **Я тебе писал**, и ты мне не ответил.
— **Ты мне писал?**
(В. Панова, т. 1, стр. 240)
- 4) — **Я... я визиты делал...**
— Много, стало быть, **визитов сделали?**
(А. П. Чехов, т. 4, стр. 6)

Во второй разновидности повтор производится также без изменения и с изменением грамматической формы слов.

- 1) — **Какой сюжет** вашей повести? — спросил я.
— Сюжет... Как бы вам сказать? **Сюжет не новый...**
Любовь, убийство...
(А. П. Чехов, т. 3, стр. 8)
- 2) (Протасов) **И Лиза там?**
(Елена) **Лиза у себя.**
(М. Горький, т. 6, стр. 310)
- 3) — **А вы чем занимаетесь?**
— **Я парусным делом занимаюсь.** Сорок лет шью паруса.
(К. Паустовский, т. 4, стр. 559)

Степень синтаксической зависимости реплик, сцепляемых посредством простого собственно повтора, может быть различной, что зависит от разновидности данного повтора. Лексический повтор обеспечивает более тесную синтаксическую связь, чем синтаксический параллелизм, а сцепление реплик посредством смешанного повтора более прочное, чем при лексическом повторе¹. Сравните, например:

- 1) — Вы обещали устроить нас **на Балашов**.
— **На Балашов** поездов не будет, — ответил начальник...
(К. Федин, т. 5, стр. 17)
- 2) — Вы обещали устроить нас **на Балашов**.
— **В этом направлении** поездов не будет.
- 3) — Вы обещали устроить нас **на Балашов**.
— **Можно устроить вас и на Балашов**.

В первом примере синтаксическая взаимосоотносительность реплик устанавливается посредством лексического повтора «На Балашов». Употребление одного и того же предложно-именного сочетания в двух репликах, без изменения его лексического значения, грамматической формы и синтаксической функции, обеспечивает тесное синтаксическое сцепление этих реплик при большем подчинении последующей реплики предшествующей.

Во втором примере реплики соотносятся с помощью синтаксического параллелизма «На Балашов — В этом направлении» (дублирование члена предложения). Соотнесенность реплик здесь менее отчетлива, не так прозрачна, как в первом примере.

В третьем примере реплики сцепляются простым смешанным повтором. Соотносительность реплик здесь и лексическая и структурная. Многосторонняя соотносительность обеспечивает более прочное сцепление реплик, чем в первых двух примерах.

Б. ПРОСТОЙ НУЛЕВОЙ ПОВТОР

В диалогической речи широко распространены синтаксически неразвернутые конструкции², возникновение которых связано с тем, что «в той или иной реплике диалога, представляющей собой звено в цепи сменяющих друг друга реплик, употребляются преимущественно только те члены предложения, которые прибавляют что-то новое к развертываемой в

¹ Внутри каждой разновидности простого собственно повтора также имеется различие в степени синтаксической спаянности сочетаний реплик. Однако рамки данной статьи не позволяют рассмотреть здесь этот вопрос.

² Указанные конструкции являются синтаксически неразвернутыми по сравнению с так называемыми полными предложениями книжного языка.

диалоге теме, и обычно не повторяются члены предложения, уже названные говорящим или собеседником»¹. Смысловое содержание и синтаксическая характеристика этих конструкций раскрываются полностью только при соотнесении последних с теми словами предшествующей реплики, которые не повторяются во второй реплике. Следовательно, в данном случае в качестве средства связи реплик выступает, так сказать, «нулевой» повтор, повтор, представленный отрицательно, т. е. не имеющий во второй реплике своего словесного выражения.

Например:

— Чего вы боитесь?

— Пули, — ответил дежурный...

(К. Паустовский, т. 3, стр. 759)

В этом примере две реплики находятся в отношениях смысловой и грамматической взаимосвязи. Вопрос адресован собеседнику, ответ является реакцией на этот вопрос. Ответная реплика представлена однословным синтаксически неразвернутым предложением, которое вне диалога не обладает достаточной смысловой и структурно-грамматической определенностью. Вся полнота его содержания и синтаксической характеристики устанавливается только при соотнесении двух реплик. Соотносимые слова «чего» — «пули» выражают семантико-синтаксическую связь реплик (существительное конкретизирует лексическое значение местоимения и дублирует особенности его морфологического оформления как члена предложения). Тождество форм, значений и синтаксических функций этих слов позволяет соотнести две реплики как обращения, одноплановые в семантическом и структурном отношении. В результате обнаруживается отсутствие повтора во второй реплике подлежащего и сказуемого первой реплики. Эти члены предложения словесно не выражены, но ими обусловлено морфологическое оформление второй реплики (родительный падеж, ед. число, женский род слова «пули»). Отсутствующее сказуемое «боюсь» (форма слова по сравнению с первой репликой изменена) определило модальное и синтаксическое временное значение ответного предложения. В связи с неупотреблением во второй реплике сказуемого существительное «пули» синтаксически соотносится с глаголом «боитесь» (связь по способу управления). Таким образом, отсутствие во второй реплике словесного выражения повтора (нулевой повтор) определило ее смысловую и структурно-грамматическую обусловленность. В семантическом и структурном отношении она оказывается зависимой от тех слов первого высказывания, которые в ней не повторяются.

¹ Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 90.

- Нет, — Анна покачала головой, — я не могу уехать.
— Но почему?

(К. Паустовский, т. 2, стр. 229)

Вторая реплика представлена здесь вопросительным предложением, возникшим в связи с необходимостью выяснить определенные сведения по поводу сказанного в первой реплике. Собеседник при вопросе ограничился употреблением вопросительных слов без повторения ряда членов предшествующего предложения. Неповторение стало возможным здесь потому, что постпозиция второй реплики, союз «но», начинающий высказывание, и смысловая соотнесенность ставят вторую реплику в один ряд с членами предложения первой реплики. «Опущенные» члены предложения в измененной по сравнению с первой репликой форме («ты не можешь уехать») обусловили синтаксическую структуру и модальную характеристику второй реплики. Соотнося вторую реплику с теми словами предшествующего высказывания, которые не повторяются в ней, нулевой повтор обеспечивает синтаксическое сцепление двух реплик при большем формально-языковом подчинении последующей реплики предшествующей.

Простой нулевой повтор используется преимущественно в вопросо-ответных конструкциях диалога и в сочетании невопросительной реплики с вопросительной (первая реплика — невопросительная — вызывает вопрос по своему содержанию). Это обусловлено особенно тесной смысловой и формально-грамматической взаимозависимостью входящих в данные сочетания реплик, позволяющей без ущерба для содержания второй реплики не употреблять в ней отдельные члены предложения, известные из первой реплики.

Примеры:

- 1) — Ты меня любишь?
...
— С первого дня нашей встречи!
(И. А. Бунин, т. 4, стр. 328)
- 2) (Перчихин) О чем думаешь, Петя?
(Петр) Куда бы уйти...
(М. Горький, т. 6, стр. 20)
- 3) — ...Куда мы идем, я не знаю.
— А не в Китай?
(К. Паустовский, т. 4, стр. 471)
- 4) — ...Тогда убьют немцы обоих вас в первой балочке.
— А его за что?

(К. Паустовский, т. 5, стр. 69)

В диалогических отрезках, представленных двумя вопросительными или невопросительными репликами, простой нулевой повтор употребляется только при наличии смысловой и

структурной одноплановости высказываний, что встречается очень редко.

Примеры:

- 1) — Что же ты торчишь тут, если тебе скучно? — вдруг спросил Тихон Павлович свою соседку.
— А ты? — не глядя на него, кротко бросила она.
(М. Горький, т. 2, стр. 283)
- 2) (Лебедев)... Мне с тобою, дружище, поговорить надо о весьма важном деле...
(Баркин) И мне тоже.
(А. П. Чехов, т. 9, стр. 59)
- 3) — Я согласен с ним.
— И я.
(Из разг. речи)
- 4) (Капочка) Какие ягоды вы больше любите?
(Бальзаминов) А вы какие?
(А. Н. Островский, т. 2, стр. 132)

Отрицательный повтор является одним из проявлений общей тенденции языка к экономии своих средств¹.

II. Сквозной повтор

Сквозной повтор — распространение повтора на группу последующих реплик — реализуется в цепи реплик, где логические и синтаксические отношения между высказываниями разных собеседников значительно сложнее, чем в сочетании двух смежных реплик. В диалоге с этим повтором каждая последующая реплика отражает в своем содержании и в особенностях синтаксического строения не только реакцию на предшествующую реплику, но и свою более активную роль по отношению к последующей реплике.

Основная синтаксическая функция сквозного повтора состоит в том, чтобы скреплять в формально-языковом отношении весь диалог или какую-либо группу входящих в него реплик. Эта функция обусловлена языковой природой данного вида повтора — многократным повторением тождественных формально-языковых средств. В отличие от единичного повтора, отражающего синтаксическую взаимосоотносительность двух реплик при большей степени подчинения последую-

¹ Следует отметить, что наличие в сочетании реплик нулевого повтора не может служить основанием для определения конструкций, входящих во вторые реплики, как предложений, в которых пропущен, но легко подразумевается тот или иной член. Эти предложения являются типизированными формами диалогической речи. Синтаксическая неразвернутость — их норма. Поэтому и рассматривать их нужно как особый тип предложений — достояние диалогической речи, обладающих специфической языковой характеристикой, определяемой синтаксическими условиями, в которых они функционируют.

щей реплики предшествующей, многократное повторение в диалоге одних и тех же словесных элементов или структурно-грамматических особенностей какой-либо реплики соотносит все последующие реплики между собой в порядке следования их в диалоге (сквозной собственно повтор или с репликой, начинающей сквозной повтор (сквозной нулевой повтор)). Неравноправный характер зависимости реплик сохраняется и при сквозном повторе, но он, как это будет показано ниже, имеет свою специфику.

Синтаксическая связь, выражаемая сквозным повтором, обычно выступает как самостоятельная линия синтаксического сцепления группы реплик или всего диалога в целом.

Различные разновидности сквозных повторов при выражении синтаксической связи реплик имеют свою специфику.

СКВОЗНОЙ СОБСТВЕННО ПОВТОР

Сквозной собственно повтор обычно охватывает три-четыре смежных реплики. Повтор, распространяемый на большее количество реплик, встречается сравнительно редко. В результате использования в диалоге одних и тех же формально-языковых средств устанавливается последовательная взаимосоотнесенность и сцепление группы смежных реплик. Эта линия связи может быть переброшена к отдельным несмежным репликам. Обладая общностью темы разговора и единой линией связи, цепь реплик со сквозным собственно повтором выделяется внутри диалога как определенное смысловое и структурно-грамматическое единство.

Употребление в диалоге той или иной разновидности сквозного собственно повтора определяется характером логико-грамматических отношений между репликами.

1. Сквозной лексический повтор

Причины использования в диалоге сквозного лексического повтора многообразны: общий предмет беседы, сосредоточение разговора вокруг какого-либо узкого вопроса (особенно при споре собеседников), реакция на ответную реплику, выраженная посредством распространения на эту реплику лексического повтора, переспрос или конкретизирующий вопрос после реплики с повтором, чередование в цепи реплик различных реакций на предшествующее высказывание и др.

Особенности синтаксической связи, выражаемой сквозным лексическим повтором, проиллюстрируем на примере:

— Что, он храбрый был? — спросил я его.

— А бог его знает: все, бывало, впереди ездит: где перестрелка, там и он.

— Так, стало быть, храбрый, — сказал я.

— Нет, это не значит храбрый, что суется туда, где его не спрашивают...

— Что же вы называете храбрым?

— Храбрый? Храбрый? — повторил капитан...

— Храбрый тот, который ведет себя как следует, — сказал он.

(Л. Н. Толстой, т. 3, стр. 16)

В этом диалоге, состоящем из шести реплик, все последующие реплики, кроме второй, повторяют прилагательное «храбрый» с изменением и без изменения его грамматической формы и сохранением синтаксической функции. Исходной репликой для сквозного лексического повтора является первая реплика, так как упоминаемое в ней слово «храбрый» является предметом всего разговора. Отсутствие повтора во второй реплике не разрывает осуществляемой сквозным лексическим повтором синтаксической соотносительности третьей и первой реплики, так как вторая реплика близка по содержанию как первой, так и третьей реплике и связана с ними синтаксически.

Использование сквозного лексического повтора в данном диалоге обусловлено смысловыми отношениями, существующими между смежными репликами. Схема этих отношений выглядит следующим образом: первая реплика — вопрос собеседнику, вторая — ответ на этот вопрос, третья — заключение, сделанное на основе ответа, четвертая — несогласие с этим заключением, пятая — вопрос, предполагающий выяснение точки зрения собеседника на предмет разговора, поскольку собеседник не согласен с мнением на этот счет своего партнера по разговору, шестая — ответ на предшествующий вопрос. В первой реплике назван предмет диалога, в последующих выясняются мнения собеседников о нем. Вполне понятно, что при таких условиях должно повторяться в последующих репликах то слово, которое называет понятие, обсуждаемое в диалоге.

Сквозной лексический повтор обеспечивает синтаксическое сцепление реплик — первой и третьей, третьей и четвертой, четвертой и пятой, пятой и шестой. Среди этих пар реплик меньшая степень сцепленности характерна для связи третьей и первой реплики, так как между ними находится промежуточное звено — вторая реплика. Каждая последующая реплика, начиная с третьей, посредством сквозного лексического повтора синтаксически соотносится с предшествующим и последующим высказываниями, в результате чего обеспечивается формально-языковая сцепленность и указанных пар реплик между собой. Таким образом, сквозной лексический повтор — повторение одного и того же слова в цепи сменяющихся друг друга реплик — выступает здесь в качестве формаль-

но-грамматического стержня, на котором держится смысловое и структурно-грамматическое единство всего диалога.

Подобные же синтаксические функции выполняет сквозной лексический повтор и в следующих примерах:

1) — Неточка, дитя мое, я знаю, ты не умеешь лгать, — проговорила она. — Это все, что случилось, решительно все?

— Все, — отвечала я.

— Все ли? — спросила она, обращаясь к мужу.

— Да, все, — отвечал он с усилием, — все!

(Ф. М. Достоевский, т. 2, стр. 224)

2) — Но вы не ответили на мой вопрос — кто выигрывает от того, что жизнь пожирает людей?

— Жизнь! — сказала Варвара Васильевна... — Да, жизнь! Потому что она от этого становится все разнообразнее, быстрее, интереснее...

— Нет, право, это Шебуев заразил вас — жизнь! Жизнь! жизнь!

— Шебуев? Что ж? Когда он говорит, что жизнь надо любить, — он прав!

— Да что такое эта жизнь? — воскликнул Павел Иванович.

— Я — не знаю...

(М. Горький, т. 4, стр. 414)

2. Сквозной синтаксический параллелизм

Сквозной синтаксический параллелизм — это отражение в нескольких последующих репликах полного или частичного структурно-грамматического тождества с предшествующей, соотносимой с ними по смыслу, исходной для данного повтора репликой. При этом повторе последующие реплики дублируют синтаксическую структуру исходной реплики с учетом структурных особенностей смежной предшествующей реплики. В связи с этим каждая последующая реплика, находясь в отношениях синтаксической взаимосоотносительности со смежными ей предшествующим и последующим высказываниями, более зависима от предшествующего высказывания, чем последнее от него, а по отношению к последующему высказыванию, наоборот, менее зависима, так как последующая реплика, распространяя на себя структурный повтор, должна учитывать структурные особенности предшествующей реплики.

Сквозной синтаксический параллелизм находит в диалогической речи значительно меньшее распространение, чем другие виды сквозных повторов. Употребляется он преимущест-

венно в цепи перемежающихся вопросительных и ответных реплик и в сочетаниях вопросительной реплики с невопросительными.

Например:

(Генерал) Э.. Вы кто такой?
(Греков) Рабочий.
(Генерал) Кузнец?
(Греков) Слесарь.

(М. Горький, т. 6, стр. 485)

Начальная реплика представлена здесь простым двусоставным предложением, в котором сказуемое выражено местоименным сочетанием в значении имени существительного мужского рода, ед. числа, именит. падежа. Вторая реплика дублирует эти особенности первой реплики. Сказуемым в ней является имя существительное с теми же формальными показателями, что и у сказуемого первой реплики. Местоименное подлежащее первой реплики «вы» (при ответе «я») в соответствии с нормами диалогической речи во второй реплике не повторяется. Дублируя количественный состав членов предложения предшествующей реплики, вторая реплика не распространяет предложение за счет употребления второстепенных членов.

Третья и четвертая реплики строятся по типу второй реплики.

Таким образом, в рассматриваемом диалоге последующие реплики дублируют ряд структурно-грамматических особенностей первой реплики — тип предложения, количество членов предложения, особенности их морфологического оформления, интонацию. Использование тождественных структурно-грамматических средств в цепи реплик обеспечивает синтаксическое сцепление реплик в порядке следования их в диалоге. Смежные реплики находятся в отношениях взаимосоотносительности. В связи с тем, что каждая последующая реплика, осуществляя структурный повтор, не может не учитывать структурные особенности предшествующей реплики, линии синтаксического подчинения выявляются в последующих репликах. Вторая реплика более зависима от первой реплики, чем первая от нее, но менее зависима от третьей реплики. Такие же синтаксические отношения существуют у третьей реплики со второй и четвертой репликами.

Среди различных видов дублирования наибольшей употребительностью в диалогической речи характеризуется дублирование особенностей морфологического оформления членов предложения исходной реплики.

Примеры:

- 1) — Кому нужна здесь моя помощь?
— Моей дочери!
— А! Вере... Михайловне! Что с ней?

(А. И. Герцен, т. 1, стр. 254)

- 2) — Слушай, Акерман, — спросил он тихо, — как их зовут?
— Кого?
— Ну этих двоих, похороненных вместе?
— **Солдата** — Тихонов, а **прапорщика** — Бестужев.
(К. Паустовский, т. 2, стр. 248)
- 3) — Когда приблизительно идет здесь последний снег?
— спросил я.
— **В мае**, — ответил Л.
— **Неправда, в июне**, — сказал доктор.
(А. П. Чехов, т. 10, стр. 58)

3. Сквозной смешанный повтор

Сквозной смешанный повтор употребляется при выражении в последующих репликах непосредственных реакций (особенно отрицательных — возражение, сомнение, несогласие и т. п.) на предшествующее высказывание. Наиболее часто он встречается при споре собеседников, где перемежающиеся реплики отражают смену разных реакций.

В отличие от лексического повтора и синтаксического параллелизма, дублирующих только словесный состав или только структуру исходной реплики, сквозной смешанный повтор производит одновременное повторение словесных и структурных особенностей, в связи с чем обеспечивает более разностороннюю взаимосоотнесенность и более прочное синтаксическое сцепление реплик, чем указанные повторы. Часть словесного состава повтора обычно изменяет свою грамматическую форму. Случаи полного соответствия лексического и структурного повтора в составе сквозного смешанного повтора наблюдаются редко.

Примеры:

а) Сквозные лексический и структурный повторы, составляющие сквозной смешанный повтор, охватывают один и тот же словесный состав:

- 1) — Что же, **в этот вечер** вы тоже задержались на службе?
— Нет. **В этот вечер** — нет.
— А где же вы были?
— **В этот вечер...** просто житейский случай, — сказал Ознобишин.

(К. Федин, т. 5, стр. 76, 77)

- 2) (Марья Львовна) Соня! Дочка моя! Если бы **ты знала!**..
(Соня) **А я знаю!**
(Марья Львовна) **Ты** ничего не знаешь!..
(М. Горький, т. 6, стр. 253)

- 3) — ...Вас никто не просит.
— И вас никто не просит, однако же вы в моем доме устроили целый комитет! — сказал я.
— Меня просят, а вас, поверьте, никто и никогда не попросит.

(А. П. Чехов, т. 7, стр. 24)

б) Сквозной лексический повтор охватывает только часть входящих в сквозной структурный повтор слов:

- 1) — Да что ж, что сказал: **никто не запишет**.
— **А я запишу**.
— Да вы ежели и запишете, так в критику, как говорит Мищенков, — прибавил он, улыбаясь.

(Л. Н. Толстой, т. 3, стр. 56)

- 2) — ...Так что **вы не очень заноситесь**, прапорщик.
— Да **я и не заношусь**.
— Напрасно! **Я бы** на вашем месте занесся.

(К. Паустовский, т. 3, стр. 446)

- 3) (Елена) ...Однако... ведь и я тоже... значит, и я **пустая?**

(Петр) О нет! Вы — нет! **Вы** — живая, вы, как ручей, освежаете человека!

(Елена) Ба! Значит, я, по-вашему, **холодная?**

(М. Горький, т. 6, стр. 74)

в) Изменение сквозного смешанного повтора очень часто связано с тем, что от повтора отпадают или к нему присоединяются отдельные члены предложения, в результате чего в одной или нескольких репликах уменьшается объем как лексического, так и структурного повтора.

Примеры:

- 1) — ...нет, вы можете на меня положиться: когда **я работал** в городе, мне не раз приходилось перевозить секретные пакеты.
— **А с кем вы работали?**
— **Работал я с максималистами**, но я думал тогда, что это все равно...
— То есть как все равно?
— Да с кем **работать...**

(А. Фадеев, «Разгром», стр. 110)

- 2) (Двоеточие) ...эх, милая барыня, **полюбил я вас!**
(Варвара Михайловна) **За что любить меня?**
(Двоеточие) Да разве **любят за что-нибудь?** Любят так, просто.

(М. Горький, т. 6, стр. 260)

- 3) — ...а потом, — и Сабуров улыбнулся, — на радостях **вы же немножко дадите**, а?
— **Дам**, — ответил... Ремизов.
— Ну, и генерал, когда мы ему доложим, ведь даст?

— Несомненно даст, — сказал Ремизов. — **Я-то** не знаю, еще дам или нет, а **генерал даст**.

— Но и **вы дадите?**

Дам. Я же шучу. И первого дам себя...

(К. С и м о н о в, т. 3, стр. 280).

СКВОЗНОЙ НУЛЕВОЙ ПОВТОР

Сквозной нулевой повтор представляет собой распространение нулевого повтора на группу последующих реплик. В отличие от сквозного собственно повтора, выражающего последовательную синтаксическую взаимосоотнесенность реплик, сквозной нулевой повтор используется для обеспечения формально-грамматической соотнесенности последующих реплик с начальной (исходной) для данного повтора репликой. Этот вид повтора, по тем же причинам, что и простой нулевой повтор, употребляется главным образом для структурно-грамматического сцепления группы перемежающихся вопросительных и ответных реплик. Смысловая и структурно-грамматическая одноплановость цепи реплик — необходимое условие для использования в репликах сквозного нулевого повтора.

Н а п р и м е р:

— Давай спорить, что я завтра наймусь в городской театр, — сказал я.

— Кем?

— Не все ли равно?

— На сцену?

— На сцену.

(К. Ф е д и н, т. 6, стр. 14).

В этом примере синтаксически развёрнутым является только первое предложение. В остальных репликах употреблены предложения, которые состоят из одних второстепенных членов, развивающих тему диалога.

Грамматическая форма слов, составляющих последующие реплики, обусловлена формой тех слов первой реплики, которые не повторяются в последующих высказываниях. Причем, эти неповторяемые, фактически отсутствующие слова определили структурно-грамматическое оформление последующих реплик, имея измененную по сравнению с первой репликой форму (ТЫ НАЙМЕШЬСЯ кем, ТЫ НАЙМЕШЬСЯ не все ли равно кем, ТЫ НАЙМЕШЬСЯ на сцену). Таким образом, последующие реплики не повторяют в своём формально-грамматическом составе отдельных членов предложения первой реплики, «потенциальное присутствие которых сказывается как в лексической определённости этих членов, так и в наличии в предложении грамматически зависимых от них форм»¹. Соотнося последующие реплики с теми словами пер-

¹ С. Г. Ильенко. О специфике второстепенных членов в неполных предложениях, Л., 1958, стр.

вого высказывания, которые отсутствуют в формально-грамматическом составе последующих реплик, сквозной нулевой повтор оформляет рассматриваемый диалог как определенное смысловое и структурно-грамматическое единство.

Состав соотносительных слов в цепи реплик со сквозным нулевым повтором может быть различным. Последующие реплики соотносятся с одними и теми же членами предложения исходной для повтора реплики

- 1) — Опять будем встречать кого-нибудь?
— Совершенно верно. Угадайте, кого?

.....

— Право, не знаю, кого...

(А. И. Куприн, т. 2, стр. 10).

- 2) (Любовь Андреевна) Продан вишневый сад?
(Лопухин) Продан.
(Любовь Андреевна) Кто купил?
(Лопухин) Я купил.

(А. П. Чехов, т. 9, стр. 198).

Количество членов предложения, с которыми соотносятся последующие реплики, в процессе развертывания диалога может увеличиваться или уменьшаться:

- 1) — Где Петр Рагозин? — спросил ротмистр.
— На работе, — отвечала Ксения Афанасьевна.
— Давно ушёл?
— С утра.

(К. Федин, т. 4, стр. 253).

- 2) — Ты не знаешь, как это делается?
— Нет. А ты?
— Я тоже не знаю, — сказал Потапенко...

(В. Панова, т. 1, стр. 19).

Широко распространены и такие случаи, когда состав соотносительных членов предложения в последующих репликах не одинаков — в одной реплике по сравнению с предшествующей количество соотносительных членов увеличилось, в другой — уменьшилось:

- 1) — А Филипчук где?
— Убит.
— Где убит?
— Там, близко к той стороне.
— Что, на берегу лежит?
— На берегу, но у наших.

(К. Симонов, т. 3, стр. 200).

- 2) — Сколько во взводе?
— Пятнадцать человек, — сказал Конюков, — не считая меня.
— А было?
— Семнадцать было...

(К. Симонов, т. 3, стр. 242).

Сквозной нулевой повтор вносит в диалогическую речь динамику, энергию и живость, делает ее непосредственной, гибкой и простой. В связи с этим данный вид повтора следует рассматривать как одно из проявлений богатства выразительных возможностей русского языка.

ПОВТОР В ДВУХ НЕСМЕЖНЫХ РЕПЛИКАХ

Особой разновидностью сквозного повтора является повтор, соотносящий две несмежные реплики. По форме это — простой повтор: одна реплика повторяет словесный состав или структурные особенности другой реплики, отдалённой от неё одной или несколькими предшествующими репликами. Однако синтаксические функции этого повтора больше напоминают сквозной повтор, так как соотносительность охватываемых повтором реплик осуществляется не непосредственно, а с учётом словесных и структурных особенностей реплик, находящихся между сцепляемыми несмежным повтором репликами.

Например:

- 1) — А про бутылки вы **знаете**?
— Про какие бутылки?
— Про почтовые.
— Нет, **не знаю**.
(К. Паустовский, т. 5, стр. 94).
- 2) — Говорил ли тебе отец, что я старик умный и что надо **слушать** меня?
— Говорил.
— Ты и **слушай!**.
(М. Горький, т. 4, стр. 89).
- 3) — **Кто это у вас там?**
— Где? — встревоженно спросил лесник.
— На печке.
.....
— **Дочка там у меня.** Маша. Хворая.
(К. Паустовский, т. 2, стр. 475).
- 4) — **Как жить думаешь?** — спросил он Володю.
— А ты?
— Будто не знаешь.
— Вот и я **так**, — облегчённо сказал Володя.
(А. Фадеев, «Молодая гвардия», стр. 186).

В первом примере лексический повтор «знаете» — «не знаю» синтаксически соотносит две несмежные реплики — четвертую с первой. Четвёртая реплика даёт ответ на вопрос первой реплики с учётом содержания второй и третьей реплики. Все смежные реплики сцепляются друг с другом посредством различных повторов. В таких условиях рассматриваемый несмежный лексический повтор, обрамляющий цепь реплик диалога, служит не для простого синтаксического сцепления

двух реплик, как это наблюдается в простом лексическом повторе, а для структурно-грамматического объединения всех реплик в диалогическом единстве. Подобные же синтаксические функции выполняют в остальных примерах лексический повтор «слушать» — «слушай», смешанный повтор «Кто это у вас там?» — «Дочка там у меня» и синтаксический параллелизм «как» — «так» (дублирование морфологического оформления члена предложения).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПОВТОРА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ РЕПЛИК В ДИАЛОГЕ

Синтаксическая связь реплик в диалоге осуществляется обычно при одновременном использовании нескольких формально-языковых средств. Сочетания этих средств разнообразны. Две или большее количество реплик могут сцепляться одновременно с помощью ряда разновидностей простых повторов. При наличии в цепи реплик сквозного повтора все смежные реплики или отдельные пары реплик сцепляются также простыми повторами. Встречаются сочетания и сквозных повторов. Наряду с повторами, в качестве средств связи могут быть использованы союзы, структурное соотношение реплик, интонация и др. Употребление для связи реплик того или иного сочетания формально-языковых средств всегда обусловлено характером существующих между репликами смысловых и синтаксических отношений. Взаимодействием нескольких формально-языковых средств выражается многостороннее структурно-грамматическое скрепление реплик и сложный характер синтаксических отношений между ними.

В двух смежных репликах возможно сочетание не более двух повторов. Разновидности собственно повтора вступают во взаимодействие с нулевым повтором. Между собой собственно повторы сочетаний не образуют¹. Такое ограничение возможностей сочетания повторов обусловлено определенными причинами. Все собственно повторы, как известно, строятся на отражении в последующей реплике словесных или структурных особенностей предшествующей реплики. Повтор во второй реплике конкретного слова, словосочетания или элементов структуры предшествующего высказывания показывает ее лексическую и структурную обусловленность и соотнесенность с первой репликой. Достаточно употребления одного собственно повтора, чтобы связь реплик стала очевидной. Вот почему собственно повторы не сочетаются друг с другом.

¹ Лексический повтор и синтаксический параллелизм в составе смешанного повтора составляют одно целое. Поэтому смешанный повтор нельзя рассматривать как взаимодействие двух указанных собственно повторов.

Иначе обстоит дело в репликах с нулевым повтором. Нулевой повтор выполняет такие же синтаксические функции, как и собственно повторы, но по своему формально-языковому выражению он отличается от них, так как отражает в последующей реплике особенности предшествующей реплики отрицательно (последующая реплика не имеет словесного выражения повтора). Являясь таким чисто негативным средством, нулевой повтор выражает соотносительность реплик менее прозрачно, чем собственно повторы. Чтобы сильнее подчеркнуть эту соотносительность, в репликах с отрицательным повтором и употребляют собственно повтор или другие средства связи.

Лексический и смешанный повторы в репликах с нулевым повтором выражают осложнённые разнообразными дополнительными оттенками утвердительные и отрицательные реакции. Синтаксический параллелизм повторяет не слова, а элементы структуры, в связи с чем предполагает употребление новых по сравнению с предшествующим высказыванием слов. Новые слова позволяют выражать новые мысли и развивать тему диалога. Вероятно, поэтому синтаксический параллелизм встречается в сочетании с нулевым повтором чаще лексического и смешанного повторов. Синтаксический параллелизм предпочтительнее указанных повторов и в стилистическом отношении, так как он разнообразит слог.

Примеры:

А. Взаимодействуют синтаксический параллелизм и нулевой повтор. Оба повтора выражают структурную зависимость второй реплики от первой.

- 1) (Степан) А где она?
(Черкун) Там.

(М. Горький, т. 6, стр. 410).

- 2) (Серебряков) Давно приехал?
(Орловский) В пятницу.

(А. П. Чехов, т. 9, стр. 147).

- 3) — Вы на каком факультете? — спросила она.
— На медицинском.

(А. П. Чехов, т. 6, стр. 191).

Б. Взаимодействуют лексический и нулевой повторы. Лексический повтор указывает на семантическую и структурную одноплановость реплик и тем самым делает более очевидным присутствие в них нулевого повтора.

- 1) — **Нас** выселяют.
— **Нас** одних?

(К. Федин, т. 5, стр. 138).

- 2) — Ты **ничего** не забыл?
— Нет, мама, кажется, **ничего**...

(Из разг. речи).

В. Взаимодействуют смешанный и отрицательный повторы:

- 1) — Ночью только **на кладбище звонят...** — говорит Андрей.
— **А зачем там звонят?**
- 2) — ...**А ты сколько даёшь?** Три четверти? Половину?
— **Я тоже** все, кажется.

(А. П. Чехов, т. 4, стр. 31).

(В Панова, т. 2, стр. 213).

В цепи реплик со сквозным повтором взаимодействуют различные разновидности простых и сквозных повторов. Сквозные собственно повторы сочетаются только со сквозным нулевым повтором.

Например:

- 1) — Вы умеете танцевать? — спросила Катя.
— Нет, **не умею.**
— **А я умею.**
- 2) — Где отдыхал?
— **В деревне**, у родителей.
— **В Гордеевке?**
— Да.

(Ф. М. Достоевский, т. 2, стр. 143).

(Из разг. речи).

В этих примерах синтаксическая связь реплик осуществляется сквозными повторами, в первом примере — лексическим и нулевым, во втором — синтаксическим параллелизмом и нулевым повтором.

В цепи реплик со сквозным повтором обычно присутствуют и простые повторы. В этом случае простые повторы сцепляют смежные реплики, а сквозной повтор выражает смысловое и формально-языковое единство всей цепи реплик.

Примеры:

- 1) — Что случилось?
— Мужик утонул.
— Где?
— В пруде.
— Какой? Наш?
— Нет, прохожий.

(Л. Н. Толстой, т. 3, стр. 130).

В этом примере отдельные смежные реплики связываются с помощью простых структурных повторов, а единство всего диалога создаётся сквозным отрицательным повтором.

- 2) — Послушайте, Константин Дмитрич, — сказала Дарья Александровна... — за что **вы сердитесь** на Кити?
— Я? **Я не сержусь**, — сказал Левин.
— Нет, **вы сердитесь**. Отчего вы не заехали ни к нам, ни к ним, когда были в Москве?

- Дарья Александровна, — сказал он... — я удивляюсь даже, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого. Как вам просто не жалко меня, когда **вы знаете...**
- **Что я знаю?**
- **Знаете**, что я сделал предложение и что мне отказано, — проговорил Левин..
- Почему же вы думаете, что **я знаю?**
- Потому, что **все это знают.**
- Вот уж в этом вы ошибаетесь; **я не знала** этого, хотя и догадывалась.
- А! ну так **вы** теперь это **знаете.**
- **Я знала** только то, что что-то было, что её ужасно мучало, и что она просила меня никогда не говорить об этом...

(Л. Н. Толстой, т. 18, стр. 284).

В этом диалоге два сквозных смешанных повтора «вы сердитесь» и «вы знаете» взаимодействуют между собой и с простыми повторами, обеспечивая смысловое и структурно-грамматическое единство всей цепи реплик.

Краткие выводы

Повторение в последующих репликах словесных, структурных или одновременно тех и других элементов предшествующей, соотносимой с ними по смыслу реплики, является средством синтаксической связи реплик в диалоге. Повтор обеспечивает синтаксическое сцепление реплик и выражает формально-языковую зависимость последующего высказывания от предшествующего. В современном русском языке диалогический повтор выступает в виде устоявшейся, широко разветвлённой системы своих разновидностей, взаимодействующих друг с другом при выражении синтаксической связи реплик. Каждая разновидность повтора обладает своей собственной спецификой как в отношении языковой природы используемых в ней средств, так и по выполняемым в диалоге синтаксическим функциям.

З. С. ЮФЕРЕВА

БЕССОЮЗНАЯ ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.

В настоящей работе рассматриваются бессоюзные сложные конструкции неоднородного состава, во второй части которых содержится основание, причина того, о чем говорится в первой части бессоюзия, или же дается мотивировка одного или группы членов предложения первой части.

Во многих случаях бессоюзные причинные предложения синонимичны сложноподчиненным предложениям с придаточными причины с союзами «потому что», «так как» и др.

Разница в конструкции сложноподчиненного и бессоюзного причинных предложений обуславливает разные оттенки в их значении, их различную экспрессивность.

В сложноподчиненном предложении логическая связь между его частями четко выражена причинным союзом. В бессоюзных сложных предложениях причинное значение иногда совмещается со значением цели, условия, следствия и др. В то же время бессоюзные конструкции лаконичны, придают речи легкость, живость.

Этим объясняется употребление союзных и бессоюзных конструкций с причинным значением в разных стилях речи.

Сложноподчиненные причинные предложения, как не допускающие возможности иного толкования, в научном, деловом, стиле литературного языка предпочитают бессоюзным причинным предложениям, хотя другие типы бессоюзия (преимущественно бессоюзные предложения однородного состава) употребляются в деловой, научной речи довольно часто.

Бессоюзные причинные предложения — характерная особенность разговорной речи, они широко распространены в языке художественной литературы, как в речи персонажей, так и в авторской.

§ 1. Бессоюзные предложения, вторая часть которых является причиной, обоснованием содержания первой части.

В сложноподчиненном предложении союз ясно указывает на причинное значение придаточного предложения. Бессоюзное сложное предложение не имеет такого яркого формаль-

ного выразителя зависимости его частей. В устной речи в оформлении бессоюзного предложения большую роль играет интонация. Письменная речь лишена интонации, знаки препинания передают ее неточно, а порою совсем на нее не указывают. Но и в устной речи одна интонация, без участия грамматических и лексических средств не может быть выразителем отношений между частями сложного предложения, равноценным союзу. Эти отношения в бессоюзном предложении передаются, кроме интонации, лексическим содержанием его частей, их логической соотносительностью, структурой предложения.

Бессоюзные причинные предложения двусоставны. Первая, поясняемая, часть их более самостоятельна, она является опорным моментом¹ всего предложения, построена более свободно, чем вторая, поясняющая ее, часть.

Вторая, причинная часть содержит ряд структурных элементов, указывающих на причинные отношения между частями бессоюзия: в ней могут быть слова, соотносительные со словами первой части, а также другие лексические элементы, вносящие дополнительные оттенки значения.

Основная функция бессоюзного причинного предложения так же, как и придаточного причины, — быть основанием, причиной содержания первой части конструкции; более узкая, частная функция — мотивировать отдельное слово, группу членов предложения первой части.

Самые простые и наиболее распространенные бессоюзные предложения со значением причины те, первая и вторая части которых по форме являются простыми предложениями.

Например:

(Р а й м о н д) — Дальше учиться не мог — у нас не было денег.

(Н. А. О с т р о в с к и й, Рожденные бурей)

В художественной литературе широко распространены и такие бессоюзные сложные предложения с причинным значением, части которых — сложные предложения. Иногда же бессоюзное сложное предложение само входит в состав сложной синтаксической конструкции.

Если первая часть бессоюзной причинной конструкции — сложное предложение, причинная часть по-разному может соотноситься с ее составом. Она может пояснять а) всю первую часть, являющуюся по структуре сложным предложением; б) одно или несколько предложений, входящих в состав первой части.

¹ См. Н. С. Поспелов, О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных предложений, Сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка, М., 1950, стр. 348.

а) Сложная первая часть, поясняемая в целом бессоюзным причинным предложением, представлена всеми типами сложного предложения, например:

Плыла мысль: «Хорошо, что ее (матери) нет, меньше горя».

(Н. А. Островский, Как закалялась сталь).

Первая часть бессоюзия «Хорошо, что ее нет» является сложноподчиненным предложением.

Но в этом нетерпении, в этой сердитой деловитости была видна та круговая порука, то чувство внутренней связи, которое было характерно для партийных собраний в годы войны. **Невозможно было говорить о нем — и никто не говорил, это произвело бы неловкое и странное впечатление.**

(Каверин, Поиски и надежды).

Первая часть бессоюзная «Невозможно было говорить о нем — и никто не говорил» — сложносочиненное предложение.

В следующем примере первая часть бессоюзия, поясняемая причинным предложением, в свою очередь бессоюзная сложная.

Он (Ленин) чаще проводил ладонью по лбу, голос его тускнел, — он сказал уже все, что хотел. (А. Н. Толстой, 18-й год, VIII).

б) Бессоюзное причинное предложение поясняет один из компонентов первой части, сложной по составу. Если первая часть — сложноподчиненное предложение, бессоюзное причинное может пояснять 1) главное предложение, 2) придаточное или несколько придаточных из состава первой части конструкции.

Например:

- 1) (Дед) — Ежели бы ты был не табашник, Володимирыч, да не бритоус, **был бы ты у нас настоятелем: гляди, как гоже складываешь...** (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 8).
- 2) Рядом с ним (Алексеем) сидела небольшая, остроносенькая девица Орлова и, приподняв темные брови, бесцеремонно рассматривала всех глазками, **которые не понравились Никите, — они не по лицу велики, не по-девичьи остры и слишком часто мигали.** (А. М. Горький, Дело Артамоновых, I). Так она (Анисья) и сказала, что **не знает, где муж, — летом какие-то люди его увели.** (А. Н. Толстой, Хмурое утро, II).

Отдельную группу составляют конструкции, в которых бессоюзное придаточное предложение поясняет придаточное причины, как в следующих предложениях:

О рабочих Якову Артамонову приходилось думать больше, чем о всем другом, **потому что он ежеднев-**

но сталкивался с ними и давно, еще в юности, они внушили ему чувство вражды, — он имел тогда немало резких столкновений с молодыми ткачами из-за девиц, и до сего дня некоторые из его соперников, видимо, не забыли старых обид. (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 3).

Он (Корчагин) просиживал в своем отделе без перерыва восемь часов не евши, так как спускаться на завтрак и обед с третьего этажа в соседнюю столовую оказалось не под силу: часто немела то рука, то нога. (Н. А. Островский, Как закалялась сталь, ч. 2, гл. 7).

В таких конструкциях бессоюзие вызывается семантическими условиями: постановка второго причинного союза затруднила бы понимание предложения, вызывая впечатление однородности придаточных, а не последовательной их связи. Подобную структуру предложения наблюдаем и в конструкциях, где бессоюзная причинная часть, сама будучи сложноподчиненным предложением, содержит в своем составе придаточное причины.

Например:

Мы не стали писать в этот день: я — опоздала, и доктор, должно быть, успел уже изложить свои мысли, потому что исписанный лист бумаги лежал перед ним на столе (К а в е р и н, Открытая книга).

Первая часть, один из компонентов которой поясняется бессоюзным причинным предложением, может быть в свою очередь бессоюзной сложной по составу.

Например:

По всему белому пароходу играли жидкие отсветы солнца, **на воду было больно смотреть, — река сияла и переливалась.** (А. Н. Толстой, Сестры, IX).

(Федор) «Я думаю, **этого человека надо проверить поглубже: здесь не простое неумение работать.**» (Н. Островский, Как закалялась сталь, ч. II, гл. 2).

Порою три и больше бессоюзно соединенных предложения все связаны друг с другом последовательно причинными отношениями.

Например:

А по дороге — верст двадцать отъехали — стоп, загорелись оси на вагонах, — **нет смазки, машинного масла: немцы увезли.** (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год).

Широко распространены сочинительные конструкции, одна из частей которых является бессоюзным сложным предложением с причинным значением.

Например:

Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что все было именно так, как было, **и многое хочется оспорить, отвергнуть, — слишком обильна жестоко-**

стью темная жизнь «неумного племени». (А. М. Горький, *Детство*, 2).

Старые заказчики сюда не пойдут — далеко, а новых не скоро найдешь. (Н. А. Островский, *Рожденные бурей*).

Конструкции, в которых бессоюзная причинная связь сочетается с союзным подчинением или сочинением, как очень усложненные, используются преимущественно в авторской речи. Здесь бессоюзие порою вызывается желанием избежать нагромождений союзов.

§ 2. Бессоюзные предложения, вторая часть которых является причиной, мотивировкой одного слова или группы членов предложения первой части

а) Наиболее распространенными в данной подгруппе бессоюзных причинных предложений являются конструкции, в которых причинно поясняется одно из однородных сказуемых первой части.

Например:

Владислав на миг оторопел. Затем с бешенством взмахнул стэком, но **не ударил**: *чутьем угадал, что за удар этот парень способен раскрыть ему голову топором.* (Н. А. Островский, *Рожденные бурей*, ч. 1, гл. 2).

Во всех подобных конструкциях на отношении причинной бессоюзной части лишь к одному из однородных сказуемых указывает лексическое значение этого сказуемого и содержания бессоюзного причинного предложения, а также постановка последнего непосредственно за поясняемым сказуемым (или группой сказуемого).

В ряде случаев бессоюзное причинное предложение имеет характер вставочного предложения, когда поясняет первое из однородных сказуемых и оказывается, таким образом, в середине первой части.

Например:

Даша не видела ее (Кати) *лица, — оно все было в тени,* — но чувствовала, что сказала ей что-то ужасное. (А. Н. Толстой, *Сестры*).

Я сел, неохота лежать помирать, потом встал. (М. А. Шолохов, *Судьба человека*).

Такой вставочный характер бессоюзное причинное предложение получает во всех тех случаях, когда оно, следуя за мотивируемым им членом предложения, стоящим в начале или в середине первой части конструкции, оказывается включенным в ткань другого предложения.

б) Бессоюзное предложение может мотивировать подлежащее первой части.

Например:

(Рощин) — ...Только мысль о тебе, **не любовь**, нет, — *любить уже нечем было*, — но напряженная мысль о тебе, как о том, чего нельзя разорвать, отбросить, забыть, нельзя продать, — только это связывало меня. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XX).

Вот на флоте у меня был друг, **даже брат**: *мы побратались, и я написал его матери, чтобы она меня считала за сына*. (Каверин, Поиски и надежды).

На отношение бессоюзного причинного предложения к подлежащему первой части прежде всего указывает содержание причинного предложения, структура первой части бессоюзия, ее инверсивное построение, обособление мотивируемого подлежащего, постановка причинного предложения непосредственно за ним, соотносительные с мотивируемым подлежащим слова во второй части бессоюзия («не **любовь**» — «**любить** уже нечем было»; «**даже брат**» — «**мы побратались**».)

в) Бессоюзное причинное предложение мотивирует дополнение первой части. Бессоюзное причинное предложение в таких конструкциях ставится непосредственно за дополнением, которое занимает обычно последнее место в первой части.

Например:

В учреждениях служащие, сидя в шубах, дули на распухшие пальцы, чтобы как-нибудь удержать в руке **карандаш**, — чернила в чернильницах замерзли до теплых дней. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XX).

Наиболее ярко выражено отношение причинного бессоюзного предложения к отрицаемому дополнению.

Например:

— В этом моем жалком увечье я виню **не германский народ**, — *не он виноват, а виноват международный империализм*. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, X).

г) Бессоюзная причинная часть мотивирует определение первой части. Причинное предложение может относиться к определению-прилагательному, стоящему перед определяемым существительным, которое разделяет в таком случае причинное предложение и мотивируемое им слово. Этот разрыв несколько затемняет их связь.

Например:

Половина днища баржи была на камнях берега, половина — в воде, и под нею, у кормы, зацепившись за изломанные полости руля, распласталось, вниз лицом, длинное тело Изота с разбитым, **пустым** черепом, — *вода вымыла мозг, из него*. (А. М. Горький, Мои университеты).

Гораздо ярче мотивировка обособленного определения, т. к. в этом случае причинное предложение стоит непосредственно за мотивируемым словом.

Например:

Я жила в кабинете Андрея, **почти пустом**; война помешала нам купить мебель для новой квартиры. (К а в е р и н, Поиски и надежды, Эпилог).

Причинное предложение мотивирует и определение-причастный оборот.

Например:

Тихон Вялов сказал что-то неясное.

— Чего? — спросил Никита, **несколько испуганный**, — он всегда ждал от этого человека особенных слов, раздражающих душу. (А. М. Г о р ь к и й, Дело Артамоновых, I). При входе в местечко он (Бунчук) едва не наткнулся на патрульных и теперь шел с волчьей торопкостью, прижимаясь к заборам, не вынимая правой руки из кармана **невероятно измазанной шинели: день лежал, зарывшись в стодоле в мякину**. (М. А. Ш о л о х о в, Тихий Дон, кн. 2, ч. 4, II).

д) Бессоюзные причинные предложения мотивируют различные обстоятельства первой части конструкции, которые могут быть выражены наречием, именем существительным, деепричастием. Наиболее часто мотивируются обстоятельства наречия.

Самой распространенной группой мотивируемых обстоятельств являются обстоятельства образа действия. На отношении бессоюзного причинного предложения к обстоятельству указывает, главным образом, лексическое содержание причинного предложения.

Например:

Даша **молча** ела, — *после города она уставала страшно*. (А. Н. Толстой, Сестры, XXIII).

Более четко мотивировка обстоятельства выражается при условии, когда бессоюзное причинное предложение стоит непосредственно за мотивируемым словом.

Например:

Заветные дрова уже близки. Но к ним продвигались **томительно медленно: каждый день тиф вырывал десятки нужных рук**. (Н. А. Островский, Как закалялась сталь, ч. 2, гл. II).

Особенно ярко выделяется мотивируемое обстоятельство, если оно одно из однородных, противопоставленное другому или обособленное.

Например:

Ему (докладчику) похлопали, но **вяло**, — *дела обрачивались так, что не захлопаешь*. (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, VIII).

Мотивировка бессоюзным причинным предложением обстоятельств времени:

Но когда снова дошла очередь до меня, я поставил трижды и проиграл все деньги, **как раз вовремя**: обедня кончилась, звонили колокола, народ выходил из церкви. (А. М. Горький, В людях, IV).

Мотивировка обстоятельства места подчеркивается соотношением его с членами предложения причинной части: повторением этого слова, заменой конкретного наречия местоименным наречием, существительного — местоимением или наречием, наличием однокоренного слова.

Примеры:

(Бабушка) — Мне **сверху** надо говорить, — *сверху-то лучше!* (А. М. Горький, Детство, VIII).

Он (Хохол) бросился в сени, а я за ним и — **на чердак**, там у меня лежало много книг. (А. М. Горький, Мои университеты).

(Попов) — ...Добровольческой армии было бы благоразумней **идти не на Кубань**, — *настроения кубанского казачества вселяют в меня немалые трезоги*, — а вместе с донским отрядом в задонские степи. (М. А. Шолохов, Тихий Дон, кн. 2, ч. XVIII).

Мотивировка обстоятельства причины:

Вопили в деревне охотно, **по всякому поводу и без повода**, **по настроению**: *у баб много было причин голосить и плакать.* (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 2).

Бессоюзное причинное предложение может раскрывать содержание обстоятельства, выраженного местоименным наречием «почему», «потому».

Например:

Даша всегда была рассеяна к вещам, но эти две фарфоровые безделушки, хорошенькая кошечка и спящая собачка с большими ушами, **почему-то** ей очень нравились: *будто они сами пришли к ней, чтобы устроить для Даши в этой большой, страшной, разоренной жизни, над которой неслись грозные тучи идей и страстей, маленький мирок невинных улыбок.* (А. Н. Толстой, Хмурое утро, X).

Если солнце закатилось, Всем известно **почему**: *Вновь земля поворотилась Океанами к нему, Вновь рассвет над островами, Над проливами шагнул.* (С. Щипачев, По земле идет рассвет...).

Вот и ножик **потому** целый остался — **на поясе был.** (А. С. Неверов, Ташкент — город хлебный, 19).

Гораздо реже бессоюзное причинное предложение поясняет обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом.

Например:

Рощин торопливо стал отыскивать билет, **на минуту опять похолодев**, — *а вдруг он его выбросил?* (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XI).

Во всех конструкциях, где бессоюзное причинное предложение мотивирует один из членов предложения или группу их, на связь между мотивируемым словом и бессоюзным причинным предложением указывают, главным образом, их смысловое соотношение, невозможность сопоставления причинного предложения с другими словами первой части или со всем ее содержанием в целом; об этом же говорит соотносительность мотивируемого слова с одним из членов предложения причинной части.

Соотнесенность бессоюзного причинного предложения с отдельным словом первой части конструкции наиболее ярко представляется в тех случаях, когда причинно мотивируется один из однородных членов предложения, особенно — противопоставляемый или обособленный член предложения, члены предложения, сопровождающиеся частицами или вводными словами.

Структурно на отношение причинного предложения к одному слову первой части указывает следование его обычно (но не всегда) непосредственно за этим словом.

§ 3. Порядок расположения частей в бессоюзном причинном предложении.

Одним из выразителей причинных отношений в бессоюзном предложении, одной из обязательных структурных особенностей его, в отличие от сложноподчиненного предложения, является строгий порядок следования частей. В бессоюзном причинном предложении причина, основание, мотивировка содержится всегда во второй части конструкции. В бессоюзном предложении с причинно-следственными отношениями компонентов нельзя переставить их без того, чтобы не изменился характер и значение этих отношений. В большинстве случаев при перестановке частей бессоюзного причинного предложения сохраняются причинно-следственные отношения, но предложение получает значение следствия, например: «Дальше учиться не мог — у нас не было денег» — бессоюзное причинное предложение, так как причина заключена во второй части конструкции; «У нас не было денег — дальше учиться не мог» — бессоюзное предложение следствия, т. к. во второй части конструкции — следствие.

Предложения, в которых причина, мотивировка относится к одному из членов предложения первой части, подобной перестановки не допускают. Сюда относятся предложения, где мотивируется обособленный или один из однородных второстепенных членов предложения, например: «Низенький, коренастый, он (Робенек) обладал страшною силой в руках, —

силой, бесполезной ему, работать он не мог по своей хромоте». (А. М. Горький, В людях, XVIII) — в этом предложении переставить части нельзя.

Конструкции, в которых причинное предложение относится к одному из однородных сказуемых, к необособленным определению и обстоятельству иногда допускают перестановку частей с изменением причинного значения на значение следствия.

Конструкции, во второй, причинной части которых имеются местоименные слова со значением высшей степени проявления качества, действия или состояния («так», «такой», «столько», «настолько», «до того»), необратимы, перестановки частей не допускают. Причинно-следственные отношения создаются в них лишь при наличии этих слов во второй части конструкции. При перестановке частей причинно-следственный характер предложения исчезает, предложение приобретает значение степени, раскрывающее соотносительное местоименное слово в первой части бессоюзия. Например: «Так страшно выли и кричали люди за окнами, — офицер уже не мог разговаривать тихим голосом». Вторая часть бессоюзия в данном примере с переставленными частями воспринимается как предложение, раскрывающее содержание наречия «так» в первой части, и настойчиво требует постановки во второй части союза «что». Подобные бессоюзные предложения в современном русском литературном языке почти не употребляются, в изученных произведениях советских авторов они единичны. Эти конструкции имеют выше названное значение степени, производят впечатление неполных с пропущенным во второй части союзом «что».

Например:

(Бабушка) — А дед у нас — вовсе с ума сходит, так жаден стал — *глядеть тошно!* (А. М. Горький, В людях, I).

В усложненных конструкциях бессоюзная причинная часть, занимая второе место по отношению к мотивируемой части, может стоять в середине сложной конструкции. Это может быть, когда бессоюзное причинное предложение является первой частью сложносочиненной конструкции или когда бессоюзная причинная часть обосновывает одну из частей сложноподчиненного предложения, стоящую в начале конструкции.

§ 4. Соотношение наклонений и времен сказуемых частей бессоюзного сложного предложения со значением причины

Одним из важнейших показателей зависимости частей бессоюзного сложного предложения являются определенные соотношения форм сказуемых его компонентов. В бессоюзных причинных предложениях главную роль играет соотношение наклонений сказуемых.

Бессоюзные причинные предложения, в зависимости от наклонения сказуемого первой части, подразделяются на три группы:

1. собственно-изъяснительные предложения,
2. повелительно-изъяснительные предложения,
3. желательного-изъяснительные предложения.

Кроме того выделяется четвертая, особая группа: предложения с косвенным обоснованием¹.

1. Большинство бессоюзных причинных предложений в современном русском литературном языке относится к группе собственно-изъяснительных (87% бессоюзных причинных предложений исследованного материала).

Собственно-изъяснительные предложения в первой части содержат утверждение или отрицание какого-либо явления, действия, во второй — причину, обоснование этого утверждения или отрицания. Они легко допускают вставку причинного союза.

Сказуемое первой части собственно-изъяснительных предложений стоит в изъявительном наклонении. Оно может быть как простым глагольным, так и составным глагольным и именным. Первая часть такого бессоюзного предложения может представлять любой тип простого предложения как двусоставного, так и односоставного.

Во второй, причинной части собственно-изъяснительных предложений в большинстве случаев сказуемое имеет также форму изъявительного наклонения. Эта часть может быть простой и сложной по составу. Причинное предложение может быть по форме простым предложением любого типа; сказуемое его также может быть как простым, так и составным, именным и глагольным.

Во второй части собственно-изъяснительных предложений сказуемое может быть и в сослагательном наклонении. Если же сказуемое второй части подобных конструкций в повелительном наклонении, то причинное значение в них всегда совмещается с каким-либо другим, чаще с целевым.

¹ Две первые группы и четвертая выделены в Грамматике русского языка АН СССР, т. 2, ч. 2, § 1600—1603, стр. 395—397; в работе Н. С. Поспелова «О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных предложений», Сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка, 1950, стр. 349—350.

Третья группа, желательного-изъяснительные предложения, выделяется в кандидатской диссертации Н. В. Гелашвили «Сложноподчиненные предложения с придаточными причинными в современном русском и грузинском языках», Тбилиси, 1956.

Мы не считаем нужным давать новые названия этим группам, хотя во второй части причинных бессоюзных предложений в каждой из первых трех групп возможны все три наклонения, поэтому название ее «изъяснительная» далеко не точно.

А. Когда в бессоюзном причинном предложении сказуемые обеих частей имеют форму изъявительного наклонения, соотношение времен в них может быть любое. В большинстве случаев сказуемые в обеих частях имеют форму одного времени: настоящего или прошедшего (употребительность одинакова), форма будущего времени сказуемых в обеих частях встречается очень редко.

При соотношении в обеих частях бессоюзного причинного предложения сказуемых в форме настоящего времени, обычно в одной из них или в обеих сказуемое составное, или же одна из частей по форме — односоставное предложение.

Например:

Деда все боятся: дед — наш *владыка и бог*. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 1).

Тяжело дышит разинутый рот — воздуху *не хватает*. (А. С. Неверов, Ташкент — город хлебный, 23).

Предложения, в которых обе части двусоставные с простыми глагольными сказуемыми в настоящем времени, очень редки.

При соотношении в обеих частях форм прошедшего времени одинаково распространены и простое и составное сказуемые, и односоставные и двусоставные предложения в обеих частях.

Например:

Никто не проронил ни слова — все *застыли*, захваченные широкими, могучими словами. (Ф. В. Гладков, Детство, 26).

И вдруг Кате стало страшно: это было не его (Рошина) *лицо*, — чужое, остроносое. (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, XI).

Единичны случаи, когда в обеих частях бессоюзия сказуемые имеют форму будущего времени.

Например:

(Бабушка) — Уж не увидимся больше, заедешь ты, непоседа, далеко, а я — *помру*... (А. М. Горький, Мои университеты).

Б. Вторую по количеству подгруппу собственно-изъяснительных предложений составляют предложения с таким соотношением разных времен, когда в первой части бессоюзия последующее время, а во второй — предшествующее время:

а) будущее — настоящее,

Например:

(Илья) — Я не стану учиться, у меня язык болит. (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 2).

б) настоящее — прошедшее:

(Теркин) Ни зубами, ни губами *Не работает* — свело. (Твардовский, Василий Теркин, Переправа).

в) очень редко встречается соотношение будущего — прошедшего времен.

Например:

(Тихон) — ... Вотчим, поди-ко, **не больно горевать станет**, мальчонко *был лишний* ему. (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 2).

Такое распределение времен в частях бессоюзного причинного предложения, как в первой и второй подгруппах, соответствует логическому следованию причины, основания (вторая часть бессоюзия) и их следствия (первая часть) во времени.

В. Менее распространены бессоюзные причинные предложения, в которых сказуемые разных времен с обратным соотношением: в первой, обосновываемой части — предшествующее время, во второй, причинной части — последующее. Предложения этой группы имеют следующее значение:

1. Значение последующего обоснования, мотивировки (в первой части прошедшее или настоящее время, во второй — будущее).

Например:

— ... С нашим отрядом Федора никто **не видел** — он *приедет* лишь ночью. (Н. А. Островский, Как закалялась сталь, ч. 1, гл. 2).

(Иван Ильич) — **Не годится** так, Агриппина, скоро *светать начнет*, мы все уйдем на ту сторону, что же — *одна останешься...* (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XVI).

2. Действие, явление причинной части имеет постоянное, временное значение, выраженное зачастую в форме обобщенно-личного предложения (в первой части — прошедшее время, во второй — настоящее или будущее).

Например:

В красногвардейской цепи у трех уже, подползая, **взяли** товарищи винтовки и патроны, — *мертвым оружие не надо*. (М. А. Шолохов, Тихий Дон, кн. 2, ч. V, VI).
(Ромась) — ... Ну, тогда я **выстрелил в небо**, — ему не *повредишь*. (А. М. Горький, Мои университеты). стр. 597).

3. При соотношении прошедшего — настоящего времен сказуемых обоснование дается путем характеристики предмета, лица, явления, если сказуемое второй части составное именное.

Например:

(Цыганок) — ... Ну, прут **не переломился**, *гибок, моченый!* (А. М. Горький, Детство, II).

4. Настоящее время сказуемого второй части бессоюзного причинного предложения может означать действие более длительное, чем действие, названное в первой части (прошедшее время).

Например:

(Клавдия) — Чесночиха за вами прислала, у нее сидит Рошин с фронта. (А. Н. Толстой, Хмурое утро).

5. При соотношении настоящего — будущего времен сказуемых в бессоюзном предложении создается противительный оттенок причинного значения.

Например:

— А Сыгнейку **женить надо** — *избалуется*, — деловито решил дед. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 3).

Г. Во второй части собственно-изъяснительных предложений сказуемое может быть в форме сослагательного наклонения.

Например:

Она (Катя) **не могла ощущать** зла: ощутив его к кому-нибудь, она *осудила бы* прежде всего себя. (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, 1).

Зачастую сослагательное наклонение во второй части бессоюзия сопровождается местоименными наречиями, частицами, которые дополняют причинное предложение новыми оттенками значения.

С наречием «как» сослагательное наклонение в причинном предложении создает оттенок опасения, возможности.

Например:

Пока туман в глазах не прошел, — **побоялся ехать**: как бы на кого *не наскочить*. (М. А. Шолохов, Судьба человека).

Частица «лишь» придает причинному предложению оттенок желательности.

Например:

И лихой, нещадной стужи **Не бранили**, как ни зла: *Лишь бы немцу было хуже*, О себе ли речь там шла! (Твардовский, Василий Теркин, Теркин ранен).

Наречие «иначе» подчеркивает противительно-разделительный характер причинного предложения.

Например:

Кормили меня помалу, но часто, и **иначе**, если бы давали еды вволю, я *бы мог загнуться*, так доктор сказал. (М. А. Шолохов, Судьба человека).

Д. При соотношении изъявительного — повелительного наклонений конструкция, как правило, имеет причинно-целое значение.

Например:

Артамонов... думает: «Олешке **надо дать выгуляться**, *пускай* с него пена *сойдет*». (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 1).

Мишка **притворился**: *пускай думают*, что он спит. (А. С. Неверов, Ташкент — город хлебный, 19).

Причинное значение, не осложненное другими оттенками, в таких предложениях встречается редко; повелительное наклонение во второй части бессоюзия в таком случае употребляется со значением долженствования, желательности.

Например:

(Тетя Паша) — ... Чай, мы не хуже стариков-то. Они за господами жили, в хомуте ходили, а сейчас нам **труднее** — на свои силы надейся. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 27).

Я сказал, что никогда не буду обижать Максимовых, никогда, — *пусть* только она (мать) *не плачет*. (А. М. Горький, Детство, XII).

§5. Повелительно-изъяснительные предложения

Повелительно-изъяснительные предложения — это предложения, в первой части которых содержится требование, просьба, предупреждение, во второй части дается их обоснование, мотивировка. Сказуемое первой части чаще всего выражается формой повелительного наклонения глагола, реже — другими способами выражения императивного значения. Во второй части бессоюзия сказуемое в изъяснительном наклонении.

По употребительности эта группа в исследованном материале занимает второе место (примерно 10% всех исследованных бессоюзных причинных предложений). Широко распространены эти предложения в пословицах¹.

В художественной литературе повелительно-изъяснительные предложения употребляются преимущественно в прямой речи, в авторской они единичны. Эта форма — принадлежность устного языка, разговорного стиля речи.

В повелительно-изъяснительных предложениях вторая, причинная часть обычно имеет форму будущего или настоящего времени, употребительность их одинакова.

В повелительно-изъяснительных конструкциях причинная часть имеет следующие оттенки значения:

1. Мотивировка, причинное объяснение требования.

Например:

(Дед) — ... Мерина-то **не распрягай** — домой воротисься.

Корми его: завтра снопы *возить* начнем. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 40).

— Ради бога, **закройте** окно, за нами следят, — громко прошептал Говядин, входя в столовую. (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, VI).

¹ См. И. А. Филипповская, кандидатская диссертация. О синтаксическом строе русских пословиц, Казань, 1955, стр. 146, 148.

— Дядя, не бейте его, он — старик! — со слезами отчаяния закричал Гаврик, бросаясь к приставу. (В. Катаев, Белеет парус одинокий, XXVII).

2. Бессоюзное причинное предложение указывает, что произойдет при неисполнении совета, приказа, предупреждения, которое содержится в первой части конструкции. Предложение имеет противительно-разделительный оттенок значения. Эти конструкции синонимичны сложносочиненным предложениям с союзами «а то», «не то», «а не то» и сложноподчиненным с причинными союзами + наречие «иначе» («потому что иначе...», «так как иначе...» и т. д.). Во второй части этих предложений сказуемое в форме будущего времени без отрицания (глагольное обычно выражено глаголом совершенного вида).

Например:

(Наталья — Петру) — **Пусти, пусти** — закричу... (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 1).

(Дуня) — Барин, **не ходите, убью** т! (В. Катаев, Белеет парус одинокий, XXXIX).

Единичны конструкции, где в причинной части повелительно-изъяснительных предложений сказуемое в форме сослагательного наклонения. Причинная конструкция в таком случае имеет противительно-разделительный оттенок значения.

Например:

(Архип) — Ты, паренек, **беги** изо всех сил: как бы с Машаркой-то *не случилось* чего... (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 15).

§ 6. Желательно-изъяснительные предложения

К этой группе бессоюзных предложений относятся такие, в первой части которых говорится не о реальном факте или действии, а о желаемом, возможном; вторая часть бессоюзия поясняет, почему желательно или возможно это действие, явление. Сказуемое первой части таких предложений выражено формой сослагательного наклонения, во второй части сказуемое может быть в форме изъявительного или сослагательного наклонения.

При соотношении сослагательного — изъявительного наклонений в частях бессоюзных причинных предложения имеют следующие оттенки значения:

1. Совет, пожелание и его причинное обоснование. В этом случае сослагательное наклонение первой части бессоюзия синонимично повелительному, но в отличие от последнего передает императивное значение, которое не имеет категорического характера, не требует обязательного его исполнения. В нем преобладает значение желательности.

Например:

— **Да уж кончили бы вы их** (бандитов), товарищи, **поскорее, так, признаться, нам — ужас — надоели военные-то действия**, — говорили крестьяне Чугаю и Рошину у колодца, где кавалеристы поили коней. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XVII).

2. В бессоюзном предложении говорится о возможном действии, событии и объясняется, почему оно могло или может быть возможным.

Например:

Дело и сорвалось бы: Пантелей Прокофьевич пыхтел и наливался бураковым соком, невестина мать кудахтала, как на тень коршуна наседка, но в нужную минуту вмешалась Василиса. (М. А. Шолохов, Тихий Дон, кн. 1, ч. 1, XV).

3. Сослагательное наклонение имеет значение смягченной необходимости, долженствования, желательности.

Например:

(Петр) — Ну, **мне бы уснуть**, устал я в дороге. (А. М. Горький, Дело Артамоновых 2).

Рассказал Мишка, куда и откуда он едет, немножко прихвастал: **ему бы только до Ташкента доехать, там у него родственники есть**. (А. С. Неверов, Ташкент — город хлебный, 30).

Единичны случаи бессоюзных причинных предложений, в обеих частях которых сказуемые имеют форму сослагательного наклонения, и предложения, где соотносятся сослагательное — повелительное наклонения сказуемых.

Например:

Катя **не могла бы** ему (Алексею) **отказать**, — **не нашла бы слов**, оправдывающих ее неблагодарность. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XI).

(Панков) — По сердцу я бы такого наделал — беда! — ...Попа обязательно **поджег бы** — не суйся куда не надо! (А. М. Горький, Мои университеты).

§ 7. Особая группа

Эту группу составляют бессоюзные предложения, имеющие присоединительный характер связи, во второй, присоединенной части их дается причинное пояснение изложенного в первой части.

1. Сюда относятся предложения, в которых первая или вторая часть вопросительные.

Например:

Даша сказала с тихим отчаянием:

— **Можно сесть рядом с вами, я боюсь мышей**. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, 1).

Но я боялся защищать закройщицу — вдруг старуха догадается, что книга-то ее? (А. М. Горький, В людях, VIII).

Зачастую этот вопрос является риторическим.

Например:

(Письмо Кати) «Я не могу верить, что Вадима больше нет. **Но не верить нельзя, — зачем было лгать этому человеку?**» (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, VII).

(Петро) — **На чем он** (батя) поскачет, *кони в косилке ходят.* (М. А. Шолохов, Тихий Дон, кн. 1, ч. XVII).

2. Самые распространенные конструкции этой группы — такие бессоюзные сложные предложения, во второй части которых дается косвенное обоснование первой части словами другого лица. Это обоснование передается прямой речью, косвенной речью или же предложением с вводными словами, указывающими, кому принадлежит высказывание.

Прямая речь во второй части бессоюзия может сопровождаться словами, указывающими, кто говорит, при каких обстоятельствах.

Например:

Солдат был неприятен мне, он не возбуждал сострадания и жалости у меня. **Это было неловко, — бабушка многократно поучала меня: «Людей надо жалеть, все несчастны, всем трудно».** (А. М. Горький, Детство, VI).

Иногда же прямая речь в таких предложениях приводится без всяких пояснительных слов.

Например:

Взяв ее (Наталью) под руки, они пошли быстрее, а **Петр замедлил шаг: — Я подожду мать.** (А. М. Горький, Дело Артамоновых, II).

В тех случаях, когда причинная часть является косвенной речью, на это указывают частицы «мол», «дескать», вводные слова.

(Трифонов) — **...Бунтуют эшелоны, — зачем, мол, гноите нас на путях...** (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, II).

(Катя) — **Красуется перед народом Филька-то: глядите, мол, какую кралю заарканил.** (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 25).

Особая группа причинных бессоюзных предложений, как и группа желательно-изъяснительная, по количеству примеров малочисленна, употребляются подобные конструкции сравнительно редко.

§ 8. Лексические средства связи частей бессоюзного причинного предложения

Синтаксическая связь частей бессоюзного сложного предложения и его значение выражаются также различными лекси-

ческими элементами второй и первой частей бессоюзия. Это, прежде всего, структурно-лексические соответствия обеих частей. Сюда же относится употребление в одной из частей бессоюзия некоторых местоимений, наречий, частиц, вводных слов, которые уточняют значение причинного предложения, придают ему различные оттенки значения.

Структурно-лексические соответствия в любом сложном предложении являются показателем тесной связи его частей. Особенно они важны при бессоюзии. В бессоюзном причинном предложении структурно-лексические соответствия являются одним из главных выразителей причинного значения в случаях обоснования причинным предложением не всей первой части, а отдельных членов предложения ее.

Эти соответствия в различных вариантах характерны для подавляющего большинства причинных бессоюзных предложений.

Наиболее распространены следующие структурно-лексические соответствия: 1. Одно и то же подлежащее в обеих частях.

Например:

— Нет, я туда не пойду, — солдат повысил голос, — я дезертир. (А. Н. Толстой, Сестры, XXVI).

2. В обеих частях один и тот же объект.

Например:

По правде сказать, **Пете** весьма улыбалась перспектива такого веселого рабства: **ему** давно уже хотелось побродяжничать с Гавриком по городу. (В. Катаев, Белеет парус одинокий, XXXVI).

3. Соответствие подлежащего в одной из частей и дополнения — в другой.

Например:

Я замираю от ужаса: **на меня** движется что-то огромное, неотразимое, лохматое — это домовый, всесильный владыка, против которого никто не может бороться.

(Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 2).

(Долинник) — Держитесь, солдаты, **за большевиков: они** не продадут! (Н. А. Островский, Как закалялась сталь, ч. II, гл. 5).

4. Меньшее распространение имеют другие соответствия. Соотноситься могут различные члены предложения обеих частей.

Например: а) Подлежащее — обстоятельство места:

Огромные чугунные **ворота парка** не закрывались: **в них** один за другим въезжали экипажи. (Н. А. Островский, Рожденные бурей, ч. 1, гл. 3).

б) Дополнение — определение:

Гром словно расколот нависшую **тучевую громадину**: из недр ее хлынул дождь. (М. А. Шолохов, Тихий Дон, кн. 3, ч. 6, XI).

в) Сказуемое — определение:

Но оружие **не было вынуто**: каждый знал, что **вынутое** оружие должно стрелять. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XI).

Структурно-лексические соответствия выражаются в следующих формах: 1. Соотносящееся слово первой части повторяется во второй. Когда в обеих частях одно подлежащее, то, повторение его наблюдается в случае, если оно выражено личным местоимением. Повторение подлежащего во второй части, обычная постановка его на первое место обращают на него особое внимание.

Например:

— Разумеется, виноват прежде всего **я сам**, — проговорил Иван Ильич задумчиво, — **я** их к этому поощрял. (А. Н. Толстой, Сестры, V).

Повторение соотносящегося слова во второй части более обычно при соотношении разных членов предложения.

Например:

О руках нечего и говорить — **руки**, как у сапожника. (В. Катаев, Белеет парус одинокий, XXIV).

Она (мать) **не села** — боялась **сесть** — и вся дрожала. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 2).

2. Имя существительное в одной из частей (как правило, в первой), в другой части заменяется местоимением, личным или указательным, если последнее выступает как подлежащее, дополнение или обстоятельство. Соотносящееся местоимение-подлежащее второй части обычно бывает анафорическим. Примеры таких соответствий:

Мать с ужасом и тоской глядела **на деда и деверьев** и страдала: она видела, что **они** назло оскорбляют ее, что **им** противна эта ее потребность в чистоте. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 2).

Ни клочка родной газетки — Козью ножку завернуть, **И ни спичек, ни махорки** — **Все** раскисло от воды. (Твардовский, Василий Теркин, Бой в болоте).

В последнем предложении местоимение «все», стоящее во второй части, одновременно обобщает все три однородных дополнения первой части, с которыми оно соотносится.

Имя существительное, личное или указательное местоимение в одной из частей может соотноситься с притяжательным

местоимением-определением или с местоименным наречием-обстоятельством в другой части.

Примеры:

Евлашка не пристал к нам: ему, должно быть, наша игра не понравилась. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 27).

Других слов для нее (Натальи) у него (Ильи), видимо, не было, а ласковые шлепки несколько обижали ее: так ласкают лошадей. (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 1).

От них (казаков) некуда было спрятаться: все парадные и ворота были наглухо заперты и охранялись рядами войск и полиции. (В. Катаев, Белеет парус одинокий, XXXVIII).

3. Глаголу первой части могут соответствовать местоимения (если они выступают в роли подлежащего, дополнения) или наречия (если они являются обстоятельствами) во второй части.

Например:

(Панкратов) — Дайте ему (Туфте) высказаться, это полезно знать! (Н. А. Островский, Как закалялась сталь, ч. 2, л. 5).

(Солдат чужой земли) Не бил, не мучил и не жег, — Всеми свой срок и ряд. (Твардовский, Дом у дороги, V).

Он (Короленко) отодвинулся от меня, наклонился, — так ему было удобнее смотреть в лицо мне — и молча, внимательно слушал. (А. М. Горький, Время Короленко).

4. Местоименные слова второй части могут соответствовать словосочетанию первой части.

Например:

Анисья с тех пор ни разу не вспоминала детских лиц, боялась этого... (А. Н. Толстой, Хмурое утро, XIII).

Пили и ели они (купцы) нехорошо, непристойно; было почти противно видеть головы, склоненные над столом, это напоминало свиней над корытом. (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 3).

5. Местоименные слова второй части могут соотноситься с предложением, входящим в состав первой части.

Например:

(Сорокин — Беляеву)... Что я тебя не застрелил сейчас, помни, — это за твои заслуги... (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, XI).

Не буду рассказывать о том, как они пили, — это неинтересно. (Каверин, Открытая книга, ч. 1, гл. 1, 9).

6. Местоимение множественного числа во второй части может соответствовать двум или нескольким членам предложения первой части.

Например:

(Сарра) — ...**Я** всегда по утрам захожу за **Ядвигой Богдановой** — **мы с ней** в одной мастерской работаем.

(Н. А. Островский. Рожденные бурей, ч. 1, гл. 2).

7. Наречие конкретного значения в одной из частей соответствует местоименному наречию в другой.

Например:

Надо быть сумасшедшим, чтобы взбираться **наверх**: там засада, и наверняка их там схватят. (В. Катаев, Белеет парус одинокий, XXVI).

8. Глаголу с отрицанием первой части во второй может соответствовать местоимение «это», означающее положительное действие.

Например:

(Тетка Наталья) — Ты **не спрашивай**, это хуже!

(А. М. Горький, Детство, II).

Он (Сорокин) **не руководил отступлением**, это было бесполезно. (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, XI).

Здесь «это» = «спрашивать», «это» = «руководить отступлением».

9. Соответствовать могут однокоренные слова, разные слова, но называющие один и тот же предмет, явление или лицо, слова-синонимы.

Примеры:

(Герентий) — ...**Веревки-то развяжи** — **связали-то** сгоряча туго. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 1).

(Письмо Кати) «...И сердце во мне стало **сухонькое** — **высохло**». (А. Н. Толстой, Сестры, XIII).

Не везли только **денег** — **этот хлам** не годился даже вертеть козьи ножки. (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год 1).

Вопили в деревне охотно, по всякому поводу и без повода — так по настроению: у баб было много причин **голосить и плакать**. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 2).

10. Очень распространены такие соответствия, когда в одной из частей или в обеих соотносящееся слово опускается.

Например:

Медным пальцем воткнулся в небо тонкий шпиль **никольской колокольни**, **креста** на нем не было, **(его)** сняли золотить. (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 1).

Это убийца, прыгнув на улицу, бросился бежать на **Лукьяновские пустыри**, **отстреливаясь**. Не ушел **(он)**: до-

гнала (его) чья-то пуля. (Н. А. Островский, Как закалялась сталь, ч. 2, гл. 1).

11. Наличие общего подлежащего в частях бессоюзного причинного предложения может выражаться лишь личной формой сказуемого.

Например:

(Птаха о Васильке) — ... А бить не могу — люблю шельму. (Н. А. Островский, Рожденные бурей, ч. 1, гл. 5).

Соотносительных пар в сложном бессоюзном предложении, как это видно из примеров, может быть несколько. Соотносительность отдельных членов предложения частей бессоюзия выступает в нем как могучее средство связи их, так как при этом предложения взаимно проникают, как бы врастают друг в друга.

Это явление очень широко распространено в языке.

§ 9. Роль лексических средств в создании оттенков причинного значения в бессоюзном сложном предложении.

Большую роль в создании оттенков причинного значения в бессоюзном сложном предложении играют различные лексические элементы, слова с наиболее отвлеченным значением: некоторые местоимения, наречия, частицы, входящие во вторую часть бессоюзия, и вводные слова в его первой части.

Частица «и» во второй части бессоюзия усиливает причинное значение предложения, подчеркивает его.

Например:

У Сорокина закатилось сердце, — и этот (Гымза) смеется!... (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, XI).

Он (Петр) знал, что бедняки города смотрят на Глеба как на блаженного за то, что этот поп не жаден, ласков со всеми, хорошо служит в церкви и особенно трогательно отпевает покойников. Все это Артамонов считал естественным, — таков и должен быть поп. (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 2).

Широко распространено употребление во второй части бессоюзного причинного предложения местоименных слов с значением высшей степени проявления того или иного качества, действия («так», «такой», «до того», «столько», «настолько»).

Например:

Офицер уже не мог разговаривать тихим голосом, — так страшно выли и кричали люди за окнами. (А. Н. Толстой, Хмурое утро, 2).

Не снимая пряника с ветки, мальчик откусил угол и тотчас его выплюнул — до того неприятен оказался и этот пряник. (В. Катаев, Белеет парус одинокий, XI).

Даша, лежа на спине в постели, даже не заснула, а забылась, будто все тело у нее отнялось — **такая** была усталость. (А. Н. Толстой), Сестры, VI).

Причинное значение имеют присоединительные конструкции с частицей «это», стоящей в начале второй части бессоюзия.

Например:

Весь вагон вздрогнул, — **это** кулаком в стенку ударил Гымза. (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, V).

На крышке пианино дрожала вазочка: **это** по улице проезжали дрожки. (В. Катаев, Белеет парус одинокий, X).

Наречие «иначе» и частица «ведь» в бессоюзном причинном предложении очень близки по своему значению к союзам.

Наречие «иначе» стоит в начале второй части бессоюзия и придает противительный оттенок значения причинному предложению.

Например:

(Семен) — А пишут, чтобы беспрерывно вернулся на миноносец, **иначе** буду считаться дезертиром, вне революционного закона... (А. Н. Толстой, Восемнадцатый год, X).

На грани перехода в союз стоит частица «ведь». В начале второй части бессоюзия эта частица передает значение причинной зависимости между частями сложного предложения. Сложные предложения с «ведь» в начале второй части имеют интонацию, характерную для союзных сложноподчиненных предложений, а не предупредительно-объяснительную, свойственную бессоюзным причинным предложениям.

Например:

(Паруша) — ...Мы и другую, голодную полосу так же удобрять будем: **ведь** земля за добро добром платит. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 24).

Частица «ведь» может стоять и не в начале второй части сложного предложения. Тогда она имеет ярко выраженное причинное значение, но при этом сохраняет и значение усиительной частицы, выделяя то слово, после которого она стоит.

Например:

(Ядвига) — ...Мне нельзя оставаться — сегодня **ведь** Шпильман приказал нам с тобой ехать к Могельницким. (Н. А. Островский, Рожденные бурей, ч. 1, гл. 2).

Вводные слова со значением предположения, сомнения в первой части бессоюзных причинных предложений играют большую роль в подобной конструкции: зачастую, если убрать из их состава вводные слова, предложение теряет причинное значение и приобретает значение следствия.

Например:

Он (Смурый), видимо, только что пришел из бани — от него пахло березовым веником и перцовкой, на висках и на шее блестел обильный пот. (А. М. Горький, В людях, V).

Должно быть, у Кузря кружилась голова и его тошнило: лицо его посерело и страдальчески вытянулось, но он все еще храбрился и не хотел сдаваться. (Ф. В. Гладков, Повесть о детстве, 27).

§ 10. Интонация бессоюзного сложного причинного предложения

Одним из способов выражения характера связи частей и значения этой связи в бессоюзном сложном предложении является его срединная интонация. Эта интонация бывает различной в зависимости от значения бессоюзного предложения.

Для выражения причинного значения в бессоюзном сложном предложении в устной речи служит так называемая объяснительная интонация. Описание ее дано во многих работах по синтаксису и мелодике речи¹.

Наиболее полную и точную характеристику этой интонации дал А. М. Пешковский. Он определяет ее как **неспокойное понижение голоса**. «В то время, как понижение вообще имеет в языке **заключительное** значение, **это** понижение, напротив, ясно говорит слушателю, что дальше что-то ожидается, без чего речь будет неполной. Достигается это тем, что понижение соединяется здесь с особой **ритмической** формой предложения, которая заключается в следующем: 1) темп речи несколько ускоряется, 2) все ударения приобретают какой-то беспокойный предупреждающий характер (говоря научно, такты речи из трохаических и дактилических делаются ямбическими и анапестическими), 3) на **понижаемом** слове (которое может стоять и не на границе предложений, а гораздо ранее) делается **резкое и сильное ударение**, резкость которого стоит в прямом отношении к степени понижения: чем ниже, тем резче, 4) после предложений **обязательно** выдерживается каков бы ни был темп речи, значительная пауза (пауза ожидания²)». «Произношение это употребляется только при бессоюзии»³.

¹ А. Добиаш, Опыт семасиологии частей речи и их формы на почве греческого языка, Прага, 1897, стр. 81—82; М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, 1923, стр. 129; А. Б. Шапиро, Очерки по синтаксису русских народных говоров, М., 1953; Всеволодский-Герингросс. Теория русской речевой интонации, Пб, 1922.

² Школьная и научная грамматика, М., 1914, стр. 47. Описание этой интонации дано также в работах: Знаки препинания и научная грамматика, сб. Школьная и научная грамматика, стр. 82—83; Синтаксис в школе, сб. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, 1925, стр. 104—105; Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, М., 1956, стр. 470—471; Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания, кн. Школьная и научная грамматика, М. 1918, 2-е изд., стр. 100—104.

³ Школьная и научная грамматика, М., 1914, стр. 48.

А. М. Пешковский указывает, что паузы внутри бессоюзного предложения по своему значению являются синтаксическими. Они в бессоюзных конструкциях обязательны, поэтому он их называет «союзными» или «соединительными, тождественными по значению с причинными союзами («потому что», «так как» и др.); объяснительная интонация является их заместительницей»¹.

Однако объяснительная интонация служит для выражения ряда синтаксических значений: она употребляется при бессоюзии в причинных, целевых предложениях и в предложениях, вторая часть которых разъясняет, раскрывает содержание первой части; после обобщающего слова перед перечислением, при вводе цитат². Следовательно, одна интонация не создает еще строго определенного значения бессоюзного предложения. Как в устной, так и в письменной речи конкретное значение бессоюзного предложения определяется всей совокупностью грамматических средств связи частей сложного предложения, главным образом, логическим соотношением его частей, их лексическим составом, порядком их следования, соотношением форм сказуемых и интонацией. Поэтому языку нет надобности создавать особую интонацию для каждого отдельного значения бессоюзного предложения.

В бессоюзных предложениях лишь в сравнительно немногих случаях различное толкование предложения определяется интонацией, например, при возможных отношениях однородности или причинности, как в предложении:

(Илья Артамонов... поучал детей): — Вам жить — трудно будет, вы сами себе закон и защита (А. М. Горький, Дело Артамоновых, 1).

Запятая, стоящая в тексте, указывает на интонацию перечисления, на однородность предложений; постановка двоеточия обусловила бы причинную связь предложений и объяснительную интонацию.

§ 11. Знаки препинания в бессоюзном причинном предложении

В письменной речи интонация весьма условно передается знаками препинания и может быть лишь вспомогательным

¹ Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7-е, М., 1956, стр. 470.

² См. А. М. Пешковский, Школьная и научная грамматика, М., 1914, примеры на стр. 47—48; Синтаксис в школе, Сб. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, 1925, стр. 104—105; Л. А. Чешко, Бессоюзные сложные предложения, Методические разработки по русскому языку для V—VII классов средней школы, М., 1956, стр. 457—458; Н. И. Локтионов, Методика изучения бессоюзных сложных предложений в VII классе, ж. Русский язык в школе, 1956, № 6. В работе говорится о двух видах интонации бессоюзного сложного предложения, первому соответствует шесть различных значений, второму — пять, см. стр. 59.

средством в создании того или иного значения бессоюзного предложения.

Полного соответствия между интонацией и пунктуацией нет¹. Знаки препинания в основном соответствуют синтаксическим значениям, а не интонации, хотя и этот принцип в авторской и печатной практике не выдерживается.

Знаков препинания немного, в то же время ими передается большое количество различных синтаксических значений. Поэтому знаки препинания многозначны. Зачастую одним знаком передаются различные интонации, и одна и та же интонация может быть передана несколькими знаками².

Таким образом, знаки препинания не могут быть всегда показателями грамматического значения предложения и его интонации. Поэтому в письменной речи интонация, отраженная неточно знаками препинания, играет очень незначительную роль в создании значения бессоюзного предложения по сравнению с устной речью. В письменной речи главная тяжесть при создании значения в бессоюзном предложении выпадает на долю лексического содержания, логической соотнесенности частей предложения, их порядка, соотношений форм сказуемых, наличия некоторых лексических элементов.

В бессоюзных сложных предложениях со значением причины в русских грамматиках и справочниках по пунктуации в большинстве случаев рекомендуется постановка двоеточия между частями предложения³.

¹ См. С. И. Абакумов, докт. дисс., Пунктуация в памятниках русской письменности XI—XVII веков, стр. 289; А. Б. Шапиро, О реформе русской пунктуации, ж. Русский язык в советской школе, 1930, № 3, стр. 122; К. Б. Бархин и Е. С. Истрина, Методика русского языка в средней школе, 1937. В работе указывается, что интонационный метод обучения пунктуации оказался несостоятельным, ошибка его в том, что система знаков препинания была принята «как непосредственная передача интонации», стр. 114—115; А. М. Пешковский, сторонник фонетической пунктуации, признает, что знаки препинания порою не соответствуют разработанным им интонационным значениям, см. Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания, кн. Школьная и научная грамматика, М., 1918, стр. 104.

² См. С. И. Абакумов, Методика пунктуации, 1947, стр. 34; Всеволодский-Гернгросс, Теория русской речевой интонации, Пб, 1922, стр. 98.

³ Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, 1834; Начальные правила русской грамматики, 1842; Начальная русская грамматика, 1852; Краткая русская грамматика, 1855; Ф. И. Буслаев, Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, изд. 11, 1913; И. И. Давыдов, Опыт общесравнительной грамматики русского языка, 1852; Я. К. Грот, Филологические разыскания, ч. 2, 1899; Русское правописание, изд. 15, 1902; Д. Н. Овсяннико-Куликовский и П. Н. Сакулин, Практический курс синтаксиса русского языка, 1912; Л. А. Булаховский, К реформе русской пунктуации, ж. Русский язык в советской школе, 1930, № 4; Проект свода правил об употреблении знаков препинания, составленный А. М. Пешковским, В. Д. Павловым-Шишкиным и С. И. Абакумовым, ж. Рус. яз. в советской школе, 1930, № 3; С. И. Абакумов, Методика пунктуации, 1947; А. М. Пешков-

Однако в ряде работ по синтаксису в бессоюзном причинном предложении рекомендуется постановка тире¹ или запятой².

Таким образом, даже у лингвистов имеются разногласия по вопросу о знаке препинания в этом типе бессоюзных предложений.

Знаки препинания в бессоюзном причинном предложении, употребляющиеся авторами, еще более разнообразны. Знаки, ставящиеся писателями, часто очень субъективны, ими передаются в некоторых случаях не грамматические значения и не грамматическая интонация, а подтекст, темп речи, неожиданные паузы, подчеркнута длительные паузы.

«Пунктуация, в отличие от орфографии, призвана выражать и такие оттенки смысла, которые пишущий часто вносит в свое высказывание как индивидуальные, не обязательно присущие данной синтаксической конструкции. Эта потребность обычно приводит к необходимости употребления дополнительных знаков препинания или своеобразного комбинирования их, что далеко не всегда может быть предусмотрено правилами, как бы детально они ни были разработаны»³.

Чаще всего у большинства писателей в бессоюзных причинных предложениях употребляется двоеточие, но ни у одного оно не выдерживается строго во всех случаях.

ский, Синтаксис в школе, сб. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, 1925; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Русский язык, учебник для пед. техникумов, 1936; К. И. Былинский и Н. Н. Никольский, Трудные случаи орфографии и пунктуации, 1944; Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати, 1957; В. А. Добромыслов, Сложные предложения, ж. Русский язык в школе, 1938, № 4; А. Б. Шапиро, Основы русской пунктуации, 1955; С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков, Учебник русского языка, ч. II, Синтаксис для 6 и 7 кл. средней школы, 1954; А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, Русский язык, ч. II, учебник для педагогических училищ, 1953; Правила русской орфографии и пунктуации, 1956.

¹ Л. В. Щерба, Пунктуация, Литературная энциклопедия, т. IX, 1935, стр. 369; В Справочнике по орфографии и пунктуации К. И. Былинского и Н. И. Никольского как примеры сопоставления, при котором рекомендуется постановка тире, приводятся бессоюзные причинные предложения повелительно-изъяснительного типа, § 196, стр. 11; А. М. Гусев, Знаки препинания, 1905, указывает, что тире ставится при пропуске союзов, примеры — бессоюзные причинные предложения повелительно-изъяснительного типа, а предложения собственно-изъяснительные приводятся в правилах постановки двоеточия при опущении союзов «ибо», «потому что», «так как», см. стр. 118—119; Н. С. Поспелов считает, что в бессоюзных причинных предложениях в зависимости от места логического ударения ставится тире или двоеточие, см. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных предложений, сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка, 1950, стр. 349.

² Всеволодский-Гернгросс, Теория русской речевой интонации, Пб, 1922, стр. 95.

³ А. Б. Шапиро, Основы русской пунктуации, АН СССР, 1955, стр. 39—40.

У А. Н. Толстого, как правило, в предложениях данного типа стоит двойной знак — запятая и тире (, —).

В Собрании сочинений А. М. Горького (в тридцати томах, изд. АН СССР) не только в данной конструкции, но и в других случаях одно и то же грамматическое значение передается самыми различными знаками, бессоюзные причинные предложения чаще разделяются тире, но встречаются в этих конструкциях также и запятая, точка с запятой, запятая и тире, многоточие.

Все это говорит о том, что ориентироваться на знаки препинания при синтаксических исследованиях текстов нельзя.

А. Б. Шапиро приводит большое количество примеров из произведений различных писателей, где в бессоюзном предложении вместо двоеточия поставлено тире или запятая и тире. Он объясняет предпочтение писателями тире его особой выразительностью. Кроме того отмечает, что иногда запятая и тире (, —) ставятся потому, что «пишущему трудно с уверенностью подвести значение данной конструкции под определенную рубрику: возможен как один, так и другой смысл, а иногда сочетание того и другого»¹.

Последнее замечание очень существенно, так как одной из отличительных особенностей бессоюзных конструкций является их многозначность.

В тех же случаях, где возможны различные значения предложения в зависимости от интонации, определенный знак препинания важен. В бессоюзных причинных предложениях для различения их от других возможных значений ставятся двоеточие, тире или запятая и тире в противоположность запятой. Так, в предложении «Позиция была дурная, вся на виду, и окопы мелкие» запятыми разделяются однородные сказуемые и однородные части сложносочиненного предложения; интонация перечислительная. Если же поставить в этом предложении двоеточие, то значение, конструкция и интонация его резко меняются: «Позиция была дурная: вся на виду, и окопы мелкие». Это уже бессоюзное причинное предложение, вторая часть которого сложносочиненное предложение, имеющее объяснительную интонацию.

Выводы

1. Бессоюзные сложные причинные предложения — продуктивные сложные конструкции современного русского устного языка. Они широко используются в языке художественной литературы XIX-XX вв.

2. Бессоюзное причинное предложение имеет ярко выраженную окраску разговорно-бытового стиля речи (особенно

¹ Основы русской пунктуации, 1955 стр. 349.

группа повелительно-изъяснительных предложений). Поэтому в литературном языке они употребляются в произведениях, язык которых наиболее близок разговорной речи, опирается на нее, — в произведениях художественной литературы.

3. Эта конструкция живая, развивающаяся, в языке писателей она все чаще входит в состав усложненных конструкций, порою избирается авторами как стилистическое средство, дающее возможность избежать большого скопления союзов.

4. Бессоюзные причинные предложения синонимичны сложно-подчиненным предложениям с придаточными причины; бессоюзные причинные предложения с противительно-разделительным оттенком значения синонимичны как сложноподчиненным причинным предложениям, так и сложносочиненным противительным предложениям.

5. Бессоюзные причинные предложения, как и сложноподчиненные причинные предложения, могут причинно обосновывать, мотивировать как целое предложение, так и отдельный член предложения или группу членов предложения первой части.

6. В отличие от сложноподчиненных предложений с придаточными причины бессоюзная конструкция многозначна.

7. В сложноподчиненном предложении причинное значение выражается союзом, все остальные средства объединения частей предложения и выражения значения предложения здесь не обязательны и второстепенны. В бессоюзном предложении в создании причинного значения участвуют лексика, логическое соотношение его частей, структура предложения, соотношение форм сказуемых, интонация. Причинное значение при бессоюзии выявляется лишь в неразрывном взаимодействии всех этих факторов или нескольких из них, порою с преобладанием какого-либо одного.

8. В печатной практике наблюдается разноречивость в постановке знаков препинания в данной конструкции. Однако в унифицированной пунктуации закреплен за данной конструкцией знак двоеточие (см. Правила русской орфографии и пунктуации).

В. П. АНАНЬЕВА.

**К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬ-
НЫХ МУЖСКОГО РОДА на -И, -Ы, -ОВЕ, -А
в «КАЗАНСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ»**

Из литературно-художественных памятников второй половины XVI века выделяется «Казанский летописец»¹, являющийся, по определению акад. А. С. Орлова², «литературным знаменем XVI века».

Язык литературно-художественных произведений сложен по своей структуре, так как включает разнообразные черты как народно-русского, так и церковнославянского языка, подчиняя их полностью теме художественного повествования. Данный тип письменного языка пока еще наименее изучен, на что неоднократно указывал акад. В. В. Виноградов³. В предлагаемой статье рассматриваются формы именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода твердого варианта на -и, -ы, -ове, а также приводятся некоторые формы именительного (винительного) падежей на -а, встреченные в памятниках второй половины XVI века.

Древнерусскому языку старшего периода окончание именительного падежа множественного числа -ы не было известно. Памятниками письменности это окончание засвидетельствовано, начиная с XIII века⁴, на месте -и (из дифтонга). -Оі. Вопрос о причинах возобладания флексии -ы в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода привлекал внимание многих лингвистов. Большинство ученых (А. И. Соболевский⁵, А. А. Шахматов⁶, Е. Ф. Кар-

¹ Склонение имен существительных в «Казанском летописце» изучалось по списку В. М. Ундольского, помещенному во второй части Полного собрания русских летописей, т. XIX, СПб, 1903.

² А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук» 1908—1909 гг., кн. 4, т. XIII, стр. 346).

³ В. В. Виноградов. Образование русского национального литературного языка. «Вопросы языкознания», 1956, № 1, стр. 10. В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 80.

⁴ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, М., 1907, стр. 194.

⁵ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, М., 1907, стр. 193—194.

⁶ А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV вв. СПб, 1886, стр. 202. Исследование о Двинских грамотах XV в., СПб, 1903, стр. 106.

ский¹, Н. Н. Дурново², С. П. Обнорский³, Б. Унбегаун⁴, Л. А. Булаховский⁵ и др.) считает, что появлению окончания **-ы** в именительном падеже множественного числа способствовало влияние винительного падежа множественного числа. В качестве обоснования этого мнения акад. А. И. Соболевский указывает на совпадение именительного и винительного падежей множественного числа в среднем роде и в двойственном числе существительных мужского и среднего рода. Некоторые лингвисты (М. А. Колосов⁶, П. Я. Черных⁷, К. Мейер⁸ и др.) видят причину возобладания окончания **-ы** в именительном падеже множественного числа во влиянии именительного падежа множественного числа основ на исконное **-а** (долгое).

Решающее значение в данном процессе, по нашему мнению, имело влияние винительного падежа множественного числа на формы именительного падежа. Вполне определенно, что в этом процессе не следует умалять фактор совпадения именительного и винительного падежей в двойственном числе. Аналогия же к словам типа «воевода», «староста» не могла быть определяющей, так как, с одной стороны, группа слов типа «воевода» была очень незначительной и, с другой стороны, вопрос об исконной принадлежности этих слов к категории мужского рода не является окончательно решенным⁹.

Вопросу появления окончания **-ы** в именительном падеже множественного числа посвящена кандидатская диссертация Б. И. Скупского¹⁰, где процесс возникновения окончания **-ы** рассматривается как следствие унификации форм твердой и мягкой разновидности и обобщения основы в твердом различии мужского рода. Возобладание окончания **-ы** в именитель-

¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, в 2—3, М., 1956, стр. 134—135.

² Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, М.—Л., 1924, стр. 271.

³ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском литературном языке, в. П. Л., 1931, стр. 99—106.

⁴ В. Unbegaun. La langue russe au XVI siècle, Paris, 1935, p. 143—144.

⁵ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, П., Киев, 1953, стр. 137—138.

⁶ М. А. Колосов. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столет. Варшава, 1872, стр. 110, стр. 139.

⁷ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 153—154.

⁸ К. Meyer. Historische Grammatik der russischen Sprache, erster, Band, Bonn, 1923, s. 118.

⁹ А. И. Павлович. Ненапечатанный курс лекций по сравнительной грамматике славянских языков, прочитанный аспирантам кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина в 1956/58 г.г.

¹⁰ Б. И. Скупский. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке, М., 1953, стр. 166—167, 358—359.

ном падеже множественного числа отмечается и в других славянских языках: польском, чешском, в последнем определяющим является не морфологический фактор, а фонетический. В словенском языке, наоборот, наблюдается в именительном падеже множественного числа мужского рода окончание *-и* (также вследствие фонетических причин).

Время появления флексии *-ы* в разных языках неодинаковое. Так, в белорусском и украинском языках окончание *-ы* в именительном падеже множественного числа отмечается с XV в.¹ В этой связи значительный интерес представляет вывод Б. И. Скупского² о том, что в памятниках русского языка к концу XIV в. форма именительного падежа множественного числа на *-и* повсеместно заменилась формами на *-ы*. Исследователи деловых документов XV и начала XVI веков также отмечают широкое распространение форм на *-ы*³.

Однако употребление флексии *-ы* определялось как жанром произведения, так и стилем. Так, в «Повести временных лет» по Лавр. списку окончание *-ы* отмечено только в 9 случаях (при 194 формах с окончанием *-и*⁴). В «Задонщине» отмечается и старое, и новое окончание. А. Н. Котляренко склонен объяснять эту особенность тем, что переписчик использовал ранний текст «Задонщины»⁵. Но, без сомнения, следует принимать во внимание различие в жанре и в стиле «Повести временных лет» и «Задонщины».

Наблюдения над флексиями именительного падежа множественного числа *-и* и *-ы* в «Казанском летописце» показывают зависимость окончаний от лексического значения слова и контекста. В памятнике встречена флексия *-и* в именительном падеже множественного числа, хотя в разговорной речи второй половины XVI века в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода твердого варианта господствовало окончание *-ы*, что подтверждается исследованиями памятников XVI в.⁶ В «Казанском летописце»

¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, М., 1956, в. 2—3, стр. 136. О. П. Беспалько, М. К. Бойчук, М. А. Жовтобрюх, С. П. Самійленко, У. И. Тараненко. Исторична грамматика української мови. Киев, 1957, стр. 187.

² Б. И. Скупский. Указ. работа, стр. 359.

³ Г. А. Махароблидзе. Склонение имен существительных в московских деловых документах XV века. М., 1954, стр. 160—162.

⁴ А. А. Тележникова. Склонение существительных в «Повести временных лет» по Лаврент. списку. М., 1955, стр. 194.

⁵ А. Н. Котляренко. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV в. (Ученые записки ЛГПИ, Л., 1956, т. XV, в. 4, стр. 141).

⁶ В. М. Марков. Формы имен в языке судебных XV—XVI веков, (Ученые записки Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 116, кн. 11, 1956, стр. 63).

М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957.

С. А. Савицкая. Особенности языка посланий Ивана Грозного. Одесса, 1952, стр. 123.

флексия **-ы** отмечена в обиходно-бытовой и деловой лексике.

Например: **атаманы** у коегождо въ полку, (435); и кони и **велбуды** его мнози падоша (209); рекоша **волхвы** наша (314); **грады** же и селы достояніе отчества вашего (443); **дворы**, опричь болшихъ полковъ, соединяючися (435); то вси стратеги, и **мегистаны** и **магистры**,... идяху со обнаженными мечи, (459); а царевича сына ея на рукахъ предъ нею несяху **пѣстуны** его (340); и **посады** погоревше (254); съними... пойдоста и Казаньскія **послы** (258) и др.

В словах церковного обихода новое окончание отмечено только в одном случае: **игумены** вкупе со архіепископом отпущен(ы) быша, (482-483).

Флексия **-ы** в именительном падеже множественного числа находит широкое отражение в документально-деловых памятниках XVI века: ¹ **послы** (РИБ, т. 16, 145, 162, 235, 243); **города** (РИБ, т. 16, 154, 95, 194); **дворы** (Акты писц. дела, 3); **ратманы** (РИБ, т. 15, 119, 128, 183, 212); **бормистры** (РИБ, т. 15, 212); **жорновы** (Арз. акты, 107); **покосы** (Арз. акты, 110, 15, 29, 29, 84, 84); **пруды** (Арз. акты, 40, 41); **атаманы** (Разр. пр., 250, 252, 258); **черкасы** (Разр. пр., 250, 252, 253, 257, 258, 259, 262); **воры** (Разр. пр., 253, 253, 257, 258, 259, 262); **тиуны** (Архив Строева, 415, 554) и т. д.

Наблюдение над памятниками второй половины XVI в. иллюстрирует окончательное закрепление флексии **ы** в живом языке XVI в.

Сфера распространения окончания **-и** в письменном языке XVI в. была очень незначительной. В Судебниках XV-XVI в. ² флексия **-и** отмечена только в 3-х словах: **послух**, **холоп** и **тиун**. (Нами встречена форма «**тиуны**», Арх. Строева, стр. 415, 554. Проф. Б. Унбегаун ³ отмечает форму «**тиуны**» в перв. пол. XVI в.). Очевидно, в судебныхниках XV-XVI в. форма «**тиуны**» может быть рассмотрена как канцеляризм. В «До-

¹ Для сопоставления привлечен ряд памятников второй половины XVI в. Русские акты Копенгагенского городского архива (РИБ, т. 16, СПб, 1897); Русские акты Ревельского городского архива (РИБ, т. 15, 1894); С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты, М., 1915, (Арз. акты); С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. 1 (М. 1913), (Акты писц. д.); А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ, ч. 1, М. 1898, (Разр. пр.); П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, М., 1950, (Оч. по ист. опр.); Новгородские кабальные книги 1597, 1599—1600 г. (РИБ, т. 15, 1894); Архив П. М. Строева (РИБ, т. 32, 1916), Масловский архив (1569—1631), М., 1916, Сочинения А. Курбского (РИБ, т. 31, СПб, 1914), Сочинения И. Пересветова (М.—Л., 1956) — Соч. Пер.).

² В. М. Марков. Формы имен в языке судебныхников XV—XVI в. Уч. Зап. Казанского гос. университета, К., 1956, т. 112, в. II, стр. 64.

³ В. Unbegaun. La langue russe au XVI siècle, Paris, 1935, p. 167.

мострое»¹ старая флексия **-и** отмечена лишь от 5 слов: ангель, бѣсь, диявол, дѣмонъ, орѣль. Семантика слов дает возможность предположить, что окончание **-и** более устойчиво в церковно-книжной лексике. В «Казанском летописце» формы на **-и** также встречены в словах церковного обихода:

Тебе боятца **ангели** и ужасаются **херувими** и **сераѡими** и вся тварь трепещеть (398); и виде дивное чудо, яко... **апостоли** Петръ и Павелъ... неизреченнымъ свѣтомъ осіями (423); не бо страданіе приѡша **апостоли** святіи, (384).

Флексия **-и** сохраняется также в церковно-книжных контекстах: трепеть примуть отъ тебе холми (416); и даждь славу имени твоему, Господи, и да постыдятца вси **супостати** наши, (280); и бяху надѣющеса **невѣгласи** на богатство свое, а не на Бога (М., 198); зверіе и **пси** поядятъ телѣса ихъ (316) и др. (От последнего существительного архаическая флексия сохранена в сравнениях: яко **пси** (375), яко **пси** гладни да лижуютъ землю языки своими, (432). Но в челобитной И. С. Пересветова находим: яко гладные **пси** (243).

Флексию **-и** сохраняет и существительное рабъ (7 случаев): да и мы недостойни **раби** и видѣвше преславная чудеса (416); владычице, ...твой бо еси **раби** (438) и др.

И. Е. Семин отмечает наличие формы «раби» в XVIII в. и считает, что форма «раби», является «менее искусственной», т. к. составляет параллель к форме «холопи»². Однако, видимо, форму «раби» с большим основанием можно рассматривать как церковнославянизм³ и по фонетическим признакам (**-ра** в начале слова) и по семантике: очень часто существительное могло быть встречено в сочетании «Рабъ Божіи».

Итак, совершенно очевидно, что в «Казанском летописце» флексия **-и** сохраняется в лексике церковного обихода в церковно-книжных контекстах.

Нельзя не отметить, что в деловой письменности второй половины XVI века в лексике церковного обихода встречено окончание **-ы**: и святѣйшій патриархъ іовъ московскій и всеа Русіи и съ нимъ **митрополиты** и **архіепископы**, и **епископы**... молили и просили (РИБ, т. 16, 312); ...были микольские **попы** сельца Умая (Арз. акты, 148); а какъ къ нему изо всей Троецкой вотчины **попы** и **діаконы**, ...съѣдутца (Арх. Строева, 635).

¹ М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI века, Л., 1957, стр. 124.

² И. Е. Семин. Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра I». К. 1953, стр. 220, 222.

³ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, в. П, Л., 1931, стр. 102.

Н. В. Юстратова. Становление склонения существительных в национальном русском языке (перв. пол. XVII в.). Ученые записки Кишиневского университета, т. 9, 1954, стр. 123.

Кроме того, архаическая флексия **-и** в «Казанском летописце» в отдельных случаях поддерживается и литературной традицией. Так, окончание **-и** наблюдается в словах варваръ (бр.), народ (2р.), воинъ (бр.): **варвари...** всехъ подь мечь поклониша (315); срѣтоша же его вси Московъстии **народи** (475); **воини** же возопиша... единомъ глаголомъ (371) и др. Форма «воини» также отмечена в «Истории о великом князе Московском» А. Курбского: христианскія же **воини** сопрошашася съ ними крѣпце (306); Языку второй половины XVI века форма «воини» была известна. В «Челобитной» И. Пересветова встречаем: во Царегородѣ войны оскудели и обнищали, а мытари обогатели (243).

Наблюдения свидетельствуют, что в «Казанском летописце» окончание **-ы** в именительном падеже множественного числа является преобладающим. Архаическая флексия **-и** отмечена в церковнославянской лексике, в церковно-книжных контекстах, а также — в нескольких одушевленных существительных, в которых флексия **-и**, во-первых, поддерживалась литературной традицией, во-вторых, могла употребляться для различения субъекта действия от объекта, на что указывает акад. Л. А. Булаховский¹. В деловых документах слова церковного обихода в большинстве случаев принимают окончание **-ы**. Итак, при употреблении падежных окончаний наблюдается зависимость флексии от лексического значения, контекста и характера памятника.

В древнерусском языке, как и в других славянских языках, в существительных мужского рода, оканчивающихся на заднеязычный согласный, в именительном падеже множественного числа имели место следы второго переходного смягчения, согласно которому заднеязычные согласные переходили в свистящие. Рефлексы второго переходного смягчения наблюдаются в украинском, белорусском, чешском, болгарском языках (причем в болгарском языке в свистящие изменяются только звуки **-Г** и **-К**).

В древнерусском языке в им. падеже мн. числа о основ. замена свистящих согласных заднеязычными наблюдается в XIII-XIV в. А. Н. Котляренко отмечает, что в языке «Задонщины»², памятника конца XIV в., свистящие согласные на месте заднеязычных имели место в шести случаях в трех существительных. Но с конца XIV века в книжно-славянский язык вследствие второго южнославянского влияния широкой волной влились церковнославянизмы. Поэтому в «Казанском

¹ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1953, стр. 130, Курс русского литературного языка, т. II, 1953, стр. 138.

² А. Н. Котляренко. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV в. (Ученые записки ЛГПИ, т. XV, в. 4, Л., стр. 141).

летописце» форм со свистящими согласными больше, чем в «Задонщине», хотя, «Казанский летописец» возник двумя столетиями позже.

Свистящие согласные на месте заднеязычных засвидетельствованы у существительных, относящихся к религиозной сфере: и тѣ, государь, святїи **исповѣдницы**... не написаны же (493); Овогда же видаху, яко **священицы** на мѣсте томѣ пояху и кадаху (391).

В других случаях формы со свистящим согласным употребляются в церковно-книжном контексте: Мы же, ...высыновлени ему святымъ крещеніемъ, **настолницы** есмя прародители своихъ боговенчаннхъ царей (448); не бо страданіе прїяща апостоли святїи и **мученицы** (384); сїи **человецы** не положиша Бога помощника себѣ (468); **человѣцы** Богомъесте сотворены (467); Боже, языцы поганїи прїидоша въ достояніе твое (279); божїею милостїю, и пренепорочныя его матере Богородица помощїю, и всѣхъ святыхъ молитвами, **врази** наши изнемогша (463) и др.

В отдельных случаях форма **врази** употребляется по традиции: слышаще **врази** его (266); востаха на мя **врази** мои Казанцы... (377); на мя бо шептаху вси **врази** мои. (398).

Кроме того, свистящие согласные благодаря литературной традиции сохранены в таких примерах: и почаша ятїся аки гладные **волцы** (358); Исмятошася **полцы**, (235); И **прибѣгоша вѣстницы**» (203); и приступиша к ней царевы отроцы (342) и др. Формы со свистящим согласным во второй половине XVI века, возможно, следует рассматривать как церковнославянизмы.

Интересно, что существительное «языкъ» со значением «народъ» меняет заднеязычный согласный на свистящий: отъ лица твоего **языцы** возмутятся (416) яко въ последняя лѣта соединятца все языцы (352) и др., а при употреблении слова «языкъ» в лингвистическом значении сохранен заднеязычный согласный:

Две бо Черемисы (бѣ) въ Казанской области **языки** ихъ три, четверты же языкъ варварскїи (303—304). Возможно, сохранению заднеязычного согласного способствовало сочетание с именем числительным.

Таким образом, в «Казанском летописце» формы на **-зи**, **-ци**, **-си** отмечены, с одной стороны, в словах церковного обихода, в контекстах религиозно-торжественного характера, с другой, — в ограниченной группе слов типа «полкъ», «волкъ» и др., сохранивших свистящий согласный благодаря литературной традиции. Все эти формы в литературно-художественных произведениях, видимо, используются как своеобразное стилистическое средство.

Формы со свистящим согласным чрезвычайно широко представлены в «Сочинениях А. Курбского» (в переписке царя Ивана IV с А. Курбским и в «Истории о великом князе Московском»).

Приведем некоторые примеры: человекоугодницы (270, 19, 169); разбойницы (37, 39); корчемницы (52); наставницы (71); мученицы (72); пророцы (72, 78, 153, 154); языцы (75, 119); вѣстницы (78); жертвенницы (80); совѣтницы (144); послушницы (164); священницы (81, 81); патриарси (85); начальницы (91); спослѣдницы (109); спутницы (109); совѣтницы (172, 246); друзи (214, 246, 448); языцы (254); клеветницы (264); челоуѣцы (49, 113, 121, 215, 242, 274, 316, 463, 378, 318); волцы (311); ученицы (339); пророцы (391); схизматицы (421); мученицы (439); Мниси (320, 339); сродницы (281); разбойницы (318); священницы (108); священноначальницы (108); приѣмницы (108); врази (447, 456); начальницы (463); еретицы (464); ученицы (464); приставницы (75); чаровницы (261); подвизи (250); совѣтницы (144) и др.

Формы на **-зи, -ци, -си**, очевидно, выполняли определенные стилистические функции. Стилистическая роль форм со свистящим согласным особенно ярко проявляется при сопоставлении с аналогичными словами на заднеязычный согласный: и нестяжательно **мниси** прибывали; (Ист. о вел. князе, 320); и видяще его тамо живущи **мниси**, нарочитыя и добродетельные мужіе (Ист. о вел. князе, 339). Но: И о семь паче лукавыя **мнихи** завистию разседаеми были... (Ист. о вел. князю лукавыя **мнихи** завистию разседаеми были... (Ист. о вел. князе, 339); како же Триѣ **патриарси** собрашася со множеством святителей къ нечестивому **ѦвоѦилу** царю (РиБ, т. 31, 85); Но: **Патриархи** же, собравшись на едино мѣсто и избравши на то предреченных оныхъ дву мужей, ... (Там же, 483).

Приведенные примеры указывают, что формы со свистящим согласным, как правило, выступают в религиозно-торжественном контексте. Стилистическая дифференциация видна даже в пределах одного предложения: и **сопротивники** цареви и **врази** креста Христова падаху, а другіи покаряхуся (Ист. о вел. кн. Моск., 246).

В языке деловых письменных памятников XVI века формы со свистящим согласным представлены в ограниченном количестве. В. М. Марков¹ в языке «Судебника 1589 г.» отмечает только форму «послуси». В языке «Домостроя»² — «священницы», «неправедницы», «хищницы». Единичные примеры со свистящим согласным отмечены и в просмотренных

¹ В. М. Марков. Формы имен в языке судебников XV—XVI в., М., 1953, стр. 209—210.

² С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку, Ученые записки педагогического института имени В. И. Ленина, М., 1947, т. XLII, стр. 57.

деловых документах: и наши бы недрузи, увидя то и услышавъ, были въ великомъ отъ насъ страхованьѣ (РиБ, т. 16, 226); И вы, тоя честныя обители **священноиноцы иноцы, и священницы...** чтите его и слушайте (Арх. Стр., 679).

Широко распространена форма «наместницы» в такой формуле: **наместницы** наши и волостели наши и ихъ тиуны ...крестьянъ не судять (Арх. Стр., 554).

В «Новгородских кабальных книгах» 1597 г. и 1599—1600 гг. неоднократно по традиции повторяется формула: «А на то послуси». В «Актах... представленных в Разрядный приказ» форму «послуси» (169, 325 и др.) отмечаем наряду с «послухи» (210, 214, 228 и др.).

В деловых документах московских приказов первой половины XVII века засвидетельствован только один случай: **наместницы**,¹ что говорит о случайном сохранении архаической формы в застывшем выражении приказного языка.

Итак, формы со свистящим согласным во второй половине XVI века употребляются в подавляющем большинстве случаев в литературно-художественных произведениях, избилующих церковнославянскими словами.

Наряду с формами на **-зи, -ци, -си** в «Казанском летописце» встречаем и формы на **-ги, -ки, -хи**. Акад. И. В. Ягич² считает, что при выравнивании основ на заднеязычный согласный отправным моментом служит употребление винительного падежа множественного числа вместо именительного падежа множественного числа у существительных с древней основой на исконное **-О** (краткое). Лексический состав имен существительных, у которых сохранился заднеязычный согласный, совершенно иной: это в основном терминологическая лексика, слова, относящиеся к военному устройству, обозначающие основное занятие: то все **стратиги** и **мегистаны**, и **магистры**, и **тысящники**, и **сотники**, и **пятидесятники**, и **десятники**, и все воинские **чиновники** идяку со **обнаженными мечи** (459), И **брежаху Казань.. прикащики** цареви (320); И все те люди **замлепашцы** и **трудники** и **злолютые татники** (304); подле же обою техъ рекъ, Волги и Свѣяги, великі ялуги **прилежать травны велми** и **красны** (303) и др.

В деловой письменности заднеязычные согласные, как правило, сохраняются. Проф. М. А. Соколова¹ отмечает наличие заднеязычных согласных в подавляющем большинстве случаев в языке «Домостроя».

¹ М. А. Веселова. Склонение имен существительных в деловых документах московских приказов первой половины XVII века, М., 1955, стр. 277.

² И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, СПб, 1889, стр. 78.

В документально-деловых памятниках второй половины XVI века формы на **-ги, -ки, -хи** распространены очень широко. В «Арзамасских актах» более чем в 50 случаях употреблена форма «луги»: а направѣ земля и луги и всякоѣ угодья... (23). Кроме того, отмечены такие формы: помещики (62, 72, 163); бортники (65, 68); приказчики (58, 65, 113); облоги (84); племянники (179) и др. В «Актах... представленных в Разрядный приказ» находим: казаки (178, 255, 262); цѣловальники (230, 192, 153, 230); затинщики (256); разбойники (196, 155); мѣрщики (167, 229, 234, 238, 242, 268, 271, 336); окладчики (248) и др. В «Очерках по истории опричных»: таможенники (427); приказчики (431); праведчики (453); доводчики (453); оброки (473); целовальники (468); заезчики (460); десятильники (460) и т. д. В русских актах Ревельского архива: посадники (128, 119, 180, 183, 212); лопатники (120, 145); намѣстники (138); полоняники (205); посланики (207, 210); помѣщики (210); казаки (215) и т. д.

Формы на **-ги, -ки, -хи** в деловых документах встречаются и в словах церковного обихода: «А на разделе были: **свещеники**, никольской попѣ Иванъ Ивлеевъ (Арз. акты, 55); государевы **дѣяки**... печати свои приложили (Раз. пр. 192); указали ему того попа губные резанскіе **дѣячки** (Разр. пр., 222).

Как свидетельствует анализ, формы на **-ги, -ки, -хи** в деловых памятниках являются преобладающими. Отсутствие свистящих согласных в лексике церковного обихода свидетельствует о влиянии на них живой речи.

Таким образом, в «Казанском летописце» при употреблении флексий **-и, -ы** находят отражение различные языковые струи: церковнославянская, усилившаяся вследствие второго южно-славянского влияния, и народно-русская. Употребление церковнославянских и народно-русских форм строго разграничено и подчинено целям повествования, что еще раз подтверждает мысль о стилистической обусловленности падежных форм в литературно-художественных памятниках древнерусского языка.

Кроме флексий **-и, -ы**, в «Казанском летописце» в формах именительного падежа множественного числа в именах основ на **-о, -у** и на согласный отмечено окончание **-ове**. Вопрос о происхождении форм на **-ове** в существительных мужского рода решается в двух аспектах. Акад. А. А. Шахматов² говорит о том, что окончание **-ове** встречается в именах со значением одушевленности. На основе наблюдений над окончанием **-ове** в различных славянских языках и на основе ис-

¹ М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957, стр. 126.

² А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 232—233; 260—263.

следования памятников XI-XIV в. М. А. Карясова¹ в диссертации, посвященной склонению на -у, приходит к выводу, что при появлении окончания **-ове** в разных словах, не относящихся к склонению на -у, определяющее значение имело количество слогов, т. е. ведущим был силлабический принцип, а семантический принцип (значение одушевленности) играл второстепенную роль. По наблюдению М. А. Карясовой, окончание **-ове** чаще встречается у имен, обозначающих названия народов и племен, менее распространено у слов со значением лиц по социальному и служебному положению, названиях животных и у неодушевленных существительных². К XIV в. флексия **-ове** закрепилась за личными именами мужского рода.

Проф. Б. Унбегаун³ указывал, что в языке первой половины XVI века флексия **-ове** характеризует, главным образом, группу этнических имен (татарове, угрове, фрязове, грекове).

В «Казанском летописце» окончание **-ове** в форме именительного падежа существительных мужского рода наблюдается в именах, обозначающих лиц по их основному занятию (врачеве, послове, рыболове, уланове), название народности (татарове), в существительном сынъ (Зр.), в неодушевленных существительных (садове, стихове, трудове). Например: и **врачеве** же и волхвы не возмо(го) ша отъ язя тоя исцелити его, (237); И симъ лщеніемъ ома(нуша) его **посло(ве)**: (285); и слышавше весть отъ царя **рыболове** пришедшую, про сечю въ Казани (244); **Уланове** же и князи и мурзы все... разбѣхашеся по дом(ом)ъ своимъ, (290); **Татарове** же хотя//ху убити его: (327); и ту бяху// съ нимъ нѣкоторые **Татарове** (462) и др.

Существительное «сынъ» сохраняет архаическую флексию преимущественно в церковно-книжных контекстах: пр�вославнии ...**сынове** крови своя проліяша (488); и которые после Казаньского взятія **сынове** Рустіи и за //православную вѣрюю крови свои проліяша (494).

Употребление форм на **-ове** в именительном падеже мн. числа в неодушевленных существительных также объясняется характером контекста. Знамена же и прапоры, яко **садове..** колыбахуся (454); Бяху бо вси безмолчными усты славяху Бога и вкупе ликоствующе, овіи **стихове** спасенныхъ страстей владычныхъ (454—455).

Очевидно, наличие флексии **-ове** в существительном «сынъ», а также в неодушевленных именах существительных является своеобразным стилистическим приемом. В поэтиче-

¹ М. А. Карясова. Склонение с древнейшей основой на уй, Куйб., 1956, стр. 355, 374.

² Там же, стр. 395—396.

³ В. Унбегаун. La langue russe au XVI siècle, Paris, 1935, p. 160.

ском языке или в произведениях высокого стиля окончание **-ове** в некоторых неодушевленных существительных находим в современном чешском языке¹ (vek — vekove, vitr — vetrove).

Наряду с окончанием **-ове** в именительном падеже множественного числа в «Казанском летописце» отмечено и **-овя**, образовавшееся в говорах русского языка, по свидетельству акад. А. А. Шахматова², вследствие перехода конечного **-е** в **-а**. И. В. Ягич³ отмечает формы на **-а** (я) в памятниках письменности с конца XV века. В XVI веке росту форм на **-а** способствовало распространение аканья (яканья). С флексией **-овя** засвидетельствованы формы улановя, татаровя (18 раз, их них в 12 в списке второй половины XVII века).

Например: И придоша съ нимъ в Казань и многіе Крымскіе улановя, и князи, (242); и Татаровя многихъ людей побили, а иныхъ въ полонъ поймали (М, 225); Татаровя... хотяху сотворити и крѣпъчайшую брань (460).

Форма «улановя» отмечена акад. С. П. Обнорским⁴ в XVIII веке. Формы **«татарове»** и **«татаровя»** получили значительное распространение в памятниках различных жанров XVI-XVIII веков. Так, в Устюжском летописном своде⁵ форма «татарове» встречается 38 раз, «Татаровя» — три раза. Указанные формы находим в деловых документах московских приказов первой половины XVII века⁶, в «Уложении 1649 г.»⁷, в «Письмах и бумагах Петра I»⁸. Формы «татарове», «татаровя» нашли отражение и в просмотренных нами деловых памятниках второй половины XVI века: а съ нами многіе воинские люди многихъ земель Тотарове, (РИБ, т. 15, 204); А въ обыску стороннія окольные люди... татарове и мордва (Арз. акты, 5); били челомъ... татаровя (Арз. акты, 134); татаровя... с товарищи (Арз. акты, 134); татаровя... и во всякіе угодыя не вступалися (Арз. акты, 134); а хоромы на нихъ сожгли татаровя (Разр. пр., 184).

От других существительных формы именительного падежа на **-ове** в деловых документах представлены единичными

¹ А. Широкова. Очерк грамматики чешского языка, М., 1952, стр. 47.

² А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, М., 1957, стр. 262.

³ И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, Варшава, 1899, стр. 50.

⁴ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, в. II, Л., 1931, стр. 75.

⁵ Е. С. Магура. Морфологические особенности языка «Устюжского летописного свода», Харьков, 1953, стр. 24.

⁶ М. А. Веселова. Склонение имен существительных в деловых документах московских приказов первой половины XVII века, М., 1955, стр. 297.

⁷ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г., М., 1953, стр. 167.

⁸ И. Е. Семин. Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра I», Куйб., 1953, стр. 227.

примерами: сынове (Арх. Стр. 1, 447); панове (РИБ, т. 16, 103); сватовы (Разр. пр., 215); в последнем случае сказалось влияние окончания -ы именительного падежа множественного числа основ на О¹.

Значительно шире круг слов с окончанием -ове/ -овя в «Истории о великом князе Московском»: Яко и **врачеве** дѣлають (169); и приѣхаша **послове** отъ нихъ, просяще миру (227); согласясь всѣ **королеве** западные (253); иже есте **сынове** убицовъ исповѣдающесея (273); совѣтовали ему **сингли-тове** не исходити оттуды (218); а **Татаровя** съ стѣнь побегоша, (196); потомъ питаша его величие гордые паны; по ихъ языку **боярове** (165) и др.

В сочинениях И. С. Пересветова: **Жидове** же жертвы не творят (123), сущее же людне во граде, греки и **фрягова** (127). **фрягова** (140) и др.

Таким образом, в «Казанском летописце» в именительном падеже множественного числа флексия -ове засвидетельствована как в одушевленных, так и неодушевленных именах О-основ (врачь, уланъ, рыболовъ², садъ, стихъ, трудъ), так и в существительном с основой на согласный (татаринъ). Во второй половине XVI века формы на -ове являются принадлежностью литературно-художественных памятников. Живой речи второй половины XVI века формы на -ове не были известны. Исключение, видимо, составляет форма татарове (татаровя) отмеченная в большинстве письменных памятников. Русскому литературному языку известна только форма «хозяева» из «хозяевя» (хозяеве)³. Однако в современных славянских языках окончание -ове представлено широко. Оно наблюдается в польском, в чешском, в болгарском, в словенском, в сербохорватском языках (впрочем, в сербохорватском и в словенском языках употребляется флексия -ovi).

С XIV в. в именительном падеже множественного числа мужского рода находит отражение окончание -а. Это явление специфически русское. В других славянских языках оно под влиянием русского языка находит очень незначительное отражение. В словенском языке отмечены формы весега, кампа и др. В украинском и белорусском языках формы именительного падежа множественного числа на -а в именах мужского рода не встречаются.

¹ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, в. II, Л., 1931, стр. 130.

² С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, в. II, Л., 1931, стр. 75.

³ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, М., 1941, стр. 151.

Окончание **-а** впервые засвидетельствовано в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода в XIV веке в языке Псковского шестоднева 1374 года. Проф. Н. М. Каринский писал: «Имен. мн. на **-ы** и **-а** в муж. роде: в меня глаза есте; фси бугра, фси путя»¹. В форме винительного падежа множественного числа окончание **-а** встречено в конце XV века в летописи Авраамки (1495 г.)²: **города** поимаша нѣмѣчкія (159). Формы с флексией **-а** отмечает проф. Б. Унбегаун³ в языке деловых документов первой половины XVI века. В «Домострое» флексия **-а** представлена в списке Коншина формой «Сквернителя», а в списке об-ва-«тагана»⁴.

В «Казанском летописце» формы на **-а**, как и следовало ожидать, находят незначительное распространение.

В именительном падеже встречена форма «свидетеля», аналогичная отмеченной проф. М. А. Соколовой в «Домострое»: **И ложныя свидетеля** многіе поставляху на царя (363).

В винительном падеже множественного числа находим «въ колокола»: **Во граде Казани звонъ въ колокола** (395).

Окончание **-а** в существительном «колоколь» акад. С. П. Обнорский⁵, проф. П. Я. Черных⁶, вслед за акад. А. И. Соболевским⁷, рассматривают как старую флексию среднего рода. По данным И. И. Срезневского⁸, существительное «колоколь» в именительном-винительном падежах множественного числа в XI-XIV веках наблюдается с флексией **-а**, **-и**, **-ы**, что подтверждает предположение о принадлежности существительного «колоколь» к категории среднего рода.

Таким образом, на основании примеров, встреченных в «Казанском летописце», трудно сделать определенное заключение о распространении окончания **-а**. Анализ «Казанского летописца» подтверждает вывод Т. А. Ивановой о том, что «В памятниках книжного языка, богатого церковносла-

¹ Н. М. Каринский. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. (Ж. Мин. Нар. Просв. Новая серия, Часть, февраль, 1916, Петроград, 1916, стр. 233).

² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, М., 1907, стр. 221.

Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 283.

³ В. Unbegaun. La langue russe au XVI siècle, Paris, 1935, p. 212 и след.

⁴ М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI в., Л., 1957, стр. 124.

⁵ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, в. II, Л., 1931, стр. 36.

⁶ П. Я. Черных, Язык «Уложения 1949 г.», М., 1953, стр. 265.

⁷ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, М., 1907, стр. 218.

⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб, 1893, стр. 1256-1257.

вянизмами и подчас непонятного русским, примечательно почти полное отсутствие употребления им. мин. на -а»¹.

В деловых памятниках второй половины XVI века отмечено несколько форм с флексией -а. Например: земля, и околица, и луга, и всякіе угодыя и до кути поля Павла Васильева Сына Уварова (Арз. Акты, 76); и на колоколнице **колокола** все строенье мирское волосных людей (Акты писц. дела, 1583, 1) (У проф. Б. Унбегауна форма «колокола» отмечена под 1585 г., стр. 213).

Широко представлена в деловых памятниках второй половины XVI форма вин. падежа множественного числа «лѣса»: пожаловати... **леса** пашенные и непашенные (Арх. Маслова, 26, 32); **леса** пашенные и непашенные... разделить (Арх. Маслова, 44); черезъ **леса** черезъ дикіе прямо къ Чистому мху (Разр. пр. 169); и леса... велѣно отмѣжѣвати (Арз. акты, 162); **въ леса** (РиБ. т. 16, 63, 66, 80, 152, 154) и др.

Наряду с этим в именительном-винительном падежах встречена и форма «лѣсы» в «Казанском летописце» (300, 407), в «Истории о великом князе Московском» (252), в «Арзамасских актах» (160).

Представляет интерес вывод проф. П. Я. Черных² о принадлежности существительного «лес» к категории среднего рода. Точку зрения проф. П. Я. Черных поддерживает И. Е. Семин³. Если согласиться с этим предположением, то становится непонятно, почему форма «Лѣса» не нашла отражение у Б. Унбегауна и у исследователей памятников XIV-XV веков. В словаре И. И. Срезневского⁴ в именительном-винительном падежах отмечена форма «лѣсы».

Акад. Е. Ф. Карский⁵ в западнобелорусских говорах отмечает в именительном падеже множественного числа окончание -е, развившееся под влиянием -ѣ винительного падежа. Среди примеров находим: lese (1в. П 83 суховоля), lase. В существительных среднего рода такая замена, безусловно, невозможна. Кроме того, из всех славянских языков форма «leso» отмечена только в нижнелужицком языке⁶, но в том же языке нет формы для понятия «лѣса» (плетень, решетка и т. д.)⁷. Не было ли в одном слове объединения двух значений?!

¹ Т. А. Иванова, История формы именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода на -а. М., 1944, стр. 51.

² П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 397.

³ И. Е. Семин. Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра I», К., 1953, стр. 251.

⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, СПб, т. II, стр. 76.

⁵ Е. Ф. Карский. Белорусы. М., 1956, стр. 138.

⁶ А. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, стр. 489.

⁷ Там же, стр. 488.

Итак, отнесение существительного «лѣсь» к категории среднего рода проблематично и предположительно, так как, во-первых, эта мысль не находит подтверждения в памятниках письменности, во-вторых, форма «leso», встреченная в нижнелужицком языке, могла объединять значения: «лес» и «лесъ».

В. М. Марков, анализируя формы имен существительных в судебниках XV-XVI веков, отмечает, что в «Судебниках не засвидетельствовано ни одного случая употребления флексии -а в формах типа леса, города и под... Формы на -а, приведенные для первой половины XVI века. Унбегауном... вызывают серьезные сомнения»¹. Наши примеры доказывают обратное: во второй половине XVI века формы на -а, без сомнения, встречались в живой речи. К аналогичному выводу приходит и Т. А. Иванова²:

В деловых документах первой половины XVII в. отмечены единичные случаи распространения флексии -а.³: рога, колокола, лѣса, рукава (наряду: колоколы, лесы). То же самое можно сказать и о языке русской оригинальной повести XVII-XVIII в. Доц. С. В. Фролова⁴ отмечает: глаза, острова, в леса, города. В «Письмах и бумагах Петра I»⁵ формы с окончанием -а представлены немногочисленными примерами: берега, бока, колокола, леса.

Однако в «Российской грамматике» М. В. Ломоносовым впервые были отмечены три слова, которые в именительном падеже множественного числа имеют только флексию -а: рога, бока, глаза, и семь слов, в которых допустимы оба окончания: береги и берега, луги и луга, лѣсы и лѣса, острова и острова, снѣги и снѣга, струги и струга, колоколы и колокола⁶.

Начиная с трудов М. В. Ломоносова, к вопросу об окончании -а в именительном-винительном падежах множественного числа мужского рода лингвисты подходили с различных точек зрения.

¹ В. М. Марков. Формы имен в языке судебныхников XV—XVI в., Казань, 1955, стр. 155.

² Т. А. Иванова. История формы именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода на -а. М., 1944, стр. 156. «К истории именного склонения». «Вопросы языкознания», № 6, 1957, стр. 50-58.

³ М. А. Веселова. Склонение существительных в московских деловых документах первой половины XVII в., М., 1955, стр. 277.

⁴ С. В. Фролова. Именное склонение в языке русской оригинальной повести XVII—XVIII в. (Уч. записки Куйбышевского педагогического института, в. 8, 1948, стр. 188).

⁵ И. С. Семиин. Именное склонение в языке в «Письмах и бумагах Петра I», К., 1953, стр. 250.

⁶ М. В. Ломоносов. Труды по филологии, т. 7, М. — Л., 1952, § 195, стр. 463.

История вопроса об эволюции флексии **-а** в именительном-винительном падежах детально проанализирована в названных работах Т. А. Ивановой и А. С. Фидровской¹. Несомненный интерес представляет вывод Т. А. Ивановой о том, что «образование им. падежа мн. числа на **-а** от имен существительных мужского рода находилось в прямой зависимости от изменений в русском языке сочетаний с числительными»². Т. А. Иванова на основе анализа большого материала говорит о том, что на формирование окончания **-а** в именительном падеже множественного числа оказало влияние изменение вида подчинительной связи в сочетаниях числительных 2, 3, 4 с именами существительными. Эта мысль подтверждается фактами украинского и белорусского языков, где в именительном падеже множественного числа нет флексии **-а**. Причем в сочетаниях числительных 2, 3, 4 с именами существительными сохранен старый вид подчинительной связи. Как известно, причина изменения сочетаний числительных 2, 3, 4 с именами существительными восходит к истории форм двойственного числа, поэтому роль двойственного числа у истоков данного процесса все же не следует отрицать. Это положение подтверждается хронологическими данными: первые примеры с окончанием **-а** отмечены в XIV веке, то есть как раз в то время, когда двойственное число в большинстве говоров перестало существовать.

Итак, окончание **-а** в формах именительного падежа множественного числа было вызвано утратой двойственного числа, но эволюции данной формы способствовал ряд факторов, из которых, весьма вероятно, важное значение имело и переосмысление сочетаний числительных 2, 3, 4 с именами существительными. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что окончание **-А** возникало в русских словах и только позднее, уже в XIX веке, получило отражение в церковнославянской лексике. Это явление также подтверждает мысль о зависимости грамматической формы от лексического значения и жанра письменного памятника.

Таким образом, в «Казанском летописце» употребление падежных флексий **-и**, **-ы**, **-ове**, **-а** зависит от лексического значения слова, от контекста и характера памятника, то есть падежные флексии имен существительных в литературно-художественных памятниках второй половины XVI века обусловлены жанром и стилем произведения.

¹ А. С. Фидровская. К вопросу о процессе и факторах новообразования на **-а** в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода. (Уч. записки Казанского государственного университета, т. 112, кн. 6, Казань, 1952).

² Т. А. Иванова. Из истории именного склонения. «Вопросы языкознания» № 6, 1957, стр. 58.

Р. С. АСТРИНА.

**АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ДАТЕЛЬНЫМ
БЕСПРЕДЛОЖНЫМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
XVII — XVIII вв.**

Исследование вопросов синтаксиса русского языка на материале произведений XVII — XVIII вв. нам кажется небезынтесным прежде всего потому, что XVII — XVIII вв. — важный период в истории становления и образования русского национального литературного языка.

Словосочетания имени прилагательного с зависимым именем существительным (или местоимением) в дательном падеже без предлога — самый употребительный и продуктивный¹ структурный тип в системе адъективных словосочетаний в русском языке XVII — XVIII вв.

Исследование большого количества произведений XVII — XVIII вв. (более 300) позволяет нам сделать некоторые выводы относительно употребления указанных словосочетаний.

Собранный материал (более 8000 карточек-примеров адъективных словосочетаний всех видов) включает примеры из произведений народного творчества, юридических памятников (грамоты, указы, договоры), литературных источников, разнообразных в жанровом и стилистическом отношении (повести, романы, рассказы, стихотворения торжественного характера и лирические, драматургия — трагедия, комедии, оперы, «слёзная» драма, — басни, материал сатирических журналов, научно-публицистическая проза, переводная литература, эпистолярный жанр и др.)

Как отмечалось, адъективные словосочетания с зависимым именем существительным (или местоимением) в дательном падеже нужно признать самым распространенным типом адъективных словосочетаний, функционирующих в русском языке XVII-XVIII вв.

Так, насчитывается свыше 1260 примеров с дательным беспредложным, что составляет более 65% из числа всех беспредложных адъективных конструкций; словосочетания с

¹ См. определение этих понятий (употребительность и продуктивность) в ст. Н. Н. Прокоповича «Из наблюдений над синтаксисом имени прилагательного в современном русском языке», Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, XXXIX, 1956, стр. 104. См. также его: Адъективные словосочетания в современном русском языке, доктор. диссертация, М., 1955 г.

родительным беспредложным соответственно составляют 16%; с творительным беспредложным — 19%.

Кроме того, это — живой, продуктивный тип, так как сравнительно большой круг имен прилагательных обладает способностью управлять именем существительным в дательном падеже без предлога. Подобных прилагательных — свыше 170 (без повторяющихся примеров). Это составляет 69% от общего числа беспредложных сочетаний, тогда как сочетаний с родительным беспредложным — около 10%, с творительным беспредложным — 21%.

В данной статье рассматривается небольшой круг вопросов, связанных с наличием и функционированием в русском языке XVII — XVIII вв. указанного типа адъективных словосочетаний. Эти вопросы следующие: 1) каковы употребительность и продуктивность названной конструкции в русском языке XVII — XVIII вв.? 2) какие факторы влияют на употребительность указанных словосочетаний? 3) в какой степени вопрос о росте предложных конструкций за счет беспредложных относится к рассматриваемым словосочетаниям? (Имеется в виду употребление родительного падежа с предлогом «для»).

Рассмотрение даже отдельных, частных вопросов помогает выяснению общих закономерностей развития разных видов и типов словосочетаний, в которых «проявляется национальная специфика языка»¹.

Имена прилагательные в разбираемых словосочетаниях употребляются как в полной, так и краткой формах. Причем часть прилагательных употребляется в одной форме — или только в краткой, или только в полной.

В данной работе рассматриваются такие адъективные словосочетания (с дательным беспредложным), в которых имена прилагательные выступают только в краткой форме. (Некоторые из них — большинство — могут иметь членную форму, но последняя в исследуемых нами памятниках литературы XVII — XVIII вв. не встретилась).

Деление рассматриваемых словосочетаний на три группы: а) словосочетания, в которых имена прилагательные выступают только в краткой форме; б) словосочетания, в которых имена прилагательные представлены лишь в полной форме; в) словосочетания, в которых имена прилагательные функционируют и в полной и краткой формах, — кажется нам оправданным, если исходить из определения сущности словосочетания как лексико-грамматического единства, обозначающего предметы, явления, действия в их взаимоотношениях, функционирующего в пределах предложения. В предложении

¹ В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе современного русского языка. В сб. «Вопросы синтаксиса современ. русск. языка», М., 1950, стр. 183.

стержневое слово выступает в определенной функции. Так, имена прилагательные в краткой форме — в неизменной функции, функции сказуемого. Предикативное употребление краткой формы имен прилагательных в изучаемых словосочетаниях сближает их с глаголами, которые выполняют ту же функцию. Употребление краткой формы прилагательных в роли предиката объясняет, почему прилагательным даже таким, которые словообразовательно и семантически не связаны с глаголами, свойственно управление дательным падежом, т. е. управление, которое характерно глаголам.

* * *

В русской лингвистической литературе издавна, еще в трудах М. В. Ломоносова¹, определена важнейшая функция дательного падежа — выражение косвенного объекта, адресата.

Это основное значение дательного падежа характерно и для наших словосочетаний: имя прилагательное распространяется именем существительным (или местоимением), заключающим указание на лицо, предмет или явление, в отношении которых проявляется определенный признак².

Например:

... во всемъ были имъ покорны... (*Собр. гос. гр. и дог.*, т. 3, стр. 153)³.

... и молю о нихъ... бога, да милостивъ имъ будетъ... (*Акты юрид.*, стр. 465).

... и тотъ человекъ крѣпокъ тому, кому онъ дастъ на себя кабалу (*Улож. 1649*, стр. 242).

И бысть... скорбь велиа о убитых..., понеже быша мужественни и ратному делу искусни. (*Ав. Пал.*, стр. 153).

(брат) ... зѣло грамотъ гораздъ. (*Жит. пр. Аввак.*, стр. 95):

... и займутъ у своей братьи, кто кому дружень. (*Котош.*, *О Рос.*, стр. 37).

... чтобы он всякому знатен был, что он беглец. (*Посош.*, *О ск. и бог.*, стр. 51).

... неустроенныя сіи войска не были страшны непріателямъ, но опасны были государямъ (*Щерб.*, *Соч.*, II, 32).

(Я) ... избѣгну здѣшнюю зиму, которая мнѣ смертельна. (*Кант.*, *Изб.*, II, *Письма*, стр. 314).

... действие его прозы будет всем внятно. (*Рад.*, *Изб.*, стр. 197).

Нетрудно заметить, что объектные отношения в указанных словосочетаниях имеют оттенок ограничения, уточнения

¹ М. В. Ломоносов, Сочинения, VII, М. — Л., 1952, стр. 411.

² Академическая грамматика, II т. (1-й полутом), 306.

³ Объяснения сокращений см. в конце работы.

признака: имя существительное, управляемое прилагательным, ограничивает сферу проявления определенного признака, уточняет возможную область существования признака.

Адъективные словосочетания (с дательным беспредложным), где имена прилагательные выступают только в краткой форме, нужно признать самой продуктивной¹ группой, так как она, объединяя большое количество имен прилагательных (не считая повторяющихся примеров — около 80 имен прилагательных), составляет около 45% по сравнению с двумя другими группами (группа словосочетаний, в которых имена прилагательные функционируют только в полной форме, — 26,7%; группа словосочетаний, где имена прилагательные выступают в обеих формах, — 28,3%).

Лексико-грамматические признаки прилагательных этой группы различны: одни краткие формы сохраняют «связь и соотносительность с членными»², например: тесен, злобен, т. е. такие, которые могут иметь членную форму, но в исследованных нами памятниках не встретились (видимо, для данного периода — XVII—XVIII вв. — разбираемым прилагательным в полной форме не свойственно было управление дательным беспредложным); другие не могут иметь соотносительной полной формы, например, рад. В виду этого целесообразно разделить имеющийся материал на две части.

* * *

Словосочетания прилагательных, которые употребляются с дательным беспредложным только в краткой форме.

Примеры с подобными прилагательными отмечаются в различных произведениях на протяжении всего исследуемого периода (XVII—XVIII вв.).

Так, для первой половины XVII в. характерны словосочетания с прилагательными: крепок, (не)причастен, искусен, годеи, (не)злобен.

Как видно, круг прилагательных, образующих словосочетания с дательным беспредложным, в русском языке первой половины XVII в. невелик, причем некоторые из них (крепок), в памятниках других периодов не встречаются (ни в памятниках второй половины XVII в., ни в памятниках XVIII в.):

... и тотъ человекъ крепокъ тому, кому онъ дастъ на себя кабалу. (*Улож. 1649, 242*).

Отсебе гля зане непричастен мнѣ был еси во брани. (*Зрелище жития чел., в отрывках, 34*).

¹ Мы считаем проявлением продуктивности тот факт, что определенное количество прилагательных (без повторяющихся примеров) обладает способностью выступать в качестве главного члена в изучаемых словосочетаниях с дательным именем беспредложным.

² В. В. Виноградов, *Русский язык*, М. — Л., 1947 г., стр. 404.

И бысть скорбь велиа о убитых..., понеже быша мужественни и ратному делу искусни. (Ав. Пал., 153).

... поведи (пленный) за собою добрыя речи и годны всем в осаде. (Ав. Пал., 173).

... еси... ми... незлобенъ. (Комед. ужас., в отрывках, 67).

Словосочетания с некоторыми перечисленными именами прилагательными встречались в памятниках русского языка и до XVII в. Например, словосочетание с прилагательным «искусен» (в краткой форме) было характерно и для XVI в., на что указывается в статье А. Шумиловой («О зависимости управления при прилагательных от их лексического значения») ¹.

Во II половине XVII в. несколько возрастает количество прилагательных, выступающих в качестве главного члена словосочетания с дательным падежом без предлога: покорен, (пре)щедр, послушлив, милостив, знатен, дружен, бесконечен, годен, безответен. И в этой группе имеются такие прилагательные, которые не образуют разбираемых словосочетаний в XVIII в.: (пре)щедр, бесконечен, безответен.

... и королевским ближнимъ людямъ во многихъ статьяхъ противъ ихъ рѣчей были безответны... (Собр. гос. грам. и дог., III, 407).

...и радость на небѣ... будетъ безконечна тебѣ. (С. Полоц., Изб., 24).

Женихъ созываетъ... на свадьбу... людей, кто кому друженъ. (Котош., О Рос., 121).

... уже бо и самому царю знатень... еси! (Сав. Груд., Сиповск., 33).

... и молю о нихъ... бога, да милостивъ имъ будетъ. (Акты юрид., 465).

... да всѣмъ... прещедр бывает. (С. Полоц., Изб., 100).

В работе Т. П. Ломтева ² отмечается употребление словосочетания с прилагательным «милостив» + дательный беспредложный уже в Лаврентьевской летописи и произведении протопопа Аввакума (пример из произведения пр. Аввакума в наших материалах также представлен).

В первой половине XVIII в. происходит значительное расширение круга имен прилагательных, способных управлять дательным беспредложным: бесконечен, беспомощен, годен, досаден, дивен, дружен, желателен, жив, знатен, искусен, (не) лицемерен, милостив, неизбежен, недужен, покоен, подозрителен, подсуден, памятен, послушлив, покорен, причастен, сла-

¹ См. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, кафедра русского языка, т. СXXXII, вып. 8, М., 1958 г., стр. 294.

² Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, МГУ, 1956, стр. 20—23, 31.

док, смертелен, супротивен, славен, тяжел, тягостен, тесен, явен. (Больше половины указанных слов не характерны для второй половины XVIII в. См. набранное полужирным).

Песни... безстройны, Что и глухаго ушамъ были бы **безпокойны**. (*Кант., Изб., 1, 106*).

Действительные (причастия) и им подобные того не терпят: питающъ, питавшъ, напитавшъ, **слуху досадны**. (*Лом., Соч., VII, 549*).

... они токмо **богу живы, а миру мертвы** суть. (*Посош., Оск. и бог., 132*).

... Я вѣренъ, и до смертного часа **ей нелицемѣренъ**. (*Рос. куп. Иоанн, Сиповск., 250*).

Того ради, покорно прошу, учини мя **причастна дому** вашему. (*Алек. рос. двор., Сиповск., 147*).

... (он)... **тебѣ государю царю супротивень**. (*Смирнов, Челобит. двор. и детей боярск., 66*).

В указанной работе Т. П. Ломтева некоторые из перечисленных имен прилагательных приводятся в составе разбираемых словосочетаний. Часть примеров — из тех же произведений первой половины XVIII в., которые исследованы нами. Например, словосочетания с прилагательными «сладок» (стр. 441), «послушлив» (стр. 164). Имеются и такие примеры, которые не отмечены нами — они подтверждают характерность словосочетаний с определенными именами прилагательными для данного периода. Например, словосочетание с прилаг. «искусен» (стр. 441).

Очень многочисленна группа прилагательных, встречающихся в словосочетаниях, которые зафиксированы во II половине XVIII в.: **благосклонен, бесполезен, вятен, важен, (не)вкусен, гнусен, досаден (не)дужен, (не)доброхотен, жалостен, жалок, злобен, излишен, мучителен, необходим, наследственен, причастен, покорен, подсуден, подозрителен, прелестен, предпочтителен, прохладен, постыл, сладок, скучен, сумнителен, свободен, сходен (сходственен), темен, труден, тяжел, явен**. (Набр. полужирным — не встретились ранее указанного периода).

Мнѣ игры неприятны, Мнѣ нѣтъ спокойна сна, мнѣ пѣсни птицъ невнятны. (*Чулк., Соб., пес., 380*).

Ты **гнусень небесамъ**, ты гнусень предо мною. (*Майк., Agr., 44*).

Ни людямъ, ни богамъ не жалостень мой стонъ. (*Сум., Соч., II, 25*).

Развѣ добродѣтель однимъ Государямъ свойственна, а **Гражданину излишна?** (*Херас., Тв., XII, 6*).

Анна... имѣла сей здравый рассудок, который тщетной **блистательности въ разумѣ предпочтителень**. (*Щерб., Соч., II, 188*).

... вертикальное положение растений **сходственно** единому человеку. (*Рад., Изб., О чел., 347*).

А им к весталкам ход **свободен**. (*Кр., I, стих., 236*).
О коль часто случается, что и безвинные **наказанію** подсудны. (*Эмин., Пр. Ф., 8*).

... его критика столько разумна и вам вредна, сколько бургомистров гнев **королю опасен!** (*Нов. Н., Изб., О сат., 262*).

Словосочетания с прилагательными «необходим», «подозрителен» встречаются и в произведениях XIX в., но в примерах, приведенных Т. П. Ломтевым, эти прилагательные осложнены глаголами преобразования, выявления. В подобных случаях не исключена возможность употребления имен прилагательных в членной форме. Иногда дательный падеж в данных конструкциях в значительной степени тяготеет к глаголу, а не к прилагательному. Примеры из указанной работы Т. П. Ломтева:

... книги... ей сделались **необходимы**. (*Герцен*) — стр. 163;

... мужик... ей покажется **подозрительным** (*Гончаров*) — стр. 166.

Некоторые словосочетания с дательным беспредложным, характерные для русского языка XVIII в., не употребляются в современном русском языке.

Например:

Истина **благосклонна** одному достоинству. (*Сув., Письма, 41*).

Подобное прилагательное в современном русском языке управляет именем существительным (или местоимением) в дательном падеже с предлогом «К» (благосклонна ко мне).

Собранный материал и приведенные примеры позволяют предположить, что у прилагательных, отмеченных только в краткой форме, на протяжении исследуемого периода — от начала XVII в. до конца XVIII в. (в разнообразных стилях и жанрах русского языка) — все в большей и большей степени развивается способность образовывать словосочетания, в которых они выступают в качестве стержневого слова, все в большей и большей степени проявляется возможность управлять дательным беспредложным.

Отмечая все увеличивающуюся — со временем — способность этих прилагательных выступать в словосочетании с дательным беспредложным (как отмечалось, таких прилагательных около 80, не считая повторяющихся примеров), необходимо обратить внимание на их сравнительно незначительную употребительность. Эта группа значительно уступает по степени употребительности, например, группе словосо-

четаний, в которых представлены прилагательные, употребляющиеся в полной и краткой формах. (Она составляет лишь 12% от общего количества примеров «прилагательное + дательный беспредложный»).

Чаше других встречаются в памятниках исследуемого периода (XVII — XVIII вв.) словосочетания с такими прилагательными: причастен, опасен, годен, сладок, вятен, покорен, сходственен — сходен.

Любви всѣ сердца причастны. И сами боги ей подвластны. (*Богд., Д., 30*).

Опасны ли горамъ и тучамъ тонки прахи? (*Херас., Твор., II, 21*).

... такая книга не годна ни ученымъ, ...ни прочимъ людемъ. (*Кант., Изб., II, Перевод, 393*).

Мнѣ сладокъ сонъ... (*Чулков., Собр. пес., 258*).

... во всемъ были имъ покорны... (*Собр. гос. гр. и дог., III, 153*).

При этом употребление некоторых из них характерно для всего указанного периода (причастен); позднее в памятниках обнаруживаются словосочетания с прилагательными: покорен (со второй половины XVII в.), сладок (с начала XVIII в.), опасен, вятен, сходен — сходственен (со второй половины XVIII в.). Отдельные прилагательные к концу XVIII в. перестают употребляться в данных словосочетаниях (например, «годен» в значении «необходим»).

Мы отметили самые употребительные словосочетания; остальные же (а из приведенных выше примеров ясно, что их подавляющее большинство) являлись непрочными соединениями, пожалуй, случайными, не закрепившимися в русском языке.

Степень употребительности указанных словосочетаний может зависеть от определенного стиля и жанра произведения. Например, словосочетания с прилагательным «сходен — сходственен» характерны для произведений научной прозы и больших эпических произведений.

Он тучѣ сходень был (*Херас., Тв., I, Россиада, 261*).

Россия вся теперь сходна дрожащимъ тѣнямъ. (*Херас., Тв., V, Осв. Москвы, 223*).

Колеблемой ладѣ он сходень былъ въ сей часъ. (*Херас., Тв., II, Влад., 26*).

... тем животное сходственно... в образе своем человеку. (*Рад., Изб., О чел., 351*).

... вертикальное положение растений сходственно единому человеку. (*Рад., Изб., О чел., 347*).

Словосочетания с прилагательным «годен» встречаются в памятниках официально-делового характера, научной и свет-

ской переводной литературе и произведениях, отличающихся старокнижной традицией.

... и та его служба государю годна ли будет? (*Собр. Гос. гр. и дог., т. III, 315*).

... посылаем мы... послов..., которые годны нам... (*Письма и бум. Петра I, Грамота I*).

... она никому негодна. (*Кант. Изб., II, Перевод, Фон., «Множ. миров», 393*).

в то же время повару годен былъ... топоръ. (*Порт. по-сол., Сиповск., 281*).

... поведя (именный) за собою добрыя речи и годны всем в осаде. (*Ав. Пал., 173*).

Иногда данное словосочетание встречается чаще остальных потому, что характерно для языка произведений определенного писателя, являясь как бы излюбленным сочетанием.

Например, словосочетание с прилаг. «важен» чаще встречается в произведениях И. Крылова.

Из всех наук тогда одна... только мнѣ важна. (*Кр., Соч., I, Стих., 230*).

Тебе и то в нем очень важно. (*Кр., Соч., I, Стих. 238*).

«Подсуден» — в основном встречается в произведении Посошкова «Книга о скудности и богатстве».

... а кои и несильные, то магистрату неподсудны. (*Посош., О ск. и бог., 117*).

А аще суд будет по нынешнему и разной, служивым особливый, а прочим иным особливые ж, да будут единой главной конторе подсудны... то может правда установиться. (*Посош., О ск. и бог., 52*).

Нам кажется, что со степенью употребительности связан еще один фактор: возможность данных прилагательных образовывать словосочетание с родительным падежом + предлог «для».

Общезвестно, что в процессе развития русского языка, в ходе совершенствования грамматической системы, происходили и происходят изменения, проявляющиеся в образовании, распространении и закреплении предложных конструкций. Это происходит потому, что беспредложные конструкции с течением времени «перегружаются» значениями, что мешает удовлетворению потребности общения людей. Иногда беспредложные и предложенные конструкции сосуществуют, взаимно оттеняя одно основное значение; в таких случаях они являются синонимами.

В какой степени сказанное относится к нашим словосочетаниям?

Прежде всего нужно отметить, что лишь незначительное количество имен прилагательных (из 80—12) встретилось в памятниках исследуемого периода в словосочетаниях с родительным падежом и предлогом «для» и возможность употребления род. пад. с предлогом «для» у прилагательных разбираемой группы проявляется только в XVIII в.; в произведениях XVII в. подобные словосочетания не отмечены (с указанными выше прилагательными). Случаи употребления этих словосочетаний в произведениях первой половины XVIII в. буквально единичны. Мы можем привести только пример из произведения Посошкова:

... кое **для работы годны**, то брать на них крепости.
(*Посош., О. ск. и бог., 108*).

Напомним, что беспредложное адъективное словосочетание с данным прилагательным (годен нам) — самый употребительный тип в указанной группе прилагательных, т. е. тип, утвердившийся на протяжении длительного времени (XVII—перв. полов. XVIII вв.); так же отмечалось, что подобное словосочетание выражает одно значение: объектное значение с оттенком ограничения (годен людям, нам, никому, государю, всем, повару). Указанное прилагательное в конструкции «родительный + для» может иметь (и часто имеет) то же значение. Если бы подобные словосочетания встретились в исследуемых памятниках, их нужно было бы назвать синонимичными. Словосочетание «годный для работы» имеет совершенно иной оттенок — оттенок целевого значения. Ясно, что указанное словосочетание не является синонимом беспредложного словосочетания с дат. п. Это подтверждается еще и тем, что оно необратимо (ср. годен для нас — годен нам и годен для работы, при этом не может быть параллельного образования «годен работе»).

Видимо, причина кроется в лексическом и грамматическом своеобразии того слова, которым управляет прилагательное — в данном случае неодушевленного и абстрактного имени существительного (Срав.: годен людям и др. подобные сочетания, где признак проявляется по отношению к лицу или группе лиц. См. выше).

Основная группа словосочетаний (кроме указанного выше примера) «для + р. п.» встречается со второй половины XVIII в., причем употребительность беспредложных конструкций (дательн. беспредложный) прямо пропорциональна употребительности предложных словосочетаний (для + р. п.). Например, отмечалась употребительность словосочетаний с прилагательным «опасен», — это же прилагательное (в обеих формах) чаще других встречается в словосочетаниях «для + Р. п.».

Оружія сіи **опасны для сердец!** (*Херас., Тв., I, Рос., 332*).

Улиссъ былъ молодъ и прекрасенъ,... А потому для **женщинъ** былъ **опасенъ**. (*Княж., Соч., II, Басни, 544*).

На правой стороне видите вы... остров,... место, **опасное для кораблей**. (*Карамз., Остров Б., 418*).

И сама, ах! добродетель Почиталася личиной, но **опасной для тирана**. (*Рад., Бова, 322*).

Но менее ль, скажи, злодей **для нас опасен?** (*Кр., I, Подица, 279*).

Словосочетания с указанным прилагательным в конструкциях «дательный беспредложный» и «для + р. п.» нужно признать синонимичными, т. к. значения, ими выражаемые, идентичны. (Сравн. приведенные выше примеры и словосочетания: опасен королю, мнѣ, женскому полу, горам, тучам). Поэтому можно без значительного ущерба для смысла заменить одно словосочетание другим, беспредложное — предложным (или наоборот).

Синонимичны и другие — единичные — примеры.

(Приводим для краткости не предложения, а словосочетания — параллели):

бесполезен Агриопѣ, Отечеству — бесполезный для человека;

важен мне, тебе — важен, важнейший, маловажен для исполнителей, для сердца, для меня, для человека;

необходим ему — необходимый для писателя;

скучен юности, мнѣ, народу — скучен, скучный для меня, них, него;

смертелен мнѣ — смертельный для растений;

темен мнѣ, им. — темный для него;

тесен животным — тесен для числа зрителей;

труден нам — трудный для него;

тягостен им — тягостный, тягостен для него.

Как видно из приведенных параллелей, возможность управлять р. п. с предлогом «для» проявляется в значительной степени у прилагательных полной формы. Видимо, прилагательным именно в полной форме характерно создание объектных отношений в словосочетаниях с «для + р. п.»; впоследствии в предложные конструкции вовлекаются и краткие формы (См. выше. Исключение представляет один случай: тесен животным — тесен для него).

Малая распространенность словосочетаний «для + р. п.», нам кажется, находится в связи с незначительной употребительностью беспредложных словосочетаний.

* * *

Следующая группа словосочетаний — это группа, в которой прилагательные выступают только в краткой форме и не

могут иметь полной, независимо от значения. В современной лингвистической литературе эти прилагательные относят к словам категории состояния¹. Состав этих прилагательных невелик: рад, горазд, люб, — но некоторые из них очень употребительны.

Словосочетания с прилагательным «люб», нам кажется, необходимо отделить от словосочетаний со словами «рад», «горазд»; прилагательное «люб» отличается от других названных слов (рад, горазд) некоторыми морфологическими особенностями, например, не может быть употреблено с инфинитивом (Сравни: рад работать, горазд прыгать и люб — ?!); с другой стороны, «люб» может быть употреблено с «для + р. п.», — такая возможность у прилагательных «рад», «горазд» отсутствует (Сравни: люб для людей = хорош для людей — и рад для — ?!, горазд для — ?!).

Не случайно имеющиеся у нас примеры с прилагательным «люб» — из памятников переводной литературы.

Например:

... Кто вамъ любь. (*Яроп. цес., Сиповск., 182*).

Честь мнѣ велмо есть люба. (*Рим. д., ОЛДП, I, 24*).

и другие подобные примеры.

Правда, встречаются подобные словосочетания и в памятниках делового языка, в светской литературе второй половины XVII в: (отмечено два примера).

... Карло... хочет... дати сына своего. которой Московскимъ людемъ любь будетъ. (*Собр. гос. гр. и догов., гр. 2, 552*).

Солону град люб. (*Сим. Полоц., Изб., 10*).

Но и эти случаи нужно объяснить влиянием украинского или польского языков.

«Горазд». Наши примеры позволяют нам сделать предположение, что словосочетания с прилагательным «горазд» характерны в основном для произведений XVII в., стиль этих произведений далек от разговорного, в большей степени связан со старокнижными языковыми традициями.

Извести же о себе (сказал пленный о себе), яко и грамоте польской горазд. (*Ав. Пал., 173*).

Ты на то надеешься, что грамоте горазд. (*Сат. о кур. и лисице, РДС, 76*).

... (брат) зѣло грамотѣ гораздѣ. (*Жит. пр. Авв., 95*).

Самыми употребительными в этой немногочисленной группе являются словосочетания с прилагательным «рад».

Этому, как нам кажется, способствует, во-первых, тот факт, что они употребляются на протяжении всего исследуе-

¹ См. В. В. Виноградов. Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 403—404.

мого периода (XVII—XVIII вв.). Это способствовало закреплению в языке подобных словосочетаний.

Влияет на степень употребительности указанных словосочетаний и жанр, стиль произведений, в которых данное словосочетание встречается. В данном случае ограничения незначительные: только возвышенному, торжественному стилю они чужды. Зато в большом количестве встречаются эти словосочетания в многочисленных сатирических произведениях, в светской литературе, переводной литературе — в произведениях, близких по стилю к разговорному языку. Замечено, что если словосочетание закрепится в разговорном стиле — увеличивается степень употребительности, если ограничится старокнижным стилем — употребительность невелика. (Сравни употребление словосочетаний с прилагат. «горазд»).

Ты, брат, брат, давно тому и рад. (*П. о ЕЕ, РДС, 16*)

Припрыжкин... был ей рад. (*Кр., II, 118*).

Хозяинъ былъ тому — чрезвычайно радъ. (*Чулков, Пригож. п., 95*).

Рады миленькие намъ. (*Жит. прот. Авв., 59*).

Сколько есми рад тому. (*Ерус. лазар., Тихонрав, II, 106*).

Рыболовы той казнѣ велми были рады. (*Рос. мат. Вас., Сиповск., 118*).

И зато всякому чину будут милы в квартирном стоянии... будут им рады яко свойственникам. (*Посош., О ск. и бог., 52*).

Способствует употребительности, в-третьих, продуктивность внутри данных словосочетаний: прилагательное «рад» управляет не только личными местоимениями (я, мы, он, она, они — в д. п.), но и указательным местоимением (тот) и существительными (в д. п.), образованными — в основном — от глаголов:

А здвое рад есми приезду твоему (*Ерус. Лаз., Тихонрав., II, 106*).

... будто тотъ человек не радъ рождению (*Котош., о Рос., 13*).

Козель сему привѣту былъ столько радъ. (*Аблес., Сказки, 131*).

В памятниках XIX в. закрепилось подобное словосочетание с отглагольными существительными в д. п.; в таких случаях содержание имени прилагательного выражает направленность к объекту. Пример из работы Т. П. Ломтева: «...приходу рады» (Гоголь) — стр. 479.

Можно сделать следующий вывод. Для русского языка XVII—XVIII вв. характерны словосочетания, в которых в роли главного члена выступают имена прилагательные, зафиксированные в исследуемых памятниках только в краткой форме

(хотя подавляющее число из них может иметь полную форму с тем же значением). Эти прилагательные обладают способностью управлять именем существительным (или местоимением) в дательном падеже без предлога. Круг таких прилагательных значителен, но употребительность словосочетаний, включающих эти прилагательные, невелика. Многие подобные словосочетания не закрепились в языке, ибо связь некоторых прилагательных с дательным беспредложным именем оказалась непрочной, порой — случайной. Эти словосочетания выражают объектные отношения с оттенком ограничения; прилагательные, выступающие в указанных словосочетаниях, имеют какое-нибудь одно значение. Большинство (подавляющее большинство) имен прилагательных (этих словосочетаний) не образует предложных словосочетаний типа (для + р. п.); если же предложная конструкция появляется, то нужно отметить, что возможность управлять род. пад. с предлогом «для» проявляется в значительной степени у тех же прилагательных в **полной** форме. Степень употребительности зависит от стиля памятника, от жанра произведения, от индивидуальности писателя, от продуктивности **внутри** словосочетания с **данным** прилагательным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Аблес, Сказки... — Аблесимов, Сочинения, СПб, 1849.
2. Ав. Пал. — Сказание Авраамия Палицына, М. — Л., 1955.
3. Акты юрид... — Акты юридические, СПб, 1838.
4. Алек. рос. двор. — Александр Российский дворянин. В. В. Сиповский, Рус. повести XVII—XVIII, СПб, 1905.
5. Богд. ... — И. Богданович, Душенька, СПб, 1903.
6. Держ. ... — Г. Р. Державин, Сочинения с объяснен. Грота, IV, VI, VII, СПб, 1874, 1871; Сочинения в прозе, СПб, 1878.
7. Ерус. Лазар., Тихонрав. — Еруслан Лазаревич. См. Н. С. Тихонравов, Летоп. рус. лит. и древностей, т. 1, П. — М., 1859.
8. Жит. пр. Аввак. — Житие пр. Аввакума..., СПб, 1861.
9. Зрелище жития челов. — Зрелище жития человеческого, Из собрания Ф. И. Буслая, шифр списка А. XV, 103.
10. Кант., Изб. — А. Кантемир. Избран. сочин., письма, переводы, I, II, III, VIII, СПб, 1867.
11. Карамз. — Н. М. Карамзин, Сочинения, 1—3, СПб, 1848.
12. Княж., Соч. — Я. Б. Княжнин. Сочинения, СПб, 1847.
13. Комед. ужас. — Комедия ужасная измена..., Памятники древней письменности и искусства, вып. XXVIII, СПб, 1882.
14. Костров, Зол. Ос. — Е. И. Костров, Сочинения, СПб, 1849 (Апулей, Золотой осел).
15. Котош., о Рос. — Гр. Котошихин, О России в царст. Алексея Мих., СПб, 1840.
16. Крекшин, Зап. рус. л. — Записки русских людей, СПб, 1838.

17. Кр., т. II. — И. Крылов, т. II, М., 1956.
 18. Кург., Письм. — Н. Г. Курганов, Письмовник, ч. 1—2, М., 1831.
 19. КЧ, РДС. — Калязинская челобитная, Рус. демократ. сатира XVII в., М.—Л., 1954.
 20. Лом., Соч., VII. — М. В. Ломоносов, Полное собр. сочин., т. VII, М.—Л., 1952.
 21. Майк., Соч. — В. И. Майков, Сочинения и переводы, СПб, 1867.
 22. Нов., Изб. — Н. И. Новиков, Избранные сочинения, М.—Л., 1951.
 23. Письм. и бум. П. I — Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. II, СПб, 1887, 1889.
 24. П. о ЕЕ, РДС — Повесть о Ерше Ершовиче, Рус. демократ. сатира XVII в., М.—Л., 1954.
 25. Порт. посол. Сиповск. — Португальское посольство, В. В. Сиповский, Рус. повести XVII—XVIII вв., СПб, 1905.
 26. Посош., О ск. и бог. — И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, М., 1951.
 27. Рад., Изб. — А. Радищев, Избранное, М., 1952.
 28. Рим. д., ОЛДП — Римские деяния, ОЛДП, вып. 1, СПб, 1878.
 29. Рос. куп. Иоанн, Сиповск. — История о российск. купце Иоанне, В. В. Сиповский, Рус. повести XVII—XVIII вв., СПб, 1905.
 30. Сав. Груд., Сиповск. — Савва Грудцын, В. В. Сиповский, Рус. повести XVII—XVIII вв. СПб. 1905.
 31. Сат. о куре и лисице — Сатира о куре и лисице, Рус. дем. сатир. XVII в., М.—Л., 1954.
 32. Сим. Полоц., Изб. — Симеон Полоцкий, Избран. соч., М.—Л., 1953.
 33. СК, РДС — Служба кабаку, Рус. демократ. сатира XVII в., М.—Л., 1954.
 34. Смир., Челоб. двор. и дет. бояр. — П. Смирнов, Челобитные дворян и детей боярских всех городов в пер. пол. XVII в., М., 1915.
 35. Собр. гос. гр. и дог. — Собрание госуд. грамот. и договоров, ч. I, II, III, М., 1813, 1819, 1822.
 36. Сув., Письма — Письма Суворова, СПб, 1808.
 37. Сум., Соч. — А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стих. и проз., М., Унив., 1781—1787.
 38. Тат., Разг. — В. Н. Татищев, Разговор о пользе наук и училищ., М., 1887.
 39. Тред., Соч. — В. К. Тредиаковский, Сочинения, т. I—III, СПб, 1849.
 40. Улож., 1649 — Уложение царя Алексея Мих., СПб, 1913.
 41. Ф. Прок., Слова и речи — Феофан Прокопович, Слова и речи, т. I—III, СПб, 1765.
 42. Херас., Тв. — М. М. Херасков, Творения, М., 1796—1803.
 43. Чулк., Пригож. пов., Собр. песен. — М. Л. Чулков, Пригожая повариха, ч. 1, М. 1904; Собран. разных песен, I, СПб, 1913.
 44. Щерб., Соч. — М. М. Щербатов, Сочинения, I—II, СПб, 1896—98.
 45. Эмин., Пр. Ф. — Ф. А. Эмин. Приключения Фелистокла, СПб, 1763.
 46. Яроп. цесар., Сиповск. — История о Яропол. цесаревиче, В. В. Сиповский, Рус. повести XVII—XVIII вв., СПб, 1905.

Г. В. КАРПЮК

О ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ СВОЕОБРАЗИИ ОБРАЩЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ ПЕТРА I).

§ 1.

Язык особенно быстро обогащается в эпохи энергичной общественной деятельности людей. Одним из интереснейших периодов в истории русского литературного языка является петровская эпоха.

С XVII в. начинается «новый период русской истории»¹⁾, подготовленный историческим развитием страны и характеризующийся фактическим слиянием всех феодальных областей, княжеств в одно целое и образованием национальной связи «в собственном смысле этого слова»²⁾. Однако развитие России в этот период шло медленными темпами и ускорилося только в петровскую эпоху. Были проведены экономические реформы, направленные на усиление внешней и внутренней торговли, развитие промышленности, ремесел; значительно преобразовано было административное устройство государства, быстрыми темпами начинает развиваться наука и культура. Открываются школы, приглашаются специалисты из-за границы.

Все эти изменения в жизни русского общества отразились на развитии языка, т. к. его история неразрывно связана с историей общества, с историей народа, творца и носителя этого языка.

Создание и развитие русского национального языка в свою очередь тесно связано с увеличением роли живой русской речи и языка деловой письменности.

Изменения, происходящие в языке и стиле петровского времени, отчасти выясняются нами при анализе писем Петра I.

Все написанное им связано с конкретными случаями, вызвано живой необходимостью современной ему политической деятельности. Петр I был далек в письмах и бумагах от всякого «писательского» профессионализма. Это наложило отпечаток на стиль и язык его писем. Петр I нарушает литературные жанры, литературные традиции, если они ему мешают. Он

¹⁾ В. И. Ленин. Сочинения, Изд. 4, т. I, стр. 137.

²⁾ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. I, стр. 137—138.

заботится о стиле своих произведений лишь постольку, поскольку это нужно ему, чтобы убедить адресата в чем-либо или указать ему на допущенную оплошность. В письмах Петра I стираются языковые границы между документом и частным сообщением, законодательным актом и реляцией о победах. Не случайно, что многие письма Петра I, относящиеся к XVIII в., помещались целиком в газете «Ведомости». Все характерное для языка и стиля писем Петра I является отражением общего языкового процесса конца XVII и первой четверти XVIII века.

Почти во всех областях своей кипучей деятельности Петр I был неизменно новатором, человеком, стремящимся сбросить груз многовековых традиций, сознающим интересы государства в целом. Петр I вмешивался и в литературную деятельность своего времени.

Общую характеристику всем явлениям в жизни языка петровского времени дал академик С. П. Обнорский¹⁾.

Он отмечает, что характерным процессом, происходящим в языке в петровское время, была борьба между церковно-славянской «стихией» и «общим литературным языком». Эта борьба началась в середине XVII века в правление Алексея Михайловича, в письмах которого заметны параллельные употребление церковно-славянских форм и русских, часто просторечных, употребление церковно-славянских слов и выражений в окружении разговорно-просторечных, что приводило к смешению стилевых норм, к отказу от «красивости» в языке, от «плетения словес», столь характерного для сторонников церковно-проповеднической литературы и церковно-книжного стиля. Однако все эти явления, только намечавшиеся, бурно расцветают при Петре I. Не сразу язык освобождается от старых одежд, от старых форм выражения. Здесь намечается некоторая историческая закономерность, последовательность. Характерным для борьбы старого с новым является борьба книжных форм выражения с разговорными, упрощенными. Некоторый отказ от старых форм выражения, книжных оборотов, обращений с полным перечислением титулов, чинов, замена всего этого простыми дружескими обращениями намечалась в письмах царя Алексея Михайловича к стольнику Матюшкину. Но это лишь в единичных случаях.

В письмах царя Петра I наблюдаем переход от церковно-книжной речи к разговорно-деловой, которая сблизила русский литературный язык с разговорным. Письма адресованы соратникам Петра I Меншикову, Голицыну, Ромодановскому, Гордону, Апраксину, Винниусу и другим, его близким родственникам — матери царице Наталье Кирилловне, брату Иоанну

¹⁾ См. С. П. Обнорский. Культура русского языка. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 15.

Алексеевичу, с которым в первый период Петр разделял власть, сестре — царевне Софье; князьям, царям, герцогам, курфюрстам, с которыми поддерживались при Петре I дипломатические отношения. Как видно из перечисления адресатов, переписка носила самый разнообразный характер. При этом следует учесть, что выбор лексических средств зависит от тех задач, которые ставит перед собой автор, зависит и от стиля. Влияние на отбор языковых средств (в том числе лексических) оказывает стремление к выразительности и четкости. Пестрота светско-деловых стилей в письмах Петра I сочетается с разнообразием их лексико-фразеологического состава, с широтой употребления различных лексических групп (бытовая, военная, морская, политическая, дипломатическая...). В первых письмах, относящихся к 1686 году и последующим, преобладает церковно-книжная лексика, постепенно освобождающая место в XVIII веке стилю, приближающемуся к обычной разговорной речи. Это скорее деловой стиль канцелярии или стиль дружеской беседы (исключение составляют дипломатические письма).

Наиболее полно и четко это прослеживается при анализе обращений к адресатам в письмах. Под обращением в дальнейшем изложении подразумевается слово или группа слов, объединенных в одно, а иногда в два предложения, которыми в письмах называют того, к кому письма адресованы. В первых письмах, адресованных матери Наталье Кирилловне и относящихся к 1689 году и последующим, сохраняется старая церковно-книжная форма обращения, которая только иногда в **памятных** записках заменяется кратким обращением. Но эти памятные записки не оказывают существенного влияния на систему эпистолярного стиля. Формы челобитья в обращении и самоуничижительные оценки в концовках характерны для первых писем Петра I. Они отражают особенности эпистолярного стиля конца XVII века, в котором еще сильно влияние церковно-книжной стихии. Это же отмечает В. В. Виноградов в ранних письмах царевича Алексея Петру I до 1708 года¹). Петр I приближается в своих письмах к форме челобитных.

Вселюбезнейшей і паче живота телесного дражайшей моей матушке, государыне царице і великой княгине Наталі Кириловънѣ, сынишъка твой, в работе пребывающей, Петрушъка благосъловения прошу, а о твоємъ здравіи слышать желаю. (*Письмо № 6. 1689 г. т. I, стр. 11*)²).

Всдражайшей моей матушкъѣ недостойноі Петрушка, благословения прося, челомъ бью за присылку з дохту-

¹ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Учпедгиз, 1938 г., Изд. 2, стр. 56.

² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, СПб, 1887 г., В дальнейшем все примеры даются по этому изданию. Будут указаны №№ писем, страницы тома и год написания письма.

ромъ і з Гаврилоу, яко Ной иногда о масличномъ сукѣ, радуюся і паки челомъ бью. (№ 8, 1689, стр. 18).

Братец государь царь Іоанн Алексѣвичъ съ невѣ-
стушкою, а съ своею супругою, и съ рождениемъ своимъ
в милости Божией здравствуйте. (№ 10, 1689, стр. 14—15,
т. I).

Паче жития моего в мире семъ любимой матери моей,
великой государыни царице и великой княгине Наталіи
Кириловнѣ, недостойны сынъ твой Петрушка челомъ бью
и, паки тогожде прося, возвѣшаю, что благословениемъ
твоимъ во всякомъ изобилии пребываемъ на ползу свою.
(№ 13, 1691, стр. 15).

Наталья Кириловна. (№ 17, стр. 17, 1693 т. I.).

Вседрожайшая радость, государыня матушка царица
Мой государь превозлюбленной, батко и братъ, царь
Іоаннъ Алексѣвичъ, истинно всего государства своего
повелитель. Здрав я желательно хощу тебѣ, яко отцу, и
съ сосупругою твоєю, а моею государынею невѣскою, и
съ рождениемъ. О извѣщеніи чрезъ письмо отъ милости
твоей братцкой во много возблагодарихъ въ такомъ дал-
номъ разлученіи и нѣкакую утѣху великую принялъ
сердцу своему, не яко слухомъ, но яко устнѣ. (№ 31,
стр. 25. т. I. 1694 г.).

Государь мой братъ, царь и великій князь Іоанн Алек-
сѣвичъ! (№ 47, стр. 38—39. т. I 1695).

Все эти обращения адресованы членам семьи Петра I,
т. е. к людям, равным по положению молодому государю. Сле-
дует учитывать, что долгое время Петр I делил престол со
своим братом Иваном Алексеевичем. Поэтому в обращениях
к Наталье (матери Петра), брату (Ивану Алексеевичу) сохра-
няется особая форма почтения, соответствующая старым книж-
ным нормам этикета (Сравни с письмами царя Алексея Ми-
хайловича к стольнику Матюшкину). При этом используются
средства церковно-книжной литературы, характерные для сти-
ля «плетение словес». Все эти обращения к близким родствен-
никам характеризуются повышенной гиперболизацией, само-
уничижительными оценками, стилем челобитья, сложными син-
таксическими периодами, использованием старославянских и
древнерусских слов.

Автор дает себе самоуничижительную оценку, характерную
для стиля челобитных, используя соответствующие суффиксы
при упоминании своего имени. При этом им используются лек-
сические средства, восхваляющие собеседника, и прямые фор-
мулы челобитья. В обращениях при упоминании матери встре-
чаем прилагательные в превосходной степени «вселибезней-
шей», «дрожайшей», развернутые периоды «паче жития моего
в мире семъ любимой матери»... и прямые формулы челобитья:
«недостойны сынъ твой», «недостойный сынишка», «челомъ

бью». В употреблении суффиксов «ишка», «ушка» Петр I сохраняет старые нормы, выражая этим почтение. Л. А. Булаховский отмечает, что эти формулы характерны не только для холопов, но и для всех, кто адресует свое послание к вышестоящему лицу или выражает почтение. «В обращении к царю общее холопство уравнивает представителя высшей аристократии, который пишет, например, — «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцу холоп твой Гришка Ромодановский челом бьет». (Донесение воеводы князя Григория Ромодановского. Мат. Раз. I. № 1, стр. 4), и последнего бесправного человека, способного вообще подать челобитную»¹).

Несколько меняется тон обращений в письмах, адресованных к брату Ивану Алексеевичу. Здесь уже не встречаем выражений «челом бью», нет употребления своего имени с самоуничижительными суффиксами. Однако, то, что Петр I называет брата отцом, говорит о некотором самоунижении писавшего.

Братецъ государь царь Иоаннъ Алексѣевичъ... (№ 10. 1689. стр. 14, т. I.).

Превозлюбленной мой государь батко і братецъ царь Иоаннъ Алексѣевичъ... (№ 26, 1694, стр. 21—22. т. I.).

Мой государь и превозлюбленной, батко и братъ, царь Иоаннъ Алексѣевичъ... (№ 31, стр. 25, т. I, 1694).

Все эти обращения как к матери, так и к брату сохраняют церковно-книжные лексические средства. Например, вместо слова — «жизнь» используется древнее слово «животь». П. Я. Черных отмечает, что «в этимологическом отношении любопытно жити со своими спутниками: жито, живот (первоначально «жизнь»), жир (и. е. корень *gucie*); срв. лит. *guviboti* — жить; с скр. *jivati* — живет и т. п., при наличии гоити: др. р. гоити — живить; срв. былинное: гои еси и т. п.»²). Это слово он относит к общеславянским. В обращениях используются старославянские неполногласные формы «здравие», «дражайшей», «здравствуй», слова «чело», «тѣлеса», «паки», «присно», «паче». При этом следует учитывать, что существительное «тѣлеса» общеславянского происхождения. П. Я. Черных относит к общеславянским «чело»³. В обращениях встречаем существительное «мать» в ласкательной форме. Как и требует книжная норма, почти всегда это существительное встречается в сочетании со словом «государыня». Такая форма вежливости при обращении к своим родителям была обязательна. Даже в более поздний период в книге правил

¹ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II, Киев, 1953 г., стр. 159.

² П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии МГУ, 1956, стр. 89.

³ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии МГУ, 1956, стр. 36.

поведения и этикета для молодежи, созданной при Петре I, дается прямое указание молодым людям по этому поводу: «Когда родители, или кто другой их спросят (позовут), то они должны, къ нимъ отозватца и отвещать тотчасъ, какъ голось послышать и потомъ сказать: что изволите государь батюшко, или государыня матушка; или что мне прикажете государь, а не такъ, что, чего, што, ты говоришь, чего хочешь». ¹ Характерно, что эта формула вежливости используется в повестях петровского времени, когда автор хочет подчеркнуть почтительность, учтивость героини. Так, в повести об Ираклии встречаем: «Она же (Ираклия) вздохнувъ жалостно и нача плакати и рекла: «государь мой батюшко и государыня моя матушка»...² Слова «матушка», «батюшка», т. е. обращения с оттенком ласковости менее древни нежели «мать», «отец», которые относятся к основному словарному фонду и встречаются в самых древних памятниках письменности. Использование слов «матушка», «батюшка», в разговорном языке Срезневским отмечено задолго до Петровского времени и предположительно относится к XVI в.

Характерным для этих обращений является то, что Петр I употребляет подчас параллельно формы как старославянские так и русские (здравие — здоровье). Это говорит о том, что уже в то время для писавшего вторая форма была привычнее, хотя он и старался сохранить высокий стиль.

Хотя Петр I старается сохранить в обращениях старые нормы книжности, но это ему, как отмечалось выше, не всегда удается. Жизнь требовала изменений и в старых правилах вежливости. Уже в конце XVII в. в письмах Петра I в обращении к родственникам намечается упрощение. Встречаем простые краткие восклицания без использования средств, характерных для высокого стиля. Эти обращения резко расходятся с вышеуказанными и значительно приближаются к современному стилю писем: отсутствуют гиперболы, почти исчезают старославянизмы и сложные прилагательные.

Радость моя! (№ 15. 1693. т. I стр. 16).

Сестрица, здравствуй! (№ 99. 1696 г. т. I стр. 81).

Но эти случаи пока еще редки даже и в обращении к родным.

В обращениях к патриарху — духовному лицу используется книжный стиль. Здесь автор писем стремится приблизиться к старым нормам. В обращении перечисляется полностью титул адресата, в изобилии используются старославянизмы и древнерусские лексические средства, употребляются сложные прилагательные и существительные. Резкое различие харак-

¹ Юности честное зерцало, 1719 г., стр. 4.

² Русские повести XVII—XVIII в. в. под ред. и с предисловием В. В. Сиповского, т. 1, СПб, 1905 г., стр. 125.

тера обращений к духовному лицу и к родным очевидно, и свидетельствует о том, что новые явления ещё непрочно проникли в язык.

Всесвятѣйшему кирѣ Андриану, Божіею милостію архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, во святѣмъ Дусѣ отцу нашему и богомольцу, глубокаго мира и твердаго стоянія во благочестіи церкви Христовы восточныя, здравія же и благоденствія, вкупѣ и душевнаго спасенія отъ Господа Бога, в Троицѣ славимаго, усердно сподобитися желаемъ. (№ 50. 1695 г. стр. 43, т. I).

Всесвятѣйшему кирѣ Андриану Божіею милостію архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, во Святѣмъ Дусѣ отцу нашему и богомольцу, глубокаго мира и твердаго стоянія во благочестіи Церкви Христовы восточныя, здравія же и благоденствія вкупѣ душевнаго спасенія отъ Господа Бога, в Троицѣ славимаго, сподобитися желаемъ. (№ 103. 1696. стр. 83—84 т. I).

Во всехъ этихъ обращенияхъ к патриарху Андриану бросается в глаза книжная трафаретность. Характерно, что обращение, присущее письму за 1695 г., почти не отличается от обращения в письмахъ за 1696 г. Это как бы мертвые нормы книжности раз и навсегда созданные и узаконенные при упоминании имени патриарха.

В одной только фразе этихъ обращений встречаем четыре сложныхъ слова («Всесвятѣйшему кирѣ», «Богомольцу», «Благочестія», «Благоденствія»). Эти сложные слова в обращенияхъ являются принадлежностью книжного языка того времени. Указаны они и в словаре Срезневского. При образовании этихъ словъ используется книжный церковно-славянский суффикс — «ствие», который наряду с суффиксом — «ство» употребляется с древнейшей поры.

В разбираемыхъ обращенияхъ встречаем обилие церковно-славянскихъ лексическихъ элементов: здравія, благоденствие, благочестіе, вкупѣ, сподобитися. (Сравни письма Ксении Годуновой, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича). Петр I, стремясь сохранить книжный стиль, уснащаетъ речь словами кирѣ, архіепископъ, патріархъ, богомолецъ. Эти слова присущи русскому языку с древнихъ лет и принадлежат к заимствованиям из греческого языка.¹

Интересно, что Петр I при употреблении слова «патріархъ», проникшего в русский язык из греческого языка, как бы еще раз подчеркивает его значение, указывая «...во Святѣмъ Дусѣ отцу нашему и богомольцу». Здесь слова «патри-

¹ Подробнее смотри Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, М., 1953 г., стр. 335.

арх» и «отец» выступают в качестве синонимов для обозначения духовного лица. «Епископ» и образованное от него «архиепископ» также проникли в древнерусский язык из греческого языка.¹).

Несколько выделяется по происхождению слово кирь, употребляемое в **письмах** только в обращении к духовенству, в связи с чем оно постоянно встречается в сочетании с прилагательным «всесвятѣйший» и означает «верховный руководитель», «глава». По-видимому, оно проникло в русский язык задолго до петровского времени из восточных языков (персидского языка), где это слово могло быть образовано от имени легендарного царя Кира, известного своим умом и победами над врагами. Но можно предположить, что кирь происходит от греческого слова *kyrios*, означающее «господин». В этом случае форма кирь заменяет при обращении к духовному лицу слово «господин», являющееся формой вежливости. Важно отметить, что в словаре Срезневского это слово совсем не фиксируется. Употребляя это слово, Петр I подчеркивает главенство церкви, выражает почтение к церковной власти. Нужно заметить, что в тех письмах, которые адресованы к соратникам Петра Великого, но не к патриарху, и где о последнем только упоминается, слово «кир» не встречается. По-видимому оно не имело повсеместного хождения. В связи с этим Петр I насыщает обращение словами, расшифровывающими его значение — патриарх, архиепископ, богомолец. Употребление этого мало распространенного слова в письме вызвано, по всей видимости, желанием украсить речь. «Всесвятѣйший кирь» выступает как синоним всего вышеуказанного ряда названий главы церкви для придания большей пышности обращения. Это и накладывает своеобразную окраску книжности.

Кроме указанных особенностей, в письмах к патриарху, обращает на себя внимание и некоторая фонетическая черта. В обращениях строго соблюдается смягчение заднеязычного х — с (Духъ — Дусѣ), что для живого языка не было свойственно. П. Я. Черных отмечает, что смягчение заднеязычных встречается еще в письменных памятниках (московского и иного происхождения) первой половины XVI в., но оговаривается, что смягчение х — с (сѣ) находим лишь в исключительных случаях². Следовательно, для конца XVII в. такое переходное смягчение является исключительным, сугубо книжным. Разбираемые нами примеры относятся к концу XVII в. Обращает на себя внимание, что это смягчение на-

¹ Подробнее смотри Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, М., 1953 г., стр. 335—336.

² П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, изд. 2-е, 1954 г., стр. 174—175.

блюдается только в сочетании «во Святѣмъ Дусѣ отцу нашему и богомольцу», которое без изменений как традиционное выражение переходит из письма в письмо при сообщении каких-либо новостей патриарху. Все это заставляет считать, что факты смягчения являются также данью книжного штампа, по которому составлялись письма к главе церкви, и не являются характерными для живой речи. Нужно заметить, что это явление в церковно-книжном стиле сохранилось и до наших дней.

Своеобразна и стилистическая окраска всего обращения в целом. При значительно расширенном периоде наблюдается нагромождение эпитетов, указаний звания, использование сугубо церковных наименований (Святѣмъ Дусѣ, Троицы, Церквѣ Христовы).

Письма к патриарху резко выделяются из всей переписки Петра I как по содержанию, так и по своему стилю.

§ 2.

Совершенно иного характера обращения в письмах к соратникам по реорганизации государства, армии, флота. Здесь Петр I выступает прямым реформатором, человеком, освобождающим язык от излишней красоты. Не чувствуя необходимости соблюдать особые правила при обращении к соратникам, Петр I стремится к большей краткости, деловитости. Упрощенные обращения говорят о стремлении сблизить язык писем с разговорно-обиходным стилем и стилем приказно-деловым. В петровскую эпоху светско-деловой стиль решительно вступает в права.

Характер обращения в письмах к сподвижникам по деятельности отвечает именно тем требованиям, которые вытекают из сугубо деловых и узких в своем практицизме отношений. Язык обращений строг, ясен, лапидарен. В этом проявляется борьба Петра I с витиеватыми обращениями, требуемыми законами церковно-книжного «высокого стиля», которые были часто пустым набором слов. Растянутости, перегруженности обращений, характерных для церковно-книжного языка, Петр I противопоставляет четкие, ясные, краткие обращения нового типа, где нет перечислений чинов и титулов, нагромождения эпитетов, метафор, старославянизмов. Эта борьба с церковно-книжным стилем одновременно выражает эстетические взгляды и нормы, а также языковые и стилистические тенденции всей петровской эпохи.

Вместо расширенного периода в качестве обращений в письмах выступают просто имя и отчество адресата. Так, в письме, адресованном Федору Матвеевичу Апраксину, в качестве обращения используется имя и отчество без указания чи-

нов, званий, занимаемого положения¹. Все усиливающаяся европеизация жизни отразилась и в языке. Новые культурные запросы общества удовлетворялись с помощью перевода на русский язык слов и выражений, выработанных западноевропейскими языками, а иногда употреблением и самих иностранных выражений без переводов. Европеизация общественного быта вносит новую манеру обращений в письма Петра Великого. Влияние немецкого языка ярко отражено в обращениях, которые встречаем в письмах Петра I. Знание иностранного языка и употребление его являлось в этот период признаком хорошего тона. В «Расположении учений его императорского величества Петра второго» говорится: «Новые или так называемые живые языки употребляются к обходительству, и сие за украшение почитается, когда кто чужие языки знает... Между же ныне употребляемыми языками без сомнения немецкий и французский ради их почти общего употребления великое пред прочими первенство имеют»²). Как отмечает В. В. Виноградов «до 40-х годов XVIII в. преобладает значение немецкого языка»³).

В связи с этим в обращениях Петр I использует формы вежливости немецкого языка. В его письмах постоянно перемежаются обращения, называющие только имя и отчество адресата, с обращениями, написанными целиком на немецком языке, хотя последующий текст сугубо русский. Часто письма одного года к одному и тому же лицу примерно одинакового содержания имеют как русские обращения, так и немецкие.

Федоръ Матвѣевичъ.

В письмах к Ф. М. Апраксину. (№ 12 1691 г., стр. 14; № 19, 20 1693 г. стр. 17, 18; № 21, 22, 23 1694 г. стр. 18, 19, 20).

Мин Нег.

В письмах к Андрею Андреевичу Виниусу. (№ 27, 28 1694 г. стр. 22, 23; № 52 1695 г. стр. 44).

В письмах к Федору Матвеевичу Апраксину. (№ 32 1694 стр. 25; № 34 1695 г. стр. 27).

В письмах к Кревету. (№ 39, 41, 46 1695 г. стр. 31, 37, 33; № 53 1695 стр. 45).

В письмах к Ромодановскому. (№ 41 1695 г. стр. 32).

Иногда Петр I не полностью дописывает слова обращения. Так, в письме к А. А. Виниусу встречаем обращение М. Нег (№ 29 1694 г. стр. 23 т. I). Кроме этих очень кратких обращений встречаются заимствования из других европейских языков. Характерно, что они употребляются Петром I без пере-

¹ Федор Матвеевич, № 20, 1693, стр. 18, № 22, 1694, стр. 19.

² Цитирую по книге В. В. Виноградова. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2, М., 1938, стр. 58.

³ Там же, стр. 59.

вода, а это дает повод заключить, что эти заимствования были понятны окружающим.

Min Her Gouverneur Archangel.

В письмах к Федору Матвеевичу Апраксину. (№ 33 1694 г. стр. 25; № 36, 35 1694 стр. 28, 28).

Min Her Kenich.

В письмах к Ф. Юр. Ромодановскому. (№ 37, 40, 44 1695 г. стр. 29, 31, 34; № 51 54 1695 г. стр. 43, 45).

Min Her General.

В письме к Петру Ивановичу Гордону. (№ 43 1695 г. стр. 33).

Min Her heilige Vader.

В письме к Петру Ивановичу Гордону. (№ 43 1695 г. стр. 46).

Min Her Admiraliteic Her.

В письме к Апраксину. (№ 395 1701 стр. 474 т. 1).

Князь Федоръ Юрьевич.

В письме к Ромодановскому (№ 400, стр. 480 т. 1 1695 г.).

В очень кратком обращении даётся только наименование чина или указывается социальное положение без соответствующих метафор. Видно различие в характере обращений, если сравнить их с письмами царя Алексея Михайловича: «От царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя Росіи самодержца, стольнику нашему і Московскому ловчему Аѳанасію Ивановичу Матюшкину от насъ великого государя милостивое слово... 1). (№ 7 стр. 44 13 марта 1655 г.).

Новым для петровского времени является введение в обиход в качестве обращения слова «господин», которое в письмах Петра I даётся в немецком звучании (Min Her — Mein Herr). Хотя слово «господин» известно в русском языке задолго до XVII в., но оно обычно не употреблялось в качестве обращения, а если и встречалось, (что было крайне редко), то только в сочетании с титулом, именем и т. д. Галантный стиль изменяет роль этого слова. В книге «Приклады како пишутся комплименты разные», которая являлась источником и самоучителем вежливого обращения в письмах, основным словом при обращении к мужчине является «господин», а при обращении к женщине «госпожа». Характерно, что слово «господин» в качестве обращения используется как типичное в произведениях петровского времени. В повести «История о Александре, российском дворянине» встречаем в письме Александра «Господин пастор, мой государь! Уведомился я, что в доме

¹ Собрание писем царя Алексея Михайловича; издал Петр Барте-нев. М., 1856 г.

вашем великое несчастье вчерашнего дня учинилось...» (стр. 143¹).

Все вышеуказанное целиком говорит о том, что «европеизация общественного быта внесла новые слова и новые представления, новые формы экспрессии в систему бытовой речи высших классов соответственно менявшимся нормам светского этикета... Рекомендуется теперь европейски-галантный стиль речи и поведения»²). Вместе с этим деловая направленность писем, практицизм, всегда и во всем столь характерный для петровской эпохи, отразились и в обращениях. Вслед за кратким обращением к адресату начинается своеобразное вежливое, но в то же время деловое вступление. Часто эти вступления выполняли роль и функции обращения, ибо письмо не имело указаний адресата. По всей видимости, имя адресата писалось на пакете, в котором письмо отправлялось. Вот несколько таких обращений-вступлений.

За 1695 год

Письма ваши государския мнѣ здѣсь въ обозѣ отданы, въ которыхъ обрѣл и которую вашу государскую милость незаплатную. (*Письмо к Фѣдору Юрьевичу Ромодановскому. № 48 1695 г. стр. 41 т. 1*).

Письмо твое государское, августа 6 дня написанное, въ 18 день мнѣ отдано, за которое вашу государскую милость многократно благодарствую. (*Письмо к Ф. Ю. Ромодановскому. № 58 1695 г. стр. 49 т. 1*).

Письмо твое, августа 6 дня писанное, мнѣ въ 18 день отдано, въ котором о заморских вѣдомостяхъ и о вашемъ пребываніи и объявляешь, за которое увѣдомленія благодарствую. (*Письмо к Андрею Андреевичу Винусу. № 59 т. 1, стр. 50, 1695 г.*).

Писма Ваши государския, сентября 1 и 19 дней писанная, мнѣ въ 22 день и октября въ 1 день отданы, за которые вашу государскую милость многократно благодарствую. (*Письмо к Ф. Ю. Ромодановскому. № 68, 1695 г. стр. 54 т. 1*).

За 1696 г.

Письмо ваше, марта 10 дня писанное, мнѣ въ 15 день отдано, въ котором пишешь о Польскихъ лживыхъ въ Крелевецъ вѣстяхъ, что они уже с начала бытия своего торгуютъ тѣмъ, а что за Украину свою потеряли. (*Письмо к А. А. Винусу № 73 1696 г. стр. 57 т. 1*).

¹ Русские повести XVII—XVIII вв. под ред. и с предисловием В. В. Сиповского, т. 1, СПб, 1905 г. В дальнейшем все ссылки на повести даются по этому изданию. Указывается только страница.

² В. В. Виноградов. Очерки... изд. 2, М., 1938 г., стр. 56.

Письмо твое, апрѣля 8 дня писанное, мнѣ въ 16 день отдано, которое выразумѣвъ, благодарствую за оное. (Письмо А. А. Виниусу № 83 1696 г. стр. 63).

Писма твои, мая въ 15 день писанныя, мнѣ отданы, которыя вырозумѣвъ, за вѣдомость вашего пребывания благодарствую. (Письмо Андрею Юрьевичу Кревету, № 94 1696 г. стр. 76).

Письма твои мнѣ отданы, а которое увѣдомленіе благодарствую. (Письмо к А. Ю. Кревету, № 118 1696 г. стр. 105 т. I).

За 1697 г.

Письмо ваше государское мнѣ отдано въ 16 д., за которое вашу государскую милость многократно благодарствую. (Письмо к Ф. Ю. Ромодановскому, № 152. 1697 г. стр. 151).

Письмо твое я принель, а отповеть учиню съ будущею почтою, потому что живемъ въ Сардаме, а здѣсь того со мною нетъ, а почта жьдать не будетъ. (№ 180 1697 г. стр. 189 т. I).

Письмо твое, іюля въ 23 д. писанное, мнѣ отдано, въ которомъ пишешь о мастерахъ, о чемъ непѣрестанно печемся і справимъ въскоре, такъже і о писмахъ. (№ 182 1697 стр. 191 т. I).

Письмо ваше государское, ноября 5 числа писанное, мнѣ отдано деѣкабря въ 6 день, за которое вашей милости, благодарствуя Богу, до земли челомъ бью. (№ 210 1697 стр. 223).

Письмо твоё, ноября 26-го дня 1697-го писанное, мнѣ отдано декабря въ 24 день, въ которомъ пишешь о строе-ніи загона и крѣпостей на Миясѣ, о чемъ я писалъ с прошлюю и з сею почтою ко Алексею Семеновичю. (№ 216 1697 стр. 228).

За 1698 г.

Письмо ваше госу дарское, декабря 3 дня писанное, мнѣ отдано декабря въ 31 день, въ котором изволишь писать о здравіи своём і я о твоём здравіи по всякъ часъ слышать желаю. (№ 221 1698 стр. 234 т. I).

Письмо твое, мая 27 писанное, мнѣ отдано іюня 24 д., въ которомъ пишешь ваша милость о мастерахъ; о чём уже обнадеживаемъ вашу милость, что исполнено будетъ, потому что в Дрезденѣ у насъ взялся тот дворянинъ, которому отъ короля заводы приказаны, а сами мы за скорою ѣздою тѣхъ заводов видѣть не могли. (№ 249 1698 стр. 264).

Письмо твоё, іюня 17 д. писанное, мнѣ отдано, въ которомъ пишешь ваша милость, что сѣмя Ивана Михай-

ловича растет, въ чемъ прошу быть вас кърѣпких; а кроме сего ничемъ сей огонь угасить не мочно. (№ 252 1698 стр. 266).

Письмо твое принял і за вѣсти іностраныхъ благодарству. (№ 256 1698 стр. 270).

За 1699 г.

Писма ваши гасударскія принель я въ 1 д. да во 2 д. марта, въ которыхъ писать изволите о стрелцахъ. (№ 262 1699 стр. 276).

Письмо твое мнѣ отдано, въ которомъ пишешь о смерти Яна Деня, о чемъ мы зело опечалились; естли не погребень, не замайте до нас. (№ 264 1699 стр. 277—278).

3 писма вашихъ на разныхъ почтахъ я получилъ, апрѣля 30, мая 7 и 21 чисель писанныя, ис которыхъ въ 1-мъ о мастерахъ желѣзныхъ заводовъ, что инде даюгъ ихъ, а имянно, съ которыхъ заводовъ не даюгъ. (№ 271 1699 стр. 284 т. I).

Все приведенные обращения — вступления к письмам дают интересный материал для сопоставления нового европейски-галантного стиля со старым челобитным. Нужно отметить, что в связи с развитием галантного обращения собеседники переходят от старого «ты» к более вежливому «вы». Но это обращение еще не устоялось, и, как видно из приведенных примеров, в одной и той же фразе часто в начале предложения имеем «письмо твое», а затем «пишешь ваша милость». Интересно, что в письмах к одному и тому же лицу Петр I допускает и то и другое обращение. Всё это говорит, что данное явление только начинает входить в моду, только начинает распространяться. В. В. Виноградов отмечает, что «в обращении друг с другом распространяется «вы», смешиваясь со старым «ты»¹). Кроме указанной черты, характерно появление нового обращения «ваша милость», «ваша государская милость». Это обращение является вежливым, но не несет в себе той самоуничижительной оценки, которая характерна для стиля челобитных.

Интересно появление нового прилагательного в обращении-вступлении «государское»: «письмо ваше государское...», «ваша государская милость...». Появление этого прилагательного можно отнести к XVII в., ибо только к XVII в. относится расширение значения слова «государь», от которого оно происходит. «Государство», как указывает П. Я. Черных²), относится к лексическим новшествам XVII в., хотя в «Материалах» И. И. Срезневского находим единственный пример, относящийся к XV в. Но, во-первых, цитируемый И. И. Срезнев-

¹ В. В. Виноградов. Очерки... изд. 2, 1938 г., стр. 56.

² П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии, МГУ, 1956 г., стр. 213—214.

ским памятник дошел не в оригинале, а, во-вторых, значение слова не совсем ясно из контекста: «буди жъ милость... бога... на великом князе... и на его сынех и внуцехъ съ великимъ ихъ государствомъ и со всѣми благовѣрными князи». (Духовная грамота митрополита Фотия 1431 г. в одном из позднейших списков). Как указывает П. Я. Черных, значение слова «государство» соответствует здесь словам «с их княжеским владением». Не ясным является и написание: государство или господарство, потому что слово стоит под титлом. Смысл употребления слова «государство» в этой форме звучания в XVII в. не выяснен, т. к. почти нигде не встречается в несокращенном виде.

Более старой формой этого слова является «господарство» от «господарь» (владыка). В XIV в. появляется «государь». Но в XVII в. оно употребляется лишь в качестве титула русского царя. (См. письма Алексея Михайловича к Матюшкину). До этого (XVII в.) «государь» употреблялось как обычная форма в обращении «государь батюшко», «государыня матушка». От слова «государь» происходит слово «государский», а затем имеем образование более позднего прилагательного «государственный», которое происходит непосредственно от «государство». В наших материалах прилагательное «государское», «государская» несколько расширило свое применение, т. к. означает «особо важное», «написанное особенно почтительным человеком». Наиболее часто оно встречается в письмах к Ромодановскому, особо близкому Петру I в первый период его деятельности, и Винуису, хотя иногда встречается в переписке с другими.

Но эти новые черты стиля писем сочетаются еще со старыми, которые, хотя значительно уменьшились, но все же встречаются. Изредка в письмах встречаются формы челобитья, формы самоуничижения, подобные нижеследующим:

Письмо ваше госу дарское мнѣ отдано, за которое многократно челом бью. (№ 187, 1697, стр. 197)

Письмо ваше государское мнѣ 19 д. сего месяца отдано, за которое вашу милость рать служить, дондеже емь; а о присылкѣ не прогневайся на раба своего понеже не сыскал достойнейшей ветъши. (№ 165, 1697, стр. 166, т. I. Письмо к Ф. Ю. Ромодановскому.)

Встречаются старые формы «челом бью», употребление самоуничижительной оценки «не прогневайся на раба своего». Эти обороты придают речи подчиненный характер, говорят о преданности адресату. Постоянно в письмах встречается сложное слово «благодарствую» церковно-книжного образования. Оно вполне согласуется с требованием вежливости, которое выступает все сильнее в последние годы XVII в. Из других сложных слов встречаем «многократно». Оно также носит

книжный характер, но прочно входит в разговорный язык эпохи. Из других черт книжности можно указать на употребление старославянских форм «здравие», «чело» и обозначение времени «лѣта»:

Письмо твое государское, ноября 19-го числа писанное, мнѣ отдано декабря въ 20, въ котором изволили писать о нашем государском здравии: дабы и впредь Господь Богъ продолжил оное на лѣта многа! (№ 214, 1687, стр 226).

Важно, что все эти черты приближения стиля переписки к разговорно-деловому, отказ от старых норм книжности и челобиться наблюдаются не только в письмах Петра I, но и в ответах его современников, хотя у последних этот процесс менее выражен. В них нет «восточных» форм гиперболических употреблений и восхвалений собеседника, а экспрессия жалкого самоуничижения, если и подается, то в менее выраженной форме.

Господи́нь большой бомбардырь. Письмо твое до нас дошло в 1 часу ночи. (Письмо Головкина А. М. к Петру I от 1694 г.)¹⁾

Премилостивому моему государю, пречестнѣйшему бомбардиру Петру Алексѣевичу здравствовать со всѣми тамо страдатели противъ погановъ за святую церковь и правовѣрныхъ християнъ, под басурманскимъ игамъ мучащихся. (Письмо Апраксина к Петру I от 1694 г.)

Государь мой милостивой, здравіе твое да сохранить Господь во многія лѣта. (Письмо Г. И. Головкина к Петру I от 1695 г.)

Хотя эти обращения (более распространенные и шире используются книжные обороты), более насыщены старославянизмами, но и в них уже не чувствуется того самоуничижения, которое характеризует все нормы XVII в. Нет в них обилия метафор, гипербол, которые рекомендовалось употреблять. Так, в письмовнике XVII в. (рукопись Ленинградской Публичной библиотеки XV 02) дан пример типичного обращения к адресату, который рекомендуется использовать в письмах: «Преукрашену в разуме и рассудительну во всехъ благихъ делахъ, наученному добродетелемъ и любви, светлому, яко сапфиру и честному к камени и сосуду злату, исполненному драгого бисера, источнику неисчерпаемому, сладчайшей медоточной струе» и т. д.²⁾

¹⁾ Письма современников Петра I даются по текстам, опубликованным в «Письмах и бумагахъ императора Петра Великого», СПб, 1887 г., т. I. (Смотри приложение и комментарии к письмам Петра I).

²⁾ Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. 2, стр. 180—182 (Цитирую по книге В. В. Виноградова, Очерки... изд. 2, 1938, стр. 56).

К этому образцу приближается обращение в письме Апраксина от 1694 г. В нем упомянуты заслуги Петра I перед «христианами» в разгроме «басурман», отмечаются качества Петра I, которые выражены при помощи прилагательных, стоящих в превосходной степени. Но характерно, что в обращении, которое находим в письме Головнина того же 1694 года, нет всех этих атрибутов. Следовательно, можно сказать, что новый характер обращения начал проникать в переписку, хотя и не вытеснил до конца старые нормы. А это в свою очередь говорит о том, что обращения, отмеченные в письмах Петра I, не являются единичными, выпадающими из общей системы языка.

§ 3.

Теперь особо следует остановиться на обращениях Петра I в письмах к царям и королям, главам других государств. Эти обращения относятся к концу XVII в. (1699 г.). Требования особого дипломатического этикета вырабатывает в обращениях к главам других государств определенный стиль. Обращение и весь тон письма — торжественны. В то же время автор стремится придать письму дружеский характер. Все это вырабатывает особый стиль обращений, характерный только для этой полуофициальной переписки.

Мой господине і брате любезнейшиі і друже істинною, а не политикою! (*Письмо к польскому королю Августу II № 260 1699 стр. 275 т. I*).

Письмо ваше, особенно писанное чрезъ изящного вашего сълужителя Пренса, принялъ і выразумѣлъ ваше весма благое намъ і опществу склонение, которое какъ въ писме, такъ і отъ съла выщереченного, Пренса, мы любезно приняли. (*Письма к Бранденбургскому курфюрсту Фридриху II. № 263, 1699 г. стр. 277, т. I*).

Первое приведенное обращение отличается краткостью, и в то же время большей дружественностью, теплотой. Это достигается использованием ранее не принятых в подобных случаях существительных — «господин», «брат», «друг», которые поставлены в звательной форме, что придает обращению торжественность, почтительность. Характер самих существительных отражает настроения и отношение автора письма. Можно отметить, что в московских, новгородских грамотах звательная форма употребляется уже в XIV—XV вв. только с определенными существительными, которые являются условно деловой фразеологией «господине», «княже», «брате», «госпоже»: «а блюсти, господине, брате, будешь въ целовании». (Договорная Дмитрия Донского 1371), «а с кѣмъ, брате, будешь въ целовании». (Договорная великого князя Василия Васильевича 1434). В живом языке к XVI в. эти формы почти перестали употреб-

ляться. Но в деловой переписке звательная форма этих существительных, как указывает П. Я. Черных, воспринимается до середины XVII в. Особенно это характерно для существительного «господине»¹⁾. В переписке же Петра I с королем польским эти застывшие формы деловой речи вновь употребляются. Использование их связано с целью придания письму тона торжественности. Следует отметить, что с этой же целью используют звательную форму у имен существительных писатели XVIII в.

Писатели XVIII в. вносят в эту форму также дружеский оттенок. А. Кантемир пишет: «что так смутен, друже мой», «Музо не пора ли...» В первом случае введение существительного в звательной форме придает речи интимный, дружеский характер, во втором — некоторую искусственность, торжественность. В дальнейшем, если и употребляется звательная форма, то только в стилистических целях. В письмах Петра I используется в звательной форме существительное «брат». С древнейших пор слово «брат» употребляется в качестве обращения к людям одного исповедания, одного общества, одного положения. Причем, большей частью, вероятно, по установившимся традициям в форме звательного падежа, что находим в переписке с королем Августом II.

При развитии языка за этим словом при обращении все больше сохраняется оттенок фамильярности, что отмечается и в наши дни¹⁾. Факт этот, по всей видимости, можно объяснить тем, что в период сословного неравенства слово «брат» встречалось в обращениях только к людям равным по социальному положению. Затем оно начинает употребляться к людям, стоящим на более низкой ступени. Но в этом случае употребление его было свойственно только выше стоящему лицу.

Особые формы обращений-вступлений находим в грамотах, договорах, деловых документах, в посланиях дипломатических. В этом случае речи придается торжественность. Используются в большом количестве старославянизмы. Эти формы надолго сохраняются в деловой документации, как бы становятся мертвыми, застывшими. В нашей работе анализ их не делается, ибо они не входят в состав эпистолярного наследия Петра I, а являются особой формой деловых документов.

Интересно отметить, что Петр I прекрасно ориентировался в различии стилей, в различиях использования тех или иных лексических средств в зависимости от того, кому адресовано письмо. Обычно отмечалась только модернизация стиля в письмах и бумагах Петра I. Но важно заметить, что в каждом

¹⁾ Материал взят из книги П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, М., 1954 г., изд. 2, стр. 161—163.

¹⁾ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 182.

отдельном случае Петр I строго разграничивает, кому адресовано письмо, а в связи с этим использует те или иные лексические средства. Так, во время своего заграничного путешествия, когда Петр I знакомился с жизнью Западной Европы, им посылались письма от имени простого человека, обслуживающего членов русской миссии. Стремясь сообщить определенные сведения в Россию, Петр I, чтобы не вызвать подозрения, стилизует в письмах свои сообщения под речь простого человека. Здесь уже находим все характерные черты челобитных: самоуниженные просьбы, использование имен с пребрежительными суффиксами.

§ 4.

Теперь подведем итог анализу обращений, характерных для писем Петра I, написанных в последние десятилетия XVII века. Как и сами письма, так и их части отражают состояние языка и стиля кануна XVIII века.

Письма и бумаги Петра I очень хорошо отражают состояние языка этой эпохи, давая образцы как простого стиля, так и более торжественного. Первый мы встречаем в письмах приятельских, хозяйственно-распорядительных и в военных приказах; а второй, т. е. стиль торжественный, избыточный церковнославянизмами, — в посланиях дипломатических¹⁾. Все это дает возможность сделать некоторые обобщения, характеризующие состояние языка последних десятилетий XVII века.

1. Анализ обращений в письмах Петра I показывает ту борьбу, которая происходит в языке между церковно-книжным стилем «плетения словес» и деловым канцелярским. При этом видно, что происходит упрощение стиля и введение новых лексических средств в язык.

2. В письмах Петра Великого, написанных в 80-е годы XVII в. и адресованных родным, находим еще черты челобитных, обращают на себя внимание самоуничижительные оценки, использование «восточных красотей», гиперболизация.

3. В обращениях, которые встречаем в письмах, адресованных к родным и вышестоящим лицам в большом количестве используются старославянизмы, стиль этих обращений очень тяжел, насыщен большими синтаксическими периодами.

4. Как и требовал книжный стиль, обращения к этим лицам насыщены сложными словами, часто взятыми из арсенала старославянского языка.

5. Анализ обращений, используемых в письмах Петра I, показывает, что новые нормы начинают проникать в отдель-

¹ И. В. Устинов. Очерки из истории русского языка, ч. 2. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, т. LXXXII, вып. 5, М., 1955 г., стр. 116.

ных случаях в письма, адресованные к близким родственникам. При анализе текста писем встречаем отдельные случаи кратких беститульных обращений. («Сестрица, здравствуй» и т. д.). Всё это указывает, что новые нормы постепенно захватывают самые консервативные части эпистолярного стиля.

6. Анализ вводных частей к письмам Петра Великого показывает изменение отношения к церковно-книжному стилю. В письмах к своим сподвижникам Петр I стремится более кратко изложить свои мысли, более четко дать указания, а в связи с этим упрощается стиль писем, Петр I в обращениях избегает перечисления титулов и званий адресатов, отказывается от нагромождения метафор, сравнений, гипербол. В качестве обращений начинают выступать имя и отчество адресата или его звание без различных усилительных средств.

7. Усиление связей с Западной Европой, ориентация на «галантный» стиль европейской культуры не могли бесследно пройти и для языка. Особенно это отразилось в стиле писем, где резко заметно стремление к обходительности без книжной напыщенности выражений. Это отразилось в проникновении нового стиля обращения к подчиненным. Вместо резкого, подчеркивающего зависимость человека обращения на «ты», Петр I начинает в письмах употреблять обращения на «вы». До петровского времени такие обращения не встречались. Характерно, что самый материал писем говорит о том, что это явление было новым для языка, т. к. даже в обращениях к одному и тому же лицу, написанных в один и тот же период, наблюдается смешение обращения на «ты» и вежливого, галантного на «вы». Все это подчеркивает новизну данного явления, начало проникновения его в эпистолярный стиль.

8. Введение в качестве обращений слов «господинъ», «госпожа», которые даются без последующих пояснительных элементов, является новым для эпистолярного стиля и для всего литературного языка. Это явление постепенно начинает захватывать и литературный язык петровской эпохи, подтверждением чего служит использование этих слов в качестве обращений в повестях петровского времени.

9. Постоянная, усиливающаяся связь с Западной Европой, переводы книг с иностранных языков, развитие науки, культуры, заимствующей подчас готовые образцы за рубежом, проявляются и в языке. В обращениях чаще и чаще встречаются иноязычные заимствования из европейских языков.

10. Особо следует оговорить характер обращений к иностранным государственным деятелям, королям, императорам. Эти обращения отличаются большой устойчивостью, несут в себе элемент стандарта, готового канцелярского штампа, который на долгое время закрепляется в языке официальной переписки.

Общим выводом из всего сказанного следует отметить, что анализ обращений в письмах Петра I, относящихся к концу XVII в., при сопоставлении с теми же элементами писем предшествующего периода, говорит о больших изменениях в системе языка и стиля, происходящих в языке в конце XVII в. Все эти изменения подготовили переход к новым нормам XVIII века.

Е. Л. СКАРЖИНСКАЯ.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВРЕМЕННЫМИ ПРИДАТОЧНЫМИ С СОЮЗОМ «КОЛИ»

(На материале памятников русской светской письменности XII—XVII вв.)

Местоименное вопросительное наречие времени **коли**, являясь по происхождению общеславянским, встречается в русском языке, украинском, белорусском, чешском, польском, сербохорватском, нижнелужицком, употреблялось оно и в старославянском языке¹.

Звуковой облик и особенности употребления этого наречия не были совершенно идентичными во всех славянских языках. Это наречие **коли** могло употребляться и как вопросительное, отрицательное или неопределенное наречие (в виде **коли**, **отколь**, **кілка**, **кілки**, **неколи**, **колись** и т. д.), и как условный союз (**коли**, **коль...**), и как временной союз (**коли**, **коль скоро...**)².

В «Словаре...», сост. II Отд. АН³, указывается **коли** только в значении вопросительного наречия времени и в значении условного подчинительного союза, но нет примеров употребления **коли** в качестве временного союза.

В «Словаре...», сост. А. Х. Востоковым⁴, тоже указано лишь наречие **коли** и нет ни одного случая употребления **коли** в качестве временного союза.

В «Материалах для словаря...» И. И. Срезневского⁵ приведен из летописи и грамот ряд примеров с временным и условным союзом **коли**.

В «Толковом словаре...» В. Даля указано и временное употребление союза **коли**⁶.

¹ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1914; I, 334.

² Там же приведены различные примеры употребления КОЛИ в славянских языках.

³ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением АН; СПб, 1847, II, 189.

⁴ Словарь церковнославянского языка, составленный А. Х. Востоковым; изд. Второго Отделения АН, I, СПб, 1858, 175.

⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, СПб, т. I, 1893 г., 1250—1251.

⁶ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, II, 137.

В «Толковом словаре...» под ред. Д. Н. Ушакова¹ и «Словаре...» С. И. Ожегова² **коли** приводится как союз условный, в сочетании со «скоро» («коль скоро») возможно употребление и как условного («если») союза, и как временного («как только»), однако «коль скоро» в обоих словарях считается устаревшим. Следовательно, для современного литературного употребления **коли** — союз, по-видимому, лишь условный³.

В памятниках русской письменности временной союз **коли** является древнейшим, если не самым древним, русским подчинительным союзом.

Сложноподчиненные предложения с временным подчинительным союзом **коли** встречаются уже в Лаврентьевской летописи, в «Слове о полку Игореве», Мстиславой грамоте (около 1130), в Договоре с Ригой и Готским берегом (1229 г.). Этот факт свидетельствует о большой древности временного союза **коли** и о его проникновении в письменность из живой речи (особенно это подтверждается фактом употребления временного союза **коли** в деловой письменности, где отсутствует старославянское книжное влияние).

Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом **коли** встретились в Псковской летописи⁴, в «Хождении за три моря Афанасия Никитина»⁵, в Домострое⁶, у Ивана Пересветова⁷, в сочинениях Арсения Суханова⁸, «Житии прот. Аввакума»⁹, и в большом количестве различных памятников деловой письменности XII-XVI вв., в договорах князей¹⁰, в Новгородских грамотах XIII-XIV вв., в послании Нов-

¹ Толковый словарь русского языка, сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, проф. Д. Н. Ушаков, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, 1, 1402.

² С. И. Ожегов, Словарь русского языка, под общей ред. ак. С. П. Обнорского, М., 1953, 248.

³ Однако А. Б. Шапиро («Очерки по синтаксису русских народных говоров», изд. АН СССР, М., 1953 г., стр. 98—99) указывает и на употребление временного союза КОЛИ в русских народных говорах.

⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря... 1, 1251.

⁵ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Полное собрание русских летописей, изд. Археографич. комиссией, т. VI; Софийские летописи, Софийская II летопись 1475 г., СПб, 1853 г. Рукописи XVI в.

⁶ Домострой по Коншинскому списку и подобным к изданию приготовил А. Орлов; М., 1908 г.

⁷ В. Ф. Ржигала. И. С. Пересветов — публицист XVI века. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Моск. Университете, кн. 1, 224-я, М., 1908.

⁸ Арс. Сух., Соч. Исследование Сергея Белокурова, ч. II, Сочинения Арсения Суханова, вып. 1. Здесь и далее названия памятников будут даваться в сокращенном виде.

⁹ Авв. Житие протопопа Аввакума. Русская историческая библиотека, т. 39. Памятники истории старообрядства XVII в., книга 1, вып. 1; изд. АН СССР, Л., 1927 г.

¹⁰ Акты историч. I, II, III. Акты исторические, собранные и изданные Археографич. комиссией; т. II, СПб, 1841, т. III, СПб, 1841.

городского архиепископа Геннадия — 1490 г.^{1,2} в Наказной памяти 1500 г., Псковской судной Грамоте XV в.³, в Рязанских грамотах и актах⁴, в дипломатических грамотах и актах Ивана Грозного⁵, в его послании в Кирилло-Белозерский монастырь⁶, в Судебнике Грозного⁷ (следует отметить, что Грозный особенно любил **коли** в качестве временного союза в деловой письменности торжественного стиля), в речи Смоленского каштеляна Ивана Мелешко на Варшавском сейме 1589 г.⁸ и др.

Как явствует из этого краткого перечисления памятников письменности, сложноподчиненные предложения с временным союзом **коли** употреблялись в памятниках различных стилей и жанров и разных территорий древней Руси⁹. В области деловой письменности временные придаточные с союзом **коли** были употребительны даже в документах дипломатических, государственных договорах, судебниках и т. п., т. е. в документах «высокого», торжественного стиля деловой письменности (особенно в XV-XVI в.). И едва ли было бы правильным считать временной союз **коли** просторечным для этого времени¹⁰.

АЮЗР, I, II, III. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографич. комиссиею, т. I, СПб, 1863 г., т. II, СПб, 1865 г.; т. III, СПб, 1861 г.

Акты юридич. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археографической комиссией под ред. Н. Калачева; т.т. I, II, III, СПб, 1864 г.

Акты феод. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков, часть I. Подг. к печати Л. В. Черепнин; изд. АН СССР, М., 1951 г. Дух. гр. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв., изд. АН СССР, М.—Л., 1950 г.

¹ Новг. гр. XIII-XIV вв. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII-XIV века. Исследования по русскому языку, изд. ОРЯС АН, т. I, СПб, 1885—1895 гг.

² Посл. арх. Геннадия. Послание новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме (октябрь 1490 г.). Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия, 943—944.

³ Псковск. судная гр. 1467 г. Псковская судная грамота, изд. Археографической комиссией, СПб, 1914 г.

⁴ Рязанск. грам. и акты. Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаревым, СПб, 1854 г.

⁵ Акты юридич., I, II, III; Акты историч. I, II, III.

⁶ Письма Ивана Грозного, Русская историческая библиотека, т. 31; СПб, 1913 г.

⁷ Акты исторические, I, СПб, 1841 г.

⁸ Акты юридические, II, 188.

⁹ В. И. Борковский в своей работе «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение» (изд. АН СССР, М., 1958, стр. 155) совершенно справедливо пишет: «Примеры из грамот свидетельствуют о том, что употребление КОЛИ со значением временным в деловой письменности не было ограничено одной какой-либо местностью, а было распространено на всей территории, занятой восточнославянскими народами». Об этом в несколько ином плане упоминает Э. И. Коротаева («Временное сложноподчиненное предложение». «Вестник Ленингр. университета», № 6, за 1953 г.).

¹⁰ Б. В. Лавров. («Условные и уступительные предложения в древнерусском языке», 1941, стр. 71) считает, что «наша современная оценка союза КОЛИ, как черты разговорно-бытового языка и языка деревни, мо-

XV-XVI века были временем наибольшей употребительности для временных придаточных предложений с союзом **коли**, сравнительно с другими эпохами.

Так, в различных памятниках светской письменности, XII-XVII вв. встретилось более 180 временных придаточных предложений с союзом **коли**, из них более половины примеров находится в памятниках XV-XVI вв.

С начала XVII в. сфера употребления сложноподчиненных предложений с временными придаточными с союзом **коли**, сравнительно с XVI в. значительно суживается, особенно в деловой письменности: этот временной союз как бы больше «демократизируется» и уже почти не употребляется в торжественных дипломатических документах (теперь он становится, по видимому, слишком просторечным, широко разговорным, не торжественным); только изредка встречается он в наказах XVII в., в хозяйственных актах¹ и нек. других памятниках письменности XVII в. Так, в начале XVII в. в деловой письменности встречаются лишь единичные примеры употребления сложноподчиненных предложений с временными придаточными с союзом **коли** в Наказе Мисюру Соловцову 1611 г.², в Жалованной Сийскому Антониеву монастырю 1621 г.³, в Сказках докторов А. Грамана и И. Белова 1643 г.⁴ и нек. др.

Несколько раз употреблены временные придаточные предложения с союзом **коли** у Арсения Суханова, обычно в передаче прямой речи.

Есть несколько случаев употребления временных придаточных с союзом **коли** у пр. Аввакума, обычно в текстах, не связанных с церковно-религиозными рассуждениями.

Зато имеется новая область⁵, где временные придаточные с союзом **коли** оказались употребительными, — это различные литературные, особенно, сатирические произведения, в которых совсем или почти совсем отсутствуют церковнославянизмы (а

жет быть распространена на далекое прошлое. Можно думать, что такое отношение к нему, как к «просторечию», установлено было и на первых порах его появления в письменности отдельными авторами». Б. В. Лавров имел в виду условный союз *коли*, но ведь условный союз развился в данном случае из временного. Материалы памятников свидетельствуют, что союз *коли* имел значительно более широкую сферу употребления в XII—XVI вв., чем просторечие.

¹ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. АН СССР, Институт истории, Изд. АН СССР, ч. I, М.—Л., 1940 г., ч. II, 1945 г.

² Акты юридические, II, 528.

³ Акты исторические, III, 127.

⁴ Акты исторические, III, 391.

⁵ «Новая» в том лишь смысле, что сохранились памятники таких жанров только с XVII в.; более ранних литературных и сатирических произведений такого рода пока не найдено. Но есть все основания предполагать, что временные придаточные с союзом **коли** были употребительны и в живой народной речи и в устном народном творчестве, следовательно, если бы сохранились памятники более ранних эпох такого рода, то союз **коли** нашел бы в них место.

если есть, то они зачастую пародируются), а язык наиболее близок к живой разговорной речи, или к фольклору: «Сказка о некоем молодце, коне и сабле»¹, «Повесть о прекрасной Девгении»², «Калязинская челобитная»³, «Повесть о Ерше Ершовиче»⁴, «Повесть о куре и лисице»⁵, «Азбука о голом и небогатом человеке»⁶, «Сказание о молодце и девице»⁷, «Сборник пословиц», составленный Симоном⁸, «Сборник Кирши Данилова»⁹.

Значение временного союза **коли** — это неопределенно общее указание на какое-то временное соотношение действий придаточного и главного предложений. Конкретизация и уточнение этих временных соотношений действий придаточного и главного предложений временным союзом **коли** не указывается. Его значение в общем синонимично старославянскому книжному союзу **егда** и русскому **когда**, но с еще более общим временным значением¹⁰.

На основании изученного материала можно предположить, что наиболее древним, по-видимому, являлся порядок, при котором временное придаточное с союзом **коли** употреблялось перед главным предложением, препозитивно. И такие сложно-подчиненные предложения являются наиболее употребительными (72% от общего количества временных придаточных с союзом **коли**).

Однако уже в летописях временные придаточные предложения с союзом **коли** могут употребляться не только перед главным предложением, но и после него и в середине главного

¹ «Сказка о нек. молодце...» «Сказка о некоем молодце, коне и сабле» (отрывок XVII в. № 1773). Памятники старинной русской литературы, вып. 1—2, СПб, 1860 г.

² Пов. о Девгении. Повесть о прекрасной Девгении. Памятники старинной русской литературы, вып. 1—2, СПб, 1860 г.

³ Каляз. челобитная. Калязинская челобитная. В. П. Адрианова-Перетц, Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. АН СССР, Институт литературы. Труды отдела древнерусской литературы. М.—Л., 1937 г.

⁴ Пов. о ерше... Повесть о ерше ершовиче. В. П. Адрианова-Перетц, Очерки...

⁵ Пов. о куре... Повесть о куре и лисице. В. П. Адрианова-Перетц, Очерки.

⁶ Азбука... Азбука о голом и небогатом человеке. В. П. Адрианова-Перетц, Очерки...

⁷ Сказ. о молодце и девице. Сказание о молодце и девице. Н. К. Пиксанов, Старорусская повесть. ОГИЗ, М.—Петрогр., 1923 г.

⁸ Пословицы, Сим. П. К. Симоны. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX стол. Сб. ОРЯС АН, т. 66, № 7.

⁹ Сб. Кирши Дан. Сборник Кирши Данилова, изд. им. публичн. библиотеки, под ред. П. Н. Шеффера, СПб, 1901 г.

¹⁰ Ведь в самом составе этого союза (местоименная часть **къ ко и** во-просительная частица **ли**) нет никакого конкретного указания на время, здесь только значение какого-то отношения. Поэтому союз **коли** легко становится условным союзом на базе общего временного значения, являющегося для союза **коли** первичным.

предложения. То же и в более поздних памятниках русской письменности (после главного предложения 17%, в середине главного предложения 11%).

Уже в летописях временные придаточные с союзом **коли** находятся в текстах, не относящихся к церковным источникам, а или в передаче прямой речи, или в описаниях светского, не религиозного характера. Такая гибкость в употреблении временных придаточных с союзом **коли** с несомненностью указывает на их значительную распространенность в живой речи уже в древнейшее время.

При употреблении временного придаточного в начале сложноподчиненного предложения, перед главным предложением, сочинительный присоединительный союз **и** возможен, но он вовсе не так част, как с союзом **егда**; союз **и** используется для связи с постпозитивным главным предложением (всего около 36%).

В Лаврентьевской летописи не удалось найти ни одного примера, где бы постпозитивное главное предложение присоединялось посредством сочинительного присоединительного союза **и** к препозитивному временному придаточному с союзом **коли**.

В памятниках деловой письменности, особенно в более поздние века (XIV-XVI вв.), такое присоединение главного предложения к препозитивному придаточному является довольно обычным.

А коли приведется князем великим взяти черной боръ, и нам черной боръ дати по старинке¹. Шахм. Новг. грам., 146.

А государя въ великъ довели грехъ благословного виною, а приводили ему ту притчу: **коли** де ездять въ воинско, и где церквей хрестьянскихъ неть, и они поимуть съ собой священника, да церковь полотняну взять, да брежение чинять о томъ велико... 1490 г. *Посл. арх. Геннадия...*, 943.

...и коли случится великому князю или великой княгине саду посмотрети, и онъ бы поседель у церкви, ино лепо видети. *Там же*, 944.

И Донило Клобуковъ передъ Григорием Федоровичемъ съ товарищи сказал: **коли** есмя, господине, Переви-тескъ писали, и мы, г., Кузма Фефилаевъ и язъ судили въ той деревни Левку и Онцифорина Ивашка Резваго и брата ево Дениска со Владычнымъ сыномъ боярскимъ со Якимомъ з Душиловскимъ, да и грамоты, г., передъ нами

¹ Примечание: В приводимых нами примерах из памятников русской письменности «юс большой» передается посредством У или Ю, «юс малый» — посредством А или Я, «ять» — посредством е, «и десятеричное» — И, «фита» — Ф, «омега» — О; титла раскрываются, надстрочные знаки отсутствуют (Е. С.)

клали многие Резанцы, а твоей, г., грамоты, не помню. 1520 г. *Список с судной грамоты о грабеже и пожоге; Ряз. гр. и акты, 19.*

И коли еще есмя учинились съ тобою з братом своимъ въ дружбе и въ братстве, и мы тогда жъ приказали своимъ наместникомъ украиннымъ и украинникомъ, чтобы твоимъ брата нашего людемъ отъ нашихъ людей силы и обиды никоторые не было... 1521 г. *Отрывок ответных речей на посольство..., РИБ, XVI, 27.*

...да и потому намъ то ведомо что вы мужичей родъ, а не государской: коли при отце твоёмъ, при Густаве, приезжали наши торговые люди съ саломъ и съ воскомъ, и отец твой, самъ въ рукавицы нарядясь, сала и воску за простого человека место опытомъ пыталъ и пересматривалъ на судехъ и въ Выборе того для бываль... 1573 г. *Список с грамоты Грозного к шведскому королю. Дела тайного приказа кн. IV, кн. 2, стр. 421. РИБ, XXXVIII, Л. 1926 г. А коли похочешь своихъ людей послати противъ свейского тое землю очищати, и ты бъ посылалъ... 1574 г. Грам. Ивана Грозного датск. кор. Фред. II, РИБ, XVI, 115.*

А коли мы, первое, были въ Кирилове въ юности, и мы поиспоздали ужинати, занеже у васъ, въ Кирилове, въ летнюю пору не знати дня съ ночью... 1578 г. *Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. Акты ист., 1383.* А коли самъ царь нейдетъ против недруга, и онъ пошлетъ пашу мудраго въ свое место царское... *Пересветовъ, 76, Сказание о Магмете-салтане.*

Коли есми выехалъ на твое имя государево, и вывезъ есми образецъ тое службы, к тебе, к государю; и тотъ образецъ службы моей перед тобою, пред государемъ, клали. *Пересветов, вторая челобитная, 79.*

В памятниках XVII века употребление сочинительного присоединительного союза и является совершенно обычным в деловых документах в тех редких случаях, когда употребляются препозитивные временные придаточные с союзом **коли**.

А коли время тихо, вестей ратныхъ ни откуда не будетъ, и Мисюрю въ то время росписати карауль по городу и по острогу противъ прежнихъ обычаевъ, как бы городу бережнее и служивымъ людямъ неистомно... 1611 г. *Наказ от бояр, воевод и кн. Трубецкого и Заруцкого. Акты Юридич., II., 258.* А коли ихъ дощаники, вверхъ идучи по Двине, иметь засуха на дороге къ Устюгу, и къ Тотме, и къ Вологде, и имъ с тѣхъ дощаниковъ та соль шестнадцать тысячь пудъ везти къ Вологде въ малыхъ дощаникахъ безпошлинно же. 1621 г., гр. ц. *Михаила Фед. жалованная Сийскому Антонию монастырю; Акты историч. III, 127.*

А коли де бываетъ поветрее на скоть, на лошади или на коровы, и мертвой де скоть надобно закапывать въ землю совсемъ, а только де въ землю не закапывать или ста- нуть кожи одирать, и отъ того де бываетъ поветрее на люди:... 1643 г. Сказки докторов А. Грамана и И. Белова о лечении болезни, именуемой жабой... Акты историч., III, 391.

То же и в литературных памятниках XVII века: постпози- тивное главное предложение присоединяется посредством сою- за и к препозитивному придаточному.

Да помниш ли ты, лихой человек, коли я была галадна, изнили меня злыя дни, нечиво было ясти, и азъ ела чес- нок да ретку, и тем я себя сарамоты дастала. Пов. о куре...; 194.

Это сложноподчиненное предложение представляет боль- шой интерес, так как мы имеем здесь после глагола «помнишь» и после обращения бессоюзное изъяснительное предложение, которое в свою очередь является сложноподчиненным, начина- ющимся временным придаточным предложением с союзом коли, а за ним следуют еще два временных придаточных, вы- ступающих в качестве однородных членов, причем подчини- тельный временной союз коли в них не повторяется, а главное предложение к этим временным придаточным присоединяется посредством сочинительного союза и. Здесь налицо в первой части очень высокая степень развития и грамматического вы- ражения бессоюзного и союзного подчинения, а во второй ча- сти — архаическая по сравнению с первой частью форма пара- тактического способа соединения главного и придаточного предложений (посредством сочинительного союза). Так старые архаические формы продолжают еще сосуществовать, употреб- ляться наряду с новыми, развивающимися.

В некоторых литературных повестях временной союз коли употреблялся в соединении с частицей де: колиде: и колиде се- бе отликой дородной молодець сядеть на своего добра коня, и выедеть в чистое поле и заиграеть... Сказка о нек. молодце..., 410. И колиде себе олико дороднъ молодець оседлаеть своего добра коня, и вскинеть на него свое седло черкасское и под- стегает двенадцать подпругъ белого шолку шемахинского... Там же, 409.

В этих предложениях наличие сочинительного присоеди- нительного союза и и одного подлежащего для главного и при- даточного предложений делает невозможным уверенное раз- граничение придаточного и главного: эти примеры могут быть поняты и как сложноподчиненные предложения, где первое предложение с союзом коли — временное придаточное, а при- соединенное посредством союза и — главное предложение; вз- можно считать эти примеры и одним временным придаточ- ным с однородными сказуемыми.

Употребление сочинительного присоединительного союза **и** для присоединения постпозитивного главного предложения к препозитивному временному придаточному с союзом **коли** иногда практикуется в литературных памятниках XVII века и при наличии в главном предложении соотносительного указательного слова:

...**коли** я исхищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мне 12 кормилицъ, а ныне боюсь поношения отъ людей и отъ своихъ сродницъ... *Пов. о Девгении, 282.*

А **коли** мы, богомольцы твои, за правилом в вечеру утрудимся, до полуночи у пивново ведра засидимся, и на утро встать не можем, где кlobук с мантиею не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к роскождному началу. *Калязинская челоб., 121-122.* Я **коли** был богат, и тогда голенких ворами нарекал, а до сего дни и сам в ту славу попал. *Азбука. 25.*

Иногда постпозитивное главное предложение присоединяется к препозитивному временному придаточному посредством сочинительного союза **а**; тогда это присоединение придает противительно-выделительное значение содержанию главного предложения. Такое присоединение главного к придаточному временному предложению делает сложное предложение значительно более сочиненным, чем сложноподчиненным, так как здесь становится ничтожной роль подчинительного временного союза **коли**, который к тому же находится далеко от главного предложения, в самом начале придаточного, который отделен от главного предложения всем содержанием и объемом придаточного, а главное предложение грамматически оформлено не как главное, а как сочиненное, а по смыслу — сочиненное с оттенком значения противительности предложение. Это как бы еще не сложноподчиненное предложение, так как в главном нет элементов грамматического оформления его как подчиняющего предложения, а есть грамматические элементы сочинения — союз сочинительный, противительный, **а**; но это уже и не сложносочиненное предложение, так как в первой части его имеется подчинительный союз **коли**. Все сказанное в известной мере относится и к случаям присоединения главного предложения к придаточному посредством союза **и**, но союз **и** значительно меньше, чем союз **а**, снижает роль подчинительного временного союза **коли**, так как значение **и** не так выделяется в сложноподчиненном предложении, как значение союза **а**.

Коли, государь, у тебя было много гусятины и лебедятины, а нонеча ты довел молодые голубятины, и ты, государь, сам стережи, а стороны береги. *Сказ. о молодце..., 84.*

Коли, государыни, яз тебя прежде всего видел в твоём высоком тереме, а ты седиш краше всякого цвету, аки

красное солнце сияеш, и ты, государыни, первым женам уподобися Настаси Даниловы жены Вовчева, ... *Сказ. о молодце...*, 83.

Коли я шел к Ростовскому озеру и рекам жирым жировать, а тот ерш встретился со мною на устье Ростовского озера и назвал меня братом. *Пов. о Ерше...*, 149.

Этот союз **а** встречается и в памятниках деловой письменности: в имеющихся примерах противительное значение **а** слабее, но не исчезает совсем, и он приближается по значению к присоединительному **и**:

коли великий князь Жикгимонтъ вальчилъ за Швитриггайлломъ, а **тогда** брать отца моего панъ Василий, дядя мой, держалъ прево отъ великого князя Жикгимонта.. 1483 г. *Приговор Жеславского и Марковского наместников...* АЮЗР, 1,22.

А **коли** придет грамота с пригорода, а ты грамоты чести дьяку городскому... 1467 г. Псковск. судная грамота, 18. ...а бывает де такое лихое поветрее на скоть отъ тумановъ, **коли** весна бывает мочливая, а после того туманы великие и жары... 1643 г. *Сказки докторов А. Грамана и И. Белова... Акты историч. III, 391.*

В этом примере в сложноподчиненном предложении в результате употребления союза **а** последнее предложение может быть и главным по отношению к препозитивному придаточному временному, но может быть вторым придаточным временным, сочиненным с первым союзом **а**, главным же по отношению к ним обоим является тогда первое предложение (что представляется более правильным).

А **коли**, г., на твой боярской обиход кирпич покупали на твои, г., майданы у лысковцев у твоих государевых крестьян и по сторонам в-ных вотчинах, а купили мы, г., тот кирпич по 2 гривны и по полу полтине. 1660 г. *Акты хоз-ва Морозова, II, 168.*

Необходимо все же учитывать, что отсутствие сочинительного союза (**и** или **а**) является значительно более частым, чем его употребительность при препозитивном положении временного придаточного предложения с союзом **коли** (при постпозитивном употреблении временного придаточного, т. е. после главного предложения сочинительный союз не употребляется). Различные соотносительные слова в значительной мере повлияли на сокращение употребительности сочинительного союза в постпозитивном главном предложении. Но это не было абсолютной причиной сравнительно небольшой употребительности сочинительного союза в постпозитивном главном предложении, так как мы видим примеры сложноподчиненных предложений с временными придаточными с союзом **коли**, где наряду с соотносительным указательным словом,

перед ним, в главном постпозитивном предложении употребляется и сочинительный союз (то же мы видим и в примерах с союзами **егда, как, когда**). В то же время имеется значительное количество примеров, где постпозитивное главное предложение уже без сочинительного союза присоединяется к препозитивному придаточному, и в этом главном предложении указательное соотносительное слово отсутствует. Основная причина кроется в развитии подчинения: по мере развития подчинительных связей употреблявшиеся параллельно с подчинительными сочинительные элементы сходят на нет, хотя некоторое длительное время они и продолжают сосуществовать в одних предложениях. Развитие подчинительных связей, выражаясь все более и более четко грамматически, делает ненужным использование элементов сочинительных для этой цели. Процесс этот идет медленно, постепенно, но не гладко, и мы всюду встречаем наравне с развивающимся и развившимся новым (выражение подчинения при помощи подчинительных союзов или при помощи подчинительных союзных слов в придаточном и наличия или отсутствия указательных соотносительных слов — в главном) сосуществование элементов отживающих, архаичных (использование сочинительных союзов в сложноподчиненном предложении наряду с подчинительными союзами: несмотря на наличие в придаточном препозитивном предложении подчинительного союза, употребление в постпозитивном главном сочинительного союза).

Поэтому рядом со сложноподчиненными предложениями, где постпозитивное главное предложение присоединяется к препозитивному временному придаточному посредством сочинительного союза мы видим значительно больше предложений, где этот сочинительный союз отсутствует. И этот факт указывает также на большую древность сложноподчиненных предложений с временными придаточными с союзом **коли**; т. к. должно было пройти долгое время, пока подчинительные связи приобрели такое четкое выражение.

Уже в древнейших памятниках деловой письменности является обычным такое высокое (такое же, как и в современном языке) развитие грамматического выражения подчинительных отношений с союзом **коли**:

коли ся грамота псана, ишль былъ отъ р/о/ж/е/с/т/ва г/оспод/н до сего лета/тысяча/л/тъ/и /двести /ле/тъ/и /восемь/ летъ и /двадцать/. *Договор 1229 г.* 1:

То же и в летописи:

А **коли** Псковичи ступишася с Немци битися... поведат имъ лихую вестъ. 6851 г. Псковская 1 летопись 2.

¹ С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка. Учпедгиз, 1952 г., ч. 1, 49.

² И. И. Срезневский, «Материалы для словаря...», 1, 1250.

То же и в памятниках деловой письменности XIV в. и в более поздних:

А помагати ми королю без хитрости, — где коли ему надобе, пойти ми самому; ...1386 г. *Договор в Вильне смол. князя Георгия Святославиича и др. с польск. кор. Владисл...*, АЮЗР, II, 102.

Здесь сочетание временного (выраженного союзом коли) и условного значений придаточного предложения.

А коли есмо тые земли заводилъ, было при томъ иныхъ добрихъ людей много Волковянъ и иныхъ сторонныхъ. 1451 г. *Акт продажи земли с угодьями Яном Корейвою Ягудовичем...*, АЮЗР, II, 106.

...а книгъ у меня нетъ, коли мя пограбили, ини книги взяли у мене. 1475 г. *Хождение Аф. Никитина*, 339-340.

А коли Вилневецъ приедетъ съ какимъ товаромъ до Ковна, маеть обестки грошь дати... 1500 г. *Наказная память о сборе мытных и промытных...* АЮЗР, I, 26.

А коли въ Ковне кладется у шкуту, Вилневецъ, Ковнянинъ ли, или Трочанинъ, или иное какое земли, маеть перво весь товаръ мытнику обвестити. 1500 г. *Там же*.

А коли немецъ изъ Немець приедетъ до Ковна на мыто, маеть казати мытнику... *Там же*.

А коли самъ Немчина иде или жонка его поступае, то черезъ скурку скрипить, шелеститъ и дорогимъ пижмомъ воңяеть.

коли жъ до тебе паничыкъ прыеде, частуй же его достаткомъ, да и жонку свою подле него посады... 1589 г. *Речь Смоленского каштеляна Ивана Мелешка на Варшавском сейме*. АЮЗР, I, 189.

В сочинениях Ивана Пересветова:

коли было время благоверному царю Костянтину на конь воинский всести, и мечь свой в руки взяти, веры христьянския хранити божиею помощию и умножати и неверныхъ к вере приводити; они же ведали неверныхъ, ... что от меча его вся подсолнечная не можетъ сохранитися, и мнози его убоялися неверныхъ по многимъ странамъ. *Пересветов, Сказание о царе Константине, III, 125*.

В «Слове о полку Игореве»:

коли соколь въ мытэхъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дасть гнезда своего въ обиду... «*Слово о полку Игореве*»¹.

Коли Игорь соколом полете, тогда Влур волком потече, труся собою студеную росу; претргоста во своя бръзая комоня. *Там же, 593*.

В Памятниках XVII — начала XVIII века:

Красота твоя неизреченная, глас твой на небеси, а косы

¹ «Слово о полку Игореве». Буслаев Ф., Историческая хрестоматия, 589.

твой до земли, а коли запоешь, аки в трубу златокованную затрубишь.

Повесть о куре... 191, 1 ред.

... а коли будешь пьян, ты ляг да спи, а в утре стан да у нас побывай... *Сказ. о молодце и девице..., 83.*

... жди мене Настасья шесть лет, а если бо не дождедся в шесть лет, то жди мене в двенадцать лет коли праидет двенадцать лет хоть за князя поди, хоть за боярина, не ходи только за брата названова за молода Алешу Поповича... Добрыня чють покорил. *Сб. Кириш Данилова, 82.*

В «Сборнике Кириш Данилова временной союз коли встретился несколько раз в форме то коли — токоли:

...токоли ты поидеешь на добрыя дела тебе дамъ благословение великое токоли ты дитя на разбой поидеешь и не дамъ благословения великова... Василей Буслаев молитца ездил, *Сб. Кириш Данилова, 69.*

...а токоли, тебе господи сына дасть спои скорми и за мной ево пошли а токоли тебе господи дочеря дасть спои скорми замужь отдай а любимова заты за мной пошли... Царь Саул Леванидовичь. *Там же, 104—105.*

В этих предложениях имеется и условное значение (вторичное).

Совершенно обычным уже в древнейшее время является постпозитивное употребление временного придаточного предложения с союзом **коли** (после главного предложения). Здесь для грамматического выражения подчинительных отношений и связи предложений достаточно наличия в постпозитивном временном придаточном подчинительного временного союза **коли**, и уже нет никакой необходимости в сочинительном союзе. И сочинительный союз в этих случаях никогда не встречается. Постпозитивное (после главного предложения) употребление придаточного временного с союзом **коли** логически является фактом более поздним, чем препозитивное употребление придаточного предложения. Это постпозитивное употребление придаточного стало развиваться после того, как грамматическая роль подчинительного союза **коли**, его способность выражать подчинительную связь, оформилась полностью.

Один из древнейших примеров такого, постпозитивного, употребления временного придаточного с союзом **коли** содержится в памятнике деловой письменности — в Мстиславовой грамоте около 1130 г.:

А се я Всеволодь даль есмъ блюдо серебряно. въ (30) гр/и/в/е/н/ъ/ серебра. с/вя/т/о/му же Георгиеви велель есмъ бити въ не на обеде **коли** игоумень обедаеть¹.

¹ С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка, 1, 33.

Подобные примеры есть и в летописях. Передача прямой речи:

послаша по нею. рекуще. о/те/ць ваю добръ былъ **коли** княжилъ у нас:. а поедита к намъ княжить. а инехъ не хочемъ. Лавр. лет., 372¹.

На полатахъ стоить патриархъ, **коли** служатъ. Сказ. Ант. Новг.².

Преобладают примеры из памятников деловой письменности:

А грамоту, господине, Великого князя жаловалную взяли у насъ писцы Кузма Фефилаевъ да Донила Клобуковъ, **коли** Перевитескъ писали. 1520 г. *Рязанские грам. и акты*, 18.

...и царь и великий князь... да пошлетъ къ своему брату, къ уделному князю, **коли** будет князь на Москве. 1550 г., *Судебник Грозного; Акты историч.*, 1, 250.

А дорога къ нашей вотчине, х Колмогорамъ, и х Коле волости, и къ инымъ пристанищам морскимъ, не ново почалася, за много летъ, **коли** и къ Ругодиву приходъ былъ всякимъ торговымъ людемъ мимо твое королевство Зунтом. 1582 г, *Гр. Грозного дат .коф. Фредерику II. Акты Копенг. архива. РИБ, XVI, 202*. Всякому человеку домовитому доброму оу кого богъ послалъ свое подворейце или деревеньку или лавочку в торгу или онбаръ или дома каменные или варницы или мельницы ино бы было по преже писаному всякой запас куплень в пору **коли** дешево да везде на дворе всегда у себя смотрити... Домострой, 58. Хвалятся имъ, государемъ волнимъ царемъ, **коли** на споре с латыняны латыньския веры докторы спираются з греки: ...*Пересветов, Сказ. о Магмете-Салтане*, 77.

Истина явится **коли** збудется. *Посл. Симони*, 110. Появится хода **коли** придетъ беда. *Там же*, 132.

Уже в древнейших памятниках возможно употребление временного придаточного с союзом **коли** и в середине главного предложения, что является как бы высшей степенью выражения подчинительных отношений:

и рече Олегъ то се ты со мною целоваль крестъ ходити нама по одной думе обема. то ты **коли** рать была. со мною еси ко цесарю не бежалъ. не осталъ если в Руси избывъ в Вороножьскихъ лесахъ... *Лаврентьевская летопись*, 482.

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей, изд. Постоянной историко-археологич. комиссии АН СССР, т. 1. Подготовил к печати акад. Е. Ф. Карский, вып. 1, 2, 3. Л., 1927 г.

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря... 1, 1250.

Псковича въ то же время, **коли** немци городокъ ставили, ехавше за Нарову въ мале дружине, взяше посадъ у Ругодива. 6851 г. Псковск. 1 летопись¹. От тое зимы, коли Корела за моромъ Двнянъ грабили,... 1349 г. Закл. Вд. Степ.² А. тое весны, коли князь великий приехалъ во Псковъ, тогда быша овсяная зобница по гривну, а сено дорого велми. 6915 г. Псковск. 1 летопись. Там же, 1250.

А что ординская тягость и коломеньский посоль, коли еси былъ в своей оч/и/не, а то намъ по розочту. 1390 г. Докончание, в. кн. Василия Дмитриевича. Дух. и дог. гр., 38^з.

Или что будет въ н/а/шей отчине тог/о/полону, **коли** была ратъ/ деда моего, в. кн. /я/зя, на Скорнищеве и у города, и нам тот полон отпустит/и/ весъ/. 1447 г. Докончание в. кн. Василия Васильевича. Там же, 144.

А так же **коли** твоя помочъ/ мне будет надобе, и мне к тебе послати, и тебе, моему брату, мне помочъ/дати на всякого моего недруга и на татар. 1494 г. Докончание в. Ивана Васильевича... Там же, 329.

...а сказываетъ тотъ Иванко, что слышалъ въ Литве, **коли** еще Олбрехтъ ехалъ въ Киевъ, и тогда у него отъ князя Василья Шемякина былъ гонецъ Пронею зовутъ, Литвинъ... 1517-1525 гг. Дело о кн. Василии Иоанновиче Шемякине. Акты историч., 1, 177.

...да целовалъ тотъ Петръ крестъ великому князю трижды, что ему служити верою и правдою, безо всякие хитрости: первое, целовалъ **коли** из своей земли приехалъ, великому князю Василью,... 1539 г. Отрывок из розыскного дела... Акты историч., 1, 203.

Примеры с конца XIV в. иногда содержат сочинительный союз **и**, реже **а**, которым присоединяется к придаточному временному предложению постпозитивная часть главного предложения. Сочинительный союз может быть употреблен и тогда, когда часть главного предложения присоединяется посредством соотносительного указательного слова **тогда**, сочинительный союз употребляется перед соотносительным словом (см. предпоследний пример).

Придаточные временные предложения с союзом **коли** чаще употребляются в таких сложноподчиненных предложениях, где в главном предложении нет указательного соотносительного слова (около 65% всех примеров с временным союзом **коли**). Такое положение наблюдается уже в древнейших памятниках, то же и в памятниках XV—XVI вв., в которых содержится наи-

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря... 1, 1250.

² И. И. Средневский, Материалы... 1, 1250 г. Там же.

³ Академия наук СССР. Институт истории. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л. 1950 г.

большее количество примеров. Сложноподчиненное предложение, являясь обстоятельством (времени), относится к сказуемому главного предложения и уточняет особенности протекания во времени действия, состояния или качества, выраженного сказуемым главного предложения.

Отец ваю добръ былъ, коли княжилъ у нас. *Лавр. летопись, 375.* А коли ми/буд/е/ть слати свои данщики в город и на перевары, и который волости за княгиню за Ульянею, и в Бели, а тебе свои данщики слати с моими данщиками вместе. *Ок. 1364. Доконч. в. кн. Дмитрия Ивановича Дух. и дог. гр., 20.* А коли иму слати свои данщики в город и в станы, а тебе слати свои данщики с моими вместе. *1389 г. Док. в. кн. Дмитрия Ивановича. Дух. и дог. гр., 31.* А что ординьска тягость и коломеньский посоль, коли еси былъ в своей оч/и/не, а то намъ по розотчу. *1390 г. Доконч. в. кн. Василия Дмитриевича. Дух. и дог. гр. 38.* А коли послат/и/ своих воевод ис которых городов, и мои бояре поедут с моимъ воеводою, а мои воеводы съ твоим воевод/о/ю. *Ок. 1439, Грам. кн. Василия Юрьевича. Дух. и дог. гр., 104*) ...коли есмь, господине, наряжал мельницу, и доложил князя Федора Романовича, да и грамоту есмь, г., у него взял... 1498 г. Правая гр. Ивана Суморокова. Акты феод., 228. Да бискупъ же Петр спрашивалъ: «...коли еси наряжался въ нашу землю отъ великого князя отъехать, кто твою мысль ведал? 1539 г. Отрывок розыскн. дела о побеге за границу Петра Фрязина. Акты ист. 1, 203.

Последний пример интересен еще и тем, что главным предложением в нем является вопросительное предложение.

Есть примеры и в литературных памятниках XVII века: Рече ему смерть: никакo не отступлю отъ тебе, человеце, коли еси ты былъ здоровъ, и ты о души своей не пекияся, и милостыни не творилъ... *XVII в. Притча о витязе и о смерти. Памятники старинной русск лит-ры, 440 (см. еще примеры на стр.....)*

Значительное распространение имеют различные указательные соотносительные слова, употребляемые в главном предложении (около 35% всех примеров с временным союзом **коли**). Наличие соотносительных указательных слов делает связь между придаточным и главным предложениями наиболее тесной, характер этой связи находит наиболее яркое выражение, если соотносительным словом является указательное временное наречие. Таким наиболее употребительным (более половины всех примеров с соотносительными словами), является местоименное указательное наречие времени **тогда (тогда, тогда, тогда)**. Обычно оно употребляется (с древнейших памятников) в постпозитивном главном предложении, если

придаточное употреблено перед главным предложением, или в постпозитивной части главного предложения, если придаточное употреблено в середине главного предложения; иногда перед тогда имеется и сочинительный союз и, реже а (об этом упоминалось выше):

коли ставили по первымъ прадеди наши святую богородицю... тогда дали святой Богородици дому 9 земель бортныхъ, а 5 погостовъ... 1356—1387 гг. Жалованная грамота Рязанского вел. кн. Олега Иоанновича Ольгову м-рю. Акты историч., 1, 2.

А коли есмь выехалъ изъ отчины исъ своее, исъ Перяславля, тогда есмь обеть учиниль. 1353—1387 гг. Там же, 1, 3:

А коли ми взяти дань/ на своихъ боярахъ на больших и на путных тогды ти взяти на своихъ так же по кормленью и по путемъ да дати ти мне, а то опроче того оурока, трехъ сотъ руб. и двадцати. 1389 г. Доконч. в. кн. Дмитр. Ивановича. Дух. и дог. гр., 32.

А коли Сухой суд свой сказал великому князю, а тогды были у великого князя бояре: князь Иван Юрьевич да Федор Давыдович. 1473—1489 гг. Правая гр. суда Ивана Сухого... Акты феод., 216.

...а коли, господине, наряжал Коровай мельницу, а тогды был посельской митрополич чернец Шуба, а ему племя, а наряжал по слову с Шубою; а то, г. за нами знатье. 1498 г. Правая гр. суда Ивана Суморокова... Акты феод., 228.

А коли Дмитрей суд свой сказывал великому князю, а тогды были у великого князя бояре Яков Захарьич да Григорей Федорович, 1511 г. Правая гр. белозерск. писца И. Н. Заболотского... Акты феод., 265. а сказываетъ тотъ Иванко, что слышелъ въ Литве, коли еще Олбрехтъ ехаль въ Киевъ и тогды у него отъ князя Василья Шемячича былъ гонецъ Пронею зовуть, Литвинъ... 1517—1525 гг. Дело о кн. Василии Иоанновиче Шемякине. Акты историч. 1, 177. А коли, дастъ богъ, большое дело, вечное приятелство и соседская дружба, межъ великого государя нашего и вашего величества утвердитца, и тогды одинъ у другою не своего не похочеть, тогды о порубежныхъ делех и немногими словы докончитца. 1592 г. Грам. ц. по слов. дат. королю Христиану IV. Русск. акты Копенгаг. гос. архива. РИБ, XVI, 274. а коли хлебы пекуть тогды и платья моють ино съ одого сътрепня и дровамъ не оубыточно... Домострой, 27.

В литературных памятниках XVII века:

коли дрова горятъ толды кашу варять. Послов. XVII в. Симони, 113.

А коли, государь, яз преж всего видела тебя из высокого терема и высока златоверхово, сидячи на рундучке под стеколчатым окошечком, а ты, государь, ездиси на своем на добром коне, а мечеш своим ясным соколам гуси и лебеди и серые утицы, и тогда, государь, сердце мое подрожало и раступились во мне суставы и попеклися мои сахарные уста, и вострепетало мое ретивое сердце... *Сказ. о молодце и девице, 84.*

Последнее предложение представляет большой интерес, т. к. возможно двоякое его понимание с точки зрения его грамматической структуры: главным является предложение, начинающееся указательным наречием с сочинительным союзом перед ним (**и тогда**); можно считать главным и второе предложение («а ты, государь, ездиси...»).

Указательное местоименное наречие **тогда** в качестве соотносительного слова может употребляться в самом начале постпозитивного главного предложения (или постпозитивной его части), может быть после сочинительного союза **и**, возможно употребление **тогда** и после какого-либо члена главного предложения (после подлежащего или дополнения). Примеры относятся к памятникам деловой письменности XV—XVI вв.

А переменит б/о/гъ Орду, не имеш/ь/ давати татаром, и **коли** оучнеш/ь/, имати дань съ своей отчины, с великого княжен/ь/я, себе, и мне **тогда** съ своего оудела имати дань собе. *1433 г. Доконч. в. кн. Василия Вас. Дух. и дог. гр., 76—77. И коли* еще есмя учинились съ тобою з братамъ своимъ въ дружбе и въ братстве, и **мы тогда** жь приказали своимъ наместникомъ украиннымъ и украинникомъ, чтобы твоимъ брата нашего людемъ отъ нашихъ людей силы и обиды некоторые не было... *1521 г. Отрывок ответных речей на посольство. Русск. акты копенгаг. гос. архива. РИБ, XVI, 27.*

А что свейской поступилъ техъ мечь цесарю римскому, и мы того не слыхали; **А коли** слово будетъ отъ дрожайшего брата нашего Максимилиана цесаря, и **мы толды брату** нашему Максимилиану цесарю ведомо учинимъ... *1574 г. грам. Грозного дат. к. Фредерику, II, РИБ, XVI, 115-116.* ...и наши люди воюють не твою землю, — недруга нашего свейского. **А коли** та земля будетъ за тобою, и **мы и толды** ее не учнемъ воевати. **А коли** похочешъ своихъ людей послати против свейского тое землю очищати, и ты бь посылашь. *1574 Гр. Грозного дат. к. Фред. II, РИБ, XVI, 115.*

Примерно в два с половиной — три раза реже, чем **тогда**, употребляется указательное слово **ино** местоименного происхождения. Оно не содержит в себе никакого временного значения само по себе, но употребляется в значении, синонимичном **то**, иногда приближающемся к значению **тогда**.

А коли будет дѣтем моим дати дань/ великому кн/я/зю с своеи отчины, с Звенигород/а/ и з Галича, **ино** имется Звенигороду в семтысячной выход пятьсот руб. и одинатцать руб., и дети мои то разведут на свои оуделы по тому окладу, колко на которой волости язъ имал. 1433 г. *Дух. гр. кн. галицкого Юрия Дмитриевич. Дух. и дог. гр. 74.* Такожъ **коли** мужъ помреть, а имуть моужня платья на жене его отецъ или братья, **ино** ей отдасть платья право по души, что оу него останется; ... 1467 г. *Псковск. судн. грам., 20, СПб, 1914 г.*

...какъ, господине, царь прошоль Рязань къ Коломне, **ино**, г., учаль насъ сбирати всехъ, а привель насъ ко Владыке, а учаль намъ говорити... 1521 г. *Отрывок розыскаго дела о бегстве из Москвы ряз. князя Иоанна Иоанновича, Акты историч., 1, 187.*

Да коли былъ въ миру, **ино** образы окладывати, да книги обологати бархаты, да застежки и жуки серебряны, да налои убирати, да жити затворяся, да келья ставити, да четки въ рукахъ; а ныне съ братьею вместе ести лихо. Ок. 1578 г. *Послание Грозного в Кир. Белоз м-рѣ. Акты историч., 1, 394. (Речь идет о Хабарове).*

А коли хлебы пекутъ **ино** того же теста велети отняти и пироговъ начинити а **коли** пшеничное пекутъ и семье из межъситки велети пироговъ зделати... *Домострой, 27.* **А коли** пиръ болшой **ино** всюды самому дозирати и в поварне и в хлебне... *Домострой, 49.*

Очень редко употребляется в главном предложении указательное слово **то**, тоже не содержащее в себе никакого временного значения, но указывающее на что-то «другое» и употребляется поэтому обычно в предложениях, указывающих последование действий.

Примеров мало.

...и ркоша к/ъ/н/я/зи **коли** насъ не будетъ всехъ то все то ваше будетъ и отголе пустиша их къ Юрью в Володимерь и начаша воевати землю Рязаньскую. *Лавр. летопись. Сузд.: вып. 3, 484.*

Коли Немець приедеть до Ковна, што **коли** маеть товару, то маеть мытнику обвещать... 1500 г. *Наказная память о сборе мытн. и промытн. денег АЮЗР, 1, 26.*

Я сам **коли** по домовому уберусь, то ей мосць пани Мстиславска малжонка моя натешытья и насмотреться на меня не можеть. 1589 г. *Речь Ивана Мелешка... на Варшавском сейме... АЮЗР, II, 158.*

Совсем редко в значении указательных слов употребляются наречия **тут**, **так**. Примеры содержат выражение одновременности действий главного и придаточного.

*По Дионисию: коли ужъ истины искали, тутъ и сущаге-
отверглися. Житие пр. Аввакума; Житие Б., 83.*

*Коли орать, так в буду не играть. Курганов, Пись-
мовник, 1, 144.*

Иногда в главном предложении (препозитивном) употребляется обстоятельство времени, выраженное словосочетанием (указательное местоимение с предложной или беспредложной падежной формой существительного, означающего временное понятие). Тогда временное придаточное уточняет именно это обстоятельство времени, содержащееся в главном предложении. В то же время к временному значению придаточного присоединяется значение определительное, обусловленное наличием в главном предложении указательного местоимения, являющегося определением к временному понятию в словосочетании, которое уточняется временным придаточным. Это словосочетание обычно употребляется перед придаточным предложением и находится непосредственно перед временным союзом **коли**. Однако здесь не было процесса образования сложного союза. Словосочетания были разнообразными и не успели откristаллизоваться в сложный союз вместе с **коли**.

Псковичи въ то же время, коли немцы городокъ ставили, ехавше а Нарову въ мале дружине, взяше посадъ у Ругодива. Псковск. I летопись;¹

А дана грамота июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новгороде. 1418 г. Жалов. гр. кн. Александра Ивановича. Акты Фед. од. 205. А дорога к нашей вотчине, х Колмогорамъ, и х Коле волости, и къ инымъ пристанищамъ морскимъ, не ново почалася, за много лет, коли и к Ругодиву приходъ былъ всякимъ торговымъ людемъ мимо твое королевство Зунтомъ. 1582 г. Грам. Грозного дат. кор. Фредерику II. Акты копенгаг. архива. РИБ, XVI, 202. ...ино бы было по преже писаному всякой запас куплен в пору коли дешево да везде на дворе всегда у себя смотрити... Домострой, 58. От тое зимы, коли Корела за моромъ Двнянь грабили 1349 г. Заклад. Вл. Степ.²

Так как временной союз **коли** не содержит в себе конкретизации временных соотношений действий главного и придаточного предложений, то эта конкретизация достигается различными видо-временными соотношениями действий, выраженных глаголами-сказуемыми придаточного и главного предложений. Эти видо-временные отношения являются очень древними, они существуют и в сочинении, но они не поставлены в отношения зависимости одного действия от другого, как в сложноподчиненном предложении с временным придаточным.

¹ И. И. Срезневский, Материалы для словаря... 1, 1250.

² Там же, 1250.

При развитии подчинения в сложноподчиненном предложении с временным придаточным действия главного и придаточного предложений связаны: действие главного обуславливается и характеризуется действием придаточного временного предложения.

Действия эти могут протекать одновременно, с различными оттенками одновременности (частичное или полное совпадение во времени действий главного и придаточного предложений), могут протекать и в отношениях последовательности.

В сложноподчиненных предложениях с временными придаточными с союзом **коли** преобладает выражение одновременности действий придаточного и главного предложений (примерно, 65%—70% общего количества примеров).

Действия главного и придаточного протекают одновременно.

1. В придаточном и в главном предложениях сказуемые выражены глаголами в форме настоящего времени. Таких примеров немного. Действия в таких предложениях являются обычными, повторяющимися: как только совершается действие, выраженное сказуемым придаточного предложения, неизбежно совершается в то же время каждый раз и действие, выраженное сказуемым главного предложения. Действие главного предложения совершается только и всякий раз тогда, когда совершается действие придаточного, во время совершения этого действия.

...**коли** де ездятъ въ воинско, и где церквей хрестыянскихъ нет, и они поимуть съ собой священника, да церковь полотняну возять, да брежение чинять о том велико. 1492 г. Из послан. новг. архиеп. Геннадия¹. А **коли** хлебы пекутъ, тогда и платья моютъ ино съ одного сътрепня и дровамъ не убыточно... *Домострой*, 27. **Коли** соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ не дасть гнезда своего въ обиду... *Слово о полку Игореве*, (589),: **коли** дрова горят, толды каршу варять. *Послов., Симони*, 113.

Если в придаточном употреблена форма настоящего времени, а в главном — инфинитив от глагола совершенного вида со значением желательности или долженствования, то действие главного совершается в один из моментов длительности действия придаточного:

А **коли** время тихо, вестей ратныхъ ни откуды не будетъ, и Мисюрю въ то время росписати карауль по городу и по острогу противъ прежнихъ обычаевъ, как бы городу бережнее и служивымъ людям неистомно. 1611 г. *Наказ... Акты юридич., II*, 258.

То же, если в придаточном глагол в форме настоящего времени, а в главном будущее простое.

¹ Буслеев, Историч. хрестоматия, 943—944.

А коли самъ царь нейдетъ против недруга, и онъ пошлетъ пашумудраго въ свое место царское... *Пересветов, Сказание о Магмете-салтане, 76.*

В главном предложении может быть инфинитив в сочетании с глаголом «велети»:

а коли хлебы пекутъ ино того же теста велети отняти и пироговъ начинити **а коли** пшеничное пекутъ и семье из межъситки велети пироговъ зделати... *Домострой, 27.*

В главном предложении инфинитив глагола совершенного вида: (в составе будущего сложного времени):

а коли въ Ковне кладется у шкуту, Вилневецъ, ковнянинъ ли, или трочанинъ, или иншоє какое земли, маеть перво весь товаръ мытнику обвестити. *1500 г., АЮЗР, I, 26.*

В главном предложении инфинитив глагола несовершенного вида в сочетании с «надобно»; действие главного предложения во времени протекает параллельно и столько времени, как и действие придаточного предложения:

...**а коли** де бываетъ поветрее на скоть, на лошади или на коровы, и мертвой де скоть надобно закапывать въ землю совсемь... *1643 г. Сказки докторов... Акты историч. III, 391.*

Одновременность действий выражена и в следующих примерах:

А коли мужа, и онъ ежь въ келье, какъ нищей, кромѹ хлеба да звено рыбы да чаша квасу, да сверхъ того, коли вы послабляете, а вы давайте, сколько хотите... *1578 г. Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. Акты историч., I, 383.*

Заневолю къ полю, коли лесу нетъ. *Курганов, Письмовник, I, 141.* Не стыдно молчать, коли нечего сказать. *Там же, 176.* Не любя честь, коли нечего есть. *Там же, 178.* За неволю съ мужемъ, коли гостя нетъ. *Там же, 171.*

Примеры с «нет» в качестве сказуемого свойственны, по видимому, пословицам, т. е. устному народному творчеству, откуда они и попали в «Письмовник» Н. Курганова.

Действия придаточного и главного предложений протекают одновременно, если в придаточном сказуемое выражено глаголом несовершенного вида в форме прошедшего времени. Если и в придаточном, и в главном предложении глаголы несовершенного вида, то действия являются полностью одновременными, а если в придаточном предложении глагол несовершенного вида в форме прошедшего времени, а в главном предложении глагол совершенного вида, то действие главного предложения происходит в какие-то моменты протекания действия придаточного предложения. Следует учесть, что лексические значения глаголов тоже влияют на выражение соотношения во времени действий придаточного и главного предложений.

Полное совпадение во времени действий главного и придаточного предложений:

и рече Олегъ то се ты со мною целова/лъ/ кр/ес/тъ ходити нама по одной думе обема. то ты коли рать была со мною еси ко ц/еса/рю не бежа/лъ/. не осталъ еси в Руси избывъ в Вороножьскихъ лесахъ... *Лавр. летоп., 482.* И Донило Клобуков передъ Григориемъ Федоровичемъ съ товарищи сказалъ: коли есмь, господине, Перевитеск писали, и Кузма Фефилаевъ и язъ судили в той деревни Левку и Онцифорина Ивашка Резваго и брата ево Дениска со владычнымъ сыномъ боярскимъ со Якимомъ з Душиловскимъ... *1520 г. Список с судной гр. Ряз. акты и гр. 19.* А коли Остафей и с своими детьми Ываном да с Васильем и с своею братьею с Васильем и Ываном с образом пречистыа митрополичю землю ѿ своею землею розводил, тогда были с-Ываном с Патрекиевым: митрополичи дети боярские Андрей Потапов да Конша Кузмин... *Первая четверть XVI в. Разъезжая гр. Акты феод. 165.*

Если в придаточном предложении глагол несовершенного вида в форме прошедшего времени, а в главном глагол совершенного вида в форме прошедшего времени или в форме причастия прошедшего времени, то действие главного предложения протекало в один из моментов совершения действия придаточного предложения.

Так бо обычаи имееше С/вя/тополкъ. Коли идяще на воину. или инамо. коли поклонивъся оу гроба Феодосьева и м/о/и/тву возьмъ оу игумена ту суцаго, тоже идяще на путь свои. *Лавр. летоп., 282.*

Иногда и в главном и в придаточном могут быть глаголы совершенного вида в форме прошедшего времени:

А со мною нетъ ничего, никакая книги, а книги есмь взяли съ собою съ Руси, ино коли мя пограбили, ини ихъ взяли; *Пут. Аф. Никитина, 387¹.*

Иногда лексическое содержание глаголов-сказуемых сложноподчиненного предложения указывает на одновременность протекания действий придаточного с союзом **коли** и главного предложения, даже если сказуемое придаточного предложения выражено формами глаголов совершенного вида (что обычно характерно для выражения последовательности действий) будущего времени:

А коли ти буд/е/тъ всести со мною на конь, а кто буд/е/тъ твоихъ боюрь и слугъ, где кто ни живеть, темъ быти под твоимъ стягом. *Ок. 1364 г. Доконч. в. кн. Дмитрия Ивановича. Дух. и дог. гр., 21.*

А коли ми будет самому всести на конь, а тебе со мною.

¹ Путешествие Афанасия Никитина в Индию. Софийская летопись. Полное собрание русских летописей, т. VI, СПб, 1853, 337.

1389 г. Доконч. в кн. *Дмитрия Ивановича. Дух и дог. гр., 33. А коли, г/о/с/поди/не, будет с/ы/нъ твои въ твое место, и всядет с/ы/нъ твои на конь, ино и мне с ним всести на конь. Ок. 1401—1402 г. Доконч. в кн. *Василия Дмитр. Дух. и бог. гр., 44 (Подобные примеры довольно часты в документах такого рода).**

2. Неодновременность протекания действия главного и придаточного предложений представлена меньшим количеством примеров (около трети всех примеров). Неодновременность выражается главным образом соотношением глагольных форм совершенного вида и в придаточном, и в главном предложениях. Действие придаточного предшествует действию главного предложения.

В придаточном и в главном предложениях глаголы совершенного вида в форме прошедшего времени:

А коли Псковичи сступишася съ Немци Битися... поведат имъ лихую вестъ. *Псков. 1 лето., 6851 г. И. И. Срезневской, Материалы для словаря... I, 1250. Коли* Игорь соколомъ полете, тогда Влуръ вълкомъ потече, труся собою студеную росу... *Слово о полку Игореве.*

В придаточном и в главном предложениях глаголы совершенного вида в форме будущего времени. Действие придаточного предшествует действию главного предложения:

А коли явит сию мою грамоту жаловальную моему наместнику, и тот поп дастъ ему за явленную куницу алтын. *1498 г. Жалов. гр. митр. Симона. Акты феод., 173.*

В придаточном предложении употреблен глагол совершенного вида в форме будущего времени, в главном предложении — инфинитив в сочетании с глаголом «мочь» в настоящем времени. Действие придаточного предшествует действию главного предложения:

Я самъ коли по домовому уберусь, то ей мосць пани Мстиславска малжонка моя натешыться и насмотреться на меня не можетъ. *1589 г. Речь Ивана Мелешка на Варшавском сейме..., АЮЗР, II, 188.*

В придаточном предложении глагол совершенного вида в форме будущего времени, в главном предложении глагол несовершенного вида в форме настоящего времени или в форме инфинитива. Действия являются обычно повторяющимися: действие главного предложения совершается каждый раз, как произойдет действие придаточного предложения:

А коли отецъ нашъ Сидоръ, митрополитъ Киевский и всея Руси, отъедетъ дале въ свою митрополью, оправляя церкви божи: и его наместнику, по его приказу и по сему нашему листу, держати и отправляти тое всее церковное ...*1441 г. Грам. Киевск. кн. Александра Владимировича митрополиту Исидору. Акты ист., I, 488. А коли, г-е, к. в.,*

придет посоль татарской в Ярославль, и мне, г-е, с тое отчины з Заозерья давати ярославским кн/я/земь в выход и во все пошлины, в ординские проторы, по старине... 1447 г. Док. в. кн. Василия Вас. Дух. и дог. гр., 128. ...коли мой поледшикъ поедеть на меня на Великого князя рыбы ловити, и онъ въ монастырскихъ озерехъ и въ заводяхъ на меня рыбы не ловить, и невода у ихъ людей монастырскихъ на ловлю не емлютъ... После 1462 г., жалованная грам. кн. Иоанна Васильевича Спасо-Ефимьеву м-рю. Акты историч. I, 126. А кому будет до самого Андреа какво слово, и яз Иона митрополит сам его сужу, а коли куде отъеду в свою митрополью дале, ино его судит мой наместник тот, кому прикажу в свое место ведати. 1450 г. Жалов. гр. митр. Ионы... Акты феод. 123. То же и у митр. Феодосия № 136, 125, 1461 г. и др. А коли имуть тягаться о земли или о воде, а положить двои грамоты, ино одны грамоты чести дьяку княжому, а другие грамоты четти дьяку городскому. 1467 г. Псковск. судн. гр., 18, СПб, 1914 г. А коли приидеть грамота с пригорода, а ты грамоты чести дьяку городскому. 1467 г. Там же. Коли Немець приедеть до Ковна, што коли маеть товару, то маеть мытнику обвещати...: 1500. Наказная память о сборе мытных и промытных денегъ. (Из Литовской метрики). АЮЗР, I, 26. А коли Немець Немцу продасть соль въ Ковне, то другое мыто маеть платити, по грошу отъ копы, а отъ бочки по полугрошу. 1500 г. Наказн. память. АЮЗР, I, 26. А коли Вилневецъ приедеть съ какимъ товаромъ до Ковна, маеть обестки грошъ дати. Там же, 26.

А коли явят сию мою грамоту моему володимерскому наместнику на въезд, и они дают ему алтын, а больше того не емлют на них ничего. 1522. Жалов. гр. митр. Даниила... Акты. феод., 191. А коли я пошлю свои грамоты к поледшиком и к рыболовом о поледной ловле о зимней и о летней и на грамотишки, а на сию мою грамоту иные мое грамоты нет никоторые. 1526 г. Жалов. гр. кн. Юрия Ивановича... Акты феод., 95. А коли Митка съ товарищи явят сию мою грамоту наместникомъ или волостелемъ, и их тиуномъ, и они съ нее не даютъ ничего. 1548 г. Царская жалованная грам. сокольникам, Акты, ист., I, 547. А коли поедеть игумень из Москве самъ, а съ нимъ старецъ да слугъ человека три или четыре, зиме санми, и лете верхомъ или игумень коли пошлетъ изъ монастыря къ Москве старца или дву о монастырскихъ делехъ... и по городомъ наместники и волостели и ихъ тиуны... и все пошлинники... съ игумена и старцов и съ слугъ монастырскихъ и съ ихъ саней и съ лошадей мыта и перевозу и мостовщины и иных никаких пошлинъ не емлютъ...

1621 г. Жалов. гр. ц. Михаила Федоровича Николаевскому Корельскому монастырю. *Акты историч.*, III, 133.
„А коли игумень пошлет старцовъ или слугъ монастырскихъ и крестьянь... соли и рыбы продати или променити на монастырской запасъ... и... наши наместники... и всякие пошлинники мыта и тамги... и иныхъ некоторыхъ пошлинь на них не емлютъ, а пропускаютъ ихъ везде... безпошлинно и безъ всякой зацепки. 1621 г. Жалов. гр. ц. Мих. Фед. Сийскому Антониеву монастырю. *Акты историч.*, III, 128.

Все приведенные выше примеры позволяют наметить некоторые краткие выводы:

1. Сложноподчиненные предложения с временными придаточными предложениями с союзом **коли** употребляются уже в древнейших русских светских памятниках.

2. Временной союз **коли**, являясь одним из древнейших русских союзов (общеславянского происхождения), широко употреблялся в памятниках различных стилей и жанров XII—XVI вв. Особенное распространение этот временной союз имел в деловой письменности XV—XVI вв., употребляясь в значительном количестве документов, не только близких к живой народной речи, но и в дипломатической переписке, договорах, судебниках и проч. В течение XV—XVI вв. временной союз **коли** по характеру документов, в которых он употреблялся, не может еще быть отнесен к просторечию.

3. С начала XVII в. заметно ограничивается сфера употребления временных придаточных предложений с союзом **коли**. Они перестают употребляться в памятниках «высокого» стиля (договорах, дипломатических актах и пр.). Временные придаточные с союзом **коли** употребительны в эту эпоху в литературно-сатирических произведениях, былинах, пословицах — памятниках, наиболее близких к живой разговорной речи и к просторечию. Только с XVII в. временные придаточные с союзом **коли** являются характерной чертой просторечия, сохраняясь в народных говорах и в настоящее время¹.

4. Временные придаточные с союзом **коли** употреблялись в подавляющем большинстве случаев препозитивно, т. е. перед главным предложением. Однако уже в древнейших памятниках встречается употребление временных придаточных с союзом **коли** и после главного предложения, и в середине его.

5. При препозитивном употреблении временного придаточного с союзом **коли** постпозитивное главное предложение (или часть его, если придаточное употреблено в середине

¹ См. А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Изд-во АН СССР, М., 1953, 98—99.

В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, изд. АН СССР, М., 1958, 153.

главного предложения) присоединяется иногда к придаточному посредством сочинительного союза **и**, реже **а**. Однако уже в значительном количестве случаев этот сочинительный союз отсутствует, и для выражения подчинительных отношений достаточным является наличие подчинительного союза **коли** в придаточном предложении.

6. В значительной мере употребительными являются указательные соотносительные слова в главном предложении. Наиболее распространенным является употребление местоименного указательного наречия времени **тогда** в главном предложении, чем достигается наибольшая четкость в выражении подчинительных отношений и их характера. Значительно реже в главном предложении употребляются указательные слова **ино**, **то**, **так**. Возможно употребление в главном предложении обстоятельств времени, состоящих из словосочетаний — указательного местоимения и предложно-падежной или беспредложной формы существительного, означающего временное понятие. Тогда к временному подчинительному отношению присоединяется и определительное отношение, обусловленное наличием указательного местоимения в роли определения в словосочетании, к которому относится временное придаточное предложение.

7. Конкретизация и уточнение временных соотношений действий главного и придаточного предложений достигается посредством употребления различных сочетаний видо-временных форм глаголов-сказуемых в придаточном и главном предложениях.

В большинстве имеющихся примеров выражены различные оттенки одновременности действий придаточного и главного предложений.

Однако уже с древнейших времен являются употребительными и примеры с выражением последовательности действия во времени в главном и придаточном временном предложении с союзом **коли**.

8. Причина сужения употребительности сложноподчиненных предложений с временным союзом **коли** кроется, по-видимому, в неопределенности временного значения этого союза, в результате чего он уже с древнейших времен употребляется параллельно и как условный союз, и все более и более становится условным союзом.

Ю. В. Фс

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕННОМ СКЛОНЕНИИ В РУССКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

(На материале Сибирских летописей)

Состояние именного склонения в языке XVII века для историка русского языка представляет глубокий интерес. XVII век — это период многочисленных и важных изменений в падежной системе русского языка, период завершения многих грамматических процессов, начало которых принадлежит еще древнерусскому языку старшей поры.

Анализу именного склонения в языке XVII века посвящено несколько работ, преимущественно диссертаций¹. Большая их часть исследует именное склонение в деловом языке XVII века. Это нетрудно понять: именно деловой язык московских приказов ложится в основу формирующегося русского национального языка. Но все же полное и ясное представление об именном склонении в письменном языке XVII в. можно составить лишь на основании его изучения во всех стилевых разновидностях языка.

Письменный язык XVII века отличается большим стилистическим разнообразием. Стилистическое богатство русского языка во многом связано с влиянием на него церковнославянского языка, с длительным и интенсивным процессом их взаимодействия. Степень влияния церковнославянского языка на русский² соответствовала степени близости этих родственных языков. Процесс взаимодействия русского и церковнославянского языков был длительным и сложным. Поворотным пунктом в истории взаимоотношений русского и церковнославянского языков в сторону их высшего, органического синтеза можно считать XVII век. Именно в эту пору церковнославянские элементы постепенно входят в лексико-грамматическую систему русского языка на правах ее особого функционально-стилистического ряда.

Если применительно к языку XV—XVI веков можно говорить «лишь о разных типах литературного языка — церковно-книжном и светском художественно-книжном, а также о языке письменном канцелярско-деловом, так как в эту эпо-

¹ См. ниже.

² Особое значение в истории взаимоотношений русского и церковнославянского языков имело 2-ое южнославянское влияние.

ху не все данные типы были соотнесены и органически связаны с живым разговорным языком народа»¹, то в языке 17 века можно различать два основных стилистических потока — стили канцелярско-деловые и книжно-риторические, так как «прежние границы церковно-книжного и литературного стилей речи становятся... неотчетливыми»².

Система склонения имен существительных в XVII веке характеризуется наличием длинного ряда вариантных падежных форм, существование которых является результатом действия разнообразных морфологических (и фонетических) процессов, происходивших в падежной системе русского языка. Положения дублетных падежных форм были обычно противоположными: одна из этих форм была архаической, традиционной, занимала «слабую» позицию, другая была новой, расширяющей сферу своего влияния, занимала «сильную» позицию.

Вариантные падежные формы обладали определенными стилистическими качествами. Одни из них преимущественно тяготели к книжно-риторическим стилям языка, другие — к стилям канцелярско-деловым. Некоторые падежные формы (например, формы со 2 палатализацией заднеязычных согласных типа «рѣцѣ», «казацѣхъ»³ были исключительной принадлежностью книжно-риторических стилей языка, другие (большая часть) использовались как в канцелярско-деловых, так и в книжно-риторических стилях языка, но в разных пропорциях, и эти последние могли служить одним из морфологических признаков определенности стиля.

Следует заметить, что в языке XVII века, в противоположность древнерусскому языку, произведение любого жанра может быть стилистически весьма разнообразным. В XVII веке стилистическая расцветка художественных произведений делается «разнообразнее и сложнее; процессы столкновения и объединения разностильных элементов — интенсивнее, глубже и дифференцированнее»³. Речевой поток может стилистически варьироваться даже в монологе одного действующего лица. Возьмем, к примеру, небольшой отрывок из «Жития протопопа Аввакума»: «Потомъ и больноу принесла; велѣла больноу предъ меня положить: и всѣ плачуть и кланяются. Я су всталъ, добылъ въ грязи патрахѣль и масло священное нашель; помоля Бога и покадя младенца, помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ. Ребенокъ, Богъ далъ, и опять здоровъ сталъ съ рукою и съ ногою. Водю святою его на-

¹ В. В. Виноградов. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955, стр. 56.

² Г. О. Винокур. Русский язык, М., 1945, стр. 98.

³ В. В. Виноградов. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы. Изв. ОЛЯ АН СССР, т. 16, в. 5, М., 1957, стр. 413.

поилъ и къ матери послалъ». И далее следует обращение к Богу, выраженное в пышных, риторических формах: «Вижь, слышателю, покаяние матери колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцѣлила. Чему быть? не сего дни кающихся есть богъ!»¹

Понятно поэтому, что в любом памятнике XVII в. можно встретить как новые, так и архаические формы. Это объясняется сосуществованием в словесной ткани одного и того же произведения стилистически разнообразных фрагментов. Учет этого обстоятельства помогает яснее осознать стилистическую мотивированность в употреблении вариантных падежных форм².

Лексическая мотивированность падежных форм обычно соответствует их стилистической мотивированности. Таким образом, падежная форма оправдывается стилем, контекстом и лексико-семантическими качествами слова.

Задача статьи состоит в том, чтобы рассмотреть употребление **дублетных** падежных форм³ в связи с дифференциацией письменного языка XVII века на канцелярско-деловые и книжно-риторические стили.

Фактический языковой материал, на основании которого делаются наблюдения и заключения статьи, весьма разнообразен и охватывает основные литературные жанры XVII в.: деловые документы государственных приказов, судебник, грамоты различного содержания, оригинальные бытовые повести, литературно-публицистические произведения, исторические повествования, летописи особого рода⁴. Такой материал можно считать вполне показательным.

Основная часть всех этих литературных источников подвергнута конкретному анализу в различных исследованиях, преимущественно диссертациях⁵. Для характеристики книж-

¹ «Житие протопопа Аввакума, написанное им самим». Изд. 8, СПб, 1904, стр. 12.

² Следует признать, что встречаются случаи немотивированного употребления падежных форм, но это все же исключения из правила.

³ Важность вопроса о «стилистическом использовании дублетных форм отдельных падежей» подчеркивает проф. М. А. Соколова в книге «Очерки по языку деловых памятников XVI в.», Л., 1957, стр. 131 и 119.

⁴ Имеются в виду «Сибирские летописи» XVII в., к которым термин «летописи» применяется условно: это цельные историко-литературные повествования, созданные «в один присест». См. Д. С. Лихачев, «Русские летописи и их культурно-историческое значение», М.—Л., 1947; О. Г. Порохова, «Лексика сибирских летописей XVII в.», М., 1952, кандидатская диссертация.

⁵ П. Я. Черных, «Язык Уложения 1649 г.», М., 1953; С. В. Фролова, «Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII ст.». «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева», в. 5, 1942; в. 8, 1947; в. 9, 1948; в. 13, 1955; М. А. Веселова, «Склонение имен существительных в деловых документах московских приказов I половины XVII в.», М., 1955.

но-риторических стилей языка привлекаются показания «Сибирских летописей» XVII в., проанализированных автором статьи.

Представляется, что никакое исследование не может быть достаточно убедительным без определения точных количественных соотношений изучаемых форм и категорий. Это особенно касается исследований, посвященных языку одного или нескольких памятников. В таких работах нельзя пренебрегать статистическим методом. Между тем исследователи нередко вместо точных цифр оперируют такими обтекаемыми выражениями, как «часто», «редко», «чаще», «реже», «иногда». Но, по справедливому замечанию проф. М. А. Соколовой, важнее всего для историка русского языка картина **реального соотношения** (подчеркнуто мной. — Ю. Ф.) старых и новых форм... в том или ином памятнике XVII в.»¹.

Подсчет изучаемых форм проводится лишь в диссертациях М. А. Веселовой и Б. И. Косовского. Наблюдения над языком «Сибирских летописей» тоже представлены в точных цифровых показателях.

ДАТЕЛЬНЫЙ-МЕСТНЫЙ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ОСНОВ НА-А

Одной из основных тенденций в эволюции именного склонения русского языка является вытеснение мягкого варианта склонения твердым. Этот процесс в основном осуществился к XVII веку, так что в разговорной речи и деловых документах флексия — ъ (ять) в дательном-местном падежах единственного числа основ на -а стала единственной.

В деловом языке XVII в. флексия — и в мягком варианте встречается чрезвычайно редко, как исключение, и объясняется стилистической приподнятостью контекста², случай-

А. Г. Кириченко, «Язык документов, связанных с восстанием С. Разина», Киев, 1945; Б. И. Косовский, «К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVII в.», М., 1946—7; Н. В. Юстратова, «Язык «Сказания» Авраамия Палицына», Одесса, 1948; Т. В. Жарких, «Язык воронежских грамот XVII в.», Воронеж, 1953; Р. Ф. Титова, «Морфологический строй языка» Азовских записных книг конца XVII в., Воронеж, 1955; А. А. Горбунова, «Описание Уральской грамоты XVII в. (исследование языка)», М., 1952.

Упомянем еще кандидатскую диссертацию И. Е. Семина «Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра I», Куйбышев, 1953.

Выводы статьи, основанные на материале языка XVII в., соотношены с наблюдениями А. Е. Ладюковой в ее диссертации «Из истории именного склонения в русском литературном языке XVIII в. (падежные формы имен существительных в петровских «Ведомостях»)», Л., 1956.

При дальнейших ссылках на эти работы будут упоминаться только фамилии и страницы; при ссылках на исследование Фроловой будут упоминаться еще номер и год выпуска «Ученых записок».

¹ Рецензия на книгу проф. П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 г.» В Я, 1954, № 3, стр. 123.

² Веселова, 221, 223; Косовский, 104, 106; Черных, 276; Жарких, 140, 146; Кириченко, 68.

ным использованием церковнославянского или арханческого оборота.

Другую картину обнаруживаем мы в книжно-риторических стилях языка XVII в. Мягкий вариант здесь преимущественно пользуется старой флексией -и.

В «Сибирских летописях» в дательном падеже на 19 случаев с флексией -Е (ять) приходится 35 случаев с флексией -и (при 2 случаях колебаний¹, в местном падеже на 9 случаев с -ѣ — 45 случаев с флексией -и (при 9 случаях колебаний). Преобладание исконной флексии в мягком варианте очевидно.

Приведенные данные позволяют заключить, что местный падеж более последователен в сохранении исконной флексии мягкого варианта -и: То же самое отмечает и Юстратова².

Сравнение языка «Сибирских летописей», «Сказания» Авраамия Палицына и других произведений эпохи Смутного времени с языком оригинальных бытовых повестей XVII в. обнаруживает большое различие между ними в отношении употребления исконной флексии -и в мягком варианте. В оригинальных бытовых повестях XVII в. флексия -ѣ дательного местного ед. ч. основ на -а унифицирована и архаическая флексия -и встречается лишь несколько раз³. Очевидно, это объясняется, во-первых, меньшей книжностью и традиционностью языка бытовых повестей и, во-вторых, эволюцией книжно-повествовательных стилей в сторону усвоения народно-разговорных элементов речи.

Традиционность-форм на -и подчеркнута ограниченностью и замкнутостью круга слов, использующих старую флексию (земля, воля, ловля и некоторые др.).

* * *

Уже к XVI веку 2 палатализация заднеязычных в системе падежных форм существительных утратила актуальность и сохранялась некоторое время лишь по традиции книжного языка. В деловом языке XVII в. форм со 2 палатализацией заднеязычных уже нет.

Большую инертность, традиционность проявляют опять-таки книжно-риторические стили языка. Здесь еще можно встретить некоторое количество архаических форм с палатализацией заднеязычных.

Дательный единственного основ на -а в «Сибирских летописях» насчитывает 15 случаев 2 палатализации, местный — 19. Отмечаются эти формы в «Сказании» Авраамия Палицына и близких к нему произведениях эпохи Смуты.

¹ Имеется в виду, что одно и то же слово использует обе флексии.

² Юстратова, 173, 177.

³ Фролова, в. 8, 1947, стр. 125.

В оригинальных бытовых повестях отмечен лишь один пример с палатализацией¹.

Из «Сибирских летописей»: ²

Царь же Чингисъ, собравъ воинство много и вооружено, и опусти его по рѣцѣ Иртишу ...114. ...Ермак же взя с собою 150 человекъ казаковъ и поиде противъ Бухарцовъ къ рѣцѣ Вагаю ...309. ...на сей же рѣцѣ Ишимѣ бѣ царь Моамѣтова закону, именемъ Онъ. 113.

Заметим, что все случаи палатализации падают на одно слово — «река». Это лишний раз подчеркивает большую архаичность и полную традиционность таких форм.

Из «Повести князя И. М. Катывева-Ростовского» ³:

Царица же и съ чады своими въ заточении злѣ животь свой скончевая въ тузѣ и въ печали... 577.

Из «Сказания Авраамия Палицына»: ⁴

...токмо бы мало-мало по книзѣ Псаломстѣй текъ рѣчию... 24.

Из «Повести о дворянине Александре», в любовной арии героя:

«Стенами крепчайшими отвсюду окружень, здание предивно имашь, в руцѣ держишь палашь» ⁵.

ИМЕНТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. Ч. МУЖСКОГО РОДА

В деловом языке XVII в. процесс усвоения именительным падежом флексии винительного падежа уже завершился. Об этом свидетельствуют показания всех деловых памятников эпохи ⁶.

Но литературно-книжный язык еще удерживает старую флексию -и в именит. множ. мужского рода твердого различия, хотя эта флексия количественно уступает новой флексии -ы из винительного падежа. Их соотношение в «Сибирских летописях», например, — 65 : 157 (здесь исключены основы на заднеязычный). Часто встречается флексия -и в «Сказании» Авраамия Палицына и в ранних бытовых повестях XVII в. ⁷.

Святити апостоли написаша в привилехъ своихъ и всегласный.

Если в приказном, деловом языке эти основы вполне

¹ Фролова, в. 8, 1947, стр. 126, 127.

² «Сибирские летописи», изд. Императорской Археологической Комиссии. С.—П., 1907.

³ «Русские повести XVII—XVIII в.», под ред. В. В. Сиповского, СПб, 1905, стр. 132.

⁴ Русская Историческая Библиотека, т. XIII, С.—П., 1892.

⁵ Цитируется по изданию: «Сказание» Авраамия Палицына, изд. Императорской Археологической Комиссии, С.—П., 1909.

⁶ Веселова, 276; Косовский, 175; Кириченко, 97; Жарких, 175; Черных, 263.

⁷ Юстратова, 168; Фролова, в. 9, 1948, стр. 178.

последовательно сохраняют заднеязычный неизменным (-ки, -ги, -хи из -кы, -гы, -хы винительного падежа), то архаизирующие книжные стили языка пытаются сохранить здесь старые формы со 2-ой палатализацией заднеязычных (-цы, -зи, -си).

Процент этих форм среди основ на заднеязычный может быть очень высоким. В «Сибирских летописях», например, на 194 случаев с -ки, -ги, -хи в исходе приходится 144 случая форм со 2-ой палатализацией (в 11 случаях — колебания). Часто отмечаются такие формы в «Сказании» Авраамия Палицына¹.

Из «Сибирских летописей»:

Святѣи апостоли написаха в привелхъ своихъ и все-
леннЕй предаша... 119. Тако и сии воини положиша упо-
вания на Господа твердо ...124. На семь же камени
ростяху деревие различное: кедри и певга и прочая
...109. По сихъ же рЕкахъ жительства имЕють мнози
языцы ...111. Посланницы же пришедше возвестиша сия
...156. Придоша жъ вестницы к царю Кучюму и повЕ-
даша ему 285. «Его жъ Богъ не помилует, того и люби-
мым его друзи оставляють...» 285.

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

...И похвално церковницы и вси велможие глаголютъ
...12. И врази суще и ласкатели, великимъ бЕдам за-
мышленицы ...11. ...И тамо готовы Турцы быша къ про-
литию крови неповинныхъ. 33.

* * *

Если в приказно-деловом языке изучаемой эпохи флек-
сия -ие из бывшего 4 склонения вообще не отмечается (см.
один случай — «людие» — у Косовского, стр. 175), то книжно-
риторические стили еще удерживают ее в целях придать по-
вествованию более торжественный характер².

В «Сибирских летописях» она встречается 60 раз (вклю-
чая сюда и 7 случаев колебаний). Флексия -ие употребляется
не только в словах, исторически восходящих к бывшему
4 склонению существительных с законной флексией -ие в име-
нительном множ. мужского рода (зверие, людие), но и в су-
ществительных, исконно принадлежащих 2-му мужскому
склонению, где такая флексия не имела места (мужъ, кедръ).
Кроме того, флексия -ие применяется в существительном «жи-
тель» (жителіе), восходящем во множ. числе к бывшему
склонению на согласный. Подавляющее количество случаев
с флексией -ие приходится на слово «людие».

¹ Юстратова, 168.

² См. С. Д. Никифоров, Из наблюдений над языком «Домо-
строга» по Коншинскому списку, «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина»,
т. XLII, 1947, стр. 57; М. А. Соколова, К именному склонению в
«Домострое». Сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы», Л., 1951, стр. 246.

Из «Сибирских летописей»:

...По сей же рѣкѣ жителство имѣють людие рекомии Вогуличи... 110 (См. еще стр. 112, 119, 120, 126, 133, 152, 158, 161, 166 и т. д.). ...Въ нихъ же жителство имѣють звѣрие различий ...109. ...Приидоша до устья глаголе-мыя Чюсовыя реки, на ней же жителие — Строгоновы очинные ихъ российские люди живуще. 194. ...Сии зло-ратные мужие убиение и дерзость свиреподушную надъ погаными показаша ...199. На горахъ же и каменехъ раз-личныи кедрие и иная древа ...261.

Форма «людие» чередуется в «Сибирских летописях» с формой «люди», но первая, безусловно, преобладает (44 : 9 при нескольких случаях колебаний).

Таково же положение и в «Сказании» Авраамия Палицына.

...Похвално церковницы и вси велможие глаголютъ ...12. ...И къ нему же царие со страхомъ многимъ прибе-гающе, милость получаху... 12. ...и едга же изыдутъ вси людие на то позорище, и тогда врата граду затворити присрочи и побити всѣхъ. 33.

РОДИТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. Ч. МУЖСКОГО РОДА ТВЕРДОГО РАЗЛИЧИЯ

В деловом языке XVII в. для родительного множ. ч. мужского рода твердого различия нормальной становится флексия -овъ, ведущая свое начало из родит. множ. существительных мужского рода 3 склонения типа «сынъ». Старая нулевая флексия сохраняется лишь у нескольких, семантически строго определенных групп существительных. Вот они: 1) названия единиц меры или веса (фунтъ, пудъ), 2) названия лиц по месту жительства и национальному признаку (черкасъ, бухарь, турокъ), 3) названия населенных пунктов во множественном числе (Чебоксарь); 4) сюда примыкают имена, часто сочетающиеся с числительными (10 день, человекъ) ¹.

Все остальные случаи с нулевой флексией имеют архаическую, книжную окраску. Веселова отмечает только 4 таких случая, Косовский в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» — только один (аггель) ². Остальные исследователи деловых памятников XVII в. вообще не встречают эти архаические формы с нулевой флексией.

В противоположность деловым стилям, стили книжно-риторические включают очень заметное число таких архаизирующих форм с нулевой флексией в родительном множ. ч. мужского рода.

¹ Веселова, 328—333.

² Косовский, 202.

В «Сибирских летописях» 46 таких форм (при 14 случаях колебаний) противостоят 121 форме с нулевой флексией у существительных, входящих в перечисленные выше группы слов, причем подавляющее число их приходится на слово «человек».

Приведем примеры. Из «Сибирских летописей»:

...Колмыки же которой законъ или **отець** своихъ предание держать, не **вѣмъ**... 111. Тако жъ и отъ сихъ **идолопоклонникъ** отврати Богъ лице свое **идоль** ради и жертвъ ихъ кровныхъ... 121—122 (см еще стр. 189). ...Они бо окаянъни яростию претяще имъ и гордятся паче **кинтавръ** ...124. ...Очервленишася тогда кровми поля сушая ту и послашаяся трупищи мертвецъ... 130. ...Избра Богъ и посла не отъ славныхъ мужъ, ни царска повеления воеводъ... 236. Того же году, июня в 28 день, на память святыхъ **чюдотворецъ** и **безсребреникъ** Кира и Иоанна, придоша с Волги атаманы и казаки... 8—9. ...шли к нимъ в Чюсовские городки и острожки на помогание имъ противу невѣрныхъ **супостать**. 55. ...лежаще на лежаще на лабазѣ 6 недѣль ноября по 1 день, донележе отъ **конецъ** придоша Кучюмъ с мурзами... 345. «Господи человекѣколюбче, молитвами святыхъ **мученикъ** Бориса и Глѣба помози ми...» 358.

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

Се убо да разумѣется грѣхъ всей Росии, чесо ради отъ прочихъ **языкъ** пострада... 17—18. ...возсланяхуся на чудотворныя гробы цѣлбоносныхъ мощей великихъ **чюдотворецъ** Петра и Ионы... 31. Коль же жестоко сердце **измѣнникъ** бЕяше на свою братию, православныхъ христянь! 40.

ДАТЕЛЬНЫИ МНОЖ. Ч. МУЖСКОГО РОДА

Процесс усвоения новой флексии дательным множ. мужского рода наиболее интенсивно протекает в XVII в. Если в деловом языке московских приказов первой половины XVII в. на старую флексию -омъ приходится более двух третей ($\frac{2}{3}$) всех случаев¹, то в документах, связанных с восстанием С. Разина, новая флексия -амъ уже несколько преобладает².

Но флексия -омъ была чрезвычайно стойкой и держалась очень долго. Об этом свидетельствуют показания сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (здесь флексию -омъ имеют 86 слов в более чем 500 случаях, флексию -амъ — только 12 слов³, Уложения 1649 г.,

¹ Веселова, 354.

² Кириченко, 113, 119.

³ Косовский, 240.

в котором «часто» встречается старая флексия¹, воронежских грамот XVII в. (с параллельным употреблением обеих флексий², просторечного контекста протопопа Аввакума³.

Даже самый легкий налет книжности удерживает старую флексию -омъ как дублет флексии -амъ. Преобладание новой флексии в языке документов, связанных с восстанием С. Разина, объясняется наибольшей близостью этого языка к живому просторечию, в котором, очевидно, новая флексия с середины века начала брать верх.

Об особой стойкости флексии -омъ говорит ее преобладание еще в письмах и бумагах Петра I (800 случаев из 1400)⁴.

Книжно-риторические стили языка XVII в. почти исключительно пользуются флексией -омъ. В «Сибирских летописях», например, флексия -амъ (-ямъ) отмечена всего лишь в 17 случаях (не считая 12 случаев колебаний), в то время как на флексию -омъ приходится 252 случая, а на флексию -емъ — 53. Такая же картина наблюдается в «Сказании» Авраамия Палицына⁵, в ранних оригинальных бытовых повестях XVII в.⁶

Из «Сибирских летописей»:

Диптиха храбрымъ ратоборцомъ Ермаку Тимофееву с товарищи. 93. ...той же блаженный Моисей в пѣсни в Девтеромии, предвозвещающа непокоривымъ Иудеомъ въ будущее имъ в послѣднихъ озлоблениихъ, глаголетъ. 121. ...чтобъ имъ злодѣемъ к государевымъ Пермскимъ городомъ пути не было... поставилъ острошки нарядъ скорострѣльной ...51. ...и о семъ блазнятся в Тобольску до дне сего и покушаются взять и многие споны сибирскимъ жителемъ чинять по своей истории. 328.

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

...дабы царство свое укрѣпити и изшедшихъ отъ чреслъ его на престолѣ своимъ утвердити, околнимъ же противникомъ страшну быти. 22. ...не въ честь Господу, но въ смѣхъ челоуѣкомъ. 25. И никто же да не буди гордостию дмяся и да не речеть злЕ, яко и прежде сего царемъ такову честь воздаваху... 12—137.

Из «Повести о Савве Грудцыне»:

...она возвѣстила о семъ вѣдать пред царевы палаты

¹ Черных, 287.

² Жарких, 187.

³ П. Я. Черных, «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», как памятник северно-великорусской речи XVII ст., Иркутск, 1927.

⁴ Семян, 328.

⁵ Юстратова, 174.

⁶ Фролова, в. 13, 1955, стр. 217.

⁷ Юстратова, 126.

сигклитомъ... 37. Видевъ гонение и мятежь велик на домъ ...22. ...немаль же зазоръ смоляномъ наведе... 34.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. Ч. МУЖСКОГО РОДА

В деловом языке XVII века творительный множ. мужск. рода активно усваивает новую флексию -ами из женского склонения основ на -а.

В деловых документах московских приказов 1-ой пол. XVII в. «в большинстве случаев наблюдаются старые флексии -ы, -и»¹. На долю флексии -ами приходится всего 16% всех случаев творительного множ.

В Уложении 1649 г. «обыкновенно употребляется старое окончание -ы/и»².

В воронежских грамотах XVII в. флексия -ами распространилась довольно широко, но еще уступает старой флексии³.

В сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» новая флексия -ами уже преобладает (новую флексию имеют 48 слов, старую — 32; 13 слов колеблются⁴). Преобладает новая флексия и в языке документов, связанных с восстанием С. Разина⁵.

В письмах и бумагах Петра I старые формы употреблены в 350 случаях из 800⁶.

Г. Лудольф в своей грамматике отмечает только флексию -ами (городами)⁷.

Книжно-риторические стили представляют творительный множ. муж. рода в другом состоянии. Здесь вполне господствует старая флексия -ы, -и. В «Сибирских летописях» на 381 случай употребления старой флексии -ы (-и) приходится лишь 48 случаев с флексией -ами. То же самое наблюдается и в «Сказании» Авраамия Палицына, в котором формы на -ами единичны⁸. Правда, случаев с новой флексией здесь относительно больше, чем в дат-ом и местном падежах. Систематически употребляется старая флексия и в ранних бытовых поведиях XVII в.⁹

¹ Веселова, 358.

² Черных, 295.

³ Жарких, 191.

⁴ Косовский, 258.

⁵ Кириченко, 113, 114.

⁶ Семиин, 335.

⁷ Б. А. Ларин, «Русская грамматика» Лудольфа 1696 г., Л., 1937. стр. 121.

⁸ Юстратова, 176.

⁹ Фролова, в. 13, 1955, стр. 223.

Приведем несколько примеров. Из «Сибирских летописей»:

...ино же достовѣрными мужи испытовахъ еже добре и некоснено повѣдаша ми явЕ. 106. По сем же приидоша и инии Остяки, со многими жъ дары и запасы ...205. ...отъ простыхъ людей избра Богъ и вооружи славою и ратоборствомъ и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Поволского со единомышленники ...237.

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

Горѣ убо и царие и пророцы со апостолы и со архангелы и ангелы припадаютъ, поюще ...12. Трапеза бо таковыхъ скаредная отъ лихоимѣний златыми и серебряными сосуды покрыта бѣяше ...25. ...посылает же хъ Крымскому царю зъ дары безчестны ...32. Врагъ же той Рострига умысли съ еретики посѣщи всякого чина отъ вельможъ и до простыхъ началствующихъ ...33. Ср.: ...смилосердовавшихъ же ся враговъ еретиковъ худяками и жонками нарицаху ...39. ...акабами печемся ...53.

Из «Повести о Савве Грудцыне»:

...юноши... поясы украшены златыми... 29.

МЕСТНЫЯ МНОЖ. Ч. МУЖ. РОДА

Местный множ. мужск. рода подобно дательному и творительному, тоже претерпел существенные изменения в деловом языке на протяжении XVII века. Флексию -ахъ он начал усваивать уже давно (конец XIII — начало XIV в.), но активизация и фактическое завершение того процесса падают на XVII век.

В деловых документах московских приказов 1-ой пол. XVII века местный множ. мужского рода оказывается наиболее прогрессивным по сравнению с дательным и творительным падежами. Он насчитывает 33% новых форм на -ахъ¹. И все же старая флексия еще вполне господствует.

«Часто» употребляются формы на -ѣхъ в языке Уложения 1649 г.².

Преобладает старая флексия и в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (36 слов со старой флексией, 24 слова с новой)³.

В воронежских грамотах XVII в. параллельно употребляются флексии -ѣхъ и -ахъ⁴.

Просторечие в «Житии» протопопа Аввакума использует преимущественно новую флексию -ахъ.

¹ Веселова, 365.

² Черных, 287.

³ Косовский, 272.

⁴ Жарких, 192.

В языке документов, связанных с восстанием С. Разина, новая флексия -ахъ тоже берет верх над старой¹.

В письмах и бумагах Петра I из 600 случаев местного множ. мужского рода на старые формы приходится 180².

Так эволюционирует местный множ. муж. рода в деловом языке XVII века.

Книжно-риторические стили обнаруживают значительное (иногда — полное) преобладание старой флексии. В «Сибирских летописях» на 116 случаев с флексией -Ехъ для твердого и мягкого вариантов приходится 60 случаев с флексией -ахъ (-яхъ) (в 11 случаях — колебания). Следует заметить, что в Есиповской летописи количество старых форм значительно больше, чем в Ремезовской. Эволюция языка, таким образом, заметна даже на материале одних «Сибирских летописей».

Вполне господствует старая флексия в языке «Сказания» Авраамия Палицына; формы «с окончаниями -ахъ, -яхъ буквально единичны и вызваны, очевидно, территориальной близостью существительного женск. рода в аналогичном падеже: ...по многихъ соблазнахъ и мукахъ ...513...»³.

Приблизительно та же картина — в оригинальных бытовых повестях XVII в. Явное засилие имеют старые формы, например, в «Повести о Савве Грудцыне»⁴.

В «Сказании» Авраамия Палицына даже имеют место старые окончания мягкого варианта, не смененные окончаниями твердого⁵.

Архаизирующие книжно-риторические стили проявляют склонность удерживать устаревшие формы со 2 палатализацией заднеязычных в исходе основы (деловой язык использует эти формы в виде очень редких исключений: Веселова обнаруживает только 3 таких случая, Черных — 2). Фролова, например, пишет: «Если основа оканчивается на задненебный звук, то старое окончание местного падежа обычно связано с сохранением явления второй палатализации»⁶.

Приведем некоторые примеры. Из «Сибирских летописей»:

О Сибирскихъ царѣхъ и князехъ. 106. «Отвращу лице мое отъ нихъ, яко прогнѣваша мя во идоলেখъ своихъ». 121. Вниде в слухъ благочестивому государю царю... о частыхъ приходехъ бусорменскихъ войною ...1. Ермакъ же... поиде на встречу к нимъ по реке Иртишу въ стругахъ. 287.

¹ Кириченко, 113.

² Семин, 341.

³ Юстратова, 179.

⁴ Фролова, в. 13, 1955, стр. 220, 221.

⁵ Юстратова, 178.

⁶ Фролова, в. 13, 1955, стр. 220.

...честный крестъ Господень ...два презвитера во священ-ныхъ ризахъ носяще в полцехъ ...356. ромчеса слыхъ о Ермаке и о казацехъ во всю Сибирскую страну ...332. Из «Сказания» Авраамия Палицына:

О зачалъ разбойничества и ворѣхъ во всей Росии. 18. Послѣдова же царь Борисъ въ нѣкихъ нравѣхъ царю Ивану Васильевичю ...18. ...тамо не мало отъ православныхъ злѣ погибоша отъ Кумыкъ и отъ Черкасъ въ проходѣхъ нужныхъ ...22. ...все умнии токмо плачюще, накинвениемъ же ни мало не смѣюще рещи нелѣпо о вразѣхъ Божиихъ ...31. ...на покаяние къ Господу не обращахуся, но радующеса въ торзѣхъ многимъ прибыткомъ ...32.

Из «Повести о Савве Грудцыне»:

...малыя же дни помедливъ, и сынъ его на устроенныхъ судѣхъ ...плавание творити начинаетъ. 23. ...знаемъ быше во многихъ градѣхъ благонаванного ради жития его ...23. ...преславнаго во иерарсѣхъ архиерея Божия ...37.

ДАТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. Ч. СРЕДНЕГО РОДА

Дательный множ. среднего рода был более восприимчив по отношению к новой флексии -амъ, нежели дат. множ. муж. рода.

Флексия -амъ в деловом языке получает здесь преобладание уже в начале века. Об этом свидетельствуют деловые документы московских приказов 1 пол. XVII в.¹ Преобладает флексия -амъ в документах, связанных с восстанием С. Разина². В сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» последовательно, за исключением 2 примеров, употребляется новая флексия -амъ³.

В Уложении 1649 г.⁴ и воронежских грамотах⁵ используются обе флексии, но их фактическое соотношение исследователями не приведено.

Письма и бумаги Петра I представляют картину полного преобладания новых форм (155) над старыми (15)⁶.

Книжно-риторические стили языка преимущественно используют старую флексию -омъ. Правда, в «Сибирских летописях» случаев с новой флексией несколько больше (11 : 8), но малое число примеров непоказательно. В «Сказании» Авраамия Палицына и других повестях Смутного времени гос-

¹ Веселова, 373.

² Кириченко, 113.

³ Косовский, 231.

⁴ Черных, 287.

⁵ Жарких, 187.

⁶ Семиин, 333.

подствует старая флексия -омъ¹. В ранних оригинальных бытовых повестях XVII в. тоже «почти исключительно» употребляется флексия -омъ (-емъ)².

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

Идѣже бо Поляки со измѣнники придуть къ непроходимымъ мѣстомъ... -и ту безъ ума стануть Поляки, не вѣдуще, что сотворити ...³⁹. ...якоже **капищемъ** идолскимъ прежде отъ великаго Владимира на славу Божию, нынѣ же на славу бѣсомъ съ Лютори злѣйши того содѣяша внуцы сихъ, мы и братия наша. ⁴⁵.

Из «Повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского»:

ПовЕдана бысть смерть царева царицѣ и **чадомъ** его ⁵⁷⁴.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. Ч. СРЕДНЕГО РОДА

Творительный множ. среднего рода в деловых документах московских приказов 1-ой пол. XVII в. представлен преимущественно старыми формами на -ы, -и. «...Новые формы наблюдаются только в единичных случаях»³. В Уложении 1649 г. тоже «обыкновенно употребляется старое окончание ы/и»⁴. Но с середины века в соотношении старых и новых форм происходит заметный перелом в пользу форм новых. Флексия -ами (-ями) преобладает уже в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (9 : 6)⁵, в документах, связанных с восстанием С. Разина⁶, в просторечии протопопа Аввакума, в письмах и бумагах Петра I (100 : 70)⁷.

Очень заметно отстают в усвоении новых форм книжнориторические стили языка XVII в. Новых форм здесь сравнительно немного.

Соотношение старых и новых форм в «Сибирских летописях» — 28 : 13. «Единичны» формы на -ми в «Сказании» Авраамия Палицына⁸ и близких к нему повестях Смутного времени. Преобладают архаические формы и в ранних бытовых повестях XVII века, но их здесь меньше, чем в муж. роде⁹.

Приведем примеры. Из «Сибирских летописей»:

...техъ сеуншиковъ пожаловал государь своимъ царскимъ многимъ жалованьемъ, денгами и сукны ...²⁸³.

¹ Юстратова, 174.

² Фролова, в. 13, 1955, стр. 217.

³ Веселова, 374.

⁴ Черных, 295.

⁵ Косовский, 258.

⁶ Кириченко, 113.

⁷ Семин, 338.

⁸ Юстратова, 176.

⁹ Фролова, в. 13, 1955, стр. 223, 226.

...ожесточишася сердца своими непоколебимо ...93.
...прияша ихъ с честью и даяху имъ дары многи, и **браш-**
ны и питании изобилно ихъ наслаждаху ...9. Ермакъ же
...ожесточишася сердца своими непоколебимо ...93.
было мочно изыскать **писмяны** и старейшинами людьми
о начале тое Сибирские земли ...272. ...сия же губа двема
устьи вниде во Акинъ морѣ прямо к Северу. 113. ...Остя-
ки, и Самоядцы, и Вогуличи со всякими бранными **ору-**
жии ...196.

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

Правила убо реченно есть многижды ...26.

Из «Повести князя И. М. Катыева-Ростовского»:

...царица же съ **чады** нача вопити жалобными гласы
...574. ...юноша зѣло чуденьъ образомъ и **дѣлы** ...579.

Из «Повести о Савве Грудцыне»:

...бЕ бо иерей той **лѣты** совершенъ ...35. ...уловляше
оного лстивыми **словесы** к падению блудному. 24. ...на-
чать всякими нелѣпыми **словесы** поносити его... 34.

МЕСТНЫЙ МНОЖ. Ч. СРЕДН. РОДА

Местный множ. средн. рода оказывается более прогрессивным по сравнению с творительным множ. среднего рода. В деловом языке новые формы в местном множ. ср. рода господствуют уже в начале века, как свидетельствуют деловые документы московских приказов 1 пол. XVII в.¹ Широко употребляются новые формы в языке Уложения 1649 г.² Флексия -ахъ, -яхъ преобладает в документах, связанных с восстанием С. Разина³, в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (соотношение новых и старых форм здесь = 10:3⁴, в просторечии протопопа Аввакума, в письмах и бумагах Петра I, где со старой флексией употребляются только 3 слова — место, дело, число⁵.

Весьма стойкой, напротив, выступает старая флексия -Ехъ в книжно-риторических стилях языка. В «Сибирских летописях» на 46 старых приходится лишь 14 новых форм. «Буквально единичны»⁶ новые флексии в «Сказании» Авраамия Палицына и близких к нему повестях Смутного времени. Старая флексия сохраняет свое господство и в ранних бытовых повестях XVII в.⁷

¹ Веселова, 375.

² Черных, 287, 291.

³ Кириченко, 113.

⁴ Косовский, 272.

⁵ Семи н, 343.

⁶ Юстратова, 179.

⁷ Фролова, в. 13, 1955, стр. 222.

Приведем примеры. Из «Сибирских летописей»:

...рыдаху на многъ часть, аки о чадѣхъ своихъ. 145. ...во многих мѣстехъ поставшиася гради... 161. ...мнози вооружении воины лѣтящи на крылехъ... 324. Улиян жѣ снискателен бѣ и хитръ о дѣлехъ... 348. ...нести пребывати в числехъ его. 354. ...о чудесѣхъ пресвятыя Владычеца наша Богородица и Приснодѣвы Марія... 106.

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

...много злата въ чрева наша проходить отъ воздуха и отъ земли и отъ водъ въ брашняхъ... 21. ...во всѣхъ крѣпкихъ мѣстѣхъ и въ домѣхъ еретическое насилowanie вселися. 30. ... да избить християнъ на величѣхъ полѣхъ... 33. На единой бо трапезѣ сѣдяще въ пиршествѣхъ во царствующемъ градѣ... 38. ...Поляки со измѣнники придуть къ непроходимымъ мѣстомъ въ лѣсѣхъ, и на рѣкахъ, и на болотѣхъ... 39.

Из «Повести о Савве Грудцыне»:

...уже бо престарѣлся в лѣтѣхъ... 23. ...на приступныхъ мѣстѣхъ всякия гарнаты поставляху. 33.

ДАТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. Ч. ОСНОВ ЖЕН. РОДА НА — Ъ

Дательный множ. основ жен. рода на — Ъ в деловом языке XVII в. оказывается более восприимчивым к новой флексии, нежели дательный множ. муж. рода. В деловых документах московских приказов 1 пол. XVII в. новая флексия лишь «незначительно» уступает старой¹. Очень интенсивно распространяет сферу своего употребления флексия-ямь в Уложении 1649 г.² Новая флексия преобладает в документах, связанных с восстанием С. Разина³, в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (10:4)⁴ и в просторечии протопопа Аввакума.

В воронежских грамотах XVII в. используется только флексия-ямь⁵. С середины века новая флексия становится уже ведущей, к началу XVIII в. — единственной⁶.

Более упорно сохраняется старая флексия в книжно-риторических стилях языка. Немногие примеры из «Сибирских летописей» (7 случаев со старой флексией — 8 случаев с новой), можно думать, непоказательны. В «Сказании» Авраамия Палицына и близких к нему сочинениях эпохи Смуты «преимущественно сохраняются старые формы...»⁷.

¹ Веселова, 380.

² Черных, 291, 296.

³ Кириченко, 113.

⁴ Косовский, 240.

⁵ Жарких, 188.

⁶ Семиц, 334.

⁷ Н. В. Юстратова, Становление склонения существительных в национальном русском языке (первая половина XVII ст.). «Ученые записки Кишиневск. гос. унив.», т. 9 (филологический), 1954, стр. 126.

Приведем примеры. Из «Сибирских летописей»:

...начаша во многихъ мѣстехъ казаковъ побивати, гдѣ обретаемы бываху по **волостемъ** и по улусомъ. 145. ...подлежитъ Маометовымъ **заповедемъ**... 187. ...имающе ихъ по темницамъ сажаху, а иныхъ **казнемъ** предающе... 263. ...есть избавление недугомъ и свобоженье **страстемъ**... 295. *Рядом употребляются «волостямъ» (253, 286), «речамъ» (310), «вЕстямъ» (10), «матерямъ» (315), «повЕстямъ» (324).*

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

Нѣмецъ же и Литву хранители и страже постави себѣ и всѣмъ **крѣпостемъ** царскаго дома... 30. ...ко градомъ и къ **весемъ** прибегаху... 36. ...яко по тимпану, ударивающе по сравным **частемъ**, смерти предаяху. 51.

Из «Повести князя И. М. Катырева-Ростовского»:

Поляцы же въ нощи той нападаша на полкы царевы, яко неистовственно дыхая на пролитие крови и на восхищеніе **корыстемъ**... 591.

МЕСТНЫЙ МНОЖ. Ч. ОСНОВ ЖЕНСК. РОДА НА-Ъ

Местный множ. основ женск. рода на-ъ в деловом языке начала XVII в. широко употребляет уже новую флексию — **яхъ**. В деловых документах московских приказов I полов. XVII в. обе флексии «одинаково употребительны»¹. Грамматический авторитет новой флексии интенсивно растет в Уложении 1649 г.², в документах, связанных с восстанием С. Разина³, полное преобладание флексия-яхъ получает в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (6 : 0)⁴, в просторечии протопопа Аввакума, в воронежских грамотах XVII в.⁵, в письмах и бумагах Петра I⁶.

Книжно-риторическим, архаизирующим стилям XVII в. удается дольше удерживать здесь старые, исконные формы (-ехъ из-ьхъ). Соотношение старых и новых форм в «Сибирских летописях» — 7 : 1. Архаическая флексия используется в «Сказании» Авраамия Палицына и других произведениях периода Смуты, в ранних бытовых повестях XVII в.⁷, в церковно-религиозных контекстах «Жития» протопопа Аввакума.

Приведем примеры. Из «Сибирских летописей»:

...жены ихъ и дѣти отъ Сибирцовъ ратныхъ приходу беречи Якову да Григорью в своих **крѣпостехъ**. 7. ...шихи ихъ в **повѣстехъ** истолковаша имъ, яко малой звѣрокъ,

¹ Веселова, 385.

² Черных, 291.

³ Кириченко, 113.

⁴ Косовский, 272.

⁵ Жарких, 191.

⁶ Семин, 344.

⁷ Фролова, в. 13, 1955, стр. 222.

Ермакъ... 328. ...начаша во многихъ местѣхъ, в волостѣхъ и в улусехъ, побивати Рускихъ. 340. ...на грудехъ и межъ крылецъ печати царские золотые орлы... 347.

Из «Сказания» Авраамия Палицына:

И аще случаемъ на бранѣхъ взять будетъ Поляки и Литвою добрый воинъ... 38. ...егда же корысть дѣлити, во градѣхъ или въ весѣхъ, то вся лучшая въ плѣнѣ. Поляки у нихъ силою отоимаху. 40. ...Поляки со измѣнники придуть къ непроходимымъ мѣстомъ въ лѣсѣхъ, и на рѣкахъ, и на болоѣхъ, и на ржавцехъ, и на топѣхъ... 39.

* * *

Приведенный в систему большой материал по именному склонению в языке XVII в. позволяет сделать некоторые замечания о процессе унификации флексий -ам, -ами, -ах в дат., твор., мест. множ. числа.

Никаких сомнений не вызывает последовательность всех трех родов в усвоении новых флексий: средний род наиболее прогрессивен, мужской род всего более консервативен¹.

В среднем роде по времени и темпам усвоения новых флексий падежи располагаются в следующем порядке: дательный, местный, творительный; в женском роде на -ь: местный, дательный, творительный; в мужском роде: местный, творительный, дательный.

В склонении существительных женского рода на -ь местный и дательный падежи усваивают новые флексии с приблизительно одинаковой степенью интенсивности². В пользу местного падежа говорят данные деловых документов московских приказов первой половины XVII в. (Веселова) и сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», в пользу дательного падежа свидетельствуют «Сибирские летописи». Но малое число примеров из «Сибирских летописей» делает эти примеры непоказательными.

В мужском роде раньше других падежей начинает усваивать новые флексии местный падеж (см. показания деловых документов московских приказов первой половины XVII в., сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», просторечия протопопа Аввакума, очень убедительные показания «Сибирских летописей» и писем и бумаг Петра I). Здесь совпадают свидетельства памятников различного жанра и стиля.

¹ См. выше.

См. еще В. М. Марков, Формы имен в языке судебников XV—XVI веков. «Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», языковедение, т. 116, кн. III, 1956, стр. 71.

² Ю. П. Ульянов, «История склонения имен существительных с основой на — й в памятниках русской письменности XI—XVII вв.», канд. диссертация, М., 1956, стр. 251.

Что касается дательного и творительного падежей, то наибольшую стойкость в сохранении старых форм проявлял дательный падеж. В дательном падеже старая флексия преобладала еще в письмах и бумагах Петра I, тогда как в творительном падеже новая флексия получила преобладание уже в языке Г. Котошихина и документов, связанных с восстанием С. Разина.

Эти выводы об особой консервативности дательного падежа в сравнении с творительным противоречат мнению многих исследователей о наибольшей консервативности творительного падежа¹, а также свидетельству языка М. В. Ломоносова, который «с известным простором»² пользовался творительным падежом на -ы, -и, в то время как дательный падеж уже не знал старых форм.

История творительного падежа нуждается еще в пристальном изучении, но представляется возможным присоединиться к мнению С. В. Фроловой о том, что старый творительный долго удерживался благодаря своей особой стилистической выразительности³. Таким образом, творительный мог раньше дательного начать усвоение новых форм, но несколько дольше дательного сохранять старые формы, снабженные в письменной традиции повышенной стилистической экспрессивностью.

Есть некоторые противоречия в показаниях конкретного материала по склонению существительных в XVII в. Материалы Уложения 1649 г. и воронежских грамот XVII в. указывают на особую прогрессивность дательного и местного падежей основ женского рода на -ь, что дает проф. П. Я. Черных основания считать очагом распространения новых флексий -ам, -ами, -ах именно существительные женского рода на -ь⁴. Это мнение не подтверждается ни данными остальных исследованных памятников XVII в., ни данными языка XVI в.⁵ Представляет-

¹ В. Унбеган. *La langue russe au XVI siècle (1500—1550)*, v. 1, Paris, 1935, стр. 194 и след.

И. В. Ягич, *Критические заметки по истории русского языка*, СПб, 1889, стр. 116.

С. П. Обнорский, *Именное склонение в современном русском языке*, в. II, 1931, стр. 349.

² С. П. Обнорский, *Именное склонение...*, в. II, стр. 350.

³ Фролова, в. 13, 1955, стр. 231.

⁴ Черных, 291, 296.

⁵ В. Унбеган. *La langue russe au XVI siècle*, Paris, стр. 198.

М. А. Соколова, *Очерки по языку деловых памятников XVI в.*, Л., 1957, стр. 129.

В. М. Марков, *Формы имен в языке судебников XV—XVI вв.*, ст. 79. См. еще Ю. П. Ульянов, *История склонения имен существительных с основой на й в памятниках русской письменности XI—XVII вв.*, канд. диссертация, М., 1956, стр. 222, 250;

«Из истории развития унифицированных флексий — ам, -ами, -ах в склонении имен существительных. (На материале памятников русской письменности XI—XVII вв.)». Чарджоуский госуд. пед. институт. *Ученые записки*, в. 4, 1958, стр. 147.

ся, что свою роль в языке Уложения и воронежских грамот могло сыграть заударное яканье¹, но не ясно, почему оно резко проявляется в одних памятниках и отсутствует в других.

Анализ материала показывает наличие большого числа дублетных падежных форм в языке XVII в., причем обнаруживается явственная тенденция к их стилистической дифференциации. Широкое использование вариантных морфологических средств в стилистических целях ставит язык XVII в. в особое положение по сравнению с другими этапами развития русского литературного языка и представляет благодарный материал для дальнейших исследований.

---

¹ Черных, 84.

З. С. МЕДВЕДЕВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ОСНОВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(О взглядах академика А. А. Шахматова)

I.

После Великой Октябрьской революции, особенно с 30—40 годов, вопрос о происхождении русского литературного языка занял центральное место в разработке истории русского литературного языка древнего периода. По словам проф. Е. С. Истриной, «являясь одним из коренных вопросов изучения русского языка вообще», он «представляется особенно назревшим и важным в настоящее время»¹.

На IV Международном съезде славистов академик В. В. Виноградов значительно усилил актуальность этого вопроса для современной науки: «Вопросы образования и развития литературных языков в настоящее время относятся во всем мире к числу актуальнейших проблем современного языкознания»².

Но было бы неправильно думать, что эта проблема стала такой животрепещущей только в наше время: этот вопрос имеет свою длительную историю, отображающую большой и сложный путь исканий и разнообразных решений.

Данная работа не ставит себе задачей исчерпать или расширить обширную историографию этого вопроса³, она стре-

¹ Е. Истрина. Ак. С. П. Обнорский «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода». Вестник Академии Наук СССР, 1946 г., № 10, стр. 124.

² В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958, стр. 24.

³ См. С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, СПб, 1904; С. И. Бернштейн. А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка. Вступительная статья к «Очерку современного русского языка» А. А. Шахматова, изд. 4-е, 1941; В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке. «Ученые записки МГУ» вып. 106, 1945; Его же. Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова. «Ученые записки МГУ», вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1, 1948. Его же. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. IV Международный съезд славистов. Доклады М., 1958.

мится выявить наиболее четко и полно взгляды академика А. А. Шахматова на происхождение русского литературного языка, привлекая моменты предшествующей разработки этого вопроса для выяснения связи, исторической преемственности и истоков его концепции.

В своих работах о Шахматове В. В. Виноградов отмечает: «В истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова¹.

«История русского языка в ее современном состоянии носит на себе неизгладимую печать шахматовского влияния. Даже борьба с теориями Шахматова чаще всего ведется при помощи того оружия, а иногда и тех средств, которые извлекаются из научных арсеналов самого же Шахматова»². Указывая на то, что теория Шахматова о происхождении русского литературного языка «оказала огромное влияние на последующие работы по истории русского языка старейшей поры»³, Виноградов вместе с тем замечает, что процесс развития русского литературного языка изображен Шахматовым «очень недифференцированно и даже противоречиво», выступает «целый ряд неясностей и контрастов»⁴.

Многогранное наследие Шахматова сложно и противоречиво и, как всякое сложное жизненное явление, может быть правильно освещено и понято только с позиций марксистско-ленинской методологии. Творчеству Шахматова посвящен ряд больших ценных работ, но многие стороны наследства этого большого ученого остаются еще до сих пор недостаточно изученными, в частности это можно отнести и к взглядам Шахматова на происхождение русского литературного языка.

Общеизвестно, что Шахматов многие научные положения, выдвинутые им в ранний период научной деятельности, затем уточнял, исправлял, перерабатывал, а иногда и отвергал, что наблюдается и в его взглядах на происхождение древнерусского литературного языка. Однако это обстоятельство обычно не учитывают и, когда говорят о «теории Шахматова», опираются на его ранние высказывания, поэтому можно утверждать, что общепринятое мнение о концепции Шахматова искажает подлинные его воззрения.

В. Д. Левин и А. Д. Григорьева. Вопросы о происхождении и начальных этапах русского литературного языка в русской науке. «Ученые записки Московского городск. педагогич. института им. В. П. Потемина», т. 51, 1956, Кафедра русского языка, вып. 5.

¹ В. В. Виноградов. Алексей Александрович Шахматов. Пгр., 1922, стр. 56.

² Его же. Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова. «Ученые записки МГУ», вып. 128, кн. 1, 1948, стр. 34.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 32.

Данная работа пытается осветить концепцию Шахматова в ее внутреннем противоречивом историческом развитии и установить ее место среди других подобных концепций.

II

Вопрос о происхождении и составе древнерусского литературного языка не раз освещался и дебатировался в русской лингвистической литературе, существует несколько теорий о возникновении русского литературного языка¹, но наиболее отчетливо выделяются в наше время две полярно противоположные концепции, известные под именем «теории Шахматова» и «теории Обнорского»². «Теорию Шахматова», длительное время общепринятую в науке, рассматривают обычно как наиболее развернутое и яркое выражение господствовавших взглядов дореволюционной русской лингвистики, утверждавших заимствованное происхождение русского литературного языка из древнеболгарского. Разработанную в советское время «теорию Обнорского», отвергающую чужеродность происхождения русского литературного языка и утверждающую русскую, восточнославянскую, основу его с древнейших времен, рассматривают в науке как антитезу «теории Шахматова».

Каждая из этих теорий имеет свою историю и глубокие корни в прошлом нашей науки, и названные ученые являются продолжателями определенных линий в разработке этого вопроса. Замечательно, что эти два резко противоположных взгляда ведут свое начало из глубин седой древности. Спор начинается с первых же памятников письменности, с древнейших наших сказаний.

Сторонники заимствованного происхождения русского литературного языка из древнеболгарского — ак. А. А. Шахматов и другие — опираются на показания древнейшего летописного свода (списки XIV в. и более поздние), а именно: Сказание о предложении книг на словенский язык под 6406/898 годом, рассказ об обращении Владимира в христианство под 6488/980 — 6523/1015 годами, сообщение о переводах с греческого языка на русский, предпринятых при Ярославе под 6545/1037 годом.

Содержание этих летописных сказаний недостаточно определено, туманно, допускает различные толкования. Но есть и другие древние сказания: и в списках паннонского жития Константина Философа, и в составе «Сказания о грамоте русстей», и в списках полной редакции Толковой Палеи, — где вопрос о

¹ См. указанные выше историографические обзоры, стр. 413—414.

² См. также новую концепцию, выдвинутую В. В. Виноградовым.

В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. IV Международный съезд славистов. Доклады. Москва, 1958 г.

начале русской письменности решается иначе: начало русской письменности относится к IX веку и заимствование отвергается. На эти сказания ссылаются сторонники русской основы русского литературного языка, как например И. И. Срезневский¹.

Не касаясь вопроса об исторической достоверности и подлинности сведений этих сказаний, отмечу лишь, что вопрос о происхождении русской письменности был поставлен с самого начала русской истории. Любопытно, что в наиболее древних наших преданиях он уже освещается двояко и освещение его в памятниках отличается острой полемической заостренностью. В течение веков, на протяжении всего периода развития русского литературного языка, можно указать сторонников как той, так и другой концепции и проследить развитие напряженной борьбы между ними.

Концепция заимствованного происхождения и церковно-славянской основы русской письменности являлась вплоть до нашего времени преобладающей, господствующей, но одновременно непрерывно шло развитие и другой линии, которая особенно ярко всегда выявлялась в переломные моменты русской истории и была связана с прогрессивными течениями русской общественной мысли. Так в XVIII веке утверждение русского происхождения русского литературного языка исходит от великого Ломоносова². В начале XIX века, когда закладывается научный фундамент истории древнерусской письменности, «условия возникновения русского литературного языка, первые этапы его развития становятся предметом оживленных горячих споров в русской филологической литературе»³.

Резко разграничиваются две линии в теоретических построениях по данному вопросу. Основные положения «теории Шахматова» и «теории Обнорского» с теми или иными вариациями можно встретить в работах многих филологов XIX века. При наличии разного освещения отдельных положений в той или другой теории у различных авторов, все же совершенно определенно выступает основной принцип, который четко делит их на два направления. Таким основным принципом — предметом ожесточенной полемики — является признание исходных и основных начал русского литературного языка заимствованными или собственно русскими. Почти все русские филологи XIX—XX вв. констатируют в языке древнерусской письменности наличие как русских, так и старославянских эле-

¹ И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб, 1887, стр. 32.

² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. VII, М.—Л., 1952, стр. 899.

³ В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке, стр. 47.

ментов, но вопрос о происхождении и основе русского литературного языка остается предметом спора.

Сторонники господствующего направления, хотя и признают наличие русских элементов в структуре древнерусской письменности, утверждают, что основные, преобладающие и коренные начала русского литературного языка являются не русскими, а старославянскими, которые и создают литературный профиль языка, а «руссизмы» — это элемент привходящий, менее значительный и подчиненный старославянскому началу. Некоторые сторонники этого направления, как напр. К. С. Аксаков, утверждают даже, что роль русских элементов в системе древнерусского литературного языка является «отрицательной», что они «грубы», «портят» и «искажают» правильность и литературность речи¹. К этой оценке Аксакова присоединяется позже и академик А. Н. Соболевский, который заявлял, что русский язык «мог похвалиться только крайнею простотою синтаксических оборотов и единообразием своего словаря», что им пользовались только «люди со слабым образованием», что «в первое время распространения у нас церковнославянских текстов русской оригинальной литературы совсем не существовало»². Утверждение заимствованного происхождения и старославянской основы русского литературного языка в XIX и начале XX века достаточно ярко выражено в работах М. А. Максимовича³, К. С. Аксакова⁴ и А. И. Соболевского⁵. Это направление приобретает много сторонников, становится широко распространенным и укореняется в силу соответствия «господствующим тогда общим представлениям о характере всей древнерусской культуры о ее всецелой зависимости от болгаро-византийской культуры»⁶.

Наблюдение над содержанием и обоснованием основных положений господствовавшей концепции приводит к выводу, что высказывания представителей этой линии явно основаны на принципах идеалистической философии, особенно ярко выраженных в форме объективного идеализма в построениях К. С. Аксакова; субъективный идеализм ярко сказывается,

¹ К. С. Аксаков. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, М., 1846 г., стр. 127, 182, 214, 275.

² А. И. Соболевский. Русский литературный язык (Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, СПб, 1904, стр. 365—366).

³ М. А. Максимович, Собрание сочинений, Киев, 1880, т. III, «История древнерусской словесности», стр. 78—79, 440, 443.

⁴ К. С. Аксаков. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, М., 1846 г.

⁵ А. И. Соболевский. Русский литературный язык. Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, СПб, 1904.

⁶ С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов. Рецензия на книгу академика С. П. Обнорского «Очерки по истории Русского литературного языка старшего периода» (Журнал «Советская книга», № 1, 1941, стр. 110).

например, в работе С. К. Булича¹. Выступает и тесно связанное с этим мировоззрением чрезмерное преувеличение роли церковного влияния и религиозной идеологии в развитии русской культуры и русского литературного языка. В этом сказались характерное свойство идеализма, на которое указывал В. И. Ленин: «идеализм есть одностороннее, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, оторванный от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина»². Чрезвычайно характерно также для представителей этой линии некритическое воспроизведение лингвистических и философских взглядов Западной Европы: «шелуха гегелизма»³ в лингвистических построениях Аксакова; ссылки на Запад у Соболевского; пренебрежение или унижение самостоятельного значения русской культуры вообще и русского литературного языка, в частности, что особенно ярко проявилось в оценке «Слова о полку Игореве». Этот памятник является как бы пробным камнем: по оценке этого произведения можно определять сторонников того или другого из указанных лингвистических направлений. В то время, как сторонники русского происхождения и русской основы русского литературного языка рассматривают «Слово о полку Игореве» как достояние древнерусской языковой культуры, представители традиционного направления либо рассматривают его как произведение церковнославянского языка (Максимович), либо, признавая особый строй его языка, отличающийся от языковой церковнославянской системы, выражают сомнение в его подлинности и отрицают возможность его возникновения на русской почве (Аксаков), либо, соглашаясь с тем, что это произведение русское, не считают, однако, возможным рассматривать язык этого произведения, как язык литературный (Соболевский).

Утверждение русского происхождения и русской основы русского литературного языка тесно связано с именами передовых деятелей нашей науки: М. В. Ломоносова, М. Г. Каченовского, Н. М. Карамзина, Н. И. Надеждина, И. И. Срезневского, М. И. Сухомлинова. Им пришлось вести упорную борьбу с реакционными воззрениями о неспособности русского народа создать собственную культуру, самостоятельный литературный язык. Отстаивая честь русской науки и творческие возможности русского народа, они стоят на точке зрения самобытного возникновения русского литературного языка и его русской коренной основы. Не отрицая значительности роли старославянизмов в структуре нашего литературного языка, особенно

¹ С. К. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. 1, 1893.

² В. И. Ленин. Философские тетради. Сочинения, изд. 4, т. 38, стр. 360—361.

³ Выражение Д. Н. Писарева («Наша университетская наука»).

в древней Руси, ученые этого направления не выдвигают чрезмерно эту роль, не преувеличивают, а ограничивают ее. Чрезвычайно характерно для этой линии воззрений и резко отрицательное отношение к «чужездству», «европеизму», и подчеркивание значения русской культуры, науки, русского литературного языка (Надеждин)¹. Произведения древнерусской письменности рассматриваются не как уродливое искажение старославянского языка, а как «слог мерный и изящный» (Срезневский)², как «роскошное начало письменного употребления русского слова» (Сухомлинов)³. Работы сторонников этого направления — не холодные сухие трактаты, а яркая, эмоциональная, полемически заостренная речь, проникнутая чувством горячего патриотизма. Основные утверждения их исходят не из предвзятых абстрактных философских схем (как, например, у К. С. Аксакова), а вытекают из тщательного, напряженного изучения строя древнерусского литературного языка, народных говоров, других славянских языков. И Надеждин, и Срезневский, и Сухомлинов — прекрасные знатоки в этой области, о чем свидетельствуют их научные труды, из которых наиболее выделяется огромное научное наследие Срезневского и особенно его замечательные «Материалы для словаря древнерусского языка» — сокровищница лексического и стилистического богатства древнерусской письменности до XIV века.

Наличие двух диаметрально противоположных воззрений на происхождение и состав русского литературного языка, весь исторический ход создания этих концепций и самое содержание их основных положений тесно связаны со всем ходом исторического развития русской культуры и являются, по-видимому, отражением двух основных линий во всей русской культуре, указанных В. И. Лениным, который писал, что в условиях классового общества нет единой нации и нет единой национальной культуры; в русской нации было по существу две нации, и в русской культуре — две культуры, революционной демократии и реакционной буржуазии⁴. Рассматривая выдвинутые две различные лингвистические гипотезы о происхождении русского литературного языка в свете приведенного указания В. И. Ленина, следует признать, что гипотеза старославянского происхождения русского литературного языка в XIX веке выдвигалась и исходила из реакционных кругов русской общественной мысли, а гипотеза русского происхождения

¹ Н. И. Надеждин. Европеизм и народность (Журнал «Телескоп», № 1, 1836).

² И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка, СПб, 1887, стр. 91.

³ М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи как памятнике литературном, СПб, 1856, стр. 221—222.

⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-ое, т. 20, стр. 16.

русского литературного языка отставалась прогрессивными деятелями русской науки.

В XX веке в дальнейшем развитии этих двух гипотез замечается резкий перелом. Господствовавшая теория, несмотря на поддержку со стороны таких крупных лингвистов, как ак. Соболевский и ак. Шахматов, постепенно сдает свои позиции (частично уже в работах этих исследователей), подвергается в науке всесторонней проверке и критике, утрачивает свое господствующее положение, признается ненаучной и отвергается. Выдвигаются другие предположения и гипотезы о происхождении русской письменности и русского литературного языка: акад. В. И. Ламанского¹, который, рассматривая вопрос о возникновении русской письменности, отмечал высокую народно-языковую культуру древней Руси XI века; акад. Н. К. Никольского², обратившего внимание на тесную связь древнерусского литературного языка с западнославянской культурой; Л. П. Якубинского³, взгляды которого близки к теории акад. С. П. Обнорского⁴, который в результате языкового анализа ряда древнерусских памятников письменности выступил с опровержением так называемой теории Шахматова и возродил теорию русского происхождения русского литературного языка. Эта теория становится в центре внимания наших лингвистов и усиленно разрабатывается советским языкознанием⁵.

На IV Международном съезде славистов проблемы образования и развития древнерусского литературного языка получили новое освещение в сообщении академика В. В. Виноградова⁶, указавшего на недостаточную разработанность этого вопроса и на недопустимость излишней прямолинейности и односторонности в его разрешении.

III.

В построениях ак. А. А. Шахматова последний яркий отблеск господствовавшей в его время теории свидетельствует совсем не о расцвете этой теории, а именно о ее угасании. Не-

¹ В. И. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник, 1904.

² Н. К. Никольский. «Повесть временных лет», как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. 1, 1930.

³ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, М., 1953.

⁴ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946 г., а также его же, «Русская правда», как памятник русского литературного языка. «Известия АН СССР, Отделение общественных наук, 1934, № 10.

⁵ В работах П. Я. Черных, Д. С. Лихачева, Ф. Н. Филина и ряде других.

⁶ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.

смотря на то, что Шахматов является завершителем этой линии, его нельзя, как это обычно делают, ставить в один ряд с предыдущими представителями этой концепции, так как он уже значительно отходит от их воззрений и стоит как бы на грани двух эпох и двух направлений русской лингвистики, представляя исключительно глубокое творческое обобщение богатейшего прошлого опыта и определяя пути дальнейшего продвижения науки.

Академик А. А. Шахматов свои взгляды на происхождение русского литературного языка изложил в ряде трудов. Впервые его взгляды, известные под именем «теории Шахматова» намечены в 1 части «Курса истории русского языка» (литограф.), прочитанного им в Петербургском университете в 1908—1909 уч. году; более подробно, с некоторыми изменениями она обоснована во вступительной главе к «Очерку современного русского литературного языка» (курс, прочитанный в Петербургском университете в 1911—1912 уч. году); наконец, в статье «Русский язык, его особенности...» (1916 г.) эти ранее высказанные положения уже значительно изменены автором. Более бегло те же положения излагаются: 1) во «Введении в курс истории русского языка», ч. 1 (Петроград, 1916 г.) и 2) во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» (Энциклопедия славянской филологии, ИОРЯС, вып. 11, Петроград, 1915).

Для того, чтобы лучше уяснить основные положения теории А. А. Шахматова, рассмотрим его работы в их хронологической последовательности, раскрывая присущие им противоречия, которые привели к отрицанию «теории Шахматова».

I. В «Курсе истории русского языка» (1908—1909 г.) акад. Шахматов выдвигает следующие положения:

1. О начале древнерусской письменности и характере графики

«Наша древняя письменность восходит к X веку... в то время не было грамотных русских людей, а если и были грамотные, то только такие, которые умели писать по-гречески и по-древнеболгарски, а не по-русски. Во второй половине X века... число грамотных русских людей стало увеличиваться, но и в это время не существовало грамотности русской, русские люди писали по-древнеболгарски»¹.

Это утверждение Шахматова основывается на наличии договоров русских с греками от 907, 911/945 и 972 годов, но Шахматов при этом не учитывает, что в этих договорах упоминается об уже существующей на Руси письменности до X века. На каком языке и какими буквами писались эти договоры в науке до сих пор не известно. Поэтому это положение является лишь априорным предложением.

¹ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. 1, 2-ое изд. СПб, 1910—1911, литограф., стр. 184—185.

2. О книгах и языке русской церкви

«Русский человек усвоил себе от болгар не только письменность, не только книги, но также и самый язык, ставший языком богослужения, проповеди, духовной беседы»¹.

«Следствием распространения в южной Руси христианства... было появление на Руси болгарских священников и учителей, а также болгарских богослужебных книг. От X века таких книг до нас не дошло; но от XI века имеем несколько... все они писаны не русским языком, а древнеболгарским»².

«Древнеболгарский язык отличался от древнерусского весьма существенно в нескольких звуковых чертах, оказавшихся неусловными для русско уха» (носовые, слоговые г, л). В силу этого, говорит Шахматов, древнеболгарские звуки произносятся на русский лад. «Между живой русской речью и письменным языком оказывалось средостение в виде живого церковного произношения»³, которое отражается и в графике. Такие написания, как **пърсть — пьръсть, вълкъ — вьлькъ**, — следует, говорит Шахматов, понимать «как передачу русского церковного произношения болгарских звуков»⁴.

«Уже в памятниках XI-XII в. мы видим в церковных книгах, евангелиях, минеях, псалтырях и т. п. даже местные диалектические особенности»⁵.

...«Церковный язык превращается постепенно в одну из разновидностей русской речи... церковная речь, несмотря на свое обрусение, несмотря на демократизацию свою, проведенную, правда, в ограниченных пределах, не может сломить той гордыни, с которою она вступила на русскую почву: ее ассимиляция русскому языку была недобровольная, она была результатом упорной и продолжительной борьбы; своего обоснования, своего очищения церковная речь жаждала получить извне; народный поток представляется зараженным и ненадежным: не к нему, конечно, обратится церковная речь за исцелением ран и недугов, понесенных ею в борьбе с русским народным началом... сербы и болгары нахлынули в конце XIV века... Они ответили чаяниями русского духовенства, жаждавшего реформы, понимавшего, что почва ускользает из-под его ног под напором светского своего соперника... в русские богослужебные книги вкрались искажения и ошибки... Под руководством прибывших сербов и болгар быстро меняется внешний облик сначала церковных, а потом и светских книг; на смену своего самобытного, выработанного правописания»

¹ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. 1, 2-ое изд., СПб, 1910—1911, литограф., стр. 186.

² Там же, стр. 185—186.

³ Там же, стр. 191.

⁴ Там же, стр. 188.

⁵ Там же, стр. 196.

сания появляется чуждое и притом явно придуманное, вымученное письмо»¹.

Это положение Шахматова, если его рассматривать в применении к стилю только узко ограниченных жанров, т. е. стилю богослужебных книг и языку русской церкви, ярко рисует историю его развития и борьбы с русским литературным языком. И в таком применении это положение никем не оспаривается. Однако сам Шахматов понятие и функции церковного языка значительно расширил.

3. О разговорном литературном языке

«Церковный язык был не только письменным языком, он становился... языком образованных классов, тем живым языком, на котором говорило между собою духовенство... князья и бояре».

«Язык образованных классов древней Руси был по происхождению своему языком церковным, постепенно обрусевшим, а не наоборот — русской живою речью, подвергшейся церковному влиянию»².

Это априорное, ничем не обоснованное положение Шахматов впоследствии заменил другим, более правдоподобным (см. ниже стр. 431).

4. О письменном литературном языке

«Древнеболгарский язык, ставший на Руси языком церкви, получил вместе с тем значение письменного языка»... «русские особенности сначала вообще с трудом пробивались в письменный язык... когда же этот язык обрусел, традиция и школа оберегали его от вторжений диалектических особенностей». Однако Шахматов замечает, что «достаточно было двух-трех поколений — и этот — церковный язык, не утрачивая своей книжности и авторитетности, оказался и в звуковом, и в словарном отношении близким к живому народному языку, но отличался от него разнообразными чертами»³.

Шахматов здесь так же, как и другие ученые, повторяет традиционное сопоставление развития русского литературного языка с развитием литературных языков в западной Европе: «Следовательно, древняя Русь не избежала того самого явления, которое было пережито на Западе всеми народностями: свои чувства и думы пришлось выражать не на родном, а на иноземном языке». Однако Шахматов устанавливает отличие в развитии русского литературного языка: 1) в том, что

¹ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. 1, 2-ое изд. СПб, 1910—1911, литограф., стр. 201, 203, 205.

² Там же, стр. 198, 200.

³ Там же, стр. 193, 183, 199.

заимствован был язык родственный; 2) «в противоположность немцам, у нас русский родной язык получает право гражданства очень скоро»; 3) «у народного языка на Руси оказался более упорный и стойкий противник, чем на Западе»¹.

Таким образом, по вопросу о происхождении русского письменного литературного языка Шахматов ограничивается лишь повторением традиционных положений господствовавшей тогда теории, не пытаясь ни проверить, ни обосновать их.

5. О языке памятников древнерусской письменности

I. «В большинстве памятников как древних, так и более новых периодов перед нами не русский по происхождению язык, а древнеболгарский, сначала сблизивший с русским свое произношение, а потом постепенно переполнявшийся русскими в области звуков, форм, лексики. И этот церковный язык держался не только в переводных книгах, но... появился и в самостоятельных русских произведениях как духовного, так и светского содержания»².

«Жизненный путь этого церковного языка раздваивается: в своем церковном, церковно-учительном направлении он будет крепко держаться традиции... в своем светском гражданском употреблении ему необходимо идти навстречу живой жизни»³. Но «лишь спустя долгое время наступает заметная и отчетливая дифференциация между письменностью церковной и гражданской, светской и духовной»⁴. Шахматов выделяет памятники юридические и грамоты, где «можно наблюдать довольно чистые образцы народной речи»⁵.

Здесь снова повторяются утверждения традиционной теории, но без той презрительно-пренебрежительной окраски в обрисовке русских элементов, какую находим, например, у Аксакова и Соболевского. Намечается более четкое жанровое деление литературного языка: церковный, светский, деловой, хотя первые два жанра почти отождествляются.

Таким образом, в этой более ранней работе А. А. Шахматов лишь повторяет основные априорные предположения традиционной теории, уделяя в связи с этим наибольшее внимание именно языку церковному, с которым он почти сливает литературный язык древнерусской письменности, признавая права русских элементов только в деловой речи.

II. Несколько позднее, в «Очерке современного русского языка» (1-ое литограф. изд. — СПб, 1913 г.) ак. Шахматов

¹ Там же, стр. 200—201.

² Там же, стр. 209. (Здесь и в дальнейшем выделено мною — З. М.).

³ Там же, стр. 194.

⁴ Там же, стр. 194.

⁵ Там же, стр. 210, 215.

предметом своего исследования уже берет именно русский литературный язык, освещая не только его современное состояние, но и его историю. В главе о происхождении русского литературного языка автор прежде всего обращает внимание на то, что «русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил»¹.

Снова здесь повторяется, что «по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие»². Снова проводится сопоставление с литературными языками средневековой Европы, но здесь это сопоставление звучит уже иначе, чем в вышеуказанной работе. Если там оно было, по-видимому, предназначено для доказательства того, что «древняя Русь не избежала того самого явления, которое было пережито на Западе всеми народностями» лишь с некоторыми отличиями, то здесь, в соответствии с соображением, высказанным с самого начала, о том, что едва ли русский язык может быть сопоставлен в своем развитии с другими языками, Шахматов развивает мысль не о сходстве, а о коренном различии: «С церковнославянским языком в России дело обстояло иначе»³. Шахматов здесь не говорит уже о том, что церковный язык был упорным и стойким противником, а, наоборот, он сразу «стал неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка... Памятники XI в., т. е. первого столетия по принятии Русью христианства, доказывают, что уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело, ...русские люди обращались, следовательно, уже тогда с церковнославянским языком как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением, не прибегая к иноземному учительству для его усвоения и понимания»⁴.

Это утверждение Шахматова о близости церковнославянского языка первых памятников нашей письменности к древнерусскому народному языку почти сходно со взглядами Срезневского, расходясь, однако, с ними в существенном вопросе об основе древнерусского литературного языка. В этой работе

¹ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, изд. 4-ое, М., 1941, стр. 60.

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 61.

Шахматов, подчеркивая силу и мощь русского народного языка, сумевшего с первых же веков письменности претворить заимствованный из Болгарии язык в свой, все же основой языка по-прежнему считает язык старославянский, а русские элементы — привходящими. «Церковнославянские элементы, — говорит он, — не могут быть рассматриваемы, как элементы наносные, как заимствования, напротив, это остатки того общего церковнославянского основания, в которое постепенно пробивали себе путь, вытесняя эти исконные элементы, русские слова, русские формы и звуки»¹.

В качестве аналогии Шахматов ссылается на историю английского языка, где во франко-романскую основу постепенно проникали народные англосаксонские элементы. Но это только сравнение и, в силу правильной французской поговорки «*comparaison n'est pas raison*», не является доказательством тождества исторических процессов. Церковнославянский язык рассматривается как исконная и нерушимая основа, в которую «русская стихия пробивалась... постепенно и неравномерно: прежде всего... вторглись элементы южнорусские, украинские... Эти древнейшие русские элементы с течением времени стерлись, уступив место другим в Руси северовосточной.² «Московское наречие... с течением времени всосалось в весь чужеземный его организм... превратило книжный язык церковнославянский в близкое к себе, в существе тождественное наречие; но наречие это... было богаче самого московского наречия, ибо заключало в себе... крепкий остов языка церковнославянского»³.

Таким образом, здесь русские элементы в древнерусском книжном языке домосковского периода признаются стихийными, временными, наносными, которые лишь вторгаются в язык и, стираясь с течением времени, исчезают, а «крепкий остов» церковнославянского языка остается неизменным. В этом утверждении и по стилю и по существу звучат отголоски идеалистической метафизики К. С. Аксакова, утверждавшего неизменность и вечность церковнославянского языка.

Изложенными соображениями обусловлено определение современного русского литературного языка, который является древнеболгарским языком, но «пересаженный в Россию в качестве церковного языка»..., он «подвергся обрусению, проникся живыми народными элементами»...⁴. «Таким образом, — говорит Шахматов, — в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе,

¹ Там же, стр. 62.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 68—69.

⁴ Там же, стр. 69.

во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южно-руссизмы, украинизмы)»¹.

Отсюда же вытекает и методологическая установка: «Первой и существенной задачей при анализе современного русского литературного языка... является определить церковнославянские элементы, сохранившиеся в этом языке»...²...«определив и выделив из нашего литературного языка... элементы, основные (церковнославянизмы) и наносные (украинизмы), мы можем сосредоточить свое исследование на том современном его облике, который определяем как великорусский»³.

Соответственно этой установке построено все дальнейшее изложение.

Это определение и методология исследования явно ориентируют на механистический подход к изучению литературного языка, изображаемого как простой конгломерат застывших и постоянных языковых элементов, в которых отмечаются лишь механические изменения количественного их соотношения. Язык не изображается как живой процесс человеческой деятельности, как общественное явление. По замечанию проф. С. И. Бернштейна: «Не ограничиваясь объяснением пережиточных явлений и колебаний в языковой практике, свидетельствующих о происходящих в языке исторических процессах», Шахматов «пытается... заменить выяснение живой связи между одновременно возникшими и существующими фактами языка выяснением их происхождения»⁴. Эта методология ярко выступает в самом исследовании при выделении церковнославянских элементов, выделение которых Шахматов считает необходимым, так как «оно обнаруживает на неопровержимых данных тот густой слой церковнославянских элементов, который сохранился в нашем литературном языке до сих пор, несмотря на всю его демократизацию и многовековое влияние на него языка русского»⁵. Пытаясь обосновать свои чисто теоретические, абстрактные предположения о старославянской основе русского литературного языка конкретными лингвистическими данными, Шахматов устанавливает перечень церковнославянских основных элементов. Но метод выделения этих элементов вызывает решительные возражения: Шахматов их «устанавливает почти исключительно по фонетическим признакам, и в тех случаях, где критерий церковнославянского происхождения формулируется морфологи-

¹ Там же, стр. 70.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 70.

⁴ С. И. Бернштейн, Шахматов как исследователь русского литературного языка, стр. 18.

⁵ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 71.

чески или лексикологически, в большинстве случаев выступает у Шахматова (а в иных случаях угадывается) фонетическое обоснование»¹. Эти фонетические данные механически переносятся на русский язык различных эпох вплоть до современности, причем не учитывается ни время, ни пути их проникновения в русский язык, ни их социальная функция в ту или иную эпоху. Против этого решительно возражал В. В. Виноградов, заявляя, что «сам по себе голый факт наличия префикса *со* — ... без определения его функций не может служить достаточным свидетельством в пользу церковнославянского характера слова»².

Совершенно справедливо замечает В. В. Виноградов, что слово *сластена*, содержащее церковнокнижную морфему *сласт*, «не может быть названо «церковнославянизмом» по той простой причине, что этого слова никогда не было в церковном языке»... «Эти фонетические приметы, на основе которых историки русского языка, как Шахматов, Соболевский, Карский, Будде и др., относят соответствующие формы к «церковнославянизмам», могли возникнуть... на почве русского языка»³. Таким образом, не только заимствованные слова превращаются в вечные застывшие категории, но и список заимствований неправомерно расширяется за счет собственно русских образований. Известную односторонность освещения фактов литературного русского языка, опять-таки в направлении усиления церковнославянской стихии, создает и то обстоятельство, что Шахматов, являясь виднейшим исследователем древнерусского делового языка (ср. его труды о Новгородских и Двинских грамотах), в то же время обосновывал свою теорию, опираясь «больше всего на исследования языка древнерусских памятников церковного, религиозно-философского и отчасти летописного содержания»⁴.

Однако, несмотря на глубокую уверенность Шахматова в том, что «густой слой церковнославянских элементов... сохранился в нашем литературном языке до сих пор», несмотря на сосредоточенность исследовательской мысли на установлении основной роли церковнославянизмов в системе русского литературного языка, несмотря даже на ошибочное расширение понятия «церковнославянизм», — искомым элементов оказалось ничтожное количество. Это обстоятельство отметили

¹ С. И. Бернштейн. Шахматов как исследователь русского литературного языка, стр. 29.

² В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка (сборник «Русская речь», нов. серия, 1, Л., 1927), стр. 92.

³ Там же, стр. 97.

⁴ С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов. Рецензия на книгу Ак. С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (Ж. «Советская книга», № 1, 1947), стр. 110.

впоследствии ученики Шахматова С. П. Обнорский и В. В. Виноградов еще в тот период, когда концепция Шахматова не подвергалась сомнению (1927 г.).

«Прилагая эти фонетические признаки, — писал С. П. Обнорский, — к нашему языку и вскрывая при помощи их церковнославянский слой в русском современном языке, мы получаем в результате в нем сравнительно незначительную долю церковнославянизмов. Между тем... тот факт, что церковнославянский язык послужил основной базой, на фоне которой... выработался наш литературный язык, ведет теоретически к предположению, что огромная часть нашей лексики должна быть по существу церковнославянского происхождения»¹. В. В. Виноградов также считает, что «количество обособляемых таким путем церковнославянизмов ничтожно... в этом убеждает хотя бы перечень в курсе А. А. Шахматова тех из них, которые еще употребительны в современном литературном языке»².

Итак, сравнивая высказывания Шахматова в «Очерке современного русского языка» с аналогичными высказываниями в «Курсе истории русского языка», следует отметить, что здесь Шахматов с прежней категоричностью повторяет утверждения о нерусской основе русского литературного языка. Однако это утверждение несколько отличается от предыдущего: 1) Шахматов делает попытку перенести его из области абстрактных рассуждений в область конкретного языкового материала; 2) он уже не отождествляет, не сливает русский литературный язык с языком церковным, характеризуя последний лишь как основное, исходное начало русского литературного языка; 3) процесс развития русского литературного языка уже не отождествляется с процессом развития литературных языков средневековой Европы, а противопоставляется им; 4) заметно усиление роли и значения русских элементов в процессе развития русского литературного языка, начиная даже с памятников XI века.

III. В работах ак. Шахматова 1914—1915 г.³ по вопросу возникновения и истории русского литературного языка содержатся лишь беглые замечания, повторяющие его предыдущую установку: «...с XI века начинается почти тысячелетняя история развития русского книжного языка. Инославянский по своему происхождению, он с течением времени становится

¹ С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке (сборник «Русская речь», нов. серия, 1, Л., 1927). стр. 77.

² В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка (в том же сборнике «Русская речь»), стр. 92.

³ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. 1, Пг, 1916 г. (Курс читался в 1914—1915 г.); Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славян. филологии, ИОРЯС, вып. 11, Пгр., 1915).

все более и более русским»¹. В качестве обоснования инославянской основы Шахматов ссылается на то, что русский язык «содержит в себе еще и теперь на половину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи».

IV. В 1916 году в статье «Русский язык, его особенности...» взгляды Шахматова по излагаемому вопросу подвергаются дальнейшим, более существенным изменениям.

С несомненной уверенностью высказывается утверждение о культовом языке церкви:

«языком церкви стал язык древнеболгарский».

Но о «светском», литературном языке предположение Шахматова звучит менее уверенно: «Считаю вероятным, что древнеболгарский язык стал распространяться в Киевском Поднепровье не только как язык церкви и духовного просвещения. Болгары... сообщали нам и светскую образованность, и блага материальной культуры... Возможно, что вместе с материальной культурой Киевская Русь получила от Болгарии также и произведения народной словесности»².

Уже самый стиль высказывания меняется: снижается категоричность утверждения. Если в предыдущих работах эта мысль высказывалась с полной категоричностью³, то здесь она сопровождается осторожными замечаниями о том, что ее следует только «считать вероятной, возможной». Дальнейшие соображения Шахматова подкрепляют это наблюдение. «История русского литературного языка, — замечает он, — это история постепенного развития русского просвещения. Просвещение зародилось в самостоятельных, оригинальных формах, легших в основание дальнейшей его жизни, в Киевской Руси»⁴. Однако, утверждая самобытность русского просвещения с самого начала его в Киевской Руси, Шахматов, в резком противоречии с только что сделанным заявлением, тут же добавляет: «Главным орудием его распространения был перенесенный на русскую почву древнеболгарский язык». Язык связывается с просвещением самобытным и оригинальным, но язык признается чужеродным. Автор пытается устранить это противоречие: «Богатство этой почвы, ее жизненная сила ярко сказались в том, что уже Киевская Русь претворила древнеболгарский язык в свой национальный... Образованные люди в своих беседах и писаниях в скором времени не могли уже отличить родного от заимствованного: так близко стало им это заимствованное. Имеем все основания утверждать, что

¹ См. последнюю работу, введение, стр. XXXIX.

² А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности... (Очерк современного рус. лит. яз., изд. 4-ое, М., 1941 г.), стр. 235. Выделено мною. З. М.

³ Ср. «Курс истории русского языка», 1, изд. 2, СПб, 1910—1911 г. (литограф.), стр. 200. «Мы утверждаемся в мысли, что древняя Русь получила из Болгарии...»

⁴ А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности... стр. 236.

уже в XI веке произошло это преобразование древнеболгарского языка, это претворение его в русский литературный язык... указанный процесс имел место прежде всего в Киеве, в южной Руси... севернорусы и восточнорусы получили в свое распоряжение не древнеболгарский язык... а южнорусский письменный язык... Этот язык подвергался дальнейшим изменениям, приспособляясь к местному наречию того или иного центра»¹.

Таким образом, наряду с осторожным предположением о том, что в основе русского литературного лежит язык церковнославянский, у Шахматова уже нет никакого сомнения в том, что в Киевской Руси уже в XI веке существовал именно русский литературный язык, даже «национальный». Применяя этот термин к столь ранней эпохе, он допускает, по справедливому замечанию профессора С. И. Бернштейна², известный анахронизм. В. И. Ленин считал возможным говорить о русской нации лишь с XVII века³. В других культурных центрах древней Руси литературный язык был, по мнению Шахматова, уже не древнеболгарский, а в «претворенном» русском его облике.

Меняется в этой работе и характеристика разговорной литературной речи:

а) Несколько углубляется ее социальная дифференциация: «главными носителями просвещения были, как и везде, народные верхи... князья, бояре, княжеская дружина и княжеские слуги, духовенство, купцы... Городское население... заметно отделялось от сельского»⁴.

б) Коренным образом изменился взгляд автора на основу устной литературной речи: «горожане, купцы, бояре и князья успели уже в то отдаленное время сильно видоизменить свою речь под влиянием книжного языка, пошедшего из Киева. Они усваивали себе ряд слов и понятий, ведущих к древнеболгарскому источнику»⁵.

Из этой формулировки следует, что основой разговорного языка считается язык русский, видоизменявшийся под влиянием книжного языка, в то время как в «Курсе истории русского языка» он «был по происхождению своему языком церковным, постепенно обрусевшим, а не наоборот — русской живой речью, подвергшейся церковному влиянию». Следовательно, здесь Шахматов утверждает в отношении устной литературной речи то, что он прежде отрицал.

¹ Там же.

² С. И. Бернштейн. Шахматов как исследователь... стр. 28.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 137.

⁴ А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности, стр. 237.

⁵ Там же, стр. 237.

В заключение интересно обратить внимание на такую формулировку:

«Наш письменный язык по своему происхождению и в своих основаниях оказывается... древнеболгарским»¹. Шахматов ссылается на словарный состав и формы. Но тут следует привести две существенные оговорки: 1) «Шахматов вполне отдавал себе отчет в недостаточности фонетического критерия: он указывал, что «исследователи словарного состава нашего письменного языка, руководствуясь не только внешними звуковыми признаками, установят со временем все те элементы, которые искони были чужды русскому языку и заимствованы им из древнеболгарского»². Это замечание чрезвычайно интересно, так как обнаруживает, что Шахматов считает недостаточным выделенное им количество старославянизмов в русском литературном языке и видит причину в несовершенстве метода. Мысль о недостаточности фонетического критерия, безусловно, глубоко правильная, но, как показали дальнейшие научные исследования, не оправдались надежды Шахматова на то, что впоследствии, с усовершенствованием методов исследования, будет обнаружено в русском литературном языке большее количество старославянизмов.

Шахматов считает необходимым заметить, что «древнеболгарские элементы, обнаруживаемые ныне в русском языке, могли проникнуть на русскую почву не все одновременно... Многие из них обязаны, по-видимому, позднему южнославянскому влиянию...»³. К этому замечанию можно присоединить соответствующее высказывание Шахматова еще в «Очерке современного русского литературного языка»: «в церковнославянских элементах нашего литературного языка надо различать по крайней мере два слоя: древнейший, основной, восходящий к XI в., и позднейший, проникавший к нам не раньше конца XIV в.» Шахматов находит возможным говорить также еще и о промежуточных и последующих болгарских наслоениях. При этом он замечает: «Я не сумел бы даже разграничить оба указанные выше слоя... я не решаюсь разграничить... древнейший и новейший слои церковнославянских элементов... Определить все эти элементы — дело сложное»...⁴.

Эти оговорки опять-таки колеблют его обоснование чужеродности происхождения русского литературного языка и обнаруживают сомнения автора по этому вопросу.

Эта статья Шахматова является дальнейшим и, к сожалению, последним этапом в развитии его взглядов по излагае-

¹ Там же, стр. 241.

² С. И. Бернштейн, Шахматов как исследователь... стр. 29.

³ А. А. Шахматов. Русский язык, его особенности... стр. 242—243.

⁴ Его же, Очерк... стр. 70—71.

тому вопросу. Она обнаруживает значительные отступления от ранее разделявшихся им положений официальной теории. Древнеболгарский язык без всяких колебаний утверждается им в роли начала и основания церковнобогослужебного языка древней Руси. Но роль этого языка в образовании «светского», литературного языка все более и более ограничивается и сужается. Сокращается сфера влияния его: от почти полного отождествления русского литературного языка с церковнославянским («Курс истории русского языка») к утверждению лишь церковнославянского исходного начала и основы («Очерки современного русского языка») и, наконец, к ограничению непосредственного влияния этого исходного начала лишь территорией Киевской Руси («Русский язык, его особенности...»). Если в первом из этих трудов говорится «об усвоении Русью древнеболгарского языка, о его «влиянии» и «сближении» с русским народным языком, если в «Очерке...» выдвигается понятие «ассимиляции» церковнославянского языка с русским, то здесь идет речь о «претворении» церковнославянского языка в русский и в самый короткий срок. Шахматов утверждает русскую, а не церковнославянскую, как раньше, основу литературной разговорной речи образованных классов.

Правда, он еще не отказывается от мысли, что древнеболгарский язык послужил началом и основанием нашего письменного литературного языка, но мысль эта высказывается уже гораздо менее уверенно и категорично, с осторожностью, сопровождаясь оговорками, лишь как предположение. Шахматов сомневается в обоснованности этого утверждения, указывая на неразрешенность вопроса о времени появления церковнославянских элементов в русском литературном языке (являются ли они основными или наносными и принадлежат более позднему времени). Сказывается и его неудовлетворенность традиционным фонетическим методом анализа, приведшая к поискам новых путей исследования. Уже «в 1-й главе «Очерка» разбросаны намеки на те критерии, которые должны быть привлечены при дальнейшей разработке вопроса: сопоставление тех или иных элементов русского литературного языка с соответствующими явлениями в русских народных говорах и в других славянских языках, «значение и культурная история слова»¹.

Одновременно с развитием критического отношения к теоретическим и методологическим положением распространенной теории укрепляется в работах Шахматова его убежденность в русском характере древнерусской письменности. От первоначального утверждения о том, что «...русские особенности сначала вообще с трудом пробивались в письменный язык», Шахматов приходит к своеобразному и до конца не вполне

¹ С. И. Бернштейн. Шахматов как исследователь... стр. 29—30.

осознанному утверждению русского и даже «национального» русского облика древнерусского литературного языка в очень раннюю эпоху. И в этом утверждении звучит уже твердая уверенность, свободная от сомнений.

Таким образом, положения, выдвинутые Шахматовым в этой работе, резко диссонируют с его более ранними утверждениями.

IV.

В итоге анализа высказываний ак. Шахматова по излагаемому вопросу, можно отметить пять основных положений в его работах.

1) Языком русской церкви стал язык древнеболгарский. В этом Шахматов не сомневался, и по этому вопросу никто ему не возражает.

2) Этот древнеболгарский язык в русской церкви стал подвергаться влиянию со стороны живого народного русского языка. Сначала, естественно, со стороны произношения, как всякий усвоенный иностранный язык, что отражает и графика древних церковных памятников (напр. Остромирово евангелие и т. п.), а затем со стороны морфологической и лексико-семантической, так что «народный язык проник в чуждую среду и, воплотив ее в себя, превратил церковный язык в одну из разновидностей русской речи». Произошло это в результате упорной борьбы, которая создала своеобразную историю языка русской церкви и отразилась в ряде языковых реформ XIV—XVI и XVIII вв., отражающих напряженную борьбу церковного языка с влиянием на него народного русского языка. Эта история так называемого церковнославянского языка русского извода, языка русской церкви, а не всей системы русского литературного языка. Положение это тоже не вызывает особых возражений.

3) Создавшийся таким образом церковнославянский язык русского извода стал оказывать влияние на разговорную речь, в которую проникают слова церковного обихода, некоторые отвлеченные слова, обозначения понятий, которых не было в русском языке. Это положение приемлемо — только не в 1-ой, а во 2-ой редакции, где Шахматов говорит, что это был язык духовенства, князей, бояр, княжеской дружины и что это был русский язык, с книжными наслоениями, а не древнеболгарский с русскими наслоениями.

4) В результате развития церковнославянского языка русского извода в русской письменности наблюдается двуязычие: с одной стороны — памятники, где преобладает язык церковнославянский, с другой — памятники, где преобладает язык народный русский. Это положение касается жанровости дифференциации русской письменности и, если при-

нять во внимание, с одной стороны, памятники церковнобogosлужебные, а с другой — грамоты и «Русскую Правду», оно тоже не вызывает особых замечаний. Но остается неясным вопрос о начале двуязычия. С. И. Бернштейн¹ и В. В. Виноградов² констатируют в этом вопросе «известное колебание» и «неясность в концепции Шахматова». Неясным остается именно момент начала письменности на языке собственно русском.

5) Последнее положение касается вопроса о происхождении и основе русского литературного языка. Это самый существенный пункт и в то же время самый спорный и неустойчивый в концепции Шахматова. Как видно из предыдущего анализа, первоначальное утверждение Шахматова по этому вопросу не совпадает с последним его утверждением. Отправляясь от установок господствовавшей в его время концепции и развивая ее, он в конце концов значительно ее видоизменил. В рассуждениях Шахматова обнаруживаются наряду с известной зависимостью от отправной современной ему теории значительные отклонения от этой системы взглядов и сближение с противоположным направлением. Если в господствующей теории русский литературный язык сливается с церковнославянским, так что даже А. И. Соболевский говорит всего лишь о двух языках русской письменности: иноземном церковнославянском и русском деловом, то у Шахматова находим более тонкое разграничение: церковный язык, литературный («светский») язык и язык деловой. Причем, говоря о «светском», т. е. русском литературном языке, Шахматов все более и более склоняется к мысли, что он был не церковнославянским, а русским, народным уже в самые древние времена.

Если для основоположников и исследователей господствовавшей теории, включая и Соболевского, характерно значительное преувеличение роли церковнославянского языка и выскомерное пренебрежение к русскому народному языку, которому они даже отказывают в праве называться литературным, — то в концепции Шахматова это соотношение резко изменяется. Снижая роль церковнославянского языка, Шахматов подчеркивает творческие возможности русского народа, указывая на то, что народ сумел с первых же шагов письменности претворить чужой язык в свой «национальный». Теперь мы более правильно оцениваем творческие силы русского народа не только в настоящем, но и в прошлом, и знаем, что он способен был не только на то, чтобы творчески усваивать чужие достижения, но и сам создавал свою оригиналь-

¹ С. И. Бернштейн. Шахматов как исследователь... стр. 26.

² В. В. Виноградов. Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова, Ученые записки МГУ, вып. 128, М., 1948, стр. 32.

ную и своеобразную культуру. Но Шахматова следует рассматривать не как нашего современника, а в рамках его времени, на фоне дореволюционной русской лингвистики, и с этой точки зрения его взгляды были шагом вперед в развитии науки. И если Шахматов еще решительно не отказывается от утверждения о чужеземном происхождении русского литературного языка, то весь процесс развития его взглядов по этому вопросу с очевидностью показывает, что он все более и более сужал, почти сводя на нет, роль древнеболгарского языка в древнерусской письменности, одновременно усиливая значение русских ее элементов — вплоть до утверждения русского «национального» литературного языка в Киевской Руси XI века.

Таким образом, Шахматов как бы стоит на грани перехода от одной теоретической концепции к другой. Его позиция очень сложна и противоречива: все утверждения традиционной лингвистики, на основе которых он вырос и с которыми вступил в науку, творчески перерабатываются в его деятельности и явно обнаруживают тенденцию к убыванию.

Отразив с наибольшей полнотой и выразительностью все характерные черты современной ему теории в ее господствующем направлении, Шахматов опровергает и развенчивает ее и приводит к отрицательному итогу все основные установки, выдвигая в то же время взамен другие принципиальные положения, которые «частью включились в науку в качестве прочного ее достояния, методологического и вещественного, частью послужили и продолжают служить объектом критики и мощным импульсом для дальнейших научных изысканий»¹.

По сравнению с высказываниями других представителей господствовавшей теории учение Шахматова является шагом вперед в русской науке. Оно ценно для нас тем, что изнутри вскрывает беспочвенную абстрактность и научную несостоятельность глубоко укоренившейся теории чужеземного происхождения русского литературного языка вместе с антинаучностью идеалистической методологии и на основе этого отрицания намечает легкими штрихами новые, плодотворные пути исследования.

---

¹ С. И. Бернштейн, Шахматов как исследователь... стр. 5.

Т. Ф. АЛЕКСЕЕВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ ТРЕХ ЮЖНОРУССКИХ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ГРАМОТ ИЗ АРХИВА В. А. РОЗОВА.¹⁾

Древнерусские грамоты являются одним из основных источников изучения истории русского языка, так как они богаты живыми речевыми фактами, позволяющими судить как об общих процессах исторического развития русского языка, так и об особенностях отдельных древнерусских диалектов.

Особый интерес и значение в этом отношении представляет деловая письменность XIV-XV вв., так как в этот период происходит формирование трех братских восточнославянских народностей (русской, украинской и белорусской) на базе народности древнерусской, а следовательно, идет и формирование их языков.

Изучение деловых памятников этого периода, создаваемых на разных территориях, имеет огромное значение как для истории русского языка, так и для истории языков украинского и белорусского.

Настоящая статья и ставит своей задачей описать язык трех грамот, сложившихся на юго-западной территории.

Грамоты эти уже нами приводились в кандидатской диссертации, где рассматривался лишь их словарный состав. В данной же работе производятся наблюдения в области графики и орфографии, фонетики, морфологии и синтаксиса, а также прилагается словарный указатель к ним.

Исследуемые грамоты сложились на территории Галицко-Волынской Руси. Время их создания — конец XIV-XV в. По своему составу они неоднородны. Так, гр. № 1 представляет собой поручительную запись бояр молдавских за воеводу молдавского Стефана в его верности королю польскому Владиславу.

Гр. № 2 — продажная Окола на дворище Кондрату. Торговая сделка, которая зафиксирована в грамоте между Околом и Кондратом, происходила в присутствии епископа перемышльского Ильи, с его ведома и заканчивается: «...а писана сѣа грамота и дана у вѣлчи мѣа октабра въ. и. днь на стго лоуки еугелиста под лѣты рожества христова. а. лѣт У. И. К. В...».

¹ Считаю своим долгом выразить благодарность чл.-кор. АН СССР проф. В. И. Борковскому, предоставившему возможность использовать для данной работы грамоты из архива В. А. Розова.

Затем в грамоте часть строки пропущена, и дальше снова идет запись тем же почерком, гласящая: «... мы лаврентіи епископъ пресмкы и самборьскы потверъжаем лист тоі епископа іліи ... под семои тисача лѣта м г го индик и-го мѣа сен въ ка. днь».

Таким образом, вторая запись является припиской, сделанной гораздо позднее, которая была вызвана какими-нибудь спорными обстоятельствами между наследниками. Поэтому и понадобилось спустя некоторое время вторичное подтверждение правильности состоявшейся торговли. Гр. № 3 представляет собой обращение Исидора с сыновьями, Гринем и Дешком, к архимандриту печерского монастыря Филарету с просьбой о пожаловании церковной землей. В случае удовлетворения их просьбы, они обещают выплачивать церкви дань ежегодно по пятьдесят гроши.

Из изложенного явствует, что грамоты эти писались в разных канцеляриях, разными писцами. Гр. № 1, например, явно вышла из великокняжеской или, вернее, официальной государственной канцелярии, две же другие — имеют частный характер, а это, конечно, не могло не отразиться на их орфографии и на их языке.

В небольшой статье не представляется возможным дать подробное палеографическое описание, и достаточно полно охарактеризовать орфографию памятников. В этом отношении мы должны ограничиться лишь отдельными небольшими замечаниями.

Гр. № 1 — датирована 1395 г. Место ее составления не обозначено. Летосчисление ведется от рождества христова, индикт не указан. Писана грамота полууставом. Сокращенных написаний в грамоте имеется 20 случаев (с повторениями). Сокращения производятся только путем выноса буквы под титло: мѣа. Над буквами ѿ и и употребляются надстрочные знаки — 2 точки. Причем точки эти ставятся лишь в том случае, когда буквы ѿ и и следуют после гласных или конечного ъ.

В начале слова употребляются буквы ѿ и и, а после согласных везде находим о, и, у; во всех положениях (в начале слога и после согласных) встречается л — ако, боаре, печати; в начале слога употребляется широкое очень наклонное влево е крупных размеров, но после согласных оно гораздо меньшей величины; везде встречаем букву ы.

Гр. № 2 писана полууставом, переходящим в скоропись, дана в Величе. Датирована она 1422 г. Летосчисление ведется от рождества христова. Сокращенных написаний 88 случаев (с повторениями). Сокращения производятся различными способами: при помощи одного титла без выноса буквы (так сокращаются, главным образом, слова церковно-религиозного

характера, путем выноса буквы под титло — мѣа — (всего 32 случая), а также применяется вынос буквы без покрытия (48 случаев).

Над всеми буквами, обозначающими гласные звуки, в начале слова стоит крючок. В начале слога употребляются и, ѿ, после согласных и, о (но может быть и ѿ), оу и ѳ, причем последний обычно ставится в конце слѣва. Перед гласными встречается буква і̇. Везде пишется е, напоминающее греческое ε. Исключение составляют несколько слов (церковно-религиозного характера), которые начинаются с е продолговатого довольно крупных размеров. ѿ встретился всего лишь один раз в слове мѣа. После согласного везде пишется только а, ѿ в грамоте совсем отсутствует. После согласных всегда употребляется буква ы.

В грамоте, как уже говорилось выше, имеется приписка. По орфографическим данным и по начертанию букв приписка эта не отличается от основного текста грамоты.

Гр. № 3 писана полууставом, переходящим в скоропись. Место ее написания не обозначено, но по тому, что в начале грамоты имеется обращение к архимандриту печерского монастыря, а в конце — в числе свидетелей выступает киевский мещанин, можно предположить, что она дана в Киеве. Датирована грамота 15 июня 1498 г. Сокращенных написаний — 72 случая (с повторением). Сокращения производятся, как и в гр. № 2, различными способами: титло, вынос буквы под титло и вынос буквы без покрытия. Имеются случаи, когда над строку выносятся последний слог¹.

В начале слога употребляется е широкое довольно больших размеров, а после согласных онѣ несколько напоминает греческую букву ε. Предлог от пишется через ѿ; в начале слова ѿ, причем она имеет несколько растянутую форму и довольно крупного размера; после согласных только ѳ; везде употребляется буква ы; над а, ѿ, и, е, начинающими слог, ставятся надстрочные знаки в виде черточек или крючков. В начале слова употребляется ѿ, а в конце после согласных ѿ.

Лингвистические наблюдения

I. ФОНЕТИКА

а. Гласные

Звук а в рассматриваемых грамотах употребляется в начале слова и после согласных, твердых и смягченных, и обозначается буквой а. Следует однако отметить, что в начале слова звук а встречается всего лишь два раза в словах нерусского происхождения в гр. № 3 — архимандрит (1)² и Андро-

¹ По техническим причинам пример не может быть приведен. См. фотокопию № 3.

² Цифра в скобках обозначает номер строки в грамоте.

ник (9). В середине слова **а** находим после твердых согласных: гр. № 1 — панъ (1), Стефана (2), тако (6); гр. № 2 — визнаваем¹) (2), правом (6), грамота (11), дана (11); гр. № 3 — нашем (1), братиею (1), дати (5), старци (8)¹.

В гр. № 2 **а** употребляется после всех смягченных согласных (в том числе и **ж, ч, ш, щ** и **ц**): прислушало (7), дворища (8), печатию (9), горлица (10), господна (2), дла (14); после **ц** возможен и **а** (ср. написание **мѣа** (15) и **мѣа** (11)).

В гр. № 3 **а** находим только после исконно смягченных согласных (**ж, ч, ш, щ** и **ц**): пожаловал (3), печать (10), мешанина (10), крилошанинъ (10), в остальных случаях имеем **а**: монастыра (2), има (2, 3), патдесат (5—6).

Гр. № 1 в этом отношении отличается от остальных. Здесь после всех без исключения смягченных согласных употребляется **а**: панъ Шандръ (имя соб.) (1—2), печати (17), господара (2), крола (10), тисачъ (17).

После **ј** (или **і**) пишется **а, ѡ** и **а**: гр. № 1 — **а**: Боаре (1, 5), а также в начале слова — **ако** (15), гр. № 2 — **а**: прѣчистыѡа (1), илѡа (2) и тут же встречается написание **сѡа** (11).

Звук **о** употребляется в начале слов, а также после твердых согласных. Для обозначения звука **о** находим буквы **о** и **ѡ**. Как правило в начале слова и предлоги **от** и **о во** всех грамотах пишутся через **ѡ**: гр. № 1 — ѡныи (4), ни ѡдно (8), ѡ коломью и ѡ снатиъ (7); гр. № 2 ѡколе (соб. имя) (4), ѡ тое дворище (4); пишется здесь **ѡ** иногда и в падежных окончаниях существительных: Кондратѡм (4), правѡм (5), огородѡм (5), но имеем написание и садом (5), кондратови; в окончании — **ого** у прилагательных: стгѡ (1), в слове штѡ (6); гр. № 3 — ѡлешкович (10) — ѡчистим (4), ѡ (6, 8), ѡнати (8), ѡцѡ (1), но в этой же грамоте встречается и написание **с отчи...** (4).

Звук **у** мог быть в начале слова, а также после согласных твердых. Передается в грамотах звук **у** буквами **у, оу, ѡ**. Гр. № 1 совсем не знает буквы **ѡ**. Здесь как правило употребляется **у** и в середине и в конце слова: воеводу (2), рускии (4), слуги (7), слюбумъ (7), будутъ (11), приѣдутъ (12) к сему листу (17) и только один раз предлог **у** передается через **оу** — оу своего господара (9).

В гр. № 2 совсем не встречается **у**. Здесь в середине слова и для обозначения предлога употребляется **оу**, а в конце слова и в суффиксах причастий используется буква **ѡ**: боудет (3), прислушало (7), боудѡчим (3, 9), кождѡмѡ (2), добромѡ (3), комѡ (3, 14).

¹ В примерах орфография полностью не соблюдается по техническим причинам. См. фотокопии.

В гр. № 3 во всех случаях употребляется только *ѵ*: *ѵставник* (9), *нашемъ* (1), *Ѳиларетъ* (1), *ѵ порѣчьи* (3), *тѵю* (4, 7), *не бѵдем* (7). *ѵ* здесь употребляется и после звука *ц* — *Ѳцѵ* (1).

Обыкновенно после смягченных согласных, а также после *ј* (или *і*) во всех грамотах употребляется буква *ю*: гр. № 1 — *слѵбуемъ* (2, 5, 7, 11, 14) *ѡ* *коломыю* (7), *ку голдованию* (12); гр. № 2 — *милостію* (1), *бжьєю* (1), *повѣдаючи* (4), *межи собою* (4), *печатію* (9), *нашею* (9), *свою* (14), *столечную* (14); гр. № 3 — *братією* (1), *землею* (3), *црковною* (3), *половиною* (4), *землю* (4, 7), *тѵю* (4, 7), *бжію* (7).

Звук *ы* употреблялся только после твердых согласных: гр. № 1 — *иных* (4), *тогда* (4), *боары* (5), *с паны* (5), *воеводы* (6), *кролевы* (11), *за тыхъ* (11), *под лѣты* (17); гр. № 2 — *личбы* (5), *добрым* (5), *были* (9); гр. № 3 — *монастыра* (2), *сынами* (2), *што бы* (3), *слободы* (5).

Звук *и* находился в начале слова, после *ј* (*і*), а также смягченных согласных. Для обозначения его употребляется в наших грамотах, как правило, буква *и*: гр. № 1 — *иный* (6), *чинили* (6), *литовский* (4), *слуги* (7), *с нашимъ* (12), *нашен* (13), *своими* (5), *без хитрости* (16), *привѣсили* (17), *не имаеть* (8).

Гр. № 2 — *имаеть* (8), *вчинили* (4), *межи* (4), *свѣдци* (9), *Игнат* (10), *печатію* (9), *под семой тисач* (14—15), гр. № 3 — *има* (2), *братією* (1), *старци* (1), *били* (3), *порѣчьи* (3), *гроши* (6), *меховщиною* (4), *ѡчистим* (4), *и (союз)* (2, 5, 8), *иона* (11).

Но в гр. № 2 имеются случаи употребления букв *і*, *ї*. Обычно буква *і* встречается перед гласными: *милостію*, *иліа* (2), *сіа* (11), *Лаврентіи* (12), а буква *ї* — между согласными — *молітвами* (1). Однако наблюдаются отступления: *іюна* (2), *іліи* (13).

В гр. № 3 имеются всего лишь два случая употребления буквы *ї* в слове *бжію* (5, 7).

Звук *е* встречается обычно после смягченных согласных и после *ј* (или *і*). В наших грамотах для обозначения звука *е* употребляются буквы *е*, *ѳ*. С течением времени буква *е* стала обозначать не только гласный, смягчающий предыдущий согласный, но и йотированное *е*, и в целом ряде памятников XIV в. *е* в обоих значениях употребляется безразлично. Это же мы наблюдаем и в наших грамотах. Так, в гр. № 1 во всех положениях: после мягкого согласного, и в начале слова, и после *ј* (или *і*) — везде употребляются *е*: *боаре* (1), *земли* (2), *пошлетъ* (13), *до нашей* (13), *к сему* (17), *есмо* (2), *воеводу* (2), *не имаеть* (8), *покутъе* (назв. местности) (8).

В гр. № 2 и 3 наблюдается совсем иная картина, здесь после смягченных согласных находим букву *ѳ*, а в начале слова и после *ј* (*і*) — *е*. Этот принцип особенно четко выдер-

живается в гр. № 3: з гринем (2), землю (3), не бѣдем (7), челом (3), но еже (1), его (3, 5, 7, 8), есми (10), тое (5, 6, 7), своего (6), братиею (1).

В гр. же № 2 имеются некоторые отступления. Так, здесь можно встретить написания его (1), евангелиста (11), и в то же самое время — его (7), емѧ (9), епископа (13).

Что касается перехода начального *е* в *о*, то в рассматриваемых грамотах встретился всего лишь один случай такого перехода... См. гр. № 1 — одно (8).

Хотя материал по данному вопросу и очень скуден, но пример этот является настолько характерным, что вполне дает право заключить о закономерности такого перехода для говора, зафиксированного настоящими документами.

Наши грамоты не содержат материала, свидетельствующего о переходе *е* в *о* перед твердыми согласными.

Звук *ѣ*, как правило, в основе слов употребляется верно во всех рассматриваемых грамотах: гр. № 1 — приѣхати (5), не приѣдутъ (12), на крѣпость (16), привѣсили (17), под лѣты (17, 18); гр. № 2 — повѣдаючи (4), на вѣки (7), дѣтем (7), свѣдци (9), под лѣты (12, 15), свѣдомости (14), вѣры (14); гр. № 3 — порѣчи (3), в лѣто (11).

Также правильно *ѣ* употребляется и в формах склонения: гр. № 2 — пророка предтчѣ (1), всѣм (6).

Но наряду с правильным употреблением *ѣ* в основе находим на его месте также *е*: гр. № 2 — потреба (3, 14), мещанина (10). *Е* вместо *ѣ* встречаем и в падежном окончании указат. мест. жен. рода, ед. ч., род. пад. — тое: гр. № 3 — с тое земли (5, 6, 7).

Следует еще отметить наличие *е* вместо *ѣ* и в предлоге пред: гр. № 1 — пред (14, 15), гр. № 2 — пред (3).

Теперь рассмотрим, что дают нам наши грамоты для решения вопросов, связанных с судьбой редуцированных гласных *ѣ* и *ь*. В исследуемых грамотах нет ни одного примера на употребление *ѣ* и *ь* в сильном положении. Во всех случаях на месте сильных *ѣ* и *ь* мы имеем гласные *о* и *е*. Это наблюдается и в корнях слов и в падежных окончаниях: гр. № 1 — тогда (4, 14), Стефаномъ (12); гр. № 2 — пришедши (3), гривен (5), листом (2), ис Кондратом (4), правом (5), огородом (5), садом (5); гр. № 3 — з гринем (2).

Слабые редуцированные, как правило, утратились: гр. № 1 — лсти (16), гр. № 3 — ис своими сынами (2). Не употребляется *ѣ* и после предлогов: гр. № 1 — с нашимъ (12), пред ними (14, 15), гр. № 2 — ис Кондратом (4, 5, 5, 8), гр. 3 — з братиею (1), з Гринем (2), под печатію (10). Можно привести один пример употребления *о* на месте *ѣ* в предлоге в гр. № 1 — безо лсти и без хитрости (16), где необходимо со-

хранение о на месте ъ перед следующим слогом с выпавшим слабым ь, а группа согласных здесь требовала сохранения гласного звука.

Слабый ъ в наших грамотах употребляется лишь в конце слов, где его можно рассматривать, как дань орфографической традиции: гр. № 1 — панъ (1), слюбуемъ (2), (7, 11), господаремъ (15), кролемъ (15); да и находим его лишь в гр. № 1. В гр. № 2 и 3 конечный согласный выносится над строку и ъ вообще отсутствует. Здесь его встречаем всего один раз в слове: «а три томъ... (8) — гр. № 3.

Кроме того можно еще также отметить два случая употребления слабого ь в суффиксе -ьск. в гр. № 2 в словах: чижевьскыи (10), самборьскы (12).

Что касается сочетаний редуцированных с плавными, то грамоты не дают обильного материала. Имеется всего лишь один пример, который, на наш взгляд, является вполне достаточным: гр. № 2 — «ижъ торгъ межи собою вчинили...» (4).

В отношении полногласных форм материал грамот отличается некоторой пестротой. Здесь мы находим и отдельные случаи полногласия: гр. № 2 — ис огородом (5), коробка игнат (10), и один пример неполногласия — гр. № 1 — пред ними (14, 15), а кроме того имеются формы, характерные для польского языка: гр. № 1 — кроль (3, 10, 11, 13, 15) и Влодславъ (3, 10, 13).

Интересно здесь отметить еще и форму потерьяем — потерьяем лист тоі (подтверждаем лист тот — гр. № 2), которую можно, очевидно, рассматривать, как пример второго полногласия.

Исследуемые нами грамоты совсем не содержат материала, свидетельствующего о переходе и в ы под влиянием предыдущего твердого согласного.

б) Согласные

Рассматриваемые документы мало дают материала о мягкости и твердости шипящих и ц, но все же кое-какие замечания по этому поводу сделать возможно. Так, в гр. № 1 имеем следующие написания: шандръ (1), печати (17), нашъ (3, 8, 9, 13), такъжь (11), штожь (11), тисачъ (17), чинили (6), речи (8), нашимъ (12, 14, 16, 16), ѿ цecin (9); Гр. № 2 — шестовича (6), прислоушало (7), дворища (8), печатью (9), мѣа (11), мѣа (15), бжѣю (1), нашим (2), межи (4), лежитъ (6), вчинили (4), повѣдаючи (4), дворищъ (6), штожь (6), свѣдци (9), приложили (13); Гр. № 3 — пожаловал (3), печать (10), мещанина (10), крилошанин (10), меховщиною (4), ѿчистим (4), гроши (6), старци (1, 8), ѿцъ (1).

На основании приведенных примеров нельзя сделать вывода об отвердении шипящих и звука **ц**, тем более, что в гр. № 1 мягкость шипящих подтверждается написанием **а** после них, а также употреблением **ь** в конце слов после шипящих (см. примеры).

В гр. № 2 и 3 имеются сочетания **жа, ча, ша**, но, как известно, они не свидетельствуют об отвердении шипящих, тем более, что в одной и той же грамоте (№ 2) имеем написания **ча** и **ца**, **ца** и **ца** (см. примеры).

Встречаются и сочетания **цв** и **цв**, которые, конечно, являются показателями твердости, но лишь в том случае их можно принимать во внимание, если они подкрепляются более убедительными примерами с **ы** и **ь** после шипящих.

В отношении сочетаний заднеязычных (**г, к, х**) с **ы** рассматриваемые грамоты не являются однородными, но все же определенный вывод следать можно.

Так, в гр. № 1 совсем отсутствуют сочетания **гы, кы, хы**. Здесь мы имеем: полский (3), литовский (3—4), слуги (вместо ожидаемого слугы), без хитрости (16), что явно свидетельствует о переходе сочетаний **гы, кы, хы** в **ги, ки, хи**.

Гр. № 2 и 3 отличаются в этом отношении от предыдущей. Здесь встречаются и те и другие написания: гр. № 2 — радко чижевьскыи (10), горлица велѣцкыи (10), на стго лоуки (11), самборьскы (12) и в то же время на вѣки (7); в гр. № 3 — печерскы (8, 9, 10), но архимандрит (1, 7), (хотя оно и не является показательным, т. к. это слово заимствовано), киевска (10).

Грамота № 2 дается от имени епископа Ильи, в руках которого была сосредоточена не только духовная, но и юридическая власть и который юридическим актом скрепляет торговую сделку. Грамота № 3 вообще составлялась в монастыре. Таким образом употребление в этих документах сочетаний **кы** следует отнести за счет церковнославянской традиции, которая в церковных и монастырских канцеляриях была очень сильна и держалась сравнительно долго.

Примеры, указывающие на отвердение конечного **м** в творительном падеже, весьма распространены во всех рассматриваемых грамотах. Так в гр. № 1 имеем: с нашимъ господаремъ. Стефаномъ (12), пред нашимъ господаремъ кролемъ (15), гр. № 2 — сим нашим листом (2), ис кондратом (4), ис добрым правом ис огородом и садом (5). Всѣм правом (6); гр. № 3 — 3 гринѣм а з дешком (2—3), челом (3).

Интересно отметить примеры диссимиляции, связанные с исчезновением слабых редуцированных. Это — штожь (из чьтожь) гр. № 1 (11), гр. № 2 — што (6), штожь (6), гр. № 3 — штобы (3).

Что касается оглушения и озвончения согласных, то рассматриваемые документы не дают в этом отношении достаточных данных: имеется всего лишь один случай в гр. № 2 — подписал са (9).

2. МОРФОЛОГИЯ

В рассматриваемых грамотах представлены все части речи, но далеко не с одинаковой полнотой.

Наиболее полно представлены имена существительные, а затем глагол. По именам прилагательным и местоимениям имеется материал более ограниченный и весьма незначительный — по числительным и остальным частям речи.

Имя существительное

Больше всего данных мы имеем о склонении имен существительных с основами на **-о** и на **-а**.

У существительных основ на **-а** твердого варианта на заднеязычный имеется окончание им. п. мн. ч. **и** — слуги — гр. № 1, что является фонетической заменой (см. об этом выше, в разделе фонетики). Интересно отметить форму вин. п. мн. ч. — слугъ гр. № 1. Здесь наблюдается уже проявление категории одушевленности.

У существительных основ **-а** мягкого варианта в-род. п. ед. ч. имеется окончание — и под влиянием основ **-а** твердого варианта: «подлугъ кровей воли — гр. № 1, до нашей земли — гр. № 1, 3, хотя одновременно с этим встречается и старое окончание **ѣ** — предтечѣ — гр. № 2. Появление и в свое время было отмечено А. И. Соболевским для новгородских памятников XI в.¹

Большинство существительных основ **-о** твердого варианта сохраняет старые формы. Так, например, в род. п. ед. ч. преобладает окончание: **-а** пророка гр. № 2, мещанина гр. № 3, лѣта гр. № 1, 2.

Тоже можно сказать и в отношении мягкого варианта: монастыра гр. № 3, крола гр. № 1, дворища гр. № 2 и т. д. Можно отметить один лишь пример с окончанием **у** в слове году гр. № 3 — ...а нам давать с тоѣ земли... з году на год...».

Во всех трех грамотах господствующей является старая форма винит. пад. для неодушевленных существительных «иж торгъ межи собою вчинили...» гр. № 2, «и продал окол дворищ» гр. № 2. Что же касается существительных одушевленных, обозначающих названия лиц, то таковые представлены в грамотах всего лишь двумя примерами, свидетельствующими о наличии категории одушевленности: «...слюбуемъ и слюбили есмо за нашего господара Стефана...» гр. № 1.

¹ А. И. Соболевский. Лекции по истории русск. яз. стр. 181.

Им. п. мн. ч. засвидетельствован очень небольшим количеством примеров: старци — «а при томъ были старци...» гр. № 3, боаре и панове, причем последние два случая встретились в одной грамоте № 1: «Мы панове боаре...».

В первом примере сохранена старая форма им. п. мн. ч. основ на -о мягкого варианта.

Слово боаринь, склонявшееся, как известно, в ед. ч. по образцу основ на -о-, а во мн. ч. как существительные с основами на согласные, сохраняет в данном случае старую форму им. п. мн. ч. согласных основ — боаре.

Слово панъ вообще является заимствованием из польского языка, и форму панове, очевидно, также следует считать польским заимствованием, т. к. известно, что в польском языке некоторые существительные мужского рода с основой на твердый согласный, обозначающие названия лиц, имеют в им. п. мн. ч. окончание — owie.

Следует еще также отметить форму свѣдци — «...а при том были свѣдци...» гр. № 2, как единственный случай сохранения второго переходного смягчения заднеязычных.

На формах род., дат. и местн. п. п. мн. ч. мы останавливаться не будем, т. к. нет соответствующего материала. В вин. п. мн. ч. встретилось всего лишь два слова: пановъ — «... пошлетъ своихъ слугъ пановъ до нашей земли...» гр. № 1 и на вѣки гр. № 2. В первом случае мы имеем заимствование из польского языка (ср. польское — panów).

Второй случай — на вѣки вм. на вѣкы следует рассматривать как фонетическую замену, о чем уже говорилось в разделе фонетики.

В твор. п. мн. ч. твердого варианта сохраняется старое окончание -ы: приѣхать и своими боары и с паны — гр. № 1.

И, наконец, нужно еще отметить форму «годы» с числительным «два» — «...дати нам слободы на два годы...» гр. № 3.

Основы на -ї (у краткое) представлены в грамотах всего лишь одним словом сынъ, которое встретилось в гр. № 2 и гр. № 3 в форме род. п. ед. ч. сына гр. 2 — «...иен сына Ивана...» твор. п. мн. ч. сынми гр. 3 — «...ис своими с сынми...».

В первом случае наблюдается замена окончания -у на -а под влиянием основ на -о. Во втором случае сохранена старая форма с выпавшим слабым редуцированным (ъ).

Имена существительные с основами на і (краткое) засвидетельствованы небольшим количеством примеров.

В род. п. ед. ч. употребляется и на конце: не бѣдем с тое земли дани полнити — гр. № 3, безо лсти и без хитрости — гр. № 1, дла лѣшпѣъ свѣдомости — гр. № 2.

В дат. п. ед. ч. — форма с и: били есмо челом его милости — гр. 3.

В вин. п. ед. ч. ъ на конце: «...и на крѣпость сему — гр. № 1; и печать есмо приложили — гр. № 2.

В твор. п. ед. ч. имеем: милостию, пчатию, и, наконец, вин. п. мн. ч. имеет на конце и: наши печати привѣсили — гр. № 1.

Остальные падежные формы в грамотах совсем не отражены.

В грамотах встретилась также и небольшая группа слов с основами на согласный. Среди них одно слово муж. род. в форме вин. п. ед. ч. «...въ ... день на стго лоуки...» гр. № 2.

Слова жен. рода представлены двумя примерами: с основами на -р в форме род. п. ед. ч. — молитвами... его бого матери гр. 2, причем сохраняется старая форма, и с основами на ъв в форме вин. п. ед. ч. — дани полнити на церковь божию — гр. № 3.

Слово дѣта встретилось лишь в форме дат. п. мн. ч. дѣтем (е здесь из ъ в результате перехода редуцированного в гласный полного образования).

Кроме того еще имеются два примера с основани на -ен знама, има и один — на — ес — слово.

Первый пример употреблен в форме род. п. ед. ч. с и на конце — «а ни знамени ни своего...» гр. № 3, а второй — в форме вин. п. ед. ч. — «пожаловал нас землю... на има» в той же грамоте. Третий пример встретился в гр. № 1 в форме род. п. ед. ч. — не имаетъ ни одно слова речи». Окончание -а возникло здесь под влиянием основ о, как и вся форма (ср. слова вм. словесе).

Теперь следует остановиться на рассмотрении суффиксов, при помощи которых образованы некоторые имена существительные. Так, для обозначения лиц мужского пола встретились суффиксы -ин, -ик, -тель, -ец (из -ѣц), -ок (из -ѣк), -арь, -ан. С суффиксом -ин находим слова: господину — гр. № 3, боаре — гр. № 1 (фор. им. п. мн. ч. и суффикс -ин, ср. боаринь, в данном случае отсутствует, как обозначающий единичность). Кроме того суффикс -ин встречается и в составе сложного суффикса -анин (-янин) — крилошанинъ гр. № 3, мещанина гр. № 3.

Названия лиц мужского рода по занимаемой должности образуются при помощи суффикса -ик: ключникъ гр. № 3, полатникъ там же, вставникъ в той же грамоте.

Также следует отметить и образования с суффиксами — тель — крестителя гр. № 2 — и -арь — господарь гр. № 1.

С суффиксами -ец (из -ѣц) и -ок (из -ѣк) имеем следующие слова: старци (старьць) гр. № 3, отцу (отьць)¹ там же и свѣдци (из свѣдѣкъ) гр. № 2.

Суффикс -ан встретился в имени собственном Стефанъ гр. № 1.

¹ Объяснение образования этого слова см. в словарях: А. Преображенского, изд. 1910—1914 г., стр. 668, М. Фасмер, изд. 1955 г. т. II, стр. 290.

Рассмотрим теперь суффиксы, при помощи которых образуются имена существительные женского рода. С суффиксом **-ость** образуются отвлеченные имена существительные: в гр. № 1 находим **крѣпость**, **хитрости**; в гр. № 2 **милостію**, **свѣдомости**.

При помощи суффикса **-н** образовано неодушевленное существительное, — **дани** гр. № 3, а посредством суффикса **-ьн** образовано название денежной единицы **гривень** гр. № 2 (здесь **е** на месте **ь** в сильном положении — **гривьна**).

Встречаются также слова с суффиксами: **-от** — **грамота** гр. № 2, **-тв** — **молитва** там же.

Еще нужно указать на существительное половиною гр. № 3, в составе которого имеется сложный суффикс, а также слово с собирательным значением **братію** гр. № 3, образованное с помощью суффикса **іj-а** (**-ьj-а**).

Для образования существительных среднего рода можно отметить суффиксы — **ищ-е** — **дворище** гр. № 2, **ьj-е** — **порѣчьи** (**порѣчье**) гр. № 3. Кроме того встречаются слова, оформленные при помощи сложного суффикса от глагольной основы — **голдованию** (**голодовати**) — гр. № 1.

Местоимения личные и возвратные

Из личных местоимений в рассматриваемых грамотах встретилось лишь местоимение 1 л. во мн. ч. им. п. **-мы** гр. № 1, 2, 3, в род., вин. и мест. п. п. множ. ч. нас. гр. № 2, 3 и дат. мн. ч. **нам** — гр. № 2, 3.

Возвратное местоимение находим только один раз в форме твор. п. — **собою** — гр. № 2.

Местоимения неличные

Среди неличных местоимений самую обширную группу составляют местоимения указательные. Из них отметим прежде всего местоимение с твердой основой **тъ**, которое встретилось в грамотах в род. п. ед. ч. муж. и ср. рода **того** гр. № 2, «а **Кондрат** имаеть ис **того** дворища...» или «**комъ** боудет **того** потреба...», а также в дат., вин. и мест. п. п. ед. ч. сред. р. **тому** гр. 2 «к **томъ** дворищъ», **то** гр. № 1, 2 — «и на **то** дали смо **ему** свои лист... (2), **томъ** гр. № 2, 3 — «а при **томъ** были старци...» (3) ¹. Кроме того следует отметить еще членную форму местоимения **тъ** в вин. п. ед. ч. м., жен. и сред. р. **потерьжаемъ** **тѡі** лист гр. № 2, **твю** землю **ѡчистим** гр. № 3, **торгъ** **вчинили** **тѡѡ** дворище...» гр. № 1, 2. Во множ. числе муж. р. им. и вин. п. п. — гр. № 1 — «**тогда** **тыи** имають пред ними **голдовати**» и «**слюбумъ** за **тыхъ** **штожь** **будуть** **дома**».

¹ В гр. № 3 это местоимение находим и в род. п. ед. ч. жен. р. «**с** **тѡѡ** **земли**».

В членной форме выступают в грамотах и местоимения **оныи** гр. № 1 — «тогда **оныи** маеть... приѣхати...» — им. п. ед. ч. муж. р.; **иныи** гр. 1 — «...голдovati тако како **иныи** воеводы голдо. или...» — им. п. мн. числа муж. р.; **иных** род. п. мн. ч. муж. и жен. р. — «**иных** зѣмль» гр. № 1; «свѣдци Радко чижевскы Горлица велецкыи Коробка Игнат Кондратович и **иных** добрых много...» гр. № 2.

Среди указательных местоимений, встретившихся в грамотах, нужно отметить еще местоимение **сь(сии)**, которое находим в дат. п. ед. ч. муж. р. «к сему листу» гр. № 1; в твор. п. ед. ч. муж. р. — «сим... листом» гр. № 2 и форму им. п. ед. ч. жен. р. **сѣа** — «а писана **сѣа** грамота...» гр. № 2.

Местоимение **и-на-е** после предлога употребляется с **н** — «...маеть до него приѣхать...» род. п. ед. ч. муж. р. гр. № 1; «...имають пред ними голдовати...» тв. п. мн. ч. муж. р. гр. № 1.

От того же местоимения отметим форму дат. п. ед. ч. муж. р. «и на то дали смо емъ свои лист...» — гр. № 2 и род. п. ед. ч. муж. р. в выражении «его милости» гр. № 3.

Притяжательные местоимения представлены в грамотах несколькими примерами: **свои** и **нашь**. Местоимение **свои** встречается в род. п. ед. муж. — своего гр. № 1, 3 — «будеть оу своего господара...» (1), в вин. п. ед. ч. муж. и ж. р. — «дали смо емъ свои лист» гр. № 2, «печат есмо приложили свою столечную...» гр. № 2, в вин. и твор. п. п. мн. ч. муж. р. «пошлеть своихъ слугъ» гр. № 1 и «приѣхати и своими боары...» гр. № 1, 2.

Местоимение **нашь** находим почти во всех падежных формах муж. и жен. р.: им. п. ед. ч. муж. р. **нашь** гр. № 1, дат. п. ед. ч. муж. р. **нашемъ** гр. № 3, вин. п. ед. ч. муж. р. **нашего** гр. № 1, твор. п. ед. ч. муж. р. **нашимъ** гр. № 1, 2, род. п. ед. ч. жен. р. **нашей** гр. № 1, тв. п. ед. ч. жен. р. **нашею** гр. № 2 и вин. п. мн. ч. жен. р. **наши** гр. № 1.

В притяжательном значении употребляется и форма его род. п. ед. ч. муж. р. — **господарь его** гр. № 1, **дѣтем его** гр. № 2.

Интересно отметить форму род. п. ед. ч. жен. р. **еи** — «и еи сына Ивана...» гр. № 2, где и вместо ожидаемого **ѣ**.

Встречается в грамотах и местоимение **кто** в форме вин. п. **кого** гр. № 1 и дат. п. **комъ** гр. № 2, 3.

Местоимение **весь** встретилось всего лишь один раз в твор. п. ед. ч. ср. р. «с вѣм правом...» гр. № 2.

И, наконец, следует еще отметить местоимение **каждому** «...каждомъ комъ боудет потреба» — дат. п. ед. ч. муж. р. — гр. № 2 (14), которое известно и другим памятникам древнерусской письменности (Ср. Новгород. 1-ую лет. — вси 6 князь кождо с своими бояры и дворяны придоша в шатьръ ею).

Прилагательные

Эта часть речи представлена в рассматриваемых грамотах довольно значительным количеством примеров (21 пример), но большая часть слов (10 слов) употребляется в составе различных церковных фразеологизмов, как, например: «пречистыя богоматере — гр. № 2, пресвятої богородици — гр. № 3, стго и славного пророка предтечы и крестителя господна іоанна...» — гр. № 2, церковь божию гр. № 3, смиренны — гр. № 2 и т. д.

Из качественных прилагательных встретилось всего лишь одно в гр. № 2 в дат. и тв. пп. ед. ч. и род. мн. — «кождою добромъ», «ис добрым правом», «...иных добрых много...» которое также употреблено в выражениях фразеологического характера.

Относительные прилагательные с суф. -н (из -ьн). «Печать есмо приложили свою столечную» — вин. п. ед. ч. жен. р. гр. № 2.

С суффиксом -ск (из -ьск): род. п. ед. ч. муж. р. — «печерскаго монастыра» — гр. № 3; дат. п. ед. ч. муж. р. «архимандритъ печерскомъ» — гр. № 3; им. ед. ч. муж. р. «ключникъ печерский», «зставник печерский» — гр. № 3. Имеется еще группа прилагательных, которые образованы с помощью суффикса -ск от существительных собственных, обозначающих названия стран или государств, городов: «за... воеводу земли молдавскоѣ...» род. п. ед. ч. жен. р. — гр. № 1; «Господарь его и нашъ Владиславъ полский, литовский и русский...» им. п. ед. ч. муж. р. — гр. № 1. В гр. № 2 и 3 находим такое же образование от названий городов: «епископъ самборьский» — им. п. ед. ч. муж. р. гр. № 2; «...а потписал са есми под печатію мещанина киевскаго...» род. п. ед. ч. муж. р. гр. № 3.

Из приведенных примеров видно, что местоименная форма прилагательных является единственной формой прилагательных, встретившихся в данных грамотах.

Притяжательные прилагательные представлены всего лишь одним примером с суффиксом -ев (-ов) в гр. № 1 «подлугъ королевѣ воли...» — род. п. ед. ч. жен. р.

Числительные

Цифры, как правило, в наших грамотах обозначаются буквами. Из 15 примеров употребления цифр только в 5 случаях цифра или число названо словом. Числительное один встретилось в форме сред. р. вин. п. ед. ч., но с существительным, которому оно относится, в падеже не согласуется: «...не имаетъ ни одно слова речи...» гр. № 1.

Встретилось также и числительное два, причем нарушений в согласовании его нет, «дати нам слободы на два годы...» — гр. № 3.

В гр. № 3 находим сложное числительное патдесат: «...давать с тоє земли... з годъ на год паатдесат гроши» и, наконец, следует упомянуть числительное **тысяча**, которое употребляется в обозначении даты как самостоятельно, так и в сочетании с числительным порядковым: «под лѣты розества христова тисачъ т. ч. в. (395) лѣта» — гр. № 1 и «...под семои тисач лѣта.» — гр. № 2.

Глагол

Глагольные формы 1 и 2 лица настоящего времени в рассматриваемых грамотах отсутствуют.

3-ье лицо глаголов представлено всего лишь двумя примерами и оба имеют окончание **-ть**: «...што лежить коу... дворищъ а так съ всѣм правом штожь коли к томъ дворищъ прислушало и прислушаеть...» гр. № 2.

В 1 л. мн. ч. — окончание только **-мъ**: «Вызнаваем — гр. № 2, потеръжаем — гр. 2.

Будущее время засвидетельствовано в грамотах как простыми формами, так и сложными. В 3 л. ед. ч. будущего простого, как и в настоящем времени — окончание **-ть** — пошлеть — гр. № 1.

В 1-м л. мн. ч. окончание **-мъ**: слюбуемъ — гр. № 1; очистим — гр. № 3. В 3 л. мн. ч. также находим окончание **-ть** — приѣдутъ — гр. № 1.

Кроме того употребляется будущее время и от глагола быти — 3 лицо ед. и мн. ч. будетъ — гр. № 1, 2, будутъ — гр. № 1.

Из приведенного можно заключить, что формы с **-ть** (мягким) преобладают.

Будущее сложное время образуется с помощью вспомогательного глагола имѣти (мати) и инфинитива — 3 л. ед. и мн. ч. маеть приѣхати — гр. № 1, не имаеть ни одно слова речи — гр. № 1, тогда тыи имають пред ними голдовати слюбити...» — гр. № 1, ѿ тоє имаеть намолвити — гр. № 1, и только один случай встретился с глаголом быть в 1 л. мн. ч. — а коли мы не бѣдем с тоє земли дани полнити на црковь божію...» гр. № 3.

Прошедшее время представлено в грамотах формой перфекта и со вспомогательным глаголом и без него. Вспомогательный глагол употребляется, главным образом, в 1 л. мн. ч.: слюбили есмо — гр. № 1, привѣсили есмо — гр. № 1, дали смо — гр. № 2, приложили есмо — гр. № 2, били есмо челом — гр. № 3, и только один пример 1 л. ед. ч. — подписал са есми — гр. № 3.

Однако можно встретить употребление 1 л. мн. ч. и без вспомогательного глагола: «и мы слюбили и голдовали» — гр. № 1. В остальных случаях — 3 л. ед. и мн. числа — вспомогательный глагол не употребляется: 3 ед. ч. — и продал ѿкол

дворище — гр. № 2, штожь коли к томъ дворищъ прислоушало... — гр. № 2 пожаловал нас землею — гр. № 3, а писал крилошанин печерский гр. № 3.

3 л. мн. ч. — како ины воеводы голдовали и чинили — гр. № 1, иж торг межи собою вчинили ѿ тое дворище — гр. № 2, а при том были свѣдци — гр. № 2, 3.

Из приведенного видно, что перфект в грамотах является единственной формой прошедшего времени и употребляется как со связкой, так и без нее.

Следует еще отметить употребление инфинитива в значении повелительного наклонения: и его милости дати нам слободы на два годы — гр. № 3, а нам давати с тое земли — гр. № 3, тое земли ѿ пресвятоі богородици не ѡводити — гр. № 3, архимандритъ тую землю ѿ нас ѡтнати и дати комъ его милость зволит — гр. № 3.

Причастия представлены в грамотах очень ограниченным количеством примеров: три примера на действительные причастия и два — на страдательные.

Действительные причастия настоящего времени встретились только с суф. -уч., -юч. Так, от глагола быти имеется полная форма дат. п. мн. ч. **боудячим** — гр. № 2. Встречаем и краткую форму **повѣдаючи**, а также один случай краткого причастия прошедшего времени с суф. **ш** (**ъш**), у которых отсутствует согласование со словами, к которым они относятся, и они выступают в функции современных деепричастий: пришедши пред нас ѡкол ис кондратом повѣдаючи иж торгъ межи собою вчинили... — гр. № 2.

Страдательные причастия прош. вр. встречаем в им. п. ед. ч. жен. р.: а писана сѧ грамота и дана оу вѣлчи гр. № 2.

Наречия

Наречий в рассматриваемых грамотах очень мало. Встретились нам два наречия времени: **нинѣ** и **потом** — «...комъ боудет того потреба нинѣ и потом боудячим...» — гр. 2, наречие места — **дома** — «...за тыхъ штожь будутъ дома» — гр. № 1.

Служебные слова

Предлоги. Эта группа слов представлена в грамотах довольно обильно. Почти все так называемые первообразные предлоги нашли здесь свое отражение.

Предлог **без** — безо указывает на отсутствие кого-нибудь или чего-нибудь: «Безо лсти без хитрости» — гр. № 1.

Для указывает на цель: «...для лѣпшеѣ свѣдомости» — гр. № 2.

до употребляется в пространственном значении и обозначает направление: «...приѣхать до него» — гр. № 1.

ѿ также выражает пространственные отношения: «...а нам гое земли ѿ псеватоі богородици не ѡводити» — гр. № 3 или «...тую землю ѿ нас ѿ нати...» — гр. № 3.

у употребляется в пространственном значении и указывает место, где совершается действие или находится кто-либо или что-либо. Предлог **у** может передаваться и через **в**. Такую замену можно рассматривать как явление чисто фонетического диалектного характера, которое широко распространено как в русских говорах (южных и отчасти северных), так и в современном украинском языке. В польском языке в настоящее время имеются оба предлога, и употребление их разграничено. «Коли наш господарь будеть оу своего господара и в нашего крола...» — гр. № 1.

Мы рассмотрели предлоги, употребляющиеся с родительным падежом. Теперь следует остановиться на предлогах, встречающихся с дательным падежом:

к — в грамотах употребляется только с дательным падежом и выражает пространственные отношения — название предела, конечного пункта движения, хотя может обозначать и временные отношения. «Не приѣдутъ с нашимъ господаремъ Стефаномъ коу голдованию...» — гр. № 1 или «...што лежить коу Шестовича дворищъ а такъ съ всѣмъ правомъ штожь коли к томъ дворищъ прислушало...» — гр. № 2.

Из примеров явствует, что предлог **к** выступает также и в форме **коу**, которая появилась в грамотах, очевидно, под влиянием польского языка, где она бытует и в настоящее время. Современный украинский и белорусский языки, хотя и знают предлог **к**, но употребляется он очень редко.

Предлоги с винительным падежом: **в** встречается лишь в гр. № 2 при указании даты написания грамоты: «... мѣа октября въ ... день...». **за** указывает лицо или предмет, на который направлено действие: «...и слюбил есмо за нашего господара Стефана...» — гр. № 1.

Предлог **на** употребляется в грамотах довольно часто (12 раз) и выражает различные отношения: пространственные при обозначении направления действия: «...а нам дават с тое земли на церковь божию...» — гр. № 3, временные: «...дати нам слободы на два годы...» — гр. № 3 или «...прислушааетъ на вѣки дѣтемъ его...» гр. № 2.

Употребляется предлог **на** и для указания праздника (дня какого-нибудь святого) при обозначении даты: «...на святогоу лоуку евангелиста под лѣты...» — гр. № 2, при указании имени: «...и сынами на има з Гринемъ и з Дешкомъ» гр. № 3.

о — выражает объект речи или мысли: «...торгъ межю собою вчинили... о тое дворище» гр. № 2.

С творительным падежом встретились предлоги: **межи**, **под**. Первый обозначает совместность, соучастие: «...и торгъ межю собою вчинили...» гр. № 2, второй — может обозначать место действия: «...а потписал са есми под печатью мещанина киевскаго...» — гр. № 3, употребляется в соответствии с сов-

ременным русским с: «...дали смо емъ свои лист под печатію нашею...» гр. № 2. Предлог **под** встречается и при обозначении даты: «под семой тисач лѣта...» — гр. № 2 или «..под лѣты рождства христова...» — гр. № 1, 2.

Предлог **при** употребляется с местным падежом: «...а при том были...» гр. № 2, 3.

С родительным и творительным падежом употребляется в грамотах предлог **с**. Основное его значение — совместность, соучастие. С родит. пад. он указывает направление действия: «...а нам дават с тое земли...» — гр. № 3; «...не приѣдутъ с нашимъ господарем» — гр. № 1.

Предлог **с** встречается в рассматриваемых грамотах в различных видах: **с**, **со**, **з**, **ис** «...а кондрат имаеть ис того дворища... дати нам...» гр. № 2; «...Со Иванцом Меховичом» — гр. 3; «...своими сынами на има з Гринем а з Дешком» — гр. 3; «околь ис Кондратом» — гр. № 3; «...ис добрым правом ис огородом и садом...» — гр. № 2. **Пред** находим в грамотах с винительным и творительным падежом. Он обозначает место, где происходит действие или находится кто-нибудь или что-нибудь: «...имають пред ними голдовати...» гр. № 1 и «...пришедши пред нас околь...» — гр. № 2.

По употребляется с винит. и мест. падежом. С винительным падежом выражает пространственные отношения с указанием направления действия к кому-либо или чему-либо. «...Пошлетъ по нашего господара...» — гр. № 1. С местным падежом мы находим его с временным значением. «...Дати нам и по нас боудчим епископом» гр. № 2.

Наконец, следует еще отметить наречный предлог **подлзгъ** (на основании, согласно), который употребляется с родит. падежом: «...подлугъ королевъ воли...» гр. № 1.

Союзы. Среди сочинительных союзов самыми распространенными являются союзы **и** (41 раз) и **а** (17 раз).

А употребляется как в функции противительной, так и присоединительной. Чаще всего он встречается в грамоте № 3 (11 раз). В противительном значении: «...о то нашъ господарь Стефанъ не имаеть ни одно слова речи ао Ц цин и о Хмелевъ...» — гр. № 1; «...а коли мы не будем с тое земли дани полнити...» — гр. № 3.

Присоединительном: «...продал окол дворище Кондратови... ис огородом и садом..., а так съ всѣм правом» — гр. № 2; «...а при том были свѣдци и иных добрых много а писана сіа грамота...» — гр. № 2; «...сынами на има з Гринем а з Дешком...» — гр. № 3.

И присоединяет как отдельные члены предложения, так и целые предложения: «...тогда оныи маеть до него приѣхати и своими боары и с паны слюбити и голдовати...» гр. № 1;

«...торг межи собою вчинили о тоє дворище и продал окол дворище...» (гр. № 2).

К сочинительным союзам присоединительного типа относятся и союз **также**, который имеет еще разновидность **такѣжь**.

И. И. Срезневский в своих «Материалах» указывает, что **такѣжь** представляет собой западнорусскую форму союза **также**¹.

Подчинительные союзы представлены в рассматриваемых грамотах бóльшим количеством примеров. Здесь можно выделить союзы изъяснительные, к которым относятся: **што** — гр. № 2, **штожь** — гр. № 1, 2, **ижь** — гр. № 2, **еже** — гр. № 3: «...такѣжь слюбуемъ за тыхъ штожь будутъ дома...» — гр. № 1; «...продал окол дворище... ис огородом и садом што лежить коу Шестовича дворища...» — гр. № 2; «...Пришедши пред нас околь ис кондратом повѣдаючи ижъ торг межи собою вчинили...» — гр. № 2; временные: **коли** гр. № 1, 2, **тогда** — гр. № 1 «...коли нашъ господарь будетъ оу своего господара...» гр. № 1; «...а кого коли господарь нашъ... пошлетъ своихъ слугъ... тогда тыи имають...» — гр. № 1. Союз **коли** может употребляться и в условном значении: «...а коли мы не бѣдем с тоє земли дани полнити...» — гр. № 3.

В условном значении выступает в грамотах и союз **кеды**, который является заимствованием из польского языка (ср. польск. *kie dy* — когда) «...кеды коли кроль... пошлетъ по на(ше)го господара Стефана тогда...» — гр. № 1. В качестве союза цели употребляется **штобы**: «...Били есмо челом его милости штобы... пожаловал нас землею церковною...» — гр. № 3.

Со сравнительным значением употребляются союзы **како** — гр. № 1, **ако** — гр. № 1. «...слюбити и голдовати тако како иньи воеводы голдовали и чинили...» — гр. № 1.

Частицы

В рассматриваемых грамотах встретились лишь отрицательные частицы: **не**, **ни**. Частица **не** находится в отрицательных предложениях при глаголах: «...не приѣдутъ с нашимъ господаремъ...» — гр. № 1; «...а нам тоє земли ѿ пресвятоѿ богородици не ѿводити...» — гр. № 3; «...а коли мы не бѣдем...» — гр. № 3.

Частица **ни** также употребляется в отрицательных предложениях, в которых отрицание выражено частицей **не**. Частица **ни** здесь относится к существительному и выполняет, кроме отрицательной, усилительную функцию: «...господарь Стефанъ не имаеть ни ѿдно слова речи...» — гр. № 1; «...не ѿводити а ни знамени своеѿго...» — гр. № 3.

¹ См. П. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусск. яз.: т. III, стр. 916.

3. СИНТАКСИС

В отношении синтаксических явлений исследуемые грамоты дают достаточно ясное представление. Здесь мы находим и простые (15 примеров), и сложные (12 примеров) предложения. Так, в гр. № 1 из четырех простых предложений два являются личными полными распространенными. Первое предложение, с которого начинается грамота, имеет подлежащее, выраженное словосочетанием «панове боаре» в соединении с личным местоимением мн. ч. им. п. **мы**. Далее идет поименование этих бояр в виде приложения: «Мы панове боаре панъ братуль и панъ станиславъ и панъ михаль и панъ шандръ слюбуемъ и слюбили есмо за нашего господара Стефана воеводу земли молдавскоѣ» и второе личное предложение. «ѡ то нашъ господарь Стефанъ не имаеть ни ѡдно слова речи».

Подобные предложения мы встречаем и в гр. № 2: «А кондрат имаеть ис того дворища... и роботы постъ дати нам и по нас боудвчи епископом».

Из приведенных примеров видно, что подлежащее находится, как правило, препозиционно в отношении сказуемого. Однако, встречаются примеры (только 2) и с обратным порядком: «...а при том были свѣдци...» гр. № 2, 3.

Встречаются в грамотах и предложения определенно-личные, т. е. такие, в которых отсутствует, согласно нормам древнерусского языка, личное местоимение при глаголе-сказуемом, стоящем в 1 л. и во 2 лице. В этом местоимении не было необходимости, т. к. форма глагола-сказуемого указывала на лицо. «Также слюбуемъ ѡ коломыю и ѡ снатинъ и ѡ покутье» — гр. 1 или «И на крѣпость сему наши печати привѣсили есмо к сему листу под лѣты розства христово...» — гр. № 1.

«И на то дали смо емъ свои лист под печатю нашу...» — гр. 2.

Такие, определенно-личные, предложения могут входить и в состав сложных предложений.

Интересно отметить случай употребления краткого страдательного причастия в функции сказуемого. «а писана сѧ грамота и дана оу вѣличи мѧ октября въ. и. днь» — гр. 2.

Безличные предложения представлены в грамотах всего лишь тремя примерами: «а нам давати с тое земли на церковь бжю з годъ на год патдесат гроши» — гр. № 3; «а нам тое земли ѡ пресвятой богородици не водити» — гр. № 3; «а ни знамени своего ни... не водити» — гр. № 3.

Значительным количеством примеров представлены в грамотах и сложные предложения (12 примеров). Среди них преобладают предложения сложноподчиненные. Здесь находим предложения с придаточными условными: «а коли мы не

бѣдем с тое земли дани полнити на црковь бжїю и его милости архимандритѣ тѣю землю ѿ нас ѿнати и дати комѣ его милость зволит» — гр. № 3.

Временными: «а ѿ цецин и ѿ хмелевъ коли наш господарь будетъ оу своего господара и в нашего крола Владислава полского ѿ тое имаеть намолвити и ѿ бровна ти подлугъ кролевы воли» — гр. № 1.

Придаточными предложениями цели: «...а... на има Исидор ис своими сынами на има з Гринем а з Дешком били есмо челом его милости штобы его милость пожаловал нас землею црковною в порѣчьи...!» — гр. № 3.

С придаточными дополнительными: «пришедши пред нас ѿколь ис кондратом повѣдаючи иж торг межи собою вчинили ѿ тое дворище» гр. № 2.

В приведенном примере в главном предложении нет глагола-сказуемого. Обе формы представляют собой именные причастия действительного залога. Мы полагаем, что здесь несомненно имеет место ошибка писавшего грамоту. Во втором случае (повѣдаючи) должно быть причастие на -л.

Следует еще также отметить и сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными.

«Кеды коли кроль господарь его и нашъ Владиславъ полский литовский и руский иных земель пошлетъ по на/ше/го господара Стефана тогды ѿныи маеть до него приѣхати и своими боары и с паны слюбити и голдовати тако како ныи воеводы голдовали и чинили и тако како коли ныи слуги панове его чи/ни/ли» — гр. № 1.

Словоуказатель

Имена существительные

№ п/п.	№ гр.	№ п/п.	№ гр.
1. архимандритъ	3	16. гривна	2
2. богъ	1, 2	17. грошь	3
3. бог ѿмтръ	2	18. дань	3
4. Богородица	3	19. дворище	2
5. боаринъ	1	20. день	2
6. братиѣ	3	21. дѣти	2
7. воевода	1	22. земля	1, 3
8. вѣкъ	2	23. знама	3
9. волѣ		24. има	3
10. вѣра	2	25. индиктъ	2, 3
11. годъ	3	26. июнь	3
12. голодование	1	27. ключникъ	3
13. господарь	1	28. креститель	2
14. господинъ	3	29. крилошанинъ	3
15. грамота	2	30. кроль	1

№ п/п.	№ гр.	№ п/п.	№ гр.
31. крѣпость	1	49. предтеча	2
32. лесть	1	50. пророкъ	2
33. листь	1, 2	51. рожство	1, 2
34. личба	2	52. садъ	2
35. лѣто	1, 2, 3	53. свѣдомость	2
36. мѣсаць	2, 3	54. свѣдци	2
37. мещанинъ	3	55. сентабрь	2
38. милость	2, 3	56. слобода	2
39. монастырь	3	57. слово	1
40. огородъ	2	58. слуга	1
41. октябрь	2	59. старецъ	
42. ѡецъ	3	60. сынъ	2, 3
43. панъ	1	61. торгъ	2
44. печать	1, 2	62. вставникъ	3
45. полатникъ	3	63. хитрость	1
46. порѣчье	3	64. церковь	3
47. постъ	2	65. чело	3
48. право	2		

Имена прилагательные

1. божии	2, 3	9. пресвятая	3
2. господинъ	2	10. пречистая	2
3. добрый	2	11. святый	2
4. киевский	3	12. славный	2
5. кролева	1	13. смиренный	2
6. лѣпшая	2	14. столечная	2
7. перемышльскый	2	15. христово	1, 2
8. печерский	3	16. церковный	3

Имена числительные

1. два	3	4. семья	2
2. ѡдно	1	5. тисача	1, 2
3. патдесат	3		

Местоимения

1. вьсь	2	8. ѡныи	1
2. иныи	1, 2	9. свои	1, 2, 3
3. кождыи	1, 2	10. сеи	1, 2
4. кто	1, 2, 3	11. тотъ	1, 2
5. мы	1, 2, 3	та	3
6. нашъ	1, 2, 3	то	2, 3
7. онъ	1, 2		

№ п/п.	№ гр.	№ гр.	№ п/п.
Глаголы			
1. бити	3	16. писати	3
2. быти	1, 2, 3	17. повѣдати	2
3. давати	3	18. пожаловати	3
4. дати	2, 3	19. послати	1
5. водити	3	20. привѣсити	1, 2
6. визнавати	2	21. приѣхати	1
7. голдовати	1	22. приложити	2
8. зволити	3	23. прислушати	2
9. имѣти	1, 2	24. приидти	2
10. лежати	2	25. продати	2
11. мати	1	26. речи	1
12. молвити	1	27. слюбити	1
13. ѿтнати	3	28. чинити	1
14. ѿтводити	3	29. вчинити	2
15. потписатиса	3		
Наречия			
1. дома	1	3. нинѣ	2
2. много	2	4. потом	
Частицы			
1. не	1, 2	2. ни	1, 3
Предлоги			
1. без (безо)	1	9. на	1, 2, 3
2. в	1, 2, 3	10. над	1, 2
3. для	2	11. по	1, 2
4. до	1	12. под	1, 2, 3
5. за	1, 2	13. подлуг	1
6. ис	2, 3	14. пред	1, 2
7. к	1, 2	15. при	2, 3
ку	1, 2	16. с, со, з	1, 2, 3
8. межи	2	17. оу	1, 2, 3
Союзы			
1. а	1, 2, 3	7. также, такѣжь	1
2. иже, еже	1, 2, 3	8. тогда	1
3. и	1, 2, 3	9. што	2
4. како	1	10. штобы	1, 2, 3
5. кеды	1	11. што жь	1, 2
6. коли	1, 2, 3		

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>И. Г. Голанов.</i> Основные положения русской орфоэпии	5
<i>И. Я. Блинов.</i> Достоевский и живое слово	25
<i>Е. А. Василевская.</i> К проблеме сложного слова	39
<i>Л. А. Дерibas.</i> Значение и употребление местоимения «весь», наречия и частицы «всё»	73
<i>Н. И. Мишина.</i> Значение и употребление слова «один» в русском языке	94
<i>И. А. Метлина.</i> Синонимические конструкции с отлагательным именем существительным или инфинитивом в роли подлежащего	113
<i>О. Д. Митрофанова.</i> Некоторые морфологические процессы в личных собственных именах с суффиксами «субъективной оценки» в современном русском языке	134
<i>Б. И. Фоминых.</i> Синтаксическая структура заглавий	153
<i>С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов.</i> К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений	174
<i>Я. И. Рословец.</i> Предложно-падежные формы в предикативной функции в современном русском языке	196
<i>Л. К. Чикина.</i> Словосочетания неглагольных существительных с зависимым наречием	217
<i>А. И. Аникин.</i> Вводные сочетания слов в современном русском языке (образование на основе имен)	242
<i>И. П. Святогор.</i> Повторы как средство синтаксической связи реплик в современном русском языке	257
<i>З. С. Юферева.</i> Бессоюзная причинная связь в современном русском литературном языке	282
<i>В. П. Ананьева.</i> К вопросу о формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода на —И, —Ы, —ОВЕ, —А в «Казанском летописце»	312
<i>Р. С. Астрина.</i> Адъективные словосочетания с дательным беспредложным в русском языке XVII—XVIII вв.	329
<i>Г. В. Карпюк.</i> О лексико-стилистическом своеобразии обращений (по материалам писем Петра I)	344
<i>Е. Л. Скаржинская.</i> Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом «коли»	365
	461

	Стр.
<i>Ю. В. Фоменко.</i> К вопросу об именном склонении в русской письменности XVII века	392
<i>З. С. Медведева.</i> К вопросу о происхождении и основе древнерусского литературного языка (О взглядах академика А. А. Шахматова)	413
<i>Т. Ф. Алексеева.</i> Из наблюдений над языком трех южнорусских неопубликованных грамот из архива В. А. Розова	437

Ученые записки
Московского государственного педагогического
института имени В. И. Ленина
№ 148

РУССКИЙ ЯЗЫК
Статьи и исследования

Выпуск 10
Под общей редакцией проф. *И. Г. Голанова*

Технический редактор *А. Л. Зак*

Л—1132354. Подп. к печ. 16.IX.1960. Форм. 6. 60 × 92¹/₁₆.
Печ. л. 29 + 3 вкл. Уч.-изд. л. 30,65. Тираж 1000 экз.
Изд. МГПИ им. В. И. Ленина, Москва, М. Пирогов-
ская ул., д. 1.

Цена 17 руб. 40 коп. (с 1.I.1961 г. — 1 р. 74 к.)

Типография, пр. Сапунова, 2. Зак. 328.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
16	1 св.	пораллели	параллели
45	24 св.	Вацлав Ягич	акад. В. Ягич
57	19 св.	цѣвѣтъ	цвѣтъ
58	2 св.	учения	Чтения
"	4 св.	показаня	показание
"	"	к вопросившем	к вопросившим
59	8 св.	родословия	родословия
65	8 св.	предпозитивный	препозитивный
66	10 св.	вследствии	вследствие
"	14 св.	треминами	терминами
225	16 св.	Так по себе	так себе
234	20 св.	потому	потом
235	3—4 св.	Алесима	Альсима
"	3 св.	Круцифирский	Круциферский
316	17 св.	лижуютъ	лижут
323	13 св.	Казань	Казань
326	2 св.	мин.	мн.
329	2 св.	XXXIX	LXXXIX (89)
332	26 св.	В виду	Ввиду
362	2 св.	из	по
383	11 св.	Как, господине	коли, господине
424	2 св.	руссий	русский
433	14 св.	«об» усвоении	об «усвоении»
455	2 св.	П. И.	И. И.
461	7 св.	Н. И.	К. И.
"	9 св.	И. А.	Н. А.
"	"	отлагательным	отлагольным

Зак. 328

Цена 17 руб. 40 коп.

После 1.1.1961 г. — 1 руб. 74 коп.